СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

VI

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМ. Н. Я. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор издания
директор Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
М. И. Артамонов

Члены редколлегии: *С. Н. Замятнин и Т Н. Книпович*

Редактор издательства А. Л. Якобсон

Технический редактор Н. Г. Редько
Корректор В. А. Заветновский

Сдано в набор 10 января 1940 г. —
Подписано к печати 20 июня 1940 г. —
323 стр.+5 вклеек. Форм. бум. 70×108
см. — $20^1/_4$+5 вклеек. печ. л. — 29,02
уч.-авт. л. — 57.344 тип. зн. в л.—
Тираж 2000. — М. 17964. АНИ № 582.—
РИСО № 807. — Заказ № 42.

★

2-я типография Огиза РСФСР треста
„Полиграфкнига" „Печатный Двор"
им. А. М. Горького, Ленинград,
Гатчинская, 26.

Напечатано с матриц в типо-литографии „Илутрюк",
ЭССР, Тарту, ул. 21 июня.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

Стр.

А. П. Окладников (Ленинград). Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии . . 5
Е. Ю. Кричевский (Ленинград). Трипольские площадки . 20
В. И. Равдоникас (Ленинград). Неолитический могильник на Онежском озере 46
О. Н. Бадер (Москва). Могильник в урочище Карабай близ д. Балановo в Чувашии 63
Б. Б. Пиотровский (Ленинград). Урартская бронзовая статуэтка Гос. Музея Армении 89
Т. Н. Книпович (Ленинград). Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища 92
М. А Наливкина (Ленинград). О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма . . . 107
А. Ю. Марти (Керчь). Детское погребение IV в. до н. э. из кургана близ Тиритаки . . . 120
М. И. Артамонов (Ленинград). Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии . . 130
А. Тереножкин (Ташкент). Археологические разведки в Хорезме . . 168
В. Ф. Гайдукевич (Ленинград). Памятники раннего средневековья в Тиритаке 190
А. Л. Якобсон (Ленинград). Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика 205
Б. А. Рыбаков (Москва). Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. 227
Л. Мусхелишвили (Тбилиси). Раскопки в Дманиси 258

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

Б. Смирнов (Архангельск). Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе 289
Я. И. Гуммель (Ханлар). Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка 293
В. Ф. Гайдукевич (Ленинград). Находка античного бронзового штампа в Тиритаке . . 298
Т. Н. Книпович (Ленинград). Раскопки некрополя на территории северо-восточной части верхнего города в Ольвии в 1938 г. . . 302
А. Н. Зограф (Ленинград). Об афинской декадрахме Гос. Исторического музея 304
М. А. Наливкина (Ленинград). Новая находка рельефа в Херсонесе . 307
Н. Н. Воронин (Ленинград). Новые памятники русской эпиграфики XII в. 309

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Г. И. Петров (Ленинград). Завершение дискуссии о природе питекантропа 316

SOMMAIRE

MÉMOIRES ET MATÉRIAUX

Pages

A. Okladnikov (Léningrad). L'homme néanderthalien et les vestiges de sa culture dans l'Asie Centrale 5
E. Kričevskij (Léningrad). Les «plateformes» de Tripolje . 20
V. Raudonikas (Léningrad). Un cimetière néolithique sur le lac Onéga . 46
O. Bahder (Moscou). Le cimetière de Karabaj près du village de Balanovo en Tchouvachie 63
B. Piotrovskij (Léningrad). La statuette de bronze d'Urartu du Musée d'Etat d'Arménie 89

T. Knipovič (Léningrad). La nécropole à la périphérie nord-est d'Olbie . . . 92
M. Nalivkina (Léningrad). Sur quelques cimetières de l'époque antique dans le nord-ouest de la Crimée 107
A. Marti (Kertch). Une sépulture enfantine du IVe siècle avant notre ère dans un tumulus des environs de Tyritaké 120
M. Artamonov (Léningrad). Sarkel et quelques autres bourgs fortifiés du nord-ouest de la Chazarie . . . 130
A. Terenožkin (Tachkent). Fouilles archéologiques en Chorezme. .
V. Gajdukevič. Monuments du début du moyen âge à Tyritaké . . . 190
A. Jacobson (Léningrad). Contribution à l'histoire de l'architecture médiévale en Crimée. II. La basilique de Mangup 205
B. Rybakov (Moscou). Marques de propriété dans l'économie princière de la Russie Kiévienne aux X—XIIe siècles . 227
L. Muscheliśvili (Tbilisi). Fouilles de Dmanisi 258

BRÈVES COMMUNICATIONS

V. Smirnov (Arkhangelsk). Communication preliminaire sur la station de Kuznečicha 289
J. Hummel (Chanlar). Tombeaux de brique d'Azerbaïdjane non cuite et leur datation 293
V. Gajdukevič (Léningrad). Trouvaille d'un coin en bronze ancien à Tyritaké 298
T. Knipovič (Léningrad). Fouilles d'une nécropole dans la partie nord-ouest de la ville haute à Olbie en 1938 302
A. Zograph (Léningrad). A propos du décadrachme athénien au Musée Historique de l'État 304
M. Nalivkina (Léningrad). Une nouvelle trouvaille de relief à Chersonèse . . . 307
N. Voronin (Léningrad). Nouveaux monuments de l'épigraphie russe au XIIe siècle 309

CHRONIQUE ARCHÉOLOGIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

G. Petrov (Léningrad). Clôture de la discussion sur la nature du pithécanthrope 316

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия Наук СССР.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИАН — Известия Академии Наук СССР.
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра.
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
ИИМК — Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
Древности. ТМАО — Древности. Труды Московского археологического общества.
МАР — Материалы по археологии России.
МОГАИМК — Московское отделение ГАИМК.
Проблемы — Проблемы истории материальной культуры (с 1934 г. — Проблемы истории докапиталистических обществ).
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СГАИМК — Сообщения ГАИМК.
Тр. . АС — Труды I—XV Всероссийских археологических съездов.
AM — Mitteilungen des K. Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
RM — Mitteilungen des K. Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
BCH — Bulletin de correspondance hellénique.
BGA — Bibliotheca Geographorum Araborum.
MAA — Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne wydéwany staraniem komisyi antropologicznaj Akademii umiejetności w Krakowie. Kraków.
PAWA — Proceedings of the Section of Science. K. Akad. v. Wetensch. te Amsterdam.
ZW — Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej wydawany staraniem komisyi antropologicznéj Akademii umiejetności w Krakowie. Kraków.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

НЕАНДЕРТАЛЬСКИЙ ЧЕЛОВЕК И СЛЕДЫ ЕГО КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-таш)

Неподалеку от границы Советского Союза с Афганистаном, в юго-западной части Узбекской ССР, вправо от долины Аму-дарьи располагаются отроги высокого Гиссарского хребта, известные под названием гряды Байсун-тау. Вдоль подножия гор расстилается выжженная солнцем полупустынная долина Ширабад-дарьи, одна из самых сухих и жарких местностей нашего Союза. Там, куда проникает вода из арыков, разбросаны земледельческие поселки, собирается богатый урожай хлопка, зеленеют плодовые деревья.

Выше кишлака Дербент река протекает в узких горных ущельях глубиною до 400 м и сдавленная скалами падает каскадами с крутых уступов; здесь местность приобретает все более суровый, а вместе с тем живописный характер.

От Дербента горная тропа через перевал Сары-шато по висячим мостам и карнизам скал ведет к кишлаку Мачай, расположенному в верхней части долины той же Ширабад-дарьи, называющейся здесь Турган-дарьей.

В 18 км на юго-восток от Мачая находится районный центр г. Байсун. Чтобы попасть в город, нужно преодолеть трудный перевал Геза (Майдонак). Этот путь ведет через юрский известняковый массив Байсун-тау (Кетмень-чапты), относительно пологий со стороны Мачая и круто обрывающийся к Байсуну.

Абсолютная высота горного массива, пролегающего между Байсуном и Мачаем, превышает здесь 2600 м.

Еще в июне—июле, когда внизу зреет виноград и наливаются яблоки, на голых каменистых вершинах Байсун-тау, изредка перемежающихся лужайками альпийского типа, лежат сверкающие пятна снегов.

Под ними начинает встречаться арчевый сланец в виде распластанных по камням кустов, поражающих плотностью ветвей и густой зеленью своей жесткой хвои. Еще ниже по склону возвышенности тянутся сплошные заросли арчевника.

Со стороны Мачая известняки прорезаны многочисленными извилистыми ущельями с крутыми, часто вертикальными стенами, имеющими вид каньонов. Все эти придающие местности своеобразный колорит ущелья или саи, как их называет местное население, по своему происхождению связаны с деятельностью воды. По ним можно составить наглядное представление о том, как вода постепенно углубляла дно таких каньонов. В верхней части многих ущелий имеется два или даже три яруса обрывов, по которым весной пробегают ручьи.

На дне ущелий, где есть плодородная земля, бурно развивается растительность. Здесь произрастают: гигантские арчи (древовидный можжевель-

ник) до 8—9 м высотою, горный клен, горький миндаль и шиповник. В арчевниках обитают кабаны, по скалистым склонам и обрывам саев можно встретить группы горных винторогих козлов. Из птиц здесь чаще всего встречаются орлы-стервятники, горные голуби и куропатки-кеклики, вырывающиеся нередко с громким криком из-под самых ног пешехода.

С ущельями-саями связаны и многочисленные пустоты в известняках — навесы и гроты. Пещеры карстового типа с длинными коридорами здесь, однако, редки. Для северо-западного склона Байсун-тау, обращенного к Мачаю, характерны, прежде всего, щелевидные навесы и гроты, уходящие в глубь горного массива соответственно направлению и наклону пластов и связанные с поперечными уступами-ярусами, пересекающими саи. Такова, например, группа гротов ущелья Амир-Темир, расположенных ступенчато один над другим. Эти гроты, низкие, но широкие и довольно глубокие, имеют часто боковые разветвления. С пола их поднимаются сталагмитовые колонки, а с потолка свисают небольшие сталактиты. На полу часто можно встретить небольшие лужицы чистой и приятной на вкус воды, падающей каплями со сталактитов. В других случаях, когда подобные ярусы-уступы отсутствуют, т. е. русло сая в основном уже сформировалось, гроты располагаются по боковым стенам ущелья. Эти гроты в большинстве не столь обширны и глубоки, но зато более высоки и сухи. Местное население широко использует многочисленные гроты в качестве убежищ, главным образом для скота. Каждый сколько-нибудь значительный грот имеет собственное название. Со многими из них связаны различные поверья и легенды. Некоторые гроты являются объектами почитания. Рассказывают, что в гроте Катта-курган, находящемся на левом берегу Турган-дарьи, обитает громадная белая змея (Катта-джилан), владеющая несметными сокровищами этой горы. Грот Амир-Темир связан, как и многие другие пещеры Средней Азии, с именем Тамерлана. У входа в грот стоит священная арча, к которой он, по преданию, привязывал своего коня Известно, что такая же «пещера Тамерлана», где по преданию спасались его войска от угрожавших им врагов, находится в 50 км от Шахризябса и в 80 км от Таш-кургана по реке Якка-баг.

Интересно, что, по сообщению греческого историка Квинта Курция, во время походов Александра Македонского в Согдиану согдиец Аримаспасел с 30 000 войска и съестными припасами на два года в удивительной пещере на одной из гор нынешнего Гиссарского хребта. По описанию Курция эта гора имела высоту в 30 стадий, а окружность в 150 стадий. Она была отвесна со всех сторон и доступна для восхождения лишь по узенькой тропинке. Посредине ее высоты находилась пещера с узким и темным входом, но постепенно расширяющаяся, с многочисленными закоулками в глубине. Пещера эта повсюду источает, как писал Курций, ручьи, соединенные воды которых образуют речку, сбегающую по скатам горы.

Кроме следов пребывания в пещерах Байсун-тау современных пастухов и охотников в виде остатков кострищ, зольных наслоений и овечьего помета, в них встречаются и более древние — различного возраста, от времен Тимура и Александра Македонского до каменного века.

В одном из гротов Байсун-тау, известном у местного населения под названием Тешик-таш — буквально «Камень с отверстием (щелью)», обнаружены следы мустьерской культуры, а также остатки самого неандертальского человека. Грот Тешик-таш с мустьерскими остатками — один из трех соседних больших гротов, объединенных этим наименованием, находится в ущелье Заутолош-дара на очень большой высоте (около 500 м) по отношению к уровню реки Турган-дарьи. В этом месте ущелье представляет собою узкий каньон с отвесными или даже нависающими над тальвегом стенами. Ширина его не превосходит здесь 20 м, а высота стен превышает 40—50 м. Дно во многих местах загромождено массивными глыбами изве-

стняка, свалившимися со стен ущелья; однако выше и отчасти ниже места, где находится грот, ущелье значительно расширяется. Непосредственно над гротом поднимается еще склон возвышенности, поросший арчевником, а далее, вверх по склону, арча исчезает; видны только редкие кустики арчи-сланца, голые камни и лужайки с характерной для высокогорных поясов растительностью.

Грот находится в левой стене ущелья. Он открывается к северо-востоку широкой дугообразной аркой, высота которой достигает 7 м. Глубина грота 21 м, ширина 20 м. Площадка грота плавно поднимается вверх к скалистому уступу-барьеру, отделяющему ее от внутренней, небольшой по размерам части грота, куда не проникают лучи солнца. Грот вообще сухой, но по стенам его кое-где заметны известковые натеки, из трещины на своде в некоторых местах медленно капает вода, с деятельностью которой связано разрушение как самого свода, так и отложений грота.

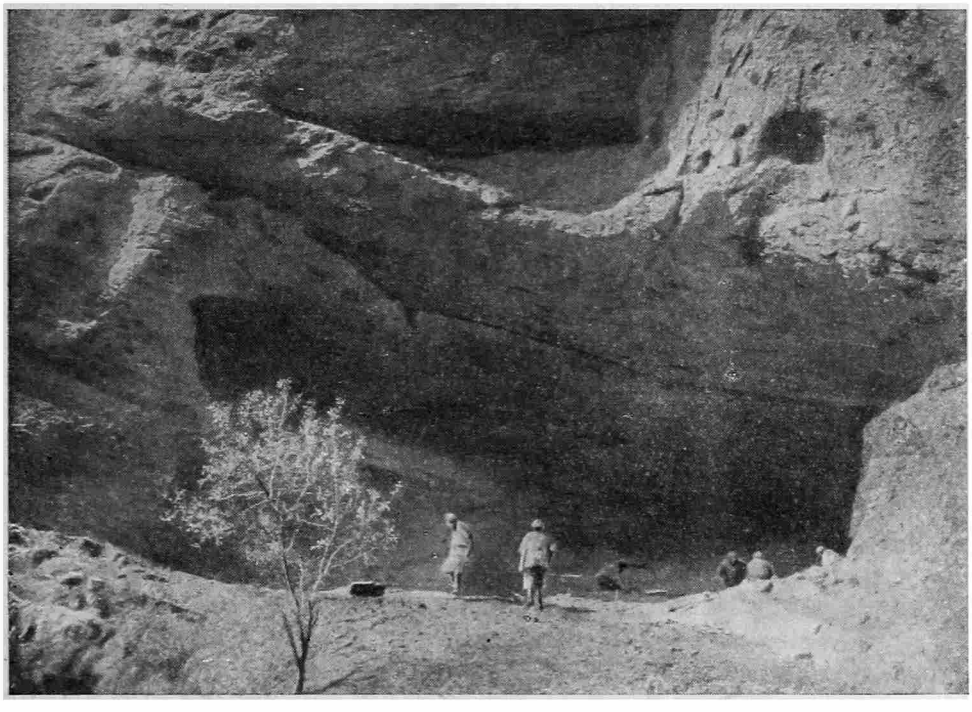

Рис. 1. Грот Тешик-таш. Общий вид в момент раскопок (июнь—июль 1938 г.).

В узком ущелье, где нет пастбищ и мало воды, пастухам с их стадами делать нечего, охотники также попадают сюда сейчас очень редко. Поэтому в гроте нет ни мощных зольных слоев, столь характерных для многих других гротов этой местности, ни гумусных отложений — продукта разложения овечьего помета. Пол покрыт только слоем светложелтой глинистой земли и камней, свалившихся со свода. Местами, в ямках, образованных каплями воды, падающими со свода, уже при первом моем посещении были обнаружены побелевшие фрагменты костей животных и обломки известняка с явными следами искусственной обработки человеком. Раскопки грота показали, что сразу же под верхним слоем действительно залегал древний культурный слой. [1]

Под ним был прослежен горизонт, не давший никаких находок. Затем следовали культурные слои в количестве четырех, также отделенные друг от друга стерильными прослойками. Характерно притом, что культурные

[1] Работы производились по поручению Узбекистанского комитета по охране и изучению памятников материальной культуры (Узкомстарис) и ИИМК АН СССР.

слои и стерильные прослойки отличались друг от друга по своему общему «литологическому» составу.

Культурные слои представляли обычно более или менее тонкие прослойки углисто-черного цвета, что объясняется примесью мельчайших частиц древесного угля и, очевидно, разложившихся органических веществ. Они были связаны с желтым глинистым пластом, в котором обнаружено много щебенки и крупных камней.

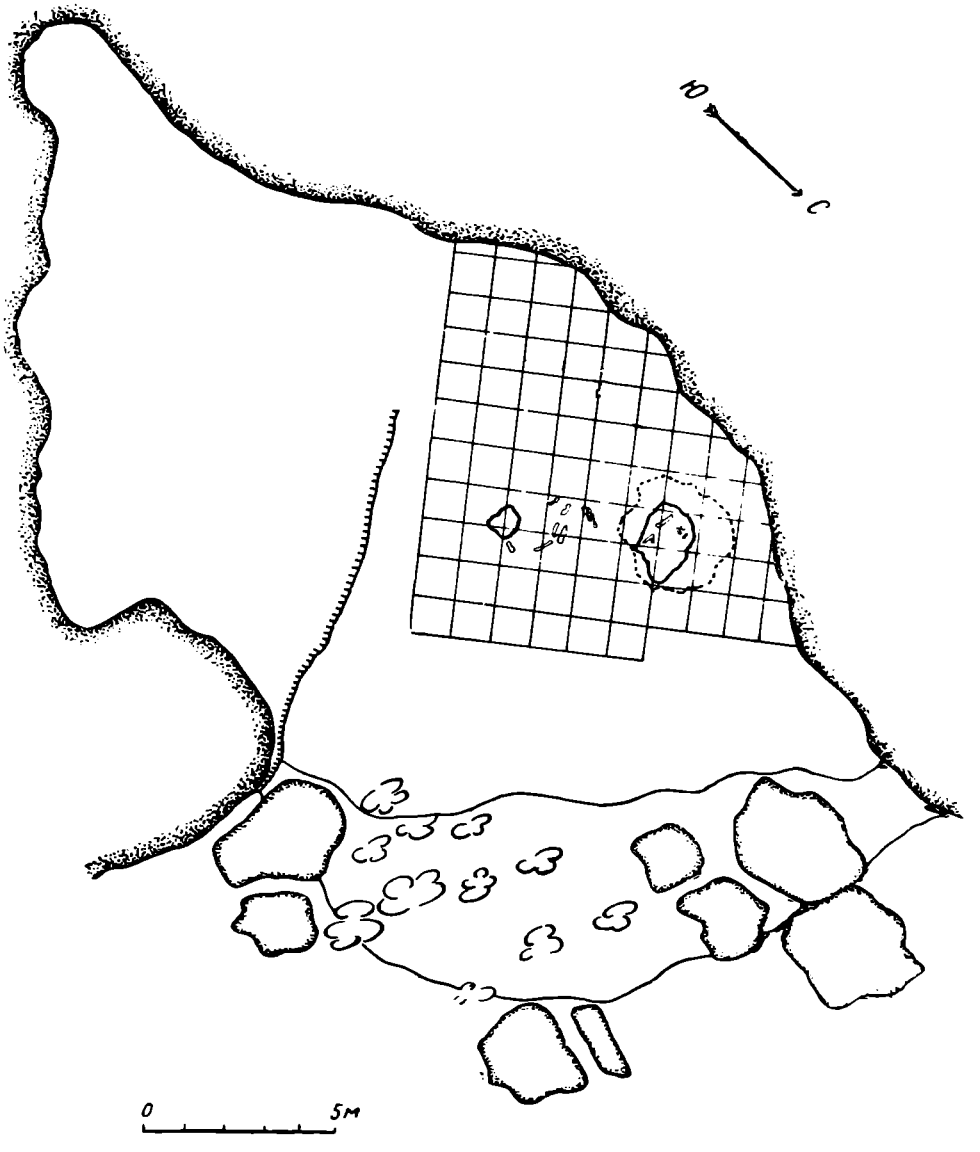

Рис. 2. План грота Тешик-таш. На плане обозначены границы раскопа: жирной линией — очаги, пунктиром — границы углистого пятна у очажной площадки, рядом рога козла (слой 2б — четвертый сверху). Линия навеса опущена.

Стоило снять культурный слой и пласт, в котором он находился, как под ним сразу же обнажалась ровная поверхность стерильной прослойки. Стерильные прослойки, там где они были хорошо выражены, представляли собою плотные глинистые пласты желтовато-бурого цвета и мелкослоистой структуры. В них ясно видно было чередование более мелких, относительно тонких и толстых, светлых и темных прослоек. Камни и даже щебенка в прослойках отсутствовали. Мощность стерильных прослоек варьировала точно так же, как и мощность культурных слоев, из которых наибольшей

толщины достигал первый сверху слой. Общая мощность наслоений грота, содержавших культурные остатки, включая и стерильные прослойки, не превышала 1,2 м. Они подстилались грубой щебенкой, лежавшей прямо на скале.

Культурные наслоения целиком не сохранились. Их разрушение продолжалось и в недавнее время, как показали наблюдения над ямками, образованными каплями воды, падающими со свода. Размывание культурных слоев шло, очевидно, параллельно с разрушением наружной части грота и углублением его внутренней половины. Прежде наружная часть грота, несомненно, была больше, а свод его выдавался значительно дальше. Об этом свидетельствуют прежде всего огромные глыбы известняка, свалившиеся сверху и составлявшие часть древнего свода. О том же можно судить и по залеганию культурных слоев, внизу почти горизонтальному, причем все слои там круто обрывались по линии размыва в ступенчатой последовательности, т. е. таким образом, что нижние выступали больше, чем верхние; последние, естественно, сильнее пострадали от размыва. Прежде эти слои простирались, несомненно, гораздо дальше, а площадь, занятая культурными остатками, была значительно больше. Существенно также, что нижние культурные слои выклиниваются в глубь грота больше, чем верхние, а первый сверху слой простирается в этом направлении дальше всех остальных.

История грота, следовательно, может быть представлена так: первоначально он был более обширен и замкнут, дно его в виде большой чаши заполняла щебенка и камни, нанесенные тем же потоком, который и образовал его. Когда поверхность грота стала относительно ровной, туда пришли люди, оставившие нижний (пятый сверху) культурный слой. Затем моменты заселения, совпадавшие с отложением крупной щебенки и камней, вновь сменялись периодами, в течение которых человек не появлялся в гроте. Возможно, что в это время внутри грота существовал стоячий замкнутый бассейн, на дне которого спокойно отлагался ил, покрывавший культурные остатки предшествующего времени. Ко времени отложения первого сверху культурного слоя и особенно впоследствии происходило усиленное разрушение грота: его свод в наружной части обрушился. Внутренние воды грота, находившие свободный выход вниз по склону, медленно, но настойчиво смывали рыхлые наслоения и разрушали культурные слои. В связи с ускорением этого процесса люди верхнего слоя, очевидно, и заняли до того необжитую внутреннюю часть площадки перед скалистым уступом; культурный слой этого времени заполнил и небольшое углубление, образованное в результате частичного нарушения нижних слоев около этой части грота. Грот был, таким образом, заселен и посещаем людьми в течение очень продолжительного времени, на протяжении которого, возможно, имели место различные изменения и в естественной среде.

Время, когда грот служил жилищем для человека, достаточно определенно выясняется и по одним только археологическим данным. Уже первый сверху культурный слой грота дал весь необходимый для этого материал, который хорошо согласуется с находками, сделанными в других четырех слоях. Находки, сделанные в первом культурном слое Тешик-таш, особенно важны еще и потому, что ими археологически датируются остатки человеческого костяка, лежавшие непосредственно под первым слоем.

Как и в остальных культурных слоях, основным материалом для изготовления орудий здесь служил местный кремнистый известняк, в котором встречаются желваки и прослойки темносерого, почти черного цвета, плотной структуры, хорошо поддающиеся раскалыванию и обработке ретушью. Кремень исключительно редок. Вместо кремня для изготовления лучших изделий применяли яшмовидную породу зеленого цвета, кварцит и какую-то породу вулканического происхождения серовато-черного цвета. О недо-

статке хорошего материала наглядно свидетельствует широкое применение обыкновенного кварца, грубые обломки и отщепы которого встречаются во всех слоях.

Несмотря на отсутствие хорошего материала, техника обработки камня не носит отпечатка особой грубости и по всем своим признакам обнаруживает связь с техникой обработки камня, характерной для классических памятников развитого мустье.

Наличие кремнистого известняка, добывавшегося в любых количествах неподалеку от грота, — возможно в том же ущелье — обусловило относительное обилие отбросов производства и нуклеусов: последние насчитываются десятками.

Нуклеусы представлены как грубыми неправильно-дисковидными формами, небрежно ограненными, так и классическими для мустье — двусторонне-дисковидными. Имеются в том числе и использованные до конца, отработанные нуклеусы (рис. 3, *1а*, *1б*, *1в*).

Заготовки для орудий представлены многочисленными отщепами, снятыми с таких дисковидных нуклеусов. Отщепы часто обладают довольно правильной, треугольной формой. Ударный бугорок — обычно сильно выпуклый и массивный, с резко выраженной меткой от удара. Во многих случаях ударный бугорок находится не на одном из двух концов отщепа или пластины — вдоль ее длинной оси, а сбоку. На большинстве отщепов ясно видна широкая, характерно изогнутая, извилистая ударная площадка, образующая тупой угол с верхней плоскостью отщепа. На площадках некоторых отщепов или пластин, так же как и на изготовленных из них орудиях, имеются дополнительные фасетки — следы предварительной подтески нуклеуса, с которого они были сняты. Известно, что этот последний признак не является результатом вторичной обработки отщепа, а связан с особым техническим приемом отделения пластин от ядрищ, который свойствен памятникам с традициями архаической техники [1] (рис. 4, *9а*, *9б*, *9в*).

Пластины из верхнего и из остальных слоев Тешик-таш в ряде случаев имеют на одной из своих верхних граней следы естественной корки, указывающей, что они скалывались при начальной отеске большого и грубого куска камня, первичного нуклеуса, чаще всего имевшего вид плитки, удлиненным очертаниям которой и соответствовали размеры и форма пластины-скола. Есть и отдельные, очень правильные по очертаниям, плоские и длинные, но всегда относительно широкие пластины с одним или даже двумя ребрами на спинке. При всей правильности своей формы такие пластины имеют характерно скошенную широкую и плоскую ударную площадку; массивный ударный бугорок расположен обыкновенно наискось, а не вдоль длинной оси пластинки. Часть наиболее широких и массивных пластин близко напоминает пластины типа Леваллуа. Их верхняя сторона покрыта широкими плоскими фасетками, направленными со всех сторон от краев к центру (рис. 4, *1*, *2*, *3*).

Что касается орудий из камня, то при внимательном осмотре нетрудно убедиться, что и нуклеусы в значительной своей части служили не только как материал для изготовления орудий, но и как орудия. На многих нуклеусах хорошо видны следы употребления в виде выбоин и зазубрин на острых краях, а также признаки преднамеренной подправки их. Кроме того, из всей массы нуклеусов и нуклевидных кремней выделяются специальные предметы, которые можно обобщить в две группы: а) рубящие орудия; б) скребла. Наиболее интересны изделия первой группы: они массивные, подтреугольных удлиненно-овальных или миндалевидных очертаний, с острыми волнистыми лезвиями и линзовидным сечением. Один

[1] Ср.: С. Н Замятнин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937, стр. 20—21.

конец их, обычно, утолщен, другой заострен. Подобные изделия, как известно, нередки в поселениях мустьерского времени. Если в одних слу-

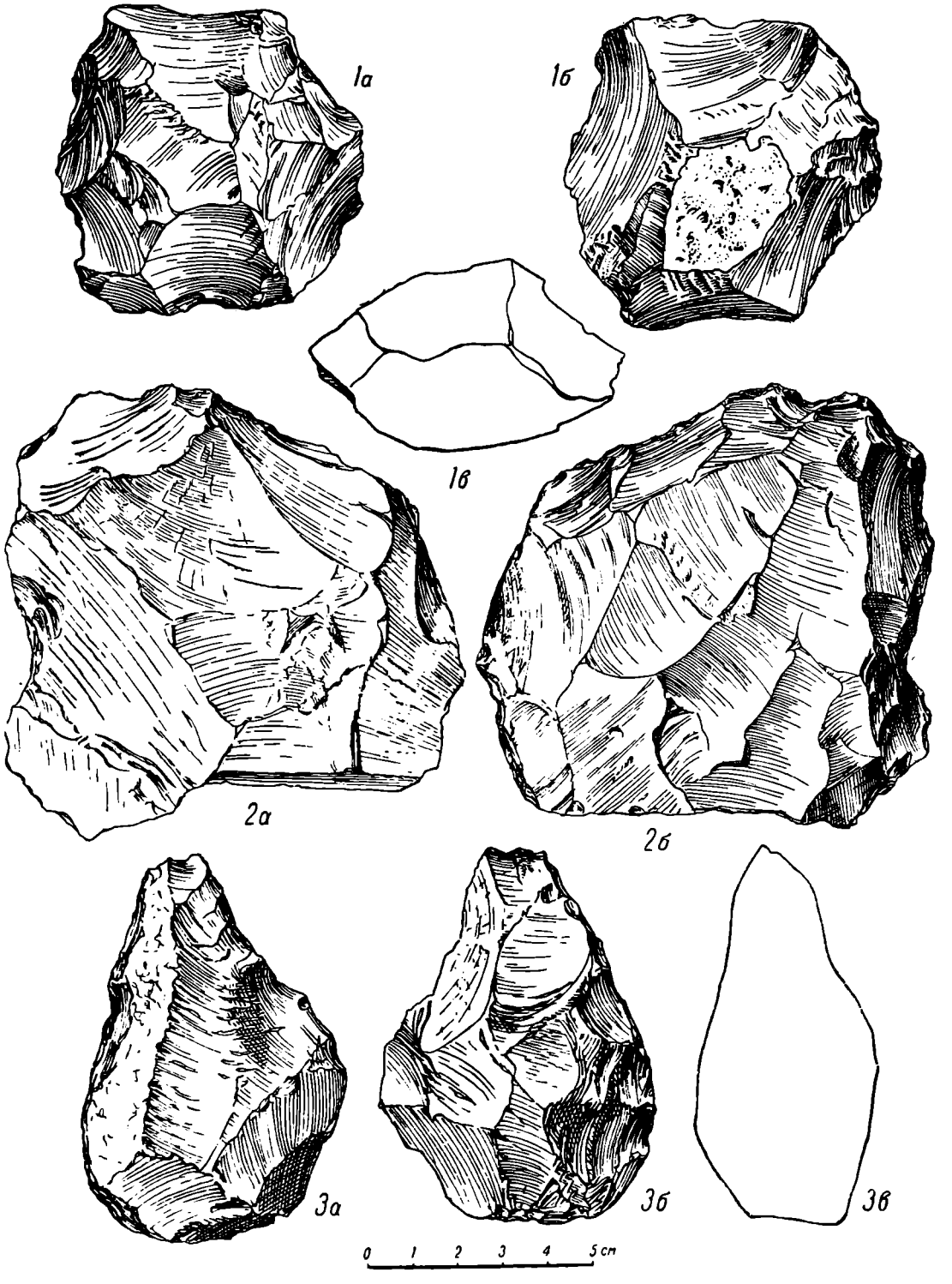

Рис. 3. Кремневые орудия из пещеры Тешик-таш.

1а, 1б, 1в — дисковидный нуклеус, слой 1; *2а, 2б* — скребло из слоя 2 (третьего сверху); *3а, 3б, 3в* — грубое рубильце, слой 2 (третий сверху).

чаях они являются только отработанными и в таком виде использованными дисковидными нуклеусами, то в других случаях «приготовлялись намеренно и по своей технике вполне сходны с «ручным рубилом», т. е. бывают обтесаны с обеих сторон, отличаясь от последних только своими

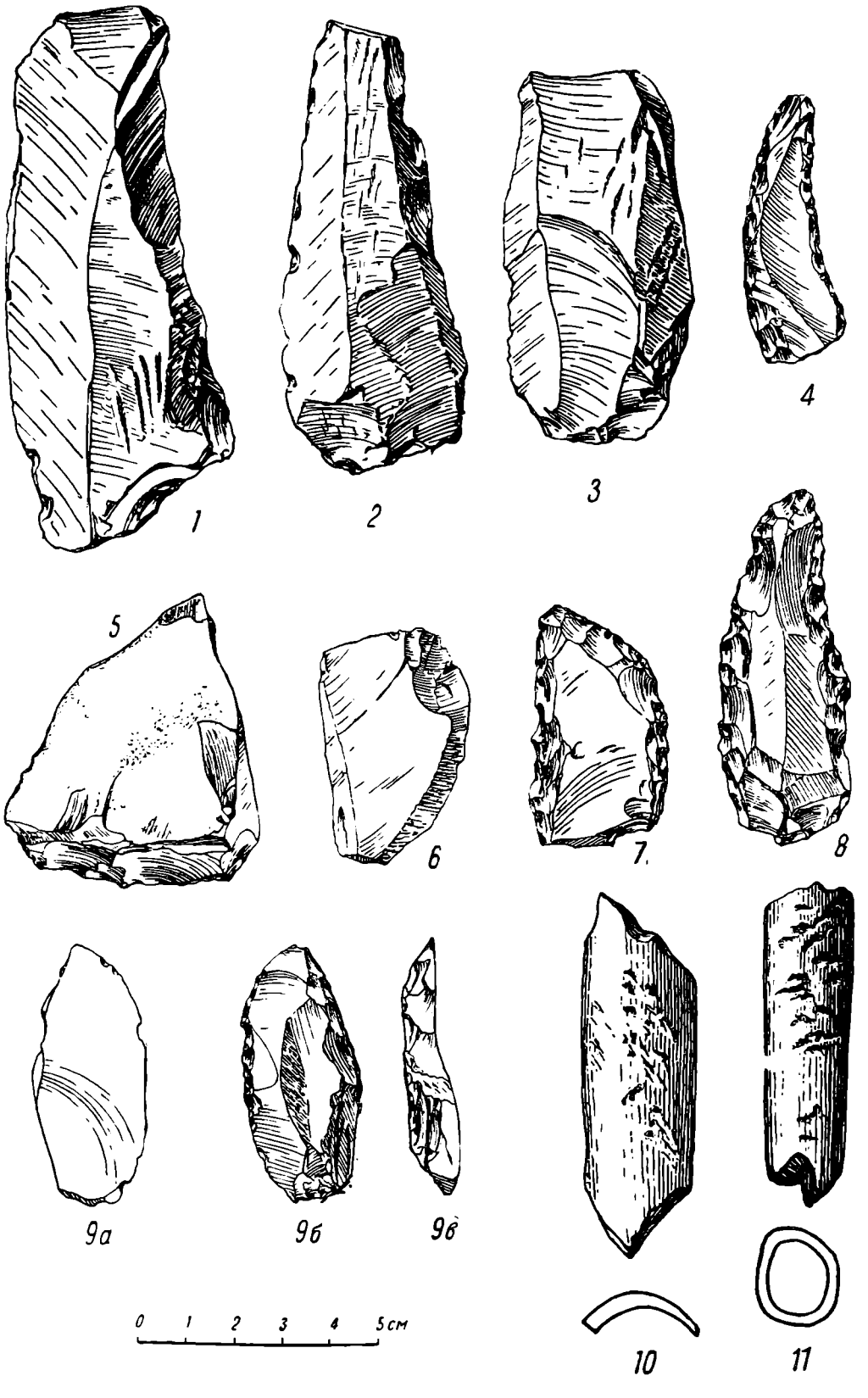

Рис. 4. Каменные и костяные изделия из пещеры Тешик-таш.

1, 2, 3 — пластины, слой 1; *4* — остроконечник, слой 1; *5* — скребло, слой 1; *6* — орудие с резцовыми сколами, слой 1; *7* — остроконечник, слой 2б (четвертый сверху); *8* — остроконечник, слой 2б (четвертый сверху); *9а, 9б, 9в* — отщеп с ретушью, площадка имеет следы подправки на нуклеусе, ударный бугорок сбоку, слой 2 (третий сверху); *10, 11* — наковаленки из трубчатых костей козла, слой 1.

округлыми очертаниями». [1] Вообще же среди остальных находок в Тешик-таше есть и еще более яркие образцы грубых «рубил», преднамеренно изготовленных из галек, приемами двустороннего отесывания.

Скребки и скребла — обыкновенных для мустье типов на массивных отщепах или плитчатых обломках — оформлены характерной мустьерской ретушью, ступенчатой, иногда с нависающим сверху карнизом. В первом слое имеются скребла только с прямым и выпуклым лезвием по одному краю (рис. 4, *5*).

Следующая и наиболее характерная категория каменных орудий — остроконечники. В первом слое их найдено шесть Все они небольшого размера, выделывались из широких треугольных пластин, сколотых с дисковидного нуклеуса. Ретушь, такая же как и на скребках, имеется только на одной стороне — спинке. Форма их обычная — подтреугольная.

Один остроконечник отличается клювовидно-изогнутыми очертаниями (рис. 4, *4*). Внешний край его дугообразно-выпуклый, утолщенный и обработанный крутой ретушью, приспособлен для упора пальцев. Он явно представляет спинку; противоположный вогнутый край, острый и тонкий, обработан мелкой тщательной ретушью. Нет сомнения, что в нем мы имеем настоящее режущее острие.

В качестве настоящих ножей (без особой обработки) применялись крупные пластины правильной формы. Они часто имеют по краям зазубрины и выбоины. Некоторые из них обработаны вдоль обоих краев со спинки тщательной ретушью. На некоторых отщепах и массивных пластинах встречаются следы сколов резцового типа, превращающих их в грубые орудия типа бокового резца (рис. 4, *6*).

Кроме того, следует отметить и галечки со следами ударов, с затупленными и волнообразно-сбитыми краями. В них можно видеть гальки-отбойники, употреблявшиеся при изготовлении каменных орудий.

В отличие от таких мустьерских памятников, как, например, Чокурча, в Тешик-таше не найдено настоящих костяных орудий. Тем не менее, на многих костях встречаются надрезы, царапины и штрихи, сделанные рукою человека при помощи каменных орудий (при отделении мяса или сухожилий от кости). Царапины или штрихи располагаются обычно группами на длинных костях в поперечном направлении около эпифизов, на лопатках — у гребня и эпифизов. Среди костей животных из слоев Тешик-таша, начиная с первого, есть настоящие «наковаленки»-ретушеры, столь характерные для мустьерских памятников и непосредственно связанные с техникой нанесения «контрударной» мустьерской ретуши (рис. 4, *10*, *11*); кроме того, заслуживают быть отмеченными обломок трубчатой кости со срезанным (?) концом и длинный осколок метоподия козла, конец которого намеренно приострен и превращен в шиловидное острие.

Инвентарь нижних слоев в основном сходен с инвентарем верхнего слоя и не дает оснований для более детального хронологического расчленения всей толщи культурных отложений грота. Особо следует упомянуть найденные во втором сверху культурном слое два крупных с крутыми лезвиями массивных «скребла», отесанных с обеих сторон, а также грубое рубильце и изящный остроконечник из зеленой яшмы (четвертый слой) (рис. 3, *2а*, *2б*; *3а*, *3б*, *3в*; рис. 4, *7*, *8*).

Рассматривая инвентарь грота Тешик-таш в целом, следует, таким образом, признать, что и по формам изделий, и по технике обработки камня он носит все основные черты, свойственные памятникам развитого мустье. Наиболее близкие аналогии для этих находок мы встречаем на Кавказе и в Крыму (например нижний слой Ахштырской пещеры по раскопкам С. Н. Замятнина; нижний слой грота Шайтан-коба по раскопкам

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 1938, стр. 262.

Г. А. Бонч-Осмоловского) и дальше на юг — в южном Курдистане (грот Hazar Merd), в Палестине (пещера Et-Tabun и другие, исследованные Д. Гаррод и ее сотрудниками).

Находки, сделанные в гроте Тешик-таш, дают также представление о жизни его древних обитателей и об окружавшей их среде. Как показало изучение фаунистических остатков, выполненное В. И. Громовой, животный мир того времени был близок современному горному. Вблизи грота, в арчевых зарослях, обитали кабаны; по скалам и ущельям водился сибирский козел (*Capra sibirica*), вместо которого теперь здесь живет винторогий козел, представитель более южных областей, дикая лошадь (*Equus caballus*), кости которой найдены в гроте, также отсутствует в составе современной фауны.

Рис. 5. Рога козла в культурном слое.

Кроме того, определены кости леопарда (*Felis pardus*), оленя (марал?), сурка (*Marmota* sp.) и пищухи (*Ochoton* sp.). В списке определимых костей животных, извлеченных из грота, отмечено абсолютное преобладание костей горного козла. Козлу принадлежат 649 костей из общего количества 667. Лошади принадлежали только 2 кости (одна особь), оленю — 1, кабану — 2 (от двух особей), леопарду — 1, пищухе — 1, сурку — 7, птицам — 5. Характерно, что в ряде случаев культурные слои грота содержали огромные рога взрослых козлов, расположенные парами, т. е. в естественной связи, поодиночке или в отдельных фрагментах. На фоне однообразных обломков трубчатых костей такие рога представляют собой наиболее выразительные находки, как, скажем, бивни мамонта для других палеолитических памятников (рис. 5).

Основным источником существования для жителей грота, находившегося в горной, сильно пересеченной местности, куда, очевидно, не проникали толстокожие, была, следовательно, охота на горных козлов-кииков (*Capra sibirica*).

«Киик — житель высоких гор. Никогда не спускается он ниже семи с половиною тысяч футов, т. е. лишь до того места, где кончается лесная растительность, — пишет о горных козлах Д. Н. Кашкаров. — Вверх же он забирается до самых гребней, — до снега. Места он любит глухие, ска-

листые, малодоступные горные ущелья с нависшими скалами, обширными россыпями. Особенно он любит такие щели, где посредине протекает быстрый и холодный горный поток, а с боков возвышаются недоступные горы, куда он легко и свободно может взобраться, спасаясь от преследования. Там, где на скалах образуются уступы, карнизы, поросшие травою, чаще всего можно видеть киика, перепрыгивающего с уступа на уступ». [1]

Именно такой характер сохранила и сейчас местность, где находится грот Тешик-таш. Разница лишь та, что сибирский козел (*Capra sibirica*), как сказано, сменился в настоящее время винторогим козлом-маркуром, выходцем с юга. На кииков, особенно молодых, охотятся барсы. Они «всегда следуют за кииками, словно пастухи». В связи с этим вполне естественна находка в Тешик-таш остатков леопарда. Надо заметить, что охота на козла — совсем не легкое дело даже при современной технике. «Никакие препятствия не остановят его, когда он спасается от опасности. Там, где не сможет пройти никакое другое животное, где лишь дикие скалистые голуби да альпийские галки гнездятся по карнизам, уверенно и цепко карабкается он, цепляясь своими как бы стальными ногами за малейшие выступы, твердо и уверенно ставя ногу там, где казалось бы не на что ее поставить. прыгает киик бесстрашно, не боясь пропастей и высоты, с которой прыгает» (Кашкаров). Тем не менее, палеолитические охотники из грота Тешик-таш добывали не только молодых, но и старых, опытных самцов-кииков. Для этого нужно было в совершенстве знать повадки животного, обладать исключительной ловкостью и выносливостью. Что касается вероятных способов охоты, то, во-первых, охотники могли сбрасывать на козлов огромные камни; затем один из самых легких способов охоты на козла — это засада у водопоя, где киик, пролежав днем среди раскаленных солнцем скал и камней, утоляет свою жажду водой из ручья или источника в пещере. Наконец, в пересеченных ущельями горах могли устраиваться облавы-загоны, облегчавшие поимку разбившихся при падении в пропасть животных. Боится киик и глубокого снега, в котором он проваливается, вязнет, и скоро становится жертвой загонщиков. Все эти способы охоты могли быть известны обитателям грота Тешик-таш.

Относительно высокоразвитому охотничьему промыслу соответствует общий характер грота как места обитания мустьерских охотников. Многочисленные находки в гроте свидетельствуют о более или менее постоянном пребывании в нем человека, о периодическом возвращении его в грот даже после длительных перерывов. Люди жили, как мы видели, под прикрытием скалистого свода на площадке грота. Здесь постоянно горели их очаги, вокруг которых рассеяны кости съеденных животных, отбросы производства каменных орудий и сами орудия. И в этом отношении находки, сделанные в гроте Тешик-таш, отражают знакомые нам общие черты быта людей среднего палеолита, известные по другим пещерным памятникам мустьерского времени.

Самой неожиданной находкой в Тешик-таше и, вместе с тем, окончательным подтверждением правильности отнесения этого памятника к мустьерскому времени, явились костные остатки одного из его древних жителей. Уже в момент раскопок грота некоторые данные, сначала стратиграфические, а затем, в особенности, строение черепа и нижней челюсти, привели к выводу о их мустьерском возрасте. Дальнейшим изучением костей человека из грота Тешик-таш в Московском антропологическом институте I МГУ (сначала Я. Я. Рогинским, затем М. М. Гремяцким, Г Ф. Дебец и др.) установлена принадлежность их ископаемому человеку неандертальского типа — *Homo neanderthalensis* S. *primigenius*. По словам Г Ф. Дебеца, череп из Тешик-таша принадлежит ребенку 7—8 лет

[1] Д. Н. Кашкаров. Животные Туркестана. Ташкент, 1932, стр. 380—381.

и обладает следующими основными морфологическими признаками, характерными для неандертальцев Европы, Передней Азии и Африки:

«1) череп массивный,

2) крышка черепа низкая,

3) лоб сильно наклонный,

4) затылок выступающий и как бы сплюснутый в вертикальном направлении,

5) надбровные дуги в форме надглазничного валика,

6) плоские верхнечелюстные кости без собачьих ямок,

7) отсутствие подбородка,

8) крупные зубы». [1]

Что касается условий, в которых была сделана находка костных остатков неандертальского человека в гроте Тешик-таш, то необходимо отметить, что уже в самом начале раскопок, при первоначальной расчистке первого сверху культурного слоя, в его основании, на глубине 0,25 м от поверхности, у стены грота был замечен череп человека, лежавший теменем вниз, затылочным отверстием кверху. Череп был раздавлен и сплющен землей, но сохранность костей оказалась очень хорошей. На костях черепа, имевших желтоватую окраску соответственно земле, в которой они лежали, имелись пятна дендритов (рис. 6).

Зачистка слоя показала, что череп лежал непосредственно под первым культурным слоем и был перекрыт им, залегая таким образом ниже его, в углублении подстилающей стерильной прослойки. На том же уровне и в тех же условиях около черепа, в разрозненном состоянии, были найдены и другие кости скелета: первый шейный позвонок, фрагменты ребер, ключиц, плечевой кости и бедро. Между ребрами человека оказался копролит небольшого хищника. Некоторые из костей носят следы, повидимому, зубов хищника.

Кроме того, в первом культурном слое, непосредственно около остатков человека, находились крупные козлиные рога, все парами. Три пары рогов найдены были почти целиком. Одна из них сохраняла нормальное положение и помещалась почти вертикально, вверх основанием, острыми концами вниз. Другая, такая же, лежала плашмя. Два рога третьей пары были взаимно перекрещены и находились в горизонтальном положении, обращенные слегка наклонно в глубь земли остриями. С другой стороны, у скалы, в юго-западной части грота на плите известняка покоился один обломок рога, а несколько глубже — другой. Следующий рог, целый, лежал боком (т. е. плашмя) острием к черепу в 0,20 м от него, а рядом лежал фрагмент второго рога этой пары. Соединяя все отмеченные здесь рога замкнутой линией, получаем круг, внутри которого находились череп и другие кости человеческого скелета. Можно предполагать, что рога козлов были связаны именно с остатками человека. Интересно, кстати, что в Средней Азии и сейчас, как известно, рога козлов обязательно украшают могилы «святых», их надгробия — мазары, а почитание козла, связанное с доисламским культом солнца, прослеживается в горах Таджикистана.

Вполне допустима мысль о том, что в данном случае имело место настоящее захоронение, лишь нарушенное хищником сразу же после ухода людей из пещеры. Труп был зарыт неглубоко, вернее он был слегка забросан землею и разными отбросами, скопившимися на полу грота-жилища. Возможно, что

[1] Ознакомившийся с результатами раскопок в гроте Тешик-таш А. Хрдличка также пришел к выводу о принадлежности черепа неандертальскому человеку. Он указал на близость его к детским черепам из Ля-кина и Гибралтара и отметил, что это один из наиболее полных и лучше сохранившихся черепов неандертальцев (*Hrdlička Ales.* Important Paleolithic Find in Central Asia. Science, September 29, 1939, pp. 296—298).

его намеренно обложили при этом рогами козлов, расположенными попарно. по кругу В связи с этим заслуживают внимания еще два обстоятельства· 1) одна пара рогов носила следы обжига и около нее прослежены остатки кострища, 2) остатки человека принадлежали не взрослому, а ребенку. Наличие детских костей в мустьерских памятниках, довольно обычное даже при немногочисленности находок человеческих остатков этого времени, приводило многих исследователей к выводу о том, что люди древнекаменного века чаще, чем в более позднее время, становились жертвой несчастных случаев и умирали в незрелом возрасте. Для того чтобы правильно оценить этот факт и выводы, которые отсюда делаются, нужно учесть данные, свидетельствующие об относительно высокой культуре среднего палеолита в целом, об известной сложности мышления человека той отдаленной поры,

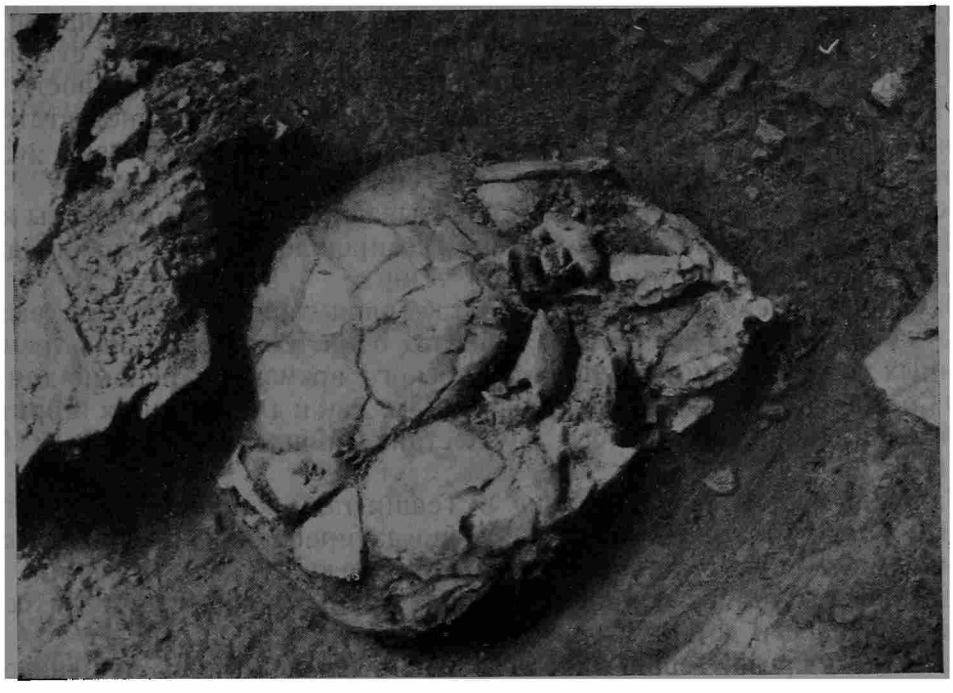

Рис. 6 Череп неандертальца in situ.

находящейся в бесспорной связи со всем развитием техники, хозяйства и быта мустьерского времени. В этот период, несомненно, увеличивается оседлость, намечается становление новых форм брака и происходят важные сдвиги в структуре общественных групп. Сравнивая материалы мустьерских памятников с более поздними, нельзя не обратить внимания на впервые для этого времени регистрируемый факт намеренного сохранения тел умерших людей, а также определенных частей тела некоторых животных (пещерного медведя).

Нельзя далее не вспомнить и того обстоятельства, что позднейшие погребения детей в жилищах бывают связаны именно с идеей вторичного появления умерших на свет и что поэтому детей хоронили в очагах (хозяйка очага у многих племен «хранит» и возвращает души младенцев обратно в семью, в род). Все то, что приобрело впоследствии стройные, законченные формы, могло, очевидно, возникнуть, хотя и в смутном и неопределенном виде, на стадии гораздо более ранней. И не с этой ли идеей о «возвращении», «вторичном рождении» человека в ее первоначальных туманных проблесках, а вовсе не с вымиранием неандертальцев в детском возрасте, связано и относительное обилие детских захоронений в пещерах мустьерского времени? Не об этом ли свидетельствуют как следы кострища у детского черепа из

Тешик-таша, так и, в особенности, замечательные захоронения в очажных ямах Ля-Ферраси? В круг зачаточных религиозных воззрений, возникающих в качестве ложных представлений о себе самом и об окружающем мире на почве бессилия дикаря в борьбе с природой, уже в очень раннее время входили, очевидно, и те представления, которые обусловили наличие «чашечных» камней в мустьерских захоронениях и, быть может, «круга» из рогов в гроте Тешик-таш.

Значение описанных выше находок понятно. На территории Средней Азии раньше вообще не было известно бесспорных следов каменного века, если не считать относительно поздние памятники эпохи металла, содержащие каменные орудия и отдельные случайные находки каменных изделий. Теперь наличие здесь следов каменного века, и притом столь ранних, не подлежит сомнению.

Находка первого мустьерского памятника в Узбекистане, давшего датированную археологическим материалом фауну, вместе с тем ставит ряд вопросов и перед представителями смежных дисциплин, в особенности перед геологами-четвертичниками, вынужденными констатировать недостаточную изученность четвертичного прошлого этой страны и отсутствие ясности в некоторых связанных с этим важных геологических вопросах.

Исследования грота Тешик-таш показывают существенные черты жизни человека на этом отдаленнейшем этапе его прошлого, раскрывают одну из начальных страниц истории Средней Азии.

Научное значение материалов грота Тешик-таш, разумеется, выходит далеко за пределы Средней Азии, ибо это один из относительно немногочисленных в СССР памятников мустьерского времени и первый для всей нашей Средней и Северной Азии, точно так же как и для соседних территорий центральной Азии (Китайского Туркестана, Монголии, Тибета и Манчжурии).

Находка костей неандертальца в Тешик-таш, как известно, является второй в Союзе (после Киик-кобы), точно датированной археологическими материалами. Кроме того, это первый в СССР доступный изучению череп неандертальца, один из немногих по полноте и сохранности среди остальных, в особенности детских, черепов неандертальцев.

Находки в гроте Тешик-таш в особенности ценны тем, что свидетельствуют о широком распространении неандертальской расы не только в Европе, Передней Азии и Африке, но и в малоизученных еще районах Внутренней Азии.

A. OKLADNIKOV

L'HOMME NÉANDERTHALIEN ET LES VESTIGES DE SA CULTURE DANS L'ASIE CENTRALE

RÉSUMÉ

La grotte de Tešik-Taš, où l'auteur a découvert en été 1938 des couches archéologiques moustériennes et des restes osseux de Néanderthaliens se trouve dans le sud-ouest de l'Ouzbékistan (Boukharie montagneuse), dans les contreforts de la chaîne de Ghissar (Bajsun-Taou ou, en cet endroit, Ketmen-Capty), à 18 km au NW de la ville de Bajsun, près du village de Mačaj (vallée du Turgan-Daria).

Les fouilles ont mis à découvert 5 couches archéologiques séparées par des intercalations stériles. Toutes renferment des objets moustériens: nucléus discoïdes, instruments tranchants grossiers, racloirs et grattoirs de types moustériens, pointes, lames assez régulières et silex à coups de burin. Les os d'animaux montrent des rayures et des incisions, dues aux instruments de pierre dont on se servait pour en séparer la chair. On a trouvé aussi des retouchoirs ty-

piques faits d'os tubulaires. Ce matériel indique le Moustérien évolué. La faune répond au relief montagneux fortement accidenté: *Capra sibirica*, *Felis pardus* *Equus caballus*, *Marmota* sp.?, *Ochoton* sp.?, *Cervus* (*elaphus*?). Les os de *Capra* prédominent quantitativement (649 sur 667 os déterminés).

On a découvert des foyers dans les couches archéologiques. Sous la première à partir d'en haut gisaient des ossements d'un enfant de 8—10 ans n'ayant pas conservé leurs connexions anatomiques. Leur étude a établi qu'ils appartenaient à un Néanderthalien typique (*Homo neanderthalensis* s. *primigenius*). Il s'agit évidemment d'une sépulture troublée ensuite par un carnassier. Près des ossements on a trouvé dans la couche archéologique de grandes cornes de *Capra* (5 paires dont 3 entières).

C'est ici la première trouvaille de restes moustériens dans l'Asie Centrale (où ils étaient inconnus jusqu'ici, de même qu'en Sibérie, en Mongolie et en Mandchourie) et la seconde trouvaille de restes de Néanderthalien en URSS. Les fouilles de la grotte de Tešik-Taš montrent que la race de Néanderthal était largement répandue non seulement en Europe, dans l'Asie Antérieure et en Afrique, mais aussi dans les parties encore peu connues de l'Asie Intérieure.

Е. Ю КРИЧЕВСКИЙ

ТРИПОЛЬСКИЕ ПЛОЩАДКИ

(По раскопкам последних лет)

Вопрос о назначении и конструкции так называемых «трипольских площадок» еще доныне остается неразрешенным Это объясняется, с одной стороны, несовершенством методических приемов полевой работы большинства археологов, раскапывавших интересующие нас памятники, с другой стороны, исключительной сложностью и своеобразием самих трипольских площадок. Наша попытка выяснить назначение, основные типы и конструкцию трипольских монументальных памятников основана на полевых исследованиях поселений трипольской культуры в урочище Коломищина, близ сел. Халепье Обуховского района Киевской обл. [1] Сопоставляя с нашими коломищинскими «залеганиями» все другие раскопанные и отмеченные в литературе памятники трипольской культуры, нетрудно выделить целую серию вполне аналогичных им сооружений и противопоставить им «залегания» различных других типов. Наши полевые исследования дают возможность предложить определенную классификацию монументальных памятников трипольской культуры с точки зрения конструкции и степени сохранности представленных ими сооружений. Определенный тип этих монументальных памятников Триполья выражают и наши коломищинские площадки. С них мы и начнем.

РАСКОПКИ НА КОЛОМИЩИНЕ

Площадка № 1, ур Коломищина (раскопки 1934 г.). После удаления верхнего черноземного покрова на глубине 0.18—0.63 м обнаружено залегание обломков обожженной глины, преимущественно красноватого цвета (рис. 1).

Там, где эти фрагменты хоть сколько-нибудь сохранились, они всегда имели форму плиток от 2 до 4 см толщины, хорошо и равномерно обожженных и изготовленных из тщательно отмученной глины. Верхний плитчатый слой имел примерно удлиненную форму и четырехугольные очертания, очевидно достаточно точно соответствующие очертаниям и размерам самого сооружения. Длина образованной этим слоем площадки достигала 22.62 м, а ширина в среднем имела до 5 м. В ряде случаев в составе верхнего слоя было установлено наличие двух плитчатых напластований, причем плитки лежали непосредственно друг на друге. Для выяснения конструктивного смысла верхнего плитчатого слоя основное значение имеет факт расположения непосредственно на нем целых сосудов, зернотерок и остатков глиняных печей. Остатки глиняных печей представлены были скоплениями фрагментов обожженной до ошлакования глиняной обмазки. Фрагменты эти, обычно

[1] Общую характеристику работ Трипольской экспедиции ИИМК и Института археологии АН УССР см. в сообщениях начальника экспедиции Т. С. Пассек в «Советской археологии» (№ 3, 1937, стр. 223—227) и «Вестнике древней истории» (№ 1 (2), 1938, стр. 261—278).

лиловато-сероватого цвета, имели зачастую глянцевую остеклованную поверхность и характерную вспученность, отличаясь твердостью, значительной механической прочностью и огнеупорностью; они были обожжены при температуре примерно 1100—1200° С. Фрагменты эти с одной стороны имеют оттиски лозы или расколотых деревянных плах или же сглажены и в таком случае нередко дуговидно-сводчаты. Они представляют собой остатки глиняной обмазки деревянного каркаса печных сооружений. Фрагменты печей всегда располагаются отдельными группами на верхнем плитчатом слое, притом только в северо-западной половине площадки. Они происходят от нескольких, вероятнее всего двух, печей. Печи эти, судя по длине «карниза»-валика из хорошо обожженной глины (0.12—0.17 м ширины), обрамлявшего одну из сторон печи в срединной части площадки, имели длину не менее 2 м (рис. 1). Между двумя основными печами в составе верхнего плиточного

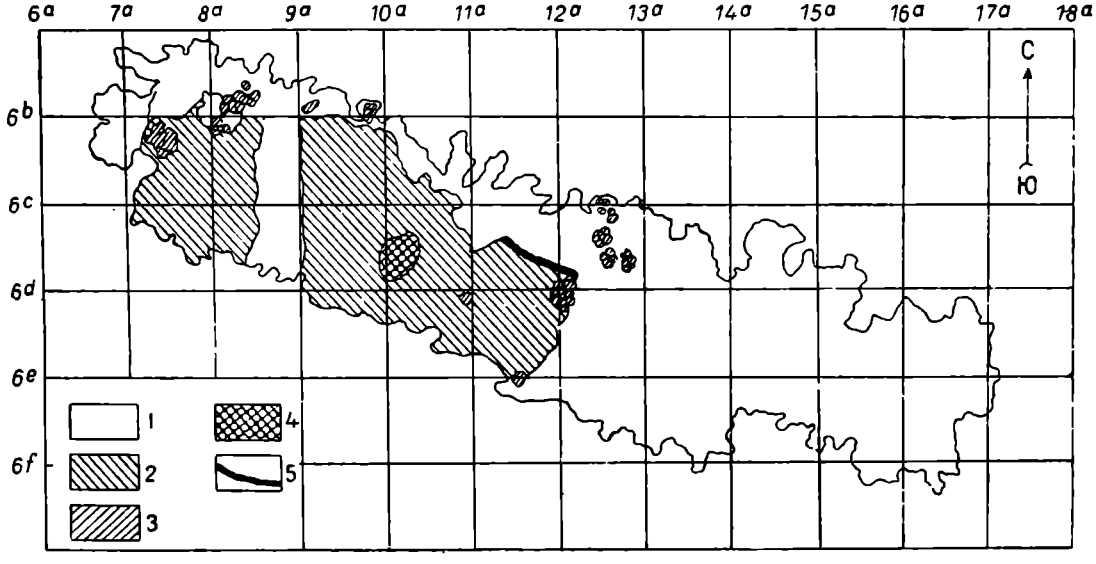

Рис. 1 План площадки № 1, ур. Коломищина у сел. Халепье (план разбит на квадраты 2 × 2 м).

1 — плиточный пол; *2* — подплиточный слой; *3* — остатки глиняных печей; *4* — остатки открытого очага; *5* — карниз, обрамляющий печь.

слоя была обнаружена также специально утрамбованная овальной формы площадка (1.18 × 0.87 м), образованная двумя плитчатыми слоями и являвшаяся, очевидно, основанием открытого очага. Отсюда следует, что в своей северо-западной половине верхний плитчатый слой являлся собственно подом для целой группы печей и очагов. В этой же части и непосредственно на этом же слое были найдены одна зернотерка и один целый сосуд. В юго-восточной половине площадки, образованной тем же верхним плитчатым слоем, не было найдено ни печных остатков, ни зернотерок. Здесь этот слой не служил подом печей или очагов, он являлся полом в собственном смысле слова; вся эта часть сооружения имела какое-то особое назначение и использование. Такое функционально-конструктивное деление площадки вполне согласуется с характерной для нее неравномерной многослойностью. Разбор площадки показал, что вся ее юго-восточная половина состояла из одного лежащего непосредственно на земле слоя, называемого нами «верхним плитчатым» и определенного как пол.

Совершенно иная картина выявилась при разборе северо-западной половины всего залегания.

Там в центральной части и на северо-западном конце под верхним плитчатым слоем, как раз в тех местах, где сверху лежали скопления печной ошла-

кованной обмазки и находилось основание открытого очага, было установлено залегание слоя мощных глыб обожженной глины с одной плоской, обращенной преимущественно вверх, стороной. Длина этих глыб достигала 36 см, ширина — 28 см, толщина — 12 см. Глыбы эти образовались в результате разрушения сплошного глиняного настила, залегавшего под верхним плитчатым слоем на северо-западной половине площадки. При разборе глыб второго слоя были сделаны два важных наблюдения.

Во-первых, оказалось, что глыбы эти лучше обожжены сверху, что нижняя их часть закопчена в силу того, что входившие в состав глины органические частицы внизу только обуглились, но не выгорели. Это говорит о том, что настил был обожжен сверху, очевидно, специально разводимыми кострами.

Во-вторых, оказалось, что на нижней (закопченной) стороне многих из этих глыб сохранились отпечатки расколотых деревянных плах. Очевидно, настил этот был наложен на слой расколотых деревянных плах и только после этого обожжен кострами сверху. Он представлял собой довольно мощный деревянно-глиняный фундамент, подложенный под верхний плитчатый слой в северо-западной «очажной» половине сооружения. Тем самым эта половина была конструктивно выделена и, видимо, несколько возвышалась над юго-восточной. Такое конструктивное ее выделение связано было с особым назначением — здесь были сосредоточены все печные и очажные сооружения. Лишенная печей и очагов и покрытая однослойным плитчатым полом, юго-восточная половина использовалась, очевидно, как помещение для сохранения запасов, являясь своего рода «амбаром». Но и в пределах северо-западной половины всей площадки число слоев в различных ее частях было неравномерным. В центральной части «залегания» глыбы, происшедшие от разрушения деревянно-глиняного настила, лежали непосредственно на земле, и только на самом северо-западном конце залегания под глыбами настила был обнаружен еще один плитчатый слой (рис. 2).

Этот нижний плитчатый слой имел ряд сходств и вместе с тем отличий от верхнего. Плитки нижнего слоя, как и плитки верхнего, были изготовлены из хорошо отмученной глины и имели довольно плотную консистенцию; этим они, между прочим, отличались от глыб настила, в ряде случаев состоявших из глины, содержавшей примесь полóвы, и имевших поэтому очень рыхлую структуру. Но плитки нижнего слоя были тоньше верхних (1.3 см толщины) и, в отличие от последних, неравномерно обожжены. Они были обожжены кострами сверху, а их нижняя сторона, менее ровная, лежавшая непосредственно на земле, имела характерную закопченность.

Плитки верхнего слоя, судя по характеру и степени обжига, были равномерно со всех сторон обожжены, вероятно, где-то на стороне, и лишь затем распластаны на полу сооружения. Нижний плитчатый слой, как и глиняный настил, был обожжен здесь же на месте, очевидно, кострами сверху.

Плитки верхнего слоя во многих случаях утратили свое прежнее горизонтальное расположение и соотношение; плитки нижнего слоя располагались друг возле друга в большом порядке и имели общую для всех ровную горизонтальную поверхность, что объясняется прежде всего различным характером их изготовления и зависящей от этого различной их сохранностью.

Каково, однако, назначение нижнего плитчатого слоя, залегающего только на северо-западном конце площадки и перекрытого глыбами настила? Есть основания думать, что этот слой был самостоятельным полом нашего сооружения в первоначальный период его существования. Об этом свидетельствует хотя бы наличие в ряде мест двух-трех напластований в составе нижнего плитчатого слоя, связанное, очевидно, с ремонтом пола по мере его изнашивания. В итоге мы приходим к следующим выводам об истории жилища, представленного площадкой № 1.

Первоначально на месте, ныне занимаемом площадкой № 1, была сооружена небольшая постройка Она занимала только северо-западную часть позднейшего «залегания» и имела глиняный пол, обожженный кострами сверху. Пол этот несколько раз дополнительно подмазывался и даже обжигался. Но в конце концов население жилища, очевидно, настолько выросло, что потребовалась полная реконструкция всего сооружения. На месте первоначальной постройки и несколько далее на юго-восток были уложены деревянные плахи. Плахи эти были обмазаны сверху толстым слоем глины, содержащей растительные примеси. Обмазка затем была обожжена сверху кострами. Наконец, этот деревянно-глиняный настил и довольно значитель-

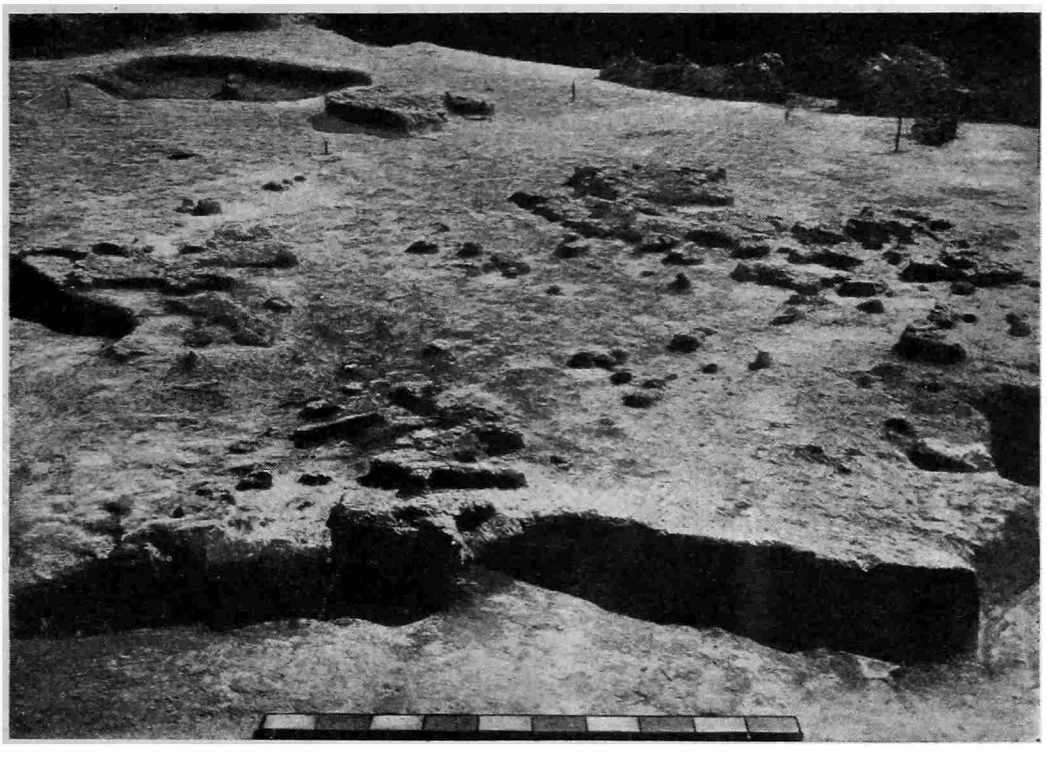

Рис. 2. Фрагменты первичного пола в площадке № 1.

ное пространство далее на юго-восток были покрыты новым, самым верхним, плитчатым слоем. В тех местах, где под этим слоем располагался настил, были сооружены печи и заложены очаги — тем самым настил этот вместе с покрывающим его плитчатым слоем превратился в огромный под для целой группы печей и очагов; под этот возвышался над остальной частью сооружения Вся юго-восточная половина, напротив, была покрыта только наслоениями верхнего плитчатого пола и не имела ни печных сооружений, ни деревянно-глиняного настила и использовалась, очевидно, лишь в качестве амбара.

Таким образом единственно сохранившимися частями сооружений в площадках данного типа являлись те, которые были изготовлены из обожженной глины, т. е. настилы, полы, всякого рода возвышения, основания открытых очагов, печи и, наконец, основания или нижние части стен. По краям площадки довольно узкой полосой тянутся глыбы обожженной рыхлой (с примесью полóвы) глиняной обмазки, лежащие большей частью непосредственно на земле. Они представляют собой остатки специально укладывавшегося и обжигавшегося основания стен или их нижних частей. Сами стены, которые, вероятно, состояли из дерева и необожженной глиняной обмазки, исчезли бесследно. Разбор площадки № 1 показал, что покрытие одним плитчатым

слоем другого вызывалось необходимостью расширить и реконструировать сооружение (наложение деревянно-глиняного настила и верхнего слоя на нижний), стремлением заменить изношенный пол или подправить его наиболее изношенные части новыми слоями обожженной глины (наслоения и в нижнем и в верхнем плитчатых полах) и, наконец, стремлением конструктивно выделить различные части сооружения в зависимости от их назначения (деревянно-глиняный настил в основе очажно-печной части сооружения, однослойность «амбарной» половины).

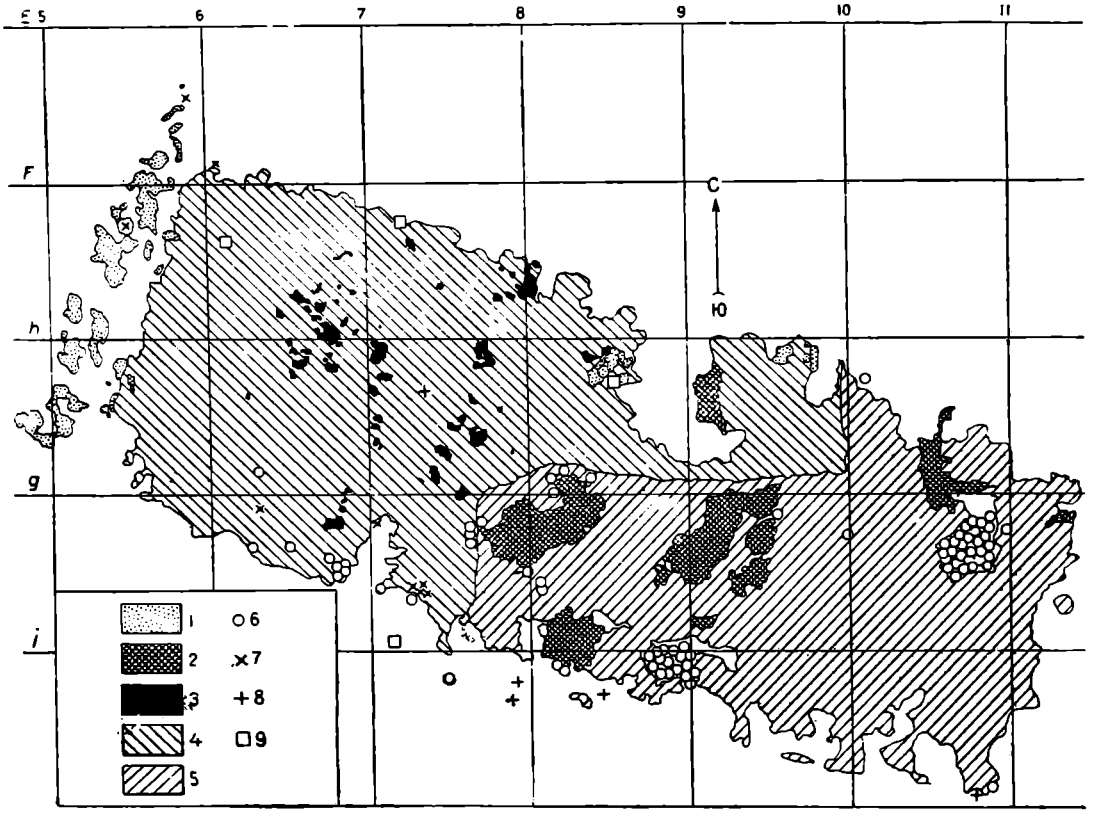

Рис. 3. План площадки № 2, ур. Коломищ на.

1 — стена; *2* — очаги; *3* — подмазка пола: *4* — пол 1: *5* — пол 2; *6* — сосуды; *7* — камни; *8* — кости; *9* — зернотерки.

Площадка № 2, ур. Коломищина (раскопки 1934 г.). Площадка № 2 расположена всего на несколько метров к югу от площадки № 1 (рис. 3—5). Она также имеет удлиненно-прямоугольную форму (длина 14.5 м, ширина 5.5 м) и ориентирована параллельно площадке № 1. Она состоит из трех основных плитчатых слоев, причем два верхних по своему характеру вполне соответствуют верхнему плитчатому слою площадки № 1, а нижний слой во всем тождествен нижнему слою первой площадки. Все эти плитчатые слои входят в состав пола сооружения. Об этом свидетельствует факт расположения и печных остатков, и зернотерок и раздавленных тут же на месте, очевидно рухнувшей стеной, целых сосудов, последние располагаются всегда на плитчатых слоях и никогда ни между, ни под ними Скопления ошлакованной обмазки происходят от 4 небольших печей, образованных обмазанным глиной деревянным каркасом и сконцентрированных в юго-восточной половине сооружения. Изучение отдельных фрагментов обмазки дает возможность восстановить форму коломищинских глиняных печей. Они были прямоугольными в плане и очень напоминали по своей форме печи, воспроизведенные на известных глиняных моделях жилищ из трипольских поселений на Уманьщине. На фрагментах, происходящих от обмазки вертикальных стен ниж-

них частей печи, сохраняются продольные отпечатки расколотых деревянных плах; на фрагментах с дуговато-сводчатой поверхностью, происходящих

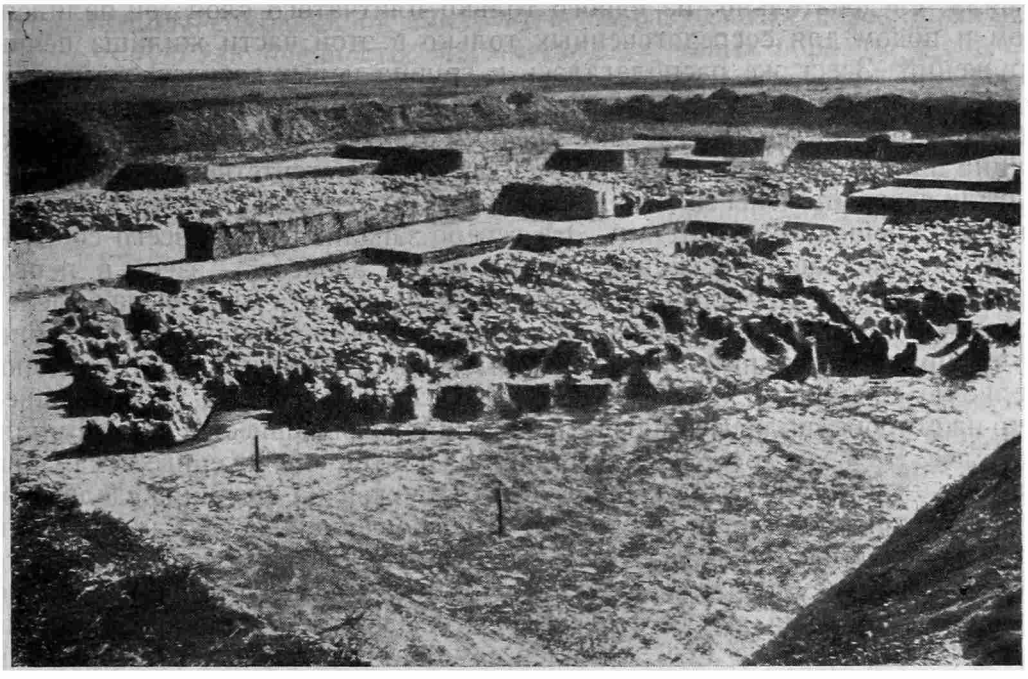

Рис. 4. Площадки №№ 1 и 2. Вид с юго-западной стороны.

от обмазки верхних частей печи, — оттиски лозы или прутьев. Основание одной из печей было углублено в землю; углублению этому соответствовала

Рис. 5. Площадка № 2. Вид с юго-восточной стороны.

выемка в верхнем и нижнем плитчатых слоях. Подом же всех остальных печей являлись плитки верхнего слоя. Три плитчатые слоя, составляющие нашу вторую площадку, располагались неравномерно.

Один из плитчатых слоев (2-й) — средний по своему стратиграфическому положению — занимал все пространство площадки; оба других располагались только в ее северо-западной части. Юго-восточная часть площадки состояла, следовательно, из одного только плитчатого слоя: он являлся и полом и подом для сосредоточенных только в этой части жилища печных сооружений. Здесь же располагалась и группа целых сосудов, так что вся эта часть жилища имела ясно выраженный «кухонный» характер Напротив, в северо-западной части, где над средним плитчатым слоем был наложен верхний плитчатый слой, остатки печей полностью отсутствовали, но именно там были сосредоточены залегавшие на этом же верхнем слое все найденные на нашей площадке зернотерки. Эта северо-западная часть всего сооружения использовалась, очевидно, для хранения запасов — здесь в первую очередь хранили и размалывали зерно. Понятно, что эта часть была выделена и конструктивно. Она была образована тремя слоями обожженных глиняных плиток; при этом верхний плитчатый пол имел в отдельных местах еще дополнительную подмазку. Очевидно, плитки этой подмазки, обжигавшиеся где-то на стороне, вкладывались в трещины, образовавшиеся в верхнем плитчатом слое. Да и сам этот слой, состоящий из плиток, обожженных, судя по их характеру, также где-то на стороне, был наложен на средний; сделано это было, вероятно, так же в целях замены его изношенной части. Самый нижний плитчатый слой был обожжен здесь же на месте, кострами сверху. Он в той же мере отличался от верхних плитчатых слоев, в какой отличался нижний плитчатый слой площадки № 1 от верхнего ее слоя. Этот нижний слой, длина которого не превышала 12 м, являлся самостоятельным полом сооружения в первоначальный период существования последнего. На это указывают следующие наблюдения.

1) У северо-западного края площадки в составе верхнего плитчатого слоя был обнаружен так наз. «карниз», имеющий в разрезе вид глиняного вала с закругленной верхней и плоской нижней поверхностью. Этот «карниз», очевидно, составлял часть входного порожца, подобного порожцу уманских моделей. Это было тогда, когда верхний плитчатый слой являлся полом сооружения. Немного глубже, на том же северо-западном конце, был найден еще один «карниз» подобного же типа и, видимо, аналогичного назначения, но входивший в состав нижнего слоя. Этот второй «карниз» являлся входным порожцем тогда, когда полом сооружения служил нижний плитчатый слой. Третий карниз в составе среднего плитчатого слоя был найден в центральной части площадки, но там он мог служить и обрамлением печей.

2) Одной из четырех печей, расположенных в юго-восточной половине площадки, отвечала небольшая выемка, не только в среднем, но и в нижнем плитчатом слое, в то время как все другие печи покоились непосредственно на плитках среднего слоя. Эта несколько углубленная в землю печь, очевидно, существовала еще тогда, когда нижний слой был единственным и самостоятельным полом жилища, продолжая функционировать и после того, как он был перекрыт средним. Перекрыт он был, очевидно, в целях расширения жилища по мере разрастания населявшего его родового коллектива. Следовательно, и здесь характерная для трипольских площадок неравномерная многослойность объясняется: а) последовательным расширением помещения (наложение среднего плитчатого слоя на нижний), б) ремонтом изнашивающихся частей пола (наложение верхнего слоя на средний и подмазка верхнего) и в) функционально-конструктивным делением всего сооружения (отличие северо-западной половины от юго-восточной). Здесь, как и на площадке № 1, на месте обожжены только нижележащие слои, а верхние составлены из плиток, обожженных где-то на стороне. Ориентация нижнего пола первоначального сооружения совершенно та же, что и ориентация вышележащих слоев, и все они по своему направлению вполне

параллельны нижнему и верхнему полу площадки № 1. По краям площадки № 2, особенно у ее северо-западного конца, были обнаружены залегавшие непосредственно на земле глыбы рыхлой (с примесью полóвы) слабо-обожженной глины, сохранившие снизу оттиски расколотых деревянных плах и характерную закопченность. Мы имеем дело, таким образом, с обычным глиняным настилом, который, однако, использовался не в качестве фундамента, подведенного под плитчатый пол, а в качестве основания стен.

Площадка № 5, ур. Коломищина (раскопки 1935 г.). На обычной для всех коломищинских площадок глубине 0.30—0.50 м было обнаружено скопление обломков обожженной глины, причем сплошное их залегание занимало очень небольшую площадь — примерно 3.9 × 4.2 м. В основе этого залегания лежал один слой обожженных глиняных плиток. В трех местах он был перекрыт вторым слоем плиток — именно там, где почему-либо нижний слой пришел в негодность. Плитки, составляющие эти слои, имели характер, обычный для «верхних плитчатых слоев», — они были приготовлены из хорошо отмученной глины и равномерно со всех сторон обожжены где-то на стороне; форма их неправильная, толщина колебалась между 4 и 7 см. Плитки верхнего слоя на этой площадке были светлокрасного цвета, плитки нижнего, основного слоя — матово-желтого.

В ряде мест под одним или под двумя плиточными слоями были обнаружены фрагменты третьего слоя; они представляли собой глыбы слабо-обожженной глины с примесью полóвы. Верхняя поверхность этих глыб была сглажена, на нижней кое-где видны отпечатки расколотых деревянных плах и имелась характерная закопченность. Глыбы эти представляют остатки обжигавшегося кострами сверху деревянно-глиняного подпольного фундамента-настила. Таким образом мы имеем дело с довольно обычной для трипольских поселений трехслойной площадкой, входившей в состав пола сооружения. На периферии всего залегания обломки настила выступают наружу из-под плиточных слоев и являются остатками основания стен. Особенно заметно скопление этих обломков в юго-восточной части площадки. Так как эти обломки, очевидно, входили в состав нижних обжигавшихся частей стен, то их расположение не является вполне определенным: иногда они залегают между, а иногда над плитками пола своей сглаженной поверхностью то вверх, то вниз. Крайнее юго-восточное скопление этой «стенной» обмазки было расположено на расстоянии 2.45 м от границы сплошного залегания плиток. Объясняется это не только распадом. Пол жилища был покрыт плиточными слоями и деревянно-глиняным настилом не полностью: например на юго-восточной его части между стеной и трехслойной площадкой было пространство, где в качестве пола использовалась поверхность земли. Это подтверждается и тем, что именно здесь, между плитчатыми слоями и крайним юго-восточным скоплением «стенной» обмазки, непосредственно на земле и на том же уровне стояли два небольших целых сосуда. Вместе с тем, на расстоянии 0.60 м от юго-западного угла площадки и притом также непосредственно на земле расположены остатки единственной в данном сооружении небольшой глиняной печи. Это еще раз указывает, что слоями обожженной глины была покрыта не вся поверхность пола сооружения, а, вероятно, только та его часть, которая имела особое назначение (сохранение запасов, в частности зерна).

Следует, наконец, подчеркнуть, что мы имеем здесь дело с очень небольшим жилищем; этому соответствует наличие здесь только одной печи и сравнительная простота всей конструкции площадки.

Во всех рассмотренных случаях внутреннее деление помещения подчинено одному основному принципу: «печные части» жилищ (очевидно, здесь следует искать и место приготовления пищи и место для сна) отделены от частей, где на самом полу или в сосудах хранили, а затем размалывали зерно. Этот принцип соблюден и в площадках №№ 1, 2 и 5, он же представлен на

уманских моделях трипольских жилищ. Но своеобразие переживаемого людьми трипольской культуры исторического этапа сказалось в том, что

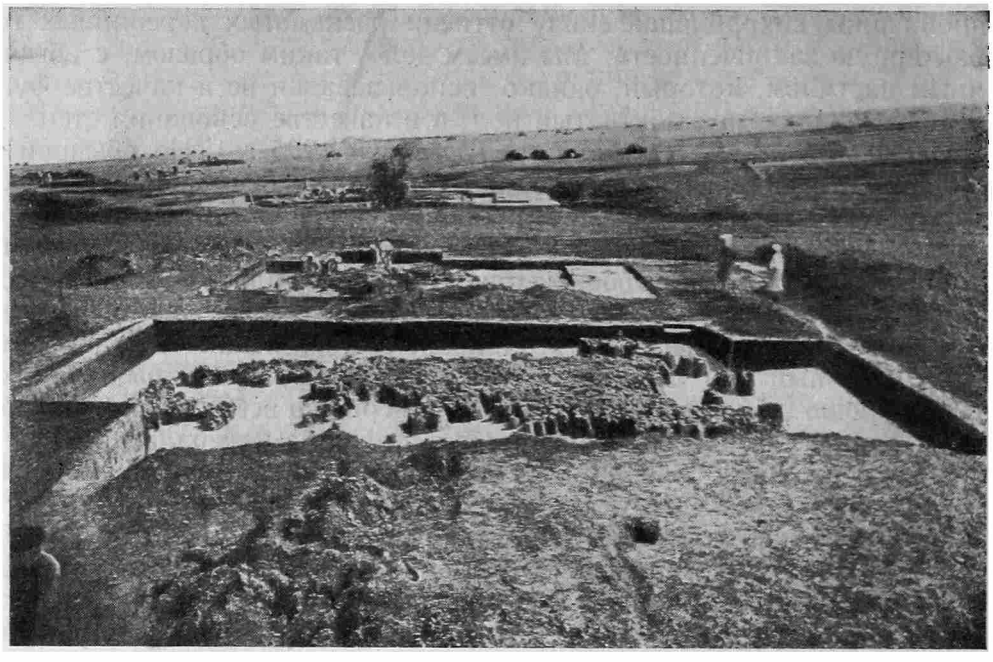

Рис. 6. Вид раскопок площадок №№ 13 и 14.

этот принцип, так сказать, «коллективистического деления жилищ» очень часто сочетается и с их парно-семейным делением. Сочетание этих принципов

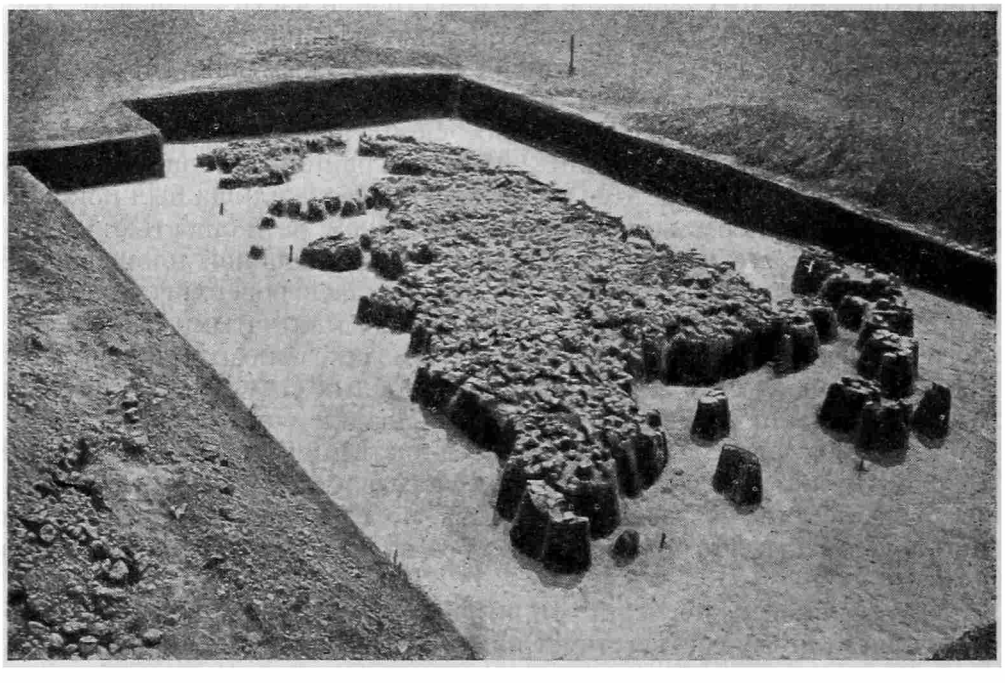

Рис. 7. Площадка № 13. Вид с западной стороны.

является одним из важных факторов, обусловивших разнообразие в конструкции трипольских площадок даже в пределах одного коломищинского поселения.

Площадка № 13, ур Коломищина (раскопки 1937 г.). Площадка № 13 представляет собой в основном прямоугольное «залегание» слоя обожженной

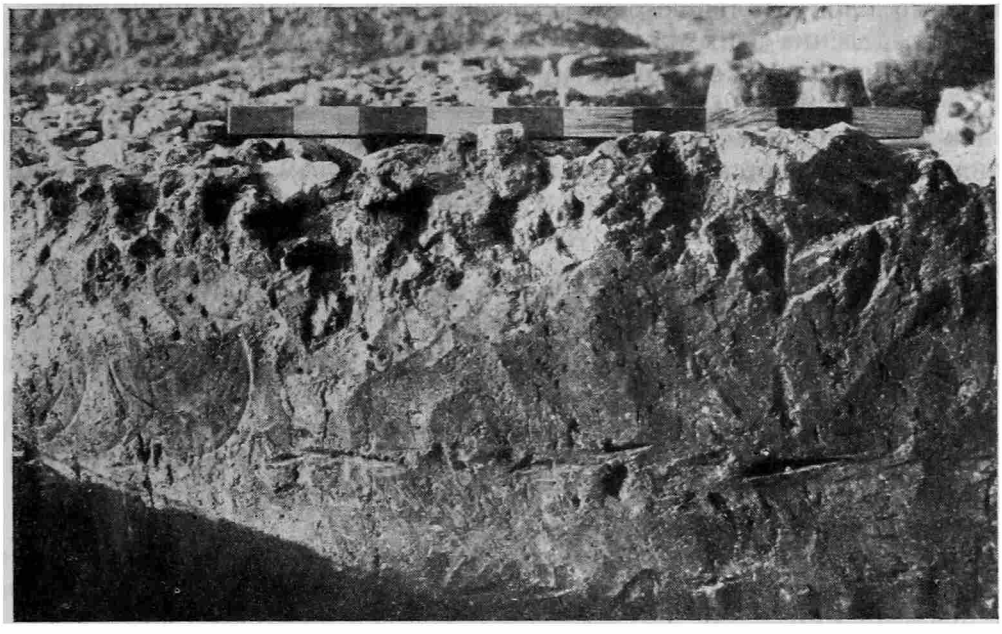

Рис. 8. Разрез плиточного пола площадки № 13.

глины, обнаруживающееся в среднем на глубине 0.20—0.50 м от поверхности земли (рис. 6—9). «Залегание» образовано собственно только одним плиточ-

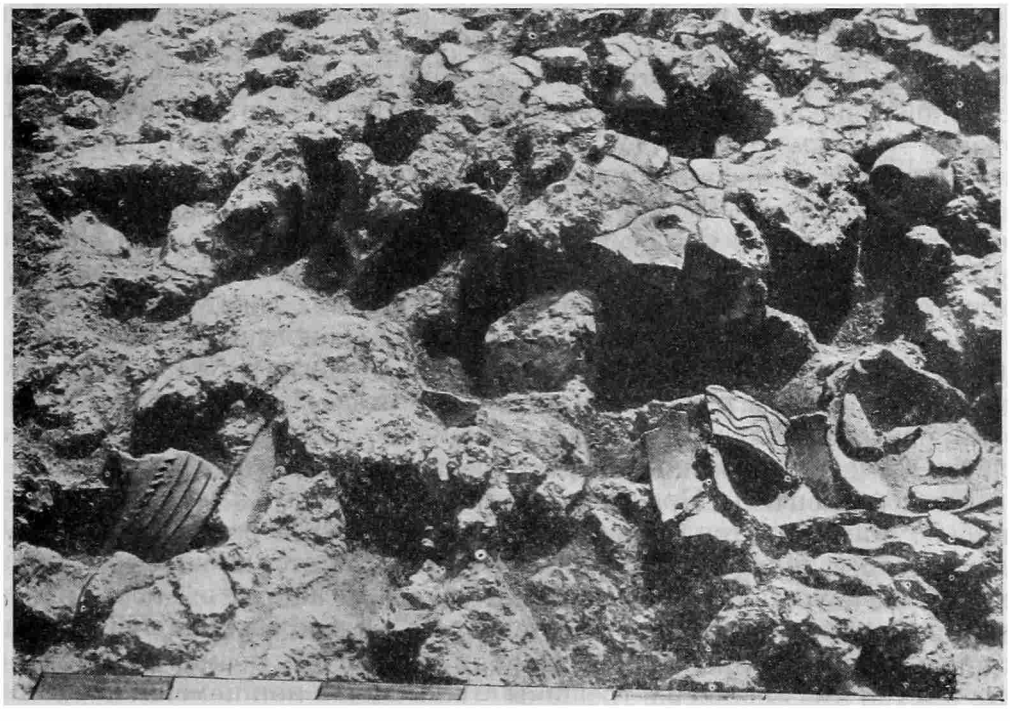

Рис. 9. Расположение фрагментов сосудов и целых сосудов на полу площадки № 13.

ным слоем. Все фрагменты этого слоя со сглаженными или совершенно ровными обеими сторонами изготовлены из хорошо отмученной глины и дости-

гают 5—6 см толщины. Все или, по крайней мере, большинство обломков шлакованной обмазки печей, фрагментов сосудов, раздавленных тут же на месте, и зернотерок были найдены непосредственно на поверхности этого плитчатого слоя, являвшегося, следовательно, полом сооружения.

Распределение этих находок дает основание судить об использовании помещения вообще и, в частности, пола из обожженной глины. Залегание слоя обожженной глины имело 11.05 м длины и 3.30—3.90 м ширины. Существенно то обстоятельство, что даже в пределах этого удлиненного прямоугольника встречаются участки, не покрытые слоем глины. Они особенно заметны в восточной части «залегания»; наличие их там не может быть объяснено только естественным разрушением глиняного пола.

В этой восточной части, на расстоянии примерно в 5.60 м от западного края «залегания», поперек всей площадки прослеживается полоса фрагментов желтой слабо-обожженной глины с растительными примесями. Подобные фрагменты в других местах являются остатками разрушившегося основания или нижних частей стен; здесь они скорее всего происходят от основания или нижних частей перегородки. Помещение оказывается, таким образом, разделенным на две части — бóльшую западную и меньшую восточную; неизвестно, были ли они обе сооружены одновременно или одна из них является позднейшей пристройкой.

В западной части «залегания» остатки, по крайней мере, двух глиняных печей сосредоточены на одной полосе в восточной четверти всего залегания. Этот участок в пределах всего жилища являлся, очевидно, специально кухонным, «печным» местом. Остатки еще одной печи, частично лежащие непосредственно на земле вне самого залегания, установлены были и в крайнем юго-западном углу площадки. Вся остальная поверхность юго-западной четверти площадки почти полностью свободна от печных остатков; здесь на полосе до 6 м длины и до 2 м ширины не стояло ни одной печи. Тут же располагалось большинство найденных на площадке целых сосудов и все зернотерки: это было место, где хранили и размалывали зерно, месили тесто в найденных тут же широких мисках.

Аналогичное деление имеет и восточная, меньшая, часть «залегания». В северной ее половине обнаружены остатки печи (четвертой в этом жилище), в южной — фрагменты сосудов. Все эти сосуды и зернотерки расположены на плитках пола, причем последние входят в состав пода всех печных сооружений. В одном случае можно было заметить, что эти плитки образовывали специальную площадку для расположенного на ней сосуда. Напротив, в крайнем северо-западном углу «залегания» фрагменты сосуда, раздавленного тут же на месте, очевидно рухнувшей стеной, лежат прямо на земле, что еще раз свидетельствует о том, что слоями обожженной глины была покрыта не вся внутренняя поверхность жилищ. Площадка № 13 в общем образована только одним плитчатым слоем. В составе этого слоя выступают и плитки, обожженные со всех сторон равномерно, очевидно, где-то на стороне, и плитки, лучше обожженные сверху, очевидно, здесь же на месте, снизу они часто только закопчены. При этом плитки последнего типа часто расположены несколько ниже плиток первого типа. Очевидно, первоначально пол был сделан из слоя глины, обожженного здесь же на месте, но впоследствии этот пол местами потрескался и в трещины эти были вставлены новые плитки, обожженные где-то на стороне. Местами установлено было наличие нескольких плиток, лежащих непосредственно друг на друге. Возможно, что все эти новые плитки вмазывались в трещины старого пола при помощи необожженной глины.

Распределение находок на поверхности нашей площадки как будто объясняет назначение этих полов из обожженной глины. Они, с одной стороны, представляли собой поды печей или основания открытых очагов, а с другой стороны, покрывали «амбарную» половину жилища, обеспечивая прежде

всего сохранение зерна. Следовательно, и в площадке № 13 в известной мере прослеживается уже знакомый нам принцип внутреннего деления жилищ. Однако здесь он сочетается и с другим принципом. Как видно по плану «залегания», четырем печам, представленным в жилище № 13, соответствуют, большей частью в его «амбарной» юго-восточной части (только в одном случае в северо-западном углу), четыре скопления сосудов и зернотерок. Одно из этих скоплений, как и одна из печей, расположено за перегородкой. Есть все основания полагать, что в этом жилище обитали четыре парных семьи, и даже можно довольно точно установить, каким был тот ассортимент сосудов, которым пользовалась каждая семья.

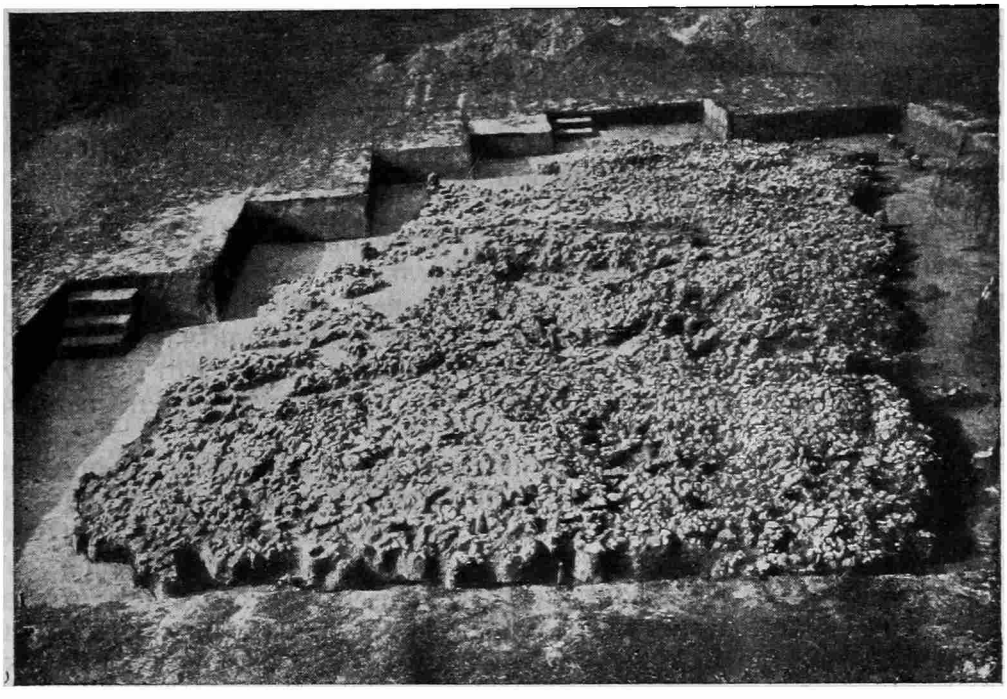

Рис. 10. Площадка № 23. Вид с южной стороны.

Площадка № 23, ур. Коломищина (раскопки 1937 г.). «Залегание» 17.7 м длины и 6.1—8.4 м ширины было образовано одним (нижним) слоем обломков глиняного настила и двумя плитчатыми слоями (рис. 10). Глиняный настил на периферии «залегания» выходил из-под плиточных слоев и использовался в качестве основания или нижних частей стен. Нижняя сторона обломков настила сохраняет отпечатки расколотых деревянных плах, расположенных параллельными рядами поперек всего «залегания». Глиняный настил был обожжен кострами сверху; нижняя сторона входящих в его состав фрагментов имеет характерную закопченность. На поверхности площадки в различных местах лежали обломки пяти отдельных глиняных печей; к некоторым из них, очевидно, примыкали особые перегородки; они устанавливаются по прорыву в «залегании» плитчатых слоев или по расположению фрагментов слабо-обожженной глины с растительными примесями, входивших в состав основания или нижних частей перегородки.

Кроме того, в пределах этой площадки обнаружена обложенная теми же слоями обожженной глины яма чашевидной формы, использовавшаяся, вероятно, для хранения зерна, а может быть, и для некоторых работ, связанных с его переработкой (диаметр ямы свыше 2 м, глубина — до 0.50 м).

Двум перегородкам соответствует деление жилища на три части; в каждой из них расположены одно или два различных размеров печных сооружения. В этом жилище обитали три группы семей и его внутреннее деление

носит, так сказать, «парно-семейный» характер, причем печные сооружения и здесь расположены преимущественно в западной части жилища, ориентированного с севера на юг, а сосуды и зернотерки — в восточной.

В известной мере аналогичное деление большого дома имела и раскопанная в 1938 г площадка № 24.

Площадка № 24. Здесь трем перегородкам соответствует деление жилища на четыре части, причем в каждой из них расположено по одной печи, которых, следовательно, тоже было четыре.

Вокруг печей стояли сосуды; печи и сосуды встречались и в западной, и в восточной и в центральной частях жилища. Если в делении жилищ №№ 1, 2 и даже 5 «коллективистический принцип» является господствующим, если он слабее выражен в делении жилища № 23, то жилище № 24 разделено только на основе «парно-семейного принципа». Осуществление этого принципа шло здесь, как и во многих других жилищах, в соответствии с их постепенным разрастанием. «Теория разрастания», выдвинутая нами еще в 1934 г., полностью подтвердилась раскопками 1938 г. Она объясняет все то разнообразие размеров и конструкции жилищ, которое представлено в каждом трипольском поселении.

Первоначально размер жилища № 24 был меньше, чем в заключительный период его существования. Из четырех отдельных помещений сначала здесь существовало не более двух; а из четырех печей, очевидно, только две. При этом первоначальное сооружение имело только один плитчатый пол, обожженный сверху тут же на месте кострами. При раскопках этот пол выступил в качестве нижнего слоя «залегания» — там, где находилось это первичное сооружение.

Когда после известного увеличения населения дома прежнее помещение оказывалось недостаточным, древние обитатели Коломищины использовали две возможности: или одна парная семья выделялась и сооружала себе новое небольшое жилище, которое затем могло дать основу нового большого дома, или же увеличивалось прежнее сооружение, что вместе с тем вызывало полную его реконструкцию. Обитатели жилища № 24 (как и №№ 1 и 2) пошли по второму пути. Они разобрали все старое сооружение и уложили на его пол деревянные плахи на пространстве, значительно большем, чем прежнее. Эти плахи они затем покрыли слоем глины, смешанной с соломой, и обожгли сверху кострами. Тем самым был получен обычный для трипольских жилищ деревянно-глиняный настил. Далее на этот настил были уложены один, а в местах печей даже два пола из глиняных плиток, обожженных где-то на стороне. После этого были сооружены четыре печи и три перегородки, которые разделили новое, значительно увеличенное жилище на четыре части. Такова история жилища № 24. Раскопки этого жилища имеют выдающееся значение не столько потому, что они дали еще один вариант большого трипольского дома, сколько потому, что впервые дали возможность установить расположение столбов, а, следовательно, и характер перекрытия трипольских жилищ.

На площадке № 24 были обнаружены остатки пяти столбов в виде небольших столбиков угля, т. е. остатков намеренно обугленных концов дубовых столбов. Они являлись основой перегородок. Каждая перегородка имела по два столба, и если бы не траншея В. Хвойко, частично разрушившая площадку, мы имели бы не пять, а шесть угольных столбиков. Все эти столбы в совокупности составляли два внутренних ряда, каждый из которых был удален от соответствующего края площадки примерно на 1 м. Эта система столбов с несомненностью свидетельствует о существовании двускатной крыши, вероятно из соломы, причем опорой стропил служили эти столбы, составлявшие вместе с тем основу перегородок.

Площадка № 25 меньше площадки № 24; в соответствии с этим она разделена была двумя перегородками на три части.

В основе каждой перегородки было два столба, а всего в жилище четыре. Они образовали два внутренних ряда столбов, отстоящих от соответствующих краев всего «залегания» на один метр каждый. Таким образом раскопка площадки № 25 полностью подтвердила все выводы относительно расположения столбов и характера крыши, сделанные в связи с раскопками площадки № 24.

Внутреннее деление площадки № 25 также довольно интересно. В первой и второй ее частях (если считать с юга) расположены печи. В первой части, наибольшей по величине, было только одно печное сооружение. Но здесь же имелось возвышение непечного характера, вокруг которого расположены зернотерки, песты и даже лежала одна каменная мотыга. Это было место, где хранили и обрабатывали зерно. Второе помещение занято двумя печами. Оно служило местом приготовления пищи, и, возможно, для сна. В основе этих двух частей лежали деревянно-глиняный настил и один, а в местах печных и непечных возвышений даже два плитчатых слоя. В основе третьей, наиболее северной части лежал только один плохо сохранившийся плитчатый слой. Там не было ни печей, ни зернотерок, ничего, кроме нескольких сосудов. Это, очевидно, входная часть, сени, подобные тем, которые представлены на уманских моделях. Следовательно, в делении жилища № 25 господствовал тот же «коллективистический» принцип, как и в площадках №№ 1 и 2; этим оно отличалось от площадок №№ 23 и 24, где явственно выступает «парно-семейный» принцип деления большого дома. Но с другой стороны, в делении площадки № 25, подобно площадкам №№ 1, 2 или 24, имеются ясно выраженные признаки разрастания жилищ. В этом отношении площадка № 25 отличается от площадок №№ 13 и 23, где эти признаки отсутствуют. В центральной части «залегания» № 25 был обнаружен фрагмент пола первичного сооружения, состоящий из нескольких слоев глиняных плиток, обожженных здесь же на месте.

КЛАССИФИКАЦИЯ МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Площадки в ур. Коломищина представляют собой один определенный тип монументальных памятников трипольской культуры прежде всего с точки зрения сохранности различных частей сооружений. Здесь сохранились только те их части, которые были изготовлены из обожженной глины, а именно — фундаменты и полы, всякого рода возвышения, входившие в состав последних, печи, очаги и, наконец, основания стен. Вместе с тем этот первый тип монументальных памятников Триполья может быть подразделен в основном на три подтипа:

1) Площадки, образованные только плитчатыми слоями.

2) Площадки, образованные плитчатыми слоями и глиняно-деревянным настилом.

3) Площадки, образованные только деревянно-глиняным настилом.

К первому подтипу относятся, например, площадки №№ 2 и 13 в ур. Коломищина, ко второму — площадки №№ 1, 5, 23, 24, 25.

К первому подтипу первого типа относятся и многие, если не большинство площадок, исследованных В. Хвойко в Обуховском районе.

Площадки у сел. Веремье, Должок, Таборище, Жуковцы, Триполье.[1] Анализируя отчеты В. Хвойко, нетрудно убедиться в том, что, производя раскопки в Обуховском районе в окрестностях сел. Триполье, Веремье, Жуковцы, в урочищах Должок и Таборище, он постоянно имел дело с мону-

[1] В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI АС, стр. 736—812. — В. Козловська. Розкопи у с. Веремі у жовтні р. 1925. Коротке звідомлення за археологичні досліді р. 1935. — Щоденник розкопів В. Е. Козловської у с. Веремі на Київщині 10—13/X р. 1925. Сб. «Трипільська культура на Україні», 1926, стр. 158—163 (ниже цитируется — ТКУ).

ментальными памятниками совершенно того же типа, как и наши коломищинские площадки. Они характеризуются, во-первых, расположением основной массы целых сосудов, зернотерок, как и других находок на слоях обожженной глины и преимущественно в определенных частях всего залегания, а также за его границами; во-вторых, неравномерным залеганием горизонтальных слоев обожженной глины, образованных, судя по описанию Хвойко, фрагментами плитчатой формы. Так, например, площадка № 2 у Жуковцев в одной своей части (4 м ширины и 8 м длины) состояла из шести горизонтальных слоев обожженной глины, а в другой части (8 × 5 м) из двух — четырех слоев. Можно думать, что первоначальное залегание в 4 м ширины и 8 м длины имело до двух слоев обожженной глины; затем обновление этих полов было соединено с расширением помещения, с пристройкой нового сооружения, 8 м ширины и 5 м длины, и с наслоениями на всем пространстве новых горизонтальных пластов глины. В результате первоначальное помещение приобрело до шести слоев пола, а позднейшие пристройки от двух до четырех. Нам известно, что неравномерная многослойность некоторых коломищинских площадок также связана с последовательным расширением помещения, отражающим разрастание населяющего его родового коллектива. Во многих других случаях неравномерная многослойность отвечает, вместе с тем, и функционально-конструктивному делению помещения. В. Хвойко неоднократно упоминает о расположении целых сосудов группами только в одной определенной части всего залегания, а иногда даже на специальных площадках, или, по окончании слоев, непосредственно на земле, у предполагаемых стен сооружения. Подобное расположение целых сосудов характерно и для коломищинских площадок. Несмотря на то, что сам В. Хвойко решительно отрицал наличие печей в раскопанных им памятниках, нетрудно, анализируя его отчеты, определить все те случаи, когда он имел дело с остатками печных сооружений коломищинского типа. Судя по коломищинским «залеганиям», именно остатками печей являются открытые В. Хвойко какие-то сооружения со слоями плиток или фрагментов глиняной обмазки деревянного настила в основании, немного возвышающихся вследствие этой многослойности над остальной поверхностью площадки (площадка № 2 у сел. Веремье, площадка № 1 там же, раскопки 1909 г., и одна из площадок у сел. Должок). По всей вероятности, остатками печей являются и отмеченные В. Хвойко скопления шлакованной обмазки, также возвышающиеся над уровнем всего залегания (одна небольшая площадка у сел. Веремье и одна из площадок у сел. Должок). Наконец, загадочные «пьедесталы» В. Хвойко, т. е. полые внутри предметы в виде усеченной пирамиды, изготовленные из обожженной глины и имеющие 25—65 см в ширину или в диаметре и 16—40 см в высоту (площадки у Жуковцев), также были найдены на коломищинских «залеганиях» и, судя по характеру глины и месту расположения, были связаны с печными сооружениями.

Нам известно уже, что чем больше жилище, тем сложнее его конструкция, тем больше слоев обожженной глины, тем больше печей и очагов. С этой точки зрения вполне закономерно существование во всех трипольских поселениях и малых по размеру сооружений, соответственно однослойных, и одноочажных. Например в 1925 г. около Веремья была вскрыта площадка, немногим более 15 кв. м, состоящая из одного слоя глиняных плиток, обожженных кострами сверху и вследствие этого только закопченных на нижней стороне. Так именно выглядели первая и вторая коломищинские площадки на начальной стадии их существования.

На ряду с фрагментами полов и всякого рода печных и непечных возвышений, В. Хвойко в составе раскопанных им площадок встречал, очевидно, по краям их, обломки оснований или нижних частей стен, сохранявших отпечатки дерева (площадки у Веремья). Любопытно, наконец, наличие в составе залеганий на Таборище особых «площадок», вогнутых внутрь

в виде углубления. Совершенно аналогичное углубление мы открыли в 1937 г. на площадке № 23 на Коломищине. Оно скорее всего служило своего рода зерновой ямой, использовавшейся вместе с некоторыми другими частями больших трипольских жилищ как место для хранения, а может быть, и молотьбы и размола зерна. Кроме того, В. Хвойко обнаружил возле площадок у Веремья, Должка, Триполья углубленные помещения «вроде склепа» (1—1.25 × 1—1.5 × 1.5—2.25 м), также, возможно, имевшие складочное назначение.

Площадки у сел. Крутобородинцы[1] *(Летичевский р-н)*, образованные неравномерным залеганием плитчатых слоев, входят в первый подтип первого типа трипольских монументальных памятников. И здесь эта неравномерная многослойность прежде всего связана с функционально-конструктивным делением помещения. Например скопление шлакованной обмазки на возвышенной центральной части одной из площадок заставляет предположить здесь наличие печного сооружения и связанной с ним особой приподнятой части пола.

Площадки у сел. Старая Буда (Уманьщина). К первому подтипу первого типа относится площадка № 3. Подробней см. ниже.

Площадки у сел. Лукаши (Переяславщина). Некоторые из этих площадок также относятся к этому подтипу. Подробней см. ниже.

Площадка у сел. Райки (Бердичевщина). Площадка эта (площадью 30 кв. м) также относится к первому подтипу первого типа. Подробней см. ниже.

Ко второму подтипу первого типа относятся те площадки, которые под плитчатыми слоями содержат фрагменты глиняной обмазки деревянного настила. Это усложнение в конструкции пола, не меняя общего типа жилья, дает новые возможности для функционально-конструктивного деления помещения, увеличивает мощность основания сооружения на всем его пространстве или только на отдельных его участках (например в местах печей и очагов).

Площадки у сел. Халепье, согласно описанию В. Хвойко, принадлежат к тому же типу, как и все другие «залегания» в Обуховском районе. Правда, В. Хвойко специально упоминает об огромном числе обломков глиняной обмазки с отпечатками прутьев и тесаных бревен; вполне возможно, что он и здесь, как и в других местонахождениях, имел дело с фрагментами подпольного настила, но просто не понял их. Во всяком случае, у всех площадок, раскопанных близ сел. Халепье в 1925 г. (урочища Желудовка и Грушева) нижний слой состоял из обломков глиняной обмазки, имеющих снизу отпечатки расколотых и параллельно разложенных деревянных плах. На этом настиле установлено до пяти плитчатых слоев. По краям площадки обнаружено скопление обломков обмазки, являющихся остатками фундамента стен, их нижних частей — «завалинок». Любопытной деталью халепских площадок, раскопанных В. Хвойко, являются специальные возвышения для зернотерок. Зернотерка закреплялась здесь в верхней части четырехугольного глиняного столба и была окружена «выдающимся наружу закругленным карнизом в виде мисы». В составе площадок в ур. Желудовка были встречены углубления, вполне аналогичные «зерновым ямам» площадки № 23 Коломищины и «залеганиям» на Таборище. Наконец, возле халепских площадок, В. Хвойко обнаружил и подземные помещения (1.45 × 1.75 × 2.65—3.5 м), дно и стенки которых были покрыты слоями обожженной глины. На дне их были найдены фрагменты сосудов, зола и зерна культурных растений. Они, очевидно,

[1] В. В. Хвойко. Раскопки площадок в с. Крутобородинцах, Летичевского у., Подольской губ. и вблизи с. Веремье, Киевского у. и губ. Древности. ТМАО, т. XXII, вып. 2, 1909, стр. 281—309.

были вполне аналогичны и по форме и по назначению «склепам» из Веремья, Триполья и Должка.

Площадки у сел. Колодистое (Уманьщина),[1] в разное время раскопанные Н. Ф. Беляшевским, А. А. Спицыным и В. Н. Доманицким, принадлежат к числу наиболее интересных и сравнительно неплохо исследованных монументальных памятников Триполья. В основе всех «залеганий» у сел. Колодистое лежал деревянно-глиняный настил: расколотые деревянные плахи (в виде исключения и бруски) были расположены параллельно, поперек сооружения; затем они были покрыты слоем глины, содержащей растительные примеси, от 3 до 20 см толщины. Слой этот был обожжен кострами сверху, о чем свидетельствует неравномерность обжига входящих в его состав фрагментов. Затем на этот настил одновременно или последовательно накладывались один или несколько (до семи) плитчатых слоев. Впрочем, в отдельных случаях и на отдельных участках этот настил или вовсе не имел плитчатого покрытия или плитки пола лежали непосредственно на земле, иногда обломки обмазки настила располагались над лежащим прямо на земле и обожженным тут же на месте нижним полом. Такая стратиграфия (нижний пол — деревянно-глиняный настил — верхние плитчатые полы), представленная на площадке Н. Беляшевского и на площадке А. Спицына, вполне соответствует соотношению слоев в северо-западной части первой коломищинской площадки и подобно ей связана с постепенным разрастанием сооружения.

Далее, А. Спицын вполне справедливо указывает, что обычно «каждое повышение пола соединялось с подновлением очага и наоборот». И, действительно, многослойность здесь всегда совмещается с многоочажностью (до восьми печей на одной площадке); притом, наибольшее число слоев устанавливается именно в местах печей и очагов, образуя их возвышенный под. Отчет А. Спицына, кроме того, дает возможность судить о целом ряде деталей колодистовских печей, об их размерах и формах, о карнизах, которые их обрамляют, и об обнаруженных там же открытых очагах или так наз «кругах» Особо выделенная печная часть жилища дополняется здесь специальными местами для вмазанных в глиняный пол сосудов и зернотерок, а также складочными ямами, обложенными слоями обожженной глины, воронковидной или котловидной формы (глубина их свыше 1 м, диаметр свыше 2 м).

В одной из этих ям, по данным А. Спицына, был найден сосуд с пережженными человеческими костями.

По границам залегания настил выступал из-под плиточных слоев и составлял основание и даже нижние части стен, причем неоднократно был замечен самый переход его крайних частей в стены сооружения.

Площадки у сел. Старая Буда (Уманьщина).[2] Большинство площадок, раскопанных здесь Якимовичем, представляли двуслойные «залегания». В качестве нижнего слоя они имели глыбы неравномерно обожженной и очень пористой глины, содержащей растительные примеси, с отпечатками драни и брусков на нижней стороне (глыбы толщиной от 5 до 17 см, длиной до 27 см). В качестве верхнего слоя выступали плитки толщиной от 1.5 до 6 см, изготовленные из хорошо обожженной и тщательно отмученной плотной глины. На этом полу, образованном насти-

---

[1] Н. Беляшевский. Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа у с. Колодистого, Звенигородского уезда Киевской губ. Археол. летопись южн. России, 1900, стр. 148—155. — А Спицын. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого, Киевской губернии. ИАК, вып. 12, 1904, стр. 87—118. — В. Н. Доманицкий. Площадки с расписными сосудами в Звенигородском и Уманском уездах. Археол. летопись южн. России, 1899, стр. 174.

[2] Раскопки Якимовича см. ОАК за 1906 г. (стр. 106—108) и ОАК за 1907 г. (стр. 99—100).

лом и одним плитчатым слоем. Якимович находил обломки шлакованной обмазки, это были, вероятно, остатки печей. В одном случае Якимович установил даже наличие в пределах площадки развалин какого-то сооружения, около 1 м ширины и до 2.5 м длины, т. е., очевидно, тоже печи. Менее ясен функциональный и конструктивный смысл каких-то выемок, встреченных им в двух случаях под полом сооружений и наполненных целыми сосудами. Вместе с тем, и здесь, как и во всех других «залеганиях» этого первого типа, значительное число целых сосудов и зернотерок было расположено непосредственно на поверхности площадки, концентрируясь на определенных ее участках Площадка № 3 в виде исключения была образована только одним плитчатым слоем и относится, таким образом, к первому подтипу. В площадке № 1 плитчатый слой только наполовину покрывал лежащий в ее основе глиняный настил. Это последнее «залегание» представляет, следовательно, естественный переход к третьему подтипу первого типа.

Площадка у сел. Сушковка (Уманьщина). К этому же подтипу относится площадка раскопок 1926 г. (подробней см. ниже).

Площадки у сел. Попудня и Пьянижково. Согласно описанию Гимнера, [1] в основе всех раскопанных им в Попудне и в Пьянижкове «залеганий» лежит один или даже два слоя глыб неравномерно обожженной глины с отпечатками расколотых деревянных плах на нижней стороне. Но так как Гимнер в своих кратких и всегда маловразумительных описаниях упоминает и о фрагментах верхнего слоя, имеющих плитчатую форму, мы относим эти площадки к нашему второму подтипу, хотя у нас нет сведений о том, целиком ли и во всех ли случаях плитчатые слои покрывали глиняный настил. Анализируя отчет Гимнера, можно отметить и ряд уже знакомых нам деталей: расположение целых сосудов на полу, по краям «залегания», вмазывание днищ больших сосудов в пол, окружение зернотерки специальным воротником из глины, наличие открытых глиняных очагов, в данном случае квадратной формы, а может быть также и остатков печных сооружений и, наконец, каких-то ям в пределах площадки, возможно складочного назначения.

Площадка у сел. Кадиевцы (Подольщина). Глиняный настил, образованный одним или двумя слоями обломков обожженной глины с оттисками на нижней стороне расколотых деревянных плах (до 18—20 см ширины), расположенных поперек сооружения, был перекрыт плитчатым полом (целиком или частично — это неизвестно). На поверхности получившейся таким образом площадки были найдены и фрагменты сосудов и скопление обмазки, имеющее четырехугольную форму (2.0 × 1.75 м). Судя по некоторым деталям (шлакованные фрагменты, кучи пепла, слои золы), эти скопления обмазки являются развалинами печи; тут же были найдены остатки глиняного «круга», т. е., очевидно, открытого очага. В одной части залегания настил был заменен тремя плитчатыми слоями, лежащими прямо на земле, что связано было или с расширением, или с делением помещения, или и с тем и с другим.

Площадки на «поле Гончариха» (Западные области УССР). Обломки обмазки с верхней сглаженной стороной и нижней, сохраняющей оттиски дерева в качестве нижнего слоя, далее фрагменты плитчатой формы в качестве верхних слоев, а над всем этим еще отдельные скопления обмазки, являющиеся собственно развалинами нескольких печей, — все эти сочетания заставляют отнести раскопанные Гадачеком на «поле Гончариха» «залегания» ко второму подтипу нашего первого типа.

---

[1] M. Himner. Étude sur la civilisation premycénienne dans le bassin de la Mer Noire, d'après des fouilles personnelles. Swiatowit, XIV, 1930/31, стр. 152.

К третьему подтипу относятся площадки, образованные, в основном, только настилами и лишенные плитчатых полов, но во всех других отношениях вполне аналогичные всем вышеупомянутым «залеганиям».

Площадки у сел. Сушковка.[1] Анализ имеющихся в нашем распоряжении кратких отчетов показывает, однако, что все площадки у сел. Сушковка, раскопанные в 1916 г., должны быть отнесены к третьему подтипу. Площадки эти образованы более или менее сплошным залеганием обломков обожженной глины с растительными примесями от 17 до 40 см толщиной и с оттисками расколотого дерева на нижней стороне. Большая часть находок была сделана на поверхности площадок или за их пределами. Что касается обломков плитчатой формы, изготовленных из хорошо отмученной, лишенной всяких примесей компактной глины, то они встречались только в местах печей и очагов в качестве или остатков подов печей и оснований открытых очагов или внешней облицовки печи. Места печей и очагов отмечены особой многослойностью и выделяются на остальной поверхности площадки в виде ряда «горбиков» и «гребней». Анализ отчета, как будто, дает возможность трактовать некоторые из них как основания открытых очагов, другие рассматривать как остатки печей. В последних случаях с соответствующими участками связаны скопления обломков шлакованной обмазки, находки так наз. «пьедесталов» и даже обгорелых деревянных кольев, видимо, от деревянного каркаса глиняных печей. «Пьедесталы», связь которых с печными сооружениями здесь не подлежит сомнению, в своей основе изготовлены из глины, содержащей растительные примеси, но покрытые компактной «плитчатой» глиной. Это свидетельствует, между прочим, и о том, что плитки могли употребляться не только для облицовки пола, но и для облицовки печей, а также оснований очагов. В 1926 г. в той же Сушковке была вскрыта площадка, состоящая из двух-трех слоев фрагментов настила, покрытых нормальным плитчатым полом, и содержащая несколько «горбиков» со скоплением шлакованных обломков печной обмазки, в том числе и «пьедесталов». Эта площадка должна быть отнесена ко второму подтипу нашего первого типа.

Площадки у сел. Владимировка (Подвысоцкий р-н). Площадки этого местонахождения (по раскопкам 1936 г.) относятся к третьему подтипу.

Площадки у сел. Кринички, Корытное, Щербатово-Городище, Любушка-Посад (Подольщина).[2] В этих пунктах раскопки производил С. С. Гамченко. О них нам известно не столько по опубликованным кратким отчетам С. С. Гамченко, сколько по его большой неопубликованной рукописи, хранящейся в Архиве ИИМК. В основе раскопанных Гамченко в 1909 г. пятнадцати площадок лежал слой обломков, толщиной до 30 см, из слабо-обожженной и содержащей растительные примеси глины с отпечатками деревянных плах. Отпечатки эти были прослежены и на земле под слоем этих обломков. Они имели направление, поперечное оси сооружения; только по краям направление их было продольным; ширина их достигала 0.35 м, а длина порой превышала 2 м. Глиняный настил был сверху окрашен тонкими слоями желтой или красной глины, а в некоторых местах дополнительно подправлен или подмазан. Настил этот, по данным Гамченко, непосредственно являлся полом всего сооружения. Впрочем, знакомясь с коллекциями из раскопок Гамченко, хранящимися в Музее этнографии в Ленинграде, мы нашли там и фрагменты нормального плит-

---

[1] В. Козловська. Точки Трипільскої культури біля с. Сушківки на Гуманщині. ТКУ, стр. 51. — В. Козловська. Розкопи біля с. Сушківки на Гуманщині. Коротке звідомлення за 1926 р., стр. 45—46.

[2] Исследование С. С. Гамченко в ОАК за 1909—1910 гг., стр. 176—179. — С. С. Гамченко. Спостереження над даними дослідів Трипільскої культури 1909—1913 рр. ТКУ. — С. Гамченко. Археологические исследования в Подолье в 1909 г. по трипольской культуре (рукопись, хранится в архиве ИИМК АН СССР).

чатого пола. Можно думать, что хотя бы частично и не на всех «залеганиях» плиточный слой все же покрывал настил. По краям настил имеет небольшой бортик-закраину, примыкавшую к стене и отсутствующую в местах входа. Местам входа обычно соответствуют выбоины на полу и утрамбованные приступки вне площадки. «Залегания» имеют, повидимому, форму вытянутых прямоугольников, часто с одним или с двумя боковыми выступами. Значительной величине ряда сооружений соответствует наличие одного или двух выступов, с самостоятельным входом в каждом из них (результат разрастания помещения?), и нескольких глиняных печей. На полу обычно обнаруживалось несколько куч шлакованной обмазки: в нижних их слоях залегали фрагменты, прямые в сечении, с отпечатками расколотых плах, а в верхних располагались фрагменты, дуговидные в сечении, с оттисками лозы и прутьев на вогнутой или выпуклой стороне. Эти кучи образовались вследствие разрушения каких-то сводчато-купольных сооружений, состоящих снизу из расколотых плах, обмазанных глиной, а сверху представлявших собой плетения из лозы, тоже обмазанные глиной с обеих сторон. Гамченко видел в этих сооружениях «ульевидные жилища», но у нас есть основание думать, что они представляли собой большие глиняные печи, во многом аналогичные нашим коломищинским. Сверху эти печи имели отверстие для выхода дыма, а может быть, и специальный дымарь. На ряду с этими большими глиняными сооружениями, возможно служившими для обжигания сосудов и выпечки хлеба, было установлено наличие совсем небольших глиняных печей близкого коломищинским типа, но, вероятно, специально кухонного назначения. Находки сделаны были на полу в определенных местах, особенно по краям и вокруг этих небольших печей, а также вне «залегания» в специальных, по мнению Гамченко, «обводных канавах». В пределах площадок Гамченко встречал и котловидные ямы для запасов до 3 м глубины, обложенные обожженной глиной.

Площадки у сел. Озаринцы, ур. Попов-Город (Подольщина). Здесь отмечены только фрагменты слабо-обожженного сверху слоя рыхлой глины с оттисками плах на нижней стороне.

Общим признаком всех «залеганий» первого типа является расположение основной массы находок если не вовне, то на поверхности площадки, причем это особенно относится к целым сосудам, зернотеркам и остаткам печных сооружений. Поэтому к первому типу без дальнейшей детализации мы отнесем и «залегания» у селений Городницы, Козанчинцы, Верхнековцы и Беремианы, раскопанные Киркором в Западной Украине, а также «залегание» в Кошиловцах, раскопанное Козловским.

Однако целый ряд монументальных памятников трипольской культуры имеет совершенно иное соотношение находок и слоев обожженной глины. Речь идет о тех случаях, когда обломки обожженной глиняной обмазки, располагаясь сплошным слоем по всей поверхности «залегания», покрывают группы целых сосудов и зернотерок и когда эти обломки являются не только результатом разрушения печей, но, очевидно, и обмазки стен. В последнем случае можно даже допустить действие пожара, разрушившего стенную обмазку. К этому второму типу относятся как те «залегания», в которых покрытые обломками обожженной обмазки сосуды и зернотерки располагаются непосредственно на земле, так и те, в которых сосуды и зернотерки целиком или только частично располагаются на полу из обожженной глины. В первом случае (первый подтип второго типа) сохраняется только обмазка печей и стен, во втором случае (второй подтип второго типа) это дополняется и остатками пола из обожженной глины.

«Залегания» у сел. Зеленча (Западные области УССР). [1] Вскрытые здесь

[1] Demetrykiewicz. Poszukiwania archeologiczne w powiecie Trembowesskim w Galicyi wschodnej. MAA, 1900, IV, стр. 101—109.

Деметрикевичем примерно прямоугольные «залегания» состояли из беспорядочно расположенных обломков обожженной глины, всегда сохраняющих оттиски плах или прутьев. Обломки эти покрыли расположенные здесь, очевидно, прямо на земле, группы целых сосудов. Расположение сосудов группами, а также концентрация всех костных остатков в одном пункте выражают характерное для трипольского домостроительства вообще внутреннее деление помещения. Но соотношение находок и слоев обожженной глины здесь очень своеобразно. Деметрикевич полагает, что обмазка стен, обожженная разрушившим жилище пожаром, покрыла стоявшие внутри сооружения сосуды. Полом всего этого сооружения была сама земля.

«Залегания» у сел. Бильче-Злоте, Васильковицы, Вигнанцы (Западные области УССР).[1] Деметрикевич полагает, что Оссовский, раскапывая памятники трипольской культуры в ряде западноукраинских местонахождений, имел дело с залеганиями, аналогичными с типом в Зеленче. Действительно обломки обожженной глины (некоторые из них сохранили оттиски дерева) покрывают здесь группы целых сосудов, стоящие прямо на земле.

«Залегания» у сел. Шипеницы (Буковина). К тому же первому подтипу второго типа относится «залегание» № 2. Подробней о нем ниже.

«Залегание» у сел. Кукутены (Румыния). К тому же подтипу относятся «залегания» нижнего слоя (см. ниже).

«Залегания» у сел. Петрены (Бессарабия).[2] Раскопки Э. Штерна в Петренах неудовлетворительны. Столь же неудовлетворителен и его отчет. Насколько можно судить, и здесь слой обломков обожженной глины, образующий прямоугольное «залегание», покрывал группы целых сосудов, причем в составе этого слоя находились фрагменты, сохранившие отпечатки круглых бревен. Сами же сосуды располагались или на полу из простой утрамбованной глины, или на полу из нескольких слоев плиток обожженной глины. Следовательно, одна часть «залеганий» из Петрен, очевидно, может быть отнесена к первому подтипу второго типа, а другая часть ко второму подтипу того же типа. А в одном случае пол небольшого жилища наполовину был выложен расколотыми тонкими плитами известняка.

«Залегания» у сел. Бильче-Злоте (Западные области УССР). «Залегания» № 4 (раскопки 1890 г.) и №№ 9, 12 (раскопки 1891 г.). «Залегания» верхнего горизонта «второго кладбища».

Во всех этих случаях целые сосуды встречались не только под слоями обломков обожженной глиняной обмазки, но и над слоем обожженной глины, т. е., очевидно, на специальном полу.

«Залегание» у гор. Бучач (Западные области УССР) является остатками надземного сооружения. Судя по отчету, масса обломков стенной обмазки (обжиг, очевидно, от пожара) покрывает и обожженный глиняный пол и стоящие на нем сосуды, а также входящий в его состав несколько вогнутый вовнутрь глиняный круг, являвшийся основанием печи или открытого очага.

«Залегания» у сел. Томашивка (Уманьщина)[3] *№№ 3, 7, 9* «Залегания» эти достигают иногда значительных размеров (одно из них, № 9 —

---

[1] G. Ossowski. Sprawozdanie z wycieczki paleoetnologicznej po Galicyi w rok 1889. ZW, XIV, 1890. — Idem. Sprawozdanie drugie z wycieczki paleoetnologiczne po Galicyi w roku 1890. ZW, XV, 1891. — Idem. Sprawozdanie trzecie z wycieczk paleoetnologicznej po Galicyi w roku 1891. ZW, XVI, 1892. — Idem. Sprawozdanie czwarte z wycieczki paleoetnologicznej po Galicyi. ZW, XVIII, 1894, стр. 2—6, 25—26.

[2] Э. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр XIII АС, т. I, стр. 9 сл.

[3] П. Курінний. Розкопи біля с. Томашівки. Коротке Звідомлення за 1925 р., стр. 54—57. — Он же. Монументальні памъятки Трипільскої культури. ТКУ, стр. 82. — Он же. Розкопи біля с. Томашівки на Гуманщині. Коротке Звідомлення за 1926 р., стр. 54—58.

180 кв. м); образованы они беспорядочными скоплениями обломков обожженной глины, иногда, впрочем, имеющими примерно прямоугольные очертания. Основная масса находок, в частности значительное количество целых сосудов, была обнаружена под этим основным, образующим все «залегание» скоплением обломков обожженной глины. Сосуды располагались или прямо на земле или на слое обожженной глины, т. е. на глиняном полу, который только частично покрывал внутреннюю поверхность жилища.

Так, при раскопках «залегания» № 7 под скоплениями обломков обожженной обмазки были обнаружены остатки настила примерно прямоугольной формы с оттисками расколотых бревен на нижней стороне. Под большим скоплением обломков обожженной обмазки (площадь 180 кв. м), образующими «залегание» № 9, на четырех участках были найдены слои обожженной глины. Последние представляли собой настилы, сохранившие снизу оттиски расколотых бревен и иногда покрытые двумя дополнительными слоями обожженной глины. Над этими настилами и вокруг них были расположены группы сосудов, всегда покрытые сверху обломками обожженной обмазки. В «залегании» № 3 группы сосудов были расположены под беспорядочным нагромождением обломков обмазки и над слоем обожженной глины (полом). К этим группам примыкали небольшие ямы прямоугольного разреза, вероятно, складочного назначения. Там же были найдены, так наз. «пьедесталы», очевидно, связанные с печными сооружениями.

Третий тип монументальных памятников трипольской культуры включает «залегания», являющиеся остатками сооружений, лишенных глиняных настилов и полов и погибших не от пожара. В силу этого единственными остатками такого типа сооружений являются обломки глиняных печей и очагов; что же касается находок, например, целых сосудов и зернотерок, то большей частью их со всех сторон окружала только земля.

«Залегания» у сел. Томашивка №№ 1, 2, 8 представляют собой очень небольших размеров «точки» из обожженной глины. Один из них (№ 2) состоял из одного нижнего слоя обожженной глины пористой консистенции, 13 см. толщины, и из двух верхних слоев плиток, 4—5 см толщины; площадь его — 2.5 кв. м. Другой «точок» (№ 1) состоял из двух плитчатых слоев, имел 2 м в длину и 0.5 м в ширину. «Точки» таких незначительных размеров могли быть остатками глиняного настила или пола, покрывающего только небольшую часть сооружения, в частности места очагов или печей. Недаром вокруг этих «точков» были найдены группы сосудов и зернотерок, стоящие непосредственно на земле. Эти «точки» могли быть и основаниями открытых очагов и подами печных сооружений. Таким подом, можно думать, является, например, «залегание» № 8, которое представляет собой глиняную лепешку площадью в 2 кв. м, покрытую обломками пережженной обмазки.

«Залегания» у сел. Захватовка (Уманьщина).[1] Здесь были открыты три изолированных очажно-печных места, причем остается неизвестным, входили ли они в какое-либо жилое сооружение. Два из них представляли собой остатки пода и верхних частей глиняной печи с характерными карнизами (1.52 м длиной и 1.3 м шириной), а третий являлся основанием, очевидно, открытого очага (площ. 1.3 кв м).

«Залегания» у сел. Райки представляют собой очень небольшие (1—2 кв. м) лепешки из обожженной глины, обычно округло-овальной формы, засыпанные обломками глиняной обмазки. Они являются остатками гли-

---

[1] М. Якимович. Археологічні досліди біля с. Захватівки (Червоний Кут) Тернівського р., Гуманьск. окр., з рр. 1926—1928. Хроніка археології та мистецтва, ч. I, Київ, 1930, стр. 37—40.

няных печей, а в некоторых случаях, возможно, оснований открытых очагов, помещавшихся внутри жилища, о чем свидетельствует и расположение вокруг них прямо на земле различных предметов. Только одно «залегание», площадью в 30 кв. м, является, очевидно, не только основанием очага или печи, но частично и полом, и должно быть отнесено к нашему первому типу.

«Залегания» у сел. Лукаши представляют собой площадки, состоящие из нескольких, очевидно, плитчатых слоев. По границам их обнаружены обломки обожженной глины, происходящие от оснований или нижних частей стен. Некоторые из этих залеганий по величине своей (2—4 м в длину и ширину) являются только подами печей и очагов, а другие — более обширные — также и полами сооружений, относящихся, следовательно, к нашему первому типу.

«Залегания» у сел. Евминка (Остерщина). Здесь были найдены только обломки глиняных печей.

«Залегания» у сел. Кукутены. Верхние слои. [1] Судя по незначительному количеству обломков обожженной глиняной обмазки, они происходят только от разрушения печей.

«Залегания» у сел. Бильче-Злоте (нижний горизонт «второго кладбища»). Судя по незначительному количеству обломков обожженной обмазки, залегающих между группами целых сосудов, обломки эти происходят только от разрушения глиняных печей.

«Залегания» у сел. Шипеницы. [2] В одном случае («залегание» № 2) Кайндль обнаружил здесь скопления обломков обожженной глины примерно прямоугольных очертаний, прикрывавшие сосуды, которые стояли прямо на земле. Обломки эти сохранили оттиски столбов и прутьев. Они, как полагает Кайндль, являются фрагментами обмазки стен, обожженной пожаром, разрушившим само жилище. Очевидно, если бы не пожар, то от этого сооружения не сохранилось бы ничего кроме фрагментов печей или очагов. Именно это имеет место в другом «залегании» (№ 1) у сел. Шипеницы. Это «залегание» представляет собой только глиняный под печи или очага (1.5 м длиной и 1 м шириной), возле которого прямо на земле стояли сосуды и расположена была приочажная яма.

«Залегание» у сел. Кошиловцы, [3] раскопанное Козловским, относится, очевидно, к нашему первому типу. Оно представляет собой многослойную глиняную площадку, на поверхности которой находились различные предметы. Между последними встретились обломки с отпечатками дерева, но они скорее всего являются остатками печной обмазки. Действительно, Козловский здесь же обнаружил остатки купольно-сводчатых печей, вставленных в ямы до 0.60—1.20 м глубины. Печи эти в своем основании имели глиняный настил и были сделаны из деревянного каркаса, обмазанного глиной. Значительное количество аналогичных печей вскрыл в Кошиловцах Гадачек; в этих «залеганиях» они были единственными остатками жилых сооружений. Если, следовательно, «залегание», раскопанное Козловским, относится к нашему первому типу, то «залегания» Гадачека должны быть отнесены к третьему. Отмеченное Гадачеком скопление

---

[1] H. Schmidt. Cucuteni, 1932.

[2] Kaindl. Prähistorisches aus Bukowina. Jahrb. der KK. Zentralkommission für Erforschung und Erhaltung der kunst-und historischen Denkmale. N. F., т. II, 1904, стр. 28—30. — Idem. Neolithische Funde mit bemalter Keramik in Koszylowce (Ostgalizien). Jahrb. f. Altertumskunde, 1908, т. II, стр. 146 — Buxton. Koszylowce. Proceedings of the First International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, 1932, стр. 209. — G. Childe. Schipenitz: A late Neolithic Station with Painted Pottery in Bukowina. Journ. of the R. Anthropol. Inst., 1923, стр. 267.

[3] Kozlowski. Budowle Kultury ceramiki malowanej w swietle badań przedrowadzonych w Koszylowcach, Niezwiskach i Buczaczu, Lwów, 1930.

нескольких печей на небольших участках и их неравномерная глубина связаны, вероятно, с перестройками жилых сооружений, а вместе с ними и печей.

«Залегание» у сел. Незвишка (Западные области УССР). Незначительное количество обломков обожженной глиняной обмазки происходит здесь, очевидно, от очажно-печного настила. Раскапывая это залегание, Козловский обнаружил следы столбов; их сочетание дает возможность реконструировать прямоугольный, типа мегарона, дом с двускатной крышей

«Залегания» у гор. Бучач. По данным Козловского, сооружения у Бучача представляют собой землянки, на дне которых обнаружены следы столбов, служивших опорой для стен с двускатной крышей. В землянках располагались печи из камней и очаги из глины. От очажно-печных сооружений происходят, очевидно, и все найденные там обломки обожженной глиняной обмазки.

Сюда же примыкают и многочисленные позднетрипольские полуземлянки и простые очажные ямы из поселений на территории Киева (на Кирилловской улице, в б. усадьбе Святославского, в б. усадьбе Петровского и на Верхней Юрковице), у Ржищева, близ Кононч или Бортничей.

Исключением являются жилые, очажные и складочные ямы в таком раннетрипольском поселении, как поселение на Борисовском городище (Линецкий район), где были встречены и обломки обожженной глины от обмазки печей или даже стен. Любопытно, что складочные ямы здесь были обложены каменными плитами.

Четвертым типом монументальных памятников трипольской культуры являлись те сооружения, у которых в основе пола, целиком или только частично, лежали не слои обожженной глины, а каменные выкладки.

«Залегания» у сел. Усатово (близ Одессы). Единственными сохранившимися в Усатове остатками монументальных сооружений являлись различные однослойные и многослойные каменные кладки, использовавшиеся в составе полов жилищ, переходов между помещениями, очагов и ограждений всего поселения.

«Залегания» у сел. Гард (близ Первомайска). Каменные «точки» или выкладки на Гарде, судя по находкам, сделанным на их поверхности, являлись основаниями очагов, а частично и полами жилищ. Эти каменные «площадки» соответствуют глиняным конструктивно и, очевидно, функционально. Любопытно, что обитатели нижних слоев Кукутен, от сооружений которых остались только кучи обожженной пожаром стенной обмазки (второй тип), поселились непосредственно на поверхности скалы (каменный пол!).

Наконец, особо отметим позднетрипольское поселение у *Баликов под Ржищевым*, от которого остались только небольшие мусорные ямы. Жилища, являвшиеся, возможно, легкими надземными строениями, исчезли бесследно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нам известны более или менее точные размеры свыше ста трипольских площадок. Площадки, по непроверенным еще данным В. Хвойко, являлись иногда огромными «залеганиями» площадью в 300—500 кв. м. Но такие большие «залегания» встречаются очень редко. Чаще, по данным В. Хвойко, встречаются площадки в 200—300 кв. м, еще более часты «залегания» в 100—200 кв. м. Далее, выделяется группа площадок в 50—100 кв. м и затем довольно обширная серия «залеганий» от 10 до 50 кв. м. Важно то, что в пределах одного и того же поселения обычно представлены площадки самых разнообразных размеров.

Как уже было отмечено выше, площадки, т. е. «залегания» слоев обожженной глины, в ряде случаев соответствуют только определенным частям жилища. В частности, не может быть сомнений в том, что площадки величиной менее 6—10 кв. м являются основанием не всего жилища, а лишь очажного сооружения, расположенного или внутри жилища или даже вне его.

Форма жилищ — более или менее удлиненная. В ряде случаев длина превышает ширину в два или даже четыре раза. Очертания трипольских площадок и очертания соответствующих им жилищ обычно прямоугольны и только в редких и недостоверных случаях — овальны.

Приведенная выше классификация дает основания притти к некоторым выводам общего порядка, связанным и с локально-племенной дифференциацией памятников трипольской культуры и с ее последовательным развитием и исчезновением.

1) Все доныне известные монументальные памятники культуры А и культуры В из Среднего Приднепровья принадлежат к первому и второму подтипам нашего первого типа.

2) Памятники первого и второго подтипов первого типа чаще всего встречались в Среднем Приднепровье и значительно реже в Среднем Побужье и Поднестровье.

3) Памятники третьего подтипа первого типа неизвестны в Среднем Приднепровье, но встречались в Среднем Побужье и Поднестровье.

4) Памятники второго типа лишь в одном случае известны в Среднем Побужье (Томашивка); они сосредоточены по течению Днестра и Прута (Западноукраинские местонахождения, Петрены, Кукутены).

5) Памятники третьего типа распространены на различных территориях.

6) Памятники четвертого типа встречаются в наиболее южных районах распространения трипольской культуры (Гард у Первомайска, Усатово у Одессы, ср. также одну площадку из Петрен и каменный скалистый пол в жилищах первых обитателей Кукутен). Из этого сопоставления, между прочим, явствует, что сложные и мощные конструкции полов и настилов более всего свойственны трипольским сооружениям Среднего Приднепровья. Именно здесь острее всего выявилась потребность частично превратить жилой дом в амбар для зерна и предохранить последнее от прорастания; для этого и подкладывали слои обожженной глины, обнаруженные, как известно, не только в местах печей и очагов.

К юго-западу конструкция полов и настилов становится все проще (появляются, например, залегания третьего подтипа первого типа) и все чаще появляются жилища с простым земляным полом (первый подтип второго типа, третий тип).

На ряду с этой территориальной дифференциацией прослеживаются и определенные стадиально-хронологические различия.

1) В одном из наиболее ранних трипольских поселений отсутствуют площадки и представлены жилые, очажные и запасные ямы (Борисовка).

2) Для классического Триполья (культуры А и культуры В) характерен расцвет своеобразного домостроительства, представленного площадками.

3) Памятники нашего третьего типа выступают большей частью, — особенно на территории Советской Украины, — в поздних и позднейших трипольских поселениях, порой являющихся и наиболее периферийными (Райки, Евминка, Городск).

Для поздних и позднейших трипольских поселений характерно вырождение и исчезновение настоящих трипольских площадок и замена их надземными залеганиями третьего или четвертого типов или землянками или, наконец, легкими надземными строениями типа Баликов.

Известное снижение прежней ведущей роли мотыжного земледелия во всей системе хозяйства на поздних и позднейших стадиях развития трипольской культуры сократило «амбарные» функции жилого дома; это могло способствовать исчезновению площадок как совокупностей полов и настилов из обожженной глины. Однако проблема исчезновения трипольских площадок шире, чем вопрос о причинах ликвидации полов из обожженной глины. Ведь для трипольского домостроительства, представленного площадками, характерны, во-первых, колебания в величине жилищ — от самых незначительных до очень крупных (связанные нередко с постепенным разрастанием родового домохозяйства), а также более или менее выраженная удлиненная форма жилых сооружений. Для трипольского домостроительства характерна, во-вторых, многоочажность, расположение сосудов группами, а иногда наличие нескольких входов, связанное с делением общинно-родового домашнего хозяйства на несколько или много парных семей и с его постепенным разрастанием. Для трипольских «залеганий» характерно, в третьих, функционально-конструктивное деление помещения, сосредоточение в одной части печей и очагов, в другой — зернотерок и сосудов для хранения зерна, в третьей — материалов для изготовления орудий труда; это связано с тем, что общинно-родовое домашнее хозяйство, несмотря на его разделение на отдельные парные семьи, продолжало быть единым хозяйственным организмом.

Трипольские формы домостроительства являлись результатом и выражением расцвета первобытно-общинного и материнско-родового строя. Не связано ли исчезновение трипольских площадок с какими-то глубокими сдвигами в общественных отношениях, происшедшими в конце существования трипольской культуры? В самом деле, нетрудно проследить, как на поздних этапах развития трипольской культуры по мере исчезновения площадок возникает принципиально новый тип домостроительства, представленный, например, «мегароном» из Незвишки или землянками из Бучача.

Представленные этими «залеганиями» жилища, всегда небольшие и часто одноочажные, в большинстве случаев лишенные признаков разрастания и парно-семейного деления, отражают новый принцип домостроительства, существенно иной, чем принцип, выраженный площадками.

Это — разные стадии и в хронологическом и в социально-экономическом отношении.

E KRIČEVSKIJ

LES «PLATEFORMES» DE TRIPOLJE

RÉSUMÉ

L'auteur publie les résultats de l'étude des restes d'habitation appartenant à la culture de Tripolje découverts près du village de Chalepie (région de Kiev). Se basant sur ce matériel, il revoit entièrement le problème des «plateformes» de Tripolje, en établit une nouvelle classification et analyse toutes les particularités fonctionnelles et constructives de ces habitations. La construction et le plan de ces habitations témoigne de l'existence d'un ordre social et économique où la commune primitive des clans était subdivisée en familles formées par couples.

В. И. РАВДОНИКАС

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ

(Предварительное сообщение)

Неолитическая культура лесной полосы восточноевропейской части СССР известна нам, оставляя в стороне наскальные изображения, почти исключительно по довольно многочисленным остаткам временных или постоянных поселений, так называемых стоянок. Погребения, связанные с этой культурой, до сих пор встречались чрезвычайно редко. В Ладожской стоянке, изученной А. А. Иностранцевым, в намывном торфе, т. е. в условиях смещения с первоначального места залегания, были найдены черепа и отдельные кости человеческих скелетов. [1] Семь плохо сохранившихся неолитических погребений были обнаружены при раскопках Языковской стоянки (Кашинский район Калининской области). [2] Три погребения лицом вниз оказались под культурным слоем неолитической стоянки у Кубенина (озеро Лач). [3]

Этим исчерпывается наличный материал, если не касаться столь же малочисленных, спорных или вовсе недостоверных находок. [4]

Перечисленные погребения представляют, как видно по условиям их залегания в земле, остатки захоронений в поселениях, может быть в жилищах. Неолитические могильники в собственном смысле слова, т. е. специально родовые или племенные кладбища с массовыми захоронениями, на территории восточноевропейской части СССР (в противоположность территории Сибири) до настоящего времени вовсе не были известны.

Тем интереснее и важнее открытие первого в данном круге неолитического могильника, притом грандиозного по размерам и богатейшего по инвентарю, который был обнаружен на территории, вообще исключительно богатой неолитическими памятниками, правда почти не изученными, именно в Карелии. В настоящем сообщении мы можем дать лишь самую общую и самую предварительную информацию об этом выдающемся открытии.

На Онежском озере рядом с северо-восточным берегом Б. Клименецкого острова расположены два небольших островка, получивших название Оленьих (рис. 1). Южный Олений остров имеет площадь около 1 кв. км и

---

[1] А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, стр. 91 сл.

[2] О. Бадер. Неолитические погребения на верхней Волге. Сов. археол., № 3, 1937, стр. 217 сл. См. также статью О. Бадера в «Антропологическом журнале» (№ 2, 1936).

[3] Отчет М. Фосс о раскопках на Кубенине (Сов. археол., № 5, 1940).

[4] Весьма сомнительны погребения на берегу р. Вексы в Костромском крае. См.: Л. Казаринов. Первые обитатели края. Тр. Чухломск. отд. Костромск. научн. общ., вып. IV. Совершенно недостоверны материалы В. С. Передольского, описанные им в «Новгородских древностях».

вытянут с СЗ на ЮВ на 2 км при наибольшей ширине около 0.5 км и при высоте до 15 м над уровнем озера (рис. 2). Он представляет юго-западное крыло антиклинальной складки и сложен из протерозойских метаморфизованных кристаллических доломитов и известняков, относящихся к средним горизонтам Ятулия. [1] Сверху коренная порода покрыта четвертичными наносами, представляющими перемытую морену (валунно-галечные пески и суглинки), достигающую мощности до 4—5 м.

Задолго до Великой Октябрьской социалистической революции на Ю. Оленьем острове началась кустарная разработка извести; при этом, как утверждают старожилы ближайших деревень, уже тогда здесь были

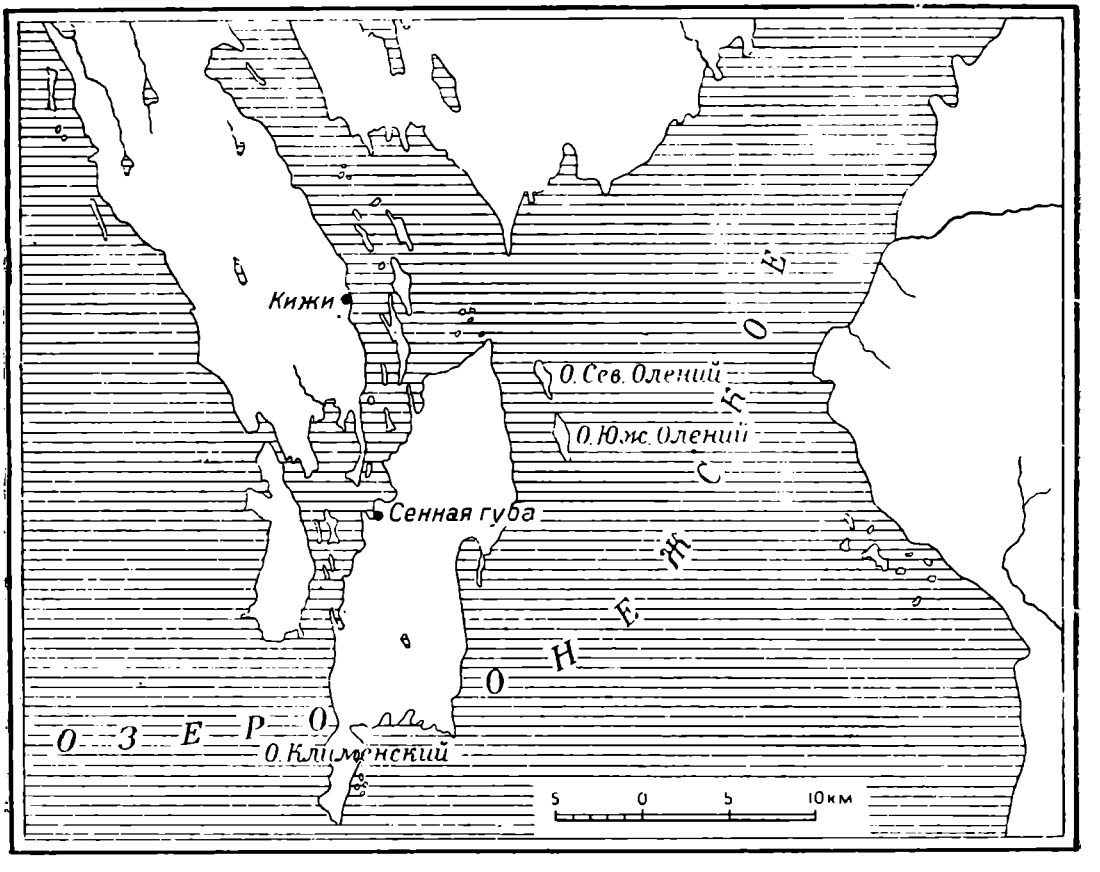

Рис. 1. Местонахождение Оленьих островов.

открыты древние могилы, а местность, где они были встречены (северо-западная часть острова у его наивысшей точки), получила даже наименование «могильника».

Судя по площади, занятой ямами, в обрезах которых или в выкидах из них сохранились следы погребений, — число уничтоженных кустарными разработками древних могил должно быть весьма значительным.

В советское время на острове довольно широко развернулись работы по ломке известняка большим открытым карьером.

В июне 1936 г ГАИМК им. Н. Я. Марра получил одновременно от Б. Ф. Землякова и от Научно-исследовательского института Карелии извещение о том, что на Ю. Оленьем острове происходит разрушение каких-то древних погребений. ГАИМК сразу же были приняты спешные меры: сначала на место был послан разведочный отряд в составе Г П. Гроздилова и Н. Н.

[1] П. Т. Ш в е ц. Оленеостровское месторождение известняка на Онежском озере. Изв. Лгр. геол. треста, 2 (11), 1936, стр. 28.

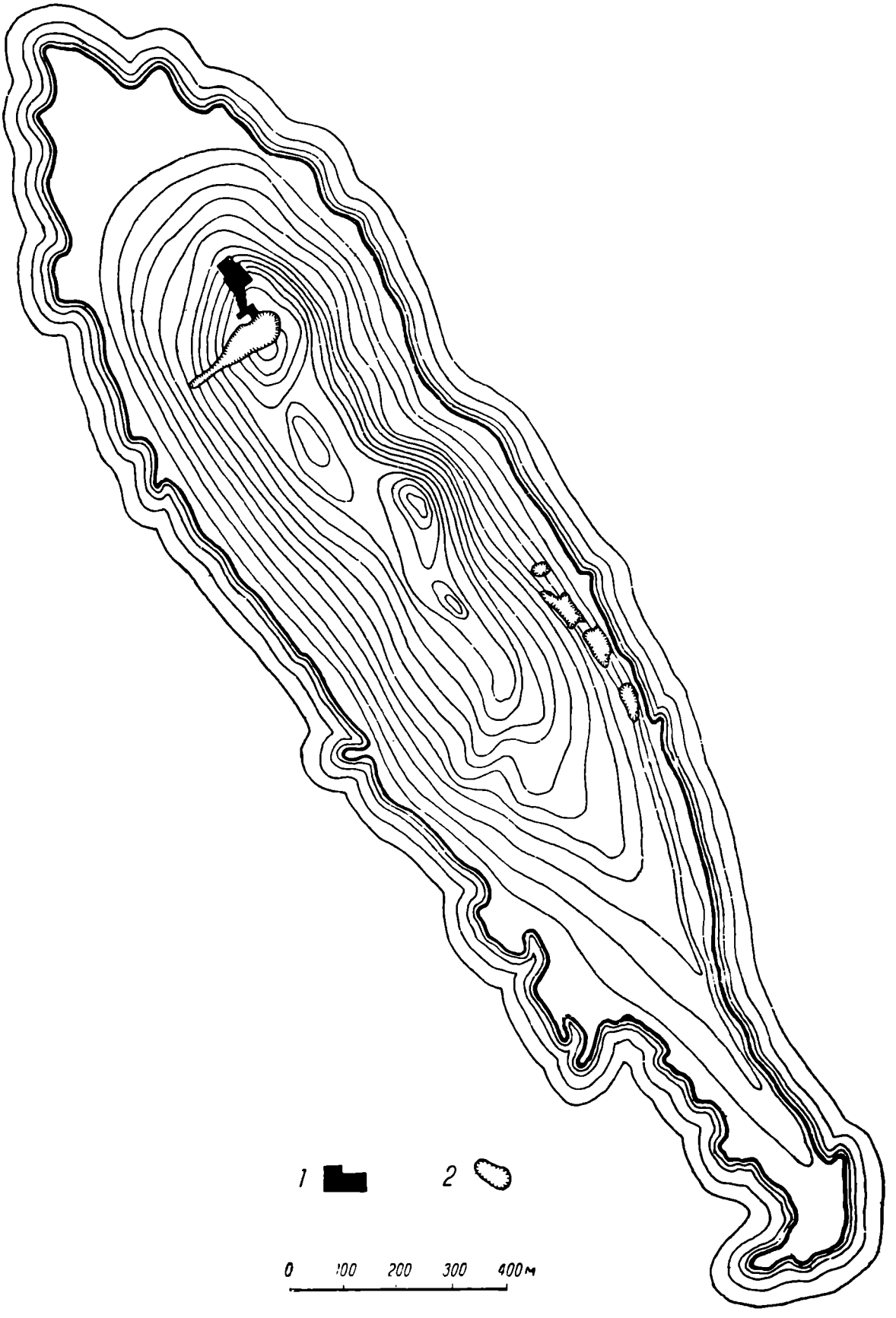

Рис. 2. План Ю. Оленьего острова с указанием раскопок 1936 и 1937 гг.

1 — раскоп 1936—1937 гг.; *2* — карьеры.

Гуриной, а в июле туда поехала и до сентября вела работы экспедиция ГАИМК в составе В. И. Равдоникаса (руководитель), П. А. Смелова (реста-

Рис. 3. Четвертичные отложения в зоне расположения могильника (характер грунта).

ратор), Н. Б. Эмлер, Н. А. Ланина и Д. С. Каценельсон. В 1937 г экспедиционные исследования были развернуты здесь еще шире при участии уже трех заинтересованных учреждений — ГАИМК, ИАЭ Академии Наук СССР

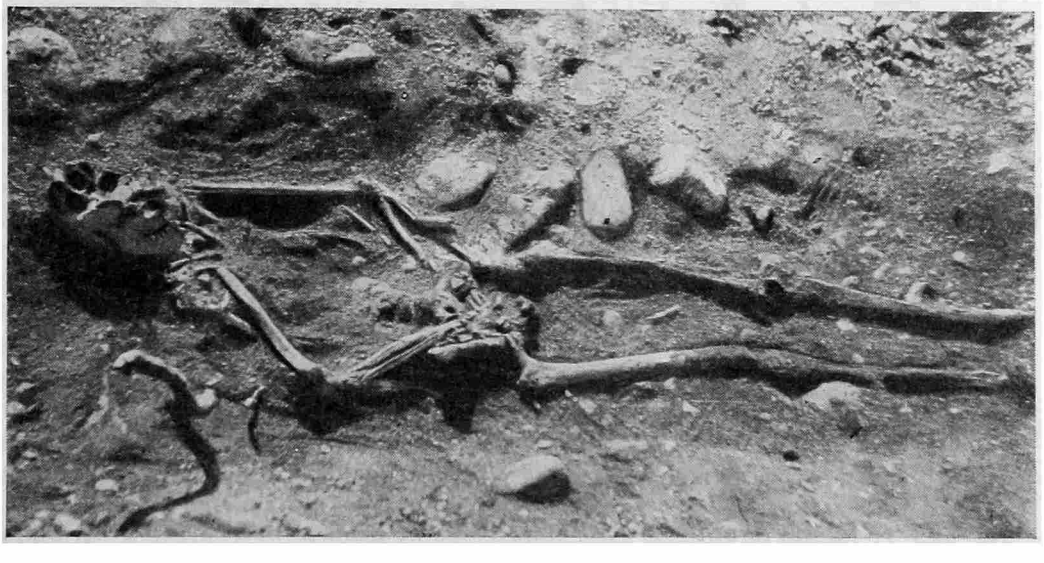

Рис. 4 Одно из массовых одиночных захоронений.

и Московского антропологического института. Исследования в 1937 г. продолжались $2^1/_2$ месяца — с начала июля до середины сентября. В состав экспедиции входили В. И. Равдоникас (руководитель), П. А. Смелов (реста-

ратор), Г. П. Гроздилов, Н. Н. Чернягин, Н. Ф. Лагодовская, Н. Н. Гурина, К. В. Вяткина, В. В. Храмова, Н. Б. Эмлер (сотрудники), Д. Н. Бенуа, М. Я. Вельбель, С. Н. Орлов, Т. Родионова, В. Рыбалова, Е. А. Лошкарева, Викторов и А. Столяр (практиканты).

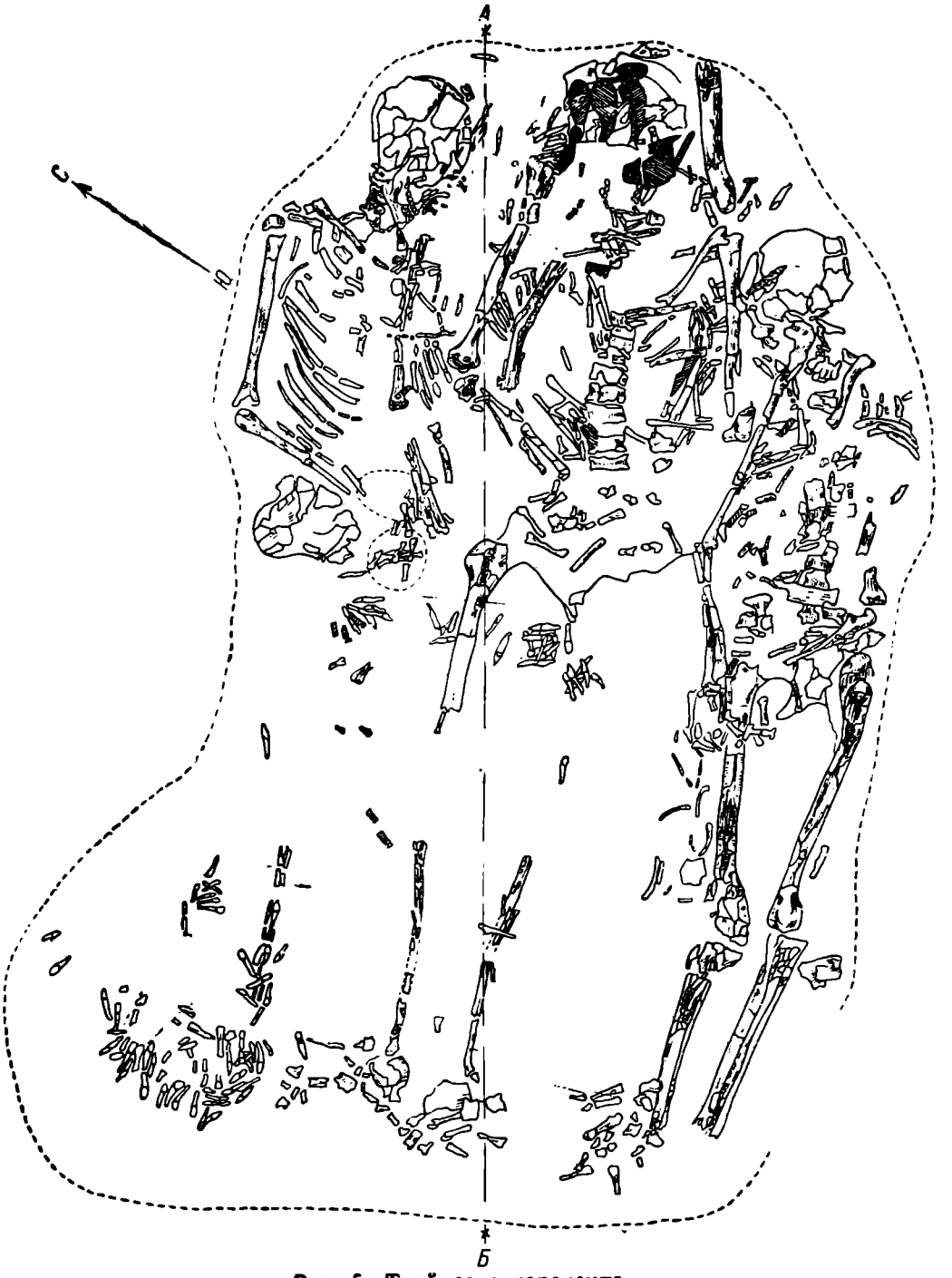

Рис. 5. Тройное захоронение.

За два года экспедиционных работ было раскопано 2200 м² площади могильника (рис. 2) и вскрыто свыше 150 погребений. Собран интереснейший и богатейший массовый материал, предварительное изучение которого дает возможность установить следующие общие черты, характеризующие этот замечательный могильник.

Захоронения находятся в слое четвертичных отложений, представляющих здесь, в зоне расположения могильника, галечник с крупным песком

(рис. 3). Скелеты лежат в неглубоких могильных ямах (как правило не глубже 1 м), форма которых вследствие крайней сыпучести грунта обычно не прослеживается. Чаще всего лишь по следам красной краски можно было выяснить устройство могильных ям, имевших обычно прямоугольную форму и корытообразное дно. Нормальное положение скелетов — вытянутое, на спине, головой к В с отклонением на С, реже на Ю (рис. 4). В трех случаях наблюдалась слабая скорченность при положении скелетов на боку Нередки одновременные двойные и даже тройные разнополые захоронения — мужчина, похороненный с одной или с двумя женщинами (рис. 5). В ряде случаев женщины были захоронены с маленькими детьми, остатки костячков которых лежали или между ног женского скелета (рис. 6), или на его груди или рядом с ним сбоку.

Выдающийся интерес представляют вертикальные захоронения (5 случаев), когда скелеты находились в стоячем положении в глубоких ямах, вырытых до самой скалы, т. е. до коренной породы. Такие захоронения являются новостью не только для неолита, но и для памятников других эпох. Одно из вертикальных захоронений исключительно богато находками (орнаментированный кинжал из кости с кремневыми вкладышами, колчан со стрелами, сланцевые ножи, гарпуны, множество подвесок и пр.) и является, вероятно, погребением вождя (рис. 7).

При скелетах часто лежат кости жертвенных или напутственных животных и птиц (бобра, оленя, лося, волка и др.).

Общей всем захоронениям чертой является засыпка скелетов и дна могилы красной

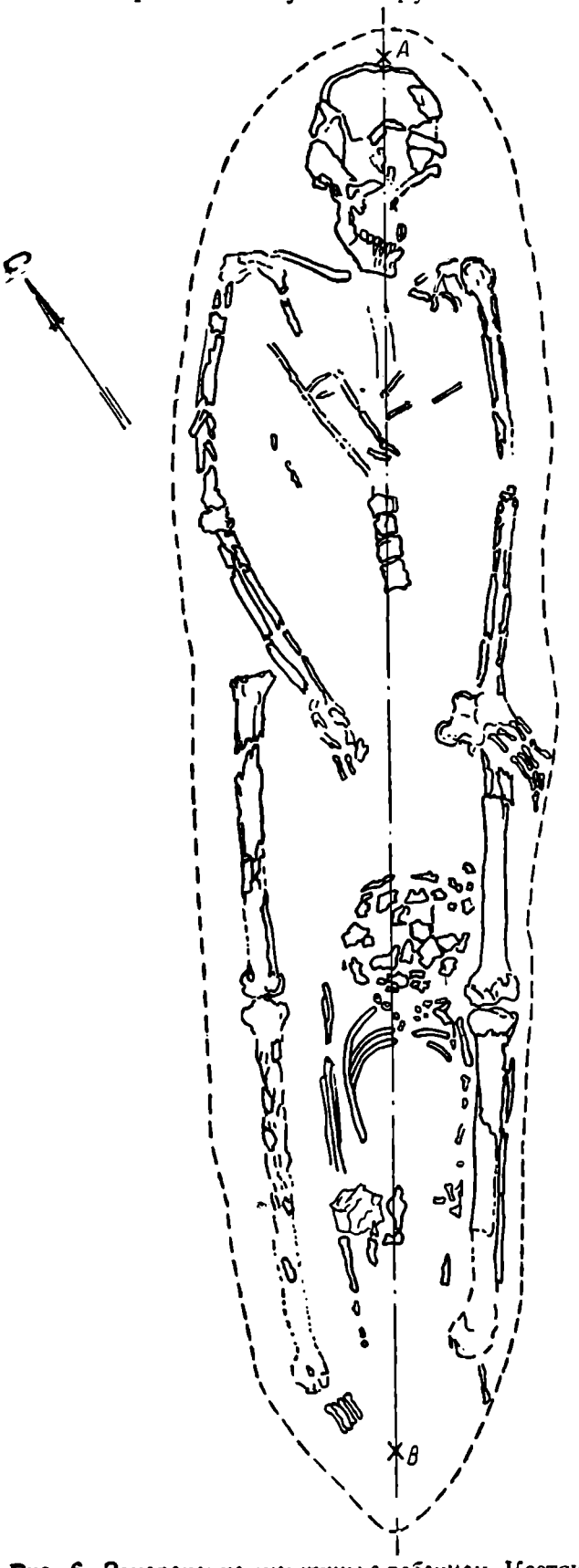

Рис. 6. Захоронение женщины с ребенком. Костяк ребенка находится между ног женского костяка.

краской (охрой). Обычно костяки засыпаны густым, интенсивно окрашенным слоем краски, которая прослеживалась иногда и по всей засыпи могилы до самой поверхности земли.

Рис. 7 Вертикальное погребение. Череп не сохранился.

В отдельных случаях можно было с уверенностью констатировать обложение скелета камнями. Однако вследствие сильно каменистого характера грунта засыпь могилы в большинстве случаев неизбежно должна была состоять преимущественно из галечника и валунов.

Надмогильные сооружения или знаки не сохранились, но они, по всей вероятности, первоначально существовали, так как могильные ямы только

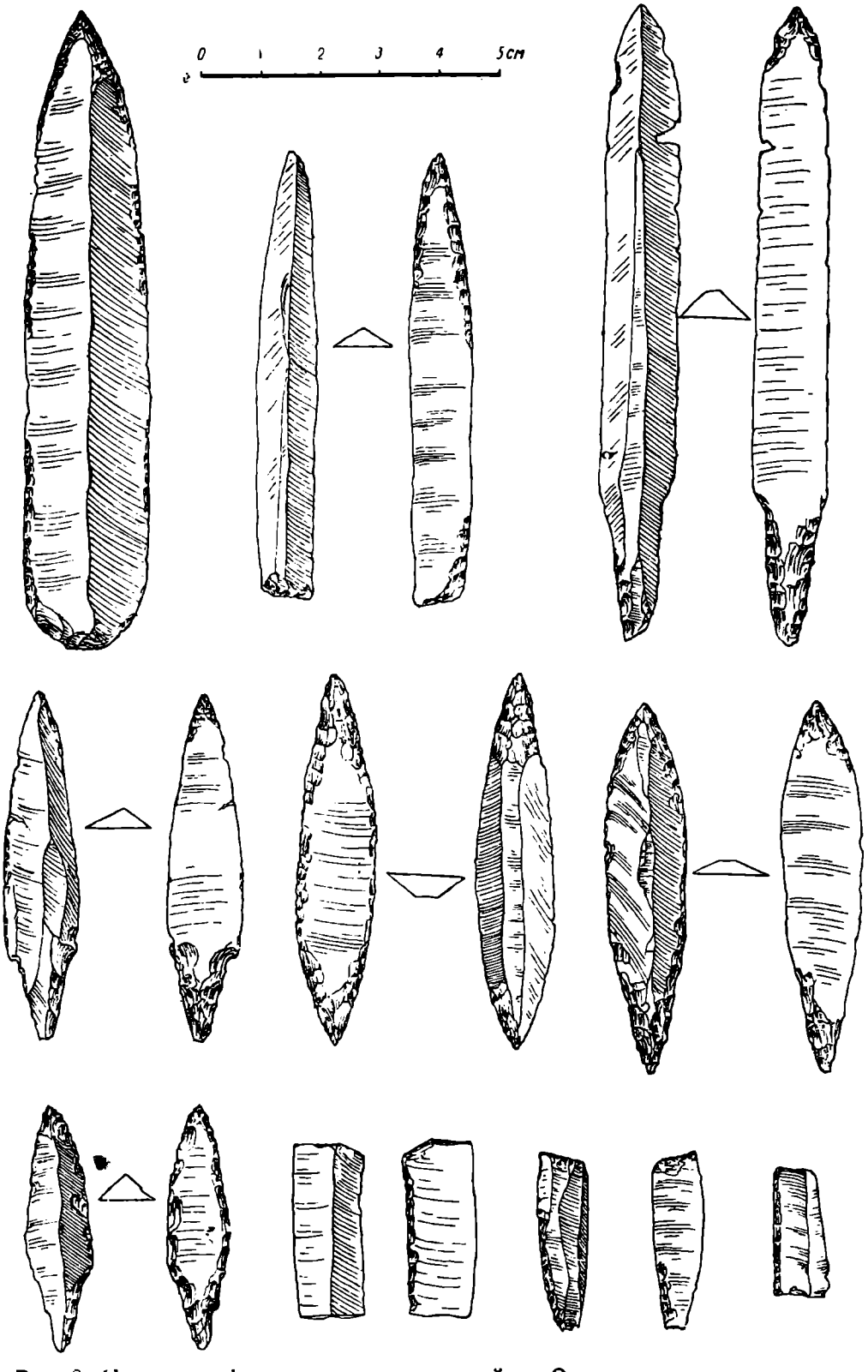

Рис. 8 Некоторые формы кремневых орудий из Оленеостровского могильника.

очень редко перерезают друг друга и как правило даже друг с другом не соприкасаются. Судя по этнографическим параллелям, могилы отмечались

скорее всего деревянными столбами, опрокинутыми челнами, рогами лосей или оленей и т. п.

Могильник дал весьма значительное количество ценнейших вещевых находок. На некоторых скелетах мы находили по нескольку сот предметов. Всего нами зарегистрировано свыше 6700 находок и среди них нет ничего, что можно было бы отнести к эпохе металла. Могильник носит, таким образом, еще всецело неолитический облик.

Среди найденных кремневых орудий (рис. 8) преобладают различные наконечники дротиков и стрел, а также ножевидные пластинки. Эти орудия поражают высоким совершенством и вместе с тем архаическими чертами своей техники.

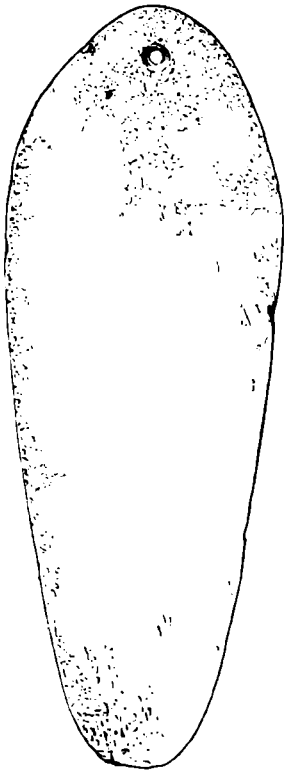

Рис. 9. Сланцевый нож из Оленеостровского могильника.

Наконечники изготовлены из тонких пластинок, подретушированных со спинки и с брюшка. По своей форме они очень близки к эпипалеолитическим наконечникам свидерских типов, что, однако, вовсе не означает хронологического сближения. Очень часты находки кремневых вкладышей, представляющих мелкие, тонко отретушированные пластинки. Встречаются также и обычные для неолитических стоянок лесной полосы сверла и скребки. Один кремневый скребок был найден вместе с рукоятью дугообразной формы из рога северного оленя; скребок находился в пазу, вырезанном посредине рукояти. Эта находка уникальна для всего лесного неолита территории СССР и представляет крупный научный интерес.

Другая рукоять из оленьего рога была найдена в той же могиле вместе с кремневым орудием, употреблявшимся, очевидно, в качестве резца, но не имеющим типичных резцовых сколов.

Население, оставившее Оленеостровский могильник, в совершенстве владело и техникой обработки мягких каменных пород — пилением и шлифованием камня. Это показывают также весьма многочисленные находки орудий из сланца. Наиболее часты в могильнике находки тонких, тщательно отполированных ножей из сланца (рис. 9) разнообразных форм (круглые, овальные, четырехугольные, треугольные, кинжаловидные и пр.). На этих ножах всегда имеется просверленное круглое отверстие для привешивания. Кроме того, найдены и обычные для неолита северо-запада СССР орудия из сланца: долота, топоры, тесла, кирка и пр. В одной могиле оказалась большая шлифовальная плита из песчаника.

Были найдены орудия (наконечники стрел) и из кварца, в изобилии встречающегося в местных коренных породах.

Особенно характерны для Оленеостровского могильника орудия из кости и рога (лось, северный олень), технически прекрасно выполненные: гарпуны всевозможных типов, разнообразные наконечники дротиков и стрел, кинжалы, проколки, шилья, лощила и пр. (рис. 10). Орудия эти встречаются в могильнике в изобилии. Наконечники лежат в могилах (у ног скелетов, на груди или сбоку) чаще всего целыми пучками по 20—30 штук, что свидетельствует об употреблении колчанов населением, оставившим этот могильник. Говоря о костяных и роговых орудиях, особо отметим довольно частые в могильнике находки вкладышевых орудий, а среди них кинжалов из кости с кремневыми вкладышами по обоим режущим краям. Великолепный экземпляр такого кинжала, орнаментированного зигзагами, найден в уже упоминавшемся вертикальном погребении (рис. 11).

Среди украшений и предметов религиозно-магического назначения, найденных в могильнике, количественно преобладают подвески из зубов

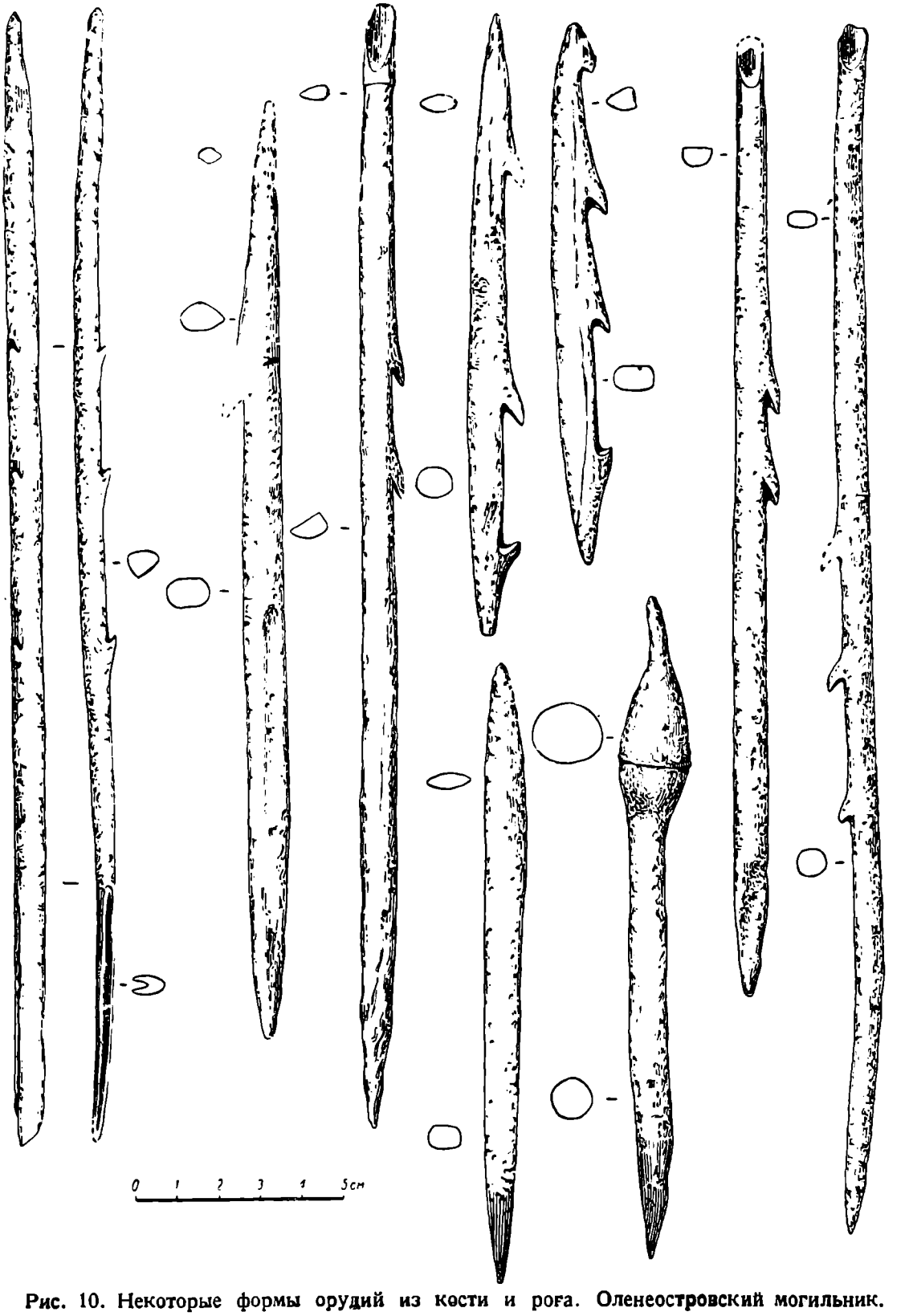

Рис. 10. Некоторые формы орудий из кости и рога. Оленеостровский могильник.

диких животных (резцы лося и бобра, клыки медведя, реже зубы других животных). Зубы-подвески имеют или просверленные отверстия или нарезки

Рис. 11. Кинжал из рога с вкладышами Оленеостровский могильник.

для привязывания (рис. 12). Эти подвески встречаются целыми ожерельями, гирляндами или даже сплошными уборами до 200 подвесок в каждом. Интересны весьма часто встречающиеся пластинки из резцов бобра, имеющие зарубки по обоим краям. Из таких пластинок также составлялись уборы, в частности, и головные уборы (рис. 13).

Особого внимания заслуживают найденные в могильнике в значительном числе предметы искусства — резные скульптурные изображения из кости и рога, орнаментированные пластинки, плоские гальки с несколькими отверстиями, скульптуры из песчаника и пр. Неоднократно повторялись находки замечательной скульптуры из рога,

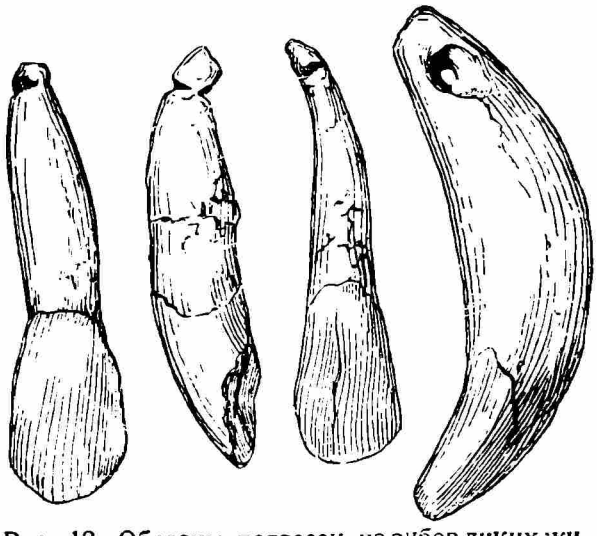

Рис. 12. Образцы подвесок из зубов диких животных. Оленеостровский могильник.

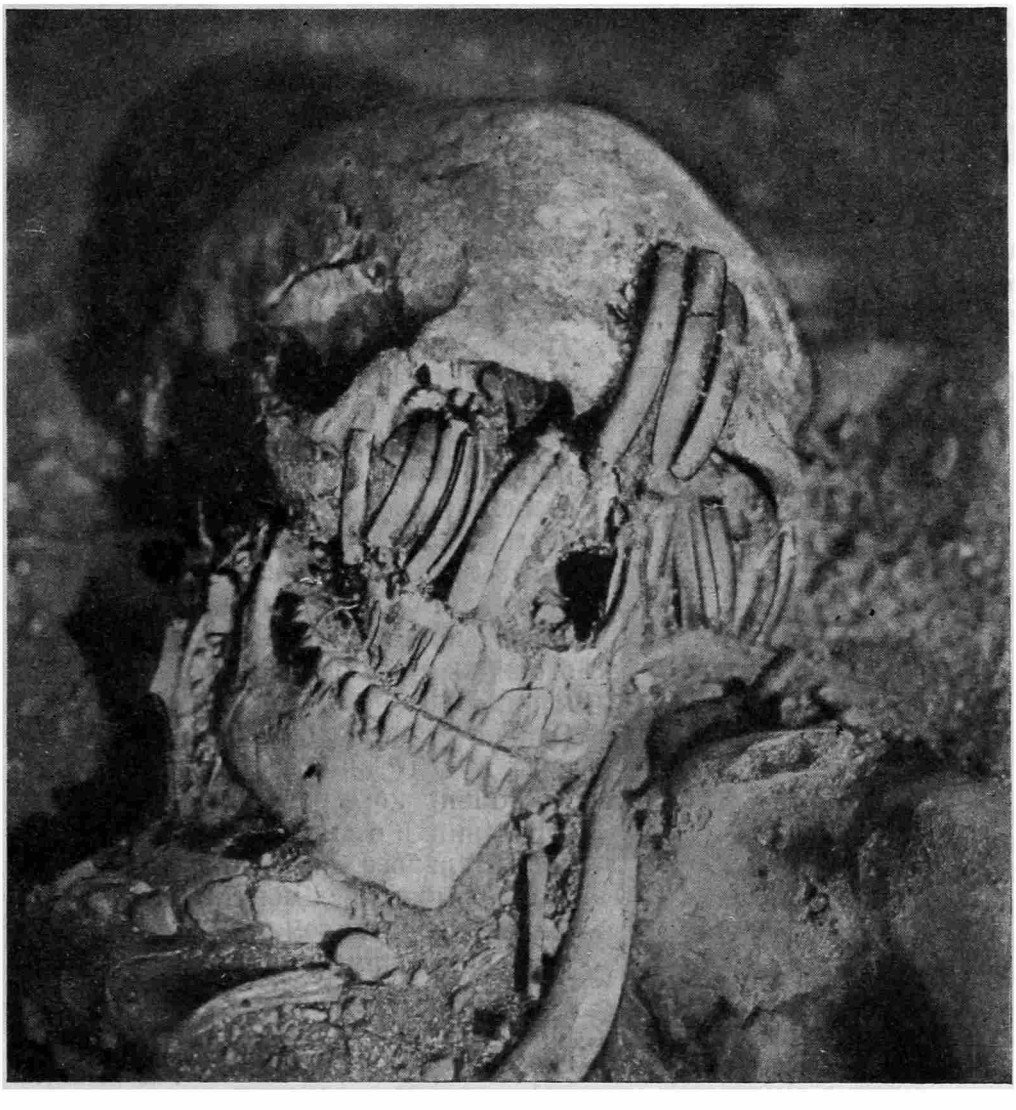

Рис. 13. Остатки головного убора из резцов бобра. Оленеостровский могильник.

изображающей голову лося (найдено 8 экземпляров). Эти скульптуры выполнены в прекрасном реалистическом стиле и являются одними из лучших образцов неолитических скульптурных изображений лесной полосы СССР (рис. 14). Интересны скульптурные изображения извивающейся змеи, изображения рыбы, а также фигурки из рога, изображающие человека — мужчину и женщину (рис. 15—16). Одна из таких фигурок имеет два лица, одно спереди, другое сзади, и является полной аналогией к двуликому Янусу античной мифологии.

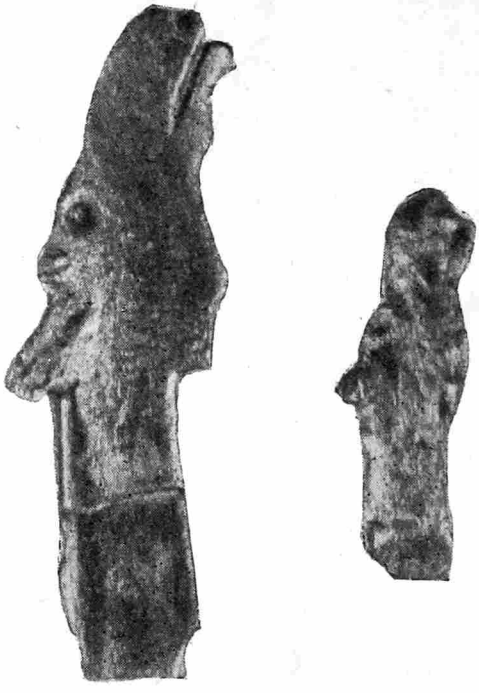

Рис. 14. Одно из резных изображений головы лося (нат. вел). Оленеостровский могильник.

Неолитический характер могильника определяется не только тем, что в нем не обнаружено никаких прямых признаков металла, но также сходством или даже тожеством ряда находок с предметами, происходящими из неолитических стоянок. Почти все крупные орудия из сланца, найденные в могильнике, встречаются и в неолитических стоянках северо-запада СССР. Близкие по форме и по технике к некоторым из оленеостровских тонкие сланцевые ножи известны в поздненеолитических стоянках; в Петрозаводском музее, например, хранятся сланцевые ножи вытянуто-треугольной формы, происходящие со стоянки Пески (раскопки А. Я. Брюсова). Подвески из зубов животных (резцы лося, клыки медведя и пр.) также ни в какой степени не являются новостью для лесного неолита СССР: они, в частности, были найдены на Ладожской стоянке, на стоянках у оз. Лач (раскопки М. Е. Фосс) и т д. Однако подвески этого рода в виду их чрезвычайно широкого распространения и весьма продолжительного бытования обычно не могут служить признаком, характеризующим принадлежность комплекса к определенной (хронологически и территориально) группе памятников. Напротив, пред-

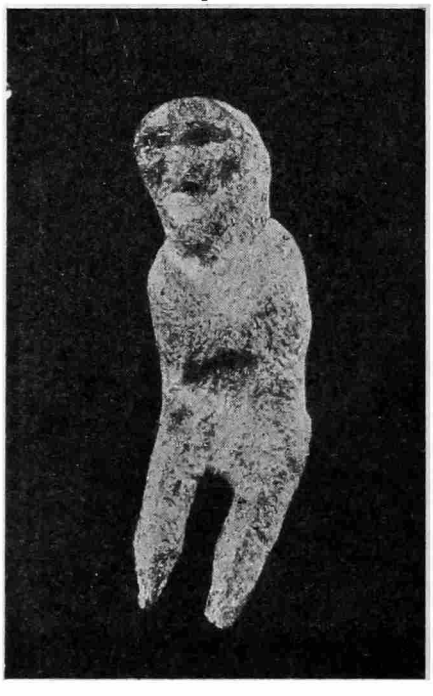

Рис. 15. Скульптурное изображение человека.

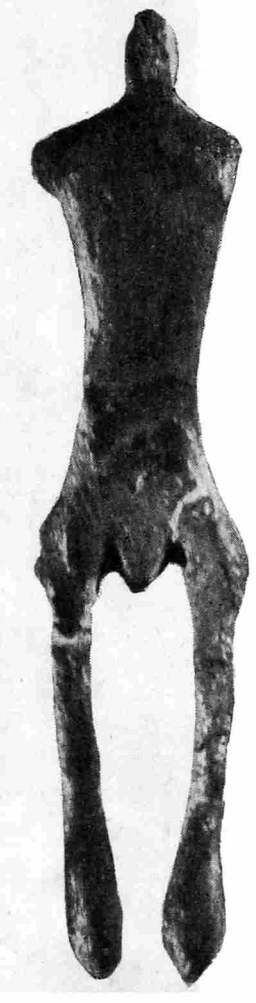

Рис. 16. Скульптурное изображение человека.

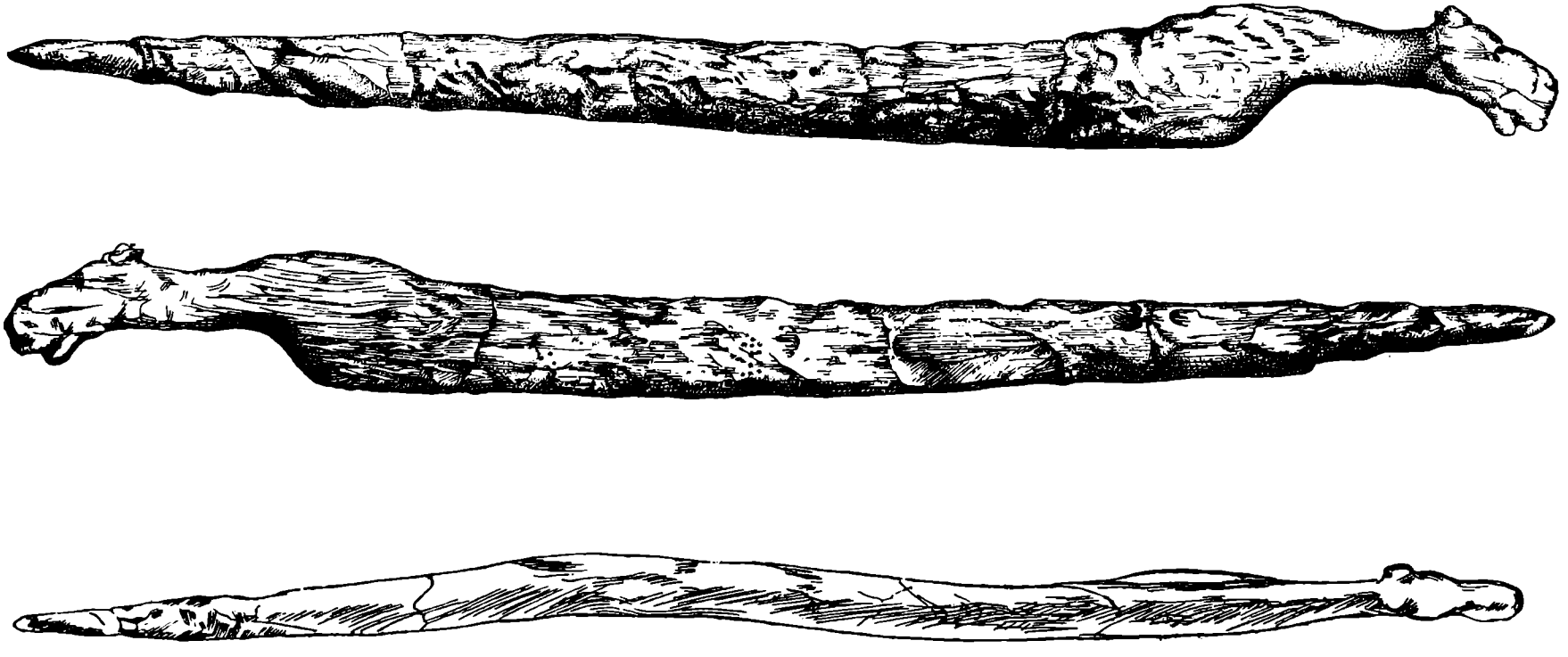

Рис. 17. Кинжалы с рукоятью в форме головы лося. Рог. Оленеостровский могильник.

меты искусства с их стилистическими особенностями и характерной сюжетикой в этом отношении дают несравненно больше. Предметы искусства из могильника на Ю. Оленьем острове, в особенности резные из кости и рога скульптуры, безусловно входят в круг памятников неолита с ямочно-гребенчатой керамикой, находя в нем для себя наиболее близкие аналогии. Так, скульптурные изображения головы лося из Оленеостровского могильника стилистически чрезвычайно близки к аналогичным звериным изображениям из камня, кости и дерева, относящимся к неолиту. [1] В отдельных случаях сходство почти достигает здесь степени тожества. В целом это типичные произведения первобытно-реалистического искусства эпохи неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Рис. 18. Бронзовый кинжал из Сейминского могильника. По В. А. Городцову.

Говоря об аналогиях к резным скульптурам Оленеостровского могильника, необходимо отметить, что один из найденных в нем роговых кинжалов с рукоятью, украшенной головой лося (рис. 17), имеет, как мне кажется, очень близкую себе аналогию в бронзовом кинжале из Сейминского могильника (рис. 18). Это наблюдение вполне подтверждает правильность мнения В. А. Городцова, указывавшего, что «больше сходства с сейминским кинжалом выказывают севернорусские каменные орудия со скульптурными украшениями», [2] и обратившего внимание на удивительную формальную близость сейминской головки лося к головке лося на каменном фигурном молоте из Сяккиярви (близ Выборга). Однако вряд ли можно согласиться с положениями, что «все каменные орудия со скульптурными украшениями возникли в подражание металлическим, именно бронзовым образцам» (В. А. Городцов) или что молот из Сяккиярви и другие аналогичные находки на севере свидетельствуют о влиянии культур эпохи меди и бронзы, особенно фатьяновской, на культуру ямочно-гребенчатой керамики (А. М. Тальгрен). Отмеченные сближения и аналогии скорее свидетельствуют о том, что памятники круга Галич—Сейма—Турбино генетически связаны с лесным неолитом, с бытованием более продолжительное время на севере, чем в Волго-Окском и Камском районах.

Нельзя, однако, сказать, что в настоящий момент все без исключения ясно с атрибуцией Оленеостровского могильника. Например некоторые орудия из кремня, типичные для этого памятника, особенно наконечники на пластинках с подретушовкой, по своей технике и форме отличаются от подобных же кремневых орудий, типичных для неолитических стоянок северо-запада СССР. Керамика, которая могла бы исчерпывающим образом разъяснить некоторые спорные моменты, к сожалению, полностью отсутствовала в раскопанных до сих пор могилах. Керамика, найденная до начала наших работ в юго-восточной части острова, в одном из карьеров, вряд ли происходит из погребений. Один из найденных там черепков попал в наши руки. Это типичный для неолита северо-запада образец керамики с круглоямочной орнаментацией. Гораздо важнее то обстоятельство, что в самом Оленеостровском могильнике мы нашли несколько зубчатых штампов из кости или рога, дающих, как показали исследования, отпечатки на глине, совершенно идентичные обычным отпечаткам гребенчатых штампов на сосудах

[1] См. «Советскую археологию» (№ 3, 1937, стр. 8 сл.), где мною дана последняя сводка по этим памятникам.

[2] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России (из отчета Исторического музея за 1914 г.). М., 1916, стр. 89.

с ямочно-гребенчатой орнаментацией (рис. 19). Очевидно, население, оставившее могильник, изготовляло глиняную посуду и украшало ее гребенчатым орнаментом, что лишний раз подтверждает связь могильника с нашим лесным неолитом. Характер найденных штампов и ряд других наблюдений позволяют датировать могильник провизорно второй половиной II тысячелетия до н. э.

Весь облик найденного могильного инвентаря весьма ярко характеризует охотничье-рыболовческий быт оставившего могильник населения. В свете изложенных (и многих других) фактов я считаю Оленеостровский могильник племенным кладбищем одного из охотничье-рыболовческих поздненеолитических племен, обитавших, конечно, не на самом острове, а на побережье Онежского озера. Это племя, как видно из всего ритуала погребения, придерживалось уже развитых первобытнокосмических представлений, в частности представления о трех небесах или трех сферах космоса, а в связи с этим и хоронило своих покойников «за водой», т. е. на острове.

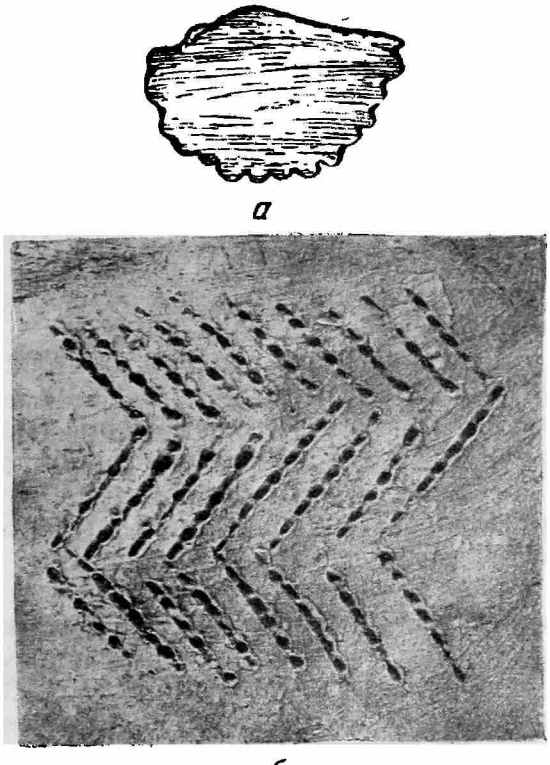

Рис. 19. Костяной гребенчатый штамп из Оленеостровского могильника *(а)* и отпечаток этим штампом на пластилине *(б)*.

Южный Олений остров, площадь которого, согласно геологическим данным, в эпоху захоронений в могильнике была еще меньше, чем в настоящее время, был очевидно только «Островом мертвых» и, вероятно, местом отправления культовых действий. Возможно, что для этих последних целей были использованы имеющиеся на острове естественные пещеры, которые необходимо подвергнуть специальному исследованию.

Местонахождение неолитического могильника на острове дает прямые указания, где искать захоронения населения неолитических стоянок, по крайней мере на территории северо-запада СССР. Не будет ничего удивительного, если подобные могильники окажутся и на некоторых других островах как Онежского озера, так и, может быть, других озер Ленинградской области и Карелии.

Оленеостровский могильник находится на расстоянии всего лишь 50 км от наскальных изображений района Бесова Носа. Хронологически оба памятника относятся к одной эпохе. Оба они выявляют общие черты первобытной идеологии (охотничья магия, первобытнокосмические представления, солярный круг и пр.). По всей вероятности и могильник и наскальные изображения восточного берега Онежского озера принадлежат одной и той же племенной группе поздненеолитического населения Прионежья, что существенно расширяет круг наших источников и по расшифровке древнего смысла наскальных изображений.

Описанный могильник является одним из самых выдающихся памятников Севера СССР. Наши раскопки далеко не исчерпали всех сохранившихся в нем погребений. Необходимо продолжать начатые исследования впредь до полного раскрытия могильника.

V. RAUDONIKAS

UN CIMETIÈRE NÉOLITHIQUE SUR LE LAC ONÉGA

RÉSUMÉ

Le cimetière néolithique de l'île Olenij sur le lac Onéga est un des monuments les plus remarquables du nord de l'URSS tant par ses dimensions grandioses que par la richesse du mobilier funéraire. Au cours de deux années de travaux (1936 et 1937) on y a fouillé une surface de 2200 m² et mis au jour plus de 150 sépultures. Le caractère commun de toutes les sépultures est le saupoudrement des squelettes et du fond de la fosse avec de l'ocre rouge. La disposition des fosses mortuaires donne à supposer qu'il existait des constructions ou des marques tombales sur le sol. Le mobilier (6700 pièces) confirme entièrement l'âge néolithique du cimetière.

Les instruments de silex frappent par leur haute perfection en même temps que par les traits archaïques de leur technique. Les pièces d'insertion en silex, qui représentent de menues lames finement retouchées, sont fréquentes. On rencontre aussi les perçoirs et les grattoirs ordinaires dans les stations néolithiques de la zone forestière.

Les nombreux instruments en schiste montrent que la population qui a laissé le cimetière de l'île Olenij possédait à la perfection la technique du travail des roches tendres. Les instruments en os et en corne, d'une facture admirable, sont particulièrement caractéristiques du cimetière de l'île Olenij.

Parmi les objets de parure ou servant à des fins religieuses ou magiques prédominent les pendeloques en dents d'animaux sauvages (incisives d'élan et de castor, canines d'ours).

Les figurines sculptées en os et en corne trouvées en quantité considérable méritent une attention spéciale. Intéressantes sont les figurations de tête d'élan, de serpent se tortillant, d'êtres humains — homme et femme.

L'âge néolithique du cimetière est établi non seulement par l'absence de métal, mais aussi par la similitude, voire l'identité d'une série d'objets avec ceux des stations néolithiques, bien que certains instruments en silex diffèrent par leur technique et leur forme des pièces typiques des stations néolithiques du nord-ouest de l'URSS. L'ornement denticulé de la céramique, fait à l'aide d'un poinçon en os ou en corne, permet de dater le cimetière de la seconde moitié du II millénaire avant notre ère.

Le caractère du mobilier nous autorise à croire que le cimetière de l'île Olenij était le cimetière tribal d'une des tribus de chasseurs-pêcheurs qui habitaient au Néolithique tardif sur les bords du lac Onéga.

О. Н. БАДЕР

МОГИЛЬНИК В УРОЧИЩЕ КАРАБАЙ БЛИЗ д. БАЛАНОВО В ЧУВАШИИ

1

Балановский могильник находится в пределах Козловского района Чувашской АССР, в расстоянии приблизительно 1.5 км к ЮВ от д. Баланово Мало-Бишевского сельсовета, у самого пересечения дорог Чебоксары—

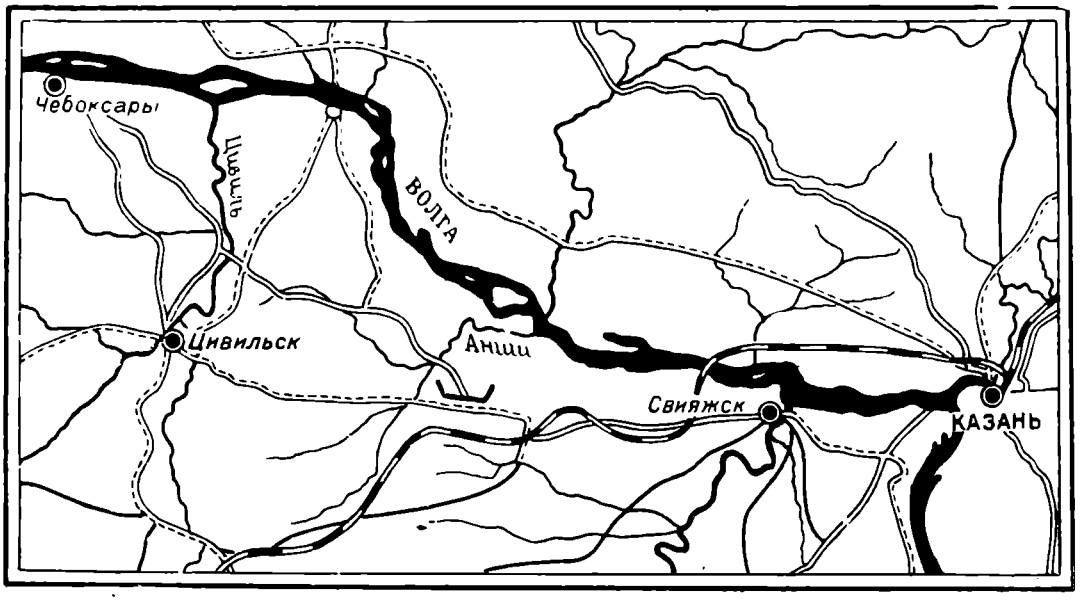

Рис. 1. Географическое положение могильника.

Тюрлема и Цивильск—Козловка. Местность эта находится на правом нагорном берегу Волги, в 12—13 км от нее по прямой (рис. 1).

Могильник расположен близ вершины одного из обычных здесь обширных холмов, в начале пологого склона к д. Баланово и к р. Аниш, протекающей в 3 км от могильника (рис. 2). Среди населения местность эта носит название «Карабай». Могильник окружен бесконечными пахотными полями.

На площади могильника находится довольно большой и глубокий карьер для разработки песка, гравия и камня, существующий издавна (рис. 3).

Находки древних погребений делались в карьере с тех пор, как он существует. Так, крестьянин д. Баланово Г. П. Емешов помнит находки человеческих костей и древних предметов, сделанные здесь в 1897 г. Однако никто не обратил тогда внимания на этот интересный памятник. В последние годы, в связи с развитием дорожного строительства, карьер на Карабае начал усиленно разрабатываться и вновь дал множество находок.

На место находок для обследования карьера в 1933 г. был командирован научный сотрудник Центрального музея ЧАССР И. Т. Тихонов, произведший небольшие раскопки, результаты которых им опубликованы. [1]

Краткий отчет И. Т Тихонова показывает, что добытый на «Карабае»

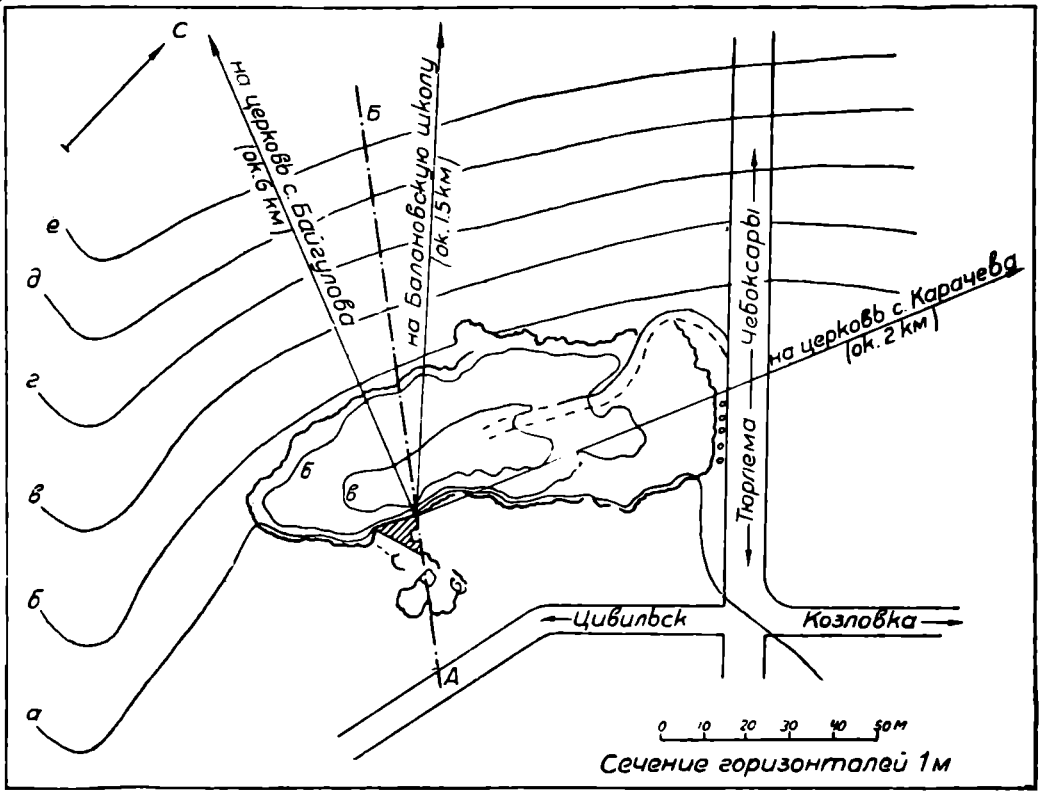

Рис. 2. Топографический план расположения могильника.

материал имеет исключительный интерес, однако из-за краткости заметка И. Т. Тихонова оставляет неосвещенными многие вопросы.

Отдавая должное этим раскопкам, нужно отметить их слабую документацию. Участниками раскопок не было произведено топографической съемки памятника, совершенно отсутствуют фото-документация, разрезы могильных ям, нет зарисовок отдельных деталей. Имеющийся план раскопок весьма схематичен. Консервирующие вещества при раскопках также не

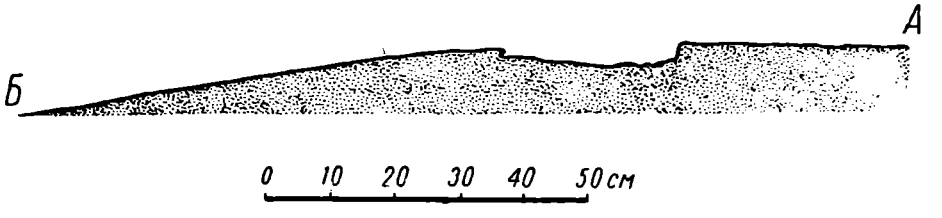

Рис. 3. Поперечный профиль поверхности могильника по линии *А—Б* (см. рис. 2).

употреблялись. Одной из основных ошибок первых раскопок Балановского могильника является невнимание к костному материалу: на месте раскопок была брошена большая часть ценнейших палеантропологических остатков — взято лишь несколько черепов и костей, да одно полное погребение монолитом Глубина траншей была недостаточна. Самая планировка раскопок, которы. вначале велись вдоль наиболее разрушенных краев карьера, имея в виду, таким образом, охранительные цели, была затем изменена и раскопки были перенесены в глубь территории могильника.

[1] И. Тихонов. Археологические раскопки в Чувашии в 1933 г. Проблемы, № 2, Хроника, 1934, стр. 123—124.

Основной частью работ явилась большая (4 × 30 м) траншея, расположенная под острым углом к траншеям вдоль карьера и давшая почти весь добытый краеведами материал.

В виду большого значения палеантропологического материала из раскопок могильника Научно-исследовательский институт антропологии МГУ командировал меня в Чувашию для обследования условий нахождения костяков на месте и вскрытия наиболее угрожаемых частей могильника.

Намеченные работы по исследованию Балановского могильника получили полную поддержку руководящих организаций Чувашской АССР. В помощь моим первым работам Наркомпросом был откомандирован художник музея Г Д. Данилов, а Совнаркомом предоставлены рабочие.

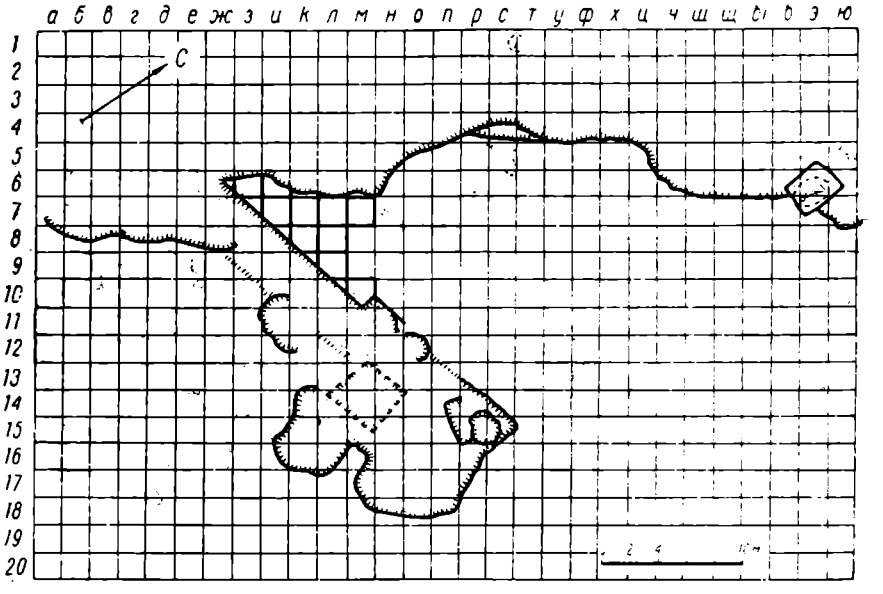

Рис. 4. Общий план раскопок. Жирными клетками обозначены раскопки автора в 1934 г. Под ними следы основной части раскопок чебоксарских организаций. На участке $\frac{\text{рст}}{4}$ остатки траншей, проведенных вдоль края карьера.

В связи с этим, по договоренности, археологическая часть материалов, добытых этими работами, поступила в Центральный музей Чувашской АССР в Чебоксарах.

Обследование и раскопки Балановского могильника произведены мною между 23 июня и 2 июля 1934 г. [1] В планировании работ я исходил из охранных и рекогносцировочных задач.

Прежде всего, помимо топографической съемки памятника, нивелировки поверхности и фотографирования, было осмотрено дно карьера. Собрано довольно много человеческих костей, побелевших от пребывания на поверхности и большей частью поломанных.

Затем была произведена работа по разрыхлению неразвалившихся глыб земли, отколовшихся от краев карьера. Эта работа увенчалась успехом: на уч. $\frac{\text{с,т}}{1}$ (рис. 4) в одном из таких крупных обвалов были обнаружены остатки трех сильно нарушенных погребений (№№ 1, 2 и 3).

Необходимо отметить, что этот обвал находился прямо под прошлогодними траншеями краеведов, край которых еще сохранился на обрыве (рис. 4,

[1] О. Н. Бадер. Древнейший могильник в Чувашской АССР. Наука и жизнь, № 4, 1935.

уч. $\frac{р, с, т, у).}{4}$. Глубина 1 м. На дне траншеи, по словам участника раскопок Г. Д. Данилова, были найдены глиняные сосуды, после чего раскопка была прекращена. Найденные мною под откосом погребения №№ 1—3 остались в 1933 г. нераскопанными: до них тогда не дошли.

Далее были осмотрены края карьера. Осмотр западных и северных краев карьера дал отрицательные результаты. Восточные, более высокие края, хорошо обнажающиеся в нескольких пунктах, имели пятна неправильной формы, идущие от дернового слоя вниз, обычно на небольшую глубину. Пятна эти выделяются коричневато-бурым цветом на фоне мощных отложений песка с прослойками и включениями глины с гравием. В большинстве случаев эти пятна, не раз наблюдавшиеся мною в гравийных карьерах при

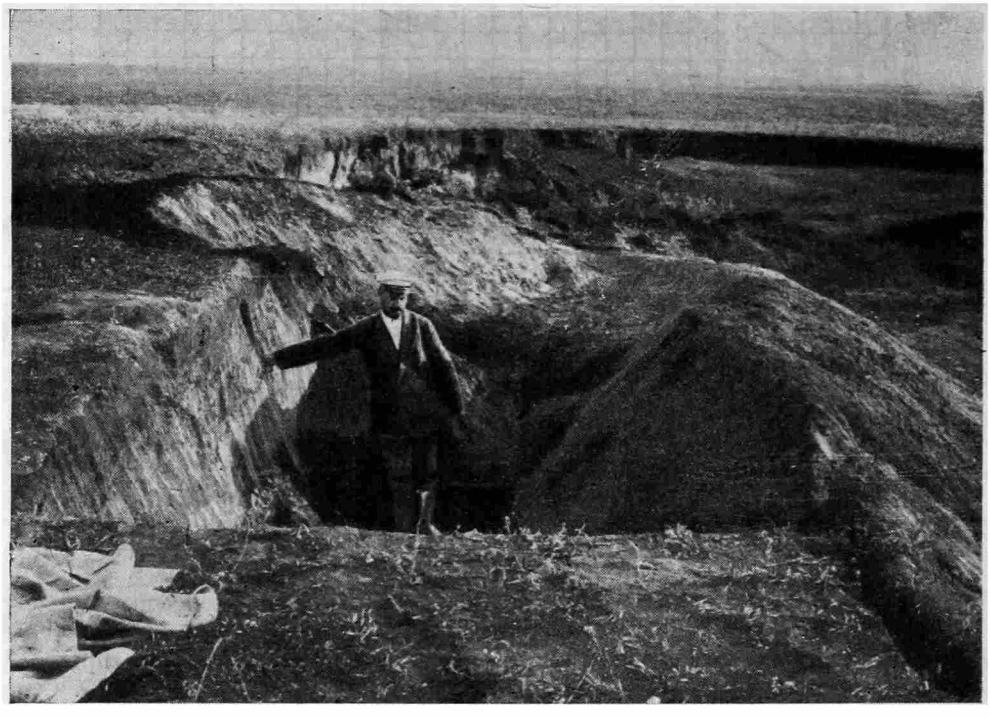

Рис. 5. Вид раскопок 1934 г.

исследовании фатьяновских могильников, имеют, несомненно, естественное происхождение. Обследование некоторых пунктов с выступами этих пятен, именно у восточного края карьера, путем вертикальных зачисток дало положительный результат: на уч. $\frac{ь, э, ю}{6}$ (рис. 4) обнаружены и исследованы 2 погребения (№№ 4 и 5).

Площадь могильника в 52 кв. м, которую я имел возможность вскрыть заново, была расположена на нешироком мысу между траншеей 1933 г. и высоким обрывом карьера, грозившим разрушиться в первую очередь (рис. 5). Раскопки пришлось вести местами в чрезвычайно плотном грунте, в среднем до глубины 1.50—2 м, нередко углубляясь до 2.50 м и более. Как обычно, раскопки нескольких смежных участков (в 4 кв. м каждый) я углублял равномерно, наблюдая за планом их дна, разрезом стенок и характером грунта.

2

Приступая к описанию найденных мною в 1934 г. погребений, отмечу, что вместе с собранными на дне карьера отдельными костями не обнаружено никаких остатков материальной культуры.

Погребения №№ 1, 2 и 3. На дне карьера, непосредственно под сохранившимися еще следами траншеи раскопок 1933 г., на участках $\frac{\text{с, т}}{1}$ в обвалившейся сверху глыбе земли мною обнаружены в полнейшем беспорядке остатки двух погребений и отдельные кости третьего. При костях найдены остатки тлена, обломки трех, повидимому височных, колечек спиральной формы с разомкнутыми краями, остатки небольшого четырехгранного бронзового острия и кремневый наконечник стрелы. Некоторые кости одного погребения, принадлежавшего женщине, оказались пропитанными зеленой окисью от медных или бронзовых предметов, а именно: нижняя челюсть с левой стороны (сильно), левая скуловая кость и левая сторона лобной (слабо), правая часть нижней челюсти (слабо), левая ключица в акромиаль-

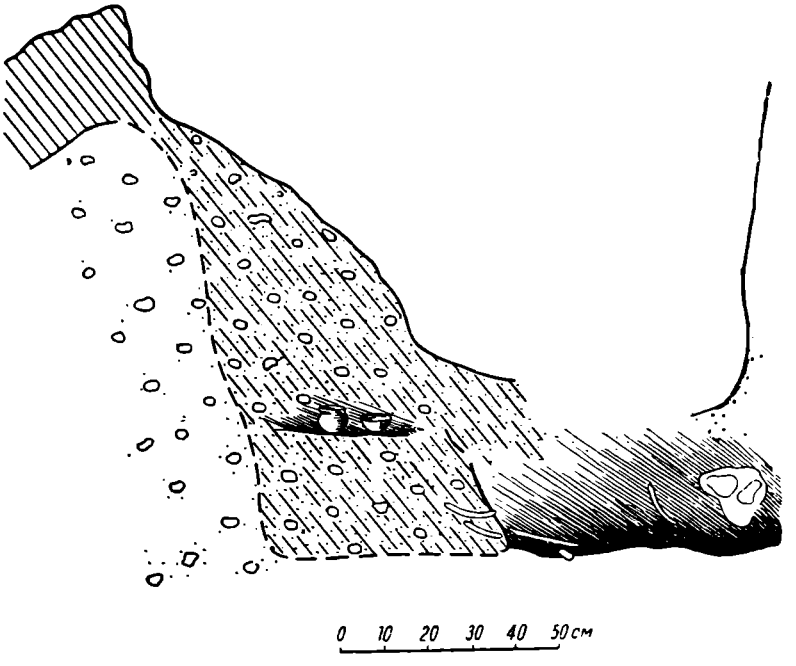

Рис. 6 Разрез могилы с погребениями №№ 4 и 5.

ном конце (сильно) и пять первых (единственно сохранившихся) шейных позвонков с левой стороны (также сильно).

Погребения №№ 4 и 5. На линии участков ряда «ь» в массивной отвалившейся от края карьера глыбе была обнаружена могила. Она частью разрушена и смещена оползнем, что сделало невозможным ее детальное изучение, в особенности в верхней части (рис. 6).

В могиле на дне были обнаружены кости таза, ног и ребра (погребение № 4). Дно могилы, совершенно ровное, находилось на глубине 1.90 м от современной поверхности почвы [1] и соприкасалось с плотным слоем известкового туфа. Форма могилы в плане прослежена у дна по очертаниям краев пробитого над ним плотного известкового туфа и по краям тлена на дне могилы; она определяется, повидимому, как подчетыреугольный овал. Ширина могилы (от края туфа с В до края тлена на дне с З) — 1.50 м. Длина, вероятно, лишь немного больше.

По уцелевшему краю карьера был сделан вертикальный разрез юго-восточного угла могильной ямы (рис. 7). Последовательность слоев на этом разрезе следующая: 1) почва темнобурая сверху; 2) песок буро-корич-

[1] Измерение глубины могильной ямы сделано от неоползшего края карьера над черепом.

невый; 3) линзы плотной, комковатой, кирпично-красной глины; 4) песок коричневатый; 5) мелкий гравий с песком; 6) известковый туф с камнями; 7) песок рыхлый, пестрый, черновато-желтый, местами как бы зеленоватый;

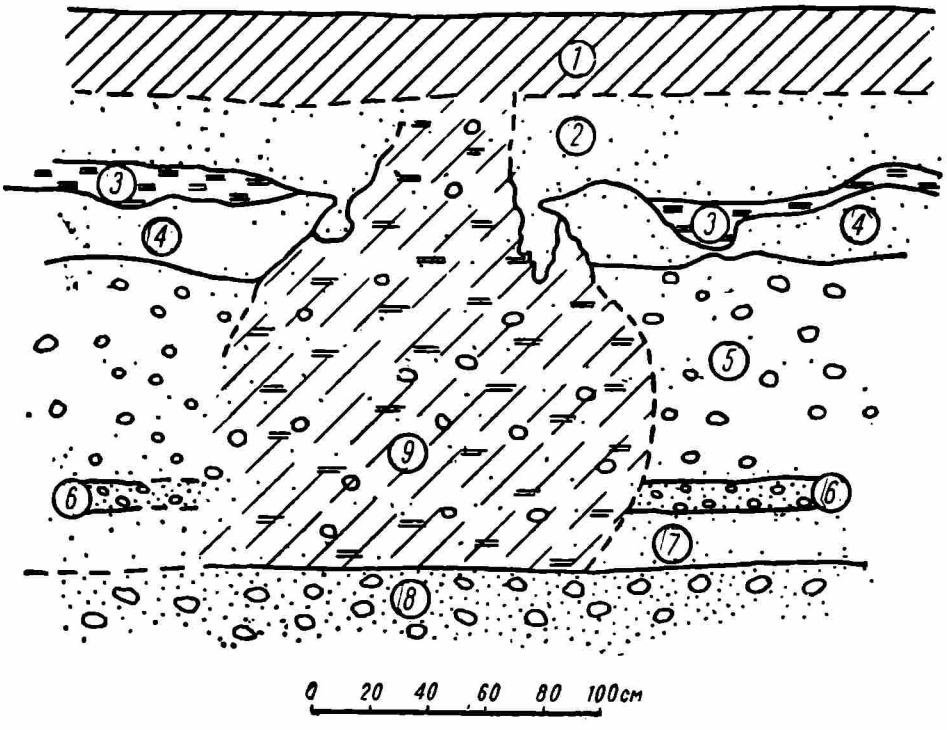

Рис. 7. Разрез угла могильной ямы с погребениями №№ 4 и 5.

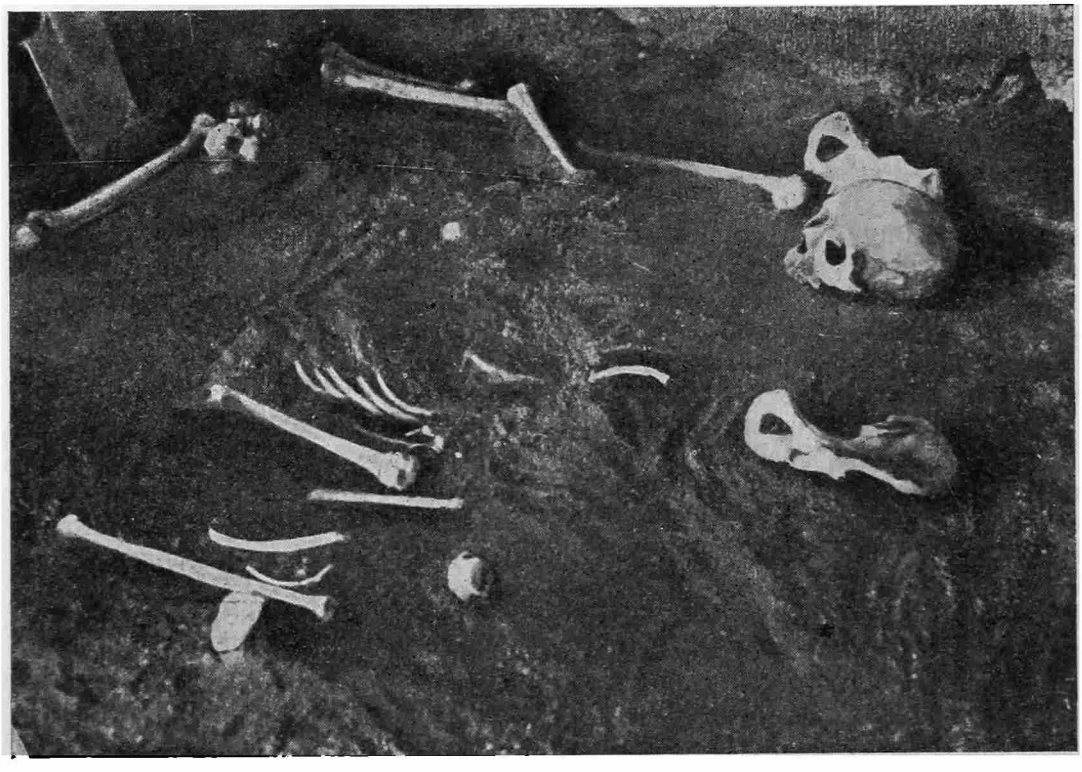

Рис. 8. Вид остатков погребения № 4 на дне могилы во время расчистки; налево на переднем плане клиновидный топор.

8) известковый туф, аналогичный слою 6-му с более крупными камнями; 9) пестрая, мелко смешанная, но довольно плотная насыпь могильной ямы (песок, немного почвы, глины, извести, гравия).

В левой части разреза, внизу, очертания могилы терялись. В других частях разреза они, хотя и не всегда ясно, но были прослежены. На разрезе видно, что верхняя часть могилы значительно уже нижней; книзу могила заметно расширялась и снова немного сужалась.

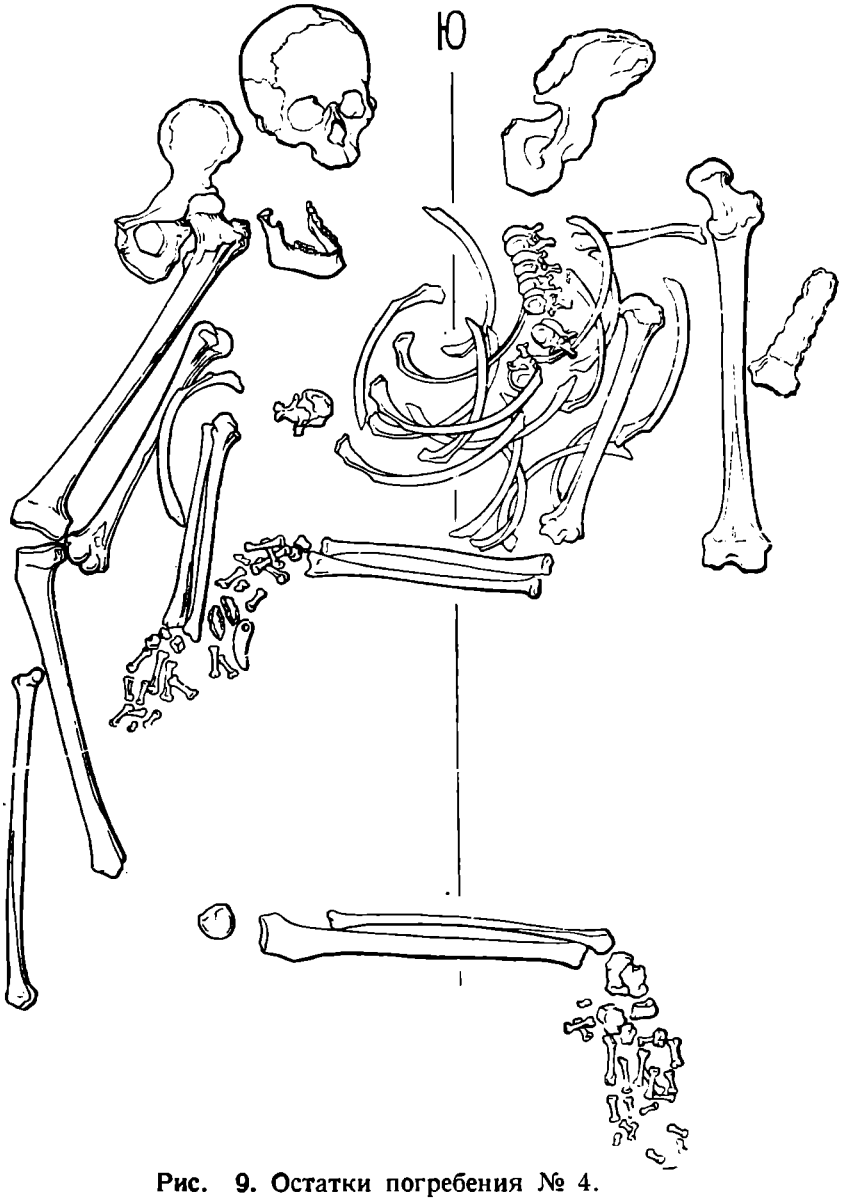

Рис. 9. Остатки погребения № 4.

Большая часть костей человека находилась в полном беспорядке (рис. 8). Однако удалось установить, что первоначально костяк лежал на правом боку в скорченном положении, головой на Ю; берцовые кости и стопа одной ноги, позвоночный столб и часть ребер оказались нетронутыми (рис. 9).

Беспорядок в костях следует отнести за счет роющих животных, пробравшихся в могилу через норы и нарушивших анатомическое положение костяка.

При костяке найдены: кремневый, клиновидный, шлифованный топор, медвежий клык со сквозным отверстием на конце и две небольших кремневых ножевидных пластины.

На высоте 0.17 м над основным погребением находилось второе погребение (№ 5) в этой же могиле. Оно принадлежало ребенку очень раннего возраста, было расположено в центре могилы и также ориентировано головой на Ю. Сохранились лишь части раздавленного черепа, кости рук, ребра и часть позвонков; таз и ноги отсутствуют. Положение трупа в момент погребения не может быть установлено с уверенностью (рис. 10).

У левого бока детского погребения, на одном с ним уровне, против нижних конечностей и за ними обнаружены 3 глиняных сосуда небольших размеров (рис. 11).

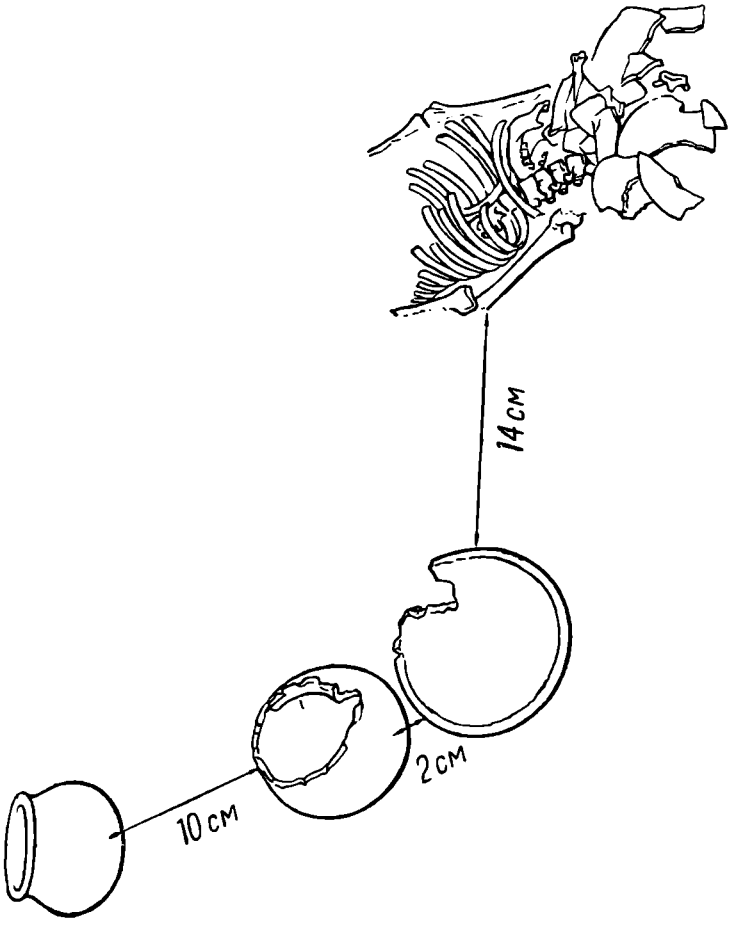

Рис. 10. Погребение № 5. Положение скелета и вещей (1934)

3

Скелетные остатки описанных выше погребений изучены Т. А. Трофимовой (Музей антропологии МГУ), сообщившей мне некоторые данные, приводимые ниже.

Среди подъемного материала, собранного со дна карьера, имеется одна правая бедренная кость, вполне целая, принадлежащая человеку около 1.65 м ростом. Остальные кости, главным образом длинные, представлены в виде обломков, не пригодных для определений.

Кости из разобранного мною обвала на уч. $\frac{\text{с. т}}{\text{I}}$ оказались смешанными. Они разобраны Т. А. Трофимовой по отдельным скелетам. При этом выяснилась принадлежность их трем погребениям.

Погребение № 1 принадлежало подростку лет 14—16; пол его определить трудно. Череп и часть костей отсутствуют, часть наличных поломана, что затрудняет детальную характеристику скелета.

Погребение № 2 принадлежало женщине в возрасте около 30 лет. Лицо — средней высоты и узкое с глубокими fossa canina и сильно выступающими носовыми костями. Глазницы, повидимому, округлые, высокие. В общем — череп европеоидного типа. Длинные кости скелета тонкие, берцовые сильно платикнемичны. Рост (определен по формуле Мануврие) соответствует 1.58 м на живом.

Погребение № 3 представлено лишь одной большой берцовой костью и обломком нижней челюсти.

Погребение № 4, т. е. основное погребение могилы, исследованной в 1934 г., представлено целиком. Вещество кости отличается хорошей сохранностью, что, впрочем, свойственно вообще погребениям на Карабае.

Погребение принадлежало юноше лет 18. Череп носит отчетливо выраженный европеоидный характер. Он средне-высокий, суббрахикранный (указатель 81.6), пентагоноидной формы, с хорошо выраженными лобными и теменными буграми. Лицо высокое (74 мм) и узкое (128 мм), с округлыми высокими глазницами (орбитный указатель 90.0), с очень узким и сильно выступающим прямым носом (носовой указатель 39.6, угол выступания носа 31°). Лицо ортогнатное (87°), лоб средне-наклонный, с выпуклой глабеллой и т. д. В общем, рельеф черепа развит хорошо. Над левым лобным бугром хорошо заметно продолговатое вдавление — повидимому, след травматического повреждения, полученного еще очень рано при жизни, совершенно заросшего и сгладившегося к моменту смерти. Мышечный рельеф на длин-

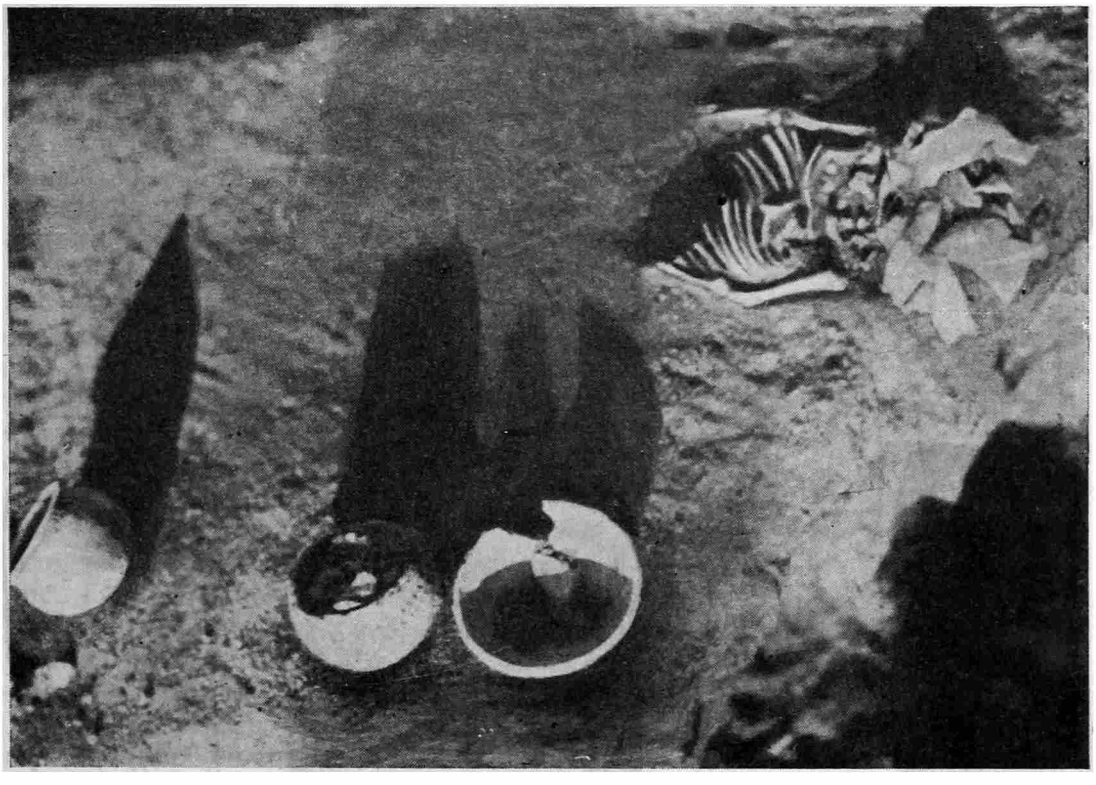

Рис. 11. Погребение № 5 (1934).

ных костях развит ниже среднего. Кости в общем тонкие, грацильного сложения. Рост этого юноши около 1.70 м.

Погребение № 5 — детское; кости очень мелкие, поломанные, плохой сохранности; повидимому, принадлежали новорожденному.

4

Часть добытых раскопками 1934 г. предметов не может быть приурочена к какому-либо определенному погребению: это предметы, собранные вместе с остатками погребений №№ 1, 2 и 3. Здесь, в обвале между лежавшими в беспорядке костями, найдены следующие вещи. Колечко бронзовое массивное с постепенно утоньчающимися разомкнутыми концами, заходящими друг на друга в виде спирали. Кольцо овальной формы (внутренний диаметр 22 × 16 мм). Самый стержень в поперечном разрезе также дает овал, ширина стержня в среднем 3 мм. Концы нисколько не сплющены, заходят один на другой не более, чем на половину всей окружности кольца; сохранность хорошая (рис. 12, *1*). Второе кольцо, аналогичное первому,

но немного меньшего диаметра, с заходящими по спирали почти на полный круг концами; сделано из бронзовой проволоки, округлой в сечении (рис. 12, *2*); имеет худшую сохранность. Остатки полуразрушенного, аналогичного двум первым, бронзового колечка из округлой в сечении проволоки. Тон-

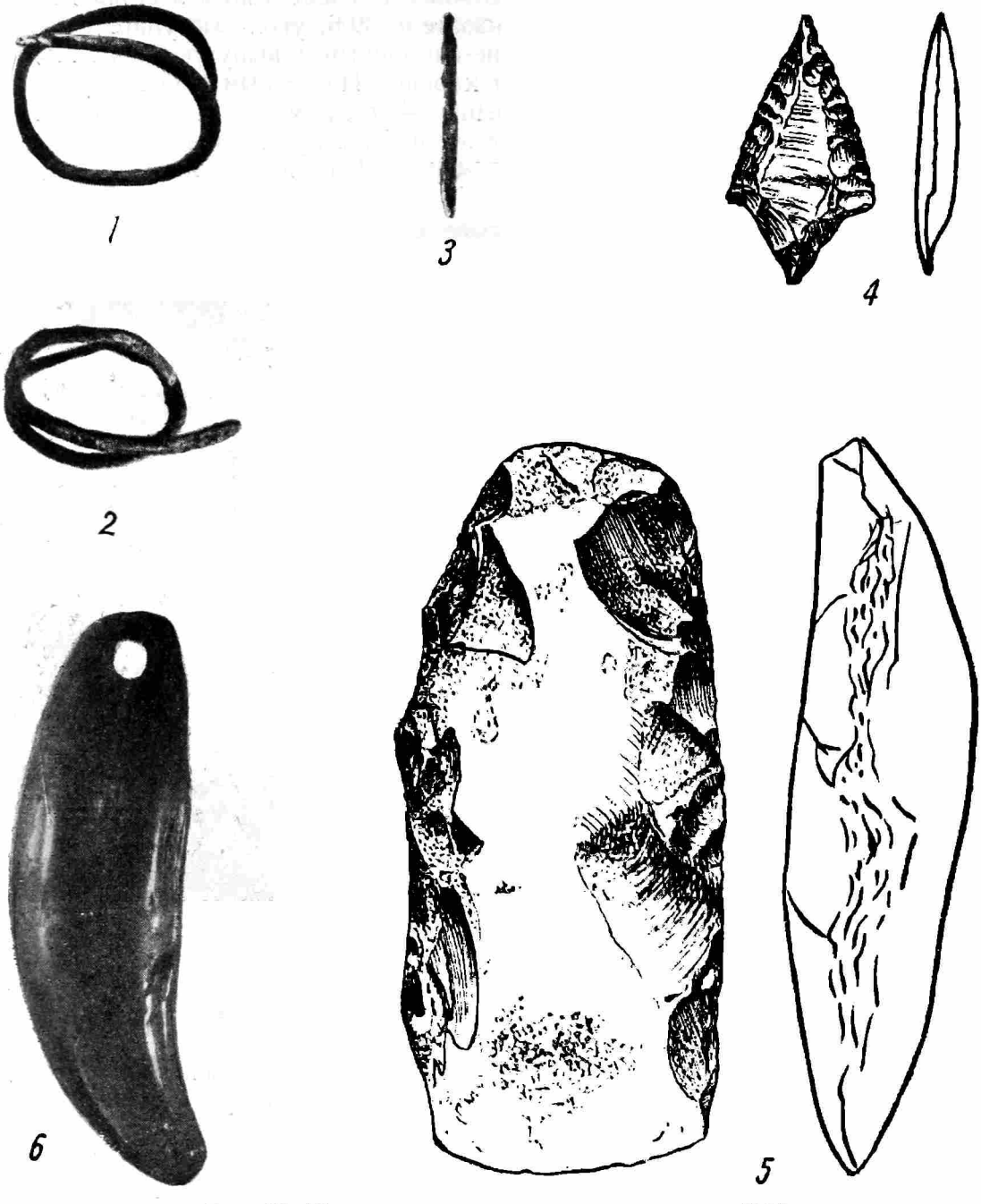

Рис. 12. Предметы из камня, кости и бронзы (1934).

кий четырехгранный бронзовый стержень, сломанный с одной стороны, с утончающимся другим концом, у которого самое острие также отломано (рис. 12, *3*). Длина 26 мм, наибольшая ширина 2,5 мм. Будучи вделано в деревянный или костяной черенок, это острие могло служить шилом. Наконечник стрелы из кремневого отщепа розовато-коричневого цвета, короткий (длина 33 мм), широкий, с выраженным подтреугольным черешком и шипами (рис. 12, *4*); он симметричный и с обеих сторон тщательно отретуширован.

При погребении № 4 в центральной части могилы найдены два коротких, широких, но тонких, неправильной формы отщепа из темного кремня, без вторичной ретуши, и рядом крупный клык старого медведя со сквозным, не вполне круглым отверстием на конце коренной части (наибольший диаметр 5 мм); близ отверстия предмет густо окрашен зеленой окисью меди; повидимому, это следы исчезнувшего, некогда продетого в отверстие медного или бронзового колечка (рис. 12, *6*).

У западного края могилы, на уровне груди погребения № 4, найден топор клиновидной формы, сделанный из пестрого, светлого камня (рис. 12, *5*). Топор обработан грубо, массивен и зашлифован далеко не по всей поверхности. Симметричный профиль лезвия подтверждает, что орудие употреблялось в качестве топора. Длина его — 94 мм.

Наконец, при погребении № 5 найдено 3 глиняных сосуда. Все они сделаны из хорошо обожженной глины с примесью песка. Цвет сосудов — бурокоричневый, не вполне однородный, местами довольно темный. Из них ближайший к погребению (южный) представляет собой почти полушарообразную чашку с круглым дном, с маленькой уплощенной площадкой на его вершине (рис. 13, *1*). Наружная поверхность сосуда хорошо сглажена, частью вместе с орнаментом, внутренняя — также. Сглаженность сделана, повидимому, рукой. Оба другие сосуда — почти одинаковой величины, небольшие, бомбовидной формы, с высокими шейками, со слабо отогнутыми наружу венчиками (рис. 13, *2* и *3*). На внешней стороне дна — небольшие круглые вдавления, сделанные, повидимому, пальцем. Наружная поверхность сосудов хорошо, а местами до блеска сглажена, внутренняя — хуже. Оба сосуда покрыты орнаментом лишь на шейках и плечах, один из них (рис. 13, *2*) — параллельными рядами мелких ямок с неправильным дном, разделенных горизонтальной чертой в основании шейки; другой (рис. 13, *3*) — аналогично расположенными рядами вдавлений, имеющих форму молодого месяца.

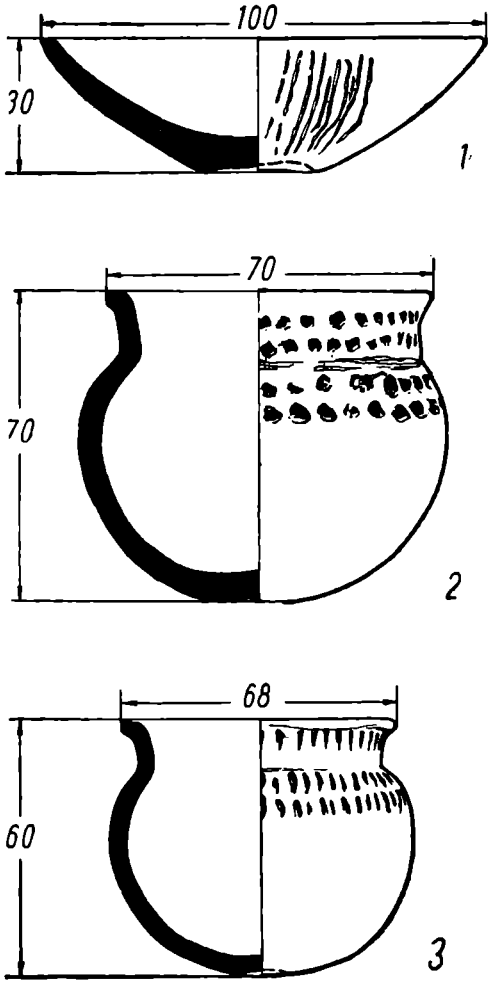

Рис. 13. Глиняная посуда из погребения № 5 (1934) (размеры даны в миллиметрах)

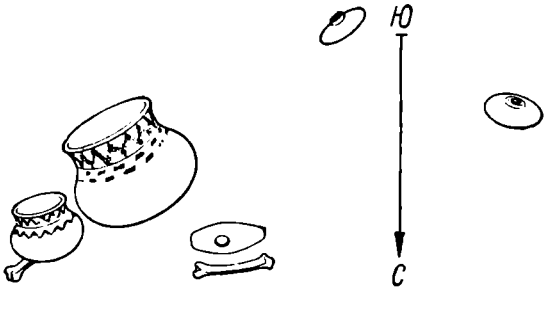

Рис. 14. Могильный инвентарь в траншее раскопок 1933 г., ориентированный вдоль края карьера (могила № 7, погребение № 14).

5

Материал раскопок 1933 г. вместе с большой коллекцией, собранной И. Т. Тихоновым во время его первой поездки, богат и интересен.

Не имея возможности дать описание всего комплекса материалов из Балановского могильника в виду отсутствия в моем распоряжении дневника К. В. Элле и ряда предметов, найденных на могильнике, я могу привести здесь лишь некоторые предварительные данные, а именно семь полевых рисунков, предоставленных мне Центральным чувашским музеем и автором их Г. Д. Даниловым, и описание основной части находок.

Первой находкой, сделанной в 1933 г., были, по словам участников раскопок, 2 сосуда, сверленый топор и 2 глиняных пряслица; эти вещи были найдены в траншее, заложенной вдоль края карьера (рис. 14). Погребений здесь, по словам участников раскопок, обнаружено не было, но находки располагались на незначительной глубине.

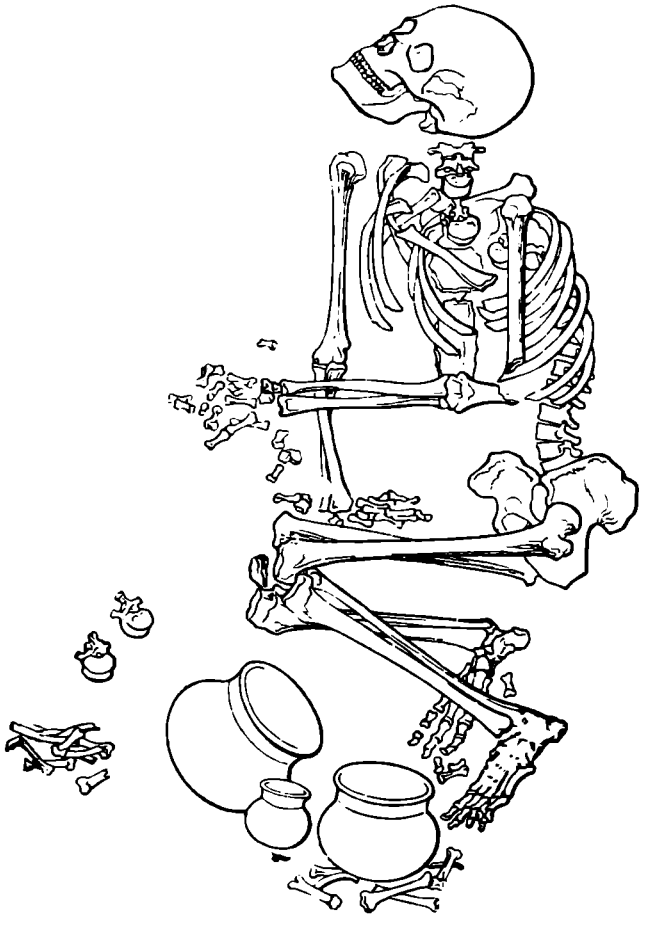

Рис. 15. Могила № 1 (1933).

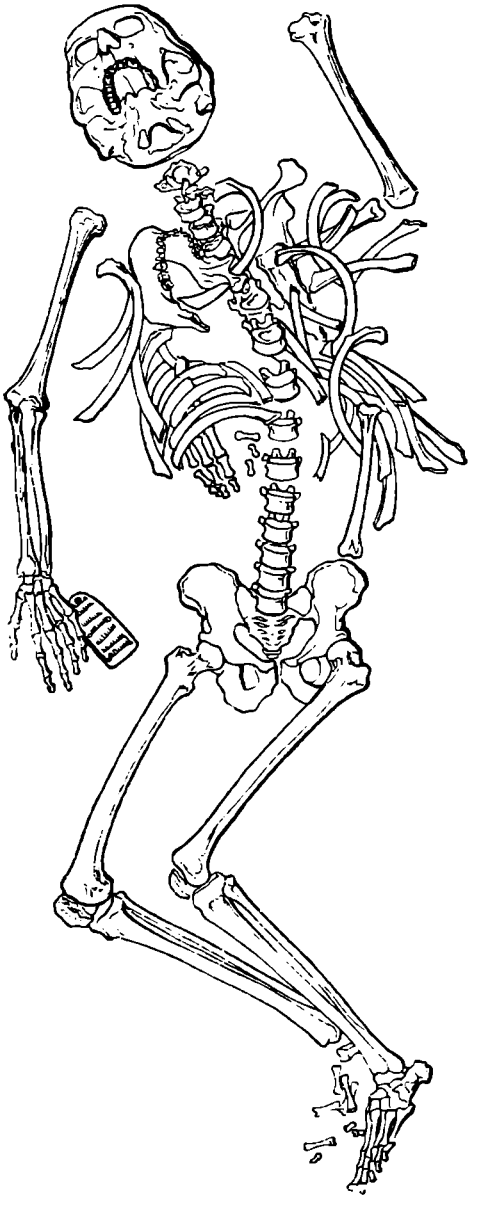

Рис. 16. Могила № 2 (1933).

Погребение в могиле № 1 лежало в скорченном положении на правом боку (рис. 15).

Погребение в могиле № 2 в аналогичном положении; костяк, повидимому, завалился на спину (рис. 16).

Погребение в могиле № 3 в скорченном на правом боку положении (рис. 17), детское. Взято с раскопок монолитом в Центральный чувашский музей.

Все три погребения были ориентированы головою на З.

Могила № 4 содержала 2 погребения с сильно нарушенными скелетами (рис. 18). Оба они, по всей вероятности, были ориентированы головами на СВ.

Могила № 5 дала остатки четырех сильно нарушенных погребений. [1] Ориентировка двух из них, судя по сохранившемуся относительному порядку позвонков и некоторых прочих костей (рис. 19), была на СЗ и СВ.

Рис. 17. Могила № 3 (1933).

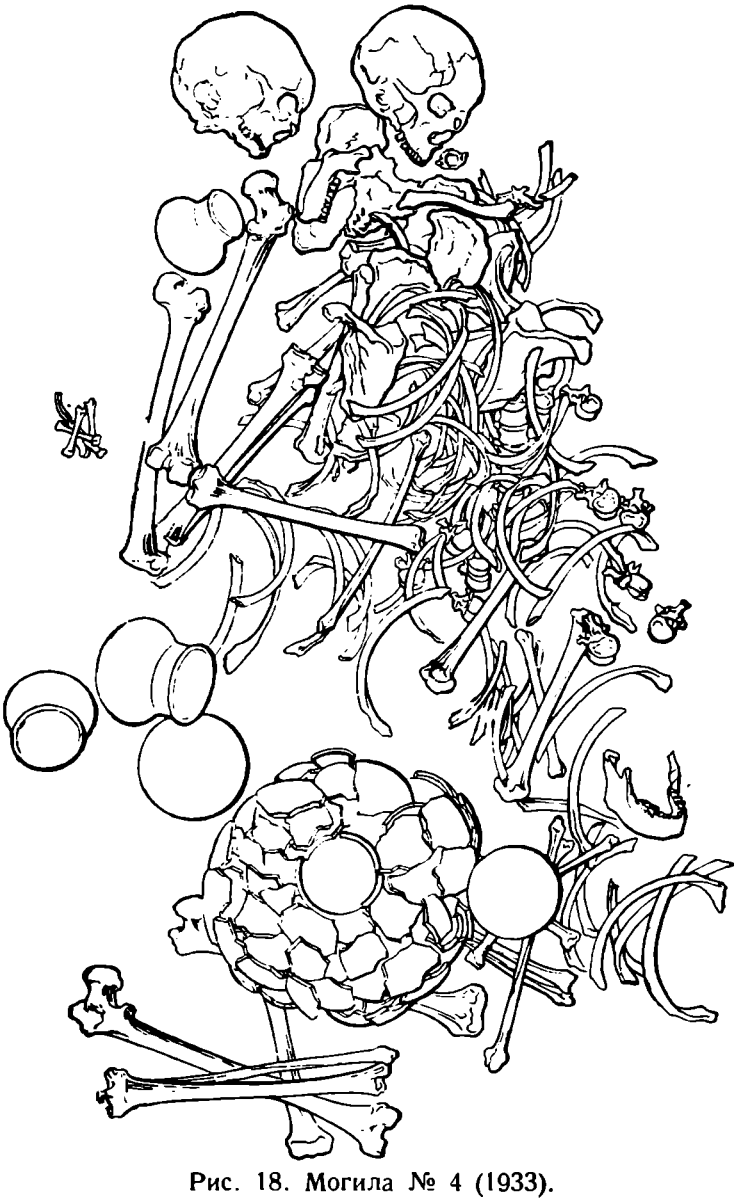

Рис. 18. Могила № 4 (1933).

Наконец, могила № 6 содержала остатки четырех погребений, также сильно нарушенных (рис. 20). Все же можно говорить об ориентировке двух рядом лежащих скелетов головами на С и двух других — на З и на В. Бросаются в глаза большие размеры этой могилы, о чем свидетельствует расположение скелетных остатков.

Таким образом во всех 6 могилах все 13 погребений — скорченные. Преобладает ориентировка головой на З (во всех одиночных погребениях наблюдается только такая ориентировка) и головою на С, но встречаются ориентировки и в других направлениях.

---

[1] Рисунки с зарисовок погребений двух последних могил (№№ 5 и 6) сделаны Г. Д. Даниловым по полевым наброскам участников раскопок.

Должен отметить, что краеведческими раскопками вскрыты не 13 отдельных погребений, отмеченных в сообщении И. Т. Тихонова и зафиксированных на рисунках, а 14. В описи предметов из могильника, помимо вещей, найденных на поверхности и в шести могилах, имеются еще предметы, найденные в траншее № 1. Кроме обломков глиняной посуды здесь найдены 2 целых глиняных горшка, 2 глиняных кружка со сквозными отверстиями в виде пряслиц (один из них изображен у нас на рис. 24, *б*), «каменный топорик» [1] и две бедренные кости новорожденного ребенка. [2] Все эти находки, судя по описи, обнаружены вне связи с каким-либо определенным погребением.

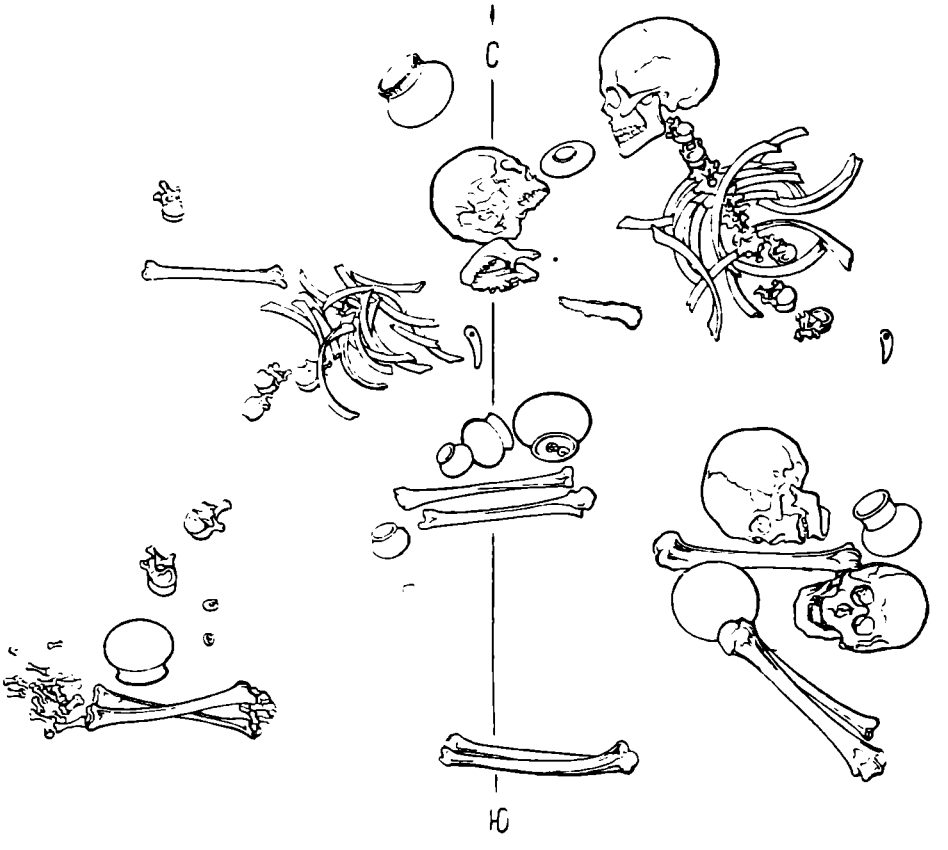

Рис. 19. Могила № 5 (1933).

Бедренные кости ребенка свидетельствуют о наличии здесь отдельного детского погребения, не замеченного во время раскопок краеведов. Перечисленные предметы из траншеи № 1 (рис. 14) являются, таким образом, могильным инвентарем погребения № 14 из раскопок 1933 г. Одно из пряслиц (разбитое) изображено у нас на рис. 21, *б*.

Найденный в траншее № 1 «каменный топорик» сделан из глины (рис. 21, *з*). Подобная находка маленькой глиняной копии каменного сверленого топора была сделана ранее О.А. Кривцовой-Граковой в Горкинском фатьяновском могильнике Ивановской промышленной области. [3]

Перейдем к краткой характеристике собранных в 1933 г. остатков материальной культуры.

---

[1] № 10 по описи музея и № 12 по инвентарю экспедиции.

[2] № 9 по описи музея и № 11 по инвентарю экспедиции. Кости ребенка ошибочно определены как кости животного.

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Раскопки Горкинского могильника. Доклад, читанный в Комиссии по изучению фатьяновской культуры МОГАИМК, I/II, 1935.

Остановимся прежде всего на представленных в могильном инвентаре основных орудиях труда, сделанных из камня. Столь характерных для этого рода могильников полированных сверленых топоров-молотов здесь очень немного. Один из топоров крупный (15 × 7 × 5 см) из серо-корич-

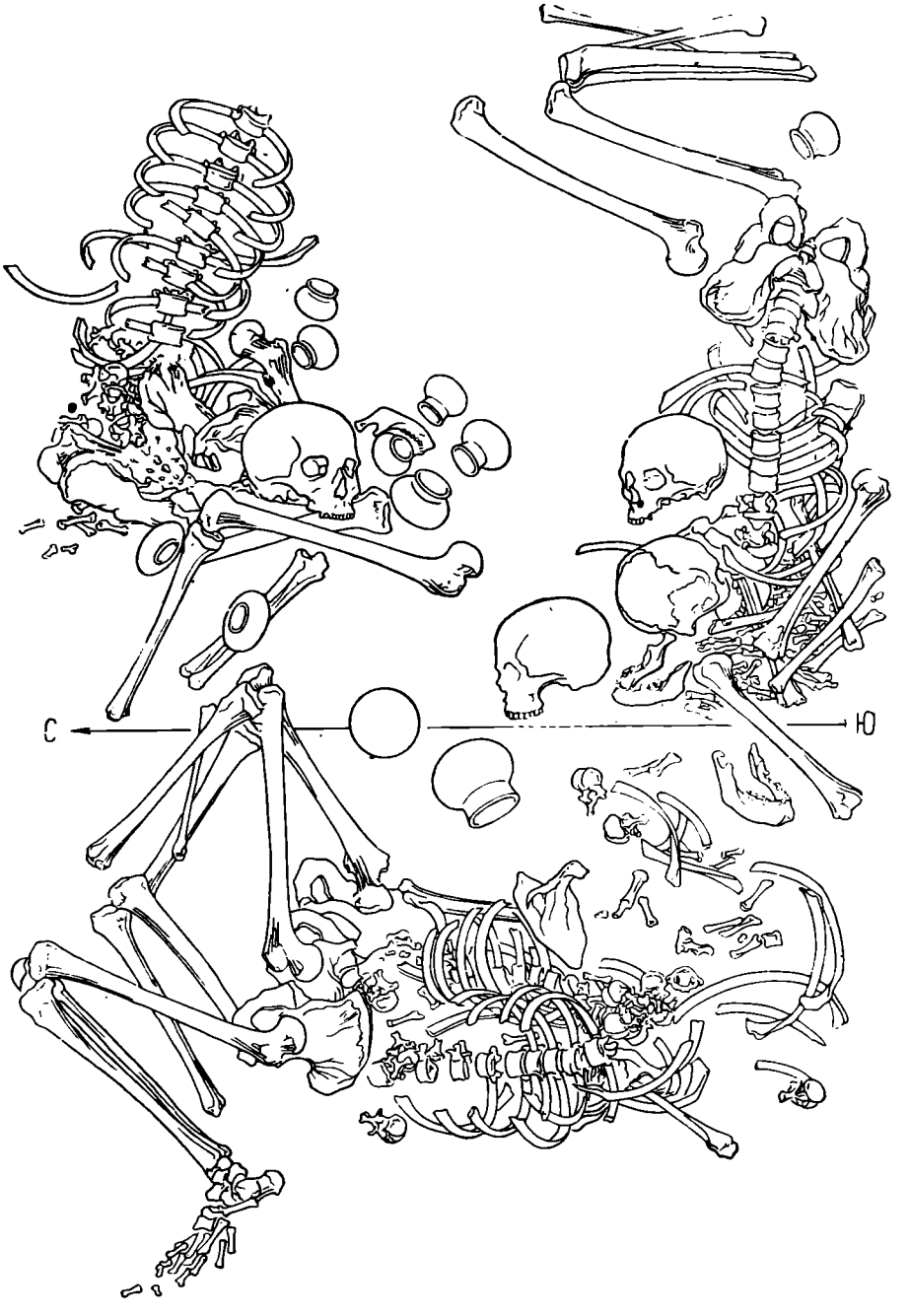

Рис. 20. Могила № 6 (1933).

невого камня очень простой формы, близкой к клину (рис. 21, *1а*, *б*). Имеются еще два аналогичных топора-молота меньших размеров, оба той же формы, что и первый; один из них имеет только начатую сверлину в виде конуса. Очень интересен четвертый топор-молот южного типа. Небольшой (длина 9 см, ширина 4.7 см, длина сверлины 2.8 см) из хорошего темносерого, отлично зашлифованного диорита он имеет узкий круглый обушок и короткую, но отлично выраженную лопасть на лезвийном конце (рис. 21, *2а*, *б*): высота ее 4.4 см. Здесь же следует упомянуть о небольшой модели

каменного сверленого топора-молота, сделанной из обожженной глины коричневого цвета (рис. 21, *3*) Размеры этой редкой находки: длина 6.4 см,

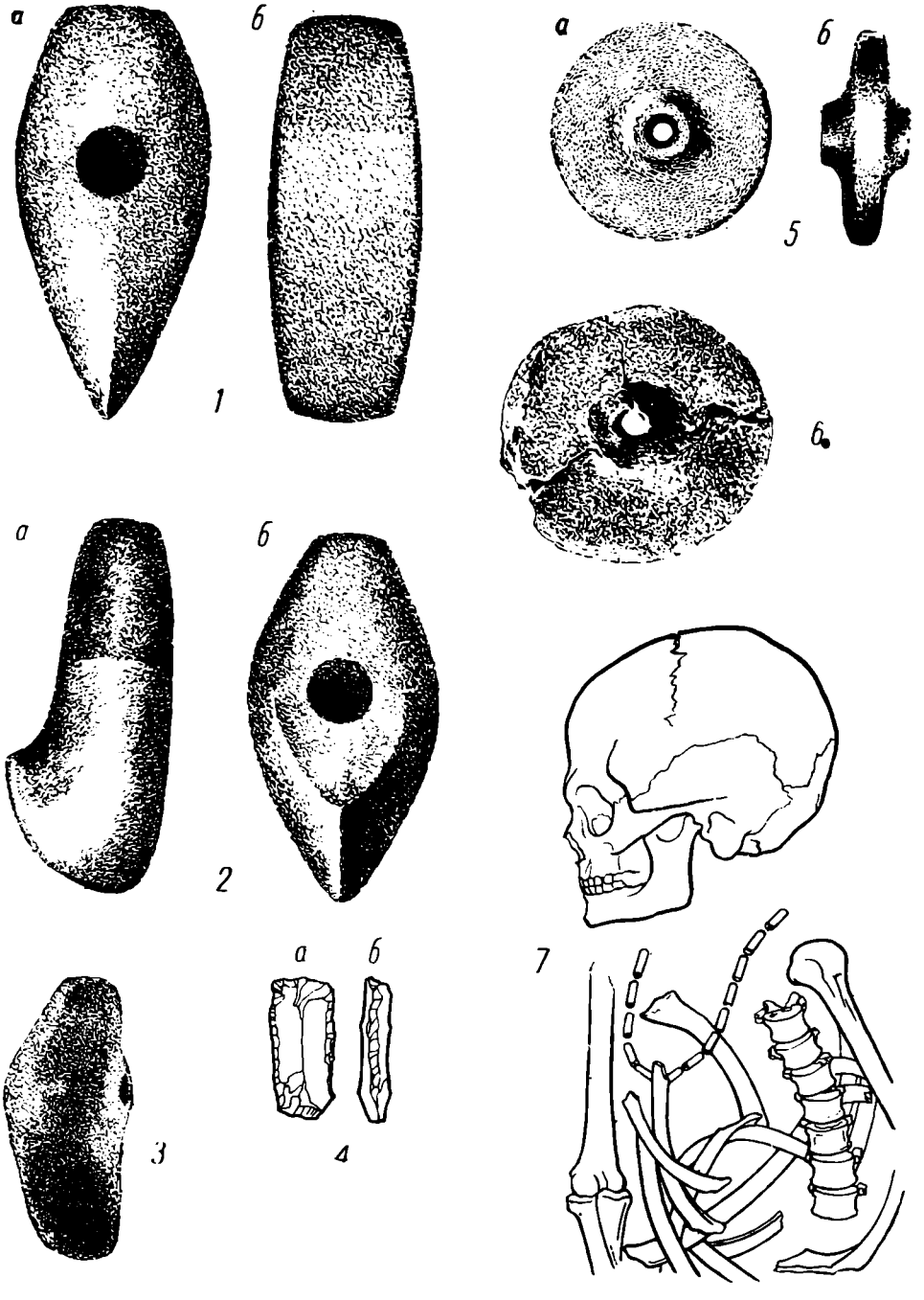

Рис. 21. Предметы из камня *(1, 2, 3, 4)*, глины *(5, 6)*, бронзовое ожерелье *(7)* (*1* в $^1/_6$ нат. вел., остальные в $^1/_4$ нат. вел.).

ширина 2.5 см. Круглое сквозное отверстие на месте сверления (диаметр 6 мм, длина 28 мм) сделано, повидимому, палочкой.

Еще малочисленнее кремневые несверленые и плоские топоры клиновидной формы, подобные топору из погребения № 4 раскопок 1934 г. (рис. 12, *5*). Их найдено в 1933 г. всего два. Оба они отлично заполированы, с немного более широким, чем тыльная часть, лезвием, симметричным в профиле. Эти топоры очень характерны для могильников фатьяновского типа;

один из них средних размеров, другой — совсем маленький, из детского погребения (могила № 3); оба очень острые.

Наконечник стрелы найден всего один. Так же, как и найденный в 1934 г. (рис. 12, *4*), он сделан из красновато-коричневого кремня, но немного меньше и относительно у́же его в средней части.

При одном из погребений найдена массивная, короткая ножевидная пластина из светлокоричневого кремня с высоким ребром на спинке и с крутой скребковой ретушью на конце и по двум краям (рис. 21, *4*).

Наконец, имеется несколько кремневых отщепов и одна ножевидная пластинка без ретуши.

Следует указать на присутствие трех или четырех интересных предметов из обожженной глины, представляющих собой довольно тонкие (около 1 см) диски диаметром 5.3—5.7 см, с выступающей с двух сторон в центре как бы втулкой, обнимающей круглое сквозное отверстие длиной 2.8 см и диаметром 6 мм (рис. 21, *5а*, *б* и *б*). Описанные предметы больше всего напоминают пряслица.

Костяные поделки немногочисленны. Собственно из орудий труда я могу указать только один предмет: тыльную часть небольшой сломанной костяной проколки. Имеются два зуба (свиньи и мелкого хищника) с прорезанными на концах отверстиями для подвешивания; на одном зубе это отверстие прорезано явно с двух сторон и густо окрашено кругом зеленой окисью меди, повидимому, от продетого в свое время через отверстие медного или бронзового колечка.

Две костяные поделки представляют исключительный интерес. Первая из них имеет вид небольшой костяной дощечки (длина 57.5 мм, ширина 25 мм, толщина 2 мм), один конец ее широкий, обрезанный почти прямо; другой — более узкий и округлый (рис. 22, *1а*, *б*). Предмет хорошей сохранности, сильно окрашен окисью меди и носит следы тщательной обработки лезвием. По краям его симметрично расположены 5 сверленых сквозных отверстий (диаметр от 1 до 2 мм) для продевания тонких нитей, повидимому с целью укрепления предмета на какой-то основе. Одна сторона гладкая; лицевая, очень слабо выгнутая поверхность имеет 7 тонких поперечных штрихов, заключенных между двумя вертикальными. На каждой поперечной черте находится от 8 до 15 перпендикулярно нанесенных коротких черточек (всего 83), концы которых прикасаются к поперечным линиям и лишь в единичных случаях их пересекают. Эти черточки, повидимому, наносились не постепенно, а сразу. В изготовлении предмета устанавливается следующий порядок: сначала были обструганы обе поверхности, затем острым концом прочного орудия были нанесены описанные штрихи (частью обрезанные по краям предмета), далее, в окончательном виде, были обрезаны края и, наконец, вдоль этих краев были просверлены 5 отверстий, сделанных явно после нанесения штрихов.

Второй предмет аналогичен первому, плохой сохранности и более крупных размеров (длина 104 мм, ширина 48 мм, толщина 3 мм). Вдоль края — 7 взаимно симметричных отверстий (рис. 22, *2а*, *б*). Внутренняя поверхность, как и в первом случае, гладкая. На наружной поверхности имеются заключенные в общее обрамление штриховые петли, идущие от краев к середине, но до нее не доходящие и образующие в середине продольную полосу свободной площади. Внутри каждой петли имеются противополагающиеся, но не смыкающиеся, очень короткие штришки. Все штрихи нанесены очень тонким прочным острием.

Трудно сказать что-либо определенное о значении этих предметов, найденных впервые. Оба они в погребениях лежали близ костей рук скелетов (рис. 16 и 17). Можно предполагать, что они были в свое время нашиты на части одежды. Трактовать изображенные на табличках штришки просто как орнамент трудно уже потому, что эти изображения слишком примитивны,

хотя бы по сравнению с богатой орнаментацией сосудов в тех же могилах. Вероятнее всего, эти костяные таблички не были просто украшениями; они имели какой-то другой, более глубокий смысл.

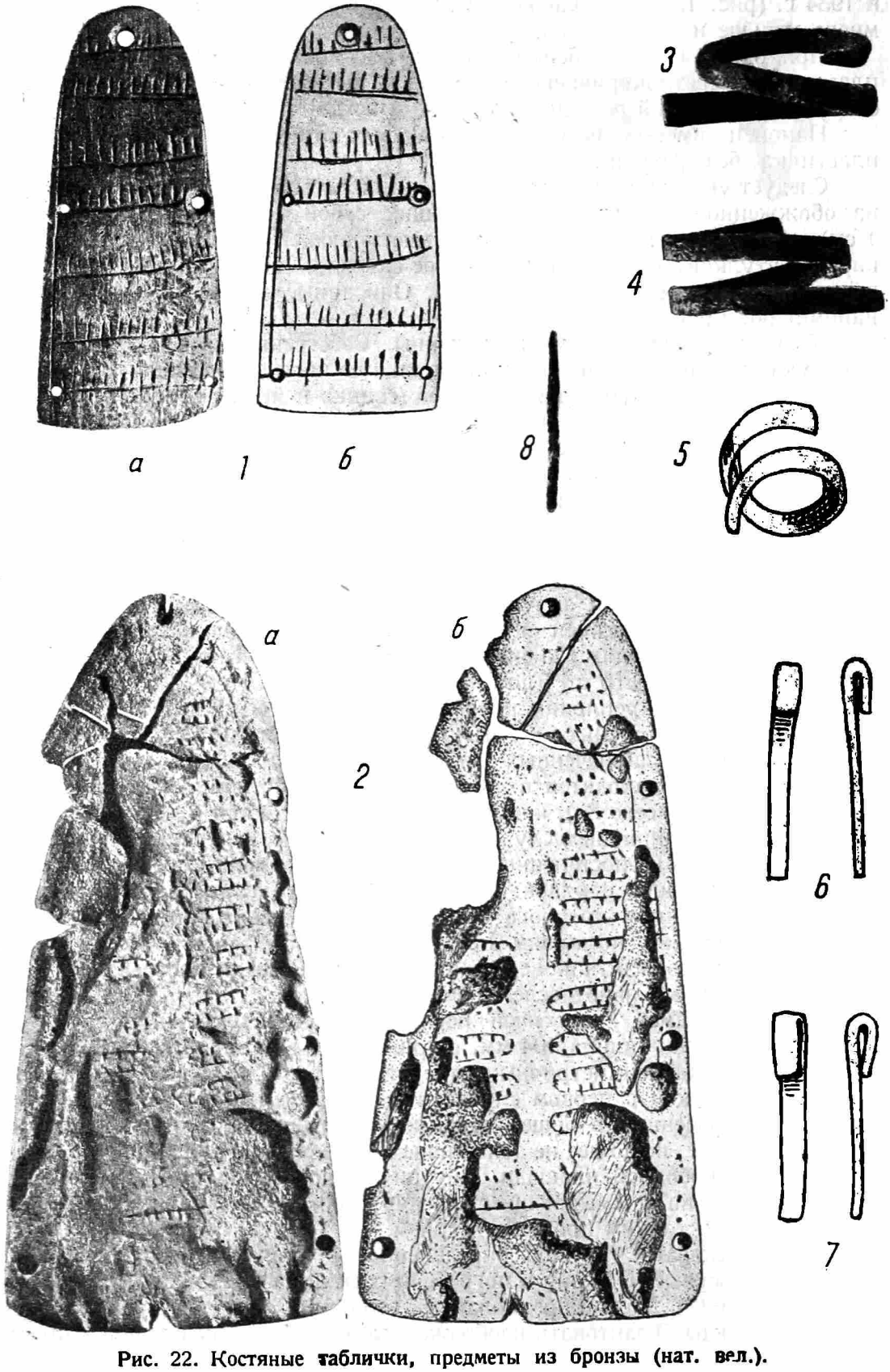

Рис. 22. Костяные таблички, предметы из бронзы (нат. вел.).

Значительно богаче количественно представлены украшения из бронзы, несмотря на их плохую, в большинстве случаев, сохранность. Кратко перечислим их.

Очень характерно крупное спирально-завитое по овалу (в $1\frac{1}{2}$ с лишним раза) бронзовое кольцо из довольно массивного стержня, толстого и широкого с одного конца (5 мм), резко обрубленного и постепенно сужающегося к другому острому концу (рис. 22, *3*). Длина развернутого стержня 11.6 см, внутренний диаметр кольца 10 × 19 мм.

Бронзовое кольцо, спирально завитое в виде овала, из узкой (4 мм) и тонкой полоски металла, длиной в развернутом виде 12.5 см (рис. 22, *4*). Внутренние диаметры овала кольца 12 × 23 мм.

Интересно также бронзовое, спирально завитое по кругу колечко диаметром 12 мм из массивного, уплощенного стержня. Один конец, подобно первому кольцу, массивен и резко обрублен, другой острый и узкий (рис. 22, *5*)

Далее отмечу бронзовое кольцо из узкой полоски металла, аналогичное изображенному на рис. 22, *4*, но более тонкое и худшей сохранности. Кроме того, найдены 2 обломка довольно крупного бронзового кольца, аналогичного предыдущим, плохой сохранности.

Найдены также: обломок бронзового, довольно массивного кольца (?) и ряд мелких обломков бронзовых изделий.

Особенно интересно ожерелье при погребении № 3, взятом в музей монолитом. Ожерелье длинное, лежит на груди и вокруг шеи детского костяка; оно состоит из большого количества (видно 13) под ряд нанизанных медных (?) пронизок (рис. 21, *7*). Пронизки тонкие, близкие к цилиндрической форме, иногда немного сплющенные. Сохранность трубочек-бус плохая; длина их от 1 до 1.5 см, диаметр в среднем 4—5 мм.

Не менее интересны также две тонкие, узкие (в среднем 3 мм) бронзовые полоски длиной в 28 и 30 мм с загнутыми концами (рис. 22, *6* и *7*). О назначении их судить трудно. Возможно, что они были укреплены на лицевой стороне тонкого ремня, охватывая его край загнутыми концами.

Из бронзовых предметов, являвшихся орудиями труда, имеется четырехгранное острие (рис. 12, *3*) с двумя правильно заостряющимися концами. Длина его 36 мм.

Сохранился также обломок еще одного тонкого бронзового острия или иглы (?). [1]

Среди собранных в 1933 г предметов материальной культуры наиболее богато представлена керамика. Помимо упомянутых пряслиц и топорика, в коллекции Центрального чувашского музея имеется не менее 45 глиняных сосудов целых и частью в обломках.

Все сосуды сделаны способом ручной лепки из хорошо отмученной глины с незначительной примесью мелкого песка. Сосуды из коллекции 1933 г не дают явных указаний на технику формовки, но вряд ли она была иной, чем в могильниках фатьяновского типа, т. е. и здесь мы имеем, по всей вероятности, все тот же круговой налеп с мелкой чашкой в основании, нередко имеющей снаружи в центре круглое вдавление.

Общий тон сосудов серо-желтый. Внутренняя поверхность обычно немного темнее. Отдельные сосуды имеют почти черный цвет.

Большая часть сосудов, особенно крупных, отличается тонкостью и изяществом выделки. Внутренняя и, главным образом, наружная поверхность сосудов гладко, до блеска вылощена или хорошо сглажена; очертания сосудов симметричны и правильны. Однако, на ряду с этим имеется не-

[1] Необходимо сделать общую оговорку: вышеописанные предметы я лишь условно называю бронзовыми. По всей вероятности, между ними есть и просто медные. Анализы металла еще не сделаны.

сколько мелких сосудов, вылепленных грубо, с неправильным волнистым бережком шейки и с бугорчатой поверхностью. Сосуды прочны и звонки. Обжиг часто неровный, дающий пятна на поверхности сосуда.

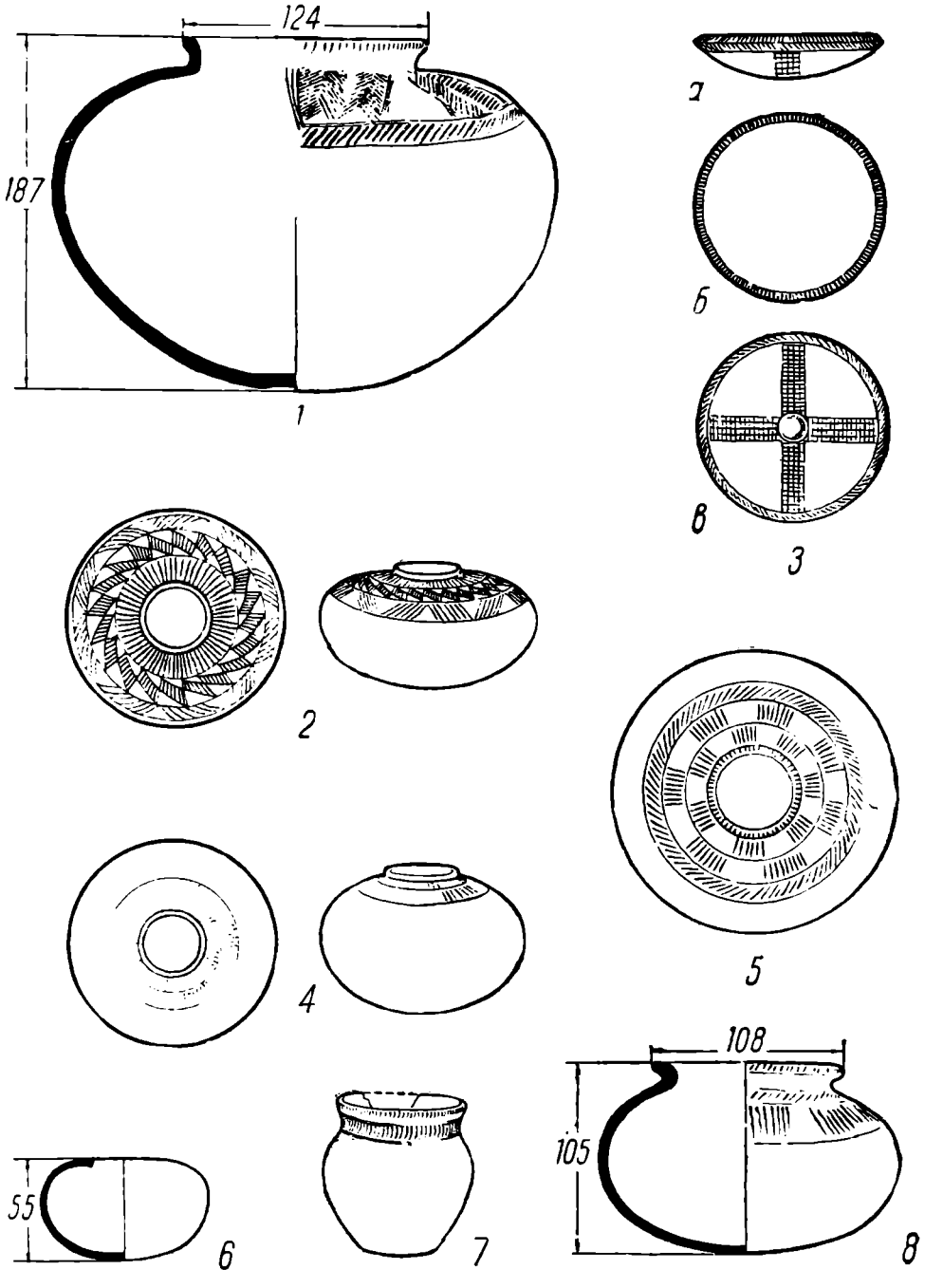

Рис. 23. Керамика, типы 1, 3, 4 (размеры даны в миллиметрах).

Размеры сосудов очень различны. Внутренний диаметр тела сосудов варьирует между 5 и 25 см, диаметр шеек от 3.5 до 14.5 см, высота от 4.5 до 20.2 см. Количественно преобладают сосуды средних размеров; при этом небольших сосудов больше, чем крупных. Толщина стенок почти одинакова; находясь лишь в слабой зависимости от размеров сосуда, она колеблется между 7 и 3.5 мм (см. профили сосудов на рис. 23 и 24).

По форме сосуды подразделяются, в основном, на три группы. К первой группе относятся около 8 сосудов вовсе без шейки (рис. 23, *б*) или лишь с

очень слабо выраженной, слегка отогнутой шейкой (рис. 23, *1*, *2*, *4*, *5*). Эти сосуды, независимо от их величины, имеют, как правило, уплощенную сверху форму. Другой особенностью этих сосудов является относительно

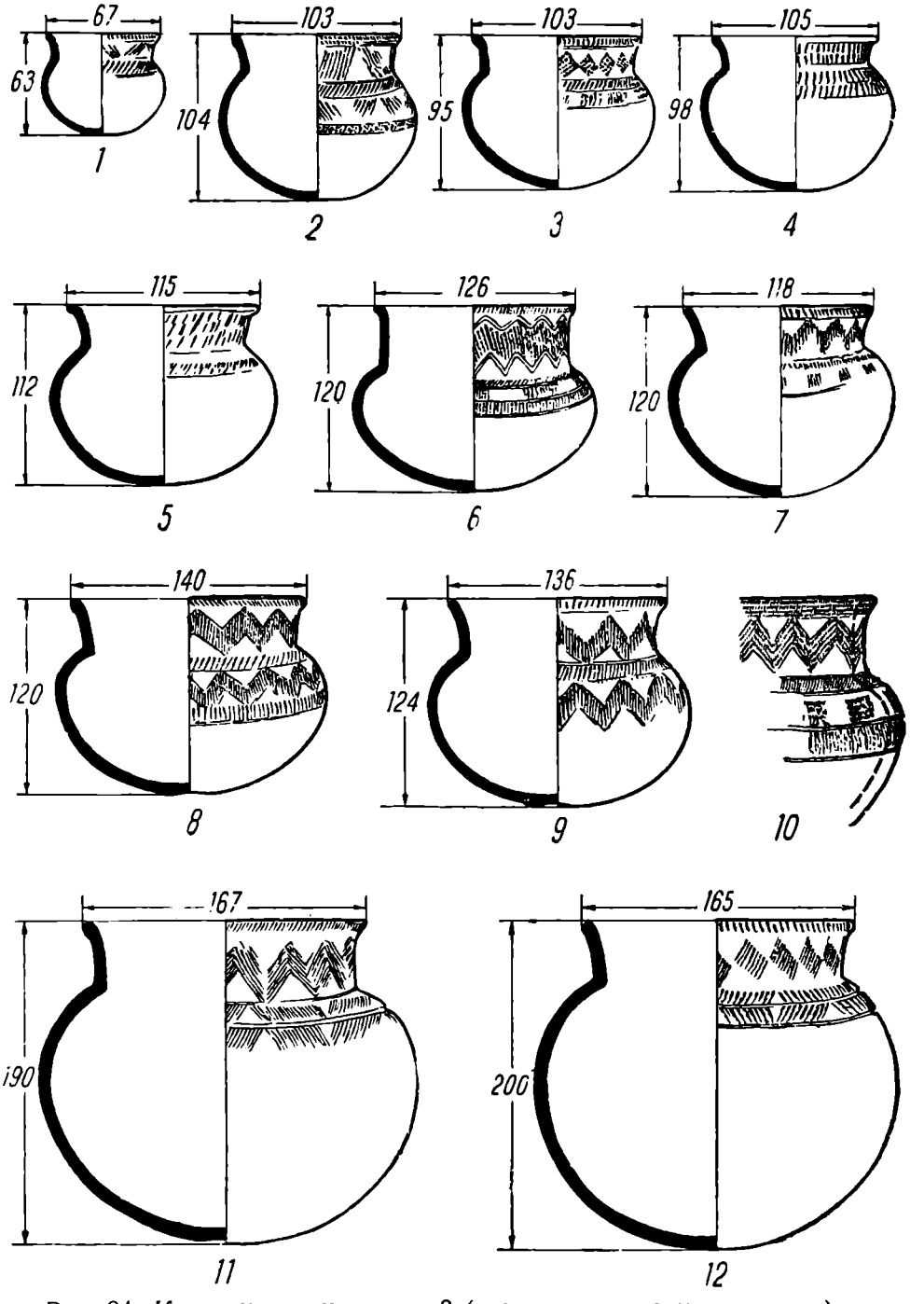

Рис. 24. Керамика, сосуды типа 2 (размеры даны в миллиметрах).

узкое отверстие шейки. Ко второй группе относится подавляющее большинство сосудов. Это горшки с уплощенным или, чаще, круглым шаровидным телом и хорошо выраженной, более или менее высокой, прямой или, чаще, несколько раскрывающейся кверху шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 24 и 25). К третьей группе следует отнести две плоских, круглодонных чашки (рис. 23, *3*). Все сосуды имеют круглое дно.

Особняком стоит один небольшой глиняный сосудик (рис. 23, *7*) с относительно высоким, суженным телом и явно уплощенным дном. На невы-

сокой отогнутой шейке имеется орнамент в виде двух кругов как бы ногтевых вдавлений. Поверхность этого сосуда признаков лощения не имеет, но сглажена хорошо.

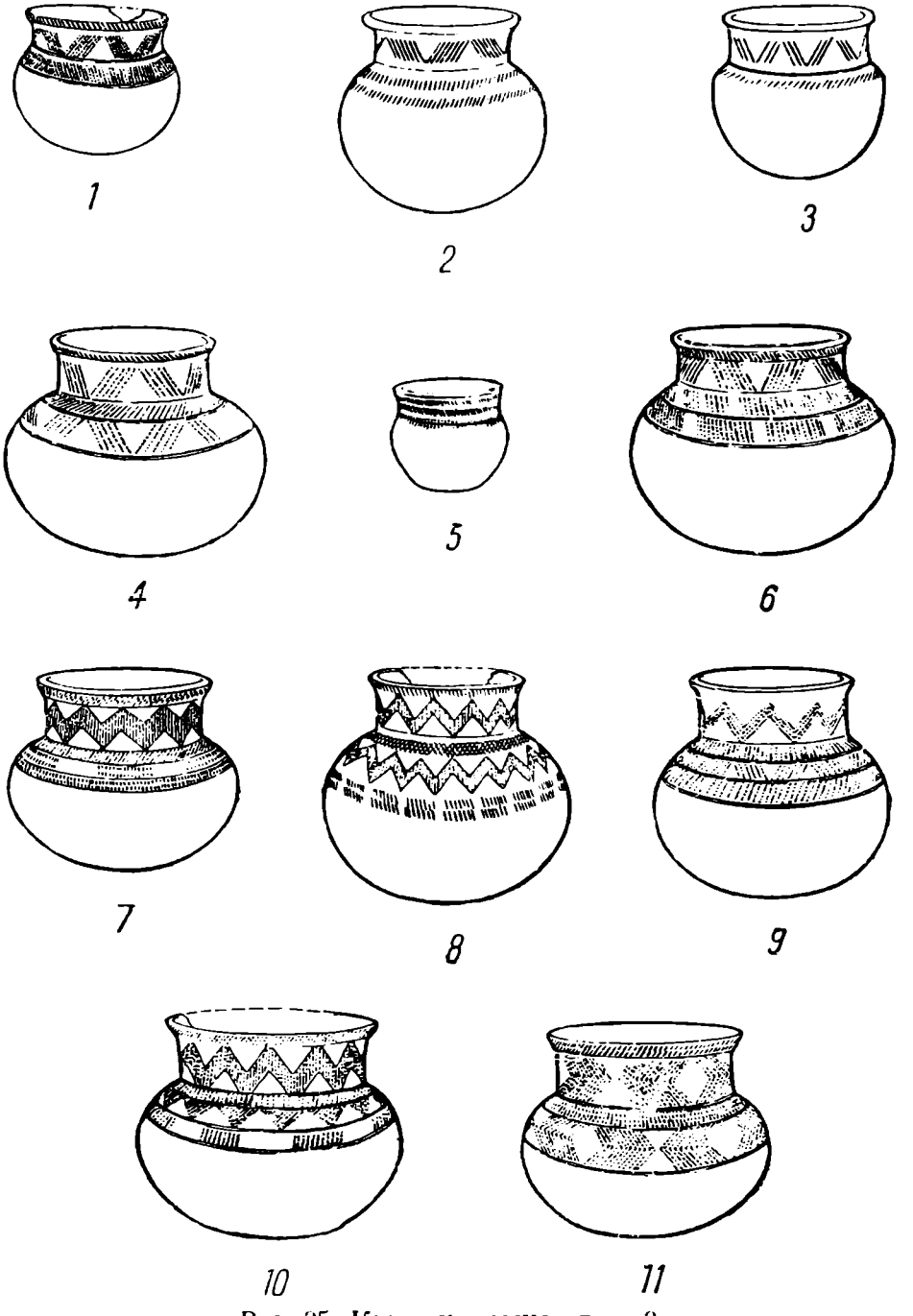

Рис. 25. Керамика, сосуды типа 2.

Орнамент имеется и на всех остальных сосудах, исключая один (рис. 23, *б*). Орнамент располагается большей частью на венчике, шейке и верхней части тела сосудов, никогда не спускаясь ниже его середины. У сосудов третьей группы, т. е. чашек, орнаментирована донная, наружная сторона. Элементы орнамента однообразны: это почти всегда тонкий зубчатый штамп, иногда линейный, иногда тонкий штрих; круговые линии, обрамляющие ряды штампа, обычно прочерчены. Но комбинации в расположении элементов орнамента, т. е. самый узор, достаточно разнообразны.

Почти все узоры составлены из групп штамповых отпечатков. Доминирующим мотивом орнамента является зигзаг; имеются ромб, треугольник и пр. (рис. 23, 24 и 25).

Зигзаг, являющийся, безусловно, наиболее излюбленным мотивом орнамента, свойствен почти исключительно сосудам второй группы и очень разнообразен по построению (рис. 24, 25).

В могилах №№ 5 и 6 найдено довольно большое число раковин двустворчатых пресноводных моллюсков. Последние, по определению Б. Н. Цветкова (МГУ), представлены тремя формами моллюска *Unio: Unio crassus* Retz., *Unio tumidus* Retz. и *Unio pictorum* L. Количественно преобладает форма *Unio crassus* Retz.

Unio относятся к числу съедобных моллюсков. Они охотно поедаются также домашними животными (свиньями). Их раковины в настоящее время идут на выделку перламутровых изделий, в особенности раковины *Unio crassus* Retz. Находка раковин *Unio* в могилах указывает на то, что этот моллюск употреблялся в пищу. Поделок из его раковины среди могильного инвентаря не обнаружено.

Небезинтересно отметить, что раковины двустворчатых пресноводных моллюсков были обнаружены мною при погребениях Кузьминского могильника под Москвою, причем там же найдено большое количество сделанных из них небольших круглых бус.

Из неполной коллекции костей млекопитающих, собранной на могильнике, удалось определить лишь нижний правый клык лисицы *(Vulpes vulpes)* и зуб крупного экземпляра кабана *(Sus scrofa)*, о котором нельзя сказать, был он диким или домашним. [1] Оба зуба имеют на конце коренной части сквозные отверстия для продевания нити, очень тонкого ремешка или медно-бронзового колечка; зуб лисы покрыт густой зеленью окиси меди. Кроме того, при раскопках в 1934 г. был найден еще клык медведя. Отсутствие домашних животных объясняется, вернее всего, незначительностью имеющегося материала. Кости всех основных видов домашних животных были обнаружены в целом ряде одновременных Карабаю могильников фатьяновского типа, [2] и мы имеем все основания ожидать их и на Карабае. В связи с этим еще раз сошлюсь на вышеупомянутый отчет участника краеведческих раскопок И. Т. Тихонова, где указывается, что в этих раскопках найдено «около 10 амулетов из клыков каких-то зверьков и зубов, повидимому, лошади». [3] Эта находка имеет тем большее значение, что присутствие лошади среди домашних животных древнего общества, связанного с могильниками фатьяновского типа, известно до сего времени лишь в одном Кузьминском могильнике под Москвою.

В раскопках 1934 г. неоднократно делались находки костей крупных грызунов, местами обнаружены были следы старых нор. По определению В. И. Громова, кости принадлежат суслику *(Citellus* sp.*)* и байбаку (*Marmota* bobac).

6

Добытый на Балановском могильнике материал весьма характерен. Без сомнения, перед нами могильник эпохи родового общества, так наз. бронзового века, по времени относящийся, по всей вероятности, ко II тысячелетию до н. э. Относительно большое количество бронзовых вещей не может служить основанием для повышения даты: нужно учитывать, что могильник по своему географическому положению близок к богатым медными

---

[1] Определения сделаны В. И. Громовым (Академия Наук СССР).

[2] О. Н. Бадер. Лихачевский могильник (к вопросу о хозяйственной основе так наз. фатьяновской культуры). Сов. археология, № 2, Лгр., 1937.

[3] И. Т. Тихонов, ук. соч., стр. 123.

месторождениями центрам. Это наиболее древний из могильников, известных на территории Чувашии.

Ближайшие аналогии Балановскому могильнику представляют могильники фатьяновского типа в Верхнем Поволжье. По всему характеру могильника — по ритуалу погребений и по материальной культуре, не считая некоторых отклонений, неизбежно встречающихся в каждом новом памятнике недостаточно изученной культуры, — материал из Балановского могильника совпадает с «фатьяновской культурой». Однако от основных центров распространения этой культуры Балановский могильник отстоит далеко на восток. В этом его особый интерес.

Правда, отдельные находки каменных сверленых топоров фатьяновского типа в этих районах делались не раз и далее, вплоть до Казани, устья

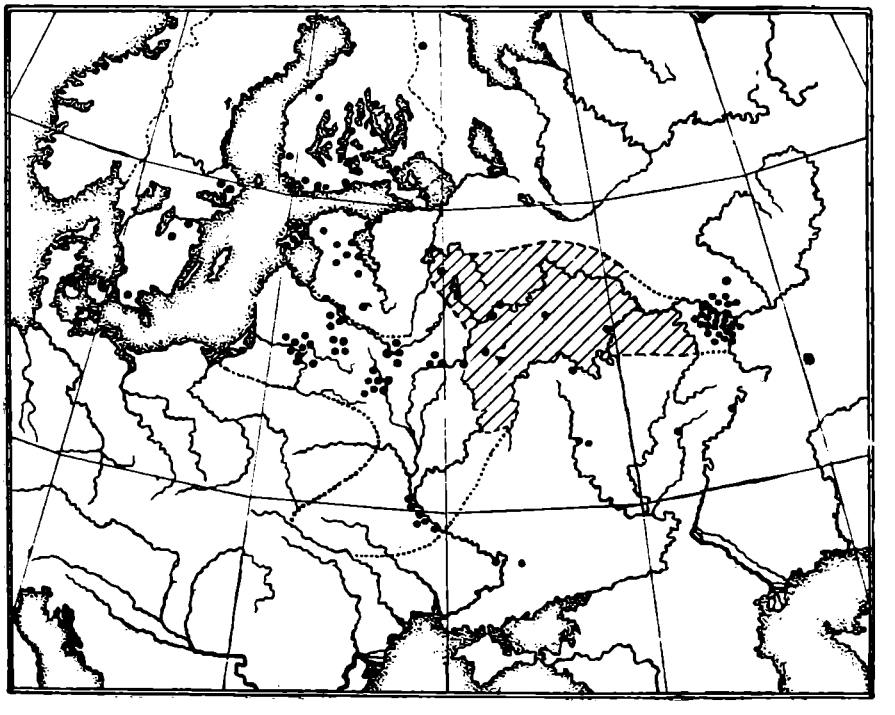

Рис. 26. Область фатьяновской культуры ///// (по Тальгрену) и распространение сверленых топоров с прямой спинкой (по Европеусу).

Камы и поворота Волги на Ю. [1] Но эти находки были случайными. Балановский могильник является первым памятником на этой территории, давшим находки подобных топоров в древних могилах, в соединении с определенным комплексом остатков материальной культуры. Надо думать, что могильники балановского типа будут обнаружены на всей указанной территории распространения фатьяновских топоров. При дальнейших раскопках в Баланове очень желательно выяснить отношение к могильнику каменных сверленых топоров-молотов с прямой спинкой и выступающей с противоположной стороны втулкой. Такие топоры во множестве найдены в районе Казани и Камского устья (рис. 26). Надо думать, что они связаны здесь с той же археологической культурой.

Чрезвычайно интересно сходство между материальной культурой Балановского могильника и пока еще немногочисленными вещами, добытыми из весьма древних курганов в северо-западном углу Чувашской республики (у д. Атли-касы), исследованных Средне-Волжской экспедицией ГАИМК

[1] Arne Ayräpää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, VIII, Helsinki, 1933.

в 1930 г. [1] Эти могильники я считаю несколько более поздними по наличию курганных насыпей над погребениями. Появляясь на территории Чувашии в памятниках этого типа, надмогильные курганы получают всеобщее распространение в более поздней, так наз. абашевской культуре.

Балановский могильник отличается от типичных фатьяновских могильников Верхнего Поволжья отсутствием весьма характерных тонких трубчатых костяных пронизок, наличием заменяющих их пронизок из бронзы, некоторых мелких бронзовых вещей, орнаментированных костяных пластинок, а также некоторым своеобразием орнаментации на керамике и значительным процентом коллективных погребений в одной могиле. Интересно, что большею частью именно эти особенности сближают его с могильниками абашевского типа.

Говоря о чертах сходства с последними, следует упомянуть найденные в Баланове и в Абашеве гладкие, цилиндрические, свернутые из тонких медных листков пронизки, бронзовые острия, шилья, спирально завитые бронзовые височные колечки, спиральные бронзовые колечки с расширенными концами; необходимо отметить также частичное тождество формы кремневых наконечников стрел, некоторое сходство керамики, а также сравнительно большой процент коллективных погребений. В этой же связи следует упомянуть и о появлении курганных насыпей в могильниках типа Атликасы.

Таким образом есть основания предположить, что вопросы генезиса так наз. абашевской культуры могут найти некоторое освещение при продолжении раскопок в Баланове.

С другой стороны, абашевская культура может явиться для могильников фатьяновского типа на территории Среднего Поволжья той более поздней, преемственно связанной с ней группой памятников, которая до сего времени еще не установлена в Верхнем Поволжье.

Продолжение работ в Баланове как нельзя более соответствует одному из научных завещаний, оставленных академиком Н. Я. Марром. «...Из доисторического населения Европы, — читаем мы у него, [2] — яфетического создателя начал европейской культуры, в Восточной Европе сохранился один-одинешенек чувашский народ, органически связанный и с созиданием средневековой культуры того же района; этот народ с языком, перебрасывающим мост на север к угро-финнам и на восток — к туркам и монголам, должен занять первенствующее место в очередных изысканиях человечества по истории зарождения и эволюции своей культуры и по установлению ее источников, чего нельзя достигнуть без интенсивной работы в Чувашии и сродных по населению прилежащих странах над памятниками материальной культуры, нельзя достигнуть без объединения изысканий по физическим типам, хозяйству, быту, религиозным верованиям, праву, искусству, фольклору или живой старине, речи и, конечно, истории за средние века и новейшие времена не с меньшим напором, чем за металлические и каменные века». Древнее общество, оставившее нам могильники балановского типа, без сомнения, еще находилось на этой яфетической стадии.

LE CIMETIÈRE DE KARABAJ PRÈS DU VILLAGE DE BALANOVO EN TCHOUVACHIE

RÉSUMÉ

La nécropole de Balanovo a été fouillée par l'auteur en 1934: il publie les résultats de ces fouilles ainsi que de celles de 1933. La plupart des squelettes dans les 13 sépultures découvertes en 1933 et 1934 ont une posture ra-

[1] П. Н. Третьяков. Из материалов Средне-Волжской экспедиции ГАИМК. СГАИМК, № 3, 1931, стр. 13—16.

[2] Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, стр. 72.

massée, la tête vers le sud. Le crâne, dans les cas où il était possible d'en donner la détermination, est d'un type européïde.

Le mobilier funéraire comprend les objets suivants: outils de pierre (haches de formes différentes, pointes de flèches, éclats de silex en forme de couteau); fragment d'un perçoir en os, deux tablettes en os qu'on portait peut-être cousues aux vêtements, dents d'animaux sauvages et domestiques avec un trou au bout; trois groupes de spécimens de céramique plus nombreux en général que tous les autres objets et attirant l'attention par la précision et l'élégance du travail, objets en bronze assez nombreux (anneaux en forme de spirale, pièces tubulaires formant un collier, pointe tétraédrique aux bouts aiguisés, fragments de menus objets). Dans deux sépultures on a trouvé un grand nombre de coquilles bivalves de mollusques d'eau douce.

A en juger d'après le rite funéraire et la culture matérielle, la nécropole de Balanovo se rapporte à la culture de Fatjanovo, tout en étant éloignée vers l'est des centres les plus importants de cette dernière. Il y a cependant une certaine différence entre les nécropoles du type Fatjanovo et celle de Balanovo; ce sont justement ces traits de différence qui forment un lien entre Balanovo et les nécropoles du type Abachevo — ainsi, par exemple, les sépultures collectives.

La nécropole de Balanovo se rapporte à la société de clan de l'âge du bronze, probablement — au II millénaire avant notre ère; cette société n'en était encore qu'au stage japhétique.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

УРАРТСКАЯ БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА ГОС. МУЗЕЯ АРМЕНИИ

В 1936 г. Гос. Музей Армении (г. Ереван) приобрел у Гевонда Арамянца, долгое время жившего в г Ване, бронзовую статуэтку, найденную, по его словам, в 1907 г. в развалинах крепости Дарабей около г Вана.

Статуэтка изображает сидящую женщину с протянутыми вперед руками, одетую в длинное и узкое платье, украшенное квадратами и помещенными внутри них розетками. Талия перетянута широким поясом. На руках отмечены браслеты, на груди статуэтки изображены четыре ряда крупных бус, причем три низки, отходящие от нижнего ряда, спускаются до пояса. На груди, кроме бус, изображена подвеска в форме кинжальчика с фигуркой лежащего льва на его навершии.

На голове женщины ниспадающее за спину покрывало, украшенное, так же как и платье, квадратами с розетками и с бахромой по краю.

Правая рука с открытой ладонью протянута вперед и слегка поднята вверх, левая, тоже вытянутая вперед, сжата. Сквозное отверстие в левой руке указывает на то, что в нее был вставлен какой-то предмет. Моделировка лица тщательная. Характерны крупные глаза, широкие брови, сходящиеся на переносице, тонкий нос и губы с застывшей улыбкой, напоминающие архаическую греческую скульптуру. Высота статуэтки 0.12 м. Бронза покрыта темнозеленой патиной.

Уже при первом беглом взгляде обращает на себя внимание близкое сходство этой статуэтки с изображением на золотом медальоне, происходящем из раскопок Леманн-Гаупта на Топрах-кале [1] и датируемом нач. VI в. до н. э.

На медальоне изображена сидящая на троне женщина в таком же платье, украшенном квадратами, и в такой же накидке, закрывающей спину. Одна рука приподнята вверх, другая же вытянута вперед и держит ветку растения, которая, повидимому, и утрачена у бронзовой статуэтки.

Сходство этих двух предметов настолько велико, что невольно возникает некоторое сомнение в подлинности приобретенной Гос. Музеем Армении статуэтки, кажущейся подделкой, точно копирующей изображение женщины золотого медальона.

В настоящее время нам известно сравнительно большое число урартских бронзовых статуэток, среди которых отчетливо намечаются две группы. Первая группа представлена изделиями, являющимися, повидимому, в основной своей массе, частями мебели, украшенной бронзовыми фигурками животных, покрытыми листовым золотом.

Подобные предметы были найдены при раскопках Рейнольдса, Клэйтона и Рассама (1879—1880) на Топрах-кале, а также поступили путем покупок от частных лиц в Лувр и Берлинский музей.

---

[1] C. F. Lehmann-Haupt. Armenien einst und jetzt. T. II, вып. 2, 1931, стр. 502.

Две бронзовые статуэтки имелись в коллекции А. С. Уварова, другие две через К. Камсаракана, русского консула в Ване, попали в Государственный Эрмитаж.

Все эти предметы, относящиеся к парадному ансамблю, отличаются высоким качеством изготовления и отливались по восковым моделям, обусловившим индивидуальные особенности каждого предмета. Эта группа бронзовых изделий весьма близка ассирийскому искусству, что, повидимому, было характерно для придворного искусства конца Ванского царства, когда Урарту, после поражения, нанесенного в конце VIII в. до н. э. Саргоном, встало в прямую зависимость от Ассирии.

Несмотря на существенные отличия бронзовой статуэтки Гос. Музея Армении от образцов отмеченной группы урартских бронзовых изделий, она все же имеет некоторое с ними сходство; в частности, это сказывается в характерном украшении платья квадратами со вписанными в них розетками. Этот орнаментальный мотив, встречающийся на урартских бронзах, изображающих человеческую фигуру, стоящую на быке или на льве,[1] в изображении на золотом медальоне не особенно четок.

По технике и стилю публикуемая бронзовая статуэтка имеет большее сходство с другой группой урартских бронзовых изделий, менее парадных, на которые до сих пор не обращалось должное внимание.

В Британском музее имеется бронзовая статуэтка, изображающая бога с протянутыми вперед руками, в позе возничего колесницы.[2]

К этой же группе следует причислить крылатые женские фигурки и головки быков, служившие украшением верхних частей бронзовых котлов. Но эта группа урартских бронзовых изделий, при близости по стилю и технике, все же не дает статуэтке Гос. Музея Армении формальных аналогий, которые могли бы убедить нас в ее подлинности.

Возвратимся к сравнению статуэтки с изображением на золотом медальоне. При внимательном рассмотрении наблюдается и некоторое их отличие, свидетельствующее о том, что женская фигурка Музея Армении не копировалась с фигуры на медальоне. Как было уже указано выше, украшения платья квадратами и розетками, нечеткие на золотом медальоне, весьма близки к таковым на других урартских изделиях.

Если мы присмотримся к покрою платья на обоих предметах, то и тут мы заметим не бросающееся в глаза, но существенное отличие. В передней части юбки, у колен, имеется вырез, не наблюдаемый ни на одном из известных нам урартских памятников, но характерный для женского ассирийского костюма, как это видно по изображению сидящей ассирийской царицы, жены Ашурбанипала.

Эти существенные особенности бронзовой статуэтки, а также моделировка лица заставляют нас признать ее подлинно урартской, датируя ее концом VII—VI в. до н. э. Если статуэтка все же окажется подделкой, то следует признать, что выполнена она с большим знанием искусства Передней Азии.

Близкая аналогия женской фигуры на золотом медальоне с рассматриваемой статуэткой помогает нам и в разрешении вопроса — кого статуэтка изображает.

Сцена на золотом медальоне имеет двоякое объяснение. Некоторые исследователи видят в нем изображение царицы и служанки, другие же — богини плодородия. Последнее предположение подкрепляется сходной

---

[1] Каталог собрания древностей А. С. Уварова, т. I, № 497, стр. 62. — C. F. Lehmann-Haupt, ук. соч., т. II, вып. 2, 1931, стр. 878. — L. Heuzey. Les Origines orientales de l'Art, вып. 5—6, 1914, табл. 9.

[2] British Museum, A Guide of the Babylonian and Assyrian Antiquities, 3 изд., 1922, стр. 171. Мелкие бронзовые изделия того же собрания опубликованы Миннсом в «The Antiquaries Journal» (X, 1930, табл. IV).

Рис. 1. Урартская бронзовая статуэтка (Гос. Музей Армении).

композицией на одной иранской цилиндрической печати, [1] датируемой первой половиной V в. до н. э. (коллекция Клэрк). На ней изображена царица, подходящая к божественной чете, перед которой другая женщина стоит с птицей в руках. Одна из сидящих на троне фигур держит в руке цветок. Обычно на этой печати видели только одну сидящую женскую фигуру, но в последнее время было высказано вполне справедливое мнение, основанное на наличии двойного контура, что на изображении имеются две сидящие фигуры, вероятно бог и богиня.

В изображении на печати коллекции Клэрк, так же как и на золотом медальоне, найденном на Топрах-кале, некоторые исследователи усматривают ионическое влияние. Это вполне вероятно, так как сами урартские памятники своим распространением подтверждают эти связи. Так, бронзовые крылатые женские фигурки, служившие украшениями бронзовых котлов, встречаются не только в центральной части Ванского царства, но в Ниневии, на о. Родосе, в Дельфах, Афинах и в Олимпии. [2] Этими связями, возможно, объясняется также и стилистическое сходство нашей бронзовой статуэтки с греческой архаикой. Таким образом наиболее вероятным объяснением статуэтки, приобретенной Гос. Музеем Армении, представляется нам объяснение ее как изображение богини, сидящей на троне и держащей в руке ветку или цветок. Урартский пантеон слишком мало изучен, чтобы дать более точное определение. Возможно, что статуэтка изображает богиню Багбарту, супругу бога Халда, статуя которой, согласно текстам Саргона, была захвачена ассирийцами в 714 г. до н. э. в Мусасире.

Рис. 2. Урартская золотая подвеска из раскопок на Топрах-кале у Вана.

B. PIOTROVSKIJ

LA STATUETTE EN BRONZE D'URARTU DU MUSÉE D'ARMÉNIE

RÉSUMÉ

Le Musée d'Arménie a reçu en 1936 une statuette en bronze, provenant d'Urartu, représentant une femme assise. Cette statuette trouve son analogue très rapproché dans une figuration féminine sur un médaillon en or (VIe siècle avant notre ère) trouvé au cours des fouilles de Toprakh-Kale, près de la ville de Van. Sa comparaison avec celle-ci et avec une autre image de femme sur un cachet cylindrique (première moitié du Ve siècle avant notre ère) appartenant à la collection Clarke permet de supposer qu'elle représente une déesse d'Urartu, peut-être Bagbartu, dont la statue selon les documents assyriens se trouvait dans le temple de Mussassir.

---

[1] J. Menant. Recherches sur la glyp ique orientale, II, 1886, стр. 174, табл. IX, 2. — A. Furtwängler. Geschichte der Steinschneidekunst, III, 1900, стр. 120, рис. 80.

[2] C. F. Lehmann-Haupt, ук. соч., т. II, вып. 2, 1931. См. примеч. 21, где приводится перечень 43 находок бронзовых украшений в виде крылатых женских фигурок.

Т. Н. КНИПОВИЧ

НЕКРОПОЛЬ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОЛЬВИЙСКОГО ГОРОДИЩА

(ПО РАСКОПКАМ 1937 г.)

За время многолетних раскопок Ольвии территория крайней северо-восточной части возвышенности, занятой городом, оставалась, в сущности, неисследованной. Только в 1925 г. экспедицией, проводившейся под руководством Б. В. Фармаковского, было положено начало расследованию также и этого участка. С тех пор именно в данной части Ольвии были проведены самые большие и особенно плодотворные работы.

В результате раскопок на этом участке (уч. И) был обнаружен некрополь, в главной своей части принадлежащий архаической эпохе. Наличие под культурным слоем участка И архаических погребений было установлено еще экспедицией 1925 г. Работы следующих лет дали еще целый ряд характерных ранних погребений; вместе с тем они установили факт существования на этой территории также и поздних погребений, не перекрытых наслоениями эллинистической эпохи, а впущенных в эти наслоения сверху, в то время, когда этот участок уже перестал быть частью населенного города. Вскрытые за все эти годы погребения составляют в настоящее время солидный материал, полная публикация которого является одной из важнейших очередных задач. К сожалению, к выполнению этой задачи до настоящего времени едва лишь приступлено: опубликованы, и то кратко, лишь результаты работ 1925 г. [1]

Экспедиция 1937 г. вновь дала серию погребений некрополя на территории северо-восточной части «верхнего города», интересную как по выяснившимся при расследовании этих погребений особенностям погребального ритуала, так и по обнаруженным в могилах вещественным находкам. Это побуждает меня дать предварительную публикацию этих погребений теперь же, не дожидаясь ни издания всех открытых на этой территории в предыдущие годы погребений, ни окончания всех исследований, производимых над материалом раскопок 1937 г. специалистами различных отраслей знания. [2] Я считаю настоятельно необходимым сделать общим достоянием хотя бы эту часть ольвийского некрополя; общая же сводная работа о некрополе на территории участка И будет, очевидно, представлена тогда, когда закончится расследование всего участка, что состоится, надо надеяться, в ближайшее время.

Приступая к этой предварительной публикации, я считаю не лишним сказать несколько слов об условиях работы по вскрытию и исследованию погребений на участке И. Условия эти существенно отличаются от условий

---

[1] Б. В. Фармаковский. Раскопки Ольвии в 1925 году. СГАИМК, I, 1926, стр. 171 сл.

[2] Я имею в виду исследование костяков, исследование обнаруженных в погребениях растительных подстилок, дерева и т. д.

обычной работы на некрополях древних поселений. Непосредственно над погребениями возникли кварталы города эллинистической эпохи с их многочисленными постройками, возведение которых часто неизбежно вело к повреждению, а иногда и к разрушению находившихся здесь погребений. Следы такого разрушения древних погребений неоднократно встречались при раскопках. В слоях города, особенно в наиболее глубоко лежащих частях их, мы много раз натыкались то на зубы, то на целую челюсть человека, то еще на какую-либо кость, бесспорно принадлежавшую скелету человека; в то же время нам повторно встречались обломки керамики архаического времени. Несомненно, что все эти находки попали в наслоения эллинистического города из потревоженных во время строительных работ погребений ранее существовавшего здесь некрополя.

Кроме того, следует иметь в виду, что раскопки на участке И имели целью прежде всего раскрытие городских кварталов эллинистической Ольвии: как бы ни была важна задача возможно более полного исследования находившегося здесь некрополя, мы не могли ради нее жертвовать открытыми

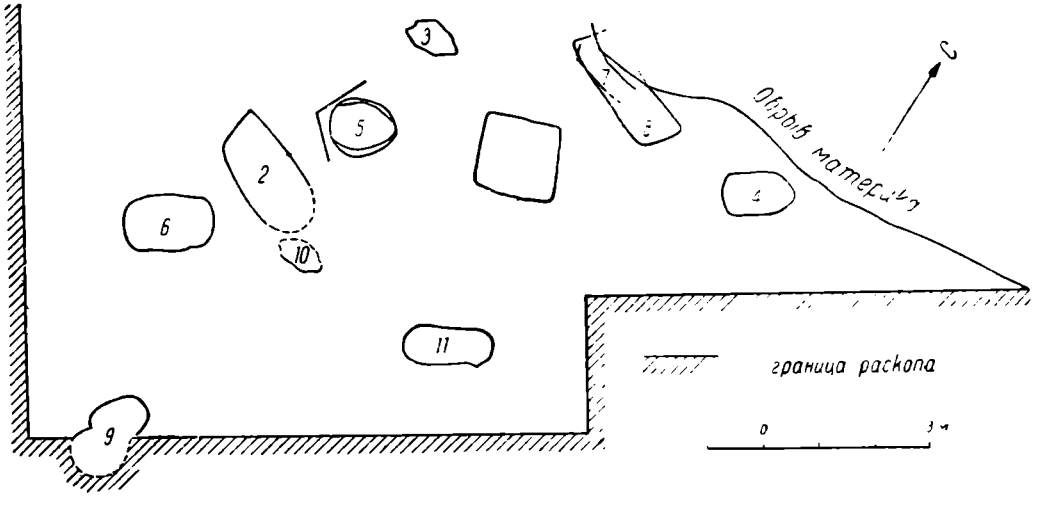

Рис. 1. План юго-западной части участка И с открытыми в 1937 г. погребениями.

сооружениями. Все это не могло не создавать многочисленных затруднений при расследовании некоторых погребений. Наконец, мы встретились здесь с обычным для ольвийских могил несчастьем: многие погребения носят следы работы сусликов, перерывших своими норками стенки могильной ямы, сдвинувших и растаскавших кости и предметы. К счастью эти повреждения в большинстве случаев все же не лишают нас возможности составить представление об основных особенностях погребального обряда, отраженных в открытых погребениях.

Все открытые в 1937 г. погребения (рис. 1) расположены на западной, ближайшей к усадьбе, части большого раскопанного здесь участка И. Весь культурный слой в этой части принадлежал эллинистической эпохе, с конца IV по II в. до н. э. В юго-западном углу участка И на пространстве длиной 17.80 м, шириной 10 м, раскопка была доведена до материка, обнаруженного здесь на глубине 1.68—2.10 м от современной поверхности. При прослеживании материка и были вскрыты 7 погребений некрополя, занимавшего указанную территорию в более раннее время. Кроме того, на том же участке было обнаружено еще три погребения, принадлежавшие времени более позднему, чем позднейшие из обнаруженных здесь наслоений. Таким образом погребения 1937 г. распадаются на две группы — раннюю и позднюю. Начнем с первой.

I. ПОГРЕБЕНИЯ АРХАИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Погребение № 2 (рис. 2). Грунтовая могила в материке. Длина могилы 2.12 м, ширина 1.05 м, глубина от современной поверхности 2.48 м, от поверхности материка 0.33 м.

Костяк лежал головой на В, на спине, с вытянутыми ногами. Погребение, несомненно, потревожено, с одной стороны, более поздними строительными сооружениями (над восточной частью погребения проходила укрепленная трамбовкой стена помещения эллинистической эпохи), с другой — работой суслика, норками которого перерыты стенки западной части могилы. Не сохранились бóльшая (нижняя) часть черепа, кости кисти, предплечья и отчасти плеча правой руки, кости голени обеих ног; ребра находились в беспорядке; сохранившаяся часть черепа съехала вниз и была вдавлена в землю под тяжестью придавивших ее двух сосудов, стоявших за голов. й

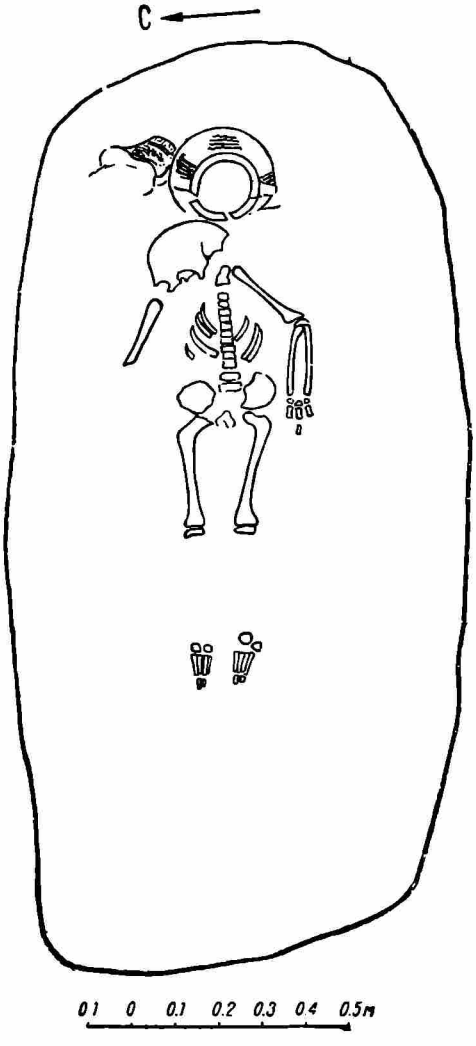

Рис. 2. Погребение № 2.

Рис. 3. Расписная амфора из погребения № 2.

и упавших, может быть, при укреплении стены. Кости стопы и фаланги пальцев ног, обе бедренные кости и позвоночник сохранились in situ, что позволяет определить рост погребенного приблизительно в 1.10 м. Очевидно, мы имеем дело с погребением подростка. На дне могилы сохранились остатки истлевшей растительной, вероятно камышевой, подстилки. За головой, как сказано, стояли два расписных сосуда, найденных упавшими: разбитая на части амфора (№ 1750, рис. 3) высотой 0.212 м с росписью коричневато-красным лаком по белой обмазке (пояски, ряды волнистых и прямых линий) и канфар (№ 1749, рис. 4) высотой 0.116 м, также с росписью коричневато-красным лаком по белой обмазке (четыре глаза в углублениях, образованных изгибами верхнего края, с листьями и точками между ними, гирлянда, ряды точек, меандр и орнамент «лестницы» на стенках, звезда из схематизо-

ванных листочков или бутонов лотоса на дне). [1] Около черепа костяка, справа, лежало несколько обломков железного предмета (№ 1752) с остат-

Рис. 4. Расписной канфар из погребения № 2.

ками дерева (рукоятка ?). В насыпи была найдена ручка чернолакового килика (№ 1751). Время погребения — вторая половина (точнее, третья четверть) VI в. до н. э. (ср. ниже, стр. 103).

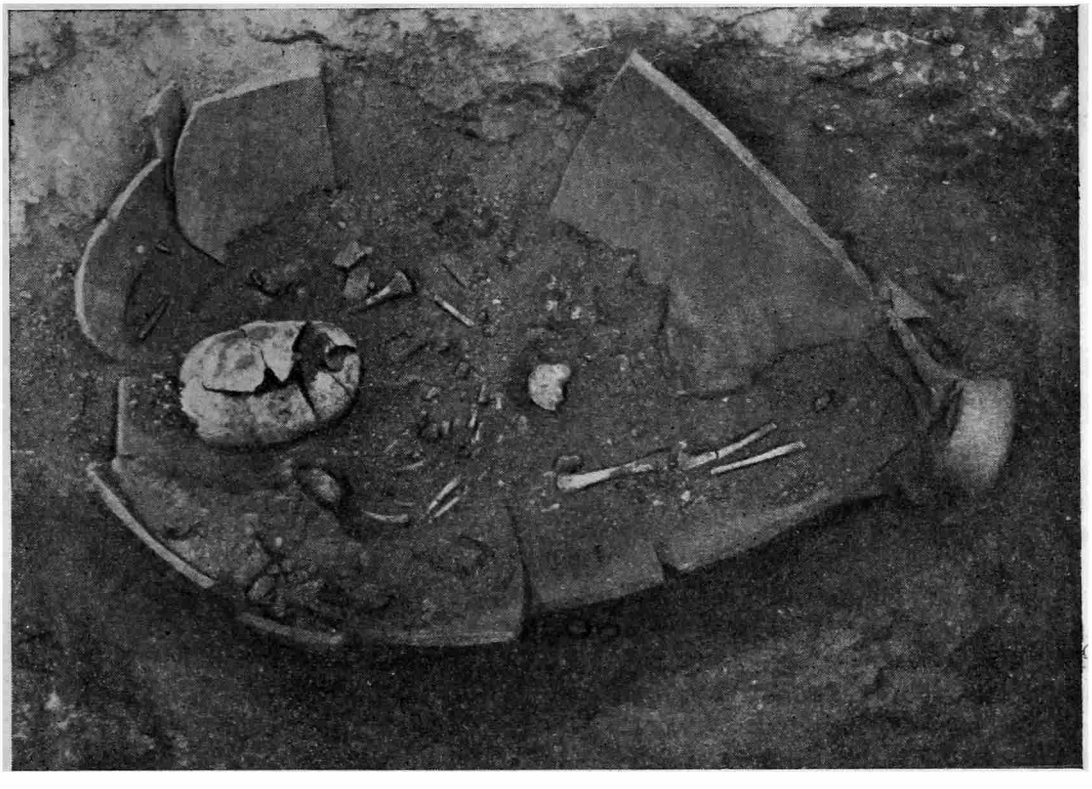

Рис. 5. Погребение № 3.

Погребение № 3 (рис. 5). Погребение ребенка в амфоре; амфора лежит в выемке, сделанной в материке приблизительно по форме сосуда. Длина выемки 0.90 м, ширина 0.52 м; глубина от современной поверхности 2.13 м, от поверхности материка 0.18 м.

[1] Амфора восстанавливается почти целиком, у канфара отсутствует одна ручка (излом старый).

Внутри разбитой амфоры (№ 1753; на рис. 6а и 6б эта амфора воспроизведена в реставрированном виде), ориентированной горлом на В, обнаружен костяк очень маленького, едва ли не новорожденного, ребенка. Кости сильно истлевшие; череп лежит теменной частью кверху; часть костей (кости левой ноги, ребра, фаланги пальцев) в беспорядке разбросаны в насыпавшейся в амфору земле. Однако положение костяка может быть прослежено — он лежал на спине, с согнутыми в локтях руками, головой на В. Общая длина приблизительно 0.45—0.48 м; поражает необычайно

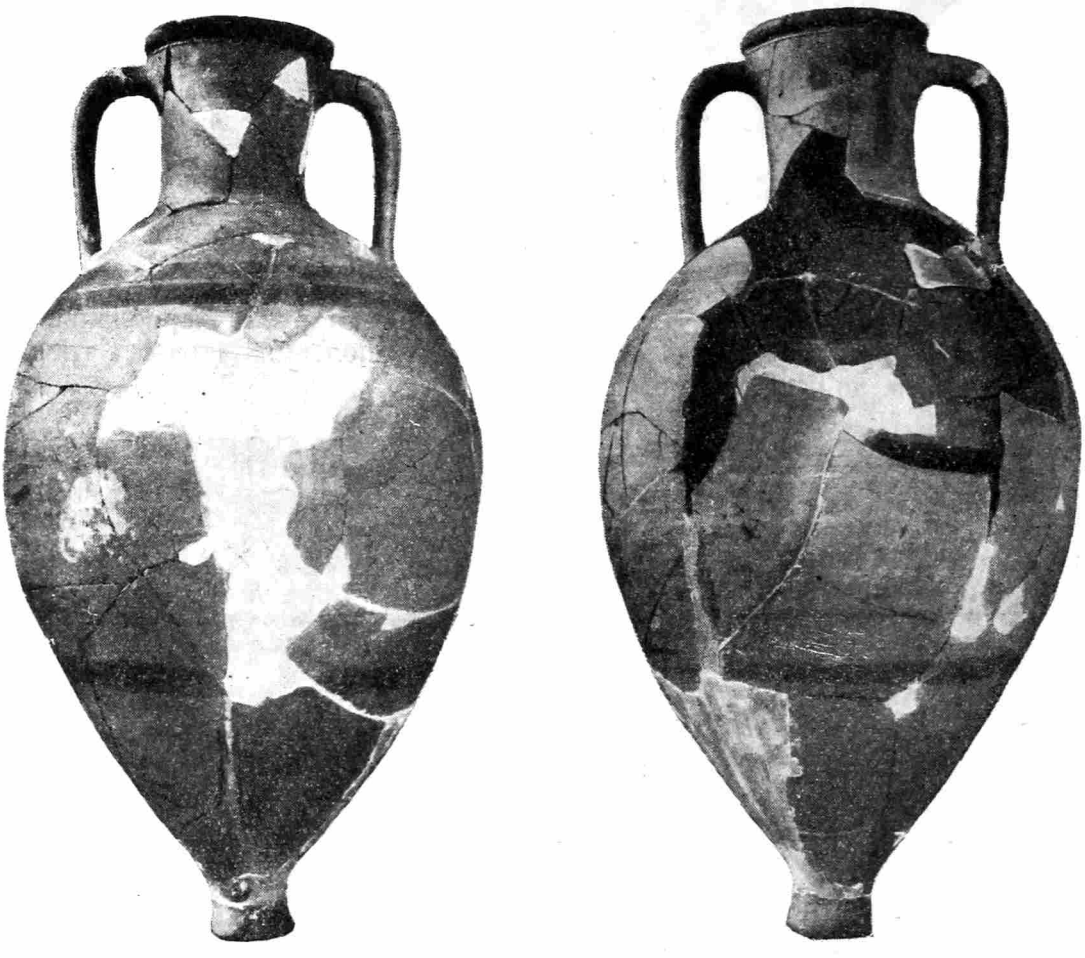

Рис. 6а и 6б. Амфора погребения № 3 в реставрированном виде.

длинный череп — его длина от лицевой стороны к затылочной 0.135 м при ширине 0.08 м. Внутри амфоры, на ее стенках — остатки истлевшего камыша или травы, подостланной, повидимому, под тело ребенка.

Амфора имеет яйцевидное туловище, короткое горло, короткую ножку; она расписана красной краской (два пояска на плечах, третий в нижней части туловища; полосы по венчику и по наружной стороне ручек). На горле — исполненное той же красной краской обратное изображение буквы Е. Высота амфоры 0.715 м. Форма и орнаментация амфоры свидетельствуют о принадлежности погребения приблизительно тому же времени, что и погребение № 2.

Погребение № 4 (рис. 7). Грунтовая могила в материке. Длина могилы 1.25 м, ширина 0.68 м; глубина от современной поверхности 2.07—2.17 м, от поверхности материка 0.26—0.36 м.

Костяк ребенка (длиной приблизительно 0.75—0.80 м) лежал на спине головой на В, с небольшим уклоном к Ю. Все кости сильно истлели и частью

поломались; не сохранились кости стопы и нижние части костей голени обеих ног, придавленные стоявшей на них тарелкой, отчасти кости таза и некоторые из ребер. Череп лежал теменной частью кверху, упираясь подбородком в верхние части позвоночника; кости черепной коробки разошлись в швах и местами растрескались. В ногах костяка стояла родосская тарелка диам. 0.23 м (№ 1754, рис. 8) с росписью, исполненной поверх обмазки лаком, красной и белой красками (орнамент схематизованного, разорванного мэандра по краю, звезда из схематизованных цветов и бутонов лотоса внутри, ряд концентрических кругов вокруг нее).

Погребение также относится, как об этом свидетельствует найденная здесь родосская тарелка, ко второй половине VI в. до н. э.

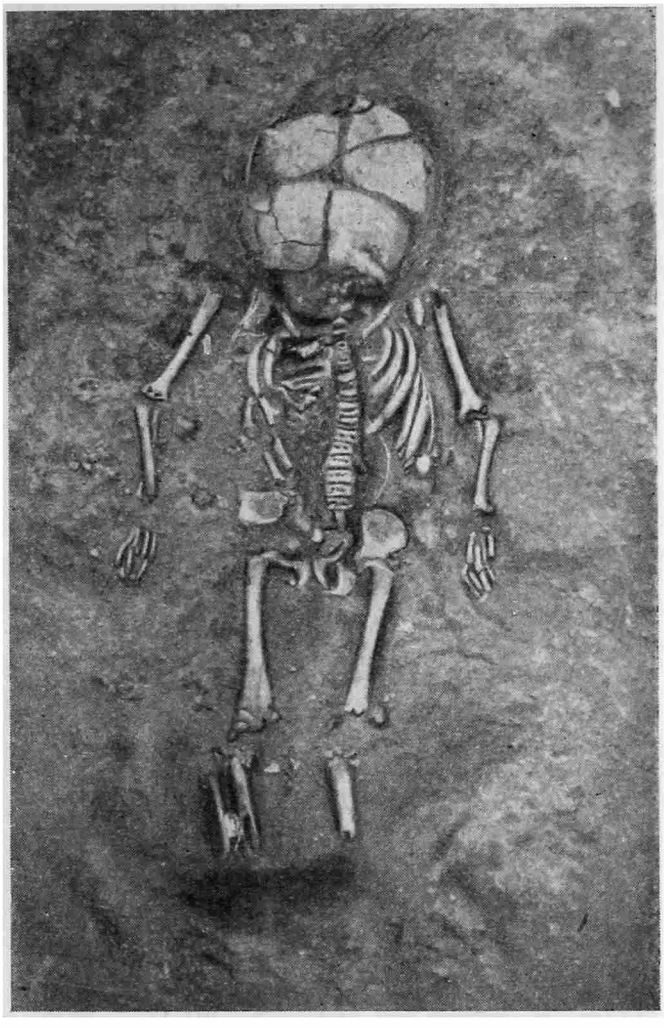

Рис. 7. Погребение № 4.

Погребение № 6 (рис. 9а и 9б). Грунтовая могила в материке неправильной четыреугольной формы. Длина могилы 1.54 м, ширина 0.88 м, глубина от современной поверхности 2.39 м, от поверхности материка 0.41 м.

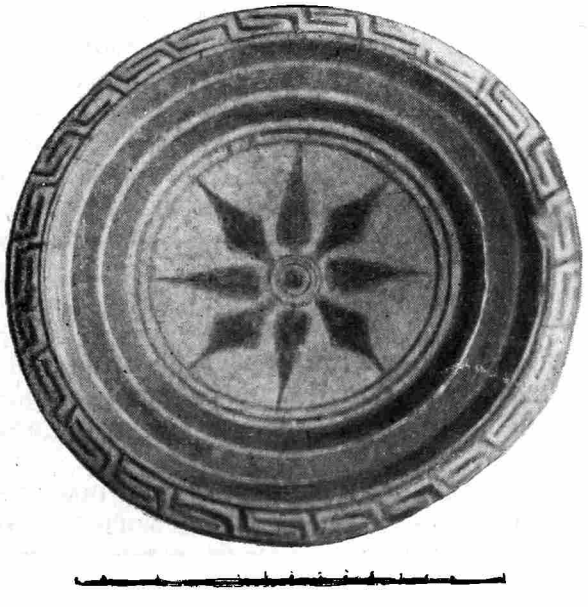

Рис 8. Родосская тарелка из погребения № 4.

Костяк лежал головой на ВСВ, в скорченном положении, на левом боку, отчасти лицом книзу. Сильная скорченность: спина изогнута; левая рука отведена и согнута в локте, кисть ее подложена под грудную клетку; правая рука резко согнута в локте, так что кости предплечья и кисти почти касаются кости плеча; так же резко согнуты ноги (пяточные кости почти касаются бедренных костей в их верхней части). Общая длина в скорченном положении 0.73 м, рост погребенного близок к 1.50 м. Вещей не найдено. В ногах могилы значительное количество какой-то мелкой истлевшей крупы (?).

Погребение № 7 (рис. 10). Грунтовая могила в материке.

Погребение обнаружено в месте, где материк круто обрывается в направлении к СВ; в образуемой ложбине, вблизи от места погребения № 7, но ниже его, имеются части построек эллинистического времени. Было ли погребение разрушено при возведении этих построек, или как-либо иначе — установить нельзя: во всяком случае большая часть погребения срезана или обвалилась; сохранился только небольшой кусок северо-западной

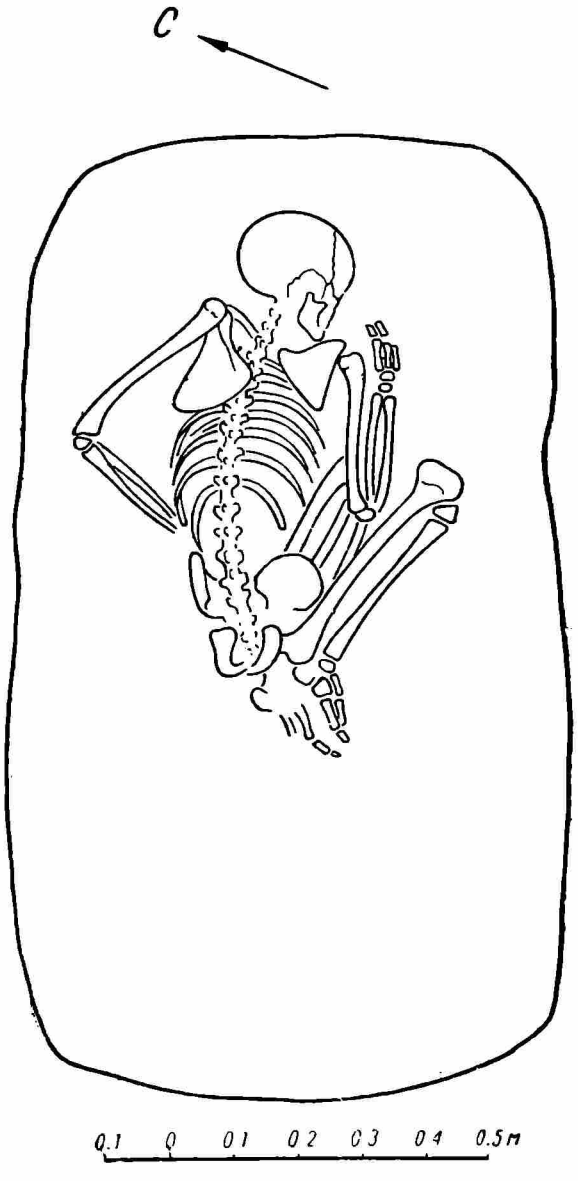

Рис. 9а и 9б. Погребение № 6 (вид с юга).

его части. От костяка осталось всего несколько костей, вещей не было найдено вовсе. Тем не менее, эти незначительные остатки погребения сохранили интересные конструктивные особенности, что вынуждает нас дать описание этих остатков.

На глубине 2.37 м от современной поверхности и около 0.40 м от поверхности материка, у самого обрыва материка, обнаружена часть могильного ложа длиной около 1.0 м, шириной около 0.40 м; на нем бедренная кость левой ноги и кости кисти левой руки, сохранившиеся, повидимому, in situ. Судя по направлению борта могилы и соответственному направлению ко-

стей, погребение было ориентировано на В. Поверх костей сохранились остатки растительного (камышевого?) настила, ясно выраженного у южного борта могилы; над ним, на 0.5—0.10 м выше могильного ложа, хорошо сохранилось деревянное перекрытие, лежащее сплошным слоем (рис. 10,*Б*). На бортике могилы следов дерева нет: очевидно, мы имеем здесь именно деревянное перекрытие, а не гроб. Таким образом погребенный был покрыт камышом или травой, а сверху был укреплен настил из досок.

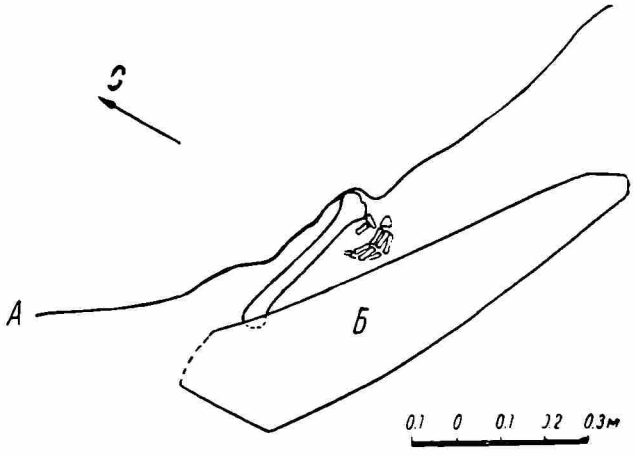

Рис. 10. План сохранившейся части погребения № 7.

А — линия обрыва материка. *Б* — место, где деревянное перекрытие сохранилось в виде сплошного настила.

Погребение № 8 (рис. 11). Грунтовая могила в материке довольно правильной четырехугольной формы. Длина могилы 2.23 м, ширина 0.78 м; глубина от современной поверхности 2.50 м, от поверхности материка 0.47 м. Погребение было расположено под остатками погребения № 7, у самого обрыва материка (рис. 12). [1]

Костяк лежал на спине, головой на ВЮВ с вытянутыми, слегка сдвинутыми вправо ногами и с руками, вытянутыми вдоль туловища. Общая длина костяка 1.76 м. Череп, за исключением обеих челюстей, найден разбитым на куски: в этом месте могилы земля была мусорная, отличающаяся от земли, покрывавшей остальную часть костяка; это явно свидетельствует, что погребение было потревожено. Сохранность остальных костей удовлетворительная. Почти на всей площади погребения сохранились следы деревянного перекрытия; дерево лежало непосредственно на костях — растительного настила под перекрытием, подобного настилу

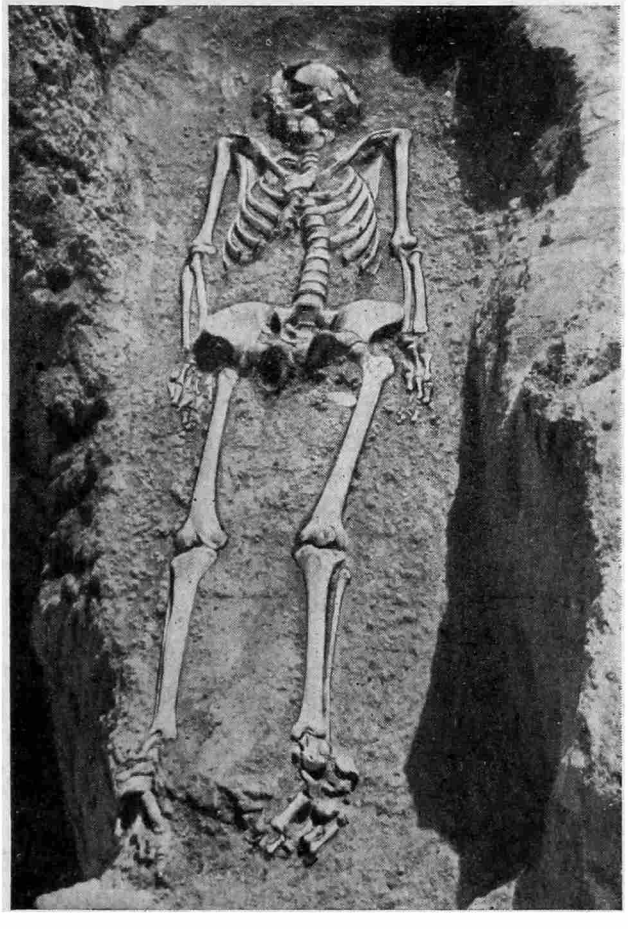

Рис. 11. Погребение № 8 (вид с запада).

[1] При расчистке погребения № 7 был зачищен обрез материка. На нем отчетливо проступил, сантиметров на 3—6 ниже могильного ложа погребения № 7, новый слой дерева, и только на 10—12 см ниже дерева началась линия лёсса (рис. 12). По удалении остатков погребения № 7 и пласта насыпной земли под ними обнаружилось новое погребение, описываемое нами под № 8.

в погребении № 7, здесь замечено не ыло. Вещей при костяке не обнаружено; только в мусорной земле близ черепа попались три обломка тонкостенного сероглиняного кувшинчика, относящегося, судя по его очертаниям, к VI в. до н. э.

Отсутствие вещей в погребениях №№ 7 и 8 лишает нас возможности высказаться с полной уверенностью о дате этих погребений. Вероятно, и они входят в общую серию архаических погребений на данной территории; это предположение подтверждается не только особенностями устройства могил (грунтовые могилы в материке с ориентацией на В или почти на В, вырытые приблизительно на том же уровне, что и остальные), но и фактом находки в непосредственной близости от этих погребений нескольких характерных обломков керамики VI в. (обломок венчика коринфского арибалла № 1949; обломок ручки родосского килика), представляющих, возможно, остатки инвентаря этих могил. Погребение № 7, перекрывшее погребение № 8, очевидно, немного позже последнего.

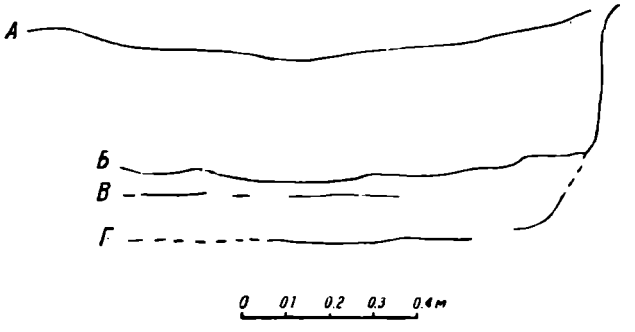

Рис. 12. Схематический чертеж обреза с обозначившимися на нем погребениями №№ 7 и 8.

А — поверхность материка; *Б* — верхнее могильное ложе (погребение № 7); *В* — слой дерева (деревянное перекрытие погребения № 8); *Г* — нижнее могильное ложе (погребение № 8).

Погребение № 10 (рис. 13). Погребение ребенка в амфоре расположено на участке, поверхность которого была сильно перерыта при последующем строительстве. [1] При этом было потревожено и погребение. Рис. 13 дает представление о сохранившихся частях амфоры (№ 1952): горло с венчиком, ручки, значительная часть туловища отсутствовали. Сохранившаяся часть амфоры лежала, впрочем, in situ, ясно указывая на ориентировку погребения в направлении с В на З. Размеры выемки в материке не поддаются восстановлению; глубина дна выемки от современной поверхности 1.90 м.

Внутри амфоры, в рыхлой земле, найдено несколько косточек маленького ребенка. Рядом с амфорой, в выемке (вероятно, у горла), найден обломок ионийского светильника (№ 1941).

Тип днища, очертания и характерная роспись делают совершенно несомненной принадлежность амфоры VI в. до н. э. Эту датировку подтверждает и характер найденного здесь обломка ионийского светильника. Таким образом погребение № 10 аналогично и приблизительно одновременно описанному выше погребению № 3.

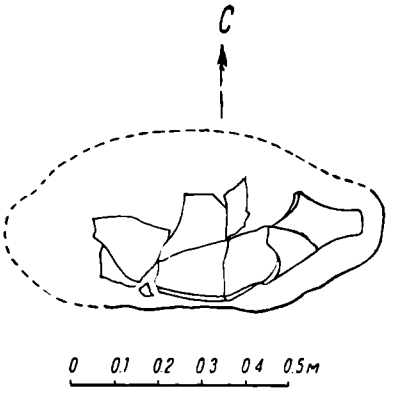

Рис. 13. Погребение № 10 (план).

Погребение № 11 (рис. 14). Грунтовая могила в материке. Длина приблизительно 1.50 м, ширина до 0.70 м, глубина от современной поверхности 1.79 м. Костяк лежал головой на В с небольшим уклоном к С, на спине, с вытянутыми ногами и руками. Погребение сильно потревожено: череп разбит, правая рука далеко сдвинута от конца ключицы, шейная часть

[1] Над западной частью погребения проходит стена, при возведении которой почва укреплялась и выравнивалась утрамбованной глиной; с В к нему примыкает вымостка; с Ю в материке вырыта глубокая яма-погреб.

позвоночника направлена в сторону, к левому плечу, кости таза (особенно справа) сильно разрушены, нижних частей ног нет. Могила перерыта норками суслика. Особенно глубокая норка входит вглубь в области таза, справа; в ней оказался ряд обломков костей, бусы и пряслице. На месте,

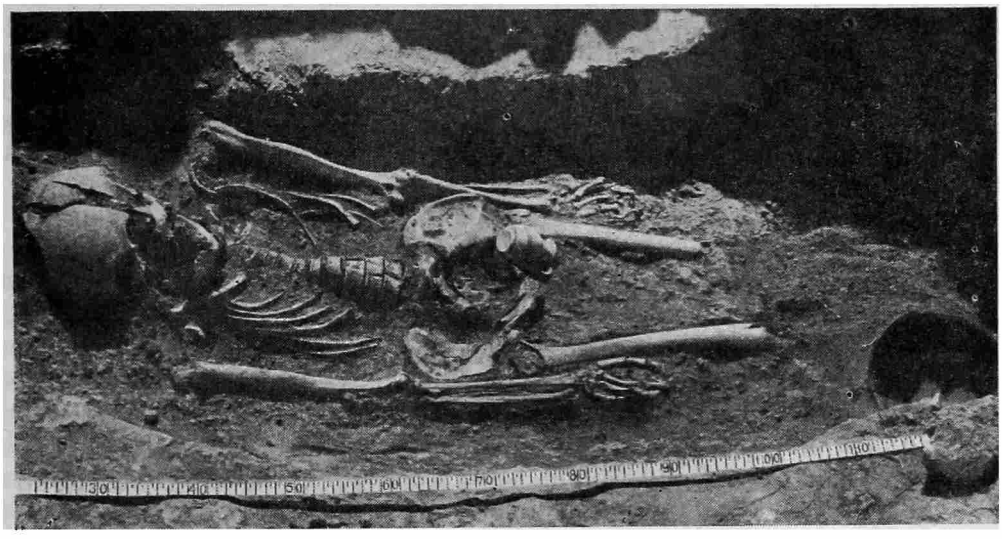

Рис. 14. Погребение № 11.

где должны были находиться нижние части ног, вглубь материка из верхних слоев проходит яма.

Смещены со своих мест и вещи. Между костями таза и внутренней стороной верхней части левой бедренной кости стоял дном кверху навкратийский кувшинчик (№ 1942) с росписью по белой обмазке в виде поясков на туловище и поперечных черточек на ручке (рис. 15). В разных местах могилы около костей таза и особенно в норке суслика были разбросаны бусы из стеклянной пасты различной формы и величины, большей частью с глазками (№№ 1945 и 1946). В той же норке суслика лежало маленькое глиняное пряслице (№ 1944). У правой ноги стоял разбитый чернолаковый килик (№ 1943).

Рис. 15. Навкратийский кувшинчик из погребения № 11.

Навкратийский кувшинчик и чернолаковый килик свидетельствуют о принадлежности погребения ко второй половине VI в. до н. э.

Прежде чем перейти к обобщениям, необходимо кратко остановиться на вещах, найденных в рассмотренных погребениях. Следует отметить, что в числе этих вещей имеются весьма интересные экземпляры, которые заслуживали бы специального исследования. Это не может, однако, входить в задачи настоящей статьи, представляющей, как уже указывалось, лишь предварительную публикацию. Ограничусь немногими замечаниями.

Наиболее интересную находку представляет, безусловно, канфар № 1749 из погребения № 2. В обширном материале публикаций, посвященных архаической керамике, я не припоминаю ни одного экземпляра, который явился бы сколько-нибудь близкой аналогией этому сосуду. Прежде всего, необычайной является сама форма сосуда, вверху имеющего очертания не круглые, а извилистые, подобно венчикам энохой; я не помню венчика такой формы у архаических двуручных сосудов. Не знаю я точных аналогий

и росписи этого сосуда, хотя каждый из ее составных элементов находит повторения. Наш канфар представляет, вне сомнения, редкий, если не уникальный экземпляр. Следует, впрочем, отметить, что все основные особенности его техники и стиля находят аналогии в одной и той же группе — группе «Фикеллура»: он имеет ту же особенно свойственную данной группе глину, изобилующую частицами слюды; орнаменты его именно в том виде, в каком они имеются здесь, опять-таки характерны для сосудов данной группы. [1] По особенностям выполнения росписи (значительная небрежность и схематизация) наш канфар не может принадлежать очень раннему времени. Наиболее вероятной мне представляется его датировка третьей четвертью VI в. до н. э.

Остальные сосуды более обычны. Родосская тарелка № 1754 из погребения № 4 представляет один из типичнейших экземпляров родосской группы, хорошо известной по публикации Kinch'a; [2] к этому типу тарелки имеются многочисленные аналогии как во Врулии, так и в других местах. Из материала датированных комплексов ближайшие аналогии по характеру росписи (наличие значительной схематизации, упрощенности) представляют изданные у Boehlau фрагменты тарелок, найденные в позднем самосском некрополе: [3] аналогии и здесь ведут нас за пределы первой половины VI в. до н. э. Многочисленные аналогии в материале приблизительно того же времени находит также и навкратийский кувшинчик № 1942 из погребения № 11. Что касается расписной амфоры из погребения № 2 (№ 1750), то и ее по всем особенностям формы и росписи следует отнести к тому же времени; она могла принадлежать одному из восточно-греческих центров, может быть, Родосу. [4]

Для архаических остродонных амфор, при настоящем состоянии изучения этой группы керамики, мы вынуждены пока ограничиться датировкой более широким отрезком времени. Во всяком случае обе остродонные амфоры, обнаруженные в погребениях №№ 3 и 10, отличаются характерной для VI в. формой, а наличие у них сравнительно обильной росписи представляет, несомненно, один из признаков раннего времени. Таким образом все особенности рассмотренных сосудов указывают на VI в. до н. э., точнее на вторую его половину. Отмеченное нами наличие известной упрощенности и схематизации, говорящее против отнесения этих сосудов к первой половине VI в. до н. э., не дает в то же время возможности отодвинуть их в самый конец VI в.: традиции типичной архаики выражены во всех наиболее характерных экземплярах еще слишком ярко. Характерно, что в рассмотренных погребениях мы совсем не встречаем свойственной ольвийским могилам несколько более позднего времени чернофигурной керамики или поздней ионийской керамики с росписью по глине.

Переходя к формулировке наших основных наблюдений, касающихся открытых в 1937 г. ранних погребений, начнем с вопроса об их времени. Сделанный только что краткий обзор вещественного материала убеждает нас в принадлежности всех этих погребений VI в. до н. э., причем все наиболее характерные экземпляры сосудов, как оказалось, относятся скорее

---

[1] Близкую аналогию орнаменту меандра мы находим, например, у Boehlau (Aus ion. u. ital. Nekropolen. Лейпциг, 1898, стр. 58, рис. 30); орнамент из вертикальных черточек находим в том же издании у целого ряда сосудов; с глазами на нашем сосуде сходны, хотя и не идентичны, глаза на горле амфоры той же группы, изданной Boehlau (ук. соч., стр. 54, рис. 22).

[2] Kinch. Fouilles de Vroulia. Берлин. 1914.

[3] Boehlau, ук. соч., табл. XII, 9.

[4] Следует отметить необычную глину амфоры № 1750, имеющую густой, кирпично-красный цвет и изобилующую включениями извести. Эта глина отличается от глины большинства известных мне образцов восточногреческой керамики, что затрудняет сколько-нибудь уверенную локализацию амфоры.

всего к третьей его четверти. Мы имеем, таким образом, дело с некрополем ранним, принадлежащим начальному периоду существования Ольвии.

По способу захоронения рассмотренные погребения распадаются на три типа: пять погребений (№№ 2, 4, 7, 8, 11) представляли грунтовые могилы с погребением в вытянутом положении, одно (№ 6) — грунтовую могилу с погребением в скорченном положении, две (№№ 3 и 10) — погребения младенцев в амфорах. В двух случаях (№№ 7 и 8) обнаружено деревянное перекрытие, в трех — применение камыша, то в виде подстилки на дне могилы (№ 2) или сосуда (№ 3), то в виде настила, покрывавшего погребенного (№ 7). Особенно интересную картину дали остатки погребения № 7, с ясно сохранившимся растительным настилом и деревянным перекрытием.

Господствующей ориентировкой открытых погребений является, несомненно, ориентировка на В, иногда с небольшими отклонениями к Ю (№№ 4 и 8) или к С (№№ 6 и 11); только детское погребение в амфоре (№ 10) оказалось ориентированным на З. [1]

Отмечу, что крайняя тщательность и внимание, с которыми вскрывались погребения, дали возможность сделать наблюдения и отрицательного характера, именно не только установить наличие той или иной особенности погребального ритуала, но и констатировать несомненное отсутствие данной особенности в некоторых из погребений. Так, погребения 1937 г. дают нам право утверждать, что деревянное перекрытие иногда применялось в Ольвии, а иногда и не применялось, могилы иногда выстилались камышом, а иногда и не выстилались.

Особая осторожность необходима при характеристике инвентаря погребений, открытых в 1937 г. Из восьми архаических могил три (№№ 6, 7, 8) не имели инвентаря вовсе; действительно ли не было вещей во всех этих погребениях, мы не знаем — об отсутствии их можно определенно говорить только применительно к погребению № 6, не поврежденному ни сусликом, ни более поздними постройками. Что касается могил с вещами, то основной характер их инвентаря ясен. Даже если учесть поврежденность могил №№ 2, 4 и 11, в результате чего отдельные вещи могли и не дойти до нас, все же можно уверенно говорить об их инвентаре как типично греческом, греческом не только в смысле наличия в них греческой керамики, иногда первоклассной, но также и по подбору этих вещей, по их количеству. Прибавим, что ни в одном из погребений не обнаружено скифских вещей, часто встречающихся на других участках архаического некрополя Ольвии.

Восемь архаических погребений, открытых в 1937 г. на территории участка И, разумеется, не дают еще материала для сколько-нибудь широких обобщений не только относительно Ольвии в целом, но даже относительно данной части ольвийского некрополя: мы уже упоминали, что на той же территории вскрыто еще много других погребений, опубликование которых — одна из очередных задач. Я ограничусь поэтому лишь очень немногими замечаниями общего характера.

Особенность, бросающаяся в глаза даже при беглом ознакомлении с открытыми в 1937 г. погребениями, это наличие на очень небольшой территории, совсем рядом друг с другом, погребений типично греческих и типично местных. Погребения младенцев в сосудах, особенно характерные для греческих некрополей, а также грунтовые погребения с вытянутыми костяками и прекрасной греческой керамикой, оказываются здесь в непосредственном соседстве с типичнейшим туземным погребением «скорченника»; при этом один и тот же уровень всех этих погребений убеждает нас в том, что в этом месте некрополя в середине или во второй половине VI в. до н. э. греческий и местный обряд сосуществовали. Я хочу здесь подчеркнуть

[1] Ориентировка на З настолько необычна, что является сомнение, не по ошибке ли амфора была положена горлом в обратную сторону. Это предположение кажется особенно вероятным, если учесть точное направление с З на В оси выемки в материке.

два момента. Во-первых, в исследованной нами части некрополя погребения, которые могут быть определены как местные (скорченник), и погребения, производящие впечатление греческих, еще четко различаются. Во-вторых, уже в это время, т. е. в начальный период существования Ольвии, греческие погребения встречаются рядом с местными, на одном и том же участке некрополя. Очевидно, глухой стены, разделяющей эти две основные этнические группы населения, уже и в это время не существовало.

В 1937 г. в ГАИМК, в связи с диссертацией С. И. Капошиной, посвященной как раз архаическому некрополю Ольвии, много дебатировались вопросы о местных и греческих элементах в жизни Ольвии этого периода. В своей работе С. И. Капошина путем анализа особенностей ольвийских погребений пришла к констатированию важной активной роли местного населения в жизни архаической Ольвии; вместе с тем она выдвинула положение о том, что уже в это время ассимиляция, сращивание туземного населения Ольвии с греческим выражено настолько ясно, что нет никакой возможности установить, где мы имеем дело с погребением грека, а где — с погребением туземца.

С общим выводом об активной роли местного населения в жизни ранней Ольвии я вполне соглашалась на имевших место диспутах, держусь того же мнения и теперь. Что касается второго, сделанного С. И. Капошиной, вывода, то в той форме, в какой он был ею высказан, его принять нельзя, о чем мне также приходилось уже неоднократно говорить. Самая постановка вопроса о процессе сращивания, проявляющемся, может быть, раньше, чем это обыкновенно считают, вполне законна и интересна; но утверждение, что уже в VI в. в Ольвии не отличишь туземца от грека, является несомненным преувеличением. Наши новые погребения явно противоречат этому положению. Мы, правда, вынуждены оставить пока в стороне недостаточно полно сохранившиеся погребения № 8 и особенно № 7; [1] но в погребениях № 3 и 10, 2 и 11 трудно было бы найти какую-либо характерную местную черту, в то время как погребение скорченника № 6 является типично туземным погребением без всяких греческих черт.

Наше общее впечатление мы можем сформулировать так: среди погребений 1937 г. еще ясно различаются могилы греков и могилы туземцев; но самый факт соседства греческих и туземных погребений свидетельствует об отношениях, способствовавших сближению, а в дальнейшем и сращиванию этих двух этнических групп.

От дальнейших обобщений на основании особенностей погребений архаической эпохи, открытых раскопками 1937 г., я пока воздержусь: такие обобщения будут, как сказано, более уместны после обработки материала всех погребений, открытых на той же территории.

II. ПОГРЕБЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э.

Городские кварталы, возникшие в конце IV в. до н. э. на том месте, где в архаическую эпоху находились только что рассмотренные нами погребения, просуществовали здесь в течение лишь очень краткого периода: уже после II в. до н. э. эта территория перестает быть населенной частью древнего города. А в первые века н. э. мы снова встречаемся здесь с использованием этого участка как кладбища.

В 1937 г. было обнаружено три погребения, принадлежащих этому некрополю второго периода. В настоящей предварительной публикации я не собираюсь давать детальное описание их всех. Два из них (№№ 1 и 5, см. план) сохранились крайне плохо. В обоих случаях мы имеем дело с впу-

[1] Оба эти погребения относятся, между прочим, к группе могил с деревянным перекрытием, представляющим, как на это правильно указала С. И. Капошина, один из элементов местного, а не греческого ритуала.

щенными в толщу культурного слоя глубокими ямами, в верхней части четырехугольными, книзу почти круглыми в сечении; человеческие кости найдены в очень небольшом количестве, по большей части в виде обломков, разбросанных на разных уровнях и в разных местах. Что же касается ве-

Рис. 16. Погребение № 9.

щественных находок, то в одном из погребений (№ 5) они крайне незначительны и невыразительны, а в другом (№ 1) найдены вперемешку с остатками, попавшими из прорезанного погребением культурного слоя, что крайне затрудняет выделение собственно инвентаря погребения. В силу сказанного я даю описание только одного погребения, сохранившегося удовлетворительно.

1 2

Рис. 17. Горшки из погребения № 9.

Погребение № 9 (рис. 16). Могильное ложе неправильной формы (его размеры 1.50 × 0.90 м), находится в культурном слое, на глубине от современной поверхности 1.05—1.10 м.

Костяк лежал на спине, головой на С; голова слегка склонена к стоящему слева горшку, рот широко открыт. Общая длина костяка около 1.20 м. Кости потревожены — от правой руки сохранилась только плечевая кость, фаланги пальцев под тазом; у левой ноги отсутствуют кости колена и стопы,

у правой — малая берцовая кость поднята кверху на упавший на бок горшок, большая берцовая кость подходит под горшок; кости таза поломаны. Возможно, что потревоженность погребения — дело маленького грызуна (суслик?), части скелета которого найдены в погребении. Около черепа, налево от него, стоял лепной горшок (№ 1937, рис. 17, *1*); другой горшок (№ 1938, рис. 17, *2*) стоял в ногах и найден лежащим на боку. У самого черепа, справа, найдена маленькая лигнитовая пронизь (?) и обломок янтарной бусины (№№ 1939 и 1940).

Уже самое устройство могилы, вырытой не в материке, а в культурном слое, на значительно более высоком уровне и ориентированной на С, резко отличает это погребение от ранее рассмотренных нами погребений архаической эпохи. С этими наблюдениями совпадает также и характер инвентаря погребения № 9. Найденные здесь горшки отличаются очертаниями, свойственными первым векам н. э. (особенно характерен резкий отгиб венчика горшка № 1937).

Следует отметить, что инвентарь погребения № 9 представляет весьма характерный набор: лепные горшки в сочетании с мелкими украшениями из лигнита и янтаря — типичнейший комплекс первых веков н. э., но типичный не столько для некрополей колоний, сколько для погребений местного населения. Являются ли такие комплексы свойственными данной части некрополя Ольвии римской эпохи — может быть выяснено только при изучении всех открытых здесь могил. а также при предстоящем продолжении расследования этой территории Ольвийского городища.

T. KNIPOVIČ

LA NÉCROPOLE À LA PÉRIPHÉRIE NORD-EST D'OLBIE

RÉSUMÉ

Les travaux archéologiques les plus étendus et les plus féconds exécutés à Olbie de 1925 à 1937 ont été accomplis à la périphérie nord-est de la «ville haute». Depuis la fin du IVe siècle jusqu'à la fin du IIe siècle avant notre ère, ce territoire représentait une partie de la ville habitée. Avant la construction de ces quartiers il faisait partie de la nécropole d'Olbie et il fut utilisé en cette qualité aussi aux premiers siècles de notre ère, lorsque la limite orientale de la ville habitée se déplaça vers l'ouest.

En 1937 on a découvert ici 11 sépultures, dont 8 appartiennent à l'époque archaïque et 3 à l'époque où la population cessa de vivre sur ce territoire. Les plus intéressantes sont les sépultures archaïques qui se trouvaient au-dessous de la couche archéologique. Elles contenaient deux sépultures d'enfants en amphores et des tombes creusées en pleine terre avec squelette dans la position allongée (5 sépultures) ou ramassée (1 sépulture). Plusieurs sépultures possédaient un recouvrement en bois et des litières végétales. Le mobilier, là où il existait, consistait presque exclusivement en objets grecs, dont de beaux spécimens de la céramique grecque archaïque (particulièrement intéressant est le canthare trouvé dans la sépulture № 2).

Parmi ces monuments on constate aussi bien des sépultures grecques typiques (sépultures en amphores; sépultures à céramique grecque) que des sépultures indigènes typiques (sépulture à squelette ramassé). Elles se trouvent dans le voisinage immédiat les unes des autres, ce qui atteste l'absence de toute séparation tranchée entre les Grecs et la population indigène.

Parmi les sépultures plus récentes, découvertes en 1937, il convient de signaler la sépulture № 9, avec deux pots en argile et des objets de parure en lignite et en jais.

М. А. НАЛИВКИНА

О НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Разработка вопросов, связанных с историей северо-западных районов Крыма, началась еще в середине прошлого века, но до последнего времени ограничивалась, главным образом, вопросом о локализации Керкинитиды и других поселений, упоминаемых древними писателями и в эпиграфических памятниках.[1] Итоги археологических работ прошлых, а также последних лет в этих районах кратко подведены Л. А. Моисеевым[2] (продолжившим в 1916—1917 гг. раскопки, начатые Б. В. Фармаковским), затем П. Н. Шульцем,[3] производившим здесь обследования в 1933 и 1934 гг., и М. А. Наливкиной.[4]

Древнейшие упоминания о Керкинитиде у Гекатея[5] и Геродота,[6] относятся к городу, находившемуся вне Крыма у реки Каркинита, что показано и на карте Птолемея.[7] Зато Арриан и Безыменный автор,[8] отсчитывая по береговой линии расстояния от Херсонеса до Керкинитиды и от Керкинитиды до расположенной выше Прекрасной Гавани, несомненно, имеют в виду Керкинитиду, ближайшую к Херсонесу, Прекрасную Гавань, которая упоминается в двух херсонесских надписях.[9]

Наличие монет с надписью КАРКІ и КΣРКІ указывает на известную самостоятельность этого опорного пункта Херсонеса. А. Н. Зограф датирует монеты Керкинитиды концом IV—половиной III в. до н. э. Имеющиеся на этих монетах изображения скифа на коне[10] заставляют предполагать из-

---

[1] L. Friedlaender. Kerkine citta del Chersoneso Taurica Annali del Istituto di corrisp. archeolog., т. XIV, Рим, 1844, стр. 232—234. — Г. Спасский. О местоположении древнего города Каркинита и об его монетах. ЗООИД, II, 1848, стр. 20—35. — Ф. Брун. Черноморье, ч. II. Одесса, 1880, стр. 7. — Н. Ф. Романченко. ОАК за 1895 г., стр. 22; ОАК за 1896 г., стр. 70; ОАК за 1897 г., стр. 39; ИАК, вып. 25, стр. 172—187.

[2] Л. А. Моисеев. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории. ИТУАК, вып. 54, 1918, стр. 241 сл. Его же краткий отчет о раскопках городища в Евпатории в 1929 г. и дневник экспедиции Евпаторийского музея в Акмечеть хранятся в рукописном архиве ИИМК (1929, дело № 19). Фотоснимки за 1917—1929 гг. хранятся в фото-архиве ИИМК.

[3] П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. Сов. археол. № 3, 1937, стр. 252.

[4] М. А. Наливкина. Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации. Проблемы, 1934, № 9—10, стр. 161 сл.

[5] Гекатей. Землеописание, фрагм. 159; Καρκινίτις, πόλις σκυθική.

[6] Геродот, IV, 55, 99: «μέχρι πόλιος καλεομένης Καρκινίτιδος».

[7] Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899.

[8] Арриан. Перипл Понта Евксинского. Сборник В. Латышева «Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе», т. I, вып. 1, СПб., 1893, стр. 224, § 30. — Перипл Безыменного. Там же, стр. 284, § 83.

[9] Ios PE I², №№ 401, 352.

[10] П. О. Бурачков. Общий каталог монет, табл. 13 — E. N. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 490, табл. IV — А. В. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, стр. 1—14.

вестную роль скифского населения в городе и ставят вопрос о возможной связи Керкинитиды с образовавшимся ко II в. до н. э. в Крыму царством Скилура и Палака.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение некоторых памятников, происходящих из района Керкинитиды, а именно — трех рельефов с изображениями Геракла.

В культах северного Причерноморья Геракл занимает важное место. С ним связано имя Гераклеи Понтийской; Геракла изображали на монетах этого города. Очевидно, отсюда культ его проник и в колонию Гераклеи — Херсонес. Геродот (IV, 8—10), излагая со слов греков, живущих в Скифии, легенду о происхождении скифов, рассказывает, что родоначальником скифских царей был Скиф, один из сыновей Геракла, родившихся от сожительства его с полудевой-полуехидной. В этой легенде, несомненно, отразилось широкое распространение культа Геракла в области северного Причерноморья. О том же свидетельствуют и памятники искусства, служащие предметом настоящей статьи. Переходим к их рассмотрению.

Рис. 1. Рельеф Пирующий Геракл. Симферополь, центральный музей. Крым. АССР.

1. Первый из издаваемых рельефов (рис. 1) был найден в 1912 г. в районе Сакского озера в 19 км от Евпатории. Его обнаружил крестьянин Марк Шепелев при раскопке земли под огород в 2—2.5 км от Сак [1] в урочище Беркина Балочка, на границе с казенной землей Кара-тобе, в могиле, сложенной из плит. [2] Плита, с рельефом размерами 0.71 × 0.53 × 0.13 м, разбита и состоит из трех частей; недостает одного куска (правого верхнего угла). Материал — мелкий известняк серого цвета; [3] изображение выполнено в высоком рельефе. Рельеф воспроизводит бородатого Геракла во время пира. Пирующий герой сидит перед низким столиком с яствами. На столике разложены разнообразные фрукты и хлебцы различных форм; [4] справа налево лежат хлеб круглый, плоский; хлебец пирамидальной фор-

[1] Название места находки рельефа — Саки — после исследований Н. Я. Марра может быть связано с местными племенами скифов, саков, сколотов, названия которых встречаются и у Геродота. См.: Н. Я. Марр. Термин «Скиф». Избранные работы, т. V, стр. 1—43.

[2] Местный житель Боровко, купивший у крестьянина плиту с рельефом, перепродал ее в 1913 г. Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК, вып. 50, Протоколы, стр. 248). Рельеф хранится в Центральном музее Крым. АССР. См. также: Сб. «Саки-курорт», вып. I, 1935, стр. 6.

[3] Во время находки плиты материал ее был определен как песчаник (см. ук. выше Протоколы).

[4] Ср.: J. N. Svoronos. Das Athener Nationalmuseum. Die Funde von Antikytera. Athen, 1903—1908, Tafelband, LXXXIX, 1523.

мы,[1] большая кисть винограда; далее, либо гранаты, либо яблоки, положенные одно на другое; затем второй хлебец пирамидальной формы; виноградная кисть меньших размеров, лежащая на предмете, который в силу повреждений рельефа трудно определить даже предположительно. В руках у Геракла — канфар, форма которого хорошо известна в III в. и даже в конце IV в. до н. э. Желобчатое туловище сосуда, его приземистые формы находят себе немало аналогий в керамике раннеэллинистического времени.[2] В правом нижнем углу рельефа изображена палица, поврежденная в средней части. В левом верхнем углу помещен горит — атрибут военной мощи героя. Геракл сидит на львиной шкуре, концы которой (передние лапы) связаны узлом на его груди. Правая нога согнута в колене и изображена в профиль, тогда как левая подвернута под правую и всеми пальцами упирается в раму, представленную в виде мелкого, положенного один на другой, камня. Сильно повреждено лицо Геракла. Формы тела округлые, переданы весьма реалистично. Выпуклая живописная линия форм как бы стремится выйти из рамок рельефа. Очень интересны пропорции тела, сближающие его с пропорциями тела античных статуй.

В свое время, в 1913 г., Таврическая ученая архивная комиссия послала фотографию этого рельефа в Археологическую комиссию Б. В. Фармаковскому для определения.[3] В своем ответе Б. В. Фармаковский на основании фотографии датировал рельеф римской эпохой. Такая датировка нам кажется не совсем обоснованной. Вероятно Б. В. Фармаковский сопоставлял рельеф с керченскими надгробными рельефами с трапезой,[4] которые почти все относятся к I—II вв. н. э., но на наш взгляд они ничего общего с изображением на сакском рельефе не имеют. На рельефах римского времени мы нигде не найдем так реально трактованной формы желобчатого канфара: на поздних рельефах формы сосудов, как известно, изображались всегда очень схематично. Любопытно и сочетание чисто греческой формы канфара со скифским горитом.

Хорошо датируемая форма канфара на сакском рельефе заставляет отнести изготовление его к III в. до н. э. и считать его памятником местного происхождения, но вместе с тем еще отражающим влияние греческих художественных традиций.[5] Местное происхождение рельефа подтверждается и материалом — известняком. Такой известняк залегает в соседних районах и добывается для строительных целей.

2. Нами была получена фотография одного из рельефов, хранящихся в фонде Одесского музея[6] (рис. 2). Когда и кем он был доставлен в Одессу — неизвестно; лишь на самом рельефе имеется современная музейная надпись красной краской — «Евпатория». Имея в виду, что материал из раскопок Н. Ф. Романченко в 1897 г. весь находится в Одесском музее,

---

[1] Подобной формы хлебцы встречаются весьма часто на посвятительных рельефах. См.: A. Furtwängler. Sammlung Saburoff. Berlin, 1883—1887, табл. XXX. — H. v. Fritze. Zu den griechischen Totenmahlreliefs. AM, т. XXI, 1896, стр. 350. — J. N. Svoronos, ук. соч., стр. 534. — E. Pottier et S. Reinach. La nécropole de Myrina. — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Париж, т. I, 1875, стр. 1275.

[2] Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, стр. 36, рис. 23.

П. О. Бурачков. Общий каталог монет, табл. 13. — E. N. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 490, табл. IV. — А. В. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, стр. 1—14.

[3] ИТУАК, вып. 50, 1913, стр. 248 и 258.

[4] G. Kieseritzky u. C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Берлин, 1909, табл. L сл.

[5] Ср.: J. N. Svoronos, ук. соч., табл. LXXVI (рельеф с изображением стоящего Геракла, относящийся к римскому времени).

[6] Указанием на наличие в Одесском музее рельефа с надписью «Евпатория» мы обязаны А. П. Ивановой, просматривавшей материал в фонде музея и обнаружившей этот рельеф.

можно предполагать, что и этот рельеф был найден в районе Евпатории и отсюда попал в Одессу вместе с другими находками. Каких-либо иных сведений о его находке мы не имеем. Размеры рельефа 0.43 × 0.28 × × 0.12 м. Материал — ракушечный известняк, которого так много в Евпаторийском районе.

Изображение выполнено в технике плоского рельефа; плоскостность еще усиливается сильной разрушенностью лицевой стороны плиты. Если сравнить эту технику с горельефной манерой выполнения на сакском рельефе, то разница бросится в глаза с первого же взгляда. Перед нами снова Геракл, лежащий в небрежной позе на разостланной львиной шкуре и

Рис. 2. Рельеф. Лежащий Геракл. Одесса, музей.

опирающийся левым локтем на скалу. Правая нога, как и у сакского Геракла, согнута в колене, левая нога (она не сохранилась), повидимому, была подвернута под правую. В правой руке Геракла, надо полагать, была палица. В левой руке, повидимому, был сосуд, но он почти не сохранился, так что форму его определить невозможно; сохранились лишь неясные контуры сосуда. По характеру изображения, экспрессивности реалистически переданных форм живого полного тела напившегося Геракла оно может быть композиционно сближено с изображением Геракла на сакском рельефе, но техническое выполнение обоих рельефов совершенно различное. Материал этого рельефа, хотя он и отличен от первого, также свидетельствует о его местном происхождении, но изготовление рельефа следует отнести к более позднему времени. Изображение фигуры Геракла в подобной же позе имеется на одной бронзовой статуэтке, хранящейся в Эрмитаже. Необходимо также упомянуть изданное E. Loewy изображение сидящего Геракла, датируемое II в. до н. э. [1]

[1] Jahrbuch d. deutschen archäologischen Instituts. 1933, LXVII, S. 87.—Ср.: E. Loewy. Scopa Mino e ed il simulacro di Ercole olivario. RM, т. XII, 1897, стр. 61, рис. 2. — J. N. Svoronos, ук. соч., табл. LXXVIII.

3. Производя в 1895 г. по поручению Археологической комиссии раскопки в Евпатории, Н. Ф. Романченко [1] выбрал одним из пунктов своих раскопок район Майнакского озера, где он предполагал отыскать Керкинитиду. К этому его склоняло наличие древних строительных остатков на территории, близко прилегающей к озеру. Первым открыл следы поселения у Майнакского озера Ф. Брун, [2] отказавшийся, однако, затем от своей прежней локализации Керкинитиды у Майнакского озера и отнесший ее к озеру Донгузлавскому в 25 км к западу от Евпатории, как это делал и П. О. Бурачков. Во время раскопок Романченко 1895, 1896 и 1897 гг. все пространство, непосредственно примыкавшее к озеру, представляло совершенно пустынный участок, покрытый растительностью солончаковой

Рис. 3.
Рельеф. Сидящий Геракл. Гос. Эрмитаж.

степи и скрывавший под небольшим слоем почвы следы древних строительных остатков, отмеченных уже выше. Лечебные свойства грязи, которой издавна славилось озеро, вызвали с конца прошлого века усиленную застройку прилегающего района лечебными учреждениями, что повлекло использование древних строительных остатков для добычи камня. Открытые Н. Ф. Романченко в 1895 г. фундаменты древних кладок возле озера к началу его раскопок в 1896 г. уже были полностью использованы на строительные нужды.

Плодородность степей еще в древности способствовала развитию земледелия, подтверждением чему служат открытые в 1916 г. Б. В. Фармаковским загородные виллы у Майнакского озера. Имеющийся в районе

---

[1] Рукописный архив ИИМК, 1895, дело № 77; ИАК, вып. 25, стр. 172 сл.
[2] Ф Б р у н. Черноморье, т. II, стр. 7.

ракушечный известняк третичной геологической эпохи использовался как для строительных целей, так и для художественной резьбы.

В самом начале раскопок 1895 г., производившихся Н. Ф. Романченко в саду, где уже начали строить здание грязелечебницы, на глубине 0.35 м была обнаружена плита из известняка, лежавшая в горизонтальном положении, изображением вверх. [1] Размеры найденной плиты (рис. 3) — 0.57 × 0.40 × 0.15 м. Материал — желтый ракушечный известняк местного происхождения. [2]

Изображение выполнено крайне плоскостно, что, впрочем, вполне понятно при той мягкости, которая свойственна пористому известняку. Рельеф изображения достигает высоты не более 0.01—0.02 м. Плоскостность подчеркивается резко прочерченными резцом линиями силуэта изображенной фигуры. Очень резко даны острые углы, горизонтальные и вертикальные линии контуров. Всю лицевую часть рельефа занимает сидящая фигура юного нагого Геракла в расцвете сил, с резко подчеркнутыми мускулами груди и мощной шеей. Пропорции тела таковы, что голова укладывается в длине туловища 7 раз (размер головы от волос до нижней части подбородка 0.08 м). В правой руке, несколько согнутой в локте и вытянутой по направлению к жертвеннику, Геракл держит сосуд-канфар, положив пальцы руки на верхнюю часть его ручки. Сильно стертый в этой части рельеф при внимательном осмотре памятника на месте позволяет все же восстановить форму канфара. Удлиненное его туловище и высокая ножка указывают на эллинистическое время, точнее позднеэллинистическую пору — II в. до н. э. и даже вторую его половину. [3] Ручки канфара слегка возвышаются над краем сосуда. Подобные формы канфаров бытуют довольно долго, переходя и в I в. до н. э., причем туловище становится еще более вытянутым. Левым локтем Геракл опирается на скалу. Необходимо отметить чрезвычайно своеобразную трактовку кисти руки, повернутой наружной своей частью к зрителю; большой палец сильно отогнут. Правая нога согнута в колене, на него опирается правая рука, держащая сосуд. Левая нога вытянута строго горизонтально, по направлению к жертвеннику. Горизонталь ноги является основной линией композиции рельефа, в которой горизонталь вообще преобладает. Вытянутая нога положена ступней на низкую подставку, представляющую поставленный на ребро отесанный камень. Жертвенник в левой части рельефа изображен в виде двух лежащих плит, между которыми вертикально поставлена третья плита. В левом нижнем углу рельефа изображены, положенные один на другой, пять мелких камней примерно одинакового размера (ср. камни, служащие рамой на сакском рельефе). [4]

---

[1] Указывая обстоятельства находки рельефа, Н. Ф. Романченко сообщает следующее: «В трех верстах от города, в $12^1/_1$ саж. от Биюк-Майнакского озера и в $13^1/_2$ саж от Майнакской гостиницы имелись два небольших возвышения... причем оказалось, что земля этого возвышения насыпная, рыхлая с многочисленной примесью битых черепков, амфорных ручек, днищ и пр.» (Н. Ф. Романченко. Материалы по археологии Евпаторийского уезда. ЗРАО, нов. сер., т. VIII, вып. 1—2, 1896, стр. 224).

[2] Там же, стр. 225, рис. 58. Плита с рельефом хранится в Эрмитаже, ее гипсовый слепок — в Евпаторийском музее.

[3] Б. В. Фармаковский, ук. соч., стр. 36, рис. 23.

[4] Подобное применение мелкого камня в оформлении рельефов из соседних районов северного Причерноморья проследить не удалось. Отметим кстати, что, описывая изображение на найденном рельефе, Н. Ф. Романченко (ук. соч., ЗРАО, нов. сер., VIII, вып. 1—2, стр. 224—225), почему-то трактовал левую часть рельефа с алтарем как изображение фонтана, источника. Геракл, по его мнению, зажимая головку льва, служащего краном источника, большим пальцем правой руки как бы направляет струю воды на левую вытянутую ногу. На основании чего Н. Ф. Романченко пришел к такой мысли — сказать трудно. Достаточно даже и фотографии рельефа, чтобы убедиться в неправильности такого толкования, подробный же осмотр памятника на месте окончательно в этом убеждает. Изображение алтаря можно встретить как на рельефах

Волосы на голове Геракла, обнажая лоб, лежат пышной шевелюрой, трактованной в виде зигзаговидных локонов, обрамляют лоб и спускаются до ушей. Миндалевидные глаза, поставленные близко друг к другу, немного заострены кнаружи. Нос поврежден. Рот и губы сжаты, углы рта несколько приподняты и оттянуты. Атрибуты Геракла — палица, приставленная к скале в правом нижнем углу рельефа, и свешивающаяся со скалы шкура льва — трактованы очень схематично. Сохранность рельефа в общем хорошая: повреждены сосуд в руке Геракла, нижняя часть носа Геракла; на поверхности имеются отдельные незначительные выщерблины. В некоторых местах наблюдаются следы повреждения острым предметом, вероятно, вследствие неосторожной зачистки рельефа во время его открытия.

Плоскостность рельефа, как указывалось выше, была в сильной степени обусловлена его материалом, но не только этим. Здесь сказались несомненно и художественные вкусы исполнителя, несколько засушенный статичный облик Геракла, с его как бы застывшими формами тела, монументальность сидящей фигуры отдыхающего Геракла — все это характеризует своеобразие рассматриваемого рельефа, представляющего интересный образец переработки античных греческих форм в местной среде.

Изображение отдыхающего Геракла занимает далеко не последнее место среди очень большого количества различных изображений Геракла в античной пластике и изображениях на монетах. Геракл в состоянии покоя после всех своих подвигов или в промежутках между ними — одна из излюбленных тем античных художников: кажется, ни одного из героев мифологии античный мир не изображал так часто, как Геракла в отдыхающей позе, стоящим или сидящим. Многочисленные изображения сидящего и лежащего отдыхающего Геракла Стефани делит на 4 группы: [1] 1) изображения Геракла, использующего свой покой для игры на лире; 2) изображения Геракла, наслаждающегося вином и фруктами; 3) изображения Геракла, предающегося раздумью, и наконец 4) изображения героя просто отдыхающего, причем непременно изображаются и его атрибуты. Наши рельефы дают два типа Геракла: два из них воспроизводят героя наслаждающимся (сакский и одесский) и третий, майнакский, изображает Геракла отдыхающим.

Однако среди большого количества изображений Геракла в монументальной скульптуре и терракоте, опубликованных в ряде изданий, нам не удалось найти ничего достаточно близкого нашим рельефным изображениям. У Рейнака есть один или два типа юного героя с канфаром, но сидящих фигур Геракла подобных нашим нет. [2] У Винтера [3] в его работе о греческих терракотах хотя и встречаются изображения Геракла, близкие нашим, но позы Геракла не совсем совпадают и т. д. Таким образом Геракл, этот излюбленный герой греков, нашел на почве Скифии свой особый художественный образ.

Очевидно, что при таких условиях необходимо, в поисках аналогий, обратиться к памятникам ближайших районов Крыма. Тут наши поиски были успешнее. Близкие аналогии, действительно, нашлись среди херсонесских надгробных рельефов, которые в подавляющем большинстве относятся к римскому времени. Имеющиеся в Херсонесском музее рельефные стелы с атрибутами Геракла как по художественной трактовке изображения,

---

соседних районов Херсонеса (ИАК, вып. 16, стр. 55, рис 12) и Керчи, так и на ряде памятников из собрания Сабурова (L. Furtwängler. Sammlung Saburoff, табл. XXIX).

[1] L. Stephani. Der ausruhende Heracles, ein Relief der Villa Albani. СПб., 1854, стр. 161.

[2] S. Reinach. Répertoire de la statuaire grecque et romaine, т. I, 469; IV,133 (возлежащий Геракл).

[3] Die antiken Terrakotten, т. III. — F. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten, ч. 1, 1903, стр. 191, фиг. 6 и 9.

так и по технике обработки камня очень близки к майнакскому рельефу: та же плоскостность, те же резкие силуэтные формы, особенно на тех рельефах, где имеется изображение человеческого лица (рис. 4а и 4б). Такая близость, конечно, не случайна: Херсонес, экономически и политически связанный со своими западными владениями, оказывал, вместе с тем, на них и художественное влияние. Разумеется, имело место и обратное течение: художественные вкусы греко-скифской периферии передавались и Херсонесу. [1]

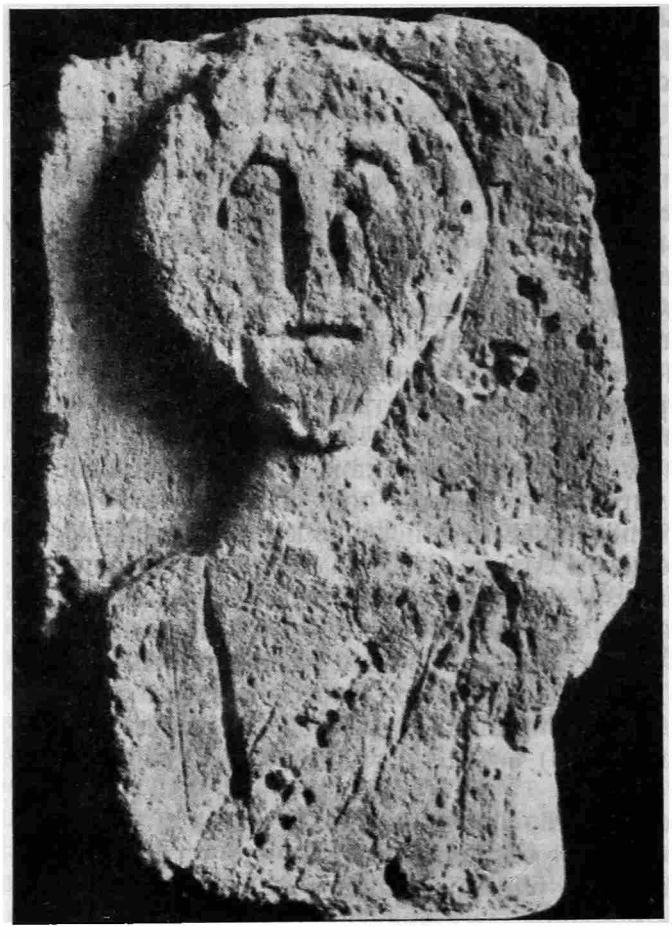

Рис. 4а. Местный надгробный рельеф. Херсонесский музей.

Далее, в отношении техники изучаемых нами рельефов их важно сопоставить с изображениями на фракийских рельефных надгробиях. Б. Филов, [2] характеризуя искусство Фракии, относит период его наиболее сильной варваризации к III в. н. э. Варварское искусство он рассматривает как явление передовое и живое; наоборот, в греческом искусстве этого времени он видит лишь пережиточные формы [3] (рис. 5). Приблизительно ту же картину можно наблюдать и в искусстве Галлии, где мы имеем немало воспроизведений сюжетов из античной мифологии, переданных в весьма плоском рельефе. Здесь они также носят на себе в большой степени следы местного влияния. [4]

Возвратимся к нашим рельефам. Сопоставляя два из них, одесский и майнакский, следует признать, что по характеру и всему стилю изображения оба рельефа резко отличаются друг от друга. Если в композиции майнакского рельефа господствует горизонталь, то в одесском изображении возлежащего в небрежной позе героя, наоборот, бросается в глаза преобладание округлых линий. Линии тела одесского Геракла пластичны, линии майнакского Геракла, наоборот, схематичны: геометричность форм его далека от экспрессии живых реальных форм лежащей фигуры Геракла на одесском рельефе. Тем не менее оба рельефа имеют и общие черты. Их роднит,

[1] Кстати заметим, что целый ряд памятников деревянной скульптуры, костяные изделия, а также изделия из бронзы, находимые при раскопках в различных пунктах древнего Причерноморья, по характеру выполнения весьма близкие нашим рельефам, свидетельствуют о связи рельефов с памятниками художественного ремесла. Однако подробное выяснение этой зависимости не входит в задачу данной работы.

[2] B. F i l o v. Die Denkmäler der thrakischen Kunst. RM, т. XXXII, 1917, стр. 40, рис. 25.

[3] Ср. G. K a z a r o w. Die Denkmäler des thrakischen Reitergottes. Budapest, 1938, Textband, стр. 180, № 1077; Tafelband, табл. LXXXVII, рис. 515.

[4] E s p e r a n d i e u. Recueil général des basreliefs de la Gaule Romaine, тт. I, II.

прежде всего, плоскостный характер резьбы, свойственный как этим двум памятникам, так и упомянутым выше местным херсонесским рельефным изображениям. Для майнакского и для одесского рельефов характерны резкие линии контуров и почти те же теневые нюансы. Это заставляет объединить их.

Если сюжет наших изображений роднит их с греческими памятниками, то стилистически мы имеем здесь своеобразное преломление местных художественных стремлений; это, несомненно местное, происхождение придает им большую историческую ценность. Стилистический анализ трех рельефов с изображением героя позволяет и хронологически локализовать эти своеобразные художественные приемы, бытовавшие в искусстве греко-скифских окраин античного мира. На основании сказанного выше, два из

Рис. 4б. Местный надгробный рельеф. Херсонесский музей.

Рис. 5.
Плоский рельеф из мрамора, найденный в Болгарии (Пловдив).

этих рельефов, одесский и майнакский, следует отнести к рубежу III и II вв. до н. э.

Для проверки и уточнения датировки, предложенной на основании стилистического анализа, а также формы сосуда, изображенного на майнакском рельефе, необходимо, конечно, использовать и археологический материал, найденный вместе с ним.

Судя по описи находок из раскопок Н. Ф. Романченко за 1895 г.,[1] вместе с рельефом найдены следующие вещи: под № 2 описи значится ручка с клеймом ...НРЕА... ...МОУНТОΣ. эллинистического времени, под № 3 значится карниз с фронтоном,[2] составлявший, судя по размерам, верхнюю часть небольшого алтаря (?) (рис. 6). Плоскостная архитектурная трактовка этого фронтона заставляет и его датировать временем позднего эллинизма. Далее, по описи следует горло большого сероглиняного сосуда с graffito. Если это тот самый сосуд, который имеется в Евпаторийском музее среди

[1] Опись хранится в архиве ИИМК.

[2] Н. Ф. Романченко, ук. соч., ЗРАО, нов. сер., т. VIII, вып. 1—2, стр. 225, рис. 58 (над рельефом).

вещей из раскопок Н. Ф. Романченко за 1895 г., то его также можно отнести к концу II в. до н. э.

Для датировки рельефа важно также учесть результаты раскопок, которые производились к В от места находки рельефа, сначала в 1896 г. Н. Ф. Романченко, а в 1916 г. там же Б. В. Фармаковским. Раскопки обнаружили здесь под незначительным слоем земли фундаменты кладок эллинистических загородных домов. Вещественный материал из этих раскопок относится к III—II вв. до н. э. Тем самым вполне подтверждается датировка майнакского рельефа.

В отношении одесского рельефа дело обстоит гораздо хуже, так как, кроме его фотографии, мы ничего не имеем. Приходится ограничиться лишь стилистическим анализом. В качестве terminus post quem для хронологического приурочения этого рельефа остается лишь приведенная выше бронзовая статуэтка. [1]

Сопоставляя эти два рельефа, одесский и майнакский, можно, однако, притти к выводу, что одесский рельеф немного древнее. Как указывалось,

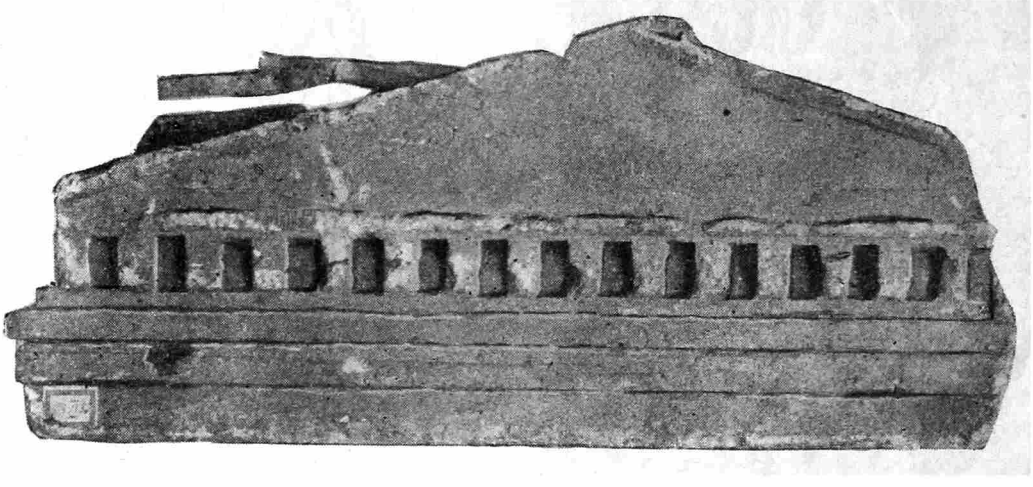

Рис. 6.
Карниз с фронтоном. Гос. Эрмитаж.

в нем, а также близком к нему сакском рельефе, сильнее выражены реалистические черты. Формы Геракла на майнакском рельефе как бы засушены и схематизированы. Эти черты следует объяснить как пережиток тех художественных приемов, которые получили выражение в одесском рельефе. Если майнакский рельеф относится к концу II в. до н. э., то дату одесского рельефа следует отодвинуть немного назад, к началу II в. или концу III в. до н. э. [2] Наконец, дата сакского рельефа довольно хорошо устанавливается на основании формы канфара (III в. до н. э.).

Каково же назначение наших рельефов? Сакский рельеф, судя по его размерам, а также небольшой толщине, скорее всего относится к разряду посвятительных памятников. Указание на то, что он был найден вместе с камнями, перекрывавшими могилу, свидетельствует, очевидно, об его вторичном использовании. К тому же разряду посвятительных рельефов следует отнести и одесский рельеф. Что касается майнакского рельефа, то в 1934 г. нами было высказано предположение, что плита с этим рельефом служила надгробием. [3] Однако осмотр памятника на месте заставляет теперь отказаться от этой мысли. Прежде всего, обра-

[1] L o e w y, ук. соч. Jahrb. d. deutschen archäolog. Inst., 1933, LXVII, стр. 87.

[2] Предлагаемые датировки не являются, конечно, окончательными; допускаем возможность и более позднего изготовления рельефов.

[3] См. ук. выше нашу статью в «Проблемах» (1934, № 8—10, стр. 164).

ботанной является лишь одна, лицевая, сторона рельефа; с остальных сторон мастер ограничился лишь простой отеской, притом весьма небрежной. Все это заставляет предполагать, что рельеф был вставлен в нишу с таким расчетом, чтобы к зрителю была обращена лишь одна лицевая сторона. Существенно также и то, что все надгробия, найденные в Евпатории как при раскопках, так и случайно, имеют удлиненную форму. Против определения памятника как надгробия говорит и то, что при находке его, судя по данным отчетов, никаких остатков человеческих костей обнаружено не было. Кстати напомним, что стела Амбатии из Евпатории [1] была найдена над истлевшим костяком. Два других надгробия также были найдены в определенном окружении могильного инвентаря. Наконец, на надгробных рельефах, например римского времени, покойник обычно изображался в окружении своей семьи, слуг и т. п. Здесь же на всех трех рельефах мы видим изображение одной фигуры Геракла.

Вряд ли можно согласиться с мнением Л. А. Моисеева, который связывал рельеф с открытыми им в нижних слоях у Майнакского озера остатками древних сооружений, в которых он совершенно безосновательно видел остатки храма (templum in antis). Правильнее всего и этот рельеф отнести к разряду посвятительных памятников святилища и связывать его с постройками более позднего времени.

Все три изученные нами рельефа, являющиеся посвятительными и происходящие из одного и того же района, позволяют со всей определенностью поставить вопрос о художественных течениях в районе северо-западного Крыма в пору его наибольшего экономического и культурного процветания. Восприняв греческую религию с культом бога-героя, туземная верхушка выделила из всех героев Геракла, создала его культ, и, как видим, охотно изображала его в скульптуре.

Однородность содержания изучаемых памятников, т. е. изображение одного и того же Геракла, в скульптуре двух различных периодов — III—II вв. до.н. э. и I—II вв. н. э. — свидетельствует о повторяемости типа этого героя в античном искусстве на почве северо-западного Крыма. Возникает мысль, впервые высказанная В. Ф. Штифтаром на II Конференции археологов в Херсонесе, что культ Геракла известен был населению северо-западного Крыма еще в античную эпоху. [2] Это подтверждают аналогичные памятники, известные в Херсонесе. Сюда относится рельеф римского времени с изображением Геракла, найденный в 1935 г. [3]. Другие приведенные выше херсонесские рельефы из известняка первых веков н. э. сохраняют те же резкие линии контуров, свойственные нашим двум рельефам, хотя последние и датируются более ранним временем. Как видим, Херсонес отразил в своем искусстве скифские художественные черты.

Тема Геракла была живуча в местном искусстве и других районов Причерноморья. Например из Пантикапея происходит весьма интересное изображение Геракла на стеле, хранящейся в Керченском музее. [4] Рельеф (выс. 0.63 м, шир. 0.43 м, толщ. 0.15 м) представляет позднюю трактовку образа Геракла (рис. 7). Изображен стоящий Геракл со шкурой, наки-

[1] Эта стела случайно найдена в 1903 г.; она хранится в Гос. Историческом музее в Москве и является единственным эпиграфическим памятником, найденным на территории Евпатории. См.: Ios PE, I², № 339 (стр. 283); ИАК, вып. 10, стр. 18—19; G. Kieseritzky u. C. Watzinger, ук. соч., стр. 14, табл. V.

[2] В. Ф. Штифтар. Евпатория — Керкинитида, как часть Херсонесского округа (доклад, читанный на конференции археологов СССР в Херсонесе в 1927 г.).

[3] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Крымгиз, 1938, стр. 57. Случайно найденный в 1939 г. в Херсонесе мраморный рельеф с изображением возлежащего Геракла не мог уже быть привлечен в данной работе. О нем см. в «Кратких сообщениях ИИМК», II. 1939, стр. 36, а также мою заметку, помещенную в настоящем сборнике, стр. 307—308

[4] См. ОАК за 1892 г. (стр. 34, рис. 24), а также «Альбом рисунков к отчетам за 1882—1898 гг.» (стр. 66, рис. 386).

нутой на голову и плечи и перевязанной на груди. Стоит он перед алтарем, в правой руке держит сосуд, в левой — палицу типа, известного на фракийских римских рельефах. Сосуд очень схематизирован, что характерно для римского рельефа на территории Боспора. Из керченских памятников можно привести также торс гермы Геракла из белого мрамора, имеющийся в альбоме рисунков Гросса.[1] Размеры торса: выс. 0.75 м, шир. 0.40 м и толщ. 0.28 м; найден он на горе Митридат с северо-западной ее стороны, возле так называемого «кресла Митридата». Здесь интересна шкура льва, завязанная на груди, и задняя часть хребта с ощетинившейся шерстью. Наконец, сюда же относятся изображения Геракла в прикладном искусстве скифов, монетах Феодосии и Пантикапея, дающие целый ряд его изображений и атрибутов.

Рис. 7. Рельеф из известняка. Стоящий Геракл. Керчь, музей.

Такова серия имеющихся аналогий. Однако древнегреческое искусство, создавшее образцы высокого совершенства, не дало нам ни одного произведения, трактованного столь своеобразно, как наши памятники.

Искусство скифов развивалось в непосредственном соседстве с колониальными греческими городами. Не меньшее значение имело и соседство так называемой державы Скилура и Палака, образовавшейся в ту эпоху в предгорном Крыму. В таких условиях, впитывая в себя греческую культуру, выработалось своеобразное греко-скифское искусство, представленное в различных районах по-разному, в виде различных художественных течений.

В сакском и майнакском Геракле это получило яркое выражение: в них отразились эти два противоположные начала искусства северо-западного Крыма, причем в сакском рельефе местные элементы, как видели, даже доминируют.

Настоящая работа является попыткой на конкретных памятниках проследить в искусстве северо-западного Крыма античной эпохи возникновение местных элементов, их развитие и переход к новым формам. Дальнейшая работа по изучению археологических памятников как северо-западных, так и ближайших к ним соседних районов Крыма даст возможность проверить правильность наших наблюдений.

[1] Раскопки Люценко в Керчи в 1870 г.

M NALIVKINA

SUR QUELQUES CIMETIÈRES DE L'ÉPOQUE ANTIQUE DANS LE NORD-OUEST DE LA CRIMÉE

RÉSUMÉ

L'auteur date les monuments publiés dans le présent mémoire du III—IIe siècles avant notre ère et les réunit en un groupe déterminé. Ils proviennent tous du nord-ouest de la Crimée et témoignent d'une variation locale originale des goûts artistiques de l'époque. L'unité de sujet des trois reliefs étudiés, qui représentent tous le même héros de la mythologie grecque Heraclès, les rapproche entre eux. La comparaison des styles permet aussi de constater d'une part une différence (relief de Saki), de l'autre une ressemblance (reliefs d'Odessa et de Moinaki) avec le style des reliefs funéraires locaux de Chersonèse. Les traditions locales dans l'art de Chersonèse continuent d'exister même après que sa périphérie nord-ouest, étroitement liée avec elle, eût cessé son existence économique et culturelle.

А. Ю МАРТИ

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ IV В. ДО Н. Э. ИЗ КУРГАНА БЛИЗ ТИРИТАКИ

5 марта 1934 г в Камыш-буруне, на территории 2-го участка строительства, в 1.5—2 км к северу от городища Тиритаки в поле большого кургана, расположенного около шоссе, при выборке глины для строительства рабочие случайно обнаружили впускное погребение.

Рис. 1. Чернолаковая энохоя.

Погребение это представляет каменный ящик-склеп, сложенный насухо из больших плит старокарантинского известняка. Из таких же плит сделан пол склепа. Размеры склепа: длина 1.41 м, ширина 0.75 м, высота 0.81 м, толщина плит 0.12 м.; в каменном полу склепа высечены углубления для ножек саркофага.

Так как погребение было открыто рабочими строительства самостоятельно, в отсутствие сотрудников Керченского музея, вызванных лишь значительно позднее, то склеп был очищен от земли только у северо-восточной стены; эта стена была проломана рабочими, и через сравнительно небольшое отверстие было извлечено все содержимое погребения. Деревянный саркофаг, развалившийся при вскрытии склепа, был изъят по частям.

По сообщению рабочих, вскрывших склеп, внутри саркофага лежал очень плохо сохранившийся костяк ребенка, головой на З. Примерно у нижней части грудной клетки ребенка лежали терракоты. Точно указать местоположение остальных вещей трудно; все они, за исключением энохои, астрагалов и орехов, были найдены в саркофаге, но в каких его частях, остается неизвестным. [1]

В северо-восточном углу склепа была найдена маленькая чернолаковая энохоя (рис. 1) с туловом, покрытым канелюрами и накладным орнаментом, сделанным жидкой светлой глиной: по горлу энохои идут две веточки с удлиненными листьями, скрещивающимися на фронтальной стороне сосуда; на тулове изображены не то птички, не то сосуды. Сохранность энохои хорошая; только в некоторых местах поврежден лак. Высота энохои 0.09 м.

[1] Вещи, найденные в склепе, поступили в Керченский археологический музей им. А. С. Пушкина.

Около северной стенки склепа в кучке лежали несколько десятков астрагалов и волошских орехов, которые были растащены землекопами (в музей поступили лишь три астрагала).

Внутри саркофага найдены следующие предметы: деревянные украшения, повидимому, от саркофага, пять терракот, круглая деревянная коробочка с крышкой тонкой инкрустационной работы, деревянный ларчик, деревянный предмет в форме бокала, маленькая костяная пиксида и несколько костяных колечек неизвестного назначения.

Детский саркофаг (рис. 2) представляет простой прямоугольный ящик из соснового дерева; стороны его сделаны из двух досок, скрепленных деревянными гвоздями. Продольные доски днища совершенно истлели; сохранилась лишь одна поперечная. Крышка — в виде двускатной кровли из досок, соединенных посредине бруском. Брусок окрашен в два цвета, черный и белый, чередующиеся друг с другом. Под сохранившимся фронтоном крышки идет узкая белая полоса с овами, окрашенными в черный и

Рис. 2. Деревянный детский саркофаг (реставрирован)

красный цвет. Такой же орнамент окаймляет края всей крышки. При сборке и реставрации саркофага некоторые истлевшие доски заменены новыми: приделана нижняя доска к боковой короткой стороне саркофага, фронтон крышки заменен новым, а также приделаны две новые ножки взамен истлевших. В некоторых местах нижние края досок истлели и обломились. На крышке по сторонам бруска, над фронтоном, сохранились парные отверстия, это показывает, что крышка была украшена акротериями. Такие же отверстия обнаружены на единственном сохранившемся углу крышки. Очевидно, четыре угла крышки были также украшены акротериями. Длина саркофага 1.20 м, ширина 0.59 м, высота 0.63 м.

Детский саркофаг из Камыш-буруна по своему стилю особенно близок саркофагу, изданному К. Вацингером в его работе о греческих деревянных саркофагах под № 5.[1]

В самом саркофаге среди вещей были найдены резные с инкрустацией украшения: четыре ножки и четыре капители, сделанные с большой тщательностью из кипарисового дерева; своей художественной работой они сильно отличаются от простого по стилю и работе саркофага.

Надо полагать, простой сосновый гроб не мог удовлетворить вкусам богатых родителей или родственников умершего ребенка; они захотели поэтому украсить саркофаг художественно исполненными орнаментами

[1] C. Watzinger. Griechische Holzsarcophage aus der Zeit Alexanders des Grossen. Лейпциг, 1905, стр. 30.

из дорогого дерева; но так как украшения вследствие своей формы, рассчитанной на круглые ножки, не могли быть приделаны к саркофагу, то

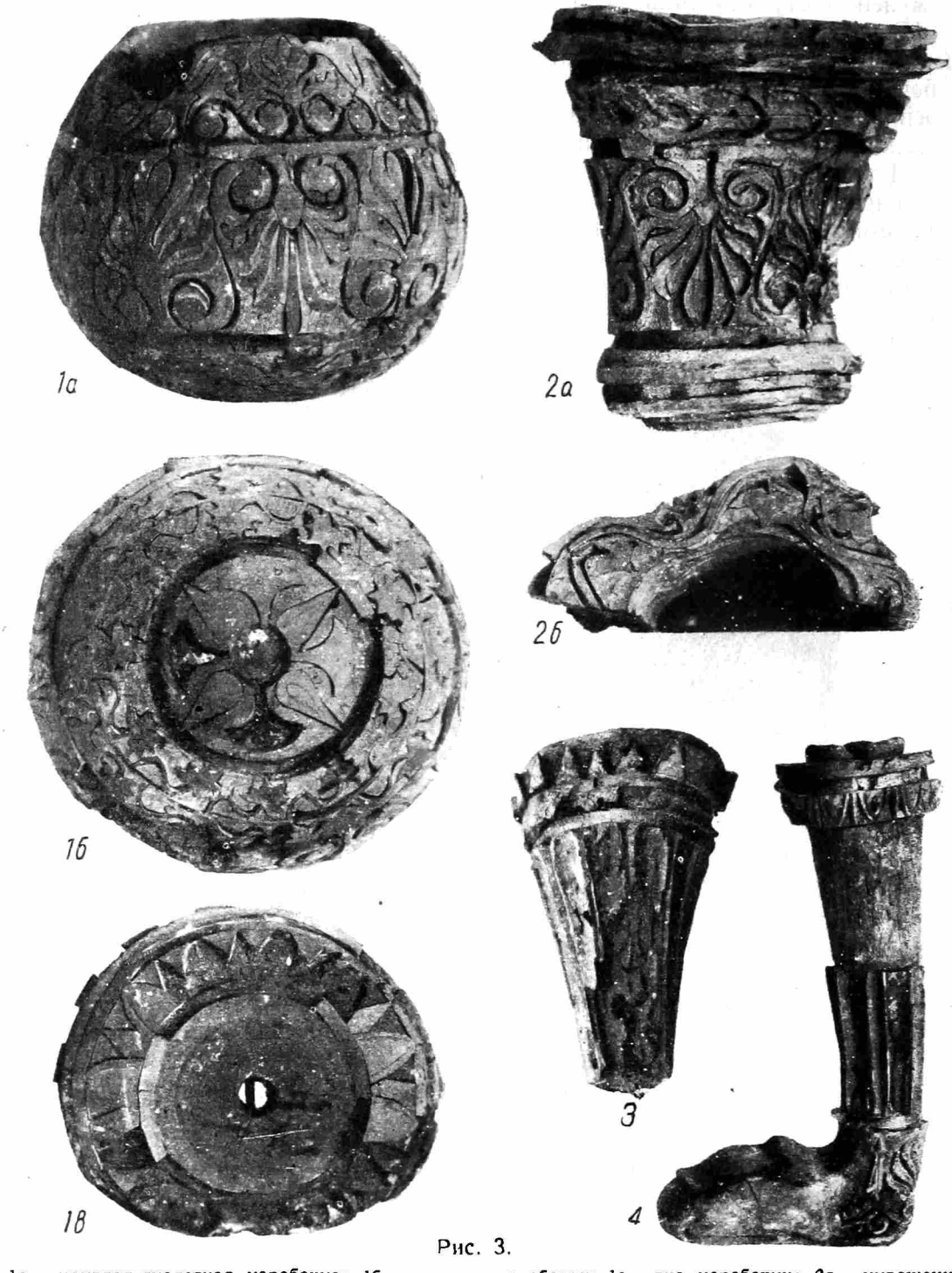

Рис. 3.

1а — круглая туалетная коробочка; *1б* — крышка коробочки; *1в* — дно коробочки; *2а* — украшение от саркофага в форме капители; *2б* — гирлянда из тонких вьющихся стеблей; *3* — деревянный предмет в форме бокальчика; *4* — ножка от саркофага в виде львиной лапы.

их пришлось положить вовнутрь. Найденные внутри саркофага ножки (рис. 3, *4*) состоят из трех частей: нижняя часть представляет львиную лапу с длинными когтями; пятка украшена рельефной полупальметкой. Нижняя часть ножки вверху заканчивается тонким пояском. Далее ножка переходит в канелированный ствол, расширяющийся кверху. Верхняя, еще более расширяющаяся, часть ножки покрыта тонкими линейными насеч-

ками; еще выше идет рельефный поясок с орнаментом из ов; выше — опять поясок, сохранившийся кое-где небольшими кусочками. Вся ножка заканчивается полукругом, на котором рельефно выступает половина розетки с двумя широкими лепестками. Две ножки саркофага удовлетворительной сохранности; две другие сохранились значительно хуже: они переломаны и в некоторых местах истлели. Все четыре ножки носят следы яркокрасной окраски; на одной ножке чуть заметна белая краска на овах. С внутренней стороны ножки обработаны полукругом и имеют сквозные дырочки для прикрепления. Высота ножек 16 см.

Переходим к описанию украшений в форме капители (рис. 3, *2а* и *2б*). Корпус капители украшен инкрустацией очень тонкой и художественной работы. Абак украшен гирляндой из тонких вьющихся стеблей с маленькими треугольными листьями, напоминающими листья плюща, и с тремя круглыми ягодками на веточке. [1] Ниже под абаком орнамент из удлиненных парных листьев. [2] Средняя часть капители украшена крупным орнаментом из пышных пальметок, сплетающихся друг с другом и расположенных поочередно то верхом вниз, то наоборот. Нижняя часть капители имеет выступ, разделенный рельефным пояском. С внутренней стороны капитель обработана полукругом и имеет дырочки для прикрепления. Из четырех капителей почти в целом виде сохранилась лишь одна и то сильно деформированная, с истлевшими краями и потемневшая; во многих местах инкрустация выпала. Остальные три сохранились в виде обломков. Высота капителей 0.08 м, ширина вверху 0.08 м, внизу 0.05 м.

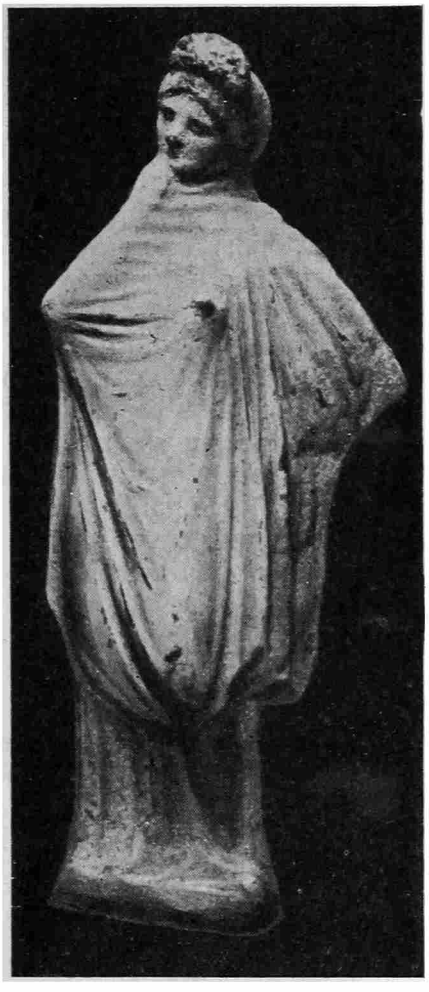

Рис. 4. Терракотовая статуэтка стоящей женщины.

Из пяти терракот, найденных в гробнице, три воспроизводят один тип: это фигура молодой, красивой женщины, одетой в широкие одежды и задрапированной с большим кокетством и изяществом в гиматий. Терракоты обращают на себя внимание грациозностью позы фигуры и тщательной передачей одежды. По изяществу, тонкой работе, стилю и раскраске они напоминают женские терракотовые фигурки Танагры. Н. П. Кондаков в своей работе «Греческие терракотовые статуэтки» считал подобные женские фигурки «корами», т. е. изображением молодых девушек. Повидимому, такие терракотовые статуэтки часто заменяли обыкновенных кукол с подвижными конечностями, которых надо было одевать. Такое предположение подтверждает и камышбурунское погребение. Найденные здесь терракоты, по всей вероятности являлись любимыми куклами девочки, которыми она постоянно играла и которые после ее смерти были положены в гроб.

Первая терракота (высотой 0.16 м) представляет женскую стоящую фигуру в хитоне, задрапированную в гиматий, спадающий полукругом чуть ниже колен (рис. 4). У шеи гиматий перекинут через левое плечо и падает

[1] Древности Босфора Киммерийского. Атлас. СПб., 1854, табл. LX (орнамент на горле энохои).

[2] Обычный орнамент на краснофигурных кратерах. См. там же (табл. LXI, *5*).

по обе стороны фигуры рядом тонких длинных складок. Спереди на белом гиматии чуть заметна бледносиреневая кайма; такого же цвета кайма видна внизу хитона, на котором местами сохранилась желтоватая краска. Левая рука совершенно скрыта гиматием, правая также под гиматием подпирает чуть склоненную головку. Левая нога слегка согнута в колене и выдвинута вперед. Лицо исполнено тщательно; сохранилась слабая окраска бровей и глаз в коричневый цвет и губ в красный. Вьющиеся рыже-каштановые волосы подобраны в высокую прическу. На затылке небольшая красная шапочка (краска с нее местами сошла). Вся терракота покрыта белой облицовкой, по которой сделана цветная роспись. Задняя сторона обработана менее тщательно: моделированы лишь гиматий, падающий с левого плеча, и складки на хитоне. Обычного для обжига отверстия сзади не имеется. Сохранность терракоты хорошая; только в некоторых местах, главным образом в складках одежды, есть известковый налет.

Вторая терракотовая фигура (высотой 0.22 м) изображает сидящую женщину, ноги ее покоятся на маленькой скамеечке с выступающими ножками (рис. 5, *3*). Женщина одета в хитон с короткими рукавами и задрапирована в гиматий, перекинутый через левое плечо и спускающийся позади на спине; правое плечо и рука обнажены. Спереди гиматий лежит красивыми складками, проходя под локтем правой руки и спускаясь вниз к ногам. С большой художественностью моделированы также складки хитона на груди, коленях и внизу у ног. Еще более тонко выполнены лицо и прическа женщины. Голова слегка повернута вправо. Лицо обрамлено волнистыми, разделенными на пряди, каштановыми волосами, которые образуют на макушке красивую прическу из локонов. Тщательно моделированы нос, рот и глаза. Отмечены даже опущенные веки и зрачки глаз. Задняя сторона обработана поверхностно: слегка обработаны волосы и гиматий. Сзади терракота имела отверстие для обжига. Сидение внизу окрашено в голубой цвет, верхняя, расширяющаяся часть его окрашена в белый цвет, на котором в одном месте сохранились следы красной окраски: возможно, что красным цветом была обозначена подушка. На скамеечке для ног заметна коричневая краска. На лице, шее и одежде сохранилась белая облицовка. Местами на одежде, в особенности внизу на гиматии, сохранились следы голубой краски. Окраска бровей, глаз и губ чуть заметна. Хорошо сохранилась окраска волос каштанового цвета. Сохранность терракоты плохая: утрачена почти вся левая сторона фигуры и сидения, передняя сторона (начиная чуть ниже левого колена), часть правой руки (излом старый). Во многих местах оббиты складки одежд и имеются большие выбоины. Внизу терракота склеена, есть несколько тонких трещин; во многих местах небольшие темные пятна (от сырости). В изломе глина тонкая, темнокоричневого цвета.

Третья терракота (высотой 0.23 м) представляет стоящую женскую фигуру в хитоне и гиматии (рис. 5, *2*). На голове высокий суживающийся кверху головной убор, из-под которого видны волнистые волосы, расчесанные на пробор и падающие извилистыми локонами на плечи. Фигура одета в хитон с длинными рукавами и в гиматий, которым задрапированы согнутые в локте руки. С левой стороны гиматий, спускаясь с плеча, полукругом драпирует левую руку и падает тяжелым концом вниз. Правая нога, плотно обтянутая хитоном, согнута в колене и выставлена вперед; на левую падают прямые ровные складки. Левой рукой женщина держала полукруглый предмет, чуть прикрытый гиматием, возможно хлебец. Тщательно моделировано лицо с полуоткрытым ртом и тонким носом. К сожалению, краска лица потемнела и сошла. Терракота была вся окрашена в белый цвет. В некоторых местах поверх белой облицовки сохранилась цветная роспись. Хорошо сохранилась золотистая окраска локонов, падающих на плечи; хитон был окрашен в бледнорозовый цвет, а хлеб (?) в коричневый; руки ниже локтя окрашены в голубой цвет (окраска местами стерлась).

Рис. 5. *1* — Терракотовая статуэтка, изображающая пляшущего мифа; *2* — статуэтка стоящей женщины; *3* — статуэтка сидящей женщины; *4* — Эрот.

Сохранность терракоты удовлетворительная. Еще в древности были утрачены часть головного убора и кисти рук. При открытии гробницы отбита голова, теперь статуэтка реставрирована. Есть выбоины, в трех местах отбиты края гиматия. На шее и груди — известковый налет, на лице — темные пятна. Сзади терракота почти не обработана, отверстия для обжига нет. Глина в изломе темнокоричневая с мелкими блестящими крупинками.

Четвертая терракотовая фигура (высота с крыльями 0.25 м) изображает Эрота в костюме танцовщицы, воспроизводя, повидимому, один из бесконечных вариантов образа Эрота (рис. 5, *4*).

Начиная с IV в. до н. э. в греческом искусстве Эрот принимает самые разнообразные образы, начиная от маленького плутоватого мальчика, фигурирующего во всевозможных ролях, и кончая Эротом, одетым в женское платье, с веером или голубком в руке. Часто встречается он в образе так называемого гения смерти. В южноиталийских терракотах можно видеть пляшущего Эрота в женской одежде. [1]

Эрот нашей терракоты одет в короткую тунику. Перехваченная в талии, она образует волнистый напуск и, ниспадая складками, развевается вокруг бедер. Такую же одежду мы видим на золотых бляшках с изображением танцовщицы из погребения Большой Близницы. Левая рука с отбитой кистью согнута в локте и поднята вверх, правая чуть выдвинута вперед. Тонкие ноги обуты в туфли с узкими носками, перехваченные у щиколотки красными лентами. Левая нога выдвинута вперед, правая чуть отставлена назад. Голова склонена немного влево. Поза всей фигуры и постановка ног не производят впечатления танца; фигура скорее всего изображена в полете. Волосы, зачесанные назад и перехваченные на темени узкой лентой, образуют пучок локонов. Лицо тонко моделировано; сохранилось оно плохо: имеется несколько выбоин, нос отбит. К спине были приставлены длинные крылья (они найдены в гробнице уже отпавшими).

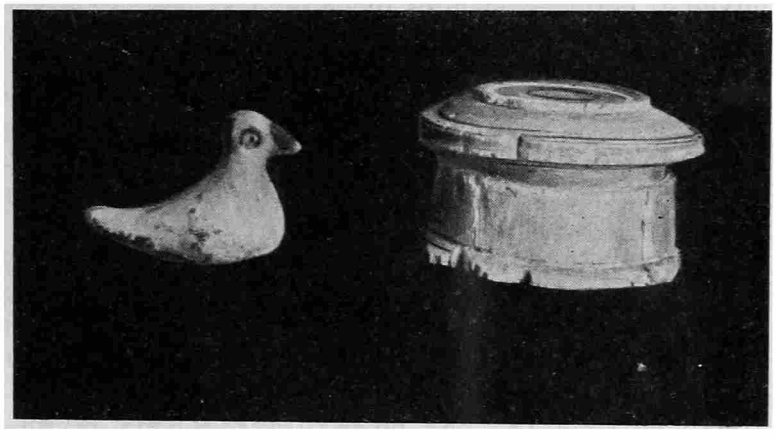

Рис. 6.
1 — терракотовый голубок; *2* — костяная пиксида.

Терракота покрыта белой облицовкой, местами повр жденной и сильно потемневшей. Кое-где на юбке есть следы бледнорозовой окраски. Хорошо сохранилась окраска бровей и больших удлиненных глаз. На волосах, в особенности с задней стороны, сохранилась золотистая краска. Хорошо сохранилась красная окраска лент на ногах и на крыльях, окрашенных в голубой цвет, местами переходящий в синий. На крыльях видны небольшие дырочки для подвешивания. Сохранность терракоты плохая. При открытии гробницы отбиты голоза, ноги, руки. В настоящее время терракота склеена. Утрачена часть кисти левой руки, кончик носа, на юбке несколько выбоин. Плохо сохранилось лицо. Сзади терракота обработана более поверхностно, окрашена в белый цвет. Отверстия для обжига нет. В изломе глина темнокоричневая с мелкими блестящими крупинками.

---

[1] Die antiken Terrakotten, т. III. — Fr. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten, ч. 2, 1903, стр. 325, № 8 и стр. 334, № 5.

Пятая терракота (рис. 6, *1*) изображает маленькую птичку, повидимому голубка (высота 0.02 м, длина 0.025 м); окрашена в яркоголубой цвет; клюв красный; в такой же цвет окрашены большие круглые глаза. На кончике хвоста перышки окрашены черной краской. По всей вероятности, Эрот держал голубка в поднятой левой руке.

Шестая терракота (выс. 0.13 м) изображает молодого пляшущего скифа (рис. 5, *1*). Терракота в виде пляшущего скифа встречается в погребениях Пантикапея и его окрестностей уже не в первый раз. Точной аналогией скифу, найденному в Камыш-буруне, является терракота, опубликованная в «Древностях Босфора Киммерийского». [1] Помимо терракот, изображения пляшущего скифа имеются и в других художественных произведениях, например на вазе из павловского кургана близ Керчи (найдена в 1859 г.); изображение двух пляшущих скифов имеется на перстне из того же кургана. [2] Повидимому, все эти скифы исполняют один и тот же танец; характерна поза — поднятые и скрещенные над головой руки.

Фигура одним коленом опирается на подставку; по бокам ее две розетки; третья находится между ног. Скиф одет в короткую «куртку» с цветной вставкой на груди. Край «куртки» заметно утолщен; повидимому это меховая опушка. Нижнее одеяние представляет широкую юбку, отороченную мехом; немного выше по ней проходит белая полоса. На ногах скифа узкие штаны с голубыми полосами у колен, на голове фригийская шапка, из-под которой на плечи падают коричневые локоны; на шее гривна. Обе руки, с отбитыми кистями, подняты над головой и, повидимому, соединялись. Вся фигура изогнута в левую сторону, лицо же обращено в правую. Правая нога у скифа поджата, левая, согнутая в колене, вытянута в бок. Судя по движению рук, ног и всей позе, видно, что скиф пляшет.

Задняя сторона терракоты совершенно не обработана и имеет большое отверстие, еще более увеличенное выбоинами. Терракота во многих местах склеена. Утрачены кисти рук, край шапки, часть левой ноги (с башмаком?).

Общей белой облицовки терракота не имеет; она расписана непосредственно по коричневому глиняному фону яркими красками, хорошо сохранившимися. Вставка на «куртке» сделана двумя цветами: белым и красным. На штанах — полосы яркоголубой окраски, местами стершейся. Вся верхняя сторона подставки покрыта черной краской. В нижней части идут две полосы, красная и черная. Волосы окрашены в коричневый цвет. Окраска лица сохранилась слабо. В некоторых местах на поверхности терракоты заметны небольшие темные пятна. В изломе глина светлая.

Все описанные терракоты по своему стилю (в особенности *2* и *4*), тщательности моделировки лица и одежд, по позе фигур, по их тонкой раскраске, а также по нежным тонам одежды, можно отнести не позднее, чем ко второй половине IV в. до н. э. Все терракотовые фигурки являются, вероятно, импортными, кроме, быть может, фигурки скифа.

Переходим к описанию деревянного ларчика, инкрустированной шарообразной коробочки и бокальчика.

От деревянного ларчика (рис. 7) сохранились крышка, передняя сторона и две боковых; дно и задняя сторона утрачены. На передней стороне крышки вставлена тонкая четырехугольная, костяная пластинка (шир. 0.02 × × 0.02 м), с бронзовой маленькой петелькой у края. По краям крышки — украшения из кости в виде пуговки; одна из них утрачена (сохранилось только отверстие). Передняя сторона ларчика состоит из трех отдельных частей двух боковых и одной большой в центре. Одна из боковых частей также утрачена. Боковые части чуть длиннее центральной и представляют ножки ларчика. Передняя сторона ларца украшена узкой костяной поло-

[1] Табл. XX, *7*; ср. близкую аналогию на табл. XIV, *1*.
[2] ОАК, альбом за 1859 г., табл. III, *1* и *4*.

сой, вставленной в дерево. В центре передней стороны вставлено костяное колечко со сквозной дырочкой, составлявшее вместе с петелькой сверху замочек ларца. Сбоку, на передней стороне, такое же костяное украшение, как и на крышке. Две боковые стороны ларца также имели вставленные костяные полоски, идущие вертикально (одна утрачена); по бокам костяной полоски были какие-то бронзовые украшения (не сохранились). Высота ларца 0.06 м, длина 0.18 м, ширина 0.10 м.

Круглая туалетная коробочка имеет крышку, которая была прикреплена на шарнире (рис. 3, *1а*, *1б*, *1в*). Коробочка украшена инкрустацией. Преобладающим орнаментом являются пальметки, идущие двумя рядами, причем в нижнем ряду они соединены друг с другом и расположены своим основанием поочередно вверх и вниз. Точно такой же орнамент имеется на вышеописанной капители; повидимому, эти вещи сделаны одним мастером. Ниже идет орнамент, напоминающий вьющиеся лозы и листья винограда. На дне, в центре, имеется орнамент, сходный с цветами лотоса и чередующийся с удлиненными остроконечными листьями. Коробочка представляет на редкость тонкую и художественную вещь; к сожалению, она

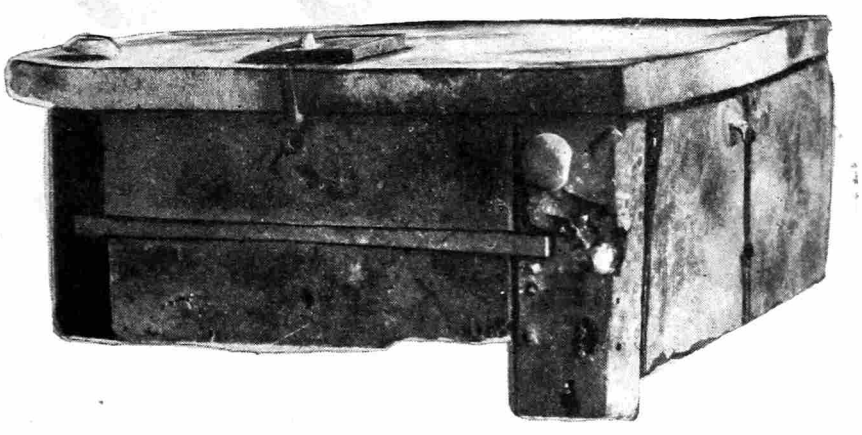

Рис. 7. Деревянный ларчик.

имеет несколько трещин; инкрустация во многих местах выпала. Крышка сохранилась значительно хуже коробочки. Задняя сторона, крышка которой прикреплялась к коробке, совершенно истлела. Только в двух местах сохранился орнамент, состоящий из ов. Украшение, которое было в центре крышки, утрачено. Высота коробочки с крышкой 0.10 м.

В одном месте к коробочке прилипло несколько маленьких кусочков дна совершенно истлевшей плетеной корзинки. Повидимому, круглая коробочка лежала в ней.

Деревянный предмет в форме маленького бокальчика с инкрустацией (рис. 3, *3*) представлял, вероятно, часть маленькой коробочки. Большая уцелевшая часть ее покрыта канелюрами, которые расширяются кверху и имеют закругления. Почти вся инкрустация выпала, она уцелела только в некоторых местах в виде маленьких треугольников. Нижняя и верхняя части обломаны. В некоторых местах дерево истлело. На канелюрах местами сохранилась яркая окраска. Высота обломка 0.06 м.

Маленькая костяная пиксида с крышечкой (рис. 6, *2*) сохранилась плохо: нижняя выступающая часть обломана, в нескольких местах обломана и крышка. В центре крышка украшена рельефным пояском. Высота с крышкой 0.02 м, диаметр 0.035 м.

Наконец, из найденных в саркофаге семи костяных колечек (рис. 8) два значительно больше других и имеют одну сторону округлую (другая их сторона срезана и не обработана). У пяти остальных колечек обе сто-

роны срезанные. Для чего предназначались эти колечки, сказать трудно; вероятнее всего, они использовались как игрушки. Диаметр большего колечка 0.03 м, диаметр меньшего 0.015 м.

Описанное погребение имеет много общего с богатыми курганными погребениями периода расцвета Боспора (Большая Близница, Павловский курган и др.). Инвентарь детского погребения, а именно — чернолаковая энохоя с накладным орнаментом и желобчатым туловом, прекрасные резные и инкрустированные украшения из дерева и уникальная высокохудожественная туалетная коробка с инкрустацией, а также комплекс имг ортных изящных полихромных терракот — весь этот пышный инвентарь говорит, что перед нами богатое погребение.

Судя по орнаментам и мотивам деревянных вещей, по стилю терракот и чернолаковой энохои, погребение должно быть отнесено не позднее чем

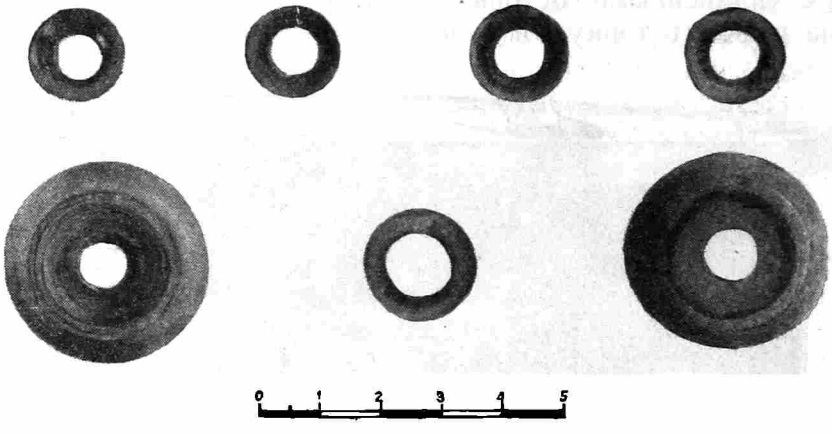

Рис. 8. Костяные кольца.

ко второй половине IV в. до н. э., т. е. к периоду наибольшего экономического и культурного расцвета Боспора.

Расположение кургана вблизи Тиритаки (всего в 1.5 км от нее) позволяет связать погребение именно с этим боспорским городом.

A. MARTI

UNE SÉPULTURE ENFANTINE DU IV-e SIÈCLE AVANT NOTRE ÈRE DANS UN TUMULUS DES ENVIRONS DE TYRITAKÉ

RÉSUMÉ

En 1934 on a déccuvert à Kamyš-Burun, à 1.5—2 km de Tyritaké une sépulture enfantine. A l'intérieur d'un sarcophage en bois était couché un squelette très mal conservé d'enfant (la tête à l'occident). Le sarcophage contenait en outre: des ornements en bois du sarcophage(?), 5 figurines de terre cuite, une petite boîte ronde en bois à couvercle incrusté, une cassette en bois, un objet en bois en forme de coupe, une petite pixide en os et plusieurs petits anneaux en os de destination inconnue. Tous ces objets ont été remis au Musée archéologique de Kertch.

Le sarcophage d'enfant de Kamyš-Burun ressemble le plus par son style à celui publié par K. Watzinger dans son ouvrage «Griechische Holzsarkophage» (№ 5, p. 30).

Parmi les 5 figurines de terre cuite 3 sont du même type: elles représentent une femme jeune et belle drapée dans un himation; la quatrième représente Eros et la cinquième un jeune Scythe dansant. Ces figurines peuvent être rapportées à la seconde moitié du IVe siècle avant notre ère.

La sépulture décrite offre beaucoup de traits communs avec les riches sépultures de tumulus de la période prospère de Panticapée (Bolšaja Bliznica, tumulus Pavlovsky). Le somptueux mobilier trouvé atteste une sépulture de riche.

Le motif ornemental des objets en bois, le style des figurines de terre cuite et l'oenochoé de laque noire permettent de dater la sépulture de la seconde moitié du IVe siècle, et le voisinage de Tyritaké donne à supposer qu'elle se rapporte précisément à cette ville.

М. И. АРТАМОНОВ

САРКЕЛ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ УКРЕПЛЕНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ХАЗАРИИ

В описаниях Хазарии у арабских географов повторяются наименования целого ряда городов: Итиль, Семендер, Беленджер, Беганд, Кайшва, Хамлидж, Бейда (Ал-Мукаддаси) и др. Однако местоположение большинства из них совершенно неизвестно. Объясняется это, конечно, не особыми трудностями разыскания хазарских городов, а тем, что поиски их велись только кабинетным путем, а в поле не производились. До сих пор поэтому мы не знаем действительного местоположения и остатков древнейшей столицы хазар — Семендера и должны судить о ней лишь по кратким описаниям арабских географов, изображающих этот город в виде очень большого поселения, состоящего из деревянных, крытых камышом домов и хижин и окруженного садами и виноградниками. Находился Семендер где-то в северном Дагестане, на границе со степью, причем наименование «Беленджер», точнее «Болгар», было, повидимому, вторым его именем, а вместе с тем названием страны, в которой он находился, и народа, которому принадлежал. [1] Не больше нам известно и о другой, позднейшей столице Хазарского каганата — Итиле, находившейся при устье р. Волги и состоявшей из нескольких частей или городов со своими названиями, которые иногда фигурируют в общем значении, заменяя название Итиль. Хазарский царь Иосиф в своем письме к испанскому сановнику еврею Ибн-Шафруте следующим образом описывает свою столицу: «я живу у этой реки [Итиль — Волга]... у меня есть в моем царстве три города. В одном живет царица со своими прислужниками и евнухами. Длина и ширина его с пригородами и примыкающими к нему деревнями составляет 50 на 50 фарсахов и живут в нем иудеи, исмаилитяне и христиане; проживают в нем также и другие народы из других племен. Второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я со своими князьями, рабами и всеми приближенными служителями. Он невелик и занимает в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между стенами тянется (в ту и другую сторону) река». [2] Это описание Итиля подтверждается и несколько дополняется сведениями о нем у арабских писателей. Так, Масуди говорит, что Итиль построен на двух берегах реки, посреди которой находится остров, а на нем дворец царя, причем остров соединен с одним из берегов реки мостом. [3] Другие арабские писатели отмечают только две части города, а именно находящуюся на западном берегу реки, где живут царь и его вельможи, и восточную, занятую купцами. [4]

[1] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар Соцэкгиз, 1936, стр. 90 сл.

[2] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. АН СССР, 1932, стр. 84—85.

[3] Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, XXXVIII, стр. 43.

[4] Д. Хвольсон. Известия Ибн-Дасты. СПб., 1869, стр. 59.

По словам Ал-Мукаддаси, Итиль был большой город, но с разбросанными строениями. Жилища в виде палаток были выстроены из дерева и войлока, за исключением немногих зданий, сооруженных из глины. Только замок правителя был возведен из обожженного кирпича. Город был обнесен стеной с четырьмя воротами, одни из них были обращены к реке, другие — к сухой, бесплодной степи. [1]

Впредь до специальных исследований на месте мы не можем дополнить и уточнить эту общую картину хазарской столицы. Отметим только, что западная часть ее называлась Сарашен или, по чтению Маркварта, Сарыгшар — желтый город, что соответствует другому названию Бейда — белый, так как сары на турецких диалектах значит и «белый». [2] Восточная торговая часть города по Ибн-Хаукалю называлась Хазеран. Одним из названий Итиля был, повидимому, и Хамлидж, так как Ибн-Хордадбег этим именем называет столицу хазар на Волге. [3] По Ибн-Русте, наименование Хабнела, с которым Н. А. Караулов отожествляет Хамлидж, носил город, находившийся рядом с Сарашеном. [4] Это, действительно, одно из имен восточной половины Итиля или же той особой его части на острове, где находился замок кагана. По Хвольсону, вместо Хабнела надо читать Хан-балык, т. е. ханский город, [5] что, по мнению Маркварта и Вестберга, совершенно невероятно [6].

У позднейших арабских писателей появляются новые наименования для обозначения того же города, который ранее в целом именовался Итилем. Вестберг убедительно доказал, что Саксин, который Хвольсон искал на р. Урале, [7] находился там же, где и Итиль, что это другое название того же города. К нему же, точнее к разным его частям, относятся названия Бузкенд и Йдшкенд, упомянутые у Ахмета Тусского. «Город Саксин, — заключает Вестберг, — тожествен с Итилем, столицею хазар, а саксины покрывают хазар». Два других названия частей этого города он производит от имен рукавов Волги: Пузан или Бузан, откуда Бузкенд, и В(а)ршан или Удшан, откуда Йдшкенд. [8] Эти названия волжских притоков упомянуты в письме кагана Иосифа. [9] В связи с этими отожествлениями Вестберг полагает, что Итиль находился приблизительно в 10 верстах выше Астрахани на так называемом Шареном бугре, самое название которого ему кажется происходящим от слова s-h-r — город. [10]

Как известно, в местности Шареные бугры неоднократно производились археологические исследования, но ничего указывающего на существование здесь поселения еще в хазарскую эпоху не было обнаружено. Может быть, это обстоятельство следует объяснить неумением отличать предметы хазарского времени от остатков татарской эпохи. Во всяком случае, не может быть, чтобы следы обширной хазарской столицы совершенно не сохранились. Они до сих пор не найдены только потому, что их надлежащим образом не искали.

Нельзя не отметить, что поиски хазарских памятников затрудняются тем, что мы до сих пор не знаем их признаков. Даже по случайным находкам пока что не определился тот комплекс вещественных остатков, который

---

[1] Н. А. Караулов, ук. соч., стр. 4.

[2] J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 1 сл.

[3] Н. А. Караулов, ук. соч., СМОМПК, XXXII, стр. 17.

[4] Там же, стр. 45. — Д. Хвольсон, ук. соч., стр. 17.

[5] Д. Хвольсон, ук. соч., стр. 61.

[6] J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, стр. 90. — Ф. Вестберг. К анализу восточных источников. ЖМНП, 1908, март, стр. 14.

[7] Д. Хвольсон, ук. соч., стр. 63—67.

[8] Ф. Вестберг, ук. соч., стр. 37, 41.

[9] П. К. Коковцов, ук. соч., стр. 86, 102—103.

[10] Ф. Вестберг, ук. соч., стр. 39.

может принадлежать хазарам, а предметы, относящиеся к эпохе Хазарского царства, полностью относят к другим народам, существовавшим вместе с хазарами или на ряду с ними или даже в составе их государства. Для примера укажу на памятники так называемого салтовско-маяцкого типа, относящиеся, без сомнения, ко времени существования Хазарского царства, находящиеся на территории, по всем данным подвластной хазарам, и, тем не менее, отнесенные большинством исследователей не к хазарам, а к аланам-ясам или осетинам, в виду сходства с ними памятников центральной части Северного Кавказа, частично и ныне занятой осетинами. В результате Хазарское царство, представлявшее, безусловно, важнейшее явление в политической и культурной истории нашей страны, в виду недостаточности письменных источников и отсутствия связывающихся с хазарами вещественных памятников, продолжает оставаться мало изученным и недооцененным в своем историческом значении. С этой точки зрения остатки города Саркела, единственного пока из хазарских городов известного нам не только по названию, представляют исключительный интерес как памятник, безусловно, хазарской принадлежности.

Название города «Саркел» вовсе не встречается в сообщениях арабских географов; оно известно по упоминанию в письме хазарского царя Иосифа. [1] а в особенности по рассказу византийского императора Константина Багрянородного. Последний в своем сочинении «О народах» пишет: «С низовьев реки Дуная насупротив Дистры начинается Печенегия, и область их поселения простирается до хазарской крепости Саркела, в которой сидят ежегодно сменяемые воинские отряды в триста человек. Название „Саркел" объясняется у них (у хазар), как „белый дом". Он был построен спафарокандидатом Петроною, по прозванию Каматир, когда хазары попросили императора Феофила построить им эту крепость, ибо каган и бек Хазарии, отправив послов к царю Феофилу, попросили построить им крепость Саркел. Царь, согласившись на их просьбу, послал им вышеназванного спафарокандидата Петрону с судами царского флота и суда катапана пафлагонского. И вот Петрона, прибыв в Херсон, нашел там суда и, посадив людей на транспортные суда, отправился к тому месту р. Танаида, где намерен был строить крепость. Так как на месте не было камня, годного для постройки, то он, устроив печи и обжегши в них кирпич, воздвиг из него крепостные строения, причем известь вырабатывал из мелких речных голышей... Так состоялась постройка крепости Саркела». [2]

Из этого рассказа следует, что для построения крепости на Дону — Саркела — хазары обратились за содействием к своей союзнице Византии и что крепость эта была выстроена под руководством византийского военачальника — спафарокандидата Петроны Каматира — из обожженного кирпича.

Время построения Саркела у Константина Багрянородного определяется указанием на императора Феофила, удовлетворившего просьбу хазар о построении им крепости. Он царствовал с 829 по 842 г. У Кедрина рассказ об этом событии помещен под 834 г., а у продолжателя Феофана — перед сообщением о походе Феофила против сарацин, время которого определяется 837 г., что в известной мере подкрепляет дату Кедрина. Хотя оба последних автора заимствовали свои сведения о построении Саркела у Константина Багрянородного, который года миссии Петроны не указывает, у нас нет оснований заподозрить точность хронологического приурочения у первого и правильность в передаче последовательности событий у второго. Соображения, посредством которых Ф. И. Успенский пытался обосновать перенесение даты сооружения Саркела с IX на X в., не выдерживают критики.

[1] П. К. Коковцов, ук. соч., стр. 102.

[2] Известия византийских писателей о северном Причерноморье. ИГАИМК, вып. 91, стр. 20 — О фемах и о народах, пер. Ласкина, М., 1899 стр. 149, 150.

По мнению этого историка, византийцы не могли строить крепостей для варваров, так как они это искусство тщательно сберегали для себя. Поэтому если Саркел был действительно сооружен византийскими инженерами, то не для хазар, а для Византии, для защиты ее владений в Крыму, для связи с ее союзниками против хазар — аланами — и для закрепления ее власти на нижнем Дону. Петрону Каматира Ф. И. Успенский отожествляет с инженером Петроной, известным по рассказу Иоанна Комениата о защите Солуни от арабов в 904 г. К тому же году он относит экспедицию этого Петроны на Дон для построения Саркела, полагая, что это была та самая экспедиция, которая по указанию Николая Мистика имела целью создать угрозу для печенегов, союзников болгар, воевавших с Византией.

Не ограничиваясь этими более чем сомнительными допущениями, Ф. И. Успенский приписывает Петроне авторство сохранившихся в отрывках путевых записок, известных под наименованием «Записки готского топарха», приурочивая их содержание к тому же 904 г. Этот год, по его мнению, совершенно точно определяется на основании астрономических вычислений, произведенных по содержащемуся в записках описанию прохождения Сатурна через созвездие Водолея. Упомянутые в записках Климаты оказываются не в Крыму, а на Дону, а царствующий на север от Дуная — царем болгарским Симеоном. [1]

Чересчур тонкое построение Ф. И. Успенского получило саркастическую оценку со стороны В. Г. Васильевского [2] и не было принято в науке. Тем не менее пройти мимо него невозможно, так как некоторое влияние на суждение о Саркеле оно все же оказало, отразившись, в частности, на оценках хронологии вещественных памятников, происходящих из Цимлянского левобережного городища.

С точки зрения Ф. И. Успенского, построение Саркела следует относить не к 834 г., а к самому началу X в. — к 904 г., т. е. не к царствованию Феофила, а ко времени Льва VI Философа, несмотря на то, что в рассказе Константина Багрянородного дважды упомянут именно Феофил. Это последнее обстоятельство Ф. И. Успенский очень неловко отводит предположением, что «феофилос» здесь не собственное имя, а только эпитет «любимый богом», который будто бы прилагался к византийским императорам и мог заменять их собственные имена.

Важнейшим основанием для домыслов Ф. И. Успенского является мнимое противоречие у Константина Багрянородного между рассказом о построении Саркела для хазар и упоминанием этой крепости в другом месте (в 11-й главе) на ряду с несомненными византийскими владениями. У Константина Багрянородного действительно сказано, что аланы могут препятствовать движению хазар к Саркелу, Климатам и Херсону. Непосредственно вслед за этим Константин Багрянородный добавляет, что при дружеском содействии алан Херсон и Климаты могут не бояться хазарских нападений. [3]

Совершенно ясно, что упоминание Саркела перед этим отнюдь не означает принадлежности его к составу византийских владений. Он указан здесь только для определения пути хазар, который может быть перерезан аланами. Основываясь на этом указании, Саркел следует рассматривать не как византийскую крепость, а в качестве важнейшего опорного пункта хазар при их военных действиях против крымских Климатов и Херсонеса.

---

[1] Ф. И. Успенский. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX—X вв. Киевская старина, 1889, май — июнь, стр. 253 сл.

[2] В. Г. Васильевский. О построении крепости Саркел. ЖМНП, 1889, октябрь, стр. 273 сл.

[3] Известия византийских писателей о северном Причерноморье. ИГАИМК, вып. 91, стр. 11.

Но если это так, то участие Византии в построении этой крепости более чем странно.

Однако странным участие Византии в сооружении Саркела кажется только на первый взгляд. Из советов Константина Багрянородного своему сыну, предусматривающих возможность войны с хазарами, отнюдь не следует заключать о враждебных отношениях между Хазарией и Византией. Наоборот, до X в. Византия поддерживала дружеские, союзные отношения с Хазарским каганатом. Византия была заинтересована в военном могуществе Хазарии как союзницы против общего врага — арабов, с одной стороны, и как в надежном оплоте против кочевых племен евразийских степей — с другой. В IX в. дружеские связи Византии с Хазарией были особенно крепки. В конце этого столетия хазары выступили на стороне Византии в борьбе с болгарами, которые тщетно пытались поднять против хазар венгров.

Повидимому, еще задолго до IX в. власть хазар распространилась не только на приднепровские степи, но и на прилегающие к ним с севера области, занятые славянскими племенами. В связи с опасностью, возникшей для этих северо-западных владений Хазарского царства, повидимому, и явилась необходимость в построении Саркела как опорного пункта на главном пути из Хазарии на запад. С этой точки зрения участие Византии в постройке хазарской крепости вполне понятно, так как контроль дружественной Хазарии над беспокойными племенами Причерноморья был выгоден для Византии, ибо он обеспечивал безопасность границ самой империи.

Во время Константина Багрянородного степи к западу от Дона были заняты сильными и многочисленными племенами печенегов, на границе с которыми Саркел оказался настолько кстати, что Кедрин самое построение Саркела объясняет необходимостью защиты от печенежских набегов.

Вопреки этому указанию обычно полагают, что Саркел был выстроен раньше появления печенегов в северном Причерноморье, тогда когда хозяевами степей были не они, а венгры-мадьяры. Время и обстоятельства поселения венгров в причерноморских степях неизвестны. Из своего прежнего местожительства к востоку от Волги мадьяры, повидимому, были вытеснены печенегами, которые и в дальнейшем продолжали теснить их на Запад. Время вторжения печенегов в причерноморские степи также точно не известно. Константин Багрянородный говорит о 50—55-х годах их пребывания в стране, занятой ранее мадьярами, но имеет в виду последнее местопребывание мадьяр в Причерноморье перед выселением их в нынешнюю Венгрию в самом конце IX в. [1] По словам этого писателя, печенеги напали в первый раз на мадьяр в Лебедии, где последние прожили вместе с хазарами всего три года. Мадьяры бежали на правый берег Днепра в Ателькузу.

Для вопроса о времени появления печенегов в Причерноморье и переселения мадьяр в Ателькузу имеет значение сообщение византийских хроник об участии последних в делах Дунайской Болгарии во второй четверти IX в. У Георгия Амартола и некоторых других византийских авторов имеется рассказ о том, как македонские пленные, захваченные болгарами в 813 г. в Адрианополе в количество 12 000 человек и поселенные ими на северной стороне Дуная, возмутились с целью вернуться на родину на судах, присланных за ними из Византии. Болгары, пытавшиеся им воспрепятствовать, были отбиты и, не имея возможности переправиться на северный берег Дуная к восставшим, обратились за помощью в обуздании непокорных к уграм (мадьярам), которые и напали на македонских греков. С своей сто-

[1] Известия византийских писателей о северном Причерноморье. ИГАИМК, вып. 91, стр. 15.

роны греки обратили и их в бегство и благополучно вернулись на родину. Весь этот рассказ приводится летописцами потому, что он имеет отношение к византийскому императору Василию Македонянину, который был в болгарском плену вместе со своими родителями и вернулся оттуда при императоре Феофиле (829—842) 25-летним молодым человеком. Хотя точная дата возвращения македонян из болгарского плена неизвестна, приблизительно время этого события определяется 30-ми годами IX в. В это время мадьяры жили поблизости от Дуная, т. е., очевидно, находились уже в стране Ателькузу. Следовательно, изгнание их из Лебедии и появление там печенегов надо относить к еще более раннему времени, по меньшей мере к началу 30-х годов того же века.

Если это так, то построение Саркела в 835 г скорее всего следует связывать с борьбой хазар не с мадьярами, а с печенегами. Впрочем и появление мадьяр по соседству с хазарами в Лебедии было немногим древнее вторжения сюда печенегов. По данным Константина Багрянородного, мадьяры прожили вместе с хазарами, т. е. в Лебедии, всего 3 года. Если это так, то поселение здесь мадьяр произошло не раньше конца 20-х годов IX в. Из сообщения того же автора известно, что хазары и мадьяры находились в дружественных отношениях; мадьяры были союзниками хазар, что также может служить доводом в пользу предположения, что Саркел был построен не против мадьяр, а против печенегов.

По сообщению Ибн-Русте, хазары, опасаясь мадьяров, окапывались против них рвами, [1] т. е. строили для защиты от них укрепления. Однако это сообщение находится в противоречии с другими сведениями о взаимоотношениях мадьяр и хазар.

Как бы то ни было, вероятнее всего предположить, что Саркел был построен против появившихся в причерноморских степях кочевников, одинаково опасных как для хазар, так и для Византии, почему Византия и не отказала своим союзникам-хазарам в помощи при сооружении опорной крепости для борьбы с общим врагом.

О местоположении Саркела высказывались различные предположения. Одни хотели его искать в месте наибольшего сближения Дона с Волгой, возле ст. Качалинской (Карамзин), другие помещали его на месте г. Черкасска (Лерберг), третьи даже не на Дону, а на берегу Азовского моря, на месте г. Мариуполя на Белосарайской косе (Брун) и т. д. [2]

Истинное местоположение этой хазарской крепости впервые было не только указано, но и доказано в работе Х. И. Попова. [3] Она помещалась на левом берегу Дона вблизи станицы Цимлянской у хутора Попова, где доныне сохранились ее остатки в виде значительного городища с признаками, полностью соответствующими описанию Саркела у Константина Багрянородного.

Произведенные здесь В. И. Сизовым и Н. И. Веселовским раскопки, [4] а в особенности случайные находки в процессе добывания из городища местными жителями строительного материала, доставили значительное количество вещей, которые дали повод определить этот пункт в качестве русского города XI в. и тем самым вновь возбудили сомнения в тожестве его с Саркелом или же в дате построения крепости в IX в.

С целью окончательного разрешения этих сомнений, с одной стороны, а с другой — в порядке обследования древних поселений на Дону, ГАИМК

---

[1] Д. Хвольсон, ук. соч., стр. 27.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. 1935, стр. 81, прим. 4.

[3] Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел? Тр. IX АС, т. I, стр. 271.

[4] В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской ст. Тр. VI АС, т. IV. — ОАК за 1882—1888 гг., стр. CLXXVII.

в 1927—1929 г. были произведены разведочные работы, в результате которых принадлежность левобережного Цимлянского городища Саркелу подтвердилась. [1] В 1934 г. были начаты систематические раскопки этого городища. За три года работ накопился большой материал, позволяющий составить об этом памятнике довольно отчетливое представление как в отношении его первоначального вида, так и его истории.

Саркелское городище, как мы будем называть левобережное Цимлянское городище, находится на левом берегу Дона возле хутора Попова,

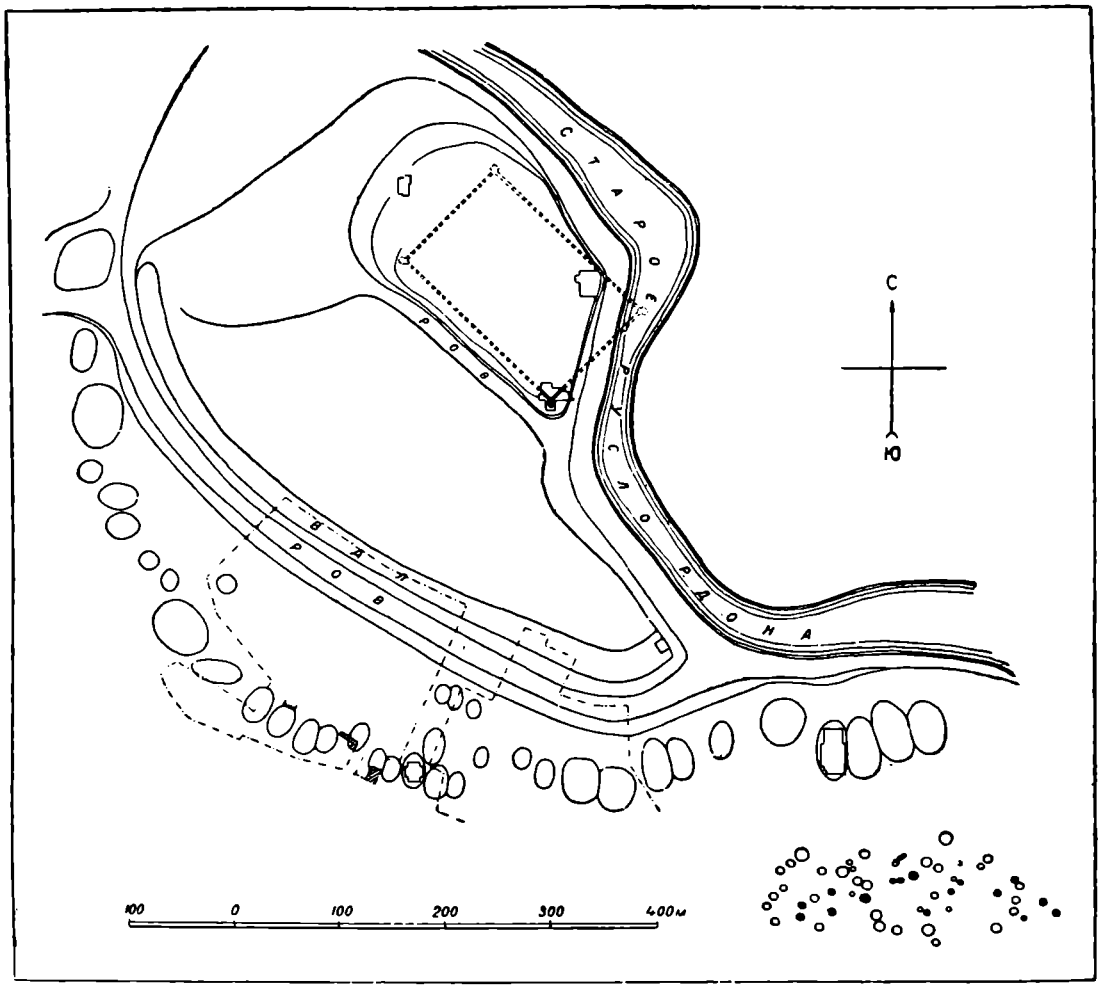

Рис. 1. План Саркелского городища и могильника.

ныне в Романовском районе Ростовской на Дону области. Оно расположено на невысоком коренном берегу речной долины, не менее чем в 4 км от современного русла реки. Однако в древности русло реки находилось возле самого городища и омывало берег, на котором оно было расположено (рис. 1). От древнего русла Дона здесь сохранились следы в виде ряда небольших озер и ложбин, покрытых зарослями камыша, — куги. Та часть берега, где была устроена крепость, представляет широкий мыс, образованный изгибом реки. Этот мыс от остальной площади берега отрезан широким и глубоким рвом, в котором и теперь долго держатся весенние воды, и расплывшимся валом, в юго-восточной части деформированным позднейшим использованием для погребений (рис. 2 и 3). Площадь городища, огражденная рвом и валом, занимает не менее 18 га, но, судя по распространению куль-

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону, 1935.

турного слоя, она была заселена далеко не полностью (рис. 1). Остатки построек и вообще следы жизни людей, отложившиеся в так называемом «культурном слое», сосредоточены на оконечности огражденного указанными укреплениями мыса и занимают немного более 3 га. Эта часть довольно значительно (до 2 м) возвышается над остальной площадью городища и

Рис. 2. Средняя часть вала.

имеет в плане форму трапеции, вытянутой с ЮВ на СЗ, причем скошенная восточная и северо-восточная стороны ее образованы поворотом древнего русла реки, северо-западная постепенно переходит в пойменную низину, а юго-западная, самая длинная сторона, очерчена вторым широким рвом, хотя и сильно заплывшим, но еще прослеживаемым в юго-восточной его части, а в противоположном конце сливающимся с низиной. Возвышенность в этой части городища не естественного происхождения, а образовалась

Рис. 3. Восточная оконечность вала.

в результате разрушения находившихся здесь построек, скопления большого количества кухонных отбросов и прочих остатков жизни и деятельности людей. Именно в этой части городища производились раскопки как в прежнее время В. И. Сизовым и Н. И. Веселовским так и в последние три года Саркелской экспедицией ГАИМК.

Уже на основании старых раскопок Сизова и Веселовского, а также случайных находок, можно было заключить, что в пределах внутреннего укрепления Саркелского городища существовало небольшое, но тесно

застроенное поселение, в составе сооружений которого были не только деревянные или глиняные, но и кирпичные постройки и даже здания с мраморными колоннами и капителями. Было известно, что эта часть городища, кроме рва, была ограждена кирпичной оборонительной стеной. Однако никаких заслуживающих доверия подробностей ни об устройстве оборонительных сооружений, ни о постройках внутри укреплений известно не было. На основании находок различных вещей в городище можно было заключить о существовании поселения с IX по XII в., но какие изменения оно за это

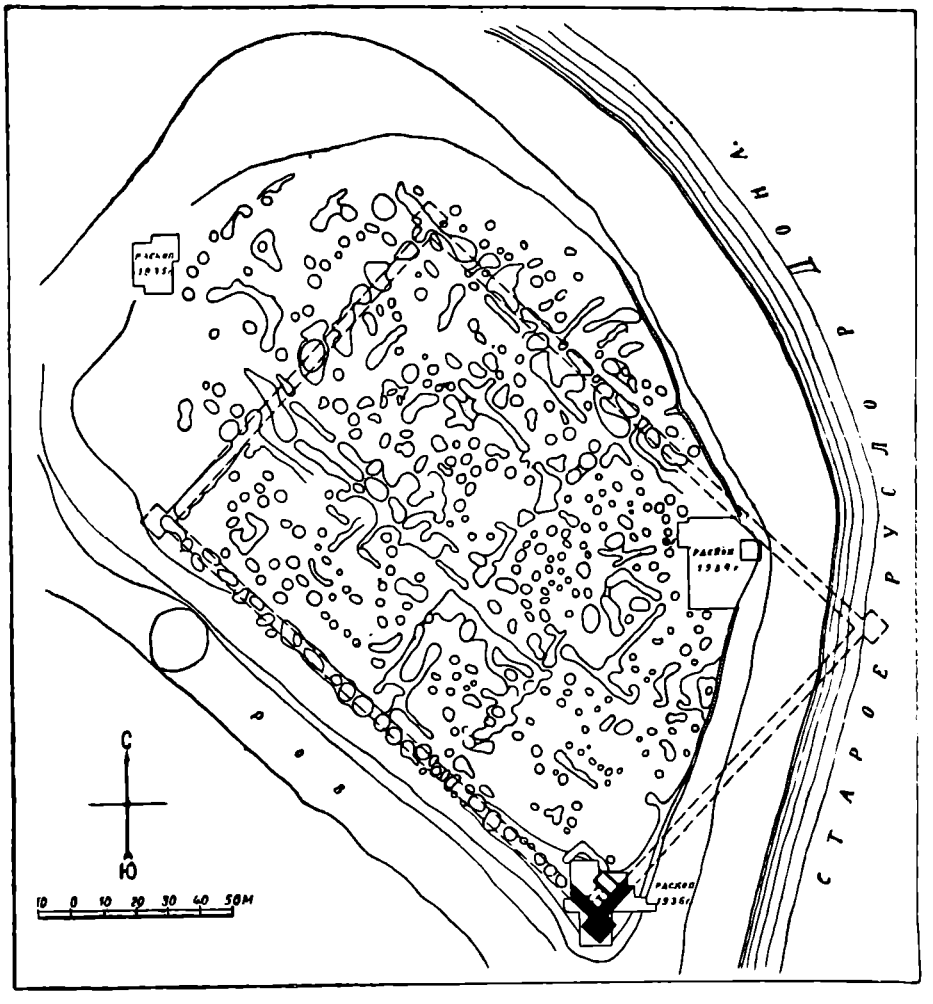

Рис. 4. План основной части городища.

время претерпело, оставалось невыясненным. Раскопки 1934—1936 гг. до некоторой степени восполнили этот пробел.

Саркелская экспедиция ГАИМК исследовала внутреннее укрепление городища в трех местах широкими, большими площадями (рис. 4). Один раскоп был заложен с северо-восточной стороны городища, на краю возвышенности, примыкающей к реке, другой — в северо-западном конце, там, где возвышенность пологим скатом переходит в пойменную низину, и третий — в южном углу возвышенности, там, где ограничивающий ее ров соединяется с долиной реки. В итоге раскопок, а также изучения расположения ям, в большом количестве видных на поверхности возвышенной (рис. 5), т. е. заселенной части городища и обязанных своим происхождением хищническим раскопкам с целью добывания кирпичей из остатков древних построек, оказалось возможным установить, что оборонительные кирпичные стены обводили не всю площадь возвышенной части городища

(рис. 4). От южного угла ее стена шла вдоль края рва на протяжении 180 м, а затем под прямым углом поворачивала к СВ и пересекала поперек внутреннюю, ныне возвышенную, часть городища. Недалеко от берега реки стена опять под прямым углом, поворачивала к ЮВ и шла параллельно со стеной, находившейся с противоположной стороны возвышенности, вдоль рва. Следы стены с северо-восточной стороны, а равным образом стены от южного угла крепости, направляющейся на СВ, не соединяясь между собой, подходят к краю возвышенности по берегу реки.

Без сомнения, кирпичная крепость имела форму вытянутого с ЮВ на СЗ прямоугольника, длина которого определяется протяжением юго-западной стены вдоль рва в 180 м, а ширина размерами северо-западной поперечной стены, имеющей 125 м длины. Восточный угол этой крепости не сохранился, но место его легко устанавливается мысленным продолжением юго-восточной и северо-восточной стен до их пересечения под прямым углом. В настоящее время место, где находился восточный угол крепости, приходится над водой небольшого озера, огибающего городище с восточной сто-

Рис. 5. Ямы на поверхности городища. Северный угол крепости.

роны и являющегося остатком старого русла реки. Восточный угол крепости вместе с частью берега, на котором он находился, смыт рекою и притом на довольно значительном расстоянии: смыто не менее 50 м северо-восточной и 100 м юго-восточной оборонительных стен. Находка на дне озера большого количества как отдельных кирпичей, так и связанных известью в глыбы, дала повод к проникшим в литературу легендам о существовании на месте их нахождения кирпичной набережной и пристани, тогда как в действительности они являются остатками оборонительных стен, разрушенных вследствие размывания берега и очутившихся в воде.

Северо-западная часть возвышенности на краю мыса, занятого Саркелским городищем, находится вне крепостных стен, из чего следует, что в этом месте поселение выходило за пределы кирпичной крепости. Следует отметить, что ров, отделяющий возвышенную часть городища от остального пространства, ограниченного первой линией укреплений в виде вала и рва, хорошо прослеживается только вдоль юго-западной стены кирпичной крепости, а далее, возле поселения у ее северо-западной стены, теряется, сливаясь со склоном, переходящим в пойменную долину реки. Повидимому, и первоначально ров не следовал за стеною после ее поворота к СВ, а, продолжаясь на небольшое расстояние в старом направлении на СЗ, соединялся с речной долиной. Таким образом находящаяся вне стен кирпичной крепости часть поселения все же была отделена от незаселенной, большей

части городища рвом. Остается непонятным, почему кирпичными стенами было обведено не все пространство отрезанного вторым рвом мыса. Может быть потому, что северо-западная часть его была ниже остальной и представляла не горизонтально ровную площадь, а пологий склон к реке. Это обстоятельство не могло служить препятствием для поселения, — поскольку

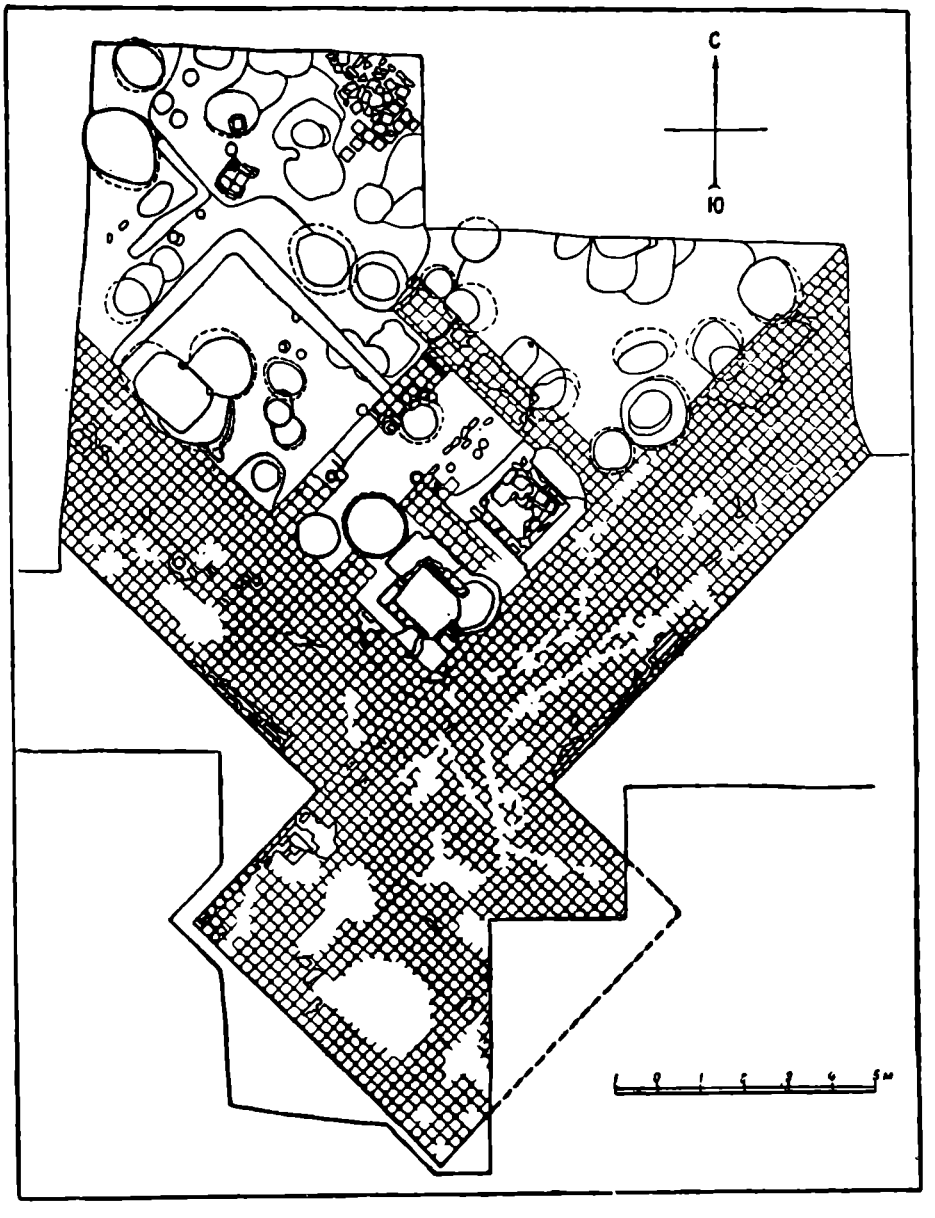

Рис. 6. План раскопа 1936 г. Южный угол крепости.

место все же не заливалось весенними водами и было защищено широким рвом, — но для возведения крепостных стен, которые строились без фундаментов, было неудобно.

Об устройстве кирпичных оборонительных сооружений довольно отчетливое представление можно составить по их частям, открытым в южном углу крепости при раскопках, произведенных специально для изучения остатков оборонительных стен (рис. 6). Следует заметить, что остатки кирпичных сооружений в городище подверглись основательному разрушению в сравнительно недавнее время при извлечении из него местным населением строительных материалов — кирпичей. Поэтому in situ уцелели только жалкие обрывки кирпичных кладок, но место стен при раскопках оказалось

возможным установить не только по этим остаткам кладок, но и по отпечаткам нижнего ряда кирпичей, оставшимся на поверхности материковой глины, на которой стены были основаны. Отпечатки эти настолько отчетливы, что позволяют составить вполне точное представление не только о размерах кладки в целом, но и о величине каждого кирпича нижнего ряда в отдельности, даже о толщине слоя извести между кирпичами (рис. 7).

Оборонительные стены, так же как и другие кирпичные постройки Саркела, были выстроены без фундамента на поверхности материковой глины, очищенной от покрывающего ее нетолстого слоя почвы, собственно даже только дернового покрова. Они были сложены из кирпичей квадратных и прямоугольных. Первые имеют около 24 см в стороне при толщине в 6 см, вторые представляют половинки первых при той же толщине. Кладка в основном возводилась из квадратных кирпичей; половинки употреблялись в ней

Рис. 7 Остатки крепостной стены и отпечатки первого ряда кирпичей на материковой глине.

для того, чтобы сдвинуть места швов между кирпичами так, чтобы они не приходились один над другим в соседних горизонтальных рядах кирпичной кладки. Кирпичи скреплялись раствором извести, слой которой между горизонтальными рядами кладки не превышал 3—4 см, тогда как в византийских постройках он обычно толще кирпичей. Насколько можно судить без специального анализа, применявшаяся для скрепления кирпичей известь имела очень малую примесь песку. Никаких других примесей, в частности обычного в византийской цемянке толченого кирпича, в ней не замечено. Стены саркелских построек возводились из одних кирпичей на извести, без характерного для византийской архитектуры чередования рядов кирпичной кладки с рядами камней. В заключение описания строительной техники и материалов отметим, что саркелские кирпичи в общем хорошо обожжены; среди них встречаются экземпляры больших по сравнению с описанными размеров, и также квадратные или в виде соответствующих им половинок. Самые большие кирпичи имеют 29—30 см в стороне при толщине до 7 см. Средние по величине кирпичи имеют в стороне 26—28 см.

На кирпичах изредка встречаются нанесенные по сырой, реже процарапанные по обожженной поверхности геометрические знаки, символические

фигуры и схематические изображения животных и человека. Судя по тому, что большая часть этих начертаний на кирпичах покрыта известью, надо полагать, что они наносились на кирпичи не для украшения построек, так как в готовой кладке их не было видно, а имели другое значение, будучи частью метками мастеров, а частью магическими и культовыми изображениями. Однако изредка встречаются начертания и чисто декоративного характера. Они находятся на больших кирпичах и не были закрыты известью, что может указывать на помещение этих кирпичей широкою поверхностью с изображением наружу, т. е. в качестве облицовки.

Знаки и изображения на саркелских кирпичах близко напоминают начертания на камнях Маяцкого городища, о котором речь будет ниже, а также на камнях и кирпичах древней столицы дунайских болгар Преславы (Абоба-Плиски), и вовсе не имеют соответствия в собственно византийских сооружениях. Следует отметить также, что размеры цимлянских кирпичей не совпадают с обычными в византийском строительстве; они, во-первых, много толще, а во-вторых, меньше их по размеру. В этом отношении саркелские кирпичи ближе к кирпичам татарских и болгарских построек на Волге, а через них к кирпичам Средней Азии.

В южном углу крепости при раскопках были открыты остатки большой угловой башни. Каждая сторона ее равнялась 7.90 м. По крайней мере нижняя часть ее имела сплошную кирпичную кладку. К этому весьма массивному сооружению примыкали оборонительные стены так, что внутренний угол их совпадал с внутренним углом башни. Толщина оборонительных стен, сложенных, как и башня, сплошь из кирпича, равнялась 3.70 м; башня таким образом выступала за стену более чем на 4 м (рис. 6).

На основании этих данных уже можно составить представление о мощи Саркелской крепости и об ее первоначальном внешнем облике. Надо думать, что в соответствии с толщиной стены возвышались не менее чем на 6—7 м от поверхности почвы, а башни, может быть, еще выше. И те и другие по существовавшему тогда обыкновению, без сомнения, были увенчаны зубчатым парапетом. По данным раскопок и по расположению хищнических ям, можно с полной уверенностью полагать, что башни, подобные открытой в южном углу крепости, имелись и по трем остальным ее углам (рис. 1 и 4). Надо думать, что вдоль каждой из стен было, кроме того, еще по несколько башен, но, вероятно, меньшей величины, чем угловая. Однако размеры их, формы и количество пока остаются невыясненными. Неизвестно также, где находились ворота, ведущие в крепость. По всей вероятности, они были устроены в северо-западной стене крепости, там, где к ней примыкает небольшой, но густо застроенный участок, находившийся за пределами внутреннего укрепления. Кроме расположения поселения вне кирпичной крепости возле ее северо-западной стены, о нахождении в этой стене ворот свидетельствуют большие ямы, имеющиеся вблизи середины линии поперечной стены и указывающие на местонахождение здесь значительного кирпичного сооружения, каким и могла быть воротная башня. На то же указывает расположение построек внутри крепости, прослеживаемое по ямам, сделанным при извлечении кирпичей из городища. Похоже на то, что они группировались по сторонам улицы, идущей от места предполагаемых ворот к центру крепости.

По неоднократно уже упомянутым хищническим ямам на поверхности городища, по своему расположению и формам, приблизительно соответствующим местоположению и размерам построек, а также по данным раскопок, совершенно несомненно, что, кроме стен и башен, в Саркеле были и другие кирпичные сооружения. Несколько таких сооружений находилось по сторонам указанной улицы. Большой комплекс помещался приблизительно у середины юго-западной оборонительной стены. Следы какого-то большого здания прослеживаются в центральной части крепости. Указания на

небольшие постройки имеются и в других частях городища (рис. 4). В середине крепости, быть может, помещалась церковь. О возможности наличия ее в Саркеле свидетельствуют находки мраморных колонн и капители с крестом, причем по характеру этих архитектурных остатков можно думать, что они принадлежали купольному зданию. К сожалению, составить отчетливое представление о кирпичных постройках внутри крепости, об их размерах, плане и назначении впредь до более значительных раскопок только по расположению ям, посредством которых было закончено разрушение кирпичных зданий Саркела, — совершенно невозможно.

Открытые до сих пор остатки кирпичных сооружений внутри крепости слишком незначительны, чтобы на основании их можно было с полной уверенностью судить о кирпичных сооружениях в целом. Но сами по себе они интересны, и некоторые заключения по истории города на основании их сделать можно (рис. 8). Остатки кирпичных сооружений были обнаружены в южном углу крепости. В 5.15 м от южного угла параллельно к юго-западной оборонительной стене была открыта стена, сохранившаяся более чем на 4 м в длину и 0.90 м в вышину (рис. 9). В ширину она имела 0.90 м и была сложена из $3^1/_2$ кирпичей. Юго-восточный конец сохранившейся кладки находился в 2.60 м от юго-восточной оборонительной стены, причем несомненно, что первоначально описанная кладка, продолжаясь до внутренней стороны этой оборонительной стены, примыкала к ней под прямым углом. Между оборонительной стеной и кирпичной кладкой на земле сохранились отпечатки кирпичей, по направлению и ширине вполне соответствующие этой стене. Так как с противоположного конца кирпичная кладка разрушена глубокими ямами, уничтожившими даже следы ее на материке, первоначальную длину стены, остатком которой она является, оказалось возможным установить только по двум гнездам (рис. 10) для концов балок, находящимся с северо-восточной стороны сохранившейся кладки на высоте 0.50 м от основания и в 3.30 м от северо-восточной оборонительной стены. Возле гнезд были обнаружены следы деревянных балок и досок настланного на них пола. Полагая, что балки, на которых был настлан пол, находились посредине стены, можно установить, что длина этой стены внутри помещения равнялась приблизительно 7 м. Нет сомнения, что это была наружная стена здания, внутри которого находился деревянный пол, т. е. здания, по всей вероятности, жилого. Общие размеры этого здания, к сожалению, установить не удалось как в виду плохой сохранности его остатков, так и недостаточной величины раскопа. По разным признакам, а в особенности по расположению хищнических ям, все же ясно, что помещение с сохранившимися остатками деревянного пола было небольшим; при указанной длине в 7 м

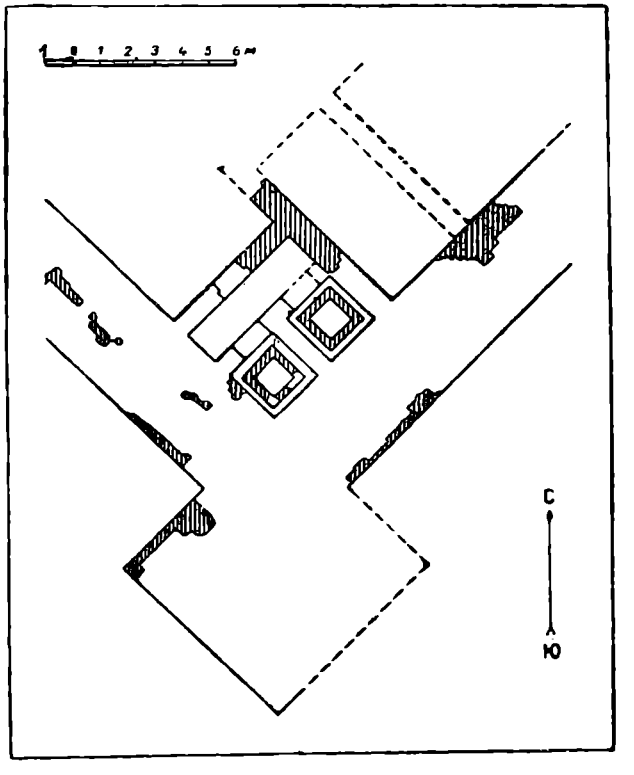

Рис. 8. Схема кирпичных сооружений в южном углу крепости.

оно имело в ширину всего около 3 м и являлось частью большого здания, отделенной внутренней стеной.

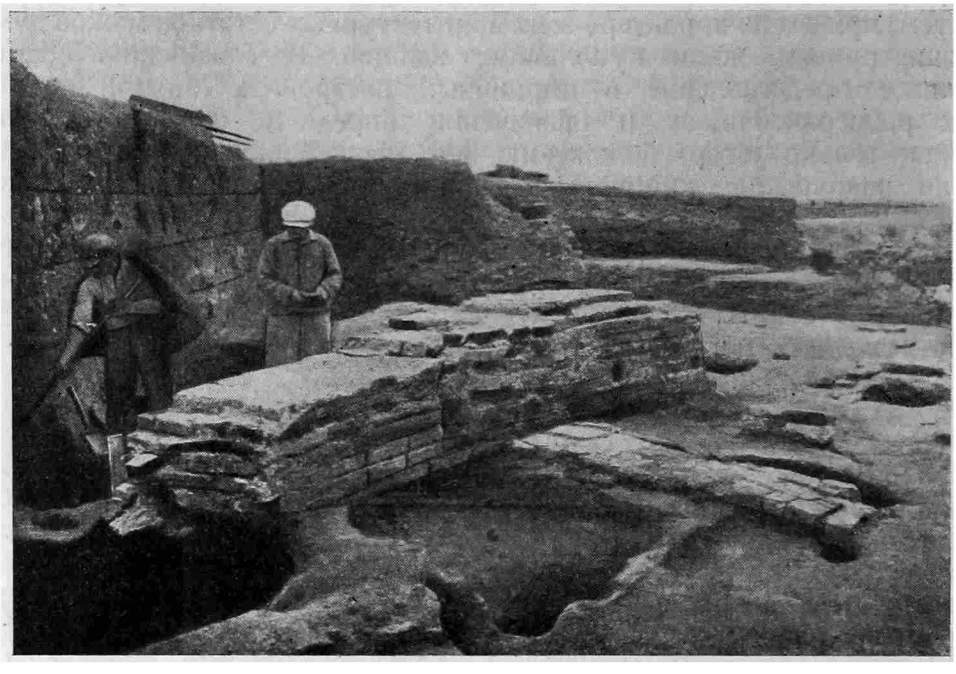

Рис. 9. Юго-западная сторона стены жилого помещения внутри крепости.

Пространство в самом углу крепости между описанным выше зданием и юго-западной оборонительной стеной было занято двумя смежными, разделенными кирпичной стенкою помещениями. Они расположены вдоль

Рис. 10. Северо-восточная сторона стены жилого помещения внутри крепости.

северо-восточной оборонительной стены так, что эта стена, юго-западная оборонительная стена и наружная стена описанного выше здания составляли три наружные стены этих помещений (рис. 6 и 11). В каждом из этих поме-

щений находилось по квадратной яме с облицованными кирпичом стенками и глиняным дном (рис. 12 и 13). Каждая из сторон ям имела в длину от

Рис. 11. Угол крепостной стены с башней и подвальные помещения.

1.10 до 1.30 м; размер камер, в середине которых они помещались, — 2.30 × 2.50 м; глубина ям равнялась 1.30 м. Пол камер по сторонам ям был залит толстым слоем извести. Над одной из ям частично уцелело пло-

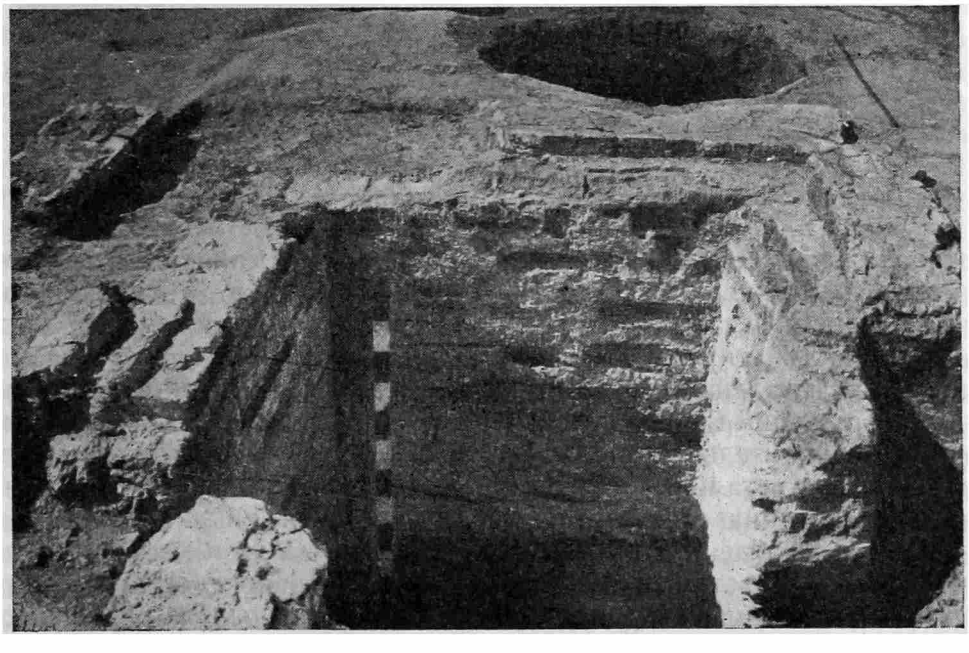

Рис. 12. Кирпичное подвальное помещение № 1.

ское перекрытие из крупных квадратных кирпичей, устроенное, повидимому, на деревянных переводах. С северо-западной стороны вдоль камер находился узкий в 1.20 м коридор, в который вела одна дверь в наружной стене и две двери во внутренней стене, соединявшие его с камерами. Общие

размеры описанного помещения — 5.30 м с СВ на ЮЗ и 4.40 м с ЮВ на СЗ. Все составляющие его стены, кроме тех, между которыми оно построено, относительно тонкие, всего в $2^1/_2$ кирпича или 0.70 м. При исследовании камер и ям не найдено никаких указаний на их назначение. По всей вероятности, это была кладовая, но для хранения каких предметов — неизвестно.

Описанные кирпичные здания вне всякого сомнения выстроены одновременно и вместе с оборонительными сооружениями, так как кладки всех их связаны между собой Повидимому, и другие кирпичные постройки, находившиеся внутри крепости, сооружены вместе с ними, все они в целом представляют тот первоначальный Саркел, для построения которого хазары пригласили византийских инженеров.

По находкам, сделанным во время раскопок, можно заключить, что кирпичная крепость с находившимися внутри ее зданиями была построена на пустом, ранее не заселенном месте, а также, что количество населения

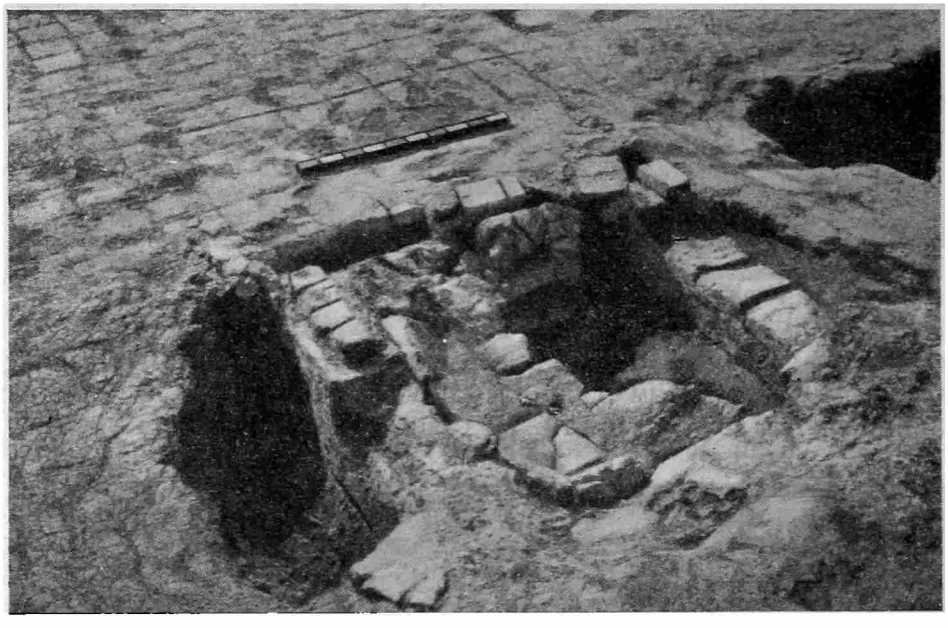

Рис. 13. Кирпичное подвальное помещение № 2 с перекрытием.

в первоначальном Саркеле было невелико. Об этом свидетельствует малочисленность найденных предметов, относящихся к IX в., а равным образом наличие больших незастроенных и незаселенных пустырей между кирпичными постройками внутри крепости. В раскопе 1934 г в восточном крае городища, охватывавшем площадь более 600 кв. м, из кирпичных первоначальных сооружений Саркела была открыта только небольшая часть северо-восточной оборонительной стены, попавшая в северо-восточный угол раскопа. На всем остальном пространстве этого раскопа, довольно значительном по сравнению с общими размерами крепости, никаких следов сооружений IX в. не найдено. Так как с поверхности на этом месте не было заметно ям, свидетельствующих о хищнической разборке остатков кирпичных стен, можно полагать, что и в других довольно обширных участках внутри крепости с аналогичным характером поверхности, кирпичных построек не было Для того чтобы это заключение было понятно, необходимо добавить, что вся поверхность городища изрыта небольшими ямами с целью извлечения кирпичей, но в тех местах, где копавшие натыкались на стенки древних зданий, эти ямы расширялись в соответствии с формами и размерами разбираемой постройки (рис. 4). Судя по громадному количеству ям на поверхности городища, можно быть уверенным, что в поисках кирпичей

не были пропущены остатки ни одной из построек древней крепости. Следовательно, расположение и характер ям на поверхности городища дают достаточно оснований для суждения о степени застроенности крепости кирпичными зданиями.

Итак, внутри крепости первоначально находилось только некоторое количество кирпичных зданий, построенных вместе с оборонительными стенами и занимавших далеко не все огражденное последними пространство. Место в крепости, не занятое кирпичными зданиями, оставалось пустым. Очевидно, что в начале Саркел был только крепостью со зданиями для помещения гарнизона и со складами для хранения различных запасов. Постоянного гражданского населения в ней первоначально, судя по всему, не было.

Сделанные при раскопках находки подтверждают сообщение Константина Багрянородного о построении этой крепости в IX в., а местоположение ее делает вероятными и некоторые подробности, рассказываемые им об ее сооружении Действительно, в местности, где помещается Саркел, нет камня, пригодного для строения. Выходы известняков находятся на другой, нагорной стороне Дона. Это обстоятельство потребовало бы большой затраты труда на перевозку материала, не отличающегося к тому же хорошим качеством. Вместо постройки крепости из плохих непрочных камней выгоднее было сделать ее из кирпичей, изготовленных на месте, использовав имеющийся вблизи известняк для приготовления цементирующего раствора. Возможно, что совет соорудить крепость из кирпичей был дан Петроной, который был прислан Византией для содействия хазарам своим инженерным опытом и знаниями. По его указаниям, возможно, и была построена крепость в целом, вместе с находящимися внутри ее зданиями, хотя специфически византийского в технике и формах открытых построек пока ничего не обнаружено, за исключением мраморных колонн и капители, может быть, привезенных Петроною для церкви, которая, по понятиям византийцев, была обязательной принадлежностью всякой крепости. Была ли выстроена и в Саркеле церковь или найденные в городище мраморы составляли принадлежность здания с другим назначением — точно неизвестно, но ничего невероятного в построении в Саркеле церкви нет, так как в Хазарии было много христиан, и инициатива представителей Византии в этом отношении могла встретить хороший прием и быть осуществленной.

Непосредственными исполнителями строительных работ в Саркеле были представители туземного населения Об этом достаточно убедительно свидетельствуют характерные знаки и изображения на кирпичах Саркелского городища. Более того, роль хазар при построении крепости едва ли правильно представлять в качестве заказчиков, предоставивших все на усмотрение византийских производителей работ. Петрона и прибывшие с ним византийские специалисты скорее всего были только советниками хазар. По их указанию крепость сделана из кирпичей, но изготовление кирпичей, судя по их формам, производилось без участия византийцев и не по византийским образцам. Откуда взяли своих мастеров хазары — вопрос особый, так как, по сообщениям арабских писателей, кирпичные постройки не были распространены в Хазарии. Ал-Истахри и Ал-Мукадасси говорят, что в Итиле только дворец или замок правителя был выстроен из обожженного кирпича. Ал-Истахри к этому добавляет, что ни у одного человека, кроме царя, нет построек из обожженного кирпича, что царь никому, кроме себя, не позволяет строить из кирпича.[1] Действительно ли правитель хазар имел привилегию жить в кирпичных зданиях или малочисленность такого рода сооружений в Итиле следует объяснить другими

[1] И. А Караулов. Сведения арабских географов. СМОМПК, вып. XXXVIII, стр. 4; вып. XXIX, стр. 41.

причинами — в данном случае неважно. Существенно, что у хазар все же были кирпичные постройки, а следовательно, и люди, которые умели изготовлять кирпичи. Участием хазарских мастеров и следует объяснять тот факт, что саркелские кирпичи имеют не византийские размеры. Пример с кирпичами важен не сам по себе, а как подтверждение мысли о том, что Саркел не следует считать византийской крепостью не только в том смысле, в каком ее представлял Ф. И. Успенский, но и как произведение строительства. Саркел строили хазары, а не Византия, хотя и при участии византийских советников и по их указаниям.

По сообщению Константина Багрянородного, гарнизон Саркела состоял из 300 человек и ежегодно сменялся. Он предназначался, очевидно, только для охраны крепости и мог целиком помещаться во внутреннем кирпичном укреплении. Во время войны Саркел в качестве опорного пункта хазар на западе мог вместить в своих укреплениях большое войско. Оно помещалось, конечно, не в слишком маленькой для этой цели кирпичной крепости, а на той большой площади, которая ограждена первой линией укреплений в виде глубокого рва и вала и которая, видимо, для этого, т. е. для временного размещения большого войска, и предназначалась (рис. 1). Здесь не было постоянных построек и в мирное время она пустовала. В случае нападения маленький постоянный гарнизон крепости был не в состоянии защищать длинную линию внешних укреплений: он запирался в кирпичных стенах внутреннего укрепления; но во время войны, когда в крепости собиралось войско, площадь за первой линией укреплений заполнялась палатками, возами и толпами воинов и слуг. Для защиты их от неожиданного нападения и предназначался внешний ров и вал, которые следует признать сооруженными одновременно с кирпичной крепостью, и отделяющим ее вторым рвом. Обе эти части Саркела были одинаково необходимы, и при учете назначения обеих только и может быть выяснено истинное значение крепости в целом.

Саркелская крепость недолго сохраняла свой первоначальный характер. Изменившиеся международные условия, т. е. оттеснение печенегов на запад к Днепру, с одной стороны, и превращение Саркела из крепости в поселение со значительным гражданским населением — с другой, должны были сильно отразиться и на его внешнем виде и на его значении.

Раскопками с достаточной достоверностью установлено, что ко времени заселения Саркела постоянными жителями первоначальная кирпичная крепость была сильно повреждена и во многих своих частях разрушена. В южном углу крепости на месте описанных выше первоначальных кирпичных построек были обнаружены остатки сооружений, относящихся, судя по находкам, к X в. Ко времени их устройства первоначальные кирпичные постройки в этом месте находились уже в развалинах, но оборонительные стены, хотя бы в нижней своей части, были еще целы.

На месте кладовой с двумя погребами был устроен жилой дом, стенами для которого послужили две сходящиеся здесь под прямым углом оборонительные стены и часть уцелевшей до сих пор стены здания с деревянным полом. Четвертая стена жилого дома X в. была устроена на месте внутренней стены кладовой, отделявшей камеры от коридора. При ее сооружении остатки кирпичной кладки как той стены, на месте которой она была возведена, так и стены поперечной, разделяющей камеры с погребами, были разобраны; в стене дома с деревянным полом были выбиты неровные углубления для концов горизонтальных жердей, которые вместе с вертикальными столбами (от них сохранились ямы в материке) составляли основу новой глинобитной стенки. Пол нового помещения был глинобитный; кровля его была сделана из обмазанной глиною куги (камыша). Ближайшая к углу крепости яма с кирпичными стенками была использована в качестве подвальной ямы нового жилища (рис. 12). Существенно отметить, что строители

этого жилища не подозревали о существовании ям с кирпичными стенками и, устраивая для себя подвальную яму, наткнулись на одну из них, случайно разрушив при этом одну из ее кирпичных стенок (рис. 12) Отсюда можно заключить, что кирпичная кладовая к моменту сооружения на ее месте жилища давно уже находилась в развалинах.

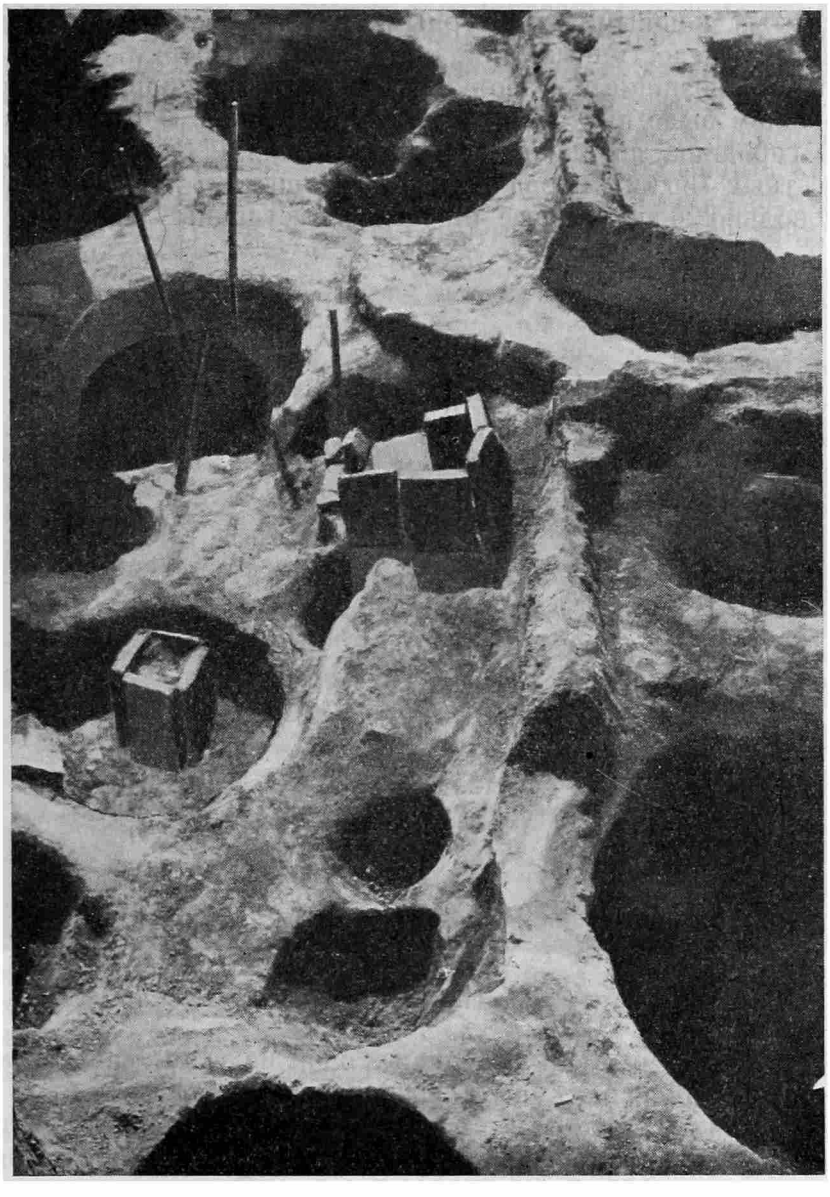

Рис. 14. Ямы и две печки в северном углу раскопа.

Подобного рода наблюдения были сделаны и в других местах раскопок. Все они убедительно свидетельствуют о том, что первоначальные здания Саркела недолго сохранялись в целости, что на месте их и рядом с ними в X в. возникают многочисленные постройки, возведенные с использованием кирпичей, взятых из разрушенных первоначальных зданий. Кирпич в них употреблялся главным образом для устройства печей (рис. 14), настилки полов и для фундаментов под деревянные стены. О том, что в дело шел не новый, специально изготовленный кирпич, а старый, взятый из разобранных, более древних построек, свидетельствуют следы известкового раствора на кирпичах, указывающие, что раньше они скреплены были между собою, между тем как все эти кладки из старых кирпичей сложены насухо или

на глине. Следует отметить, что в более древних постройках преобладают целые кирпичи, тогда как в позднейших, открываемых в верхних слоях городища, преобладают обломки. Видно, что позднейшее население Саркела брало кирпич, уже неоднократно использованный его предшественниками, т. е. что в последний период жизни Саркела от первоначальных построек крепости не уцелело ничего, кроме нижних частей зданий, к этому времени уже прикрытых мощными культурными наслоениями и новыми постройками и потому недоступных для дальнейшей разборки.

Поселение, возникшее в полуразрушенной кирпичной крепости Саркел, в основном было выстроено из дерева и глины. В толще культурных наслоений городища довольно хорошо сохранились остатки настилов и стен из местных мягких пород леса. В раскопе 1934 г. можно было проследить довольно значительные площади, выстланные досками, части от-

Рис. 15. Остатки деревянных построек X в. в крепости.

дельных бревен и стен, а также мощные слои из угля, свидетельствующие о неоднократных пожарах, опустошавших поселение.

О постройках в Саркеле в это время можно составить довольно отчетливое представление на основании наблюдений, сделанных при раскопках вдоль юго-западной оборонительной стены. За описанным уже зданием на месте кладовой с двумя ямами, или погребами, здесь были открыты еще две постройки (рис. 15). Первая из них находилась в 1.5 м от вышеописанного жилого помещения в углу крепости и представляла в плане прямоугольник длиною в 5 м и шириною в 4 м. Стены ее были сооружены из дерева, обмазанного глиной; пол был глинобитный. Ближе к северному углу находилась подвальная яма, состоявшая из двух смежных ям, круглой и четырехугольной; на дне последней сохранились следы двух столбов, на которых держалось деревянное перекрытие подвала. Дом был уничтожен пожаром; на месте его найдены обугленные бревна, куски обожженной обмазки и остатки крыши, сделанной из куги, смазанной глиной. В 1 м далее к СЗ была раскрыта часть другого такого же дома. Обе эти постройки были основаны на материке и одной из своих длинных сторон примыкали к юго-западной оборонительной стене так, что она с этой стороны служила

им стеною. Внутри описанных построек, а также вокруг них находились многочисленные ямы со стенками, обмазанными зеленой глиной. Некоторые из них были вырыты, без сомнения, ранее сооружения описанных построек, другие во время их существования и третьи позже (рис. 6 и 15).

Древние ямы, в колоссальном количестве прорезающие культурные наслоения городища и во множестве углубляющиеся в материк, иногда до 2 и более м ниже его поверхности, причинили сохранности наслоений городища значительно бóльший вред, чем грабительские ямы, вырытые на его поверхности. Древние ямы имеют различную форму, величину и назначение (рис. 14). Одни из них были подвальными, другие мусорными, третьи были вырыты при извлечении кирпичей из более старых построек, наконец, четвертые — зерновые. Последних особенно много. Стенки лучше сохранившихся из них книзу расширяются и обмазаны зеленой глиной, иногда со следами подмазок-подправок. В них были найдены обугленные зерна, повидимому, проса и пшеницы. Обилие и величина зерновых ям свидетельствуют о развитии земледелия у населения Саркела. О том же говорят многочисленные, найденные при раскопках, круглые каменные жернова, а также массивный железный лемех тяжелого плуга, встреченный в обломках в одной из ям, вырытой с материка и, следовательно, относящийся к древнейшему периоду сплошного заселения крепости. В числе находок имеется несколько железных серпов. На основании этих находок можно составить определенное представление о земледельческом производстве жителей Саркела. Это было крупное по количеству пашни производство с применением орудий, пригодных для обработки тяжелых степных почв. Это производство, повидимому, составляло основу их хозяйства. Кроме земледелия, жители Саркела занимались скотоводством, рыболовством и охотой в лесах, которые тогда покрывали долину р. Дона и были настолько значительны, что в них водились не только кабаны, но и олени.

Особенно важно отметить обнаруженные при раскопках следы ремесленных производств по изготовлению украшений из металла, посуды из глины, по обработке кости и камня. Остатками гончарного производства являются многочисленные обжигательные горны, находимые в береге реки возле городища. Все это определяет Саркел X в. не только как сельскохозяйственное поселение, но и как местный центр ремесленного производства, как средневековый город.

Значение Саркела как города, т. е. как центра населенного округа, становится несомненным при ознакомлении с другими памятниками прошлого, находящимися в его окрестностях. Вблизи Саркела и далее, по нижнему течению р. Дона, а равным образом, кажется, и Донца имеется довольно значительное количество поселений, относящихся к тому же времени, что и сплошное заселение Саркелской крепости. Хотя ни одно из них не раскапывалось, но по внешним признакам и случайным находкам можно установить, что эти поселения состояли из жилищ типа полуземлянок. Встречающийся на них керамический материал соответствует найденному в нижних слоях постоянного поселения в Саркеле. По всей вероятности, и по характеру своего хозяйства эти поселения походили на Саркел, т. е. принадлежали оседлому земледельческо-скотоводческому населению, факт появления которого в степной полосе представляет большое историческое значение.

Поселения эти располагаются преимущественно в речных долинах на надпойменной береговой террасе и реже на высоком берегу. Площадь распространения культурных остатков обычно довольно велика, но мощность культурного слоя и насыщенность его ничтожны. Это свидетельствует, с одной стороны, о разбросанности жилых построек, а с другой — о непродолжительности существования поселений, что подтверждается и однородностью находимого на местах поселений подъемного материала, преимущественно керамики. Тем не менее, трудно было бы признать эти поселения

кратковременными стоянками степных кочевников или даже периодически посещавшимися ими зимовниками, хотя бы потому, что ни те, ни другие не оставляют такого рода следов, какие характеризуют рассматриваемые поселения, а потому, несмотря на продолжительное господство в степях кочевого быта, остаются необнаруженными. Повидимому, для того чтобы следы поселения получили выражение хотя бы и в слабом культурном слое, необходимо, чтобы оно было более прочным и продолжительным, чем стоянка или зимовник кочевников, иными словами, чтобы оно принадлежало оседлому населению. С другой стороны, в составе керамических находок, как в Саркеле, так и в современных с ним поселениях имеются характерные котлообразные глиняные сосуды с внутренними ушками для подвешивания над открытым очагом, которые всеми своими признаками указывают на кочевой или полукочевой быт и могут рассматриваться как пережиточно-сохраняющиеся формы, свидетельствующие о происхождении оседлого населения из кочевой среды.

Одновременные с Саркелом поселения на нижнем Дону в большинстве своем не имеют укреплений. Возле некоторых из них встречаются загадочные кольцевые валы со рвом не снаружи, а внутри, которые ни по размерам, ни по устройству нельзя рассматривать как укрепления. К числу немногих поселений этого рода, имеющих несомненные оборонительные сооружения, относится городище, находящееся, как и Саркел, вблизи станицы Цимлянской, но расположенное не по левую, а по правую сторону Дона и притом не менее чем в 6 км от этой реки.

Это городище находится на правом берегу речки Котлубанной возле хут. Среднего. [1] Площадь его, обведенная валом и рвом, занимает не менее 15 га, но степень заселенности ее была очень слабой. Следы жилищ и заметные отложения культурных остатков сосредоточены вдоль берега реки и ближе к южному концу городища, но встречаются и за оградою, к С от нее по берегу р. Котлубанной. Таким образом разбросанные постройки далеко не занимали всей очень большой площади городища и вместе с тем выходили за его пределы, что, на ряду со слабостью вала и рва, свидетельствует о том, что укреплениям не придавалось серьезного значения. Принимая во внимание наличие не только в других местах, но здесь же невдалеке от городища у хут. Среднего неукрепленных поселений того же времени и не меньшего, чем оно, размера по занимаемой площади, необходимо допустить, что оседлое население всех их не чувствовало постоянной военной угрозы и спокойно занималось своим хозяйством; население не было вынуждено ни выбирать для поселения неудобные, но зато трудно доступные по естественным условиям места, ни защищаться от нападений за искусственными оборонительными сооружениями.

Обширные укрепления городища у хутора Среднего, представляя исключение среди неукрепленных поселений того же самого времени, во всем остальном близко сходных с ним, заслуживают внимания в двух отношениях. Во-первых, самым фактом существования укреплений, а во-вторых, размерами огражденной ими площади, несоответствующими величине самого поселения, все дома и все население которого могли бы поместиться в укреплении значительно меньших размеров. Величину городища у хутора Среднего едва ли следует объяснять его назначением служить убежищем для населения соседних неукрепленных поселений. С точки зрения этого назначения его укрепления в виде невысокого вала и узкого рва даже при наличии поверх вала деревянного частокола слишком слабы, а местоположение слишком открытое. Скорее всего большие размеры огражденной площади этого городища нужно связывать с характером хозяйства его на-

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону, стр. 25, рис. 10 (план городища у хут. Среднего).

селения, озабоченного при постройке укрепления не только защитой себя, но и охраной своего имущества — скота, иными словами, с важным значением в хозяйстве оседлого населения этого городища, а равным образом и других одновременных с ним поселений — скотоводства.

Что же касается самого факта укрепления поселения у хутора Среднего, в то время как другие аналогичные поселения укреплений не имеют, то его, может быть, следует объяснить положением этого поселения на большой дороге, той самой, на которой была построена и Саркелская крепость, и связанными с этим специфическими опасностями чисто местного значения. Надо особо отметить, что, говоря о дороге, на которой находился Саркел, менее всего следует принимать в расчет водный путь по р. Дону Не для господства над этим путем и не для его охраны была выстроена хазарами крепость на левом берегу р. Дона. В противном случае ее бы следовало поместить в другом месте, именно там, где эту крепость искали те, которые полагали, что Саркел предназначался для господства над дорогою по реке, т. е. в месте наибольшего сближения Дона с Волгою — в месте переправы из одной реки в другую. Однако в действительности Саркел был выстроен в другом месте. Он находился у переправы через Дон, там, где эту реку пересекала важная для хазар сухопутная дорога, та самая, которую, по словам Константина Багрянородного, следовало перерезать при содействии алан, если бы хазары вздумали напасть на византийские владения в Крыму. Эта дорога шла из центральных хазарских областей в устьях Волги к их задонским владениям и была, повидимому, основной и важнейшей магистралью, пересекавшей Хазарию с востока на запад.

Если основываться на состоянии Саркела в X в. и на появлении на Дону в то же время неукрепленных поселений, то надо полагать, что Дон, бывший в IX в. опасной, нуждавшейся в усиленной охране границей Хазарии, к этому времени, по крайней мере в нижнем своем течении, превратился в сравнительно безопасную от вражеских нападений внутреннюю область Хазарского государства. В связи с этим Саркел из грозной крепости превратился в мирное поселение, утратившее прежнее военное значение. Первоначальные кирпичные укрепления его в это время не только не поддерживались и не возобновлялись, но, наоборот, разрушались самим населением для своих частных нужд.

Такое заключение подтверждается заслуживающим доверия сообщением хазарского кагана Иосифа, который, упоминая Саркел среди западных хазарских городов, определяет границу своих владений на западе в половине X в. далеко от него, именно областью одного из племен печенегов Б-ц-р (у арабов Баджна), находящейся на реке Ва-г-з, [1] которую Гаркави и в особенности Вестберг вполне основательно отожествляют с Узу — Днепром. [2]

Чтобы покончить с городищами и поселениями, находившимися в хазарскую эпоху в окрестностях нынешней станицы Цимлянской, необходимо остановиться еще на одном памятнике этого рода, помещающемся на высоком правом берегу Дона, километрах в 7 ниже станицы. Это весьма сильное в фортификационном отношении городище, неприступность которого, в первую очередь, определяется местоположением его на участке высокого берега, защищенном глубокими с крутыми склонами оврагами и еще более крутым склоном берега к реке. В соответствии с естественной конфигурацией участка, занятого укреплением, оно в плане имеет форму треугольника, образованного толстыми, сложенными из блоков местного известняка стенами, на месте которых ныне видны только валы из щебня, так как камни еще в 1744 г. были вывезены для постройки бастионов Старочеркасской крепости. Такими же остатками от внутренних стен укрепление

---

[1] П. К. Коковцов, ук. соч., стр. 102.
[2] Ф. Вестберг. Beiträge zur Klärung..., стр. 310.

делится на три части: одну большую в форме неправильного четырехугольника и две малых в виде треугольных отсеков в северном и южном углах городища. [1] По размерам укрепление не велико. Стороны его имеют в длину от 170 до 225 м. Общая площадь, занятая укреплением, не превышает 1.9 га, а площадь внутреннего четырехугольника — 0.7 га.

Небольшие раскопки, произведенные в этом городище В. И. Сизовым, очень мало прибавляют к данным о нем, получаемым в результате наружного осмотра и сбора подъемного материала. В четырехугольной части укрепления им были обнаружены следы квадратного каменного здания и были найдены вещи, которые он относит к XIII—XIV вв. Даже если бы эти датировки вещей можно было признать точными, другие, более показательные в этом отношении находки на городище опровергают предположение об его возникновении в указанное время. По керамике, собранной на городище, время сооружения крепости на правом берегу Дона следует относить

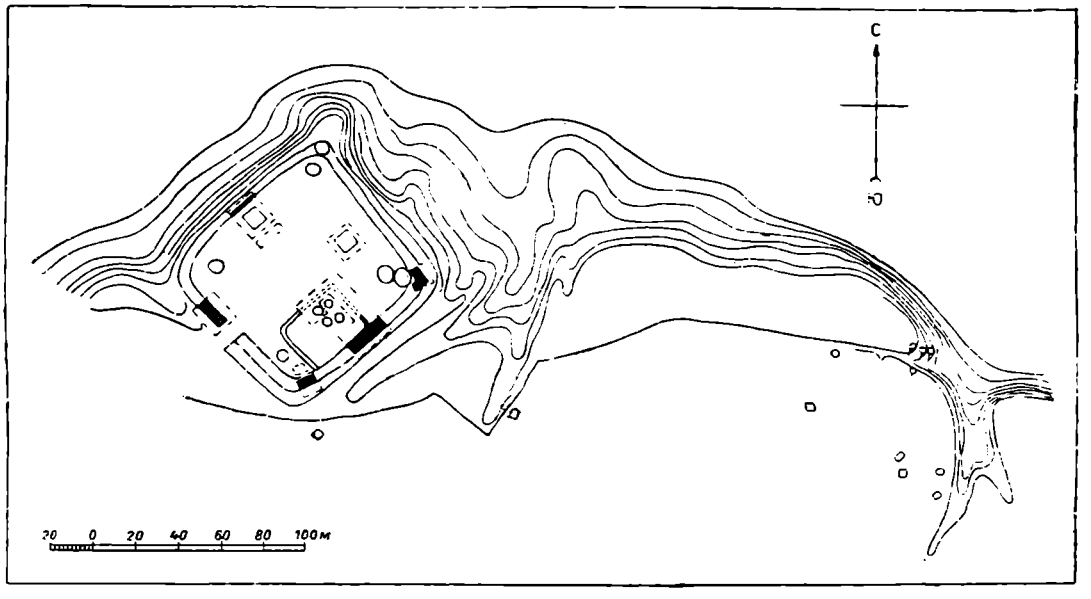

Рис. 16. План Маяцкого городища.

к хазарской эпохе, той же, в течение которой существовал Саркел и охарактеризованные выше поселения в окрестностях станицы Цимлянской.

Судя по небольшой мощности культурного слоя правобережного городища, оно также не было сплошь застроено и густо заселено. Вместе с тем местоположение, размеры и общий характер этого городища не позволяют считать его убежищем для окрестного населения. Более всего оно напоминает замок феодала, и если бы на этом впечатлении можно было основываться, следовало бы вслед затем сделать очень важное заключение о характере общественных отношений в провинциях Хазарии.

Однако одного впечатления от памятника для исторических выводов недостаточно.

В противоположность кирпичной крепости Саркела правобережное городище не единственный памятник в своем роде. Сходные с ним как по общему характеру, так и в деталях сооружения известны в местности между верхними течениями Дона и Донца, на границе между степью и лесостепною полосою.

Наиболее известным и лучше изученным сооружением этого рода является Маяцкое городище, находящееся при впадении р. Тихой Сосны

[1] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону, стр. 27 сл.; рис 11 (план правобережного городища).

в Дон (рис. 16). Оно расположено на высоком плоскогорье, изрезанном оврагами и заканчивающемся с правой стороны р. Сосны крутыми обрывами. По местоположению Маяцкое городище близко напоминает правобережное Цимлянское укрепление. Одной стороной оно примыкает к обрыву, а с двух других ограждено глубокими оврагами. Кроме того, городище обведено стеной и рвом.

В плане городище представляет форму неправильного четырехугольника-трапеции, стороны которого имеют в длину от 79 до 115 м, а общая площадь менее 0.8 га. Ров, окружающий городище с трех сторон (четвертая примыкает к обрыву), имеет в ширину 7—8.5 м при глубине 4—5.5 м. С юго-восточной стороны приблизительно посредине ее длины, напротив того места, где в валу имеется проход, ров прерывается; здесь находились единственные ворота укрепления.

Маяцкое городище неоднократно подвергалось раскопкам. [1] Было выяснено, что окружающие его валы образовались в результате разрушения верхних частей каменных стен. Стены, толщина которых доходила до 6.40 м с обеих сторон были сложены из массивных правильной тески блоков мелового камня местного происхождения, по ширине в один, а иногда в два ряда; камни плотно положены друг на друга насухо без каких-либо скреп (размер блоков от 0.5 $\times$0.36 $\times$ 0.27 до 0.72 $\times$ 0.40 $\times$ 0,36 м); промежуток между этими облицовочными стенками был засыпан рваным камнем и щебнем, а также измельченной известью или мелом. Н. Макаренко полагает, что измельченная в порошок засыпка является остатком цемента, положенного в полужидком (тестообразном) состоянии и скреплявшего забутовку. [2] Следует отметить, что массивные стены были возведены без фундамента, непосредственно на поверхности почвы, даже не материка. Первоначальная высота стен неизвестна. В сохранившихся частях она достигала 3.20 м. Укрепление было обведено ровными линиями стен без каких бы то ни было выступов и без башен по углам.

Внутри городища к юго-восточной стене примыкало помещение, обведенное особыми стенами, сложенными из таких же блоков, что и оборонительные стены, но сохранившимися (и то лишь в нижней своей части) только на очень небольшом протяжении, а в остальном прослеживаемые по невысоким валикам, образовавшимся на их месте из обломков камней и строительного щебня. В длину это сооружение равнялось 42 м, а в ширину по одной стороне 25.5 м, а по другой — 21 м. Стены его имели в толщину 0.90 м и были сложены из двух рядов тесаных блоков, узкий промежуток между которыми был заполнен щебнем и измельченным мелом. По своей толщине эти стены не могли быть ни чем иным, как невысокой оградой, выделявшей внутри крепости приблизительно $^1/_8$ часть ее площади (около 100 м^2). Внутри этой площади были открыты остатки каменной кладки в виде четырехугольника размерами 8.5 $\times$ 7 м, обведенного такими же стенками, как у ограды, внутри которой они находились, но имевшими всего один ряд в высоту и отличавшимися ровным верхом. Макаренко полагает, что эта кладка представляет фундамент здания, выстроенного из другого материала, или же недостроенное сооружение. Первое из этих предположений мне кажется более вероятным. Судя по наличию внутри ограды еще нескольких мест с такими же признаками, какие были на поверхности того места, где открыты описанные остатки постройки, надо полагать, что в ограде находилось несколько зданий жилого и хозяйственного назначения, составлявших единый комплекс вроде двора владетельной семьи.

---

[1] А. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, стр. 153—163. — Н Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, стр. 143.

[2] Н. Макаренко, ук. соч., стр. 10.

За пределами этого двора, но внутри укрепления, Н. Макаренко раскопал два сооружения в виде полуземлянок, заметные на поверхности по западинам или заплывшим ямам. Нижняя часть одного из них, находившегося возле середины северо-западной стены, имела квадратный план при длине каждой из сторон в 4.20 м и глубине 0.70 м. «Прямые правильные стенки этой квадратной ямы, вырубленной в материковом камне, — пишет Н. Макаренко, — перпендикулярно спускались до дна». [1] В одном углу ямы было выдолблено круглое, расширяющееся книзу углубление с наибольшим диаметром 0.40 и глубиною 0.15 м. Вблизи его находились остатки каменного очага. Яма второго сооружения, расположенного недалеко от описанной выше ограды, имела примерно те же размеры и то же устройство и отличалась от первой отсутствием признаков очага. Можно полагать, что в крепости находилось еще несколько такого же рода остатков жилых или хозяйственных построек. Вместе с тем немногочисленность находок и отсутствие хорошо выраженного культурного слоя указывает, что населенность крепости была небольшая и существовала она сравнительно недолго.

На плато возле описанного укрепления отчетливо заметны следы обширного поселения, занимавшего площадь не менее 15 га. Многочисленные впадины обозначают места жилых и хозяйственных построек. Эти впадины находятся на месте ям, составлявших нижнюю, скорее всего подвальную, часть сооружений, подобных тем, какие были открыты внутри укрепления. Среди ям преобладают четырехугольные, размерами от 2.5 × 2 м до 6.40 × × 5.70 м при глубине около 0.75 м. На дне ям встречаются следы столбов и особые ямы, а в стенах — ниши. На ряду с прямоугольными, встречаются ямы того же характера, но с закругленными очертаниями. Открыты также круглые, расширяющиеся книзу, так называемые хлебные ямы, в большинстве случаев действительно служившие для хранения зерна.

В северо-восточном крае поселения возле склона и на склоне в овраг найдены характерные погребения в подземных камерах или катакомбах. Материалы из этих погребений, кажется, несколько древнее, чем находки на поселении. Однако нет сомнения, что указанный могильник связан с Маяцким городищем, представляя, видимо, наиболее древние погребения жителей городища, позднейшие захоронения которых следует искать также где-нибудь поблизости.

Особенно следует отметить знаки и изображения, сходные с известными по кирпичам Саркела, встреченные на камнях наружных облицовочных блоков в оборонительных стенах Маяцкого укрепления, а равным образом на стенках жилых ям находящегося возле него поселения.

Маяцкое городище с его окружением важно и любопытно прежде всего в качестве наиболее изученного поселения, принадлежащего к числу довольно многочисленных памятников так называемой Салтовской культуры. Могильник возле селения Верхнее Салтово на р. Донце, по имени которого назван тип представленной в нем культуры, по устройству могил и погребений в целом, по характеру инвентаря настолько близко сходен с могильником, находящимся возле Маяцкого городища, что в принадлежности их обоих к одной эпохе и даже одному народу не может быть сомнений. Существенно отметить, что Салтовский могильник, так же как и Маяцкий, находится вблизи одновременного с ним поселения с каменной крепостью. Остатки этой крепости, к сожалению, частично закрыты, а частично уничтожены позднейшими сооружениями. При раскопках в валу Салтовского городища была открыта кладка, близко напоминающая оборонительные стены Маяцкого городища. По словам В. А. Бабенко, она состояла как бы из трех отдельных параллельных стен 0.75 м толщиною каж-

[1] Там же, стр. 26.

дая, сложенных из больших отесанных плит песчаника. Промежутки между этими стенками (шириною также около 0.75 м) были забиты мелким щебнем, скрепленным, как и плиты, сероватым крепким цементом. Судя по этим данным, общая толщина оборонительной стены Салтовского городища равнялась приблизительно 3.5 м. В. А. Бабенко особо отмечает, что открытая каменная кладка состояла из разнообразного цвета песчаника, подобного которому в окрестностях Верхнего Салтова не имеется. На этом основании он заключает, что камень этот привозился откуда-то со стороны. «По правильности кладки и по точным размерам, — пишет он, — можно судить, что сооружение стен производилось искусными мастерами, знакомыми с техническими приемами каменных работ». [1]

Судя по размерам крепости и по величине могильника, поселение в Верхнем Салтове было более значительным, чем Маяцкое. Но селище, расположенное вокруг крепости, здесь также было неукрепленным. Надо полагать, что Салтовские крепость и поселение возле нее в общем имели тот же характер и находились в таком же отношении друг к другу, как и в Маяцком городище. Однако здесь были обнаружены и некоторые новые, весьма важные черты, а именно в пределах каменной крепости были найдены остатки гончарной мастерской. По словам В. А. Бабенко, она имела вид землянки в 3.5 м длины и в 2.80 м ширины, стенки которой выложены были каменными плитами. В западной стороне этой землянки находилась полуразрушенная, наполненная углями, золой, обожженными камнями и задымленной глиной гончарная печь, углубленная ниже пола мастерской на 1.06 м. Пол мастерской находился на глубине 1.70 м от поверхности и был завален множеством фрагментов от различной посуды. Здесь же лежали слоями приготовленная отмученная, беловатая глина, куски обожженной глины и масса древесного угля и золы. В гончарной печи оказалось семь больших амфор. [2]

Третье городище того же типа, что и два рассмотренных выше, находится возле сел. Верхний Ольшан на левом берегу той же р. Тихой Сосны, при устье которой помещается Маяцкое городище. Его квадратная крепость — приблизительно тех же размеров, что и Маяцкое городище, стены из меловых блоков так же устроены, как и там. В заполнении промежутка между лицевыми кладками стен С. Н. Замятнин в одном месте отмечает, кроме глыб мела и мелового щебня, остатки цемента. [3] Вокруг крепости обнаружены следы поселения. Здесь, как и в Маяцком городище, внутри крепости культурного слоя при раскопках почти не обнаружено. Имеются сведения о находках на камнях Ольшанского и Салтовского городищ знаков и изображений, подобных маяцким.

Принадлежность трех отмеченных городищ к одному типу и к одной эпохе несомненна. Вместе с тем столь же несомненно, что число городищ этого типа ими не ограничивается. Имеются все основания ожидать обнаружения еще целого ряда памятников того же рода среди городищ, находящихся между средним течением Дона и верховьями Донца, а равным образом и по р. Донцу. Представление о территории их распространения можно несколько уточнить на основании рассмотрения тесно связанных с ними и не менее характерных могильников. Кроме Салтовского и Маяцкого городищ, сходные с находящимися при них могильники были обнаружены близ слободы Покровской Купянского района, у Подгоровки, Саловки, Ютановки, Н. Лубянки Валуйского района и в самом городе Валуйках, у хут. Зливка на Донце в районе г. Изюма. Находки отдель-

[1] В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Тр. XV АС, т. I, стр. 467.

[2] Там же, стр. 468.

[3] С. Н. Замятнин. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах. Воронеж, 1921, стр. 3.

ных вещей, а также комплексов салтовского типа встречаются и за пределами очерченной выше территории. Однако распространение типичных городищ и могильников за ее пределами отнюдь не доказано, и едва ли можно рассчитывать на сколько-нибудь значительное расширение наметившейся уже области распространения Салтовской культуры как на север, так и на восток или запад; впрочем, возможно, что она отчетливее, чем ныне, выступит еще на Донце.

Распространение этой культуры по Донцу, отмечаемое, кроме упомянутых памятников, находками Сибилева по среднему течению этой реки и некоторыми данными, относящимися к ее низовьям, территориально связывает район салтовско-маяцких городищ и могильников с поселениями хазарской эпохи на нижнем Дону, в частности с описанными памятниками Цимлянского района. Находки на поселениях нижнего Дона, в особенности керамика, близко сходны с вещами Салтовской культуры, а правобережное Цимлянское городище, без сомнения, относится к типу салтовско-маяцких городищ.

Правобережное Цимлянское городище, как сказано, было обнесено каменной стеной. Оно, как и Маяцкое и Ольшанское укрепления, не имело сколько-нибудь мощного культурного слоя и по всем признакам, так же как и они, не было сплошь заселено. От Маяцкого, Салтовского и Ольшанского городищ правобережное Цимлянское городище отличается отсутствием открытого поселения возле крепости, но зато ряд таких поселений имеется в его окрестностях. Однако есть все основания полагать, что в районе распространения Салтовской культуры, в особенности по Донцу, неукрепленные поселения, относящиеся к тому же времени, что и крепости с примыкающими к ним селищами, представляют нередкое явление. С другой стороны, возможно, что среди городищ Салтовской культуры встретится крепость без примыкающего к ней поселения. Указанное отличие правобережного городища от других крепостей салтовско-маяцкого типа, может быть, зависит только от условий местоположения. Во всем остальном, в том числе, вероятно, и по назначению, они близко сходны между собой.

Ставя вопрос о назначении правобережной Цимлянской крепости, мы на основании вышеизложенного имеем возможность рассматривать ее не как единственный в своем роде памятник, да к тому же еще и не раскрытый сколько-нибудь отчетливо в своих первоначальных формах, а как одну из целой группы аналогичных крепостей, причем отрывочные и случайные данные, относящиеся к каждой из них в отдельности, взятые в совокупности, представляют довольно отчетливую картину. Этого рода крепости не были укрепленными сплошными поселениями, не были они и временными убежищами для окрестного населения на случай опасности. Для последней цели они слишком малы, а первое доказывается наличием неукрепленных поселений вокруг них или отдельно от крепостей, а также отсутствием следов сплошной застройки этих небольших по размерам, но мощных укреплений. Это скорее всего замки или владетельные дворы, внутри которых находились жилища и службы владетеля и его слуг или дружины, а может быть, и других наиболее знатных и могущественных членов того общества, которое выстроило эти крепости. Последнее в особенности относится к Салтовской крепости, которая, превосходя все другие известные сооружения того же типа по размерам, явно включала в себя более обширный контингент постоянных жителей не только по количеству, но и по составу. Среди них, как показывают находки, были и ремесленники-гончары, хотя нет и не может быть уверенности в том, что гончарная мастерская, обнаруженная в Салтовской крепости, не принадлежала к составу служб владетеля этой крепости и работала на обмен, а не на удовлетворение внутренних потребностей его обширного двора, и даже в том, что производство в ней осуществлялось трудом свободных, а не зависимых мастеров.

Обозревая Маяцкое городище, А. А. Спицын сомневался в том, что это — укрепление, и хотел видеть в нем остатки древнего монастырька, древний погост, обслуживавший своим кладбищем окрестности, может быть, на значительное расстояние.[1] Этот вывод А. А. Спицына неверен, так как основан на неточном наблюдении, ибо то, что он принимал за следы могильника, было обширным поселением вокруг крепости, но вместе с тем значение Маяцкого городища как центра окружающей территории, не обслуживавшего ее, а владевшего ею, господствовавшего над нею не только в переносном, но и в прямом смысле, им уловлено правильно. Это был центр феодального или полуфеодального образования. Это была крепость не для защиты окружающей территории, а для господства над ней. Таким же было назначение и других крепостей того же типа, в том числе и правобережного Цимлянского городища.

Эти крепости были центрами формирующихся феодальных образований, и каждая из них, повидимому, господствовала не только над тем населением, которое жило непосредственно возле ее стен, но и над жителями неукрепленных поселков, находившихся в ее окрестностях. Существенно отметить, что на ряду с крепостями-замками появляется и их необходимое дополнение — города. В город готово превратиться Салтовское поселение. И уже сложившимся городом, конечно, городом средневековым, вырисовывается Саркел в эпоху сплошного заселения.

Вопрос об этнической принадлежности Салтовской культуры решался в связи с несомненным сходством ее с памятниками Северного Кавказа. Сходство, как в устройстве могил, так и в составе и типах погребального инвентаря между северокавказскими и салтовскими погребениями прослеживалось и отмечалось А. М. Покровским, Д. Я. Самоквасовым и В. А. Бабенко. В связи с этим Д. Я. Самоквасов писал: «Салтовский и кавказские катакомбные могильники одного погребального обряда, одинаково датированы монетами VII—IX ст. и содержат один и тот же бытовой материал, несомненно, принадлежат одному народу — Козарам сказанного времени, владевшим тогда южною Россией и собиравшим дань с разрозненных русских племен».[3] Однако отнесение Салтовской культуры к хазарам далеко не всеми было принято. В виду того что могильники, известные на Северном Кавказе и сходные с Салтовским, локализованы в области древних алан, А. А. Спицын, а вслед за ним Ю. В. Готье, считали, что и Салтовско-маяцкая культура была не хазарской, а аланской.

Связывая кавказские и салтовские катакомбные погребения с катакомбными же могилами в курганах сарматской эпохи, А. А. Спицын полагал, что аланы в IV в., «потерпев разгром от гуннов, были сбиты с своих центров и рассеяны». Часть их, «неистребленная в войнах и не увлеченная гуннами на запад, отступила в лесостепные пространства и оставалась здесь все время, пока степи вновь не освободились как от гуннов, так и от ближайших их преемников... Под покровом хазарской власти аланы расцвели, размножились и широко разместились. Они вошли в торговые сношения с востоком (через Итиль и Рóсию), с финнами, с правобережьем Днепра и далее, чрез Киев, может быть ими заселенный, если и не ими основанный. Саркел был скорее всего аланский город, с аланским именем. Аланы давали тон хазарской культуре; торговля и промышленность, видимо, находились

---

[1] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП. 1909, январь. стр. 78

[2] А. М. Покровский Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС. т. I. — Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 232 сл. — В. А. Бабенко, ук. соч., стр. 435 сл. — Он же Новые систематические исследования Верхне-Салтовского могильника Тр. XIV АС. т III.

[3] Д. Я. Самоквасов, ук. соч., стр. 233.

в их руках. Еврейские купцы были издавна близки аланам и аланизированы. Грамотность у хазар, если была, то, скорее всего аланская». [1]

Для многих из этих заключений есть основания и они являются совершенно закономерным развитием основного вывода о принадлежности катакомбных могил специально аланам. Действительно, предметы, характерные для катакомбных могил встречаются и в финских могильниках и в русских курганах и городищах; действительно, древний Саркел, как мы видели, принадлежит к той же культуре и поскольку это все же город, основанный хазарами и принадлежащий им, а эпоха, к которой относятся определенные в качестве аланских памятники, — хазарская, естественно заключить, что хазарская культура была всецело подчинена аланской. Об аланизации еврейских купцов можно говорить на основании сарматских элементов в еврейских памятниках Тамани и Керчи. Что касается письменности хазар и аланского происхождения названия Саркела, то здесь обоснованность заключений А. А. Спицына не столь очевидна, но об этом ниже.

По мнению А. А. Спицына, аланы жили на Донце вплоть до татарской эпохи. Именно они населяли известные по летописям города Шарукань, Чешуев, Асенев, Сугров и др. «В названии Асенев прямо слышится этническое имя, а корень имени Сугрова близок к названию Сурожа и Сугдеи», — говорит он. Весьма важно также, что в 1116 г. князь Ярополк, возвращаясь из похода на эти города, привел в числе пленников ясыню, т. е. осетинку-аланку, «красну вельми», на которой и женился. Сюда же в 1029 г. князь Ярослав «ходи на ясы и взят их». [2] Ю. В. Готье, подхвативший мысль А. А. Спицына об аланской принадлежности Салтовской культуры, не добавил ничего нового к его аргументации, если не считать указания, что центр Хазарии был слишком далек от местонахождения как Северокавказской, так и Салтовской культур, так что в области их распространения если и были хазары, то только в виде «тудунов» — наместников с их свитою. [3]

В последнее время появилась новая гипотеза об этнической принадлежности Салтовской культуры, относящая ее появление за счет венгров. Однако целый ряд данных свидетельствует против этой гипотезы и прежде всего невозможность объяснить с этой точки зрения тожественность между северокавказской и Салтовской культурами, разве только приписать первую тоже венграм, чему противоречат все имеющиеся как письменные, так и археологические данные. [4] Кроме того, район Салтовской культуры не мог быть Лебедией Константина Багрянородного, областью, занятой венграми, хотя бы потому, что эта культура просуществовала здесь до X в., тогда как в конце IX в. венгры покинули уже не только Лебедию, но и Ателькузу и находились там, где их потомки живут и поныне. Отвергая необоснованную гипотезу о венгерской принадлежности Салтовской культуры, мы не можем также согласиться и с трактовкой вопроса об аланах как о ее носителях, предложенной А. А. Спицыным.

Замечания А. А. Спицына относительно генетической связи северокавказских и салтовских катакомбных погребений с сарматскими курганами совершенно правильны. Тот обряд погребения, какой мы находим в катакомбных могилах средневековья, безусловно восходит к издавна бытовавшим в степях Северного Кавказа формам погребений. Больше того, салтовская и северокавказская средневековая керамика целым рядом переходных типов хорошо увязывается с туземной посудой сарматской поры. В этом отношении наблюдения, сделанные в связи с исследованиями Сусловского

---

[1] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 70—71.

[2] Там же, стр. 75.

[3] Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова. ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 78.

[4] М. И. Артамонов, Проблемы, 1935, № 9—10, стр. 243 сл.

могильника на Волге, представляют существенное значение. [1] Рассматривая с этой точки зрения салтовские могилы, мы в праве заключить, что их отнюдь не следует относить за счет нового, пришлого населения в степях юга нашей страны, будь то венгры или хазары, если под последними разуметь тюрок. Наоборот, эти могилы служат указанием на длительное переживание старых форм, очевидно, обязанное сохранению здесь туземного населения.

Однако следует ли это туземное население считать аланским? Это отнюдь не может считаться доказанным. Первые упоминания алан относятся ко времени около нашей эры, причем они локализируются возле Танаиса (Дона) и Меотийского озера (Азовского моря). [2] Однако во второй половине I тысячелетия по всем письменным источникам аланы помещаются в средней части Северного Кавказа, где они составляют довольно сильное политическое образование, играющее заметную роль в истории Закавказья в связи с борьбой Персии и Византии. Повидимому, потомками этих алан можно считать теперешних осетин, хотя сами себя они этим именем, так же впрочем как и осетинами, не называют. Возможно также допустить, что эти аланы или осетины являются наиболее иранизованной частью сарматских племен.

Но они были не единственным остатком древнего туземного населения на Северном Кавказе; к востоку от алан, по побережью Каспийского моря, жило племя савиров, имя которых также известно, начиная с первых веков нашей эры и вплоть до конца I тысячелетия. Это тоже сарматское племя, сохранившееся в послегуннскую эпоху со своим старым наименованием. Еще важнее, что общее наименование племен северного Причерноморья и Прикавказья в послегуннскую эпоху «болгары», по указанию Н. Я. Марра, является разновидностью имени «сарматы». Болгарский язык, остатки которого уцелели до сих пор в языке чуваш, по свидетельству Н. Я. Марра, является языком яфетической стадии в развитии туземного населения юго-восточной части нашей страны, стадии, охватывающей и сарматскую эпоху, а болгарские племена — остатком сарматского населения, скрещенного с новыми этническими элементами, явившимися в эпоху гуннского вторжения. По сведениям арабских писателей, хазарский язык был сходен с болгарским, и по всем другим данным, хазары находились в ближайшем этническом родстве с болгарами. [3] Неудивительно поэтому, что название хазарского города Саркел лучше всего объясняется из чувашского языка. С изложенной точки зрения сарматские элементы могли сохраниться не только в культуре алан-осетин, но и тех болгаро-хазарских племен, которые занимали степи и создали здесь особые политические образования — сначала болгарский племенной союз, а затем на его развалинах могущественное Хазарское царство, охватывавшее, между прочим, и район распространения Салтовской культуры.

Нет никакой необходимости представлять местность между Донцом и Доном в виде второго гнезда алан-осетин, в котором это племя сохраняло те же этнические признаки, какие у северокавказских осетин уцелели под защитою Кавказских гор. Укрывшаяся в горах часть алан могла, вследствие своей независимости, не только сохранить хотя бы в устах соседей то имя, которое принадлежало до гуннского разгрома союзу племен Азовско-Каспийского междуморья и те иранские элементы, начало проникновения которых в сарматскую среду, может быть, следует относить еще ко времени скифских походов в Переднюю Азию, но и развить их в связях с иранским восточным Закавказьем — с Персией. Степные племена, подвергшиеся воздействию других этнических образований и скрещению с гуннами, а затем

---

[1] П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925.

[2] В. Миллер. Осетинские этюды. II, Москва, 1887. — Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

[3] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Соцэкгиз, 1936, стр. 86 сл.

с тюрками, этнически, конечно, не представляли и не могли представлять в рассматриваемую эпоху то же самое, что и ироны — осетины. Свое происхождение они вели также от сармат или алан, но в это время они были уже болгарами или хазарами, этнически обособленными от алан-осетин.

Однако русская летопись определенно указывает ясов-осетин на Дону, в стране Половецкой. В 1116 г Ярополк «ходи на Половьчскую землю, к рѣцѣ зовомой Донъ, и ту взя полонъ многъ и 3 городы взя Половечьскыѣ: Галинъ, Чешлюевъ и Сугровъ и приведе с собою ясы, и жену полони собѣ Ясыню». В этом тексте Лаврентьевской летописи если что и следует исправить, так только Дон на Донец, ибо половецкие города, о которых здесь идет речь, видимо, все же находились не на Дону, а на Донце. [1] Спрашивается — откуда же на Донце взялись ясы, если в предшествовавшую эпоху здесь были болгары или хазары?

Ясы русской летописи, по всей вероятности, представляют вариант наименования асы или осы, до сих пор живущего в названии осетин, из чего и заключают, что это имя всегда относилось к тому этническому образованию, которое известно под этим именем до сих пор. Однако сами осетины так себя не называют, а прилагают это наименование к своим соседям-балкарам. Абхазы также называют азуко, т. е. азами или осами не осетин, а адыгейцев. [2] Из этого следует, что имя асов или осов было древним названием населения кубанских степей, ставшим обозначением страны, а затем было перенесено на племена, которые ее впоследствии населяли безотносительно к их этнической принадлежности. Вполне возможно, что это название в древности охватывало еще более широкий район и, будучи связано с его сарматским населением, уцелело вплоть до средневековья в качестве обозначения туземцев в целом или в каких-то частях. В XI—XIV вв. асы-ясы неоднократно упоминаются в составе половецкой и татарской орд. Вместе с половцами они проникают в Молдавию и Венгрию; на татарской службе они оказываются в Китае. Поэтому допустимо, что туземное население Донца в половецкую эпоху именовалось ясами, и тем же именем обозначалась другая ветвь того же происхождения — осы, осетины. Но из этого тожества наименований нельзя заключать об этническом тожестве этих двух ветвей старого туземного населения в ту эпоху, о которой идет речь. Одно и то же название относилось теперь к разным этническим образованиям: ираноосетинскому, с одной стороны, и болгаро-хазарскому — с другой.

Важнейшим основанием гипотезы об аланской принадлежности Салтовской культуры является ее сходство с культурой центральной части Северного Кавказа, принадлежащей северо-кавказским аланам. На основании этого сходства, действительно, можно заключить, что в хазарскую эпоху одна и та же культура обнимала территорию между Доном и Донцом и центральную часть Кавказа, свидетельствуя об общности своего происхождения в обоих этих районах. Однако мы не можем быть уверены, что распространение этой культуры ограничивалось указанными местностями, что в других частях Хазарии ее вовсе нет. Никакой другой культуры в Хазарии в то время неизвестно, и сторонникам аланской гипотезы нечем поэтому подкрепить свои положения, которые приобретут полную убедительность только тогда, когда будет доказано, что у хазаро-болгарских племен была другая культура, чем у алан.

Раскопки в Саркеле, крепости, построенной хазарами и в X в. находившейся в хазарских владениях, доставили вещественные памятники, представляющие территориально-хронологический вариант той же Салтовской культуры, свидетельствующий, что население нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района принадлежало к одной и той же культурно-этнической

[1] Н. Аристов. О земле Половецкой. Киев, 1877, стр. 6, 10—12.

[2] Услар. Древние сказания о Кавказе, I... стр. 327.— В. Миллер. Осетинские этюды, ч. III. Москва, 1887, стр. 105.

среде. Трудно верится, что гарнизон и первоначальное население Саркела, так же как и целого ряда одновременных с ним поселений на нижнем Дону, состояли из алан, тем более, что именно алан Константин Багрянородный указывает в качестве возможных врагов Саркела, причем из текста совершенно ясно, что он имеет в виду кавказских алан, страна которых соседит с главными областями Хазарии, с теми девятью Климатами, откуда, по его словам, «идут все средства к жизни и все довольство Хазарии» [1] и важнейшие из которых, несомненно, находились в восточной части Северного Кавказа — в древней Хазарии.

Нельзя не отметить, что ни при одном из донских поселений хазарской эпохи до сих пор не найдено современных с ними могильников; это следует объяснить тем, что связанные с ними погребения принадлежат к тому же типу, какой известен по Верхнему Салтову и какой отличается отсутствием наружных признаков в виде курганной насыпи. Так же, думается, надо объяснить отсутствие курганов хазарской эпохи в центральных областях Хазарии, да и во всей южной половине нашей страны. По всей этой территории в рассматриваемую эпоху господствовал бескурганный обряд погребения, вследствие чего обнаружение могильников большей частью является делом случая, тем более, что специальных разысканий их вовсе не производилось.

Итак, аланская принадлежность Салтовской культуры отнюдь не бесспорна. Однако наибольшее значение, с нашей точки зрения, представляет не вопрос об этнической принадлежности салтовско-маяцких и нижнедонских могильников и поселений, а самый факт появления в степях, а в особенности на границе степи, оседлых поселений.

В течение двух тысячелетий — одного до нашей эры и другого после — степи находились в безраздельном владении кочевников. За это время спорадически и на ограниченных территориях возникали постоянные и даже земледельческие поселения, но не ими определялся общий характер хозяйства в степях. Так, еще в скифскую эпоху, главным образом в низовьях рек, там, куда стягивались стада кочевников на зимние пастбища, возникли постоянные поселения, заключавшие в себе дома кочевой знати, в которых и летом оставались жить слуги и домочадцы их владельцев и где хранились различные запасы. Здесь же обосновывались ремесленники, снабжавшие кочевников изделиями своего производства. При благоприятных условиях в этих поселениях возникали значительные купеческие фактории, через которые происходил обмен между античным миром и варварами. Таким зимовником, превратившимся в город, был древний Танаис в дельте Дона, тот же характер имело древнее поселение у станицы Елизаветинской на Кубани — вероятно сарматский город Гаргаза.

В конце I тысячелетия до н. э. и в первые столетия н. э. в районах этого рода городов возникает значительное количество поселков чисто земледельческого характера, свидетельствующих об оседании части кочевников. Для характеристики этих поселений нелишне отметить наличие во многих из них особо выделенного небольшого укрепления, самым фактом своего появления свидетельствующего о резком социальном делении внутри их населения. Об углублении социально-экономических противоположностей в эту эпоху сигнализирует и другой археологический материал, в частности погребения. Мы не будем останавливаться на анализе этих противоположностей, так как связанная с ними оседлость была эпизодическим явлением, к тому же ограниченным в своем распространении. К IV в. большая часть этого рода поселений прекращает свое существование, повидимому, в связи

[1] Известия византийских писателей о северном Причерноморье. ИГАИМК, вып. 91, стр. 10.

с гуннским нашествием и разгромом тех социальных образований, какие к этому времени сложились в Причерноморье.

Однако прерванный таким образом процесс оседания кочевников скоро возобновился и охватил не только освоенные античным земледелием ограниченные районы Причерноморья, но и новые обширные территории степей. Оседлые земледельческие поселения прежде всего появляются по южной границе степи, в частности в Предкавказье, по Кубани. К настоящему времени в этом районе известен ряд поселений, относящихся к раннему средневековью, и хотя ни одно из них еще надлежащим образом не исследовано, можно не сомневаться ни в их земледельческом характере, ни в этнической связи их с исконным населением степей.

О характере культуры этих поселений до некоторой степени можно судить по случайным находкам на месте Пашковского могильника (№ 1) близ Краснодара, [1] представляющего в составе своего инвентаря ряд аналогий как с комплексами и отдельными находками горного Северного Кавказа, так и Черноморского побережья и Крыма. Это культура широко распространенная, непосредственно предшествующая и генетически связанная с так называемыми аланскими могильниками Северного Кавказа.

В эпоху, к которой относится распространение культуры, свойственной этим последним могильникам, т. е. около VIII в., оседлые поселения возникают и на противоположной стороне степи, по ее северной границе. Салтовская культура с ее могильниками и городищами как раз и является наиболее выразительным памятником этого процесса, характерного для времени и места образования Хазарского государства. Существенно отметить, что в западной части степей, точно так же как и на востоке, за Волгой, следов аналогичного явления пока что не наблюдается. [2] Эти части степей и в хазарскую эпоху остаются во власти чистых кочевников: с одной стороны, венгров и печенегов, а с другой — узов-половцев.

Не следует ли в связи с изложенным и самое возникновение Хазарского государства, как более развитой и сложной социальной организации по сравнению с союзами племен его кочевых соседей, связывать с отмеченным выше процессом, означающим, без сомнения, не только перемены в хозяйстве у населения юго-восточных степей, но и серьезные изменения в его социально-экономической организации? На основании тех скудных данных, какие имеются в нашем распоряжении по этому вопросу, было бы преждевременно пытаться дать на него исчерпывающий ответ, сводящийся к характеристике этих новых социально-экономических порядков. Однако в виде предварительного и общего замечания едва ли не следует обозначить их полуфеодальными или даже феодальными отношениями.

Поселения по нижнему Дону в общем возникают позже, чем сходные с ними городища Салтовско-маяцкой культуры. Но зато они, видимо, и заканчивают несколько позже свое непродолжительное существование. Очень важно уяснить, что было причиной гибели тех и других, если появление всех их можно отнести за счет одного и того же процесса.

Судя по всему, Хазарское царство погибло, будучи не в состоянии отразить сокрушительный удар молодого и агрессивного Русского государства и удержать захлестывающий поток напиравших с востока кочевников-тюрок. Но слабость и неспособность Хазарского царства справиться с внешними силами едва ли следует объяснять только могуществом его врагов. Причины этой слабости нужно искать в нем самом, в тех внутренних противоречиях, какие еще в самом конце IX в. выразились в междоусоб-

---

[1] М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. Сов. археол., № 1, 1936, стр. 159 сл.

[2] Возможно, что с этим процессом следует связывать проникновение болгар в Прикамье и возникновение сначала подвластного хазарам, а затем независимого Болгарского царства на Волге.

ной войне и последовавшем затем переселении одного из хазаро-болгарских племен — кабаров — на запад к венграм. Это была та внутренняя борьба, которая сопутствует феодализирующим процессам и переходу от варварской, «готической», по выражению К. Маркса, империи к феодальной раздробленности и которая, ослабляя варварское государство изнутри, делает его легкой добычей соседей.

Салтовско-маяцкие поселения прекратили свое существование, повидимому, в X в. и, конечно, не в результате взрыва изнутри, а под воздействием внешней силы, отразить которую Хазарское государство было уже не в состоянии. Эти поселения исчезли потому, что население их сохранило живые связи с степными кочевниками, потому, что по своему хозяйству они еще в большей мере были скотоводческими, чем земледельческими и, наконец, потому, что в быту их еще жили кочевнические традиции. Их население под натиском врагов легче, чем коренные земледельцы, могло сняться в поисках новых мест для поселения или даже вернуться к чисто скотоводческому хозяйству и связанному с ним кочевому образу жизни.

Поселения на нижнем Дону просуществовали дольше, причем некоторые из них пережили даже исчезновение самого Хазарского царства. Пережил его и Саркел.

Однако позднейшая история этих поселений связывается с новой для них культурой, с новым этническим составом населения и с новыми политическими образованиями и может составить особую тему, относящуюся уже к истории не Хазарии, а Русского феодального государства.

M. ARTAMONOV

SARKEL ET QUELQUES AUTRES BOURGS FORTIFIÉS DE LA CHAZARIE DU NORD-OUEST

RÉSUMÉ

Les ruines de Sarkel, l'unique ville des Chazars qui nous soit connue non seulement de nom, mais aussi par sa situation, présentent un intérêt exceptionnel. Elles se trouvent sur la rive gauche du Don, non loin de la stanitsa Tsimlianskaia.

L'Académie d'histoire de la culture matérielle menait pendant trois ans (1934—1936) des fouilles systématiques du bourg fortifié de Sarkel.

Sarkel est situé sur un large cap formé par un replis de la rivière. Ce cap est séparé du reste de la rive par le fossé et les remparts. Les ruines des constructions et les traces de la vie passée sont concentrées sur l'extrémité du cap.

Cette partie du bourg est ceinte par des murs de défense en briques.

Les fouilles des dernières années ont précisé le plan et la dimension de la forteresse de Sarkel; le plan de Sarkel avait la figure d'un rectangle 180 m en long et 125 m en large. Dans les angles de la forteresse il y avait de grandes tours carrées (7.90 × 7.90 m). Il est à supposer qu'il y en avait encore le long des murs.

Les murs de défense, ainsi que les autres bâtiments en briques, étaient construits sans bases sur la terre franche aplanie. Ils étaient bâtis principalement en briques carrées (0.24 × 0.24 m). Sur les briques se trouvent parfois des empreintes marquées par les travailleurs indigènes du pays; figures géometriques, schématiques représentant des hommes et des animaux, et signes symboliques.

La porte de la forteresse n'est pas encore trouvée, mais on peut supposer qu'elle était située du côté occidental.

Au fond de la forteresse se trouvaient des bâtiments en briques dont la situation et les dimensions sont à établir par les fosses dont on tirait les briques pour de nouvelles constructions.

Les murs et les bâtiments intérieurs en briques ont été construits en même temps, ce qui représente le Sarkel primitif, construit en 834, comme un avant-poste de défense contre les nomades, — les Petchénègues, apparus des steppes de l'Est de la Volga. Le fort de Sarkel était un appui principal sur la route qui liait la Chazarie avec ses domaines à l'ouest. La domination des Chazars parmi les peuples incommodants des terres occidentales longeant la Mer Noire était dans les intérêts de Byzance qui prit part à la construction du fort de Sarkel.

Le peu d'objets datant du IXe siècle parmi le grand nombre des autres trouvailles et l'existence de grands terrains vagues entre les bâtiments en briques démontrent que les fortifications ainsi que les autres constructions ont été situées sur un plateau vide, inhabité dans le passé et que la population de l'ancien Sarkel était peu nombreuse.

Il est évident qu'au commencement Sarkel était un fort ne contenant que des bâtiments pour la garnison et des entrepôts. Le bourg fortifié de Sarkel ne garda pas longtemps sa destination primitive.

Vers le Xe siècle les murs de défense étaient déjà ruinés et à leurs côtés apparurent de nombreux bâtiments de bois et d'argile, construits partiellement des briques prises dans les ruines des constructions plus anciennes.

La quantité des fosses de grain et les nombreuses trouvailles des meules, des faucilles, des restes des grains témoignent que l'agriculture était l'occupation principale des habitants de Sarkel. Outre l'agriculture, la population de Sarkel s'occupait aussi d'élevage de bétail, de la pêche, de la chasse. Les restes de produits d'artisans, tels que vaisselle d'argile, ornements métalliques, objets d'os et de pierre démontrent que Sarkel était au Xe siècle un centre de production d'artisans — une ville du moyen âge.

Dans les environs de Sarkel et plus loin en descendant le Don et le Donetz se trouvent des villages de la même époque, appartenant évidemment aux habitants qui s'occupaient de l'agriculture et de l'élevage de bétail. Le fait de l'apparition de pareils éléments de population dans les steppes est d'une grande signification historique. La plupart des villages sur les rives du Bas-Don n'ont pas de fortifications, excepté le bourg fortifié près du village Sredny.

L'apparition de bourgs non fortifiés ainsi que la transformation du fort de Sarkel en ville paisible prouve qu'au Xe siècle la limite des domaines chazars passait loin de Sarkel.

Tout autre est le caractère d'un petit bourg fortifié établi sur la rive droite du Don, 7 km en aval de la stanitsa Tsimlianskaia. C'est une petite forteresse de forme triangulaire qui se trouve sur une élévation de la rive haute du Don. De profonds ravins à versants escarpés et le versant encore plus abrupt de la rive font cette place tout-à-fait inaccessible. Des murs massifs en pierre calcaire locale entourent la place du bourg fortifié. Des fortifications semblables à ce bourg pour le caractère général et pour les détails sont connues dans les lieux entre le Haut-Don et le Donetz.

Ce sont les bourgs avoisinant les villages Maiatskoie, Verchny Saltovo, Verchny Olchane.

Le plus connu d'entre eux est le premier, situé près de l'embouchure de la rivière Tichaia Sosna dans le Don.

Près de cette fortification était situé un village et non loin étaient découvertes des sépultures de catacombes.

Ces trois bourgs sont de la même époque et de la même culture du type de Saltovo-Maiatsky.

Les bourgs par eux-mêmes représentent des châteaux de féodaux riches et enferment les habitations des seigneurs ainsi que celles des valets et de la garde. Les propriétaires des châteaux dominaient la population environnante.

Il n'y a pas de doute que la population du Bas-Don et de la région Saltovo-Maiatskaia appartenait au même milieu culturel et ethnique.

Ce sont des peuples bulgares-chazars, qui représentent la transformation de la population aborigène des steppes Sud-Est, connue sous le nom de sarmates. Le peuple porteur de la culture Maiatskaia garda son nom ancien acii ou yaci.

L'apparition des villages fixés dans la zone des steppes d'abord dans la méridionale et septentrionale est liée au développement social et économique des aborigènes, à l'apparition de relations demi-féodales et féodales.

La formation de l'état chazar est à ce qu'il paraît de la même provenance.

La ruine de cet état amena la disparition dans les steppes de la population agricole fixée.

Sarkel survécut à la chute de l'état chazar, mais son histoire postérieure se rapporte à une culture et une population nouvelles.

А. ТЕРЕНОЖКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ХОРЕЗМЕ

Московское отделение ИИМК организовало под руководством С. П. Толстова археологическую экспедицию по изучению области древнего Хорезма на нижнем течении р. Аму-дарьи (в настоящее время эта область входит в состав Ташаузского округа Туркменской ССР), Кара-Калпакской АССР и Хорезмской области Узбекской ССР. В порядке выполнения общего плана работ экспедиции, рассчитанной на ряд ближайших лет, автор настоящей статьи произвел в 1937 г археологические разведки в Турткульском и Шаббазском районах Кара-Калпакской АССР Разведками удалось охватить значительное пространство, ограниченное с западной стороны руслом Аму-дарьи, с северной — горным хребтом Султан-уиз-даг, а с восточной стороны — пустыней Кызыл-кум.

Арабские географы X в. н. э. — Истахри и Макдиси, — описывая Хорезм, [1] сообщают об обследованной нами территории ряд ценных сведений. Где-то здесь проходил от Абукша (совр. Тюя-муюн или теснина Дул-дул-атлаган) магистральный канал Гавхоре, по которому могли ходить большие аму-дарьинские суда. По течению Гавхоре было много городов и земледельческих селений, канал орошал земли обширной и густонаселенной области Арык Джардур, бравший начало из Гавхоре, снабжал водой старую столицу Хорезма — город Кят, стоявший на берегу р. Аму-дарьи. Соседство с бурной и непостоянной рекой повлекло гибель этого богатого города, известного величественным замком хорезмшахов, мечетью с какими-то замечательными деревянными колоннами, красотой построек и оживленными рынками. Как известно, разрушение г. Кята Амударьей в результате размыва берега началось еще в первой половине X в. н. э., а в конце того же столетия от него уже не осталось почти никаких следов. С той поры центром Хорезма стал г. Ургенч, развалины которого лежат на левом берегу Аму-дарьи около с. Куня-Ургенча в Ташаузском окр. Туркменской ССР Вполне естественно, что катастрофическое исчезновение старой столицы повлекло за собой некоторый экономический упадок тяготевших к ней районов правобережья. Большой урон нанесли им соседившие в эту пору с Хорезмом воинственные племена огузов. Но особенно губительно сказались на них последствия монгольского завоевания, после которого плодородная страна превратилась в дикую пустыню. Знаменитый географ и путешественник Ибн-Батута, проехавший в 1333 г., т. е. более чем через сто лет после монгольского разгрома, из г. Ургенча в г Бухару, пишет, что от г. Кята (на месте бывшей столицы) вплоть до г. Бухары ему не встретилось ни одного селения. [3]

---

[1] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 141—155.

[2] А Ю Якубовский. Развалины Ургенча Лгр., 1930.

[3] Voyages d'Ibn-Batoutah, т. III, стр. 19—20. — В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 494.

Земледельческая культура начала возрождаться здесь лишь в XIX в. под властью Кунградской династии хивинских ханов. Процесс вторичного освоения земель древнего орошения далеко еще не закончился: полное хозяйственное использование их требует осуществления крупных ирригационных работ.

На первых порах нами были обследованы ближайшие окрестности г. Турткуля (рис. 1). Здесь, по обрывистым берегам р. Аму-дарьи и в песках, окружающих город с южной и восточной сторон, следов древней жизни не обнаружено. Вслед за этим были произведены разведки в с. Шурахане и в г. Шаббазе. Крепость в Шурахане, известия о котором восходят к X в.

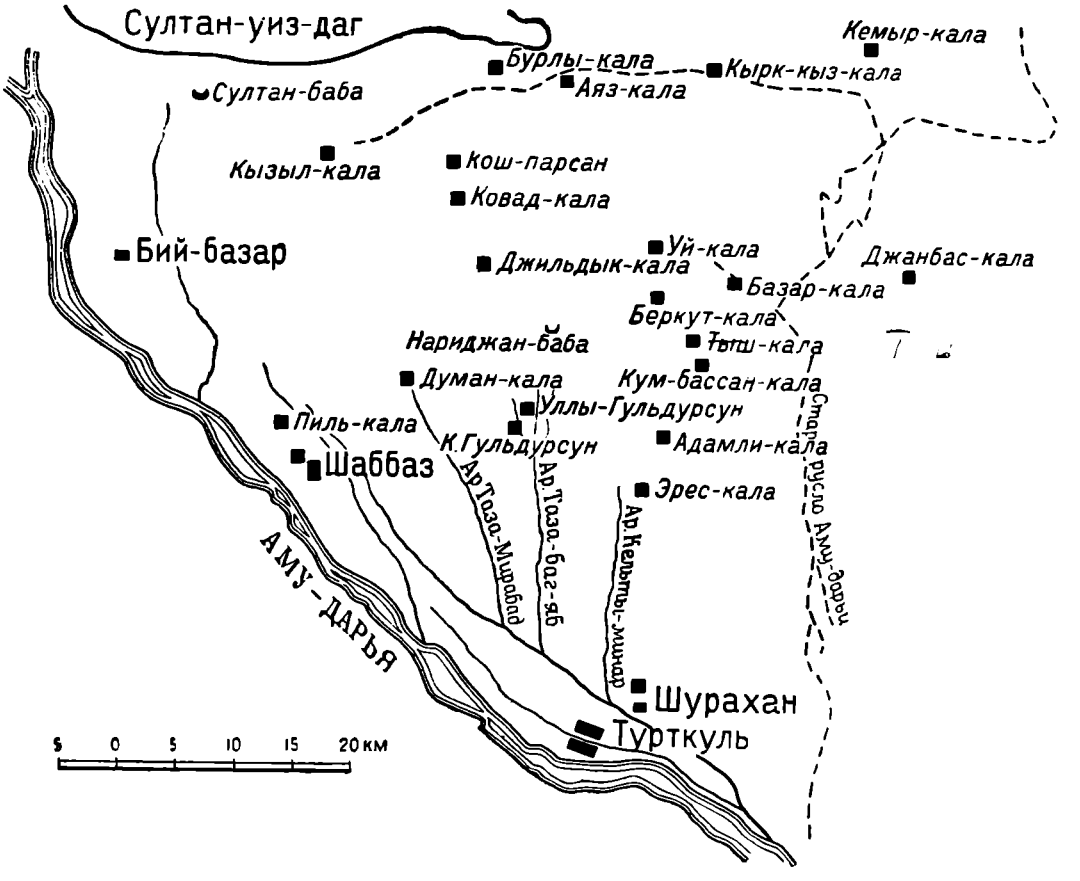

Рис. 1. Карта археологических разведок Хорезмской экспедиции МОИИМК 1937 г.

н. э., [1] носит на себе следы поздних построек, больших ремонтов и находится сейчас в развалинах. Особенно сильно пострадала она в результате устройства здесь современного кладбища. Однако планировка крепости заслуживает самого пристального внимания, так как в ней еще сохранились черты, свойственные средневековой хорезмской крепостной архитектуре.

Относительно Шаббаза в исторической литературе сложилось определенное представление как о месте, где стоял древний Кят. [2] Первое указание на это мы находим у А. Куна, составившего путевые записки о Хорезме через год после завоевания русскими Хивинского ханства. Он пишет, [3] что современный ему Шаббаз занимал четвертую часть развалин цитадели древнего Кята. С древним Кятом он связывает также гробницу Шейх-Аббавали, гробницу Кашермес-баба и полуразрушенный минарет. Знакомство

[1] В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 149.
[2] Там же, стр. 149.
[3] А. Кун. Культура оазисов низовий Аму-дарьи. Матер. для статист. Туркестанск. края, в. IV, стр. 252.

с развалинами города, на котором стоит старая часть г. Шаббаза, вызывает, однако, сомнения в приписанной им древности. В конструкции сохранившихся башен ясно выступают черты, характерные для фортификации XVIII и первой половины XIX в., классическими образцами которой следует считать укрепления гг. Хивы и Хазараспа. Незначительные наслоения культурного слоя внутри крепости состоят из остатков той же поздней поры. Развалины минарета, о котором упоминает А. Кун, были разобраны несколько лет тому назад на кирпич. Гробница Шейх-Абба-вали сильно застроена различными пристройками. Вследствие этого мы не имели возможности сделать определенные заключения об ее архитектуре и возрасте, но кажется, что она также не отличается большой древностью. Старенький мазар Кашермес-баба построен едва ли ранее XVIII в. Он находится в 1.5 км от Шаббаза и стоит на гребне высокого и массивного вала, который начинается около дороги в Бай-базар и уходит в восточном направлении. Размеры вала свидетельствуют о монументальном характере этого былого оборонительного сооружения. В 2.5 км от Шаббаза по той же дороге, вправо от нее, на середине озера стоят развалины крепости Пиль-кала. Крепость Пиль-кала имеет своеобразное устройство и относится, повидимому, к III—IV вв. н. э. Описание ее приводится ниже вместе с описанием крепости Аяз-кала № 1. В современном узбекском произношении звук «ф» переходит в «п», а поэтому можно предполагать, что под Пилем скрывается Филя или Фира, название известного замка хорезмшахов в г. Кяте. А если это так, то Филь, окруженный тремя параллельными стенами одинаковой высоты, над которыми возвышался дворец хорезмшахов, смытый полностью, по словам Бируни, в 994 г. н. э., [1] сохранил свое имя в народной памяти за развалинами другого замка, стоявшего в окрестностях г. Кята. Руководствуясь приведенными данными о древних памятниках Шаббаза, можно предполагать, что отмеченный выше вал, на котором стоит мазар Кашермес-баба, является остатком стены рустака или большого рабада г. Кята, а бывшие развалины минарета и гробница Шейх-Аббаз-вали, вероятно, связаны с Кятом монгольской эпохи.

Несмотря на незначительное количество сведений, они, хотя и косвенно, подтверждают указания А. Куна на Шаббаз как место древнего Кята; сведения эти основаны, вероятно, на местном предании. Надеемся, что при организации специальной поездки в Шаббаз удастся основательнее и по-новому поставить изучение важной для истории Хорезма проблемы древней столицы страны.

Наши основные разведочные работы были сосредоточены в пустынной местности, расположенной между совхозом Гульдурсун и восточными отрогами хребта Султан-уиз-даг. Опорной базой разведок служил совхоз Гульдурсун, стоящий около восточной стены развалин крепости Уллы-Гульдурсуна. Он находится в 27 км от г. Турткуля и, занимая почти центральное место среди прочих развалин, удобен для маршрутных поездок.

Остановимся прежде всего на размещении археологических памятников в этом районе.

Современный земледельческий оазис вытянулся узкой полосой вдоль р. Аму-дарьи и по арыкам, идущим от нее на С — по направлению к хребту Султан-уиз-дага. Орошенные земли вдоль арыков разделяются между собой своеобразными водоразделами из подвижных барханных песков. В 25—30 км от г. Турткуля культурные земли по арыкам обрываются, целиком уступая место пустыне. В пределах пустыни «водораздельные» гряды песков развиваются, но не теряют своего характера. Они продолжаются далее в том же меридиональном направлении и сливаются на СВ с пустыней Кызылкум. Пространство между «водораздельными» песками занято широкими

[1] В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 143—144.

(от 1.5 до 3 км) площадями лёссовых земель и такыров, которые служат прямым продолжением современных орошенных земель. На этих землях видны остатки древней оросительной сети, магистральные каналы которой (ширина их от 3 до 8 м) также служат как бы прямым продолжением действующей оросительной сети и имеют с ней общую ориентацию. По землям древнего орошения разбросаны многочисленные развалины городов, укрепленных селений, замков и отдельных построек. Севернее сбросовых вод арыка Кельте-минар с Ю на С вытянулась цепь развалин крепостей Кум-бассан-кала, Тыщ-кала, Беркут-кала и Уй-кала. [1] Севернее арыка Таза-баг-ябга лежат развалины Уллы-Гульдурсуна, Кичик-Гульдурсуна и группа развалин замков и разных построек в окрестностях гробницы Наринджан-бабы. Возможно, что система этого арыка питала также земли, начинающиеся около крепости Джильдык-кала и кончающиеся близ развалин Ковад-кала и двух замков, имеющих общее имя

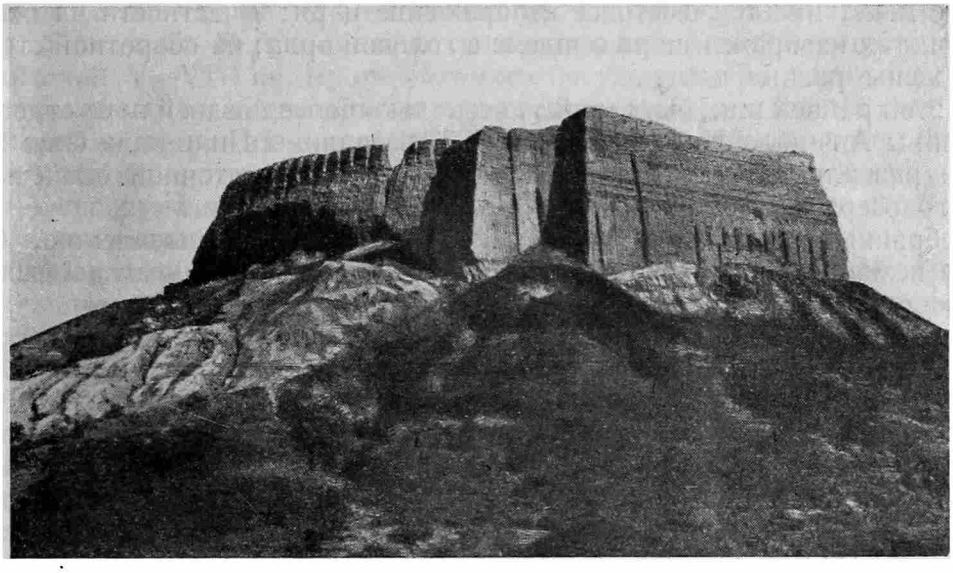

Рис. 2. Крепость Аяз-кала № 2 Вид с юго-западной стороны.

Кош-парсан, которые расположены около восточной оконечности бывшего озера Истемаса. В северном конце арыка Таза-мирабад стоят развалины крепости Думан-кала. К В от Кош-парсана и к ССЗ от крепости Уй-кала земли древнего орошения прерываются широкой полосой безжизненных солончаков, за которыми у восточных отрогов Султан-уиз-дага стоят развалины крепости Аяз-кала. Район Аяз-кала питался водой из большого арыка, рассекающего солончаковые пространства с ЮЗ на СВ. Вследствие того, что лежащие рядом с Аяз-кала развалины двух других крепостей не имеют названий, мы обозначали их номерами по порядку: собственно Аяз-кала, занимающая вершину высокого холма, обозначена № 1; замок, стоящий на невысоком холме к Ю от возвышенности с крепостью Аяз № 1, обозначен Аяз-кала № 2 (рис. 2) и, наконец, развалины в 250—300 м от Аяз-кала № 2 — Аяз-кала № 3 К В от группы крепостей Аяз-кала виднеется много развалин укреплений и построек, имеющих, кажется, непрерывную связь с цепью развалин Кумбаскан-кала — Уй-кала. Они уходят на В вдоль старого русла или протока Аму-дарьи. Эти развалины еще не

[1] Укрепления Эрес-кала и Адамли-кала не обследованы. Оросительной системе арыка Кельте-минар и землям древнего орошения к северу от нее более всего, по описанию Истахри, соответствует течение арыка Гавхоре (B. G. A., стр. 1).

были обследованы, а потому мы пока не можем сказать о них ничего определенного.

Древнейшие находки, добытые разведками в этом районе, восходят к первым векам до н. э., а наиболее поздние — к XIV в. н. э. Таким образом они охватывают период не менее чем в 17—18 столетий. К числу древнейших находок принадлежат бронзовые наконечники стрел, несколько монет и дужка фибулы. Они собраны на песчаных выдувах в восточных окрестностях гробницы Нарынджан-баба и в окрестностях Беркут-кала. Стрелы найдены нескольких типов: 1) трехгранные — втульчатые и черешковые и 2) черешковые двухперые. Трехгранные втульчатые наконечники стрел хорошо известны нам по памятникам скифской культуры в Европейской части СССР. [1] Параллели к черенковым наконечникам стрел следует искать либо в самой Средней Азии, либо в Иране.

Медные монеты, по мнению специально занимавшегося ими С. П. Толстова, были чеканены в Хорезме по бактрийским образцам. На лицевой стороне монет имеется бюстовое изображение царя; в частности на некоторых монетах изображен царь в шлеме с головой орла; на оборотной стороне изображены разные тамги.

К этой ранней или, быть может, несколько более поздней поре относятся развалины Аяз-кала № 1, Аяз-кала № 3, развалины Пиль-кала близ Шаббаза и развалины двух замков Кош-парсан близ восточной оконечности бывшего озера Истемеса.

Собранные здесь археологические материалы, к сожалению, были крайне незначительны и малохарактерны, так что мы не имеем данных для их хронологического определения.

Укрепление Аяз-кала № 3 сильно пострадало от времени и превратилось на большом протяжении в простой вал. Его массивные стены были сложены из крупных сырцовых кирпичей размером $42 \times 42 \times 10$ см. Судя по профилю вала, стены были двойными или же внутри них шел ход, подобный тому, какой мы видим в стене Аяз-кала № 1. Длина укрепления с В на З — 241 м, а ширина — 168 м. По углам стояли круглые, а по стенам ронделевидные башни. Вдоль длинных стен находилось по 7 башен (не считая угловых), вдоль восточной — 5, а в середине западной стены находились ворота, по сторонам которых стояли 2 башни. Для защиты въезда левый конец стены образует перед ним колено и вытянут на некотором расстоянии параллельно правому концу стены до одной из башен. Этим достигалось то, что боец, устремлявшийся в ворота, оказывался под ударом с правого, т. е. неприкрытого щитом, бока. Внутри укрепления против середины северной стены находятся остатки большого здания, имеющего двойные стены. Вся площадь его была разделена на множество маленьких комнаток, размерами 4×7 м и 3×5 м; всего насчитывается в нем до 40 таких помещений. Обломки глиняной посуды встречаются в разных местах укрепления, но больше всего их на поверхности развалин этого здания. Здесь имеются обломки простой посуды (хумов, горшков), изготовленной без применения гончарного круга из грубовато-промешанной глины с примесью дресвы; они имеют высокий обжиг красноватого или бурого цвета. Хумы и горшки отделывались по наружному краю широким овальным бортиком. Кроме того, встречаются обломки сосудов, чаще всего мисок, сработанных на гончарном кругу. Они делались из тонкоотмученной глины, хорошо обжигались и имеют в изломе красный цвет. Некоторые обломки снаружи и внутри крыты характерным ангобом розоватого цвета. Описанные особенности посуды с Аяз-кала № 3 позволяют отождествлять ее с посудой,

[1] Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Тр. Секции археологии РАНИОН, вып. V, М., 1930, стр. 70—90. — P. Rau. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Покровск, 1929, стр. 34—40.

найденной экспедицией Узкомстариса на развалинах в урочище Айрытам близ г. Термеза, датированной обнаруженными там замечательными скульптурными изображениями карниза храма первых веков н. э. [1]

Как отмечено выше, Кош-парсан состоит из двух замков. Оба они выстроены, примерно, по одному и тому же плану. Один из них, сохранившийся лучше, был обнесен прямоугольной стеной; длина сторон — от 65 до 80 м. На углах выступают круглые башни, а по сторонам стоят две ронделевидные башни. Центр двора укрепления занят остатками большого квадратного замкового сооружения — донжона. Высота сооружения, сохранившаяся над уровнем поля, не превышает 7—8 м. Вход в донжон находился в середине южной стены. Напротив него в нескольких метрах возвышается бугор от бывшей предвходной башенки (с устройством подобных б шенок мы имели возможность лучше ознакомиться на памятниках V—VIII вв. н. э.). Обломки глиняной посуды встречаются на развалинах Кош-парсан в небольшом количестве. Судя по ним, выделка посуды не отличалась высотой техники. В этом отношении она ближе всего стоит к грубой посуде с Аяз-кала № 3, но нельзя также отрицать и некоторого сходства ее с керамикой V—VIII вв. Кроме обломков посуды, на территории описанного замка была найдена одна медная монета с изображением царя в шлеме с головой орла — подражание парфянскому чекану. Эта находка позволит в свое время уточнить датировку наших памятников. Кстати отметим, что по конструкции сооружений и по общей планировке замки Кош-парсан стоят ближе всего к нижеописанным замковым постройкам V—VIII вв. н. э.

Пиль-кала и Аяз-кала № 1 имеют одинаковое устройство. В виду этого мы вначале остановимся подробнее на описании лучше сохранившегося укрепления Аяз-кала № 1 (рис. 3).

Крепость Аяз-кала № 1, занимая вершину крутосклонного холма (около 60 м высотой), была доступна для военного нападения лишь с восточной стороны; к этой стороне примыкает широкое плато с отлогими скатами.

Крепость обнесена высокой стеной, сложенной из крупных сырцовых кирпичей (38 × 38 × 13 см); длина крепости с С на Ю 169 м, ширина 137 м. Время сильно сказалось на постройке, однако многие ее части, особенно с северной и восточной сторон, сохранились неплохо. Ворота расположены в середине южной стены против самого крутого склона холма и великолепно защищены башнями, фланкирующими не только самые ворота, но и подъездной путь к ним. В толще массивной стены имеется проход (нечто вроде каземата), перекрытый коробовым сводом. Над сводом по стене идет открытый ход для защитников крепости. Он прикрыт с внутренней стороны сплошной высокой оборонительной стенкой, а с внешней стороны брустверо с большим количеством бойниц, отстоящих одна от другой на расстоянии не более одного метра. Бойницы маленькие и узкие; потолок их почти горизонтальный, а пол падает так круто, что с наружной стороны они выглядят как узкие длинные щели. Такое устройство бойниц позволяло производить, с одной стороны, горизонтальный обстрел поля перед крепостью, а с другой — почти навесный обстрел подошвы стены. [2] Самое замечательное в устройстве крепости Аяз-кала № 1 заключается в частом расположении башен (рис. 4), которые отстоят друг от друга не более чем на 11—12 м. Башни полые, ронделевидной формы, сильно выступают из стен и имеют вследствие этого очень характерную форму. Подобно стенам, они снабжены большим количеством бойниц. В центре крепостного двора находится большая (теперь

[1] М. Е. Массон. Находки фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Матер. Узкомстариса, вып. I, Ташкент, 1933. — О н ж е. Археологические работы в Узбекистане за последние годы (1933—1935). Соц. наука и техника, Ташкент, 1936, вып. II, стр. 49 —Культура Востока, сборник Музея восточных культур, II, М., 1928, стр. 41—42.

[2] Обстрел подошвы стены в средневековых крепостях осуществлялся обычно при помощи навесных машикул.

заваленная) яма глубиной 5 м, прорубленная в скале. Возможно, что здесь был колодец.

Никаких следов древних построек и отложений культурного слоя внутри крепости обнаружить не удалось. Лишь один маленький участок восточной стены около самого юго-восточного угла крепости оказался использованным под жилье. Мусор, выбрасывавшийся отсюда наружу за

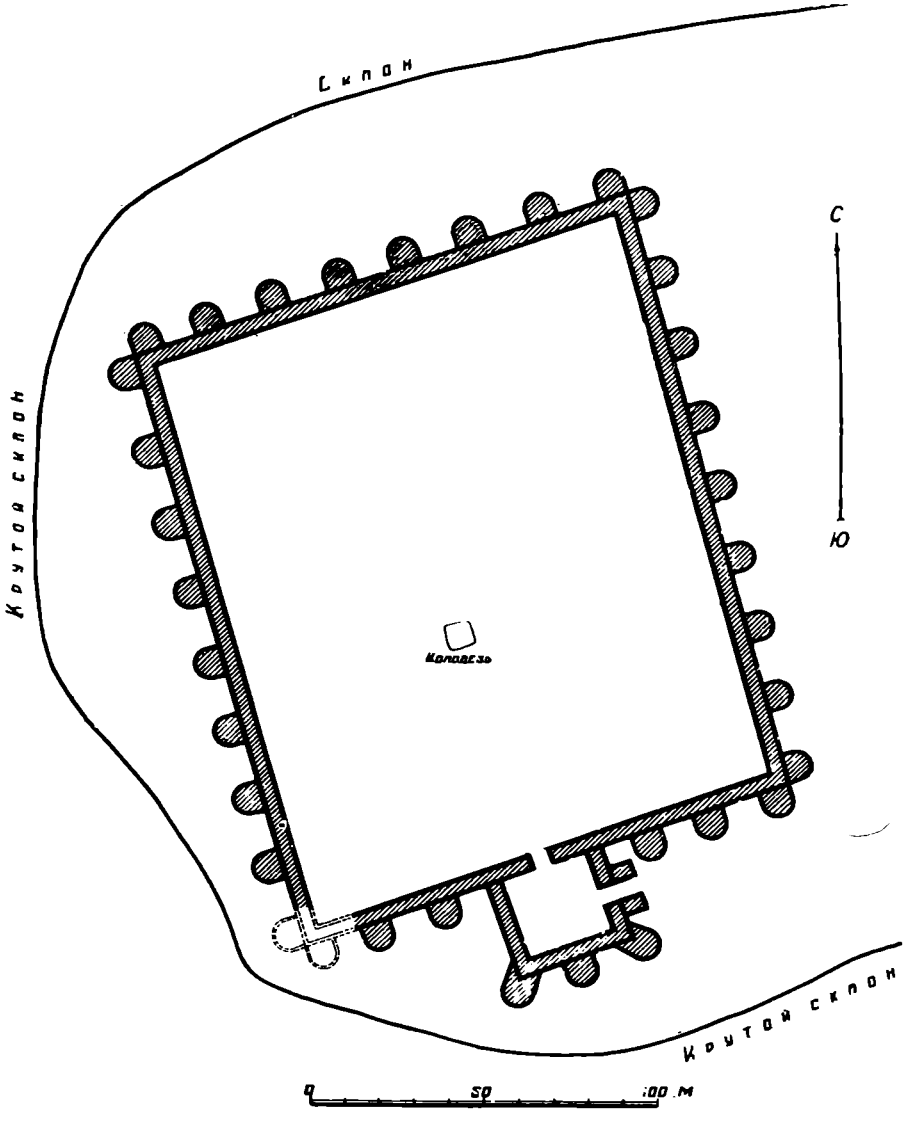

Рис. 3. Схематический план крепости Аяз-кала № 1.

стену, состоит из обломков неполивной посуды и небольшого количества обломков поливных блюд. Характер керамики позволяет уверенно отнести их к X—XII вв. н. э. Нужно предполагать, что отмеченные нами остатки постройки принадлежали пограничному посту или охотникам за дичью, которые использовали для временного обитания стену старого, давно заброшенного, замка. [1]

Пиль-кала стоит на острове посредине широкого, но не глубокого озера (1.5—2 м). Мы не будем останавливаться на описании его стен, башен и отдельных деталей, так как они не дают ничего нового по сравнению с крепостью

[1] Окрестности Аяз-кала в настоящее время посещаются главным образом охотниками на диких коз, лис и зайцев.

Аяз-кала № 1. Пиль-кала оригинальна только тем, что юго-восточный угол ее занят главным укреплением — донжоном, размеры которого придают ему вид самостоятельного замка. Он обнесен четырехугольной высокой и весьма массивной стеной; длина каждой стороны — 54 м. Высота стен достигает 10—11 м, толщина — 6 м, стены сбиты из глины, которая уложена не обычными продольными рядами, как это делается теперь, а поперечными. При такой кладке ряды глины выступают на поверхности стены торцами; это придает ей характер кладки из больших глинобитных прямоугольных параллелепипедов. Вход в донжон находится в середине западной стены. Внутри него, вдоль двух стен, идут остатки жилой постройки, обнесенные толстой, но невысокой стенкой. В двух больших шурфах, заложенных на

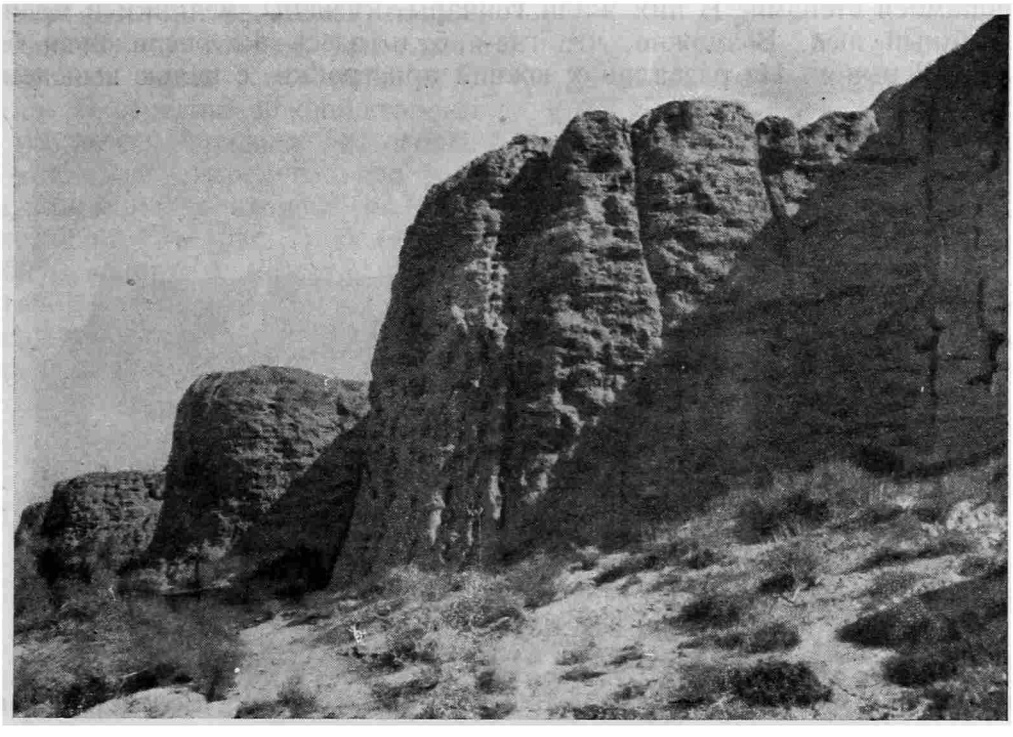

Рис. 4. Северная стена крепости Аяз-кала № 1.

развалинах Пиль-кала, встретилось несколько мелких и нехарактерных обломков глиняной посуды.

Полнее всего разведками выявлены археологические памятники V—VIII вв. н. э. К этому периоду относятся развалины крепости Беркут-кала, лежащей в 12—15 км к С от совхоза Гульдурсуна, развалины замка Аяз-кала № 2 и развалины укрепленного селения Думан-кала, расположенного в 10 км на З от совхоза Гульдурсуна.

На территории перечисленных развалин собрано около сотни домусульманских монет. На лицевой стороне монет обычно изображена голова царя в пышной короне, на оборотной стороне — всадник, вокруг которого надпись неизвестным шрифтом. Единичные монеты этого рода встречаются в нумизматической литературе; они определялись исследователями поразному (в частности, Марков считал их монетами поздних индоскифских царей династии Турушка). Теперь эти монеты поступают в научное обращение в таком значительном количестве впервые и, что особенно важно, с точным паспортом (местонахождение ранее изданных монет было неиз-

вестно). По стилистическим признакам и техническим особенностям чеканки они близки к сасанидским монетам и условно относятся нами к V—VIII вв. н. э., что служит основанием и для определения времени, к которому относятся развалины, где они встречаются. Опыт анализа монет и дешифровка надписей на них произведенные С. П. Толстовым, подтвердили правильность намеченной нами относительной хронологии археологических памятников.

Беркут-кала (рис. 5) представляет большой четырехугольный замок, обнесенный высокой массивной глинобитной стеной (по 100 м в каждой стороне) с круглыми сторожевыми башнями на углах и вдоль стены. На юго-восточном углу ее находится четырехугольная башня, которая служила жилищем владельца замка. Снаружи к южной и восточной стенам замка прилегают развалины двух селений, обнесенные невысокими и сильно развалившимися стенами. В них жили гончары, кузнецы, медники и прочий ремесленный люд. Возможно, что где-нибудь здесь же расположен был небольшой рынок. На развалинах южной пристройки, с целью выяснения

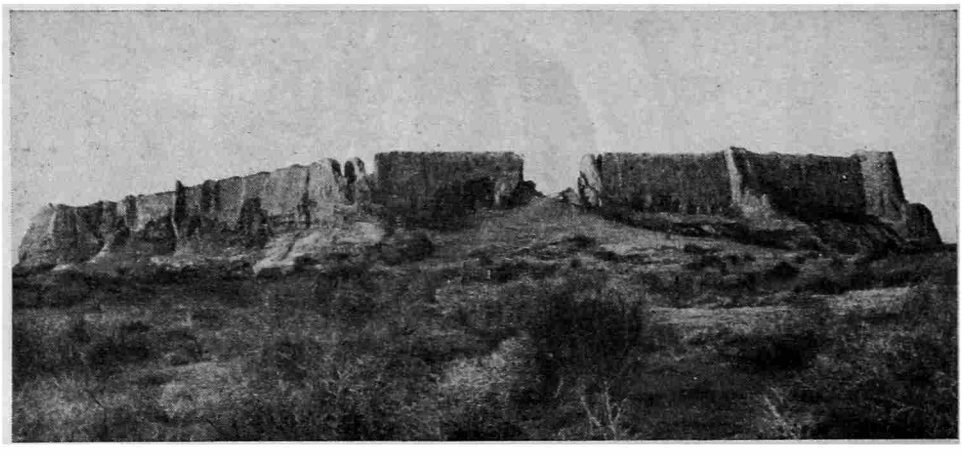

Рис. 5. Общий вид Беркут-кала с юго-востока.

стратиграфии наслоений, был заложен большой шурф. Вследствие того, что непосредственно под поверхностью оказались остатки различных жилых построек, сложенных из крупных сырцовых кирпичей, [1] мы вынуждены были на глубине 0.5—0.8 м прекратить шурфовку, так как она могла нанести ущерб целости древних комплексов. Несмотря на незначительность раскопок, они дали ряд ценных находок, залегавших in situ. На площади раскопок найдены: разбитый глиняный хум, кувшин для носки воды, глиняный кухонный котел, одна монета с изображением царя, пращевой камень, камень от ручного жернова и др. В северо-восточном углу шурфа обнаружены следы каких-то жертвоприношений. Здесь, на участке между стенами, засыпанном рыхлой землей, стояло пять маленьких глиняных горшочков грубой работы. Они до половины были наполнены песком; в песке лежало по одному овечьему или козьему астрагалу, а кроме того в двух горшках лежало по одной медной монете с припаянными железными иголками. О неслучайности этого явления говорит то, что в нескольких метрах от места их находки из земли торчало горло кувшина. Кувшин внутри был тоже наполнен песком, поверх которого лежало несколько целых куриных яиц.

В 2 км к Ю от Беркут-кала стоят развалины замка Тешик-кала, а на таком же расстоянии к С находятся развалины замка Уй-кала. Своими раз-

[1] В постройках домов и замков Беркут-кала и его окрестностей употреблялись сырцовые кирпичи следующих размеров: 37 × 37 × 10; 36 × 36 × 10 и 34 × 34 × 14 см.

мерами и оснащенностью оборонительных сооружений они почти не уступают замку Беркут-кала. Естественно предположить, что владельцы всех трех замков занимали одинаково высокое положение в господствующем сословии того времени.

Полнее сохранился архитектурный ансамбль и планировка развалин Тешик-кала (рис. 6). Подобно Беркут-кала, они обнесены четырехугольником высоких глинобитных стен, имеющих по 100 м в каждой стороне. На углах стен — круглые сторожевые башни с бойницами. Внутри за стеной, параллельно ей, идет вторая, менее массивная и хуже сохранившаяся, стена. В середине южной стороны ее находится большая жилая башня — донжон четырехугольной формы, имеющий в стороне по 27 м, при высоте 13 м (рис. 7). Основание его представляет собой массивную глинобитную террасу (высотой 6 м) в форме низкой усеченной пирамиды, над которой поднимаются стены, сложенные из сырцовых кирпичей. Наружный фасад обработан неглубокими нишами; промежуткам между ними придан характер массивных полуколонн, что придает им «гофрированный» вид.

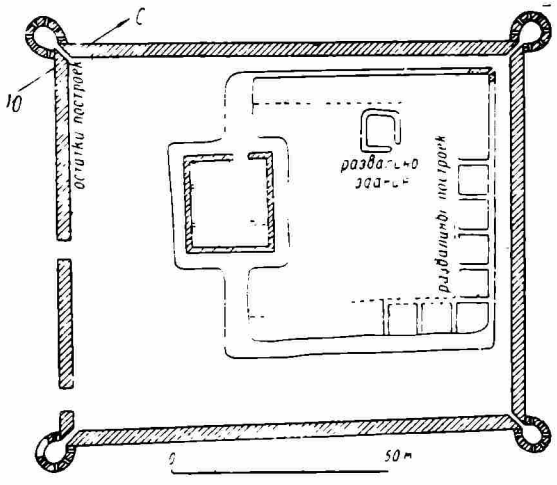

Рис. 6. План замка Тешик-кала.

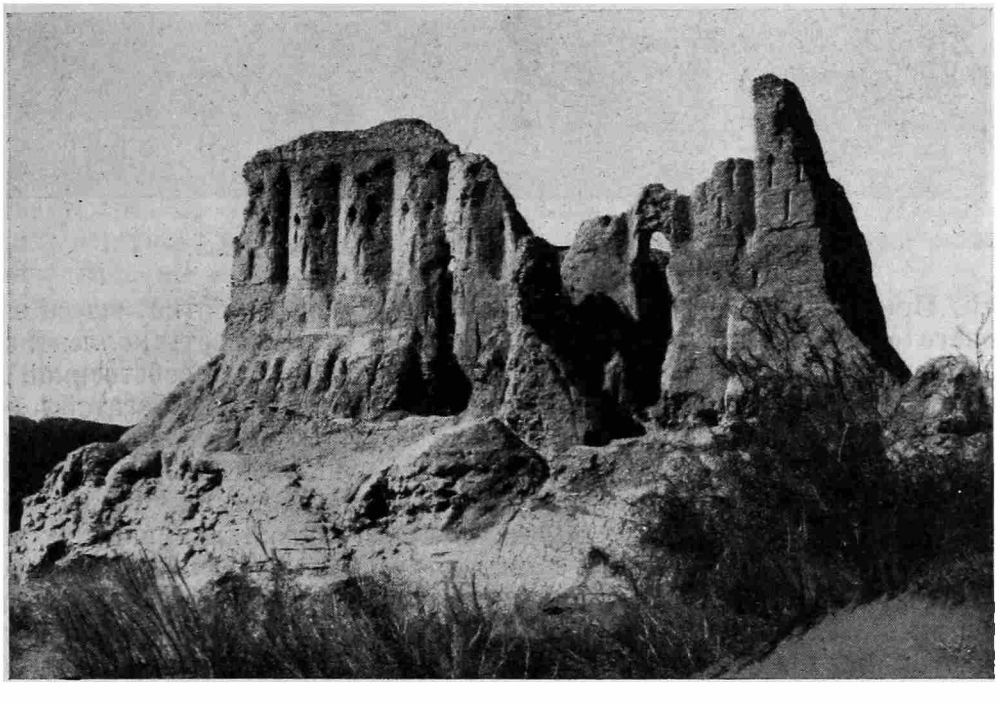

Рис. 7. Жилая башня в замке Тешик-кала. Вид с восточной стороны.

Внутри башни заметны следы стен, деливших помещение башни на несколько комнат. Во дворе, вдоль внутренних стен укрепления (подобно худжрам и медресе), вытянулись развалины небольших хозяйственных и жилых помещений, со сводчатыми перекрытиями; здесь, повидимому, жила различная челядь замка.

Стены замка Уй-кала сильно разрушились, однако донжон его сохранился еще хорошо: подобно жилой башне Тешик-кала, его внешний фасад также обработан рядом полуколонн

Остальное пространство между описанными замками представляет заброшенные поля, орошавшиеся небольшим каналом, шедшим с Ю на С. Со всех сторон, кроме северной, они окружены сплошными барханными песками. Как упомянуто выше, к С от Уй-кала тянутся солончаки, отделяющие район Беркут-кала от древнего оазиса Аяз-кала. По полям между замками на расстоянии 150—200 м друг от друга разбросано около 60 больших построек. Половина этих построек нанесена на план, обмерена и описана. Их устройство одинаково с описанными замками, они отличаются лишь меньшими размерами и меньшей солидностью оборонительных сооружений. Эти маленькие замки принадлежали, как установлено обследованием, простым земледельцам Земледельцы Хорезма жили главным образом не в селах или в кишлаках, а отдельными усадьбами близ своих

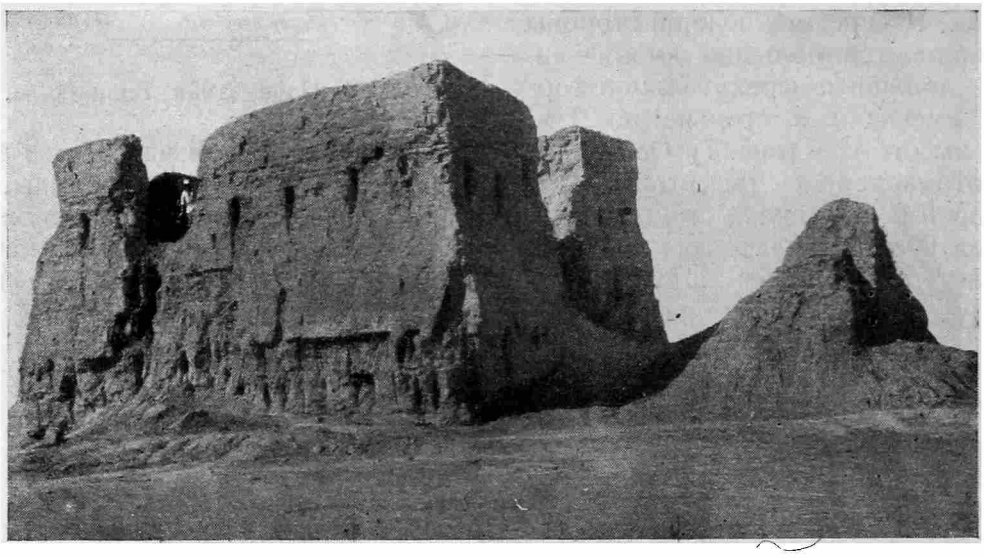

Рис. 8. Жилая башня замка близ Беркут-кала.

полей. При подобном образе жизни, сложившемся, вероятно, еще в эпоху родового общества, земледельцу было трудно организовать коллективную защиту своего скота, запасов, прочего имущества и даже собственной личности от военных грабежей со стороны степных кочевников, богатой и сильной знати или враждебно настроенного соседа. Нам кажется, что только исключительно тревожные условия жизни могли породить такой необыкновенный замковый характер архитектуры земледельческих усадеб. Интересно отметить, что в Хорезме под деспотической властью хивинских ханов вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции крестьянские усадьбы сохраняли вид маленьких крепостей. Дворы замков земледельцев обносились высокими, но не очень толстыми четырехугольными оградами: обычно высота стен достигала 7—8 м, толщина — 1.5 м, длина — от 30 до 46 м, ширина — от 30 до 40 м.

В середине одной из стен или во дворе находилась одна четырехугольная жилая башня с высоко поднимающимися стенками, гладь которых нарушалась только узкими окнами бойниц (рис. 8). В мирное время хозяева замка жили, вероятно, не в донжоне, а в простых домах, стоявших во дворе замка; тут же в сараях держался скот Кроме того, какая-то часть населения жила не в замках, а в простых неукрепленных домах, от которых сохранились сейчас лишь невзрачные груды развалин и оплывших глинобитных бугров

со следами первоначальной планировки. Часто встречаются остатки жилых построек, имеющие в плане вид длинного прямоугольника. Другие дома состояли из соединения нескольких небольших комнат.

Развалины как замков, так и всех других построек и, наконец, сама поверхность поля, теперь сильно развеянного ветром, сплошь покрыты фрагментами глиняной посуды. Всюду встречаются жернова ручных мельниц, зернотерки, целые и разбитые хумы, горшки, кувшины, глиняные котлы, круглые камни для метания из пращи, железные наконечники стрел, пряслица, точильные бруски, монеты, бусы, медные браслеты, кольца и прочие остатки былой жизни. Среди находок особо следует отметить три каменных овальных печати. На одной печати изображен скачущий конь, на другой — всадник с боевым топором в руке, на третьей — тоже всадник, сидящий на фантастическом коне, задняя часть которого изображена в виде свивающегося кольцом хвоста дракона. Под завалом стены одного дома обнаружена куча косточек винограда мерою около двух ведер.

Глиняная посуда из культурных наслоений V—VIII вв. встречается двух родов. Маленькие горшочки и котлы для варки пищи приготовлялись без применения гончарного круга из грубо промешанной глины и обжигались на открытом огне. Большие кувшины для носки воды, кринки и некоторые другие сосуды изготовлялись из глины высокого качества на гончарном круге. Посуда этого рода обжигалась в горнах; обжиг — красного цвета и очень крепкий. Форма кувшинов настолько характерна, что она может служить руководящей при определении памятников V—VIII вв. Дно у кувшина делалось плоским и непропорционально маленьким; корпус полнотелый с сильно выпуклыми стенками; шейка высокая и кончается слегка расширяющимся венчиком; по венчику идет треугольный в сечении бережок. Ручка у кувшина вверху плоская и широкая, книзу сужается и становится округлой в сечении. Верхним концом она прикреплена к краю венчика и, не поднимаясь над ним, круто опускается на плечо у места перехода его в шейку.

Хумы лепились без применения гончарного круга из плотно промешанной глины и обжигались в горнах. Они имеют дно в форме тарелки с выпуклостью посредине. Корпус сильно выпуклый, шейка низкая, вертикальная, а вдоль венчика снаружи идет широкий гладкий или украшенный поперечными вдавлениями валик.

Орнаментация, вообще говоря, мало характерна для сосудов V—VIII вв. Посуда изредка украшена простеньким нарезным орнаментом. Чаще орнаментировались ручки у кувшинов — продольными бороздками или поперечными нарезками.

В целях разведки была раскопана жилая башня одного замка (рис. 9). Основание ее представляло собой массивную глинобитную террасу с вертикальными стенками высотой в 4 м. [1] На ней частично сохранились стены высотой 6 м, сложенные из сырцовых кирпичей. В середине северной стены находился вход на башню (№ 5 на плане), против которого в нескольких метрах поднималась предвходная башенка.

Во всех стенах на небольшой высоте от пола было проделано по 5 узких бойниц для лучного боя. Здание было разрушено пожаром: на полу лежал толстый слой золы, обгоревшие бревна, головни, прокалившиеся докрасна сырцовые кирпичи. [2] Конструктивные особенности стен дают право пред-

[1] Почти все донжоны замков V—VIII вв. имеют в основании более или менее высокую массивную глинобитную террасу, которая, повидимому, служила для того, чтобы затруднить пролом стены тараном или путем подкопа. В X—XII вв. с подобными массивными основаниями строились только сторожевые башни городских укреплений.

[2] Следы пожаров обнаружены еще на нескольких замках в окрестностях Беркут-кала, а в завале помещений двух донжонов найдены человеческие кости. Судя по этому, можно предполагать, что земледельческая культура в районе Беркут-кала погибла после какого-то военного нападения.

полагать, что крыша здания была плоской. Изучение остатков пожарища подтвердило это заключение: потолок был покрыт бревнами, устланными цыновками из тростника, и залит толстым слоем глины. В климатических условиях Хорезма потолочные перекрытия подобного рода вполне обеспечивают помещение от проникновения атмосферных осадков. Помещение донжона делилось толстыми кирпичными стенами на четыре комнаты. В комнате № 1, занимающей юго-восточный угол здания, стоял разбитый

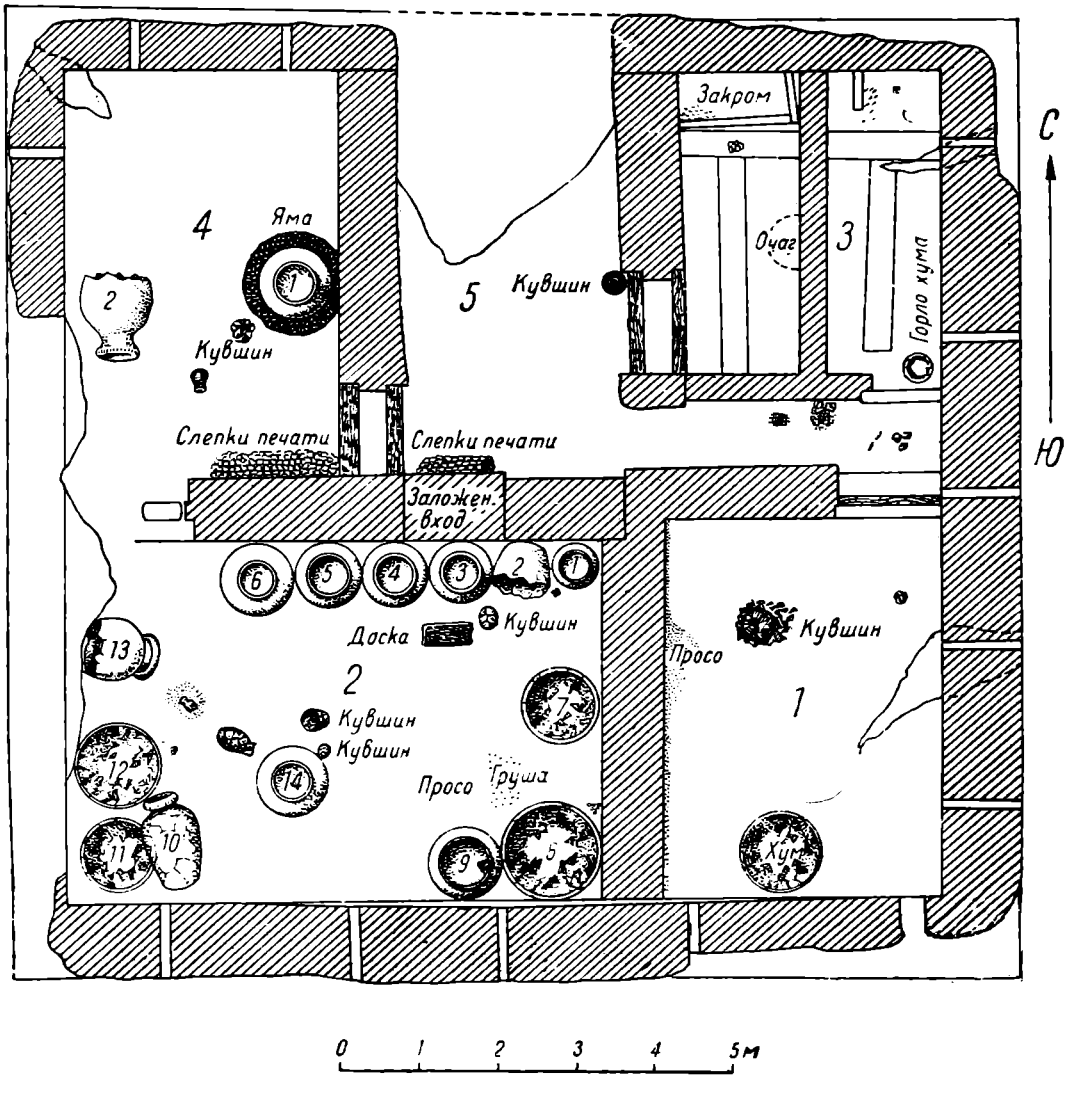

Рис. 9. План раскопок жилой башни замка № 4 около Беркут-кала.

хум, на полу лежал разбитый кувшин, под обломками которого оказалось много косточек абрикосов. Вдоль западной стены по полу рассыпано большое количество проса, перемешанного с землей. Комната № 2, занимающая юго-западный угол башни, была специально предназначена для хранения запасов воды, необходимой на случай осады. Вода держалась в 14 больших хумах, стоявших рядами вдоль стен комнат (рис. 10). Кроме этих хумов, на полу лежали разбитые кувшины, доска, кучка резаных сушеных груш, просо, нахот (горох), разбитая и обгорелая тыква (сосуд). Комната № 3, занимающая северо-восточный угол, первоначально имела назначение жилой, а позднее была приспособлена для хранения разных запасов в закромах. Южная половина комнаты служила коридором, ведущим из главного входа в комнату № 1. В комнате № 3 на полу найден кусок овчин-

ной одежды, угол простеганного на вате халата или одеяла, несколько коробочек хлопка, пучок ваты, пучок овечьей шерсти, просяная солома, сухая трава, резаные сушеные груши, тряпки от бумажной ткани, куски войлока и пр. В комнате № 4 стояли два хума. В одном из них, врытом наполовину в пол у восточной стены комнаты, хранился большой запас хлопкового семени, которое сохранилось довольно хорошо. В середине комнаты лежали разбитый кувшин и кринка. Вдоль южной стены этой комнаты и главного входа по всему полу валялось много слепков круглой печати, выдавленных на больших комьях сырой глины. На печатях изображена сидящая мужская фигура с цветком над головой. Главный вход имел пол на одном уровне с остальными комнатами башни. В него, вероятно, попадали со двора, либо при помощи приставной лестницы прямо с земли, либо по подъемному мостику с вышеупомянутой предвходной башенки.

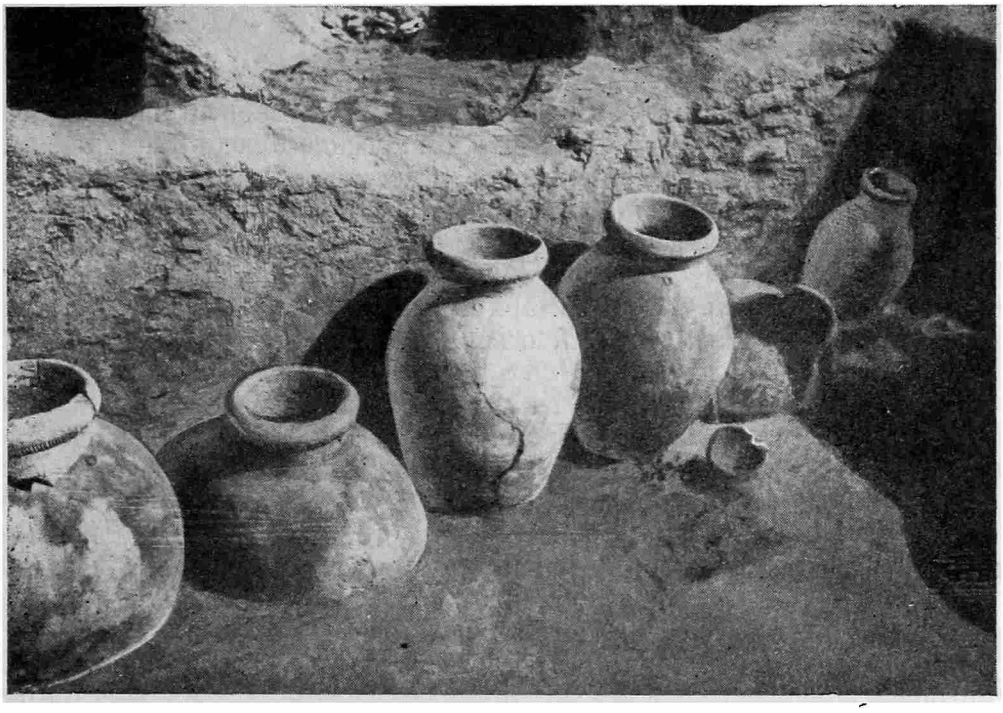

Рис. 10. Хумы для воды в комнате № 2 жилой башни замка № 4 близ Беркут-кала.

Значительное количество растительных остатков, добытых раскопками, позволяет установить существование здесь многих видов культурных растений, сортов фруктов и злаков, характер насаждений на орошенных землях и выяснить направление сельского хозяйства. [1] О важности этого материала для изучения истории культурных растений свидетельствует, например, то, что до настоящего времени не известно ни археологических, ни письменных сведений о культуре хлопка в Средней Азии домусульманского периода. [2]

Замок Аяз-кала № 2, как отмечено выше, занимает вершину конусовидного холма 25 м высоты. Он состоит из двух соединенных между собой замковых сооружений: одно большое овальное, с остатками жилых помещений внутри и сараев для скота. Стены, сложенные из сырцовых кирпичей, обработаны снаружи сплошным рядом полуколонн с бойницами.

Другой замок представляет собой высокое четырехугольное здание, низ которого сбит из глины, а верх сложен из сырцовых кирпичей. К замку

[1] Материалы по культурным растениям переданы на определение в Ботанический институт АН СССР.

[2] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Лгр., 1927, стр. 11.

с западной стороны ведет длинный узкий коридор, кончающийся перед замком остатками небольшой башенки, с которой можно было пройти в замок при помощи подъемного моста. Внутри замка видны глубокие провалы сводчатых помещений нижнего этажа, а в одном углу сохранился целый свод с завалившимся боковым ходом. Внушительность и красота замков значительно выигрывают от положения на возвышенности.

Думан-кала состоит из развалин большого замка с донжоном на углу. С южной стороны к замку примыкает, подобно тому, как мы наблюдаем в Беркут-кала, небольшое ремесленно-торговое селение, обнесенное глинобитными стенами с сторожевыми башнями. Замок Думан-кала сильно разрушен ветрами, источен песками, а призамковое селение занесено барханами почти до самого верха стен.

Заканчивая описание археологических памятников, относящихся к V—VIII вв. н. э., следует упомянуть об изображении сцены осады или взятия замка на одном сасанидском блюде, найденном в 1909 г. близ д. Аниковской, Чердынского у. б. Пермской губ. [1] Архитектура замка на блюде, как в этом нетрудно убедиться путем простого сравнения, почти точно воспроизводит знакомые уже нам конструкции донжонов, в частности донжона замка Тешик-кала. Возможно, что аниковское блюдо принадлежит не к произведениям сасанидского искусства, а изготовлено хорезмскими мастерами. Период, непосредственно предшествовавший арабскому завоеванию Средней Азии, слабо освещен в исторической, а тем более в археологической литературе. Археологические раскопки на горе Муг в Таджикской ССР, где был обнаружен замечательный архив самаркандского царя Дивастича, впервые дали обильный материал, освещающий это интересное время, но, к сожалению, результаты их до сих пор не изданы. [2]

Комплекс памятников Беркут-кала открывает перед исследователями новые благоприятные и весьма широкие перспективы для дальнейшего изучения этой поры. Выдающееся значение Беркут-кала заключается в том, что ее развалины отражают любопытный, с точки зрения генезиса образования хорезмских городов, процесс перерастания усадьбы знатного лица в город. Этот зарождающийся городок окружен со всех сторон развалинами почти целой волости или «рустака», как ее называют персидские и арабские средневековые географы, с большими и малыми замками.

С нашей точки зрения замки вроде Беркут-кала, Тешик-кала, Уй-кала и некоторые другие принадлежали представителям местной аристократии рабовладельческой (домусульманской) эпохи — дихканам, а малые замки— земледельческому населению, жившему в кедах (большими семьями), о которых писал в свое время В. В. Бартольд. [3]

Крепости Уллы — и Кичик-Гульдурсун, развалины в окрестностях гробницы Наринджан-бабы, крепость Ковад-кала и окружающие ее развалины построек относятся к X—XII вв. н. э. В развалинах этих городов, селений, отдельных замков и жилищ встречается много археологического материала в виде фрагментов поливной и неполивной глиняной посуды, пряслиц, монет, бус, браслетов, серег, жерновов от ручных мельниц и т. д. Нужно отметить, что чаще других попадались монеты саманидских эмиров конца X в., чеканенные в г. Бухаре. Преобладание монет бухарской чеканки объясняется, повидимому, положением обследованных оазисов на главном торговом пути, который шел из столичного г. Кята в г. Бухару.

На такырах около этих памятников часто встречаются бронзовые трехгранные наконечники стрел скифского типа, медные монеты всех видов до-

---

[1] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Лгр., 1935, табл. 20.

[2] Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР Лгр., 1935.

[3] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 37.

мусульманской чеканки и сережки «калачиком», известные по погребениям IV—VI вв. н. э. на юго-востоке Европейской части СССР.

Уллы-Гульдурсун и Ковад-кала являются развалинами ремесленно-торговых городков средних размеров Внутри их все постройки развалились и превратились в глиняные бугры. Время мало отразилось только на крепостных стенах. Так Уллы-Гульдурсун сохранностью своих стен

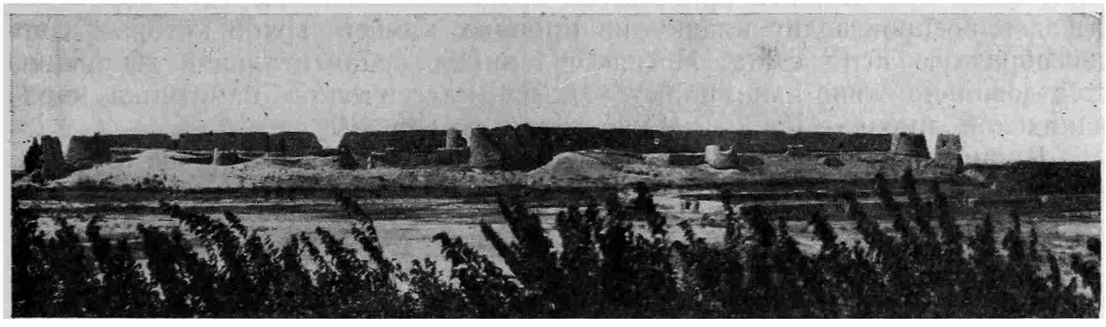

Рис. 11. Уллы-Гульдурсун. Общий вид с восточной стороны.

почти не уступает укреплениям середины прошлого столетия в гг. Хиве и Хазараспе (рис. 11). В фортификации городов X—XII вв. сравнительно с предыдущим временем виден большой прогресс, вызванный, по всей вероятности, влиянием арабской культуры. Это выражается прежде всего в более продуманном устройстве ворот, целесообразном размещении башен вдоль главных стен и окружении их снаружи брустверными стенками с ронделевидными башнями.

Особенно резко изменился архитектурный облик построек в сельской местности. Вместо мрачных замков с высокими донжонами появляются

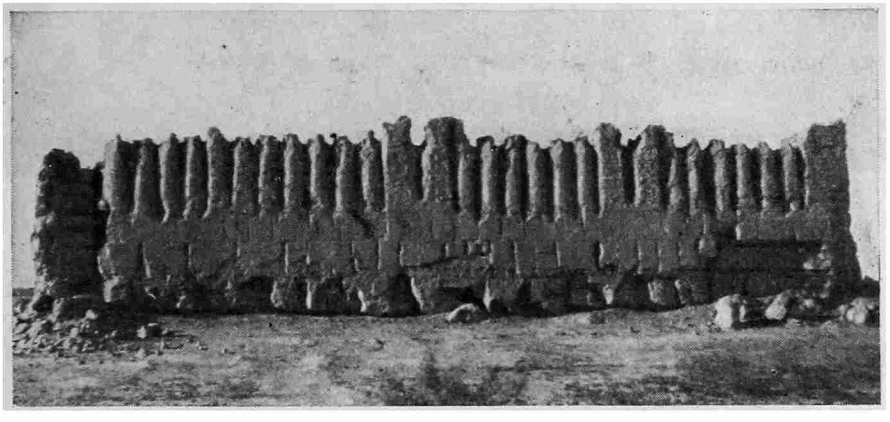

Рис. 12. Дом в окрестностях Ковад-кала.

небольшие и со вкусом выстроенные здания. Одни дома представляют в плане вытянутый (от 20 до 25 м) узкий (от 5 до 6 м) прямоугольник (рис. 12); другие имеют ту же форму прямоугольника, но в два раза короче, и снабжены по углам внешнего фасада многогранными декоративными башенками (рис. 13 и 14). Встречаются дома двухэтажные и одноэтажные; как и ранее, перекрытие домов остается плоским. Стены многих домов от пола до потолка обрабатываются рядами арочковидных ниш, назначение которых остается пока невыясненным. Фасад дома, обращенный во двор, ничем не украшается Все внимание строителей обращается на отделку и украшение внешнего и боковых фасадов, хорошо видных снаружи. Стены домов

постоянно украшаются стройными рядами полуколонн, которые отличаются от полуколонн более древних построек меньшей массивностью и очертаниями соединяющих их вверху арочек. В некоторых случаях ряды сомкнутых полуколонн перемежаются своеобразными композиционными группами, которые составлены из пар четвертин или полуколонн с арочками вверху и панно с рельефными узорами по бокам. Такие «композиционные группы» чаще всего применялись при отделке граней башенок. Нередко обработка фасадов воспроизводит кладку из крупных камней, грани которых дают своеобразную игру света. Мотивы и техника орнаментальной декорации стен довольно живо напоминают отделку классического памятника караханидской эпохи — Рабат-и-Малик близ г. Бухары.

Количество известных в печати архитектурных памятников Средней Азии, Ирана и Индии с «гофрированной» обработкой стен увеличивается

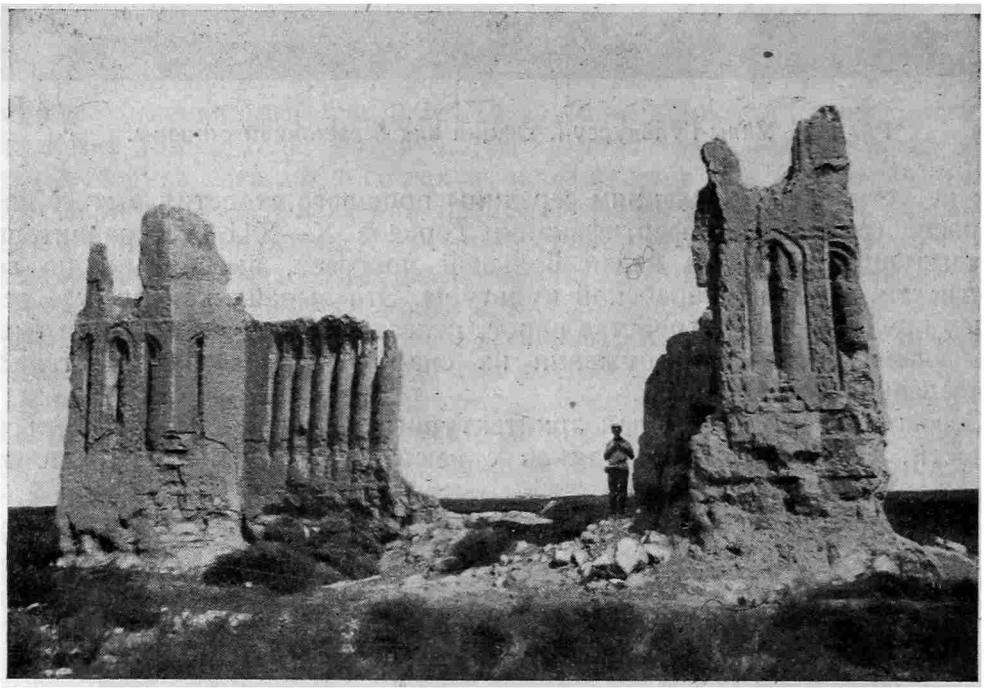

Рис. 13. Развалины дома около крепости Кичик-Гульдурсуна.

с каждым годом. Само появление такой обработки фасадов объясняют тем, что она могла придать жесткость конструкции. Стены Аяз-кала № 2, Тешик-кала и Уй-кала служат древнейшими датированными примерами применения этого архитектурного мотива. Знакомство с памятниками крепостной архитектуры позволяет высказать, в качестве рабочей гипотезы, предположение о возникновении «гофрированной» обработки из того рода бойниц, какими снабжены стены крепости Аяз-кала № 1. [1] Узкие и высокие, часто расположенные бойницы крепостей создают полную иллюзию тяжелых массивных полуколонн, на фасадах замков V—VIII вв. Интересно отметить, что эта обработка полуколоннами, как правило, и в древнейших и позднейших постройках занимает второй ярус стены, причем нижний ярус служит для нее как бы цоколем. Такое положение

[1] О памятниках с «гофрированной» отделкой см.: Б. Засыпкин. Памятники архитектуры Термезского района. Культура Востока, II, стр. 17—40. — Он же. Архитектурные памятники Средней Азии. Сб. «Вопросы реставрации», вып. II, М., 1928, стр. 222—225. — Б. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. МАР, вып. 16, СПб, 1894, стр. 121 и 165. — И. И. Умняков. Рабат-и-Малик. Сборник в честь В. В. Бартольда, Ташкент, 1927, стр. 180—192.

полуколонн, как нетрудно заметить, вполне соответствует месту бойниц на стенах древних крепостей.

Несмотря на то, что неукрепленные постройки встречаются часто, замковая архитектура еще не исчезает из быта. Замки X—XII вв. обно-

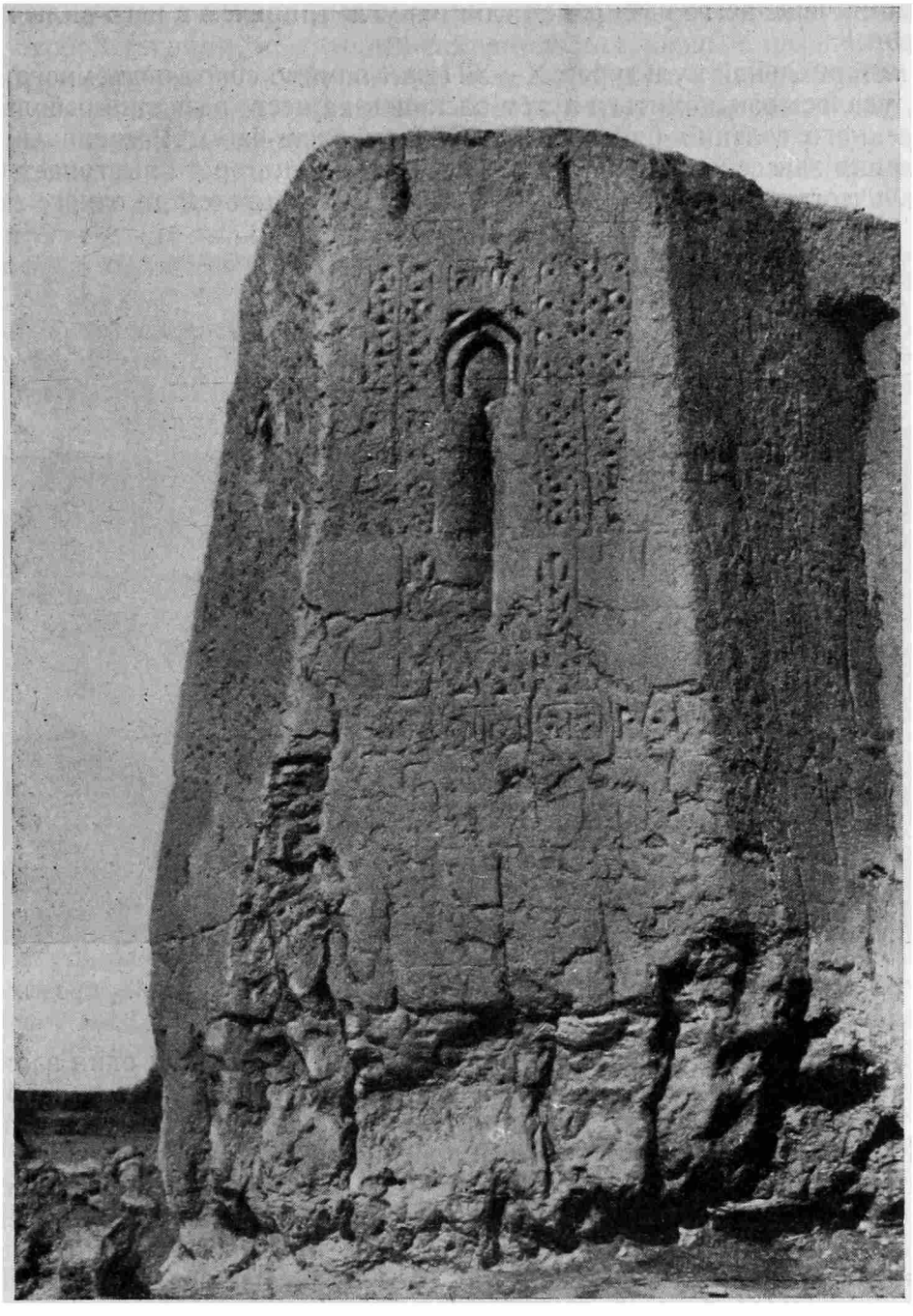

Рис. 14. Угловая башенка постройки близ Ковад-кала.

сились четырехугольными стенами с многогранными башенками на углах и вдоль стен. Та из стен, в середине которой находились ворота, служила главным фасадом. Стена, ворота и башенки на ее углах украшались композиционными группами из полуколонн и декоративных панно. Ворота воспроизводят тип распространенного в средневековом зодчестве Средней Азии портала, так наз. пиштака, с высоким и широким арочным

проездом. Иногда, чтобы затруднить проникновение врага, въезд в ворота делался крайне незначительных размеров. Посредине двора и вдоль стен замка располагались жилые и хозяйственные постройки. К сожалению, бóльшая часть их сильно разрушилась; поэтому мы не имеем возможности восстановить архитектурный ансамбль внутренности замка. Для жилого помещения чаще всего выбирался один из углов, причем в него включалась и башня. [1]

С материальной культурой X—XII вв., помимо сбора подъемного материала, удалось ознакомиться путем раскопок на месте развалин небольшого укрепленного селения близ мавзолея Нарынджан-бабы. Развалины этого укрепления занесены песком, из-под поверхности которого выступает большое количество домов в виде нижних частей стен высотой до одного метра.

Рис. 15. Раскопки дома № 1 близ Нарынджан-баба. Вид с южной роны.

Раскопками обнаружены развалины двух домов, из которых один занимает западную, а другой восточную половину площади. Стены домов небрежно сбиты из глины: они идут криво, местами утолщаются или утоньшаются (рис. 15). Западный дом состоит из террасы (айвана) перед входом и семи комнат небольших размеров (от 12 до 16 кв. м). В углу одной комнаты стояли глиняный кухонный котел и большой кувшин; в середине ее был вырыт маленький очажок. В другой комнате стояла печь для выпечки лепешек (тандыр), сделанная из большого хума, обложенного толстым слоем глины; рядом с печью находился большой очаг из обожженных кирпичей, на углу которого лежал обломок от хума, служивший для разноски жара в мангалы; в полу была вырыта какая-то большая яма, рядом с которой лежал кусок жернова и находился маленький очажок из кусков обожженных кирпичей. Бóльшую половину третьей комнаты занимала лежанка (суфа). В сере-

[1] Развалины замков и жилых построек в сельской местности дают живое представление о том, как выглядел, например, рустак Миздахкан в Северном Хорезме, в котором, по сообщению Макдиси, было 12 000 замков; об этом см.: В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 150 — А. Ю. Якубовский. Городище Миздахкан. ЗКВ, т. V, стр. 555.

дине четвертой комнаты возвышалась небольшая четырехугольная площадка из глины, как бы стол для еды. В углу пятой комнаты находился большой очаг; на остальном пространстве ничего не найдено. Середину шестой комнаты занимал большой, несколько углубленный в пол очаг, а между ним и северной стеной в пол был врыт умывальник цилиндрической формы, выложенный из кусков обожженного кирпича. Все комнаты соединялись между собой дверями, от которых сохранились проходы с незначительными остатками дверных рам. Восточный дом, состоявший из 4 комнат, сохранился значительно хуже западного; он запустел ранее западного дома и служил местом ссыпки золы из очагов. В одной комнате середина ее была занята очагом, а около северной стены находился умывальник, выложенный из целых обожженных кирпичей в виде квадратной площадки с наклоном к центру, где над ямой с песком лежал кирпич с тремя отверстиями. В других комнатах также обнаружены очаги, жернова, корчаги и пр.

Основную массу находок при раскопках составляла неполивная посуда темного и серого обжига, изготовленная на гончарном круге. Она отличается характерной тонкостенностью, а вместе с тем и легкостью. Реже встречались фрагменты поливных блюд или мисок из глиняной массы красного обжига. Они покрыты белым или кремовым ангобом (главным образом внутри), по которому нанесен простой нарезной орнамент, роспись коричневой краской, и облиты тонким слоем стекловидной поливы. Встречаются также обломки изготовленных в формах кувшинов черного или белого цвета и богато украшенных рельефными узорами и арабскими надписями. На обломке одного кувшинчика изображен беркут, бьющий клювом зайца. Иногда встречаются также обломки котлов, выточенных из темного шифера. Среди прочих находок следует упомянуть несколько стеклянных и фарфоровых бус и медных украшений.

Несмотря на значительность площади раскопок, здесь не удалось найти ни одной монеты. Это обстоятельство, однако, не меняет дело, так как большое количество подъемного материала подобного характера в других развалинах сопровождалось монетными находками, которые, как отмечено выше, относятся преимущественно к концу саманидской эпохи.

В южном конце того же укрепления для антропологических целей было вскрыто два участка кладбища. На одном участке, где раскопана 21 могила, оказались мусульманские погребения. В могиле для покойника устраивалась из глины ниша, отверстие которой закладывалось крупными глиняными комьями, а на поверхности из сырцовых кирпичей выкладывалось прямоугольное надгробие. Покойники, повидимому, клались в саванах, головой на З, в вытянутом положении на спине или на левом боку. На другом участке, расположенном к З от первого, вскрыто семь могил, обложенных по поверхности прямоугольными надгробиями из сырцовых кирпичей. Но покойники были похоронены не в нишах или подбоях, как в мусульманских погребениях, а просто на дне ямы или в деревянном гробовище. Все покойники лежали головой на З, в вытянутом положении на спине. В пяти могилах замечены явные следы расчленения (отчленены голова, ноги и таз). На основании находки целого глиняного котла в одной мусульманской могиле можно предполагать, что эта часть кладбища относится, примерно, к одному времени с раскопанными домами. Мусульманский обряд погребения, обнаруженный при раскопках кладбища, и умывальники в домах, которые несомненно служили для омовения, указывают на глубину проникновения мусульманской религии в быт простого населения Хорезма эпохи X—XII вв. Данных для определения времени погребений с расчлененными костяками у нас пока не имеется.

Близ крепости Кичик-Гульдурсуна были произведены раскопки внутри небольшого изящного домика с полуколоннами. Внутри дома на полу лежал незначительный культурный слой, состоявший из фрагментов неполивной

и поливной посуды. В полу была сделана большая яма для хранения зерна и две круглые ямы, из которых одна, наполненная песком, служила умывальником. При раскопках во дворе этого дома встречено лишь незначительное количество фрагментов посуды и одна медная, сильно потертая, куфическая монета.

Заканчивая очерк разведочных работ, остается еще упомянуть о развалинах нескольких построек около Коват-кала, где найдены монеты XIV в. и фрагменты красивой глиняной и фарфоровой поливной посуды. Такая посуда хорошо известна по раскопкам на месте развалин золотоордынских городов на Волге [1] и по подъемным материалам из Куня-Ургенча того же периода. [2] К золотоордынскому же периоду относится неоднократно упоминавшийся мавзолей Наринджан-баба (Мухаммеда б. Мусы б. Дауда Абу-Абдуллаха) с надгробием, на котором имеется дата 712 г. хиджры (1312—1313 г. н. э.), повидимому, указывающая на время сооружения надгробия и самого мавзолея.

Археологические памятники XIII—XIV вв. встречаются здесь крайне редко, что отражает глубину упадка экономической жизни Хорезма, вызванного монгольским завоеванием. Но, как известно, еще более тяжело сказались на Хорезме грабительские походы Тимура конца XIV в., после которых Хорезм не мог восстановить своих сил в течение нескольких веков.

Итоги археологических разведок 1937 г. можно свести к следующим основным пунктам.

1) Выяснено, что пустынная северо-восточная окраина Турткульского и Шаббазского районов Кара-Калпакской АССР занята землями древнего орошения.

2) Археологические материалы, датированные монетными находками и стилистическими признаками, позволяют установить три этапа развития материальной культуры: первый этап обнимает первые века н. э., второй — время с V по VIII в. и третий — время с X по XIII в. Особо следует отметить то, что каждый из этих этапов характеризуется не только обычным археологическим материалом, но и ясно прослеживается по архитектуре крепостных сооружений и жилых построек хорошей сохранности. Последнее обстоятельство важно не только для изучения древнего Хорезма, но и Средней Азии вообще, так как до сих пор ее древняя (особенно домусульманская) гражданская архитектура почти не освещена в литературе.

3) Установлено, что в Хорезме V—VIII и X—XII вв. основной формой поселения в сельской местности служила отдельная усадьба, т. е. тот способ расселения, который в пережиточных формах сохранился там до Великой Октябрьской социалистической революции.

4) Материалы разведок дают возможность сильно продвинуть разработку вопроса о дихканах, которые составляли господствующее сословие домусульманской Средней Азии.

5) Выполнена основная задача разведок, заключавшаяся в учете памятников материальной культуры и в выборе мест для производства археологических раскопок в дальнейшем.

A. TERENOŽKIN

FOUILLES ARCHÉOLOGIQUES EN CHOREZME

RÉSUMÉ

La filiale de Moscou de l'Institut d'Histoire de la Culture matérielle a organisé en 1937 une mission archéologique chargée d'étudier la région de l'ancien Chorezme.

[1] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, 1931.

[2] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Лгр., 1930, стр. 19—22.

L'auteur a exploré les districts de Turt-kul et de Sabbaz de la République soviétique socialiste autonome de Karakalpakie. Les travaux étaient concentrés surtout dans la contrée désertique comprise entre les sovkhozes de Guldursun et les contreforts orientaux de la chaîne du Sultan-Uiz-dagh.

Les objets les plus anciens trouvés ici datent des premiers siècles d'avant notre ère, les plus récents du XIVe siècle. Les premiers comprennent des pointes de flèche en bronze, plusieurs monnaies, etc.

Les monuments archéologiques des V—VIIIe siècles ont été reconnus avec le plus de plénitude. A cette époque appartiennent les ruines de la forteresse de Kerku-kala, celles du château d'Ajaz-kala № 2 et celles du village retranché de Duman-kala. On a recueilli sur le territoire des ruines une centaine de monnaies prémusulmanes.

Les ruines des châteaux et des autres constructions renferment une quantité de fragments de vaisselle d'argile.

La quantité considérable de restes végétaux permet d'établir l'existence d'un grand nombre d'espèces de plantes cultivées et de déterminer l'orientation de l'agriculture dans le passé.

Le complexe des monuments de Berkut-kala reflète le processus de transformation de la maison du noble en ville, entourée de tous côtés de ruines de «rustaka» aux châteaux petits et grands, qui à l'époque des Sasanides appartenaient d'après l'auteur à des agriculteurs libres portant le nom non différencié de «dikhkan».

Les objets trouvés au cours des fouilles dans les ruines d'un petit village près du mausolée de Narindzan-baba ont permis, avec ceux ramassés à la surface, de faire connaissance avec la culture matérielle des X—XIIe siècles. Ils consistent dans leur masse essentielle en vaisselle de terre cuite non vernie de couleur foncée ou grise. Comme autres objets, il convient de mentionner plusieurs perles en verre et en porcelaine.

Malgré la surface considérable des fouilles, on n'a pas réussi à découvrir ici de monnaies, mais des monnaies se rapportant à la fin de la période des Sasanides ont été recueillies dans les autres ruines.

Dans les ruines des environs de Kovat-kala, on a trouvé des monnaies du XIVe siècle et des tessons de vaisselle d'argile.

Les résultats des explorations archéologiques de 1937 peuvent se résumer comme suit.

1) Il est établi que la périphérie nord-est des districts de Turt-kul et de Sabbaz était occupée par des terres irriguées.

2) Le matériel archéologique récolté permet de distinguer trois étapes dans l'évolution de la culture matérielle: la première embrasse les premiers siècles de notre ère, la seconde va du Ve au VIIIe siècle et la troisième du Xe au XIIIe Chaque étape est caractérisée, abstraction faite des objets archéologiques ordinaires, par les traits architecturaux de constructions bien conservées.

3) La forme fondamentale d'habitat rural dans le Chorezme des V—VIIIe et X—XIIe siècles était la maison de campagne isolée, qui s'est maintenue à l'état de survivance jusqu'à la Révolution d'Octobre.

4) Les matériaux recueillis permettent d'approfondir la question des dikhkans qui constituaient la classe dominante de l'Asie Centrale prémusulmane.

5) Les explorations accomplies ont reconnu les monuments de la culture matérielle et choisi les points où des fouilles archéologiques doivent être entreprises par la suite.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТИРИТАКЕ

Во время раскопочной кампании 1936 г в Тиритаке (в районе Камышбуруна, в 11 км к ЮЗ от Керчи) были предприняты разведочные исследования юго-восточной окраины городища. Необходимость этих работ обусловливалась следующими обстоятельствами Как известно, в южной части городища раскопками 1932—1936 гг открыты на протяжении около 120 м городские крепостные стены и башни Тиритаки эллинистического времени. [1] Дальнейшими раскопками предстояло выяснить всю систему укреплений Тиритаки. Однако целый ряд местных условий (наличие на городище железнодорожного полотна и других современных построек) препятствовал продолжению исследования крепостных стен путем планомерного расширения той площади раскопок, где уже открыты стены, защищавшие южную часть древнего города. Поэтому для решения поставленной задачи необходимо было перейти к систематическому разведочному обследованию границ городища в разных его пунктах, доступных для этой цели. Эти разведки и были начаты в 1936 г по линии юго-восточной границы городища. Восточный край городища представляет крутой склон, к которому в древности, повидимому, очень близко подходил берег морской бухты, позднее, вследствие обмеления, значительно отступивший на В, что и повело к образованию песчаной низменности, отделяющей городище Тиритаки от моря; полоса эта, приблизительно в 0.5 кв. м, является частью обширного пространства «плавней», простирающихся между Камыш-буруном и Эльтигенем и отделяющих Чурубашское озеро от моря. На указанном юго-восточном склоне и была начата раскопка, первоначально на небольшой площади. Предполагалось, что не исключена возможность обнаружения здесь городской стены, поскольку в 1934 г. к В от полотна железной дороги при земляных работах Камышбурунстроя была обнаружена часть стены, идущей с ЮЗ на В примерно по линии, отвечающей направлению восточного склона городища. Однако предпринятая разведка дала неожиданные результаты. На вскрытом участке городской стены не оказалось, но зато была обнаружена угловая часть большого здания, которое, судя по ряду признаков (обилие обломков мраморных облицовочных плиток, наличие обломков мраморных архитектурных деталей и т. д.), принадлежало к числу незаурядных архитектурных сооружений Тиритаки. Вместе с тем тот факт, что обнаруженная кладка стены исполнена на известковом растворе, а равным образом характер деталей из мрамора и качество последнего (проконнесский мрамор) позволяли предполагать, что в данном месте находятся остатки постройки не античной эпохи, а раннесредневекового времени.

---

[1] О них см. в моем обзоре результатов раскопок за 1932—1936 гг. «Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове по раскопкам 1932—1936 гг.» (Вестн. древн. ист., № 1, 1937, стр. 216 сл.).

Широкое исследование площади, где обнаружилась указанная часть здания, было включено в план работ Боспорской экспедиции ИИМК 1937 г., работавшей совместно с Керченским археологическим музеем им. А. С. Пушкина. В результате этих раскопок выяснилось, что разведкой 1936 г. обнаружена одна из стен христианской базилики раннесредневекового времени, полное раскрытие которой и было произведено в 1937 г. [1]

Здание базилики, как оказалось, разрушено еще в древности; на месте ее развалин после сравнительно небольшого промежутка времени был построен жилой дом, для которого частично использованы стены базилики, ее архитектурные детали и строительный материал. В дальнейшем, когда жизнь в Тиритаке замерла окончательно, развалины древнего города превратились в место, где окрестные жители добывали для своих нужд камень, используя прежде всего наиболее доступные для ломки остатки средневековых построек. Наконец, в XIX в. как раз та часть горо-

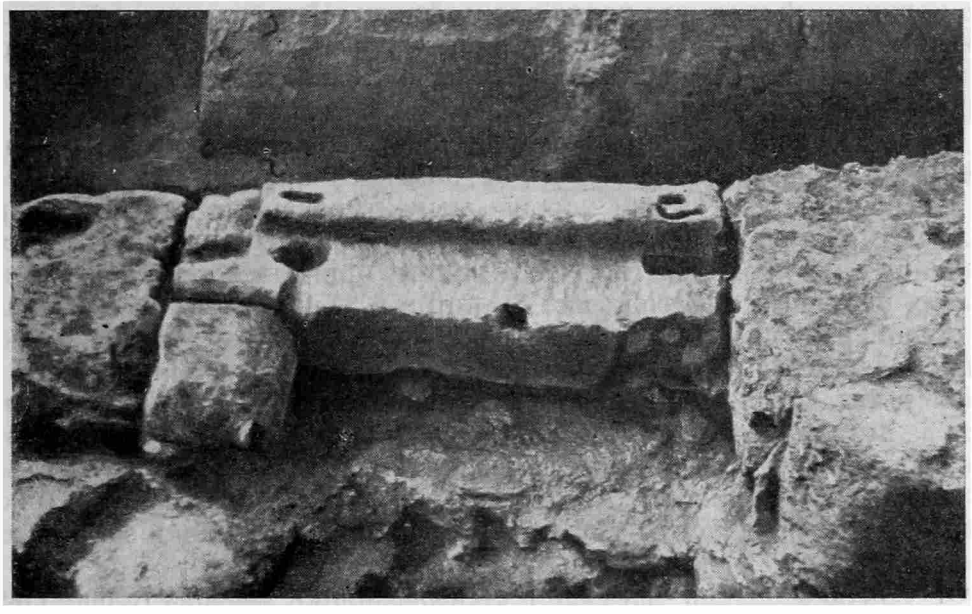

Рис. 2. Каменный порог юго-западного входа в базилику. Вид с северо-востока.

дища, где находилась базилика, была использована местным населением под кладбище. Вследствие всего этого от базилики уцелели лишь незначительные остатки. Сохранились главным образом фундаменты стен; архитектурные детали (мраморные колонны и капители, облицовочный мрамор и т. д.) обнаружены, за небольшим исключением, лишь в обломках.

На основании уцелевших частей здания можно установить, что базилика была трехнефная, ориентирована на ЮВ (рис. 1)[2]. Внутренние размеры базилики следующие: ширина 9 м, длина до алтарной части около 10.20 м, ширина среднего нефа 4.75 м, ширина боковых нефов 1.35 м.

Стены базилики и фундаменты сложены из местного известняка разных размеров в виде грубо обработанных квадров или просто бута. Вся кладка произведена на известковом растворе, обильно заполняющем промежутки между камнями. Раствор содержит большое количество песка. Многочисленные обломки кирпичей и черепиц, найденные на месте развалин базилики, показывают, что некоторые части этого здания (вероятно арки между колоннами) были сложены из кирпичей, а кровля была черепичная. В большом

[1] Во время печатания настоящей статьи об открытии тиритакской базилики появилась краткая публикация Ю. Ю. Марти (Вестн. древн. ист., № 2, 1939, стр. 129 сл.).

[2] Обмеры и чертежи выполнены архит. А. Г. Литовченко.

количестве при раскопках базилики обнаружены также обломки оконных стекол.

Рассмотрим отдельные уцелевшие части здания. От юго-западной стены сохранились только фундаменты (шир. 1.00 м) и порог, указывающий на наличие с этой стороны бокового входа. Порог (рис. 2) представляет каменную плиту дл. 1.10 м, шир. 0.42 м, снабженную вырубами для установки дверей. На расстоянии 0.80 м к ЮВ от порога в кладке фундамента сверху имеется четырехугольное углубление (на плане обозначено буквой *а*) дл. 1.15 м, шир. 0.75 м, глуб. 0.55 м. Боковые стенки этого углубления и дно его были облицованы мраморными плитками на известковом растворе; часть плиток найдена на месте. Толщина этих плиток 0.025 м, мрамор светлосерый с темносерыми полосами. Нужно заметить, что при раскопке юго-западного фундамента, имеющего указанное углубление, были обнаружены также обломки сравнительно толстых плиток белого крупнозернистого мрамора (толщ. 0.033 и 0.047 м). Лицевые их поверхности имеют оранжево-коричневый цвет, что могло произойти от действия воды с железистыми примесями. По всей вероятности, четырехугольное углубление в стене, находящееся близ южного входа, представляло бассейн (купель?) в виде ниши.

Часть фундаментов юго-западной стены совпала с рыбозасолочными ваннами, оставшимися здесь еще от римского времени. Построенные из массивных плит известняка, хорошо оцементированные внутри, эти рыбозасолочные ванны, в количестве шести, расположены попарно в три ряда. [1] Очевидно, тому же хозяйству, что и ванны, принадлежали также те шесть больших глиняных пифосов (рис. 3), которые обнаружены за северо-западной стеной базилики (от пифосов сохранились только нижние их части, вкопанные в землю) и служившие, вероятно, для хранения готовой, посоленной рыбы. [2] При сооружении юго-западной стены базилики встретившиеся на пути ее фундаментов ванны не были уничтожены полностью. Убрав лишь часть стенок ванн, строители базилики использовали толстые цементированные днища ванн как прочное основание для фундаментов (рис. 4). Таким образом фундаменты западной угловой части базилики заняли четыре смежные рыбозасолочные ванны.

От северо-западной наружной стены базилики уцелела только средняя часть (шир. 0.95—1.10 м) на протяжении 3.50 м. К ней со стороны внутреннего помещения прилегает полукруглая в плане площадка (выступает на 1.50 м, наиб. шир. 3 м), внешняя сторона которой сложена из крупных и довольно тщательно отесанных плит. Повидимому, это остатки нижнего ряда ступеней лестницы главного входа, ведшего в средний неф. Сохранившиеся за северо-западной ее стеной днища пифосов римского времени (во времена существования базилики, они, конечно, были скрыты землей) показывают, что современный базилике уровень почвы с этой стороны был приблизительно на 0.75—1.00 м выше пола внутреннего помещения. Это обстоятельство и вызвало необходимость устройства ступенчатого входа. Северо-восточная стена (шир 1.10 м) также уцелела лишь в незначительной своей части, но при раскопках в глинистом материке была отчетливо видна выемка, заполненная строительным мусором (мелкий щебень, куски известкового раствора), оставшаяся на месте бывших фундаментов. Эти следы фундаментов позволили проследить направление северо-восточной стены (показано на плане прерывистой линией). С юго-восточной стороны бази-

[1] Совершенно тождественная по устройству группа рыбозасолочных ванн римского времени была открыта в Тиритаке близ базилики в 1935 г. (см. указанную выше мою статью, стр. 235, рис. 14).

[2] К западу от базилики в 1937 г. была открыта еще серия рыбозасолочных ванн (рис. 1). Все это подтверждает, что Тиритака в римский период являлась видным рыбопромышленным центром Боспора.

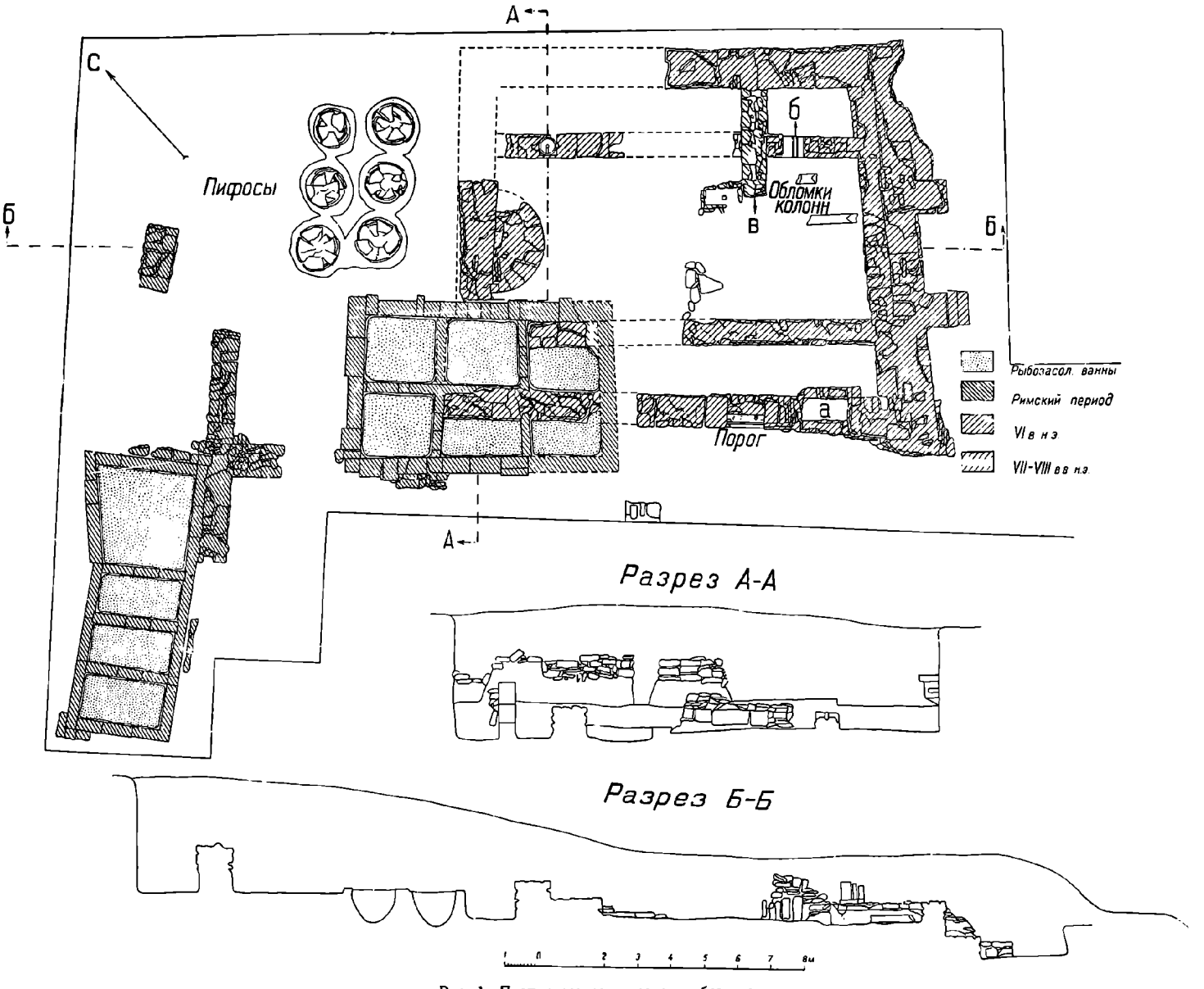

Рис. 1. План и разрезы развалин базилики.

лики, где должна была находиться алтарная часть здания, сохранились только фундаменты, соединяющие северо-восточную стену с юго-западной. Фунда-

Рис. 3. Остатки пифосов, открытых около базилики; на заднем плане видны развалины рыбозасолочных ванн. Вид с севера.

мент, ширина которого достигает здесь 1.75 м, сложен из бутовых камней на известковом растворе, но лицевая (т. е. юго-восточная) сторона выложена

Рис. 4. Фундаменты стен базилики внутри рыбозасолочных ванн. Вид с запада.

обработанными плитами. Подошва юго-восточного фундамента базилики заложена почти на 1.50 м ниже основания противолежащей северо-запад-

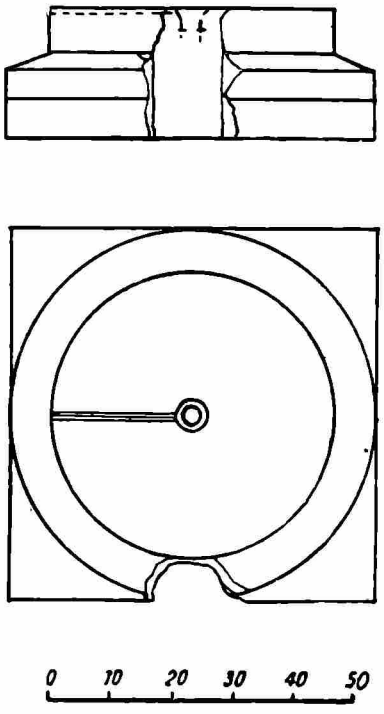

Рис. 5а. Мраморная база колонны (план и профиль базы)

ной стены. Это, очевидно, было обусловлено тем, что здание строилось на склоне, на месте, имеющем значительную покатость материка в южном направлении. Строители должны были принять соответствующие меры, чтобы предотвратить смещение здания. Надо думать, что устройство столь основательного фундамента с юго-восточной стороны и имело целью обеспечить должную устойчивость постройки, поскольку такой фундамент мог служить своего рода контрфорсом для всего массива здания. Повидимому, теми же соображениями, т. е. необходимостью придать особую прочность юго-восточному фундаменту, были вызваны облицовка его в средней части крупными, довольно тщательно обработанными, плитами и устройство двух прямоугольных выступов шир. 1.00 м; последние, возможно, служили опорами для фундаментов несохранившейся алтарной части здания.

Фундамент юго-восточной стороны базилики не образует прямых углов с фундаментами юго-западной и северо-восточной стен, что придает всему плану неправильную перекошенную форму. Возможно, однако, что надземные стены — плечи базилики — были построены более правильно, насколько это позволял фундамент, почти вдвое превосходящий по толщине

Рис. 5б. Вид базы со следами вторичного использования.

надземные стены. Как уже отмечалось, алтарная часть не сохранилась, поэтому вопрос о количестве апсид и их форме остается открытым. Есть

основания думать, что алтарная часть была пристроена на отдельных фундаментах впритык к основному корпусу здания базилики — прием, широко применявшийся в зодчестве восточновизантийских провинций.[1] Внутри базилики местами сохранились основания колоннад, имевшие продольное направление через все помещение базилики; основания сложены из бута и мелких плит на растворе и имеют шир. 0.70—0.80 м. Близ северо-западной стены базилики была найдена одна мраморная база, стоящая на уцелевшей под нею части кладки основания. Профиль базы показан на рис. 5а. Высота ее 0.20 м, размеры плинта 0.58 × 0.58 м, верхний диаметр 0.45 м. Сверху, в центре, база имеет углубление для стержня, скреплявшего ее с колонной, и желобок для заливки стержня свинцом.

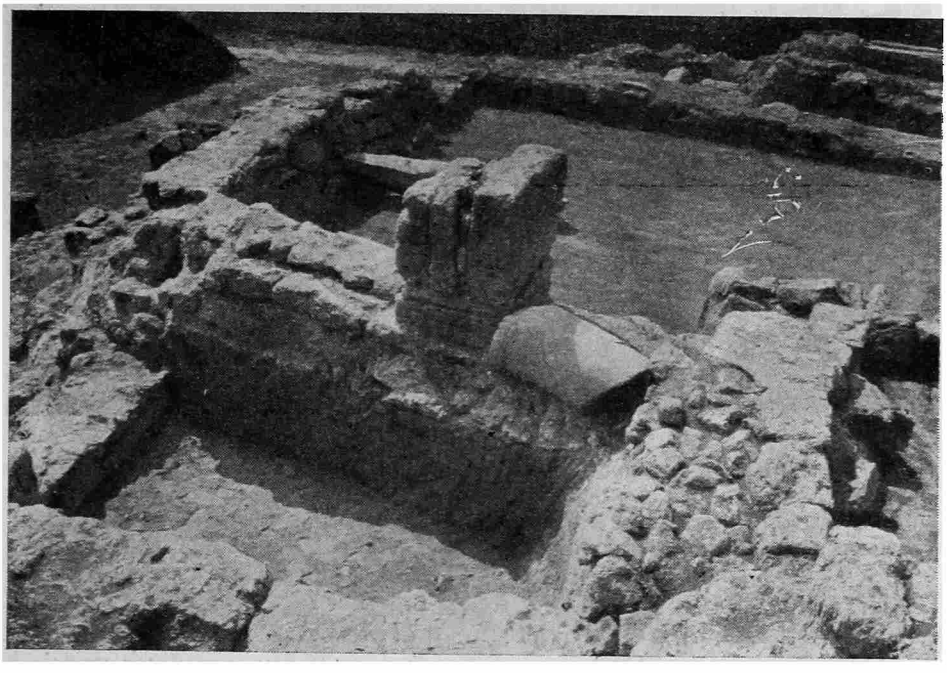

Рис. 6. Основание четырехугольного каменного столба и обломок мраморной колонны. Справа — остатки стены дома, построенного на развалинах базилик. Вид с севера.

Судя по всему, база найдена не in situ, так как позднее, после разрушения базилики, она, повидимому, была вторично использована для каких-то других целей. С северо-западной стороны к базе оказался приложенным большой отесанный камень, в котором сделана вырубка для укрепления какого-то предмета. С противоположной стороны в базе также вырублена выемка, возле базы лежало несколько кирпичей.

Баз, а следовательно и колонн, в базилике было, вероятно, по три с каждой стороны. Кроме четырех пролетов между колоннами, имелся пятый пролет перед алтарной частью, образованный каменными четырехгранными столбами. От одного столба (восточного) сохранилось два нижних ряда кладки (рис. 1,*б* и 6), в поперечном сечении размеры столба 0.57 × 0.61 м. Столб сложен из плит на растворе, нижняя плита лежит плашмя сверху, на нее поставлены ребром три плиты. Такое чередование продолжалось, вероятно, и выше.

При раскопке базилики были обнаружены также обломки колонн (рис. 7) из проконнесского мрамора; мрамор сероватый (с голубоватым оттенком), плотный, мелкозернистой структуры.

[1] Ф. И. Успенский. Археологические памятники Сирии. Изв. Русск. археол. инст. в Константинополе, т. VII, вып. 2—3, София, 1902, стр. 115—116.

Особенный интерес представляет находка капителей, важных в качестве датирующего материала, так как вследствие сильной разрушенности базилики она сама по себе не дает достаточно определенных указаний для датировки. Одна капитель, ионийская импостная, сохранилась полностью.

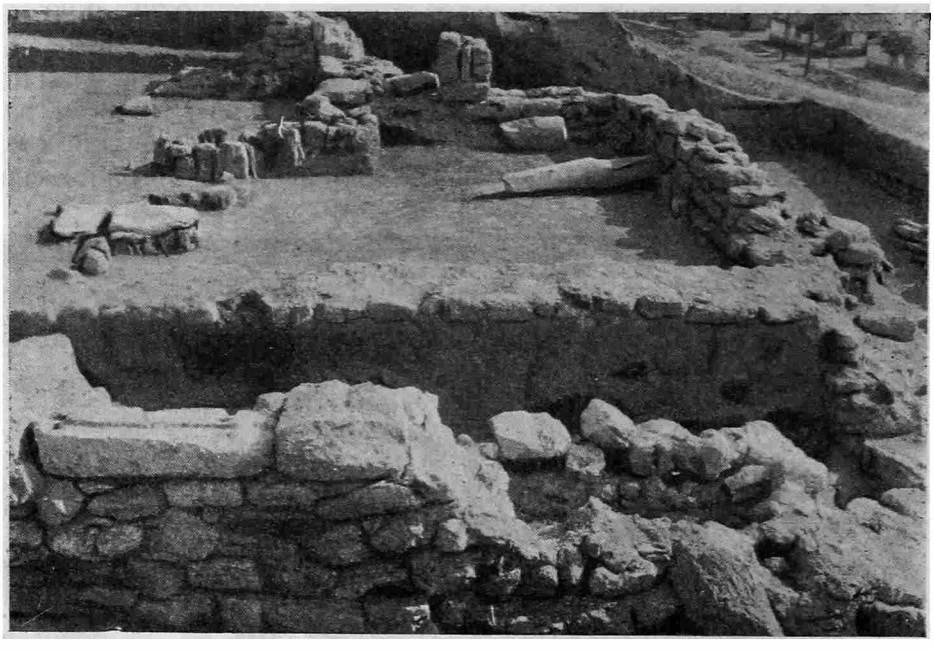

Рис. 7. Общий вид юго-восточной половины развалин базилики. На переднем плане — порог бокового входа, в среднем нефе — обломки мраморных колонн, лежащие несколько ниже разрушенного пола базилики (раскопки доведены до уровня пола более позднего жилища, возникшего на месте базилики). Вид с юго-запада.

Капитель эта лежала близ очага, устроенного в жилом помещении на месте разрушенной базилики. От другой капители, византийско-коринфской, уцелели только два больших обломка, лежавших среди груды осколков мрамора и камней, образовавшейся при разрушении базилики.

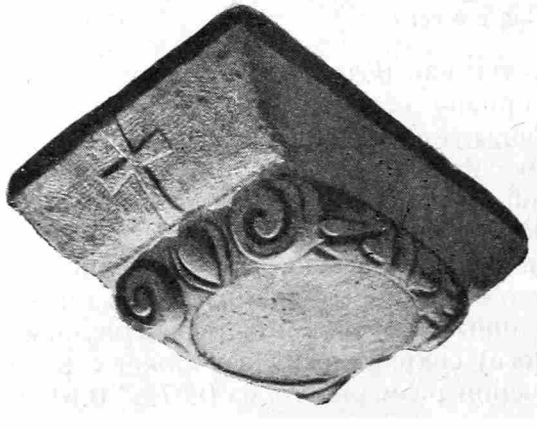

Рис. 8. Мраморная ионийская капитель с импостом.

Ионийская импостная капитель (рис. 8) состоит из трапециевидного импоста в виде опрокинутой, сильно усеченной пирамиды, под которым находится упрощенная ионийская капитель. Высота капители с импостом 0.21 м, без импоста 0.07 м, верхняя постель импоста имеет размеры 0.71×0.45 м. На лицевых частях капители (под короткими сторонами импоста) высечено по две волюты, с овой между ними. На боковых частях капители вырезаны остроконечные листья, перехваченные посредине гладкой перевязью. На покатой грани одной из лицевых (коротких) сторон импоста помещен рельефный крест с удлиненным вертикальным перекрестьем и с расширяющимися концами. Снизу капитель имеет круглое углубление (диам. 0.30 м) для установки капители на колонну. Отделка и резьба капители

выполнены грубовато, на поверхности капители отчетливо видна «насечка» — следы работы каменотесным инструментом.

Ближайшие аналогии этой капители [1] имеются в базилике Дмитрия в Солуни, относящейся к V в., где такие же по форме и пропорциям ионийские импостные капители венчают колоннаду хор. На лицевой стороне импосты украшены крестами, сходными по форме с крестом на тиритакской капители. [2] В базилике Эски-Джума V в. в Солуни также имеются весьма близкие по форме ионийские импостные капители. [3]

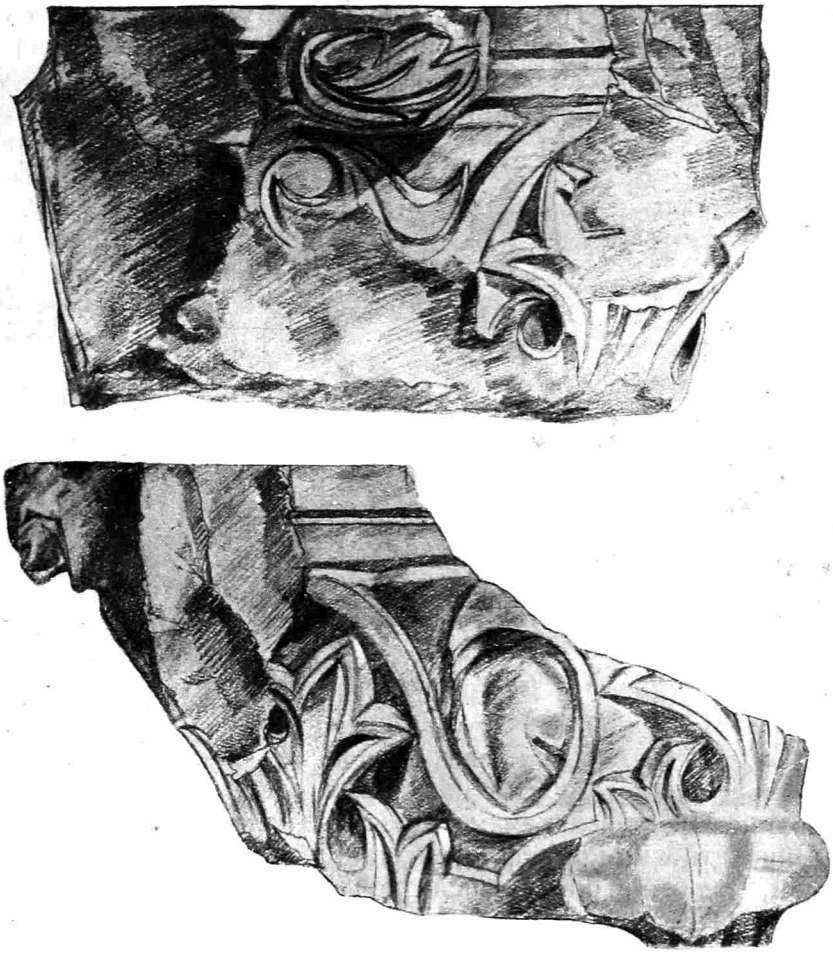

Рис. 9. Вид двух сторон (*а* и *б*) обломка верхней части мраморной византийско-коринфской капители.

Византийско-коринфская капитель представлена лишь двумя обломками (рис. 9 и 10), но и по ним тип капители можно достаточно полно

[1] О генезисе византийской импостной капители см. статью Laurent «Delphes chrétien» (BCH, т. 23, 1899, стр. 213 сл.).

[2] Rivoira. Le origini della architetture lombarda. Roma, 1901, стр. 18, 20, 46. — Изв Русск. археол инст в Константинополе, София, т. XIV, табл. XVIII и XIX.—O. M. Dalton. East Christian Art. Oxford, 1925, табл. XI.

[3] Rivoira, ук. соч., стр. 98. Мы ограничиваемся наиболее близкими и точно датированными аналогиями, количество которых вообще можно было бы значительно увеличить [ср., напр., капители, изданные J. Strzygowski (Die byzantinischen Wasserbehälter von Konstantinopel. 1893, табл. 7, 5 и 31, 34), но эти капители все вторичного использования)]. Они имеются во множестве и в Херсонесе (материал собран в подготовленной работе о херсонесских византийских капителях А Л. Якобсона, любезно предоставившего нам для ознакомления рукопись) и в Тамани (точное место находки таманских ионийских импостных капителей, к сожалению, неизвестно); подобные капители были найдены в Саркеле на Дону и в других местах.

восстановить. Круглое тело капители было снаружи опоясано двумя рядами рельефно-высеченных листьев широколопастного аканфа. В нижнем ярусе было, повидимому, пять листьев. В каждом листе боковые лопасти имеют по три зубца, верхушка средней части листа отогнута наружу и свисает вниз. Симметрично расположенные смежные листья, встречаясь концами, образуют промежутки в виде ромбов, кружков и т. д. На основании второго обломка (от верхней части капители) можно полагать, что в верхнем ярусе было четыре аканфовых листа, расположенных соответственно углам абака, непосредственно под выступами которых должны были находиться спиралевидные завитки. Ни одного завитка не уцелело, но на их существование указывают сохранившиеся около угловых листьев аканфа широкие «стебли», которые в верхней части под угловым выступом абака имеют изгиб, подтверждающий, что они заканчивались завитками. Абак — венчающая часть капители — имеет вид плиты (выс. 0.07 м) с четырьмя вогнутыми сторонами, разделенными по боковой поверхности горизонтальным желобком. Посредине каждой вдавленной стороны абака находилась выступающая вперед «шишка» (уцелела только одна), украшенная листиком. Под «шишкой» на щитке капители между листьями аканфа помещен опрокинутый вниз цветок (или лист?), состоящий из трех лепестков.

Рис. 10. Обломок нижней части капители.

Высота целой капители составляла приблизительно 0.43 м, диаметр нижнего основания около 0.40 м.

Ближайшие аналогии этим капителям дают памятники самой Керчи, именно Иоанно-Предтеченская церковь, где четыре центральные колонны увенчаны византийско-коринфскими капителями, совершенно подобными тиритакской, [1] особенно близка последней капитель северо-западной колонны церкви (рис. 11).

Все четыре керченские капители являются продукцией проконнесских мастерских. Выводы, к которым относительно этих капителей пришла в своем исследовании М. А. Тиханова, позволяют сказать, что тип капители, к которому наиболее близки фрагменты тиритакской византийско-коринфской капители, сложился еще в первой половине V в., но в особенно широком употреблении он был в конце V в. и на протяжении VI в. [2] Таким

[1] Иоанно-Предтеченская церковь в Керчи сооружена в первой половине VIII в. (Н. Брунов. Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи. Визант. временник, XXV, 1928, стр. 87—105), но капители происходят, повидимому, из более ранней постройки. Им посвящена специальная работа М. А. Тихановой, привлекшей обширный сравнительный материал (M. Tichanov-Klimenko. Les chapiteaux de l'église Saint-Jean-le Précurseur à Kerč. L'art byzantin chez les Slaves = Orient et Byzance, IV. Recueil, dédié à la mémoire de Th. Uspenskij, ч. 3, Париж, 1930). Количество капителей этого типа увеличилось за последние годы, благодаря раскопкам Г. Д. Белова в северной части Херсонеса, где в 1932 и 1935 гг. открыты две большие базилики VI в. с целой серией византийско-коринфских капителей.

[2] M. Tichanov-Klimenko, ук. соч., стр. 23. К аналогиям, использованным при изучении керченских капителей М. Тихановой, можно сейчас прибавить находки фрагментов мраморных византийско-коринфских капителей при раскопках на о. Самосе (A. Schneider. Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit AM, т. 54, 1929, табл. 45). Они очень схожи с тиритакской капителью и относятся ко второй половине V в.

образом капители (и ионийская импостная и византийско-коринфская) позволяют датировать открытую в Тиритаке базилику в пределах второй половины или, вернее, конца V — начала VI в.

Мраморная база, найденная в тиритакской базилике, имеет форму, свойственную базам, найденным в большом количестве в херсонесских базиликах, датируемых VI в. Однако и тут надо заметить, что хотя широкое распространение баз данной формы падает на VI в., но вошли они в строительную практику несколько ранее, что подтверждают те же раскопки на о. Самосе, где базы аналогичной формы обнаружены в базилике второй половины V в. [1]

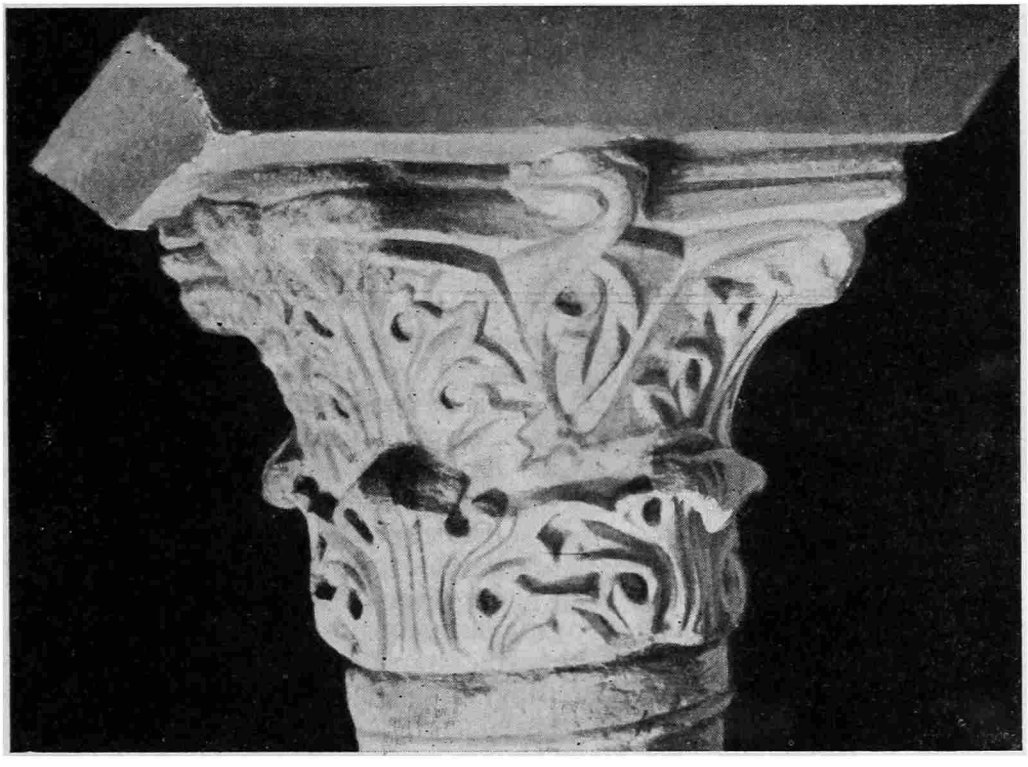

Рис. 11. Капитель Иоанно-Предтеченской церкви в Керчи.

Что тиритакская базилика хронологически недалека от римского времени, показывают между прочим и некоторые строительные материалы. По найденным в большом количестве обломкам черепиц можно установить, что черепицы кровли базилики имели форму широких массивных гладких плит с слегка вогнутой серединой. Никаких выступающих по бокам бортиков нет. Толщина черепиц 0.025—0.035 м На поверхности черепиц имеются, как правило, дугообразные вдавленные полосы, сделанные по сырой глине, повидимому, пальцами. Этот простейший тип желобообразных черепиц считается наиболее архаическим; в древней Греции такого рода черепицы носили название «лаконийских». [2] Но в греческих колониях северного Причерноморья они вошли в употребление только в позднеримское время, как в этом мы могли убедиться на основании наблюдений при раскопках боспорских поселений, в частности Пантикапея. Это же подтверждается и находками в Ольвии, где подобные черепицы обычно встречаются

[1] A. Schneider, ук. соч., стр. 114.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора (Боспорские черепицы). ИГАИМК, вып. 104, стр. 236, прим. 4.

в развалинах римских построек III в. н. э. [1] То же можно сказать и относительно кирпичей, найденных на ряду с черепицами среди строительных остатков тиритакской базилики. Кирпичи были, вероятно, использованы для арочных перекрытий пролетов между колоннами. Кирпичи имеют размеры: дл. 0.28 м, шир. 0.21—0.22 м, толщ. 0.04 м. На широких плоскостях кирпичей видны вдавленные перекрещивающиеся полосы (рис. 12), сделанные, очевидно, с расчетом на лучшее сцепление кирпичей со строительным раствором. [2]

Таким образом строительные материалы базилики (кирпичи, черепицы) указывают на близость базилики к строительным традициям еще римского времени.

Попытаемся теперь уточнить время сооружения базилики в рамках V—VI вв., принимая во внимание конкретную историческую обстановку того периода, когда эта базилика могла быть построена.

Рис. 12. Кирпич из базилики.

Как известно, процесс распада Боспорского царства в первой половине IV в. н. э. достиг особенной интенсивности во второй его четверти. При Рискупориде VI в 332 г. (по А. Н. Зографу) прекратился чекан боспорских монет. [3] Предполагают, что это совпало с моментом острых потрясений в жизни Боспорского государства, приведших, возможно, к прекращению власти старой боспорской династии Тиберий Юлиев. Во всяком случае несомненно, что Боспором в указанное время овладевали наводнявшие его племена варваров. Особенно разрушительным было, очевидно, вторжение гуннов в 70-х гг. IV в. [4] Именно к этому времени относится полное прекращение жизни или резкий упадок многих боспорских поселений, как об этом можно судить, в частности, на основании раскопок Тиритаки и Мирмекия. Но Пантикапей не прекратил своего существования, жизнь в нем продолжалась и после IV в., чему имеется немало бесспорных доказательств. [5]

Ю. Кулаковский, комментируя открытый в 1890 г. в Керчи христианский склеп 491 г., указывал, что «прекращение династии боспорских царей в первой половине IV в. было лишь прекращением царства в его старых пределах, но не сопровождалось разрушением города и искоренением старого его населения. Город, очевидно, уцелел среди последовавших в ту

---

[1] Сведения относительно ольвийских черепиц нами получены от Л. М. Славина. Целые экземпляры таких черепиц имеются: один — в Центральном историческом музее УССР в Киеве, другой — в Эрмитаже.

[2] Сходные кирпичи (но квадратной формы) с перекрещивающимися бороздками были найдены при раскопках в Болгарии в долине р. Кричмы, близ ее впадения в р. Марицу. Издатель отмечает, что кирпичи «rappellent les ma ériaux des édifices byzantins du IV-e au VI-e siècle» (G. S e u r e. Voyage en Thrace. BCH, 1901, стр. 179—180). Ср. также кирпичи римских сооружений II—III вв. н. э. в Сармизегетузе (главный город римской провинции Дакии), изданные C. Daicovici [Fouilles de Sarmizegetusa (Dacia, III—V, стр. 549, рис. 44)]

[3] Подробности в подготовленной к изданию книге А. Н. Зографа «Античные монеты».

[4] А. В а с и л ь е в. Готы в Крыму. ИГАИМК, т. I, стр. 296.

[5] Одним из них является известный некрополь на Госпитальной улице в Керчи, значительная часть которого относится к IV—V вв. (Л. М а ц у л е в и ч. Серебряная ваза из Керчи. 1926, стр. 23 сл.).

пору движений варварских племен, от которых пострадало царство». [1] Справедливо возражая тем исследователям (в числе их был Моммзен), которые считали, что Пантикапей был в IV в. до основания разорен гуннами и перестал вовсе существовать, Ю. Кулаковский впал в другую крайность, утверждая, что город Пантикапей совершенно не пострадал и не подвергался разрушению в IV—V вв. Раскопки на территории городища Пантикапея не дают никаких оснований для подобного заключения. В частности, весьма показательным является тот факт, что акрополь Пантикапея (плато горы Митридата и верхняя часть ее восточного склона), уже начиная с VI—VII вв., превратился в кладбище, как об этом красноречиво свидетельствуют открываемые здесь время от времени раннесредневековые могилы, устроенные в толще насыпи, образовавшейся над развалинами античных построек. [2] Пантикапей безусловно подвергся сильному разрушению, но не был уничтожен полностью; его старое греко-варварское население в какой-то степени сохранилось и продолжало жить. В существовании этого торгового и промышленного центра, несомненно, были заинтересованы новые хозяева крымских степей. На протяжении V в. ими являлись гуннские кочевые племена, занимавшие степной Крым, равно как и восточный берег Азовского моря. О зависимости Пантикапея от гуннов вполне определенно говорит Прокопий: «Боспоритяне подвластны гуннам» («Βοσπορίταις τοῖς Οὔννων κατηκόοις»). [3]

Более определенно характеризовать условия, в которых протекала жизнь Боспора (т. е. города Пантикапея) в указанный период, сейчас затруднительно. Предполагается, что Боспор платил гуннам дань, [4] но во внутреннем управлении Боспор пользовался известной самостоятельностью. В городе была христианская община, возглавляемая епископом; [5] через последнего, повидимому, и проводилось определенное влияние Византии, для которой Боспор представлял интерес прежде всего как важный торговый пункт. [6] Этот интерес к Боспору особенно усилился в начале VI в., что в конечном результате привело к признанию Боспором зависимости от византийского императора Юстина I. Описывая, как Юстин I послал Патрикия Проба, чтобы склонить гуннов к войне с персами, Прокопий указывает: «Боспор город приморский... Территория между Херсоном и Боспором занята гуннами... Боспоритяне в древности были автономны, но недавно подчинились царю Юстину» («...Ἰουστίνῳ δὲ βασιλεῖ ἔναγχος προσχωρεῖν ἔγνωσαν»). [7]

---

[1] Ю. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 г. МАР, вып. 6, стр. 24.

[2] В 1930 г. близ мавзолея Стемпковского, несколько южнее, на вершине горы Митридата при земляных работах была открыта и раскопана Керченским музеем могила, сложенная из каменных плит и перекрытая досками. В могиле был найден золотой крест и набор поясных пряжек и наконечников также золотых в серебряной оправе, украшенных зернью (ср. ИАК, вып. 47, стр. 19 и вып. 56, стр. 130). В этом же районе была в 1862 г. открыта раннесредневековая могила, в которой оказался гроб, украшенный крестами из листового серебра (ОАК, 1862, стр. IV). Повидимому, из могилы происходит найденный в 1909 г. кладоискателями на площадке около мавзолея Стемпковского золотой медальон с изображением Христа (Архив ИИМК, Дело Керченского музея за 1909 г., рапорт В. В. Шкорпила от 9 III 1909 г.).

[3] Procopii. De bell. pers., II, 164.

[4] Как указывает Г Дестунис в комментариях к «Истории войн римлян с персами» Прокопия (I, стр. 143—144).

[5] Ю. Кулаковский, ук. соч., стр. 28.

[6] Он же. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. Визант. временник, т. III, стр. 9 сл. От ряда положений, выдвинутых в этой статье и направленных против предложенной В. Латышевым датировки надписи Евпатерия временем императора Маврикия, Кулаковский впоследствии отказался, признав, что после взятия Боспора турками в 575 г. последний снова перешел под власть Византии в 80—90 гг. VI в. (ЖМНП, 1898, февраль, стр. 179).

[7] Procopii. De bell. pers., I, 12.

Известная надпись царя Диптуна, [1] относящаяся, по всей вероятности, ко времени Юстина I (Кулаковский склонен был датировать ее 522 г.), [2] подтверждает существование зависимости Боспора от Византии. Повидимому Византия первоначально пыталась осуществлять свои интересы в Боспоре, не превращая последний в византийскую провинцию, а устанавливая лишь определенную зависимость от Византии местных правителей, которым за это обеспечивались и соответствующие выгоды. Но Юстиниан I смог вполне убедиться в ненадежности такой системы. История с Гродом [3] показала, что опираться на подкупленных представителей туземной знати недостаточно. Как известно, гунны убили Грода — ставленника Византии — и захватили Боспор Юстиниану пришлось снарядить целую военную экспедицию, чтобы овладеть Боспором и выбить оттуда гуннов. Так с помощью вооруженной силы Боспор был включен в состав Византийской империи.

Перед Юстинианом стояла задача закрепления за собой новых владений. Первым мероприятием в этом направлении было возобновление укреплений Боспора. По этому поводу у Прокопия сказано: «Когда Юстиниан узнал, что стены Боспора и Херсонеса, приморских городов... совершенно пришли в упадок, он привел их снова в прекрасный и прочный вид... В особенности он упрочил за собой посредством крепости город Боспор, который издавна оварваризовался (βεβαρβαρωμένην) и находился под властью гуннов, и только при нем опять возвращен был Римской державе». [4]

Ту же цель, т. е. утверждение политического господства Византии, преследовало и одновременно проводившееся усиленное насаждение христианства. [5] Одним из важнейших средств для осуществления этой задачи являлось сооружение христианских церквей, которые своим «благолепием» должны были импонировать туземному населению, воздействуя на него «морально».

В этой связи представляется чрезвычайно показательным, что на VI в., на юстиниановское время, падает строительство многочисленных монументальных базилик в Херсонесе, потребовавших больших материальных средств, импорта архитектурных деталей (мраморные колонны, капители и пр.), большого количества строителей и т. д. Византийские правители, очевидно, не останавливались ни перед какими затратами, придавая христианизации туземного населения большое практическое значение. [6]

Более чем вероятно, что именно при Юстиниане I как в Боспоре (Пантикапее), так и в его округе (а равным образом и на Таманском полуострове, поскольку власть Юстиниана I распространялась и на восточный берег пролива) было также предпринято строительство храмов. К числу их, следует думать, и принадлежат остатки базилики, открытой в Тири-

---

[1] Ios PE, II, № 49.

[2] В Латышев, издавая надпись, отнес ее ко времени Юстиниана I, но Ю. Кулаковский указал на более вероятную дату, приурочив надпись ко времени Юстина I (Ю. Кулаковский, ук. соч., МАР, вып. 6, стр. 26). Датировку, предложенную Ю. Кулаковским, позднее считал не исключенной и В. Латышев (Ποντικά, стр. 367).

[3] Эпизод этот подробно рассматривался В. Латышевым в комментариях к таманской надписи юстиниановского времени (Сборник греческих надписей христианских времен из южной России СПб., 1896, № 98, стр. 102), Ю. Кулаковским (ук. соч., стр. 26) и в последнее время М. И. Артамоновым (Очерки древнейшей истории хазар. Лгр., 1936, стр. 17 сл.).

[4] Procopii. De aedif., III, 7. Перевод этого отрывка и его истолкование как одного из важных источников для решения некоторых вопросов раннесредневековой истории Крыма см. в статье В. Васильевского «Житие Иоана Готского» (ЖМНП, 1878, I, стр. 103 сл.).

[5] Ср. М. Артамонов, ук. соч., стр. 18.

[6] Все эти мероприятия не давали, однако, полностью того результата, к которому стремилась Византия. Характерно, что папа Мартин I, сосланный в 653 г. в Херсонес, вынужден был признать, что «обитатели этой страны язычники» и что жителям Херсонеса свойственны языческие нравы (С. Шестаков. Папа Мартин I в Херсонесе. Тр. XIII АС, т. II, стр. 137).

Рис. 13. Очаг жилища VII—VIII вв. в среднем нефе базилики.

таке. Тиритака, являвшаяся важным рыбопромышленным центром Боспорского государства в римское время, в период разложения последн го пришла в большой упадок. Вряд ли в V—VI вв. население этого захиревшего городка было в состоянии построить даже такую небольшую базилику, притом с привозными мраморными колоннами, капителями и т. д. Скорее всего, строительство таких храмов в окрестностях Боспора (Пантикапея) производилось византийскими властями, видевшими в насаждении христианства одно из надежнейших средств обеспечения власти Византии над варварами. После разрушения базилики, как уже отмечено выше, остатки этого здания через некоторое время были своеобразно использованы туземным населением: на месте базилики было устроено жилое помещение, для которого часть стен была выстроена заново, а частью были использованы стены самой базилики. От этого жилого дома до нас дошло очень немного остатков: между северо-восточной стеной базилики и средним нефом ее сохранилась часть стены (на плане обозначена буквой *в*) шир. 0.75 м, построенной из бутового камня на глине (стена эта перекрывает основа-

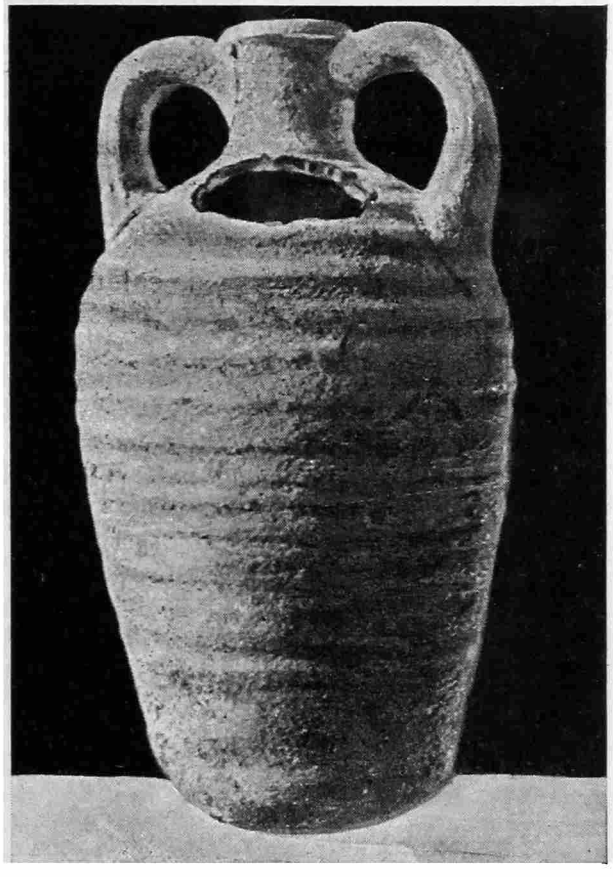

Рис. 14. Амфора VII—VIII вв., найденная на участке раскопок базилики.

ние колоннады северо-восточного нефа). Интересно, что лицевая сторона кладки, обращенная на ЮВ, сложена «в елку» (аналогичную кладку имели остатки стен большого раннесредневекового жилого дома, открытого в 1935 г. к СВ от базилики, на участке раскопок № X). Немного дальше в среднем нефе базилики обнаружен принадлежащий этому дому внутренний очаг, сделанный из камней (рис. 13), около которого на земляном (глинистом) полу залегало большое количество золы. В этом зольном слое найдено некоторое количество обломков простой глиняной посуды. Среди них были обломки стенок красноглиняных сосудов, украшенных волнистыми врезанными линиями или горизонтальными полосами из мелких линейных желобков. Найдено также несколько обломков амфор с округло-сферическим дном. Одна такая амфора [1] при раскопках базилики оказалась в верхнем слое около рыбозасолочных ванн, почти в целом виде (рис. 14). Все эти керамические находки позволяют приурочить устройство жилища на месте развалин базилики приблизительно к VII—VIII в.

Это указывает на непродолжительность существования базилики. Не лишено возможности, что базилика погибла уже в последней четверти VI в.

V. GAJDUKEVIČ

MONUMENTS DU DEBUT DU MOYEN ÂGE À TYRITAKÉ

RÉSUMÉ

Les fouilles exécutées en 1936 à Tyritaké (région de Kamyš-burun, à 11 km au SW de Kertch) ont rencontré un des murs d'une basilique chrétienne du début du moyen âge, qui fut dégagée entièrement en 1937. L'édifice s'est trouvé fortement détérioré. Les parties conservées permettent d'établir que c'était une basilique à trois nefs. Les murs et les fondations sont en pierres (calcaire), soit des quadres grossièrement travaillés, soit des moellons.

Une partie des fondations du mur sud-ouest s'est confondue avec les réservoirs pour le salage du poisson qui subsistaient de l'époque romaine.

Comme détails architecturaux en marbre, les fouilles ont mis au jour des fragments de tambours de colonne en marbre de Prokonnèse et des chapiteaux qui peuvent servir de critères chronologiques. Les chapiteaux sortaient des ateliers de Prokonnèse et permettent de dater la basilique des V—VIe siècles. Cette datation est confirmée par les matériaux de construction employés.

En VIe siècle Byzance annexa par les armes Bospore (Panticapée) à l'empire. La première mesure dans ce sens fut le renforcement des murs de Bospore. La propagation du christianisme, qui s'est exprimée par l'érection d'églises chrétiennes, poursuivait le même but.

Sous Justinien Ier on entreprit très probablement à Bospore (Panticapée), comme dans ses alentours, la construction de temples, au nombre desquels se trouvait vraisemblablement la basilique dont les restes ont été découverts à Tyritaké. La destruction de la basilique a pu avoir lieu dès le dernier quart du VIe siècle.

---

[1] Об этом типе амфор см.: М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, стр. 71 сл.

А. Л. ЯКОБСОН

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КРЫМУ

II. МАНГУПСКАЯ БАЗИЛИКА [1]

1. Вопрос о взаимоотношениях Херсонеса как византийского форпоста в Крыму и варварского населения смежной с ним области (так наз. Крымской Готии) в период раннего средневековья имеет, несомненно, большое историческое значение. Вопрос этот не раз обсуждался в литературе; при этом установились две различные точки зрения. Например, А. А. Васильеву Крымская Готия представляется в сильной степени наделенной самостоятельностью и независимостью; [2] лишь появление в конце V в. в Крыму гуннов, угрожавших и готам и византийским владениям, способствовало политическому их сближению, выразившемуся в дальнейшем, уже в VI в., в установлении союзно-вассальных отношений готов и Византии, но и они, по А. А. Васильеву, носили временный характер. [3] Политически независимой от Византии представлялась так наз. Крымская Готия эпохи раннего средневековья (V—VII вв.) Ф. Бруну, [4] В. Г Васильевскому, [5] А. Л. Бертье-Делагарду [6] и другим; можно сказать, что эта точка зрения стала господствующей в исторической литературе. Автор одной из последних работ по этому вопросу, В. И. Равдоникас, наделяет Готию этого периода чертами сложившегося феодального государства, предполагая при этом ее полную независимость от Византии .[7]

Иной, повидимому, точки зрения придерживается С. П. Шестаков, который видит политическую зависимость готов от Византийских центров в Крыму уже в эпоху Зенона, с которым автор связывает «предоставление готам горной территории на берегу моря, к востоку от Херсонесской обла-

---

[1] Первый очерк этой серии напечатан в «Проблемах» (1934, № 11—12). Настоящая работа написана в конце 1935 г.; в апреле 1936 г. доложена в ГАИМК и не была в свое время напечатана по независящим от автора обстоятельствам. Материал для статьи собран в 1927 г.; данные раскопок базилики в 1938 г. использованы лишь в незначительной степени.

[2] А. А. Васильев, следуя В. Г Васильевскому, отводит Готии периода V в. значительную часть прибрежной полосы Крыма от Херсонеса и почти до Судака (А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, I, стр. 49).

[3] А. А. Васильев, ук. соч. ИРАИМК, I, стр. 46, 49, 58; V, стр. 18, 194, 198, ср. стр. 190—191.

[4] Ф. Брун Черноморские готы и следы их пребывания в южной России. Зап. Акад. Наук, т. XXIV, стр. 24.

[5] В. Г. Васильевский. Труды, II, вып. 2, стр. 388. Он считает готов лишь «верными союзниками [Византии] и хорошими христианами» (там же, стр. 384).

[6] А. Л. Бертье-Делагард. Недоуменные вопросы средневековья в Крыму. ИТУАК, вып. 57, 1920, стр. 63.

[7] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема. Готский сборник = ИГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932, стр. 34—35, 98.—Ср.: Н. И. Репников, там же, стр. 144.

сти, для земледельческих занятий», т. е. «в той местности, где в римские времена избрано было место стоянки гарнизона Херсонесской области, очевидно, по стратегическим соображениям. В практике римской и византийской политики обычно было создавать оплоты пограничным областям из поселений варваров». [1]

В связи с этим, хотя и не непосредственно, стоит и вопрос о некоем едином «готском» центре в Крыму, вновь поставленный авторами «Готского сборника»; [2] этот «готский» центр они мыслят как сложившийся феодальный город, локализуемый ими, в противоположность общепринятой точке зрения, в Эски-кермене.

Источниками исследований этих, да и смежных вопросов ранней истории варварского населения Крыма являются почти исключительно свидетельства письменных источников, притом отрывочных и ничтожных. [3] Представляется важным использовать вещественный материал, в частности, архитектурный: имеем в виду крупное сооружение раннесредневекового периода, именно базилику на плато Мангупа. В качестве исторического источника этот памятник привлекался лишь дважды; один раз в приведенной работе А. Васильева, [4] где автор ограничился лишь простым констатированием наличия древней большой базилики в одном из центров области «крымских готов» — в Мангупе; в другой раз о базилике шла речь в «Готском сборнике»; однако вследствие неправильной датировки памятник здесь трактован совершенно произвольно, тем самым его смысл полностью искажен. [5]

Памятник до сих пор продолжает оставаться, в сущности, неизданным и неисследованным; [6] этим объясняется, в частности, разноголосица в его датировке. Между тем, значение этого памятника, как надеемся показать, выходит далеко за пределы узко-историко-архитектурного его смысла.

2. Здание дошло до нас в развалинах, вскрытых к тому же неполностью.

---

[1] С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса эпохи VI—X вв. М., 1908, стр. 8—9. А. Васильев (ук. соч., стр. 58) не оспаривает эти соображения Шестакова; однако мысль о политической независимости готов проходит красной нитью через все его исследование.

[2] См. также: Сборник материалов Эски-керменской экспедиции =ИГАИМК, вып. 117, 1935.

[3] См. приведенные работы В. Г. Васильевского и А. Васильева.

[4] Ук. соч. ИГАИМК, V, стр. 181.

[5] Готский сборник, стр. 24—26, 141—142.

[6] Впервые о базилике упоминает Мартин Броневский в своем «Описании Крыма» (1579) «теперь осталось там только греческая ц. св. Константина и другая св. Георгия, совершенно ничтожная» (русск. пер. см.: ЗООИД, т. VI, стр. 343). Первые раскопки базилики, произведенные Ф. Брауном, относятся к 1890 г. (ОАК за 1890 г., стр. 18—19); памятник, однако, был вскрыт лишь частично. Более полные, хотя далеко не исчерпывающие раскопки произведены в 1912 и 1913 гг. Р. Х. Лепером, опубликовавшим лишь беглый отчет о раскопках с приложением нескольких фотографий и крайне схематического плана памятника (Р. Х. Лепер. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. ИАК, вып. 47, стр. 76—77 и 146—149; см. также ОАК за 1913—1915 гг., стр. 72—79, и ИТУАК, вып. 51, стр. 297—298). Ряд существенных историко-архитектурных замечаний о базилике, хотя и не всегда верных, сделанных в связи с раскопками, имеются в работе А. Л. Бертье-Делагарда, Каламита и Феодоро (ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 37—44). Крайне важный эпиграфический материал, связанный с базиликой, опубликован В. В. Латышевым в «Сборнике греческих надписей христианского времени из южной России» (СПб., 1896, стр. 50 сл. № 45; там же приведена старая литература) и в ИАК (вып. 65, 1918, стр. 18—19; надпись времен Юстиниана). Беглое описание базилики по данным раскопок Лепера, с приложением ряда фотографий, сделано А. С. Башкировым в «Историко-археологическом очерке Крыма» (Путеводитель по Крыму, Симферополь, 1914, стр. 264—265); отдельные замечания о памятнике, имеющиеся в работах А. Васильева, В. И. Равдоникаса и Н. И. Репникова, упомянуты только что выше. Этим почти исчерпывается литература о памятнике. Археологическое исследование постройки продолжено в 1938 г. Раскопки производились в северной и западной частях базилики (результаты еще не опубликованы). Точный план здания издается здесь впервые.

Раскопки выяснили ряд значительных позднейших перестроек, не нарушивших, все же, первоначальную плановую композицию здания.

Здание (рис. 1 и 2) представляет собой трехнефную базилику очень крупных размеров (общие размеры: 31.5×26.2 м) с боковыми галлереями, идущими вдоль северной и южной сторон здания. Центральный неф отде-

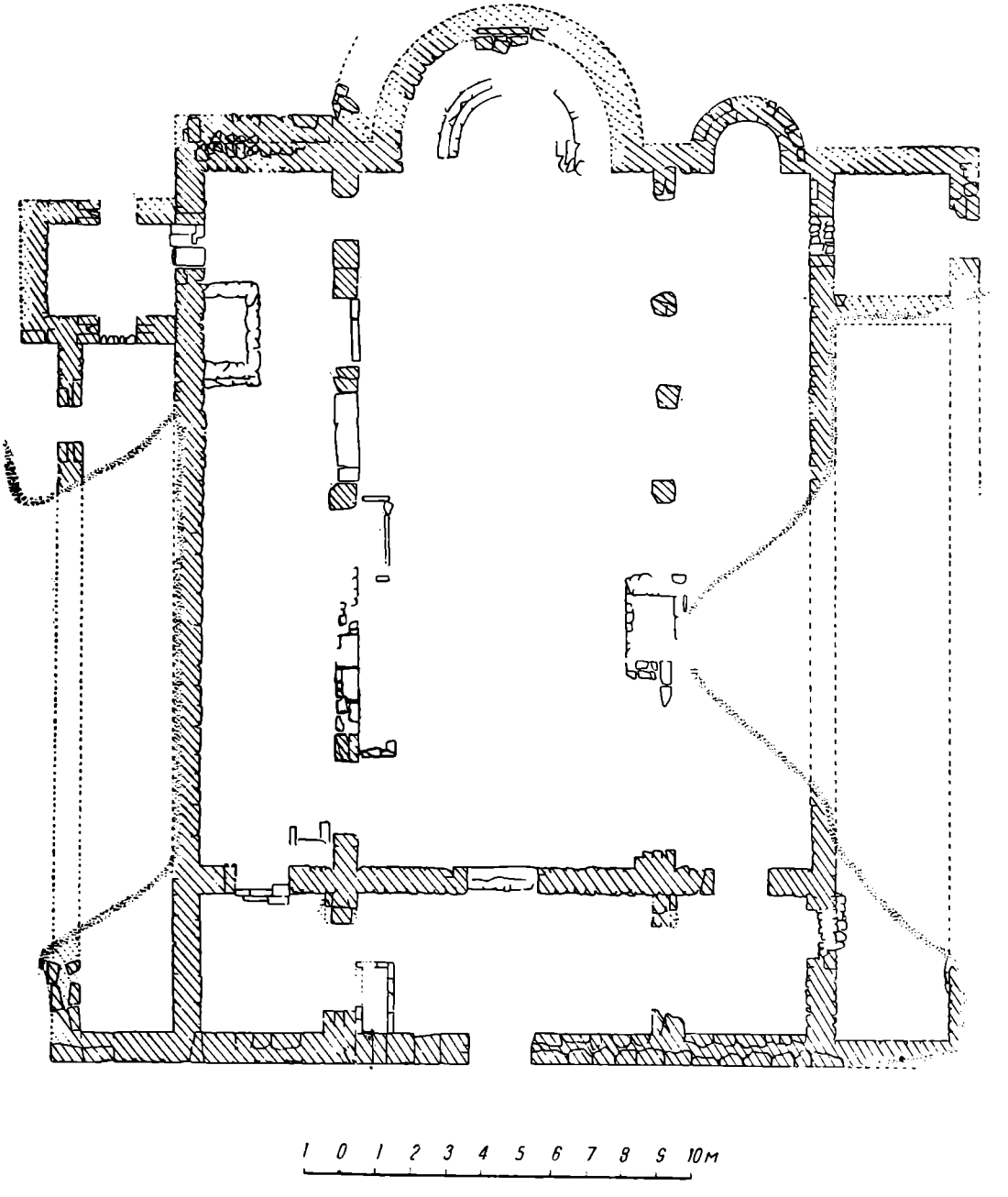

Рис. 1. План базилики.

лялся от боковых колоннадами по 6 колонн в каждой. С западной стороны нартекс, с восточной — центральная полукруглая изнутри апсида (снаружи она не раскопана) с трехступенчатым синтроном и южная боковая апсида (полукруглая как изнутри, так и снаружи), заканчивающая южный неф. Базилика не раз горела, о чем свидетельствуют слои угля и золы, обнаруженные при раскопках, [1] а также растрескавшиеся камни

[1] ИАК, вып. 47, стр. 146.

кладки. Базилика позднее восстанавливалась, о чем дает возможность судить анализ кладок отдельных частей здания. Основной первоначальный

Рис. 2. Общий вид базилики с западной стороны.

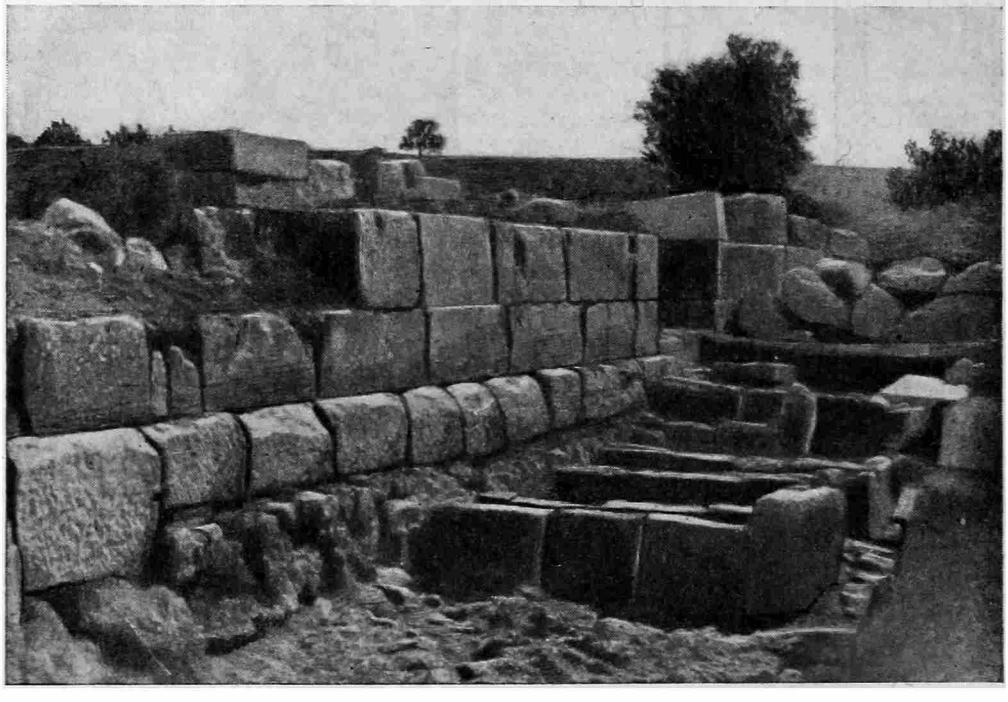

Рис. 3. Западная стена базилики.

характер кладки сохранили западная (рис. 3 и 4), северная (в ее западной половине), южная (вскрытая лишь частью) стены, а также южная апсида (рис. 5 и 6) и частью центральная. Здесь кладка состоит из крупных блоков

гладко тесаного камня, [1] хорошо пригнанных друг к другу, положенных на тонком слое известкового раствора; узкий внутренний промежуток в стене между блоками камня имеет забутовку из мелкого щебня, залитого раствором. Кладка восстановленных частей здания состоит из бутового камня различного размера, сложенного приблизительно выдержанными рядами, коренным образом отличаясь от описанной только что первоначальной штучной кладки. Судя по этому характеру кладки, восстановлены были или сложены заново следующие части здания: 1) Капелла, заканчивающая с восточной стороны южную галлерею. [2] 2) Западная половина северной стены, наращенная над нижней древнейшей частью; восточная же часть этой стены восстановлена вся сплошь из больших бутовых камней, причем с наружной северной стороны, как показали раскопки 1938 г., в кладку употреблены хорошо тесаные блоки камня первоначальной постройки. 3) Северная стена северной галлереи, сложенная также из бутовых камней; северная стена базилики и галлереи свидетельствуют, таким образом, о фундаментальности восстановительных работ. 4) Северная стенка северной капеллы (верней капеллы, оканчивающей с восточной стороны северную галлерею); остальные стенки галлереи принадлежат, повидимому, первоначальному зданию. 5) Северное плечо центральной апсиды (рис. 7), имеющее двойную стенку; вторую стенку, примыкающую вплотную к первой, возвели, очевидно, ради укрепления этой части базилики; [3] в остальном восточная часть базилики сохранилась от перво-

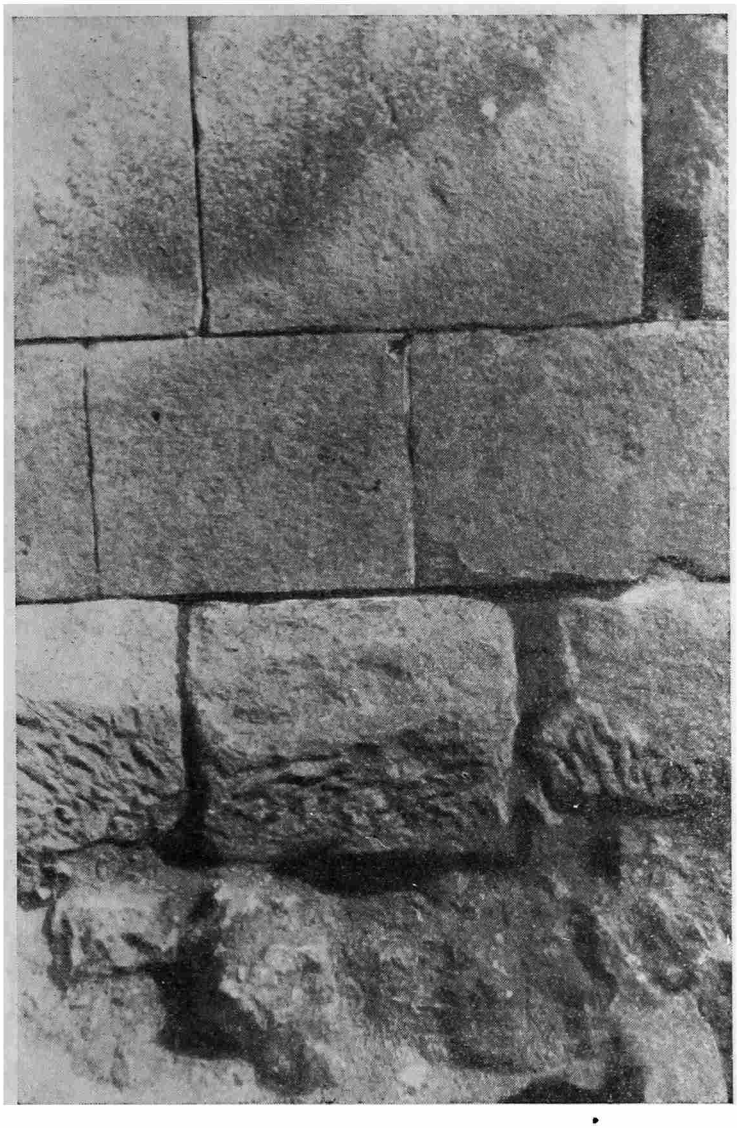

Рис. 4. Деталь кладки западной стены базилики.

[1] Длина блоков 0.70—0 80—1 00 м, менее крупные блоки лишь в кладке южной стены (примерно 0.45×0.30 м).

[2] Сама галлерея принадлежит, несомненно, первоначальному зданию, о чем можно судить по древнему входу в капеллу из южного нефа, впоследствии заложенному, а также по характеру кладки западной стенки галлереи, совершенно тождественной первоначальной кладке остальных частей базилики.

[3] Возможно, что такую же дополнительную стенку имела и центральная апсида, на что намекает расположени отдельных камней (рис. 1); однако что-либо утверждать до полной раскопки этой части здания невозможно.

начальной постройки. 6) Восточная стена нартекса. 7) Открытая раскопками западная часть южной стены, [1] где имеется вход, обрамленный резным наличником, о чем ниже.

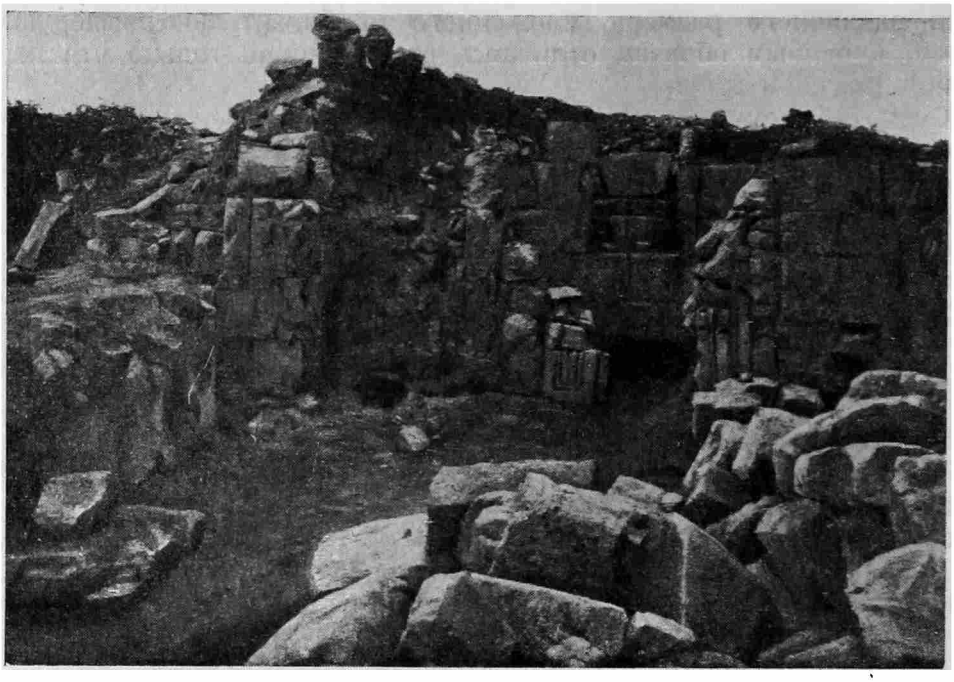

Рис. 5. Южная апсида базилики, вид изнутри.

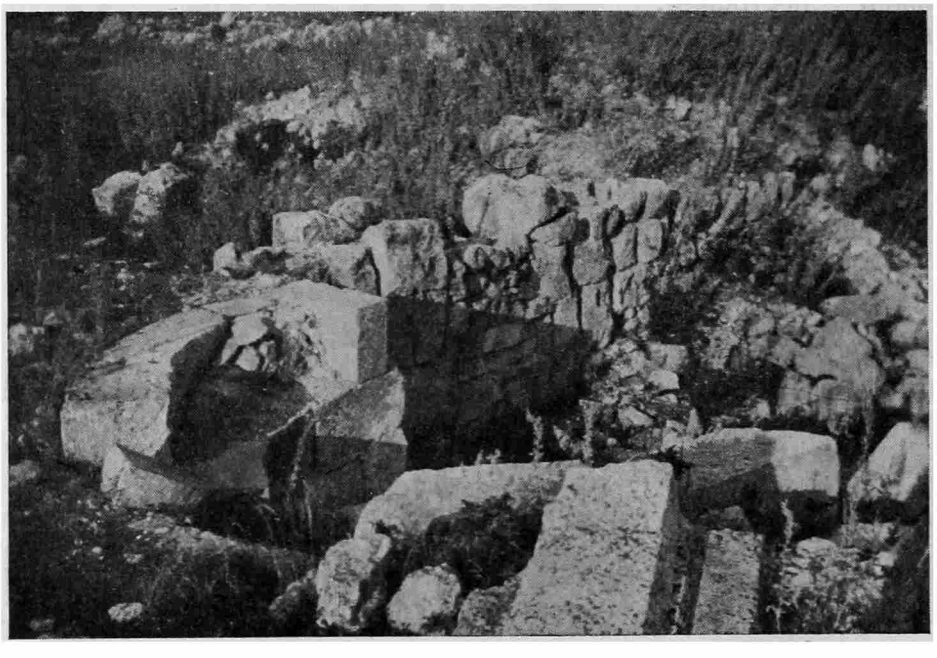

Рис. 6. Южная апсида базилики, вид снаружи.

Все эти перестройки, которые трудно отнести по тождеству кладки к различным хронологическим периодам, указывают на то, что к моменту начала восстановительных работ здание лежало в развалинах: пол восста-

[1] Большая часть южной стены не раскопана.

новленного здания оказался поднятым относительно первоначального на 0.35 м; [1] далее, одни стены пришлось сильно наращивать, а некоторые даже вновь воздвигать, не говоря уже о перекрытии базилики, которое при таких условиях, конечно, не могло сохраниться: устои, поддерживавшие деревянное стропильное перекрытие первоначального здания, именно мраморные колонны, [2] погибшие большей частью в пожаре, были заменены восьмигранными колоннами из известняка (видны на рис. 2.). [3]

Восстановление базилики следует отнести к позднесредневековому периоду. На это прежде всего указывает характер бутовой и полубутовой кладки, обычной в постройках XIV—XV вв., [4] а также отмеченные только что восьмигранные колонны и декорация южного входа. Восьмигранные колонны в средневековом зодчестве греческого Востока встречаются не

Рис. 7. Восточная стена базилики, вид изнутри.

ранее XIII в.; наиболее ранний пример применения их на почве Крыма дает церковь в сел. Лака, близ Бахчисарая; [5] в XIV в. они здесь постоянны. [6] Указанный наличник южного входа [7] состоит из двух вертикальных полос; одна из них украшена простым плетением из широкого жгута с стилизо-

---

[1] ИАК, вып. 47, стр. 77, 146.

[2] Куски их валялись вблизи базилики еще в 1927 г.

[3] Следует заметить, что некоторые изменения в здании были произведены уже после указанных выше восстановительных работ; так, например, были заложены проходы из южной и северной галлерей в основную часть базилики. Таким образом в последний период ее существования эти галлереи, возможно, вовсе не были использованы (ИАК, вып 47, стр. 127).

[4] Прежде всего на эту дату указывают поздние памятники самого Мангупа — цитадель на Тешкли-бурун и крепостные стены, которые относятся в периоду XIV—XV вв. Далее эта техника прекрасно известна по многочисленным памятникам генуезского строительства в Крыму (Судак, Феодосия, Балаклава), раннего татарского зодчества (Старый Крым) и др.

[5] См. нашу статью «Из истории средневековой архитектуры в Крыму, I» (Проблемы, 1934, № 11—12, стр. 108).

[6] Например, медрессе-мечеть 1314 г. в Старом Крыму и др.

[7] Издан А. Л. Бертье-Делагардом, Каламита и Феодоро (ИТУАК, вып. 55, 1918, рис. 9), а также А. С. Башкировым (ук. соч., стр. 267).

ванными пальметтами на концах; другая — более мелкой двойной плетенкой. Рисунок резьбы этого наличника представляет собой обычное портальное украшение монументальных построек в Крыму XIV—XV вв., [1] связанное в своем источнике с малоазийским сельджукским декоративным искусством. [2]

Таким образом восстановление Мангупской базилики ориентировочно можно датировать XIV или, вернее, XV в. [3] Возможно, что эти работы относятся к периоду большого строительства на плато Мангупа и в Инкермане (Каламите), которое в 20-х гг. XV в. здесь вел владетель Феодоро — князь Алексей. [4]

3. С бутовой кладкой со слабой притеской лицевой поверхности, которая характерна для восстановленных частей Мангупской базилики, резко контрастирует описанная выше тщательная кладка из крупных штучных блоков камня первоначального здания. Прежде чем датировать ее, обратимся к самой композиции здания. Отметим сначала, что восстановительные работы XIV—XV вв. мало изменили его изначальную композиционную схему (а в дальнейшем лишь сократили ее), хотя в целом последняя является совершенно чуждой зодчеству греческого Востока этого позднего периода. [5] Зато для раннесредневекового периода и притом для определенных районов Средиземноморья она наиболее характерна и обычна. При изучении Мангупской базилики необходимо прежде всего обратиться к ближайшему для Мангупа крупному средневековому центру Крыма — Херсонесу; весь необходимый материал для датировки и комментария Мангупской базилики здесь налицо. Нетрудно убедиться, что композиция

---

[1] Таков, например, наличник окна с восточной стороны турецкой цитадели Тешкли-бурун того же Мангупа, XV в. (издан А. Л. Бертье-Делагардом, ук. соч., рис. 6), далее, абсолютно идентичные фрагменты портала в Судаке (заложен в стену фонтана Немецкой колонии; не издан), портал староеврейской синагоги XIV в. в Феодосии; оттуда же фрагмент совершенно подобного портала, лежащий у церкви Иоанна в Карантине 1348 г. (также не издан); верхняя часть портала церкви в армянском монастыре Сурб-хач близ Старого Крыма 1338 г (не издан); портал медрессе 1314 г. в Старом Крыму [по рисунку Иванова конца XVIII в., издан, напр., Ю. Кулаковским (Прошлое Тавриды, СПб., 1914, табл. к стр. 80)]; другие примеры см. у А. Л. Бертье-Делагарда (ук. соч., стр. 20—24).

См. напр.: Fr S a r r e. Reise in Kleinasien. Berlin, 1896, стр. 61, табл. XX, XXV, XXVII, XXX, XXXV.

[3] Иного мнения держался А. Бертье-Делагард, относящий восстановление базилики ко времени турецкого здесь господства, а именно к концу XV—началу XVI в. (ук. соч., стр. 41), предполагая, что описанный выше наличник южного входа базилики происходит из расположенного недалеко от базилики и частично раскопанного Р. Лепером в 1912 г. дворца, датированного надписью 1425 г. (Р. Л е п е р, ук. соч., стр. 79), откуда, после его разрушения, этот портал был использован турками при восстановлении базилики (А. Б е р т ь е, ук. соч., стр. 43). Автор исходит из ничем не обоснованного мнения, что восстановление базилики было «упрощено бедной переделкой» (там же, стр. 42), при которой не до украшений было; приведенные выше данные о значительном объеме восстановительных работ достаточно опровергают эту предвзятую мысль; базилику могли украшать и действительно украшали, равно как и дворец. Да и помимо всего этого совершенно невероятно восстановление турками-мусульманами большой христианской базилики. Отметим, кстати, свои сомнения относительно датировки А. Бертье-Делагардом цитадели на Тешкли-бурун началом XVI в.: декорация портала восточной ее стороны слишком идентична, и стилистически и формально, наличнику южного портала базилики, относящегося ко времени не позднее начала XV в.

[4] Имеем в виду надписи 1427 г., где говорится о построении крепости и церкви, и 1425 г. — о построении дворца (на Мангупе). Первую из этих надписей (1427 г.), неоднократно изданную [лучшее издание В. В. Латышева (Сборник греческих надписей христианских времен, 1896, стр. 50 сл.)], новейшие исследователи относят не к Мангупу, а к Инкерману (А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, ук. соч., стр. 40—41; Н. В. М а л и ц к и й. Заметки по эпиграфике Мангупа. ИГАИМК, вып. 71, 1933, стр. 27—28). Во всяком случае из этой надписи, в которой Алексей назван ктитором церкви Константина и Елены, существовавшей, насколько известно, только на Мангупе, явствует, что ко времени надписи базилика была уже восстановлена.

[5] Лишь в западных частях бывшей Византийской империи, именно на почве самой Греции, продолжают строить базилики (напр. в Мистре), тяготеющие уже к искусству Зап. Европы.

трехнефной базилики с нартексом, центральной апсидой (полукруглой или гранной)[1] и боковыми продольными галлереями, какую мы видим в Мангупе, достаточно полно повторяет те многочисленные базилики, которые известны в Херсонесе. Такова так наз. Уваровская базилика, датируемая началом VII в.;[2] такова Северная базилика, датируемая VI в.,[3] такова Западная базилика VI — начала VII в.,[4] Восточная базилика (в конце главной улицы) V в.[5] и, особенно, открытая в 1935 г. базилика на северном берегу, относящаяся к VI в.[6]

По недостатку места мы не можем здесь подробно аргументировать приведенные только что датировки перечисленных херсонесских базилик. Это нами сделано в другом месте.[7] Здесь важно указать на хронологическую близость большинства этих базилик, относящихся большей частью к VI в., что, как увидим, отнюдь не случайно.

Не будем здесь подробно анализировать и те частные черты отличия, которые, несомненно, налицо как между самими херсонесскими базиликами, так и между ними и Мангупской: Уваровская базилика имеет атриум и два нартекса; Западная базилика имеет также открытый экзонартекс, как и Восточная базилика; в Мангупской базилике лишь один нартекс. Южная галлерея в ряде базилик Херсонеса выступает вперед на восток, заканчиваясь, как в Мангупской базилике, прямой стенкой снаружи (Уваровская базилика) или полукружием изнутри при прямоугольном очертании снаружи (как в Северной базилике № 22 и Западной № 13), чего нет в Мангупской базилике. Более существенное отличие последней составляет лишь южная боковая апсида,[8] нехарактерная для ранних херсонесских зданий, причем в последних эта черта появляется лишь в результате более поздних перестроек; однако для датировки здания это не является решающим признаком: тройной алтарь в греко-восточной архитектуре складывается уже в VI в.[9]

Все эти частности однако не нарушают общей стилистической близости херсонесских базилик V—VI вв. с Мангупской; и там и здесь перед нами продольно ориентированная зала, разделенная колоннами на 3 нефа, из которых средний заканчивается с восточной стороны широкой апсидой, крытой конхой; центральная продольная часть (неф), очевидно, возвышалась над боковыми; еще более понижены были, вероятно, боковые галлереи, как и нартекс; сравнительно тонкие стены всех этих базилик (0.70—0.80 м) и тонкие устои в виде мраморных колонн при широком пролете центрального нефа не допускали ничего иного, как плоского стропильного перекрытия. Масштаб зданий и там и здесь близок, совпадая иногда почти полностью.[10] Стилистическая близость херсонесских базилик с Мангупской дополняется не только наличием в центральном нефе последней мозаики пола,[11] что обычно в Херсонесе, но особенно подчеркивается данными техническими, именно сходством кладок. Описанную выше кладку Мангупской базилики из крупных, гладко тесаных и плотно пригнанных друг к другу блоков камня мы неоднократно встречаем в Херсонесе, притом

[1] Это остается невыясненным.

[2] См. план базилики в ИАК (вып. 20, табл. III).

[3] См. напр.: Д. В. Айналов. Развалины храмов. Памятники христианского Херсонеса, вып. I, 1905, стр. 27—29. — ОАК за 1893 г., стр. 53—54.

[4] ИАК, вып. 4, стр. 51—73. — Д. Айналов, ук. соч., стр. 29 сл.

[5] Д. Айналов, ук. соч., стр. 42—46 — Херсонесский сборник, III, 1931, стр. 15—17.

[6] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг. Севастополь, 1938, стр. 80—110.

[7] В подготовленной к печати специальной работе, посвященной архитектуре средневекового Херсонеса.

[8] Возможно, существовала и третья подобная апсида с северной стороны центральной апсиды, но северо-восточная часть здания позднее целиком переложена.

[9] Ф. И. Шмит. Эски-керменская базилика. Готский сборник, стр. 232.

[10] Напр. с восточной базиликой Херсонеса.

[11] Остатки ее обнаружены в восточной части центрального нефа «между алтарной преградой и северным рядом колонн» (ИТУАК, вып. 51, стр. 297).

именно и только в памятниках раннего периода V—VII вв.; такова кладка нижних частей стен (изначальной постройки) Уваровской базилики, частью Западной базилики; совершенно тождественна кладка Восточной базилики, Северной (№ 22), базилики раскопок 1935 г и т. д. Характерной чертой этих кладок (как в Херсонесе, так и в Мангупе) является то, что ряды из штучных камней составляют как бы две стенки, узкий промежуток между которыми заполнен бутовым камнем, залитым известковым раствором с примесью песка или толченого кирпича. [1] Важно тут же указать, что этот прием в принципе отличает кладку раннесредневековую от позднесредневековой, образец которой дают стены восстановленных частей той же Мангупской базилики: здесь кладка стены представляет собой однородную бутовую массу, с подтеской лишь лицевых камней или с односторонней (наружной) тонкой облицовкой. Это принципиальное отличие двух приемов кладки, хронологически соответствующее совершенно различным периодам, осталось, повидимому, не понятым одним из авторов «Готского сборника» (Н. И. Репниковым), спутавшим технику изначальной Мангупской базилики, в точности воспроизводящую херсонесскую кладку V—VI вв., с техникой построек типа лакского здания и часовни у оборонительной стены (близ башни Зенона) в Херсонесе, [2] т. е. памятников XII—XIII вв., воспроизводящих отмеченный выше поздний прием кладки. [3]

Таким образом и композиция Мангупской базилики (имеем в виду ее плановую композицию; пространственную композицию реконструируем по херсонесским аналогиям), и техника постройки согласно указывают на V—VI вв., причем наиболее полные аналогии дают памятники VI в.

Эту дату подтверждают и две важные находки, сделанные при раскопках базилики, именно две капители из проконесского мрамора. От одной из них сохранилась лишь нижняя часть в виде нижнего ободка из аканфовых лепестков и нижнего яруса листвы зубчатого аканфа, выполненной ажурной резьбой; листва передана натуралистично. [4] Подобного характера аканфовая листва наиболее характерна для так наз. феодосианских капителей, относящихся к середине V в.; [5] но равным образом такую же листву в своей нижней части могли иметь и капители VI в., у которых верхнюю часть обычно занимает изображение птиц или зверей, чаще всего орла, иногда головы барана и т. д., представляя собою типичное для этого периода усложнение феодосианской капители; [6] к датировке мангупской капители VI в. склоняет другая найденная здесь мраморная капитель небольших размеров, украшенная одним ярусом широколопастного аканфа, воспроизведенного грубо и схематично (рис. 8); [7] стилистически она при-

---

[1] Эта строительная техника сложилась, конечно, не в Херсонесе; источник ее, вернее всего, связать с М. Азией, где отмеченный принцип кладки господствует еще в римский, а затем в раннесредневековый период.

[2] Н. И. Репников. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928-1929 г., Готский сборник, стр. 144.

[3] Подробней об этом см. нашу статью «Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Церковь в сел. Лака» (Проблемы, № 11—12, 1934, стр. 104, 107).

[4] Издана в ИАК (вып. 47, стр. 148).

[5] Прекрасным образцом могут служить капители Студийской базилики в Константинополе (463 г.), базилики Дмитрия и Эски-Джума в Солуни (обе V в.), известны примеры из Равенны, Венеции и т. д. См., например: C a b r o l. Dictionnaire d'archéologie chrétienne, вып. XXV, 1911 (статья «Chapiteau»). Не менее прекрасные образцы были найдены в Херсонесе в 1935 г.

[6] За недостатком места в подробности здесь входить не будем. На аналогии из Равенны, Венеции и Солуни указывал еще А. Л. Бертье-Делагард (Раскопки Херсонеса. СПб. 1893, стр. 26—27). Известны примеры из Афона, Паренцо, Зап. Македонии (ср. Ch. D i e h l. Manuel d'art byzantin, т. I [2], 1925 , стр. 140—145). Несколько замечательных капителей этого рода имеются и в Херсонесе [отчасти изданы А. Л. Бертье-Делагардом (Раскопки Херсонеса, стр. 22)].

[7] Издана, но совершенно неудовлетворительно, в ИАК (вып. 47, стр. 76, в верхней части клише).

мыкает к известным византийским коринфским капителям, совершенно определенно датируемым VI в.; [1] мангупская капитель представляет собой сокращенный и очень упрощенный вариант последней, что должно быть объяснено не хронологической разницей, а специфичностью назначения этих капителей: они обычно венчали колоннаду крайних боковых нефов (при пятинефной композиции) или атриума (но и того и другого не было в Мангупской базилике) или хор; отдаленность этих капителей от глаз зрителя, находящегося в центральной части постройки, объясняет грубость и схематичность их резьбы. [2] Капители, найденные при раскопках Мангупской базилики, относятся, таким образом, вернее всего к VI в., но никак не позднее. [3] Следует при этом подчеркнуть, что капители эти не местного производства и даже не херсонесского; они выполнены из проконесского мрамора и являются, бесспорно, изделиями проконесских мастерских, так же как и херсонесские. [4] Однако при раскопке 1938 г. вдоль северной стены галлереи базилики были найдены декоративные детали и из серого известняка, т. е. местного производства, вероятно херсонесского, именно небольшая коринфская капитель от предалтарной преграды, украшенная одним рядом зубчатого аканфа, и кусок фриза, опять-таки с зубчатой листвой. [5] По характеру сравнительно плоской и схематичной резьбы этого зубчатого аканфа, лишенного свеса своих верхних концов, обычных, например, на феодосианских капителях, эти декоративные детали правильнее всего датировать также VI в.

Рис. 8. Капитель, найденная при раскопке базилики.

Наконец, в пользу датировки базилики VI веком свидетельствует одна эпиграфическая находка, именно обломок известковой плиты, «найденный в группе могил с левой стороны центрального нефа большой базилики», с фрагментом крупной надписи, упоминающей имя Юстиниана, [6] которую В. В. Латышев по палеографическим данным относит к эпохе Юстиниана I (527—565). Возможно, что это ктиторская надпись, помещавшаяся над входом в базилику. [7]

---

[1] Классические образцы этих капителей дает базилика Апполинария Нового в Равенне VI в. Большое количество их (более 30) найдено в Херсонесе. О капителях этого рода см. статью M. Tichanov-Klimenko «Les chapiteaux de l'église... à Kerč» (Сб. «L'art byzantin chez les Slaves» =Orient et Byzance, IV, ч. 3, Париж, 1930).

[2] Совершенно подобных капителей немало и в Херсонесе; одна из них издана (ИАК, вып. 4, стр. 71, рис. 20 внизу).

[3] А. Л. Бертье-Делагард относил эти капители ко времени «едва ли позже VII—VIII века» (Каламита и Феодоро, стр. 40); никаких соображений по этому поводу автор не приводит; дата эта слишком обща и, как видели, не верна; судя по неуверенности выражения автора, он сам, видно, не был убежден в правильности своей датировки.

[4] По поводу проконесского происхождения херсонесских капителей см. А Л. Бертье-Делагард. Раскопки Херсонеса. 1893, стр. 29—30.

[5] Материал будет издан в отчете о раскопках на плато Мангуп-кале в 1938 г., подготовляющемся к печати М. А. Тихановой. Здесь же попутно отметим, что подобного характера резьбы зубчатый аканф в местном известняке известен и из раскопок Херсонеса (№ 7601 инв. 1925 г.)

[6] ИТУАК, вып. 51, 1914, стр. 298. Надпись издана В. В. Латышевым (ИАК, вып. 65, 1918, стр. 18—19). В могиле северного нефа базилики, где найдена была надпись, оказались разновременные вещи, начиная с VI в. и кончая генуэзскими. Завал могилы произошел, очевидно, при последнем пожаре базилики (XVI в.).

[7] Связь постройки с Юстинианом делает характерным и название базилики именем Константина и Елены, что связано, возможно, с пиететом Юстиниана к основателям византийской столицы, на что указывает А. А. Васильев (ук. соч., ИГАИМК, V, стр. 181).

Иначе все это расценивает Н. И. Репников. Автор исходит не из очевидных фактов, а из своей предвзятой концепции, согласно которой место древнего Дороса-Феодоро не Мангуп, а Эски-кермен (см. ниже), относя крупное поселение на Мангупе, о котором сигнализирует базилика, ко времени после X в. Именно отсюда исходит неверное указание автора на тождественность кладки базилики с кладкой позднейшей (об этом см. выше); далее, в соответствии со своим убеждением, найденные на Мангупе капители VI в. Н. И. Репников объявляет почему-то занесенными извне;[1] «неизвестно откуда привезенной» объявляется и надпись с именем Юстиниана.[2] Таким путем автор довольно смело устраняет все то, что мешает его гипотезе: все, что древнее X в., попросту объявляется случайно занесенным. Соображения Н. И. Репникова, как видим, носят произвольный характер.

Итак, в изначальном виде Мангупская базилика относится к VI в.,[3] будучи и стилистически и технически связана с раннесредневековой архитектурой Херсонеса.[4] Значение этого факта не только, и пожалуй меньше всего, формальное: указанную связь мы мыслим вполне реально — Мангупская базилика была произведением херсонесского строительного ремесла, ибо именно Херсонес являлся как для раннего средневековья, так и позднего, рассадником тех композиционных и технических приемов, носителями которых были строительные артели, распространявшие эти строительные традиции на периферию греческого центра в Тавриде, в соседние с ним области, заселенные варварами, области, находившиеся к тому времени под непосредственным контролем, если не под прямой властью Византии, политику которой в Тавриде осуществлял Херсонес.

---

[1] Н. И. Репников (Готский сборник, стр. 142) основывается на том, что капитель несет на себе следы вторичного употребления (там же, стр. 141, примеч.). Но ведь известно, что базилика впоследствии перестраивалась, мраморные колонны были заменены известняковыми, а оказавшиеся при этом ненужными мраморные капители (вернее ничтожная часть их, так как большинство, очевидно, погибло в пожаре) использовали для других надобностей.

[2] Там же, стр. 141. К этому, без особых пояснений, присоединяется другой автор «Готского сборника» — В. И. Равдоникас: «...надпись и капитель в счет не идут, как найденные не in situ» (Готский сборник, стр. 26).

[3] Датировка здания VI в. указывалась и раньше рядом авторов, но без достаточной аргументации (А. С. Башкиров. Историко-археологический очерк Крыма. Крым, путеводитель, 1914, стр 264. — А. А Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, стр. 181).

[4] Мы не касаемся здесь сколько-нибудь подробно источников архитектурных форм раннего периода в самом Херсонесе. Разумеется не там, в этом довольно глухом и отдаленном от Византии центре Тавриды, они были выработаны. В развернутом виде этот вопрос трактуется в цитированной выше работе о «средневековой архитектуре Херсонеса». В настоящей работе важно не это Здесь укажем лишь, что источники эти не находятся и в византийской столице (Константинополе), для которой базилика нехарактерна, и тем более не на Западе: ранневизантийская архитектура Равенны, где мы имеем базилики, сходные с херсонесскими, сама связана с греко-восточным зодчеством. Источником композиции херсонесских базилик является архитектура тех областей греческого Востока, с которыми Херсонес был непосредственно связан, связан прежде всего экономически; такой областью издавна являлась, как известно, М. Азия, точнее прибрежные районы юга и запада ее. Именно там, в противоположность внутренним районам М. Азии (как, напр., Бинбиркилиссе), в течение всего раннего средневековья, до арабского завоевания, господствовал эллинистический тип трехнефной, одноапсидной базилики с нартексом, часто с атриумом, с деревянным перекрытием, какой мы ее знаем в Херсонесе; в подтверждение этого можно назвать значительное количество примеров: из Пергама (J. Strzygowski Kleinasien, 1903, стр. 46), из Ликии (там же, стр. 47; H. Rott. Kleinasiatische Denkmäler, 1908, стр. 27, 318, 139), Памфилии (Ch. Lanckoronski. Les villes de la Pamphilie et de la Pisidie. Paris, 1893, т. II, стр. 157—159), Киликии [см. отчет о раскопках в Киликии S. Guyer'a и E. Herzfeld'a в «Jahrbuch d. Deutschen Archäologischen Instituts» (XXIV, 1909, стр. 443—444, 449—450, и табл. к стр. 434, рис. 2)]. Херсонесские здания имеют, конечно, некоторые свои особенности, в частности технические. Но это тема особая.

4. Мангупская базилика — не единичный памятник деятельности этих артелей. Что это так, показывает другой однородный с ней памятник того же района горного Крыма, именно базилика, открытая в 1930 г. на плато Эски-кермена.

Памятник уже издан и исследован. [1] В подробном описании, поэтому, нет здесь необходимости; остановимся лишь на некоторых положениях исследователя памятника — Ф. И. Шмита, которые представляются нам спорными.

Перед нами снова базилика, состоящая из центральной квадратной трехнефной залы (12×12 м), к которой с запада примыкает обычный нартекс, а с востока три пятигранных апсиды, [2] причем в столь развитом виде, в каком до того в Крыму это было не известно. В остальном это та же композиционная схема, которую мы неоднократно наблюдаем в Херсонесе. Так же, как и там, Эски-керменская базилика была крыта деревом; [3] так же, как и там, она сложена из штучных, гладко отесанных блоков известняка плотно пригнанных друг к другу, составляя две параллельные стенки, промежуток между которыми заполнен бутом, залитым известковым раствором. [4] Техника постройки, таким образом, совершенно точно повторяет уже знакомые нам приемы раннесредневекового зодчества Херсонеса. В поисках непосредственного источника этой техники в Эски-кермене незачем, поэтому, обращаться к М. Азии, как то делает Ф. И. Шмит: [5] тот же технический принцип, повторяем, господствует в ближайшем культурном центре — Херсонесе, который автор почему-то всячески и упорно избегает. Остается лишь одна, правда существенная, черта Эски-керменской базилики, не находящая себе прямых аналогий в Херсонесе, — именно три пятигранных апсиды, черта, заставившая исследователя в поисках аналогий обратиться к отдаленной и почти неведомой в архитектурном отношении области греческого Востока — Каммагене, являющейся, по своему географическому положению, средостением между Сирией и Каппадокией (т. е. М. Азией) и обладающей строительным материалом, близким к малоазийскому. Последние два обстоятельства показались автору вполне достаточными для утверждения, что малоазийская техника должна была там сочетаться с сирийской трехапсидностью церквей и каппадокийской манерой многогранной обработки апсид. [6] Ссылка на Каммагену, таким образом, чересчур условна — она носит негативный характер, ибо конкретных памятников этой области автор не приводит (архитектура этой области слишком мало известна); указание на Каммагену мало убедительно, тем более, что в этих теоретических поисках, как увидим, и вообще нет особой нужды.

Во-первых, трехапсидность известна и в М. Азии, на что, впрочем, указывает и сам автор, называя примеры из Ангары, Никеи, Эфеса; [7] можно также назвать пример из Киликии [8] и Трапезунта; [9] сравнительная редкость трехапсидности здесь не бо̀льшая, чем в Сирии, откуда ведет эту черту автор, теоретически допуская ее в Каммагене, где он, опять-таки теоретически, предполагает синтез отдельных черт архитектуры Сирии

[1] Ф. И. Шмит. Эски-керменская базилика. Готский сборник, стр. 213—253.

[2] См. план там же (стр. 217).

[3] Там же, стр. 223.

[4] Эта кладка изначальная; хорошо сохранилась она лишь в восточной части здания. Западная же часть базилики (части северной, западной и южной стен) носит явные следы более поздних восстановительных работ (может быть XII—XIII вв.), причем в основном был использован материал изначальной постройки.

[5] Ук. соч., стр. 240.

[6] Там же, стр. 240, 241—243.

[7] Готский сборник, стр. 232.

[8] Базилика Феклы в Mariamlik'e. Издана S. Guyer'ом и E. Herzfeld'ом в «Jahrbuch d. Deutschen Archäologischen Instituts» (XXIV, 1909, табл. к стр. 434).

[9] G. Millet, BCH, XIX, напр. стр. 444 (базилика Анны).

и М. Азии. Наличие этой черты в М. Азии не исключает возможности, и даже вероятности, встретить ее и в Херсонесе, архитектура которого столь тесно связана с малоазийской. [1] Далее, как правильно подчеркивает автор, специфически малоазийской чертой является и пятигранность, будучи наиболее характерной для Каппадокии, где встречаем ту самую обработку граней апсиды пилястрами, которую видим в Эски-кермене; [2] но та же пятигранность известна и в других областях М. Азии: в Никее, [3] Трапезунте, [4] Бинбиркилиссе, [5] Ликаонии; [6] встречаем пятигранность и в ранних памятниках Херсонеса, притом как раз с наклонными (по отношению к оси) боковыми гранями, [7] хотя, признаться, не видим в этом расположении боковых граней сколько-нибудь существенного признака.

Итак, за исключением лишь одной черты, трехапсидности, все остальные признаки архитектурной композиции и техники сближают Эски-керменскую базилику с раннесредневековой архитектурой Херсонеса, где господствует эллинистический тип крытой деревом базилики; характерная для последних кладка полностью воспроизведена в Херсонесе, а вслед за ним и в Эски-кермене. Трехапсидность является столь же малоазийской чертой, сколь и сирийской; не исключена поэтому возможность встретить эту черту и в Херсонесе; пятигранность постоянна в М. Азии и опять-таки достаточно известна в Херсонесе. Правда, точной аналогии обработке апсид Эски-керменской базилики пилястрами в Херсонесе мы не имеем, но следует при этом иметь в виду, что пилястры начинаются не с самого низа стены апсиды, а обычно гораздо выше, между тем в Херсонесе стены редко сохранились на высоту более метра, так что утверждать здесь что-либо относительно обработки апсиды пилястрами херсонесских базилик трудно. Так или иначе, одно наличие пилястр на стенах апсиды совершенно недостаточно для установления прямой связи Эски-керменской базилики с Каппадокией, а тем более с воображаемой архитектурой Каммагены. В основных чертах своих базилика Эски-кермена достаточно сближается с архитектурой прибрежных областей М. Азии, хорошо представленной в Херсонесе.

Нет поэтому никакой необходимости специально для Эски-кермена выписывать строительные артели то ли из Каммагены, то ли из других областей греческого Востока — Сирии или М. Азии, как то делает Ф. И. Шмит. Исторически это и вовсе невероятно, о чем речь ниже. Отметим в дополнение, что и декорация Эски-керменской базилики, фрагменты которой были найдены при раскопках, вполне подтверждают наличие высказанной выше связи памятника с Херсонесом. Были найдены фрагменты трех видов плетенки из прямолинейно пересекающихся жгутов, образующих различные ромбы, и один вид криволинейной плетенки, состоящей из пересекающихся кругов. [8] В противоположность очень распространенным по всему Средиземноморскому бассейну плетенкам, очень близким, а иногда совершенно подобным эски-керменским, но всегда двойным, тройным или четверным, лента плетенки нашей базилики ординарна, чему Ф. И. Шмит не находит ни аналогий, ни объяснения, кроме того, что в этом

[1] Напомним, что городище Херсонеса вскрыто всего на одну треть. Кроме того заметим, что в результате более поздних перестроек некоторые базилики Херсонеса становятся трехапсидными: такова Северная базилика, базилика 1932 г. Не исключена возможность, что приданная им позднее трехапсидность воспроизводила трехапсидность изначальной постройки.

[2] Ф. Шмит, ук. соч., стр. 236. Каппадокийские примеры см. у H. Rott'a (ук. соч., стр. 183, 188, 251, 272, 294).

[3] O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst. II. 1918, стр. 402.

[4] G. Millet, BCH. XIX, стр. 444, 448 и др.

[5] Издан, например, J. Strzygowski'м (ук. соч., стр. 14).

[6] W. Ramsay and G. Bell. The thousand and one churches. 1909, рис. 283.

[7] Уваровская крещальня VI в.

[8] Изданы в «Готском сборнике» (стр. 244—246).

отразилась привычка резчика к плоской деревянной резьбе. [1] Между тем, эти аналогии имеются в том же Херсонесе, почему-то непривлекательном для автора: [2] при раскопке базилики 1932 г., относящейся к VI в., были найдены многочисленные фрагменты ординарных плетенок, абсолютно тождественных эски-керменским, притом с теми же следами покраски: [3] и там и здесь они украшали архивольты арочек предалтарной преграды. Точные аналогии, как видим, нашлись рядом с Эски-керменом: от теории, согласно которой Эски-керменскую базилику строили пришлые издалека заморские артели, остается слишком мало.

Наконец, вопрос о дате памятника. Ф. И. Шмит ограничивается указанием на крайние хронологические пределы его постройки: конец IV — начало VII в. [4] Полагаем, что эти рамки можно смело сузить. 1) Как указывалось выше, общая композиция и кладка базилики имеют наибольшее количество аналогий среди херсонесских памятников VI в. 2) Некоторые декоративные фрагменты, как, напр., плетенка из кругов, относятся также к VI в.; другие, как капитель предалтарной преграды, украшенной схематично переданными листьями лотоса, [5] не ранее VI в., хотя и навряд ли много позднее. [6]

На основании этого нам представляется мало вероятным отнесение памятника ко времени ранее конца V—VI вв.

Итак, Эски-керменская базилика, относящаяся, всего вероятнее, к VI в., вовсе не представляет того соединения черт архитектуры Сирии и различных областей М. Азии, которое не раз подчеркнуто Ф. И. Шмитом, видевшим в этом своеобразный парадокс, [7] разрешить который призвана была слабоизученная Каммагена, где якобы нашел место синтез различных особенностей греко-восточной архитектуры; оттуда, по Ф. И. Шмиту, прибыла в Тавриду строительная артель, построившая базилику Эски-кермена. Между тем все существо этого памятника слишком связано с архитектурой соседнего византийского центра — Херсонеса, чтобы отрицать предположение о построении Эски-керменской базилики артелью херсонесских каменщиков.

Базилика Эски-кермена, подобно Мангупской, есть памятник строительной периферии Херсонеса.

5. Перед нами прошли два монументальных памятника юго-западной части горного Крыма, оба представляющие собой большие христианские базилики, оба относящиеся к VI в. Это указывает прежде всего на то, что и на плато Мангупа и на плато Эски-кермена существовали достаточно крупные поселения, ибо без связи с значительным поселением такие базилики бессмысленны. Дата базилик указывает на то, что поселения эти существовали о д н о в р е м е н н о. Одно из них хорошо известно из письменных источников. Это Феодоро, древний Дорос, который обычно локализуют в Мангуп-кале. [8] Данных, противоречащих этой локализации, мы не имеем.

Впрочем в самое последнее время было выдвинуто другое мнение, согласно которому место древнего Дороса — на плато современного Эски-кермена. [9] Письменные источники не могли служить и не служили основа-

---

[1] Там же, стр. 250, 251, 252.

[2] Там же, стр. 222.

[3] Не изданы.

[4] Там же, стр. 243.

[5] Именно лотоса, а не аканфа коринфской капители, как ошибочно утверждает автор (там же, стр. 253).

[6] Некоторой аналогией может явиться капитель, украшенная водяными листьями, найденная при раскопках Западной базилики — ИАК, вып. 4, стр. 71.

[7] Там же, стр. 238.

[8] Историю вопроса см.: В. Л а т ы ш е в, ук. соч., стр. 48—50. — А. В а с и л ь е в, ук. соч., ИРАИМК, I, стр. 50—51.

[9] Н. И. Р е п н и к о в. Эски-кермен в свете археологической разведки 1928—1929 гг. Готский сборник, стр. 134.

нием этому утверждению. [1] Остаются археологические материалы, на которых и базирует свое утверждение Н. И. Репников. Он указывает на то, что: 1) стены Мангупа поздние — XIII—XIV вв., [2] между тем на Эски-кермене открыты остатки стен V—VI вв.; 2) культурный слой на Мангупе ничтожен; 3) погребения, открытые на Мангупе, — не древнее XI—XII вв., и, наконец, 4) общее указание, что «все раскопанное на Мангуп-кале не может быть отнесено ко времени более раннему, чем начало XI в.» [3]

Однако последнее указание неверно: на плато Мангупа, как видели, существовала громадная базилика VI в. (кстати, в 1.5 раза бо́льшая, чем на Эски-кермене), существовали и другие раннесредневековые постройки, именно октогон, который никак нельзя отнести к позднему средневековью. В этой связи важно указание на находки на городище Мангуп-кале керамики V в., что странным образом игнорируется Н. И. Репниковым. [4] Далее, культурный слой на Мангупе вовсе не так уж ничтожен: при раскопках базилики пришлось вскрывать «пласт в 2.5 арш.»; [5] не больший пласт был и на месте раскопанной в 1930 г. базилики Эски-кермена. Третье указание Н. И. Репникова условно и не имеет решающего значения. Мангуп раскапывался мало и небрежно, на что справедливо указывают сами авторы «Готского сборника»; [6] базироваться на данных сравнительно небольших и небрежных раскопок, не давших пока древних погребений, разумеется, нельзя.

Наконец, первое соображение относительно отсутствия на плато Мангупа раннесредневековых крепостных стен полностью опровергается внимательным изучением сохранившихся стен, произведенным нами летом 1938 г. Оказывается, раннесредневековая кладка в нижней части стен XIV—XV вв. прослеживается почти на всем их протяжении; далее, в непосредственном соседстве с Тешкли-бурун сохранилось несколько рядов раннесредневековой кладки из больших плит тесаного камня на известковом растворе с толченым кирпичом, принадлежащих древним въездным воротам. А в передовой оборонительной линии Табана-дере сохранились даже целые участки раннесредневековых стен, также сложенных из очень крупных блоков тесаного камня на крепком известковом растворе правильными рядами, с несколькими контрфорсами, построенными в типичной именно для раннего средневековья технике кладки с чередованием плит, положенных вдоль стен, и плит, положенных поперек их — точком наружу, т. е. уходящих по длине в глубь стены; таким образом наружные плиты стены крепче скреплялись с внутренним ее бутовым массивом.

В таком виде кладка стен хорошо известна, например, в раннесредневековых стенах того же Херсонеса (западная линия стен, датированная V—VI вв.) [7] и позже этого времени не встречается. Правда и в Табана-дере эти раннесредневековые стены надложены сверху в XIV в. (на одной из башен имеется и соответствующая надпись), а на Эски-кермене они уже не восстанавливались.

---

[1] К. И. Репников старается лишь показать, что эти источники не противоречат новой локализации Дороса. Действительно, древние свидетельства (до XV в.) слишком общо указывают географическое положение Дороса, и потому вообще недостаточны для какой-либо точной его локализации.

[2] А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, вып. 55, стр. 6.

[3] Там же, стр. 135 (где приведены все эти аргументы).

[4] Готский сборник, стр. 144. Находки позднеримской и раннесредневековой керамики были довольно часты во время раскопок базилики в 1938 г.

[5] Р. Лепер, ук. соч., ИАК, вып. 47, стр. 149. Это полностью подтвердили и раскопки 1938 г.; например, у западной стены базилики культурный слой достигал 2 м.

[6] Готский сборник (статья В. Равдоникаса, стр. 24—25).

[7] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. ИАК, вып. 4, 1902, стр. 52 и рис. 2 (фотография, однако, не передает всех характерных черт кладки).

Другие соображения Н. И. Репникова относительно неверной локализации Дороса приведены были выше. [1] Новая локализация древнего Дороса оказывается, таким образом, совершенно необоснованной. Остается лишь непонятным, зачем понадобилось авторам «Готского сборника» производить ничем не оправданные перемещения географических названий на исторической карте Крыма.

6. Впрочем для нас вопрос о локализации древнего Дороса не имеет того значения, какое ему придает Н. И. Репников. Для нас несравненно важнее другое: и Эски-кермен и Мангуп-кале, притом в близком друг от друга расстоянии, представляли собой сравнительно крупные раннесредневековые поселения, будучи, и притом оба, важными укрепленными пунктами, охранявшими два важнейших по своему стратегическому значению прохода в третьей гряде Крымских гор.

Как нельзя более эти укрепления соответствуют рассказу автораVI в. Прокопия, в его сочинении «De aedificiis» (III, 7), указывающего, что «в тех пунктах, которые казались легко доступными для неприятелей, он [Юстиниан], заградив эти входы длинными стенами, освободил готов от опасности относительно нашествия». Таким образом оба эти укрепления — и на Эски-кермен и на Мангуп-кале — составляли определенные, и притом важные, звенья той системы укреплений юго-западного горного Крыма, области расселения варваров, которая была создана здесь византийским правительством. Последнее обстоятельство особенно важно отметить. Чем вызвано было создание этой системы укреплений? Усиление военного строительства византийского правительства в Крыму некоторыми исследователями связывается с внешней гуннской опасностью: так объясняют укрепление херсонесских стен Зеноном в 488 г., [2] так объясняют и обширное крепостное строительство Юстиниана в прибрежной полосе и горной области Крыма, о котором сообщает Прокопий. [3] Отрицать роль этого внешнего фактора, конечно, нельзя; борьба со степью была, разумеется, очень важным пунктом политической миссии византийских форпостов в Крыму. Но при этом отнюдь не обязательно эту внешнюю опасность связывать только с гуннами: эти гунны, по крайней мере часть одного из гуннских племен, именно альтциагиры, и сами обитали в соседстве с Херсонесом, о чем сообщает современник Прокопия Иордан. [4] Но столь же несомненно, что этой внешней опасностью не исчерпывается суть дела.

Важно отметить, что крупное военное строительство в области горного Крыма, а не только в Херсонесе, начинается еще в V в., т. е. до Юстиниана, на это указывают остатки эски-керменских стен; возможно, что к V в. относится и создание Дори-Дороса как города, т. е. укрепленного стенами. [5] Таким образом начальная стадия создания здесь limes tauricus, на что справедливо указывал С. П. Шестаков, [6] а за ним и А. Васильев, [7] относится еще

[1] Той же неверной локализации придерживается, повидимому, В. И. Равдоникас (Готский сборник, стр. 26, 91); не нарушая цельности сборника, к ней присоединяется Ф. И. Шмит (стр. 221—222); В. П. Бабенчиков [в статье «Из истории Крымской Готии» в сб. «Материалы Эски-керменской экспедиции 1931—1933 г.» (Лгр., 1935, стр. 145—152)] и вовсе считает ее неопровержимым фактом.

[2] А. Васильев, ук. соч., ИГАИМК, I, стр. 53—58. — Ср. В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма. Готский сборник, стр. 98.

[3] А. Васильев, ук. соч., ИГАИМК, V, стр. 179—182.

[4] «. Гунны, как плодоноснейший отпрыск храбрейших племен, наводнили свет двумя яростными народами. Именно, одни именуются Альтциагиры, другие Савиры. Места обитания, однако, у них различны: Альтциагиры — возле Херсоны, куда алчный купец ввозит блага Азии; летом они кочуют в степях, раскидывая свои становища там, где их привлекают пастбища для стад, а зимой возвращаются к Понтийскому морю» (Иордан, V, 37).

[5] А. Васильев, ук. соч., ИРАИМК, I, стр. 49.

[6] С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI — X вв. М., 1908, стр. 8—9.

[7] А Васильев, ук. соч., ИГАИМК, V, стр. 182.

к V в. С этим надо связать то обстоятельство, что развитие земледелия у коренного варварского населения юго-западного Крыма зарегистрировано еще в IV в., [1] хотя, вероятно, оно существовало здесь задолго до того.

Картину дальнейших взаимоотношений Византии и варварского населения юго-западного Крыма рисует А. А. Васильев; по его словам «та же гуннская опасность, являясь общей как для империи, так и для крымских готов, повела к тому, что между ними был заключен союз, в силу которого... горные готы принимали участие, согласно желанию императора, в его войнах с врагами Империи». [2] Так было в V в., так было и в VI в.: «общая опасность со стороны гуннов как для имперских владений на полуострове, так и для горных готов заставила их сблизиться между собой. Готы попали в союзно-вассальные отношения к империи, с обязательством выставлять вспомогательные отряды. Со своей стороны Юстиниан брал на себя задачу охранять свои владения и места населения своих союзников от возможных неожиданностей со стороны гуннов». [3] Союз «справедливой взаимопомощи» между сильной византийской империей и варварами горного Крыма, будь-то готы или гунны, — мало реальная, вернее, идеалистическая картина, основанная на произвольном толковании сообщений Прокопия, искажающая подлинный исторический смысл крепостного строительства византийского правительства в Крыму. Так называемая Крымская Готия таким путем объявляется самостоятельным государством, что очень характерно для буржуазного историка, стремящегося видеть государство там, где его еще нет.

«Союз», если только можно применить в данном случае этот термин, был достаточно односторонним, чтобы по одному этому отрицать политическую самостоятельность варварского населения юго-западного Крыма по отношению к Византии V—VI вв. С. П. Шестаков замечает, что «готы — земледельцы водворены Зеноном как раз в той местности, где в римские времена избрано было место стоянки гарнизона Херсонесской области, очевидно, по стратегическим соображениям. В практике римской и византийской политики, — заключает С. П. Шестаков, — обычно было создавать оплоты пограничным областям из поселений варваров». [4] Но вывод этот не полон. Следует сопоставить три основных факта: 1) не столько водворение, сколько освоение Византией готов Прокопия, населявших горную часть Крыма, и развитие у них земледелия, свидетельство о чем имеется, как сказано, в источниках еще IV в.; автор VI в. (Прокопий) называет их «искусными земледельцами»: земледелие, надо думать, было исконным занятием коренного населения района; 2) их зависимое положение от Византии, что явствует из того же текста Прокопия; 3) крепостное строительство времен Зенона и Юстиниана в области заселения варваров. Тогда это строительство приобретает новый смысл: помимо значения этих крепостей в борьбе со степью, это строительство несомненно имело непосредственное отношение и к тому освоению варварского населения, которое для византийского правительства имело значение первостепенной политической задачи. Немаловажно это было и с экономической стороны: смежные с Херсонесом районы несомненно являлись для него источниками сырья, шедшего сюда в обмен на ремесленную продукцию самого Херсонеса и метрополии. [5]

Укрепления, созданные в V—VI вв. византийским правительством в юго-западном Крыму к северу от Херсонеса, являлись, таким образом, прежде всего *византийскими форпостами во вновь освоенной территории.*

---

[1] В. Васильевский, Труды, II, вып. 2, стр. 367.

[2] А. А. Васильев, ук. соч., ИРАИМК, I, стр. 58.

[3] А. А. Васильев, ук. соч., ИГАИМК, V, стр. 182.

[4] С. П. Шестаков, ук. соч., стр. 8—9. Само собой понятно, что такое объяснение не «подходит» Васильеву. Он сомневается в нем, хотя и в скрытой форме (ук. соч., ИРАИМК, I, стр. 49).

[5] С. П. Шестаков, ук. соч., стр. 99—100. Ср. приведенные выше слова Иордана.

При таких условиях видеть в этих укрепленных пунктах феодальные центры, какими рисуют себе авторы «Готского сборника» Эски-кермен [1] и другие подобные города, — нет абсолютно никаких оснований.

В самом деле, что специфически феодального в наличии городских укреплений на плато Эски-кермена? Что специфически феодального в наличии там жилых, правильно распланированных кварталов (кстати, они еще и не вскрыты, если не считать нескольких позднесредневековых усадеб, с водопроводами, пещерными сооружениями)? [2] Что специфически феодального в том, что город на плато Эски-кермена имел в ту пору (V—VI вв.) торговое значение, что, конечно, вероятно, хотя и не может быть пока доказано. Все это имелось в многочисленных городах еще и предшествующего, римского, периода, и чтобы не ходить далеко, можно сослаться на Херсонес как римского, так и раннесредневекового периода, который пока нет никаких оснований трактовать как период сложившегося феодализма. Мало убедительна, поэтому, и трактовка Эски-керменской базилики как типично феодальной постройки, [3] о социальном смысле которой речь ниже. Других, хотя бы немного более веских, фактов у В. И. Равдоникаса нет. Остается лишь выразить удивление, с какой легкостью автор устанавливает для этой ранней эпохи у варваров-готов «вполне сложившийся феодальный город». [4] Уверенность автора, что это «исходное положение трудно опровергнуть», [5] не на много увеличивает убедительность его доводов.

В этих суждениях В. И. Равдоникаса вновь выступает концепция самостоятельной независимой Готии, концепция, которой противоречат все имеющиеся факты. Известное сообщение Прокопия в этом отношении наиболее красноречиво: именно император, по Прокопию, здесь строит длинные стены, и готы «вместе с ними [византийцами] ходят на войну против их врагов, когда этого пожелает император»; равноправными «союзниками» Византии варваров-готов V—VI вв. при таких условиях считать, конечно, никак нельзя. Не менее показателен факт церковной зависимости готской церкви от Константинополя в течение всего того же периода V—VII вв., ясно выступающий в источниках. [6] Именно из Константинополя (непосредственно оттуда или через Херсонес) направлялась сюда пропаганда христианства путем посылки миссионеров, поставления епископов, построения христианских храмов и т. д. Состояние церковной организации в средние века всегда было хорошим барометром политической ситуации, и, как всегда, церковная «опека» шла рука об руку с «опекой» политической. Конечно, нет основания преувеличивать результаты этих усилий распространить среди варваров христианство: не только в V, но еще и в VII в. современники отмечали «языческие нравы» населения смежного с Херсонесом района Крыма. [7] Если же фактов о политической зависимости варваров-готов от Византии в V—VII вв. не так уж много, то у сторонников концепции назависимой феодальной Готии этой эпохи их нет и вовсе.

Напрасно В. И. Равдоникас обрушивается на «восторженных почитателей Византии», считающих раннесредневековые крепости горного Крыма

---

[1] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема. Готский сборник, стр. 34, сл. — Ср.: Н. И. Репников, ук. соч., там же, стр. 138.

[2] Напрасно В. И Равдоникас относит сюда пещерные церкви Эски-кермена (там же, стр. 34) — они много позже того периода, о котором идет речь.

[3] Весь перечень этих «признаков» законченного феодализма у готов изложен В. Равдоникасом в названной работе (стр. 34).

[4] Там же, стр. 35.

[5] Там же, стр. 35.

[6] Материал собран у А. Васильева (ук. соч., ИРАИМК, I, стр. 36, сл.; ИГАИМК, V, стр. 189—191), уделяющего особое внимание церковной истории Готии.

[7] Имею в виду известное место из писем папы Мартина (А. Васильев, ук. соч., ИГАИМК, V, стр. 187—188). А. Васильев, однако, считает готов давно приобщившимися к христианству.

византийского происхождения. [1] Разумеется, Эски-кермен не создала Византия, как не породила она и «крымского [готского] феодализма». Но крепости V—VI вв. в юго-западном районе Крыма (типа эски-керменской и мангупской) были созданы византийским правительством в своих политических целях — целях освоения варварского населения этой области. Соображения В. Равдоникаса о возможной византийской помощи независимым готским князьям в их крепостном строительстве, [2] не подкрепленные ни одним фактом (ибо их нет), навряд ли могут быть приняты во внимание. Верно другое: возникновение этих византийских крепостей «еще не доказывает, что и самый город, как тип поселения, возник сразу в то же самое время». [3] Несомненно, и на плато Эски-кермена, и на плато Мангупа поселения существовали и до построения там византийских крепостей. [4] В обоих пунктах имеются вполне достаточные природные условия для этого. [5] Больше того, эти поселения навряд ли ограничивались собственно плато: есть некоторые данные, заставлявшие предполагать раннее поселение у подножья Мангуп-кале. [6] Несомненно, впрочем, и другое: возникновение византийских крепостей в этих варварских поселениях способствовало их росту. С другой стороны, этот рост был связан также с тем процессом феодализации, который шел в это время внутри самого варварского общества, о завершающем этапе которого свидетельствуют источники уже VIII в. [7] Указанное только что поселение у подножья Мангупа, как и Эски-кермена, [8] могло возникнуть в период, непосредственно следовавший за устройством здесь «города».

Факт возведения византийских укреплений в Крымской Готии, что способствовало, таким образом, и росту поселений, [9] на месте которых эти укрепления возникли, важен также и при решении вопроса о некоем центре варварских поселений в Крыму. Одни видят этот центр в Мангуп-кале, другие в Эски-кермене. Факт сосуществования сравнительно крупных поселений-крепостей, расположенных вблизи друг от друга, сигнализирует о другом: существовал ли вообще подобный центр? При трактовке Готии как уже развитого феодального государства предположение о существовании такого центра для этой небольшой области, конечно, неизбежно (будь-то Мангуп-кале или Эски-кермен). Но чем тогда объяснить сосуществование рядом двух таких центров? Разрешить это противоречие можно лишь при том условии, если отбросить искажающий действительность тезис о готском феодализме V—VI вв. Тогда станет понятным факт сосуществования двух крупных поселений рядом: [10] ни одно из них не было центром феодального

---

[1] В. Равдоникас, ук. соч., стр. 95.

[2] Там же, стр. 98. Того же мнения держится и А. Васильев.

[3] Там же, стр. 97.

[4] Этому имеются и вещественные доказательства: на плато Эски-кермена имеются находки античных надгробий.

[5] В этом смысле правильно указание Н. Репникова (Готский сборник, стр. 144).

[6] Об этом свидетельствует находка остатков церкви, обнаруженной в долине Рогуздере, расположенной с южной стороны Мангупа (А. И. Маркевич. Экскурсия на Мангуп. ИТУАК, вып. 9, 1890, стр. 102 сл.). Найденные здесь капители из известняка и колонны, судя по воспроизведению, приложенному к статье, навряд ли относятся к XV в., как думает А. И. Маркевич (там же, стр. 105): грубое изображение аканфа, схематично воспроизводящее украшения маленьких коринфских капителей, известных, например, в Херсонесе и относящихся к раннему времени (VI—VII вв.), совершенно нехарактерно для позднейшего периода; опубликованную И. А. Маркевичем капитель местного производства правильней всего отнести к тем же VI—VII вв. Нехарактерна для позднейшего периода и плановая композиция здания, откуда происходит эта капитель, именно базиличность плана с тремя колоннами в каждом ряду [как восстанавливает ее А. И. Маркевич (ук. соч., стр. 103)].

[7] Имеем в виду житие Иоанна Готского. См. цитированную выше статью В. П. Бабенчикова.

[8] В. И. Равдоникас, ук. соч., стр. 34.

[9] Это признает и В. Равдоникас (там же, стр. 97).

[10] Других таких же крупных поселений на территории так называемой Крымской Готии пока не обнаружено.

готского государства, оба были византийскими крепостями на византийской территории, но населенные в основном местным варварским элементом, заселявшим, что еще раз подчеркиваем, не только самую возвышенность, но и подножье ее, как это можно констатировать относительно Мангупа. Последний, если и был центром, то центром не экономическим, а лишь в известной мере политическим, будучи резиденцией византийской администрации, а позднее церковных иерархов.

Подведем итог. Поселения на плато Эски-кермена и Мангупа, конечно, не византийского происхождения, но местного и раннего. Крепости же Эски-кермена и Мангупа полностью византийские: они возникли в процессе освоения этой территории Византией. Византийская империя являлась далеко не только внешним фактором в истории Крыма вообще и, в частности, горного юго-западного района, населенного различными варварскими племенами (источники отмечают готов, гуннов, алан). Не забудем, что борьба Византии с варварами составляет основной факт политической истории Крыма на протяжении почти всего, особенно раннего, средневековья. В этом смысле можно сказать, что созданные Византией на протяжении конца V и первой половины VI в. крупные укрепления горного Крыма имели отношение не только к гуннам, угрожавшим византийским владениям в Крыму (часть гуннов, как видели, именно здесь и осела), но и к коренным насельникам этой территории, покорение которых было в высшей степени важно для Византии.

Возведение этих укреплений несомненно способствовало в дальнейшем превращению существовавших на их месте поселений в крупные населенные пункты, что, с другой стороны, как сказано, нужно связывать и с шедшим здесь процессом феодализации.

При этом крайне показательно, что строительство этих укреплений в важнейших пунктах области (Эски-кермен, Мангуп-кале) сопровождалось постройкой больших христианских храмов-базилик. И это понятно: создание этих крепостей и насаждение христианства среди населявших их варваров служило одной политической цели.

Таков социальный смысл Мангупской и Эски-керменской базилик.

A. JACOBSON

CONTRIBUTION A L'HISTOIRE DE L'ARCHITECTURE MÉDIÉVALE EN CRIMÉE. LA BASILIQUE DE MANGUP

RESUMÉ

La question des rapports á l'aube du moyen âge entre Chersonèse en tant qu'avant-poste byzantin en Crimée et la population indigène barbare de la région contiguë offre certainement un grand intérêt historique.

Cette question a été étudiée jusqu'ici presque exclusivement d'après les données fragmentaires fournies par les sources écrites. Aussi est-il fort important d'utiliser également le matériel archéologique, en particulier l'architecture. L'auteur a en vue la grande basilique située sur le plateau de Mangup-Kale, aujourd'hui en majeure partie exhumée. Elle possède trois nefs, une abside centrale, une abside latérale sud et un nartex: des galeries la longeaient sur les côtés sud et nord. Les chevrons du faîte en bois étaient supportés par deux rangées de colonnes de marbre. Il ne subsiste pas grand'chose de l'édifice primitif, qui a été totalement reconstruit au début du XVe siècle. Les travaux de reconstruction, exécutés avec des matériaux anciens, ont maintenu la composition architecturale première de l'édifice.

L'analyse des parties de l'édifice conservées depuis l'origine (mur ouest, angle sud-est), surtout de la maçonnerie en gros blocs soigneusement taillés

et bien ajustés, la disposition des pierres en rangées régulières, ainsi que le caractère des chapiteaux en marbre ou en calcaire ornés d'acanthe dentelée ou molle font dater cette basilique avec certitude du VIe siècle, ou plus précisément de l'époque de Justinien.

C'est à cette époque également qu'il convient de rapporter la basilique du plateau d'Eski-Kermen, découverte en 1930. La présence simultanée de deux grandes basiliques (Mangup-Kale et Eski-Kermen) datant du VIe siècle atteste l'existence alors sur le plateau de Mangup aussi bien que sur celui d'Eski-Kermen d'assez grosses localités habitées, car sans lien avec une population fortement groupée des basiliques pareilles n'ont pas de sens. Une de ces localités (Mangup) est connue dans les sources comme l'ancien Dori-Doros.

En outre, on trouve à Mangup, comme à Eski-Kermen, des restes considérables de murs de défense remontant aux premiers temps du moyen âge (V—VIe siècles). Ces localités étaient toutes deux des points fortifiés importants qui répondent bien au récit de Procope (dans l'ouvrage «De aedificiis») sur la construction de fortifications par Justinien dans la Crimée montagneuse peuplée de barbares.

Les points fortifiés des V—VIe siècles créés par le gouvernement de Byzance dans la partie sud-ouest montagneuse de la Crimée étaient avant tout des avant-postes byzantins sur le territoire nouvellement conquis et nullement des centres féodaux, comme se représentent les auteurs du «Recueil Goth» (Léningrad, 1932), Mangup et Eski-Kermen.

Les agglomérations barbares sur les plateaux de Mangup et d'Eski-Kermen sont certainement apparues longtemps avant leur transformation en forteresses byzantines, et elles n'étaient pas confinées aux seuls plateaux. Mais il est incontestable aussi que la création des forteresses a contribué à accroître la population, ce qui était dans un certain rapport avec le phénomène de féodalisation qui s'accomplissait dans la société barbare.

Il est fort suggestif que la construction de retranchements byzantins dans les points stratégiques de la région (Mangup, Eski-Kermen), s'accompagnait de l'édification de grands temples-basiliques chrétiens. Cela se conçoit: la création de ces forteresses et l'implantation du christianisme chez les barbares qui les habitaient servaient le même but politique.

Telle est la signification sociale des basiliques de Mangup et d'Eski-Kermen.

Б. А. РЫБАКОВ

ЗНАКИ СОБСТВЕННОСТИ В КНЯЖЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КИЕВСКОЙ РУСИ X—XII вв.

Среди многочисленных вещественных источников по истории хозяйственного и общественного строя Киевской Руси существует один раздел памятников, позволяющий поставить ряд интересных и важных вопросов, это — знаки собственности.

Внимательно изучаемые и собираемые этнографами, они, однако, не привлекли еще внимания историков и археологов. Исключение составляют лишь нумизматы, столкнувшиеся с некоторыми видами знаков, вторгшимися, так сказать, в область нумизматики.

Обильный материал знаков собственности не только не изучен, но даже не приведен в известность. Правда, в последнее время появилось несколько работ, разбирающих различные «загадочные знаки», [1] но эти работы, очень интересные по своим выводам, касаются только южной половины восточной Европы, не затрагивая область славянских поселений.

В большинстве случаев знаки рассматриваются не со стороны их юридической природы, а лишь как прообразы и предшественники письменности.

При изучении древних знаков исследователей нередко увлекает старый, занимавший еще романтиков XVIII в., вопрос о происхождении славянской глаголицы, о славянских «чертах и резах», но в общем славянский археологический материал привлечен к решению этого вопроса недостаточно.

«Загадочные знаки» восточных славян можно подразделить на несколько групп: 1) тамги целого рода или одной семьи, или даже одного человека, встречающиеся на различных предметах (не древнее VII в. н. э.); 2) счетные знаки типа знаков на бирках; 3) системы знаков, напоминающие письмо; 4) клейма мастеров.

Письмообразные знаки встречены В. А. Городцовым на сосуде VIII в. из Алеканова, где несколько знаков, расположенных строкою, опоясывают сосуд. [2] Польский ученый Лецеевский «прочитал» надпись, применив к ней рунический алфавит. Получилось: «Умершему малу ставих кужая». [3] Еще более анекдотично чтение надписи на камне, найденном на Днепре в земле радимичей (д. Пневища, б. Горецкого у), которое дает венский ученый Генрих Ванкель, «прочитавший» эти письмена так: «Памятник Ваала здесь мы его выдолбили». [4]

[1] И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. Лгр., 1933. — М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. Лгр., 1935 (в этой работе автор приводит описание знаков на кирпичах Саркела и изучает их). Ведутся работы по историческому изучению кабардинской тамги, но результаты еще не опубликованы (И. И Мещанинов, ук. соч., стр. 83).

[2] В. А. Городцов. Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками. Археол. известия и заметки, вып. V, № 12, стр. 385—390.

[3] И. Лецеевский. Рунические надписи на Алекановских урнах. Древности. Тр. МАО, т. XIX, вып. 2, М., 1901, стр. 52.

[4] А. М. Дондуков-Корсаков. Древний памятник «Волчьего хвоста» в стране радимичей. Полоцко-Витебская старина, вып. III, Витебск, 1916.

Так как камень не сохранился, то трудно сказать, явилось ли подобное «чтение» простой фальсификацией или стремлением расшифровать надпись при помощи комбинации из алфавитов всего мира. Короткая строка и несколько знаков имеется на одном курганном сосуде в Тверском музее. В кургане около с. Загорья (близ г. Корчева на Волге) найдено два брактеата с одинаковой надписью по кругу, составленной из «загадочных знаков». Некоторые из них совпадают по начертаниям с буквами глаголицы. Все эти надписи еще ждут надлежащего исследования.

Существование каких-то счетных знаков в древней Руси явствует из статьи «Русской Правды» о поконе вирном. В качестве лица, сопровождающего вирника, указывается метельник или метальник. Поздние списки «Русской Правды» заменяют слово «мéтальник» словом «писец». [1] По всей вероятности, наименование этого предшественника писца надо произносить с ударением на первом слоге (мéтальник), производя его от слова «мета» — знак (ср. этнографическое название «полевые меты» — знаки, указывающие владельца поля). Очевидно, этот метальник ездил с какими-нибудь бирками и определенными метами отмечал количество собранных вир и т. п. Возможно, что от этих деревянных бирок с записью повинностей ведет свое происхождение слово «дъска» в значении долгового документа.

Ряд общеизвестных статей «Русской Правды» указывает на существование определенных знаков на границах земельных участков и на бортях. [2] Совершенно естественно, что ни один из этих знаков не мог сохраниться до нас. Дошедшие до нашего времени знаки собственности (уже не родовые и едва ли семейные, а скорее личные) вырезаны или нацарапаны на мелких предметах домашнего обихода и на денежных слитках.

Типичные для каждого славянского городища XI—XII вв. шиферные пряслица для веретен нередко помечались их владельцами, боявшимися, очевидно, перепутать веретена на посиделках. Интересно отметить, что деревенские пряслица помечены знаком, тамгой, а городские — или буквой или полной надписью, удостоверяющей принадлежность (лолин пряслен, мотворин пряслень и т. д.). Те же самые две категории начертаний находим мы и на денежных слитках XII—XIV вв. На слитках серебра встречаются нацарапанные знаки — иногда простые, иногда очень сложной формы. На многих серебряных гривнах знаки заменены буквами, а в ряде случаев и надписями (Охрем, Шитков, Кононова, Матфеи, Высота, Смирида, Взятка и т. д.). Если в отношении пряслиц удалось установить различие между деревней и городом, то здесь наблюдается иное различие: знаки встречаются на более ранних гривнах, а надписи (за исключением нескольких греческих) только на гривнах более поздних (XIV—XV вв.). Но и в том и в другом случае знак собственности выступает как предшественник, как суррогат владельческой надписи.

Клейма мастеров, по своему смыслу и значению очень близкие к тамгам, знакам собственности, имелись в древней Руси только у мастеров-гончаров. Круглая подставка, прикрепленная к гончарному кругу и служащая для формовки донной части сосуда, обычно имела врезанное вглубь клеймо, рельефно отпечатывавшееся на дне сосуда. Рисунки гончарных клейм XI—XIII вв. довольно разнообразны, но не в такой мере, как, напр., знаки на гривнах. Эти рисунки можно свести к 3—4 десяткам типов (круг, крест в круге, ключ, звезда, квадрат и т. д.).

Составление каталога славянских гончарных клейм [3] и изучение клейм

---

[1] Русская Правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому под редакцией проф. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1934, стр. 9.

[2] Там же, стр. 19, статьи 82, 83, 84, стр. 36.

[3] В каталог включены клейма Гос. Исторического музея в Москве, Исторического музея Белорусской Академии Наук, ряда провинциальных музеев и почти весь опубликованный раскопочный материал XI—XIII вв.

de visu позволили сделать ряд выводов, которые сводятся к следующему: [1]

1) Отсутствие тожественных клейм (при известной близости рисунка) в соседних курганных группах говорит о том, что сбыт гончарной продукции был ограничен рамками того поселка, жители которого имели общее кладбище. Продажи горшков в соседнее село не было; в соседнем селе (а для археологов — в соседней курганной группе) существовал свой гончар со своим клеймом.

2) В керамике одной курганной группы часто наблюдается изменение рисунка клейма, его усложнение, причем, как правило, простой рисунок встречается в древнейших курганах данного кладбища, а в более поздних курганах рисунок постепенно усложняется. Это усложнение получает объяснение в свете этнографических данных. [2]

П. Е. Ефименко, а после него и целый ряд других этнографов сделали очень интересное наблюдение об усложнении знаков собственности при переходе по наследству. Знаки ставятся на полях, на сельскохозяйственном инвентаре, на границах сенокосов, бортных ухожаев и т. п. Сын, отделяясь от отца, принимает его знак за основу и добавляет в нему «отпятныш», дополнительный рубеж. [3]

То же самое мы наблюдаем и в отношении гончарных клейм XI—XIII вв. Очевидно, гончарное дело в деревне переходило по наследству от отца к сыну и далее, причем клеймо постепенно усложнялось.

Эта гипотеза подтверждается и небольшим пока городским керамическим материалом (Старая Рязань, Новгород Великий); но в клеймах городских ремесленников мы встречаемся с некоторыми новыми явлениями, рассматривать которые нужно в связи с княжеским хозяйством XI—XII вв.

Письменные свидетельства о княжеских знаках собственности (их называют также гербами, родовыми знаками) немногочисленны, но очень определенны.

Древнейшие наши сведения относятся к середине X в. Ибн-Мискавейх в рассказе о пребывании руссов в Бердаа в 943—944 гг. упоминает о том, что при сборе дани руссы ставили на глине определенный знак, дававший освобождение от дальнейших поборов. [4] Возможно, что этот знак, общий всем руссам, был знаком их князя (Игоря?). Второе свидетельство связано с Ольгой. «В лето 6455 иде Ольга Новугороду и устави по Мсте погосты и дани, и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по вьсеи земли и з н а м е н ь я [знамения, знамянья] и места и погосты». [5] Слово «знаменья» связано здесь с охотничьими угодьями и несомненно означает знак княжеской собственности, поставленный по всей вероятности на пограничном дереве.

«Русская Правда» подтверждает именно такой взгляд на слово «знаменье». Знаменный дуб, знаменная борть — это все части княжеского хозяйства, помеченные определенным знаком. Самое слово «знаменье», «знамя», равнозначно знаку, мете, тамге, пятну. Как «знамя», так и все остальные слова дожили до XIX в. в значении знака собственности (семейного или личного). «Русская Правда» содержит еще одну статью, говорящую о княжеских знаках: «... А за княжь конь, и ж е т о и с п я т н о м, три гривны». [6]

---

[1] Подробная аргументация этих выводов дана мною в специальной работе: Б. А. Р ы б а к о в. Районы сбыта продукции древнерусских ремесленников. Тр. Гос. Ист. музея, вып. VI, М., 1938.

[2] П. Е. Е ф и м е н к о Юридические знаки. (Опыт исследования по сравнительному обычному праву) ЖМНП, 1874, октябрь, стр. 69 сл.

[3] Там же, стр. 69.

[4] А. Ю. Я к у б о в с к и й. Ибн-Мискавейх о походе Руссов в Бердаа в 943—944 гг. Византийский временник, XXIV, Лгр., 1926, стр. 67.

[5] А. А. Ш а х м а т о в Повесть временных лет, т. I, Пгр., 1916, стр. 69.

[6] Русская Правда, ук. изд., стр. 6.

Ипатьевская летопись под 1170 г. сообщает и о злоупотреблениях, связанных с таврением коней. В виду того, что это место не всегда правильно понимается,[1] привожу его в более широком контексте. Во время похода приднепровских князей к Каневу для охраны «гречника», двое бояр, Петр и Нестор Брославичи, оклеветали великого князя Мстислава перед его союзниками Давидом и Рюриком, уверяя их в том, что Мстислав хочет их схватить. Брославичи решились на донос «занеже бяше Мьстислав озлобився, отпустил от себе про ту вину, оже бяху холопи ею [Петра и Нестора; употреблено двойственное число] покрале коне Мстиславли у стаде и пятны свое въсклале рознаменываюче».[2] Бояре Брославичи подверглись опале за попытку украсть великокняжеских коней и скрыть преступление путем замены княжеского тавра («пятна») своим, боярским пятном.

Существование знаков собственности подразумевается и в описании событий 1149 г., когда Изяслав, побежденный Юрием Долгоруким, после заключения мира посылает своих мужей выручать пограбленное Юрием свое и боярское имущество, «стада или челядь, что ли кому будеть свое познавши поимати же».[3] Приведенные выше примеры не оставляют сомнений в том, что княжеское и боярское хозяйство X—XII вв. широко применяло знаки собственности для ограждения от покушений на эту собственность.

Письменные источники, разумеется, не могли сохранить начертаний этих княжеских знаков и очертить с достаточной полнотой всю область применения знаков собственности. Решение этих вопросов возможно только при использовании вещественных источников, которые дают нам и внешний вид княжеских знаков и позволяют определить сферу их применения.

Изучение княжеских знаков было до сих пор монополией нумизматов; в силу этого в научный оборот были введены только те категории вещественных источников, которые отвечали интересам нумизматики и сфрагистики, именно, монеты, печати вислые, печати-перстни.

Частичные попытки А. В. Орешникова выйти за пределы этого узкого круга практически не дали ничего, так как этот серьезный исследователь, к сожалению, игнорировал раскопочный археологический материал.

Свой обзор княжеских знаков Киевской Руси мы поведем, так сказать, сверху вниз — от знаков на монетах, являющихся своего рода государственными гербами, до обыденных знаков на княжеском оружии, на скоте, на инструментах княжеского ремесленника-холопа.

Как известно, монеты киевских князей имеют различные «загадочные знаки». Впервые их расшифровал академик Куник. В письме к нумизмату И. И. Толстому он говорил: «нужно было бы исследовать, не представляет ли она [загадочная фигура на монетах] собой семейное знамя, фамильный знак. Не пускаясь тут в подробности, замечу только, что такие родовые знамена возникали из знаков собственности, которые у языческих государей одновременно заменяли печати».[4] Особенно плодотворное развитие эта мысль получила в работах А. В. Орешникова, который использовал любопытные наблюдения этнографа П. М. Сорокина (об усложнении знаков собственности при переходе по наследству), применил результат этих наблюдений к древнерусским монетам, а также и к вислым княжеским печатям, собранным и изученным Н. П. Лихачевым. Основу «загадочной фигуры» на ярославлевом и владимировом серебре составляет опрокинутая буква «П»,

[1] А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. М. 1936.
[2] Ипатьевская летопись под 1170 г. ПСРЛ, II, 1908, стр. 541.
[3] Там же, под 1150 г. стр. 393.
[4] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882, стр. 185.
[5] А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. ИАН. Отд. гуманитарных наук, 1930, № 3, стр. 87—112. — Он же. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936.

к которой добавляются различные элементы: треугольный отросток снизу, зубец в середине, превращающий эту фигуру в подобие буквы «Ш», кресты, точки и т. д. Необходимо отметить, что все эти знаки выполнены в двух манерах — в торжественной, парадной, с большим количеством дополнительных элементов, превращающих знак в красивый орнаментальный узел, и в простой манере, дающей только самую схему рисунка.

Знак одного и того же князя мог быть выражен обоими способами; степень декоративности знака зависела от места его применения: знаки на монетах, как правило, отличаются декоративностью, знаки на печатях — простотой.

Не приводя многочисленной нумизматической литературы, остановлюсь на окончательных выводах А. В. Орешникова, распределившего монеты и печати по князьям от Ярослава Мудрого до Всеволода Большое Гнездо. Классификация Орешникова, проведенная им по «родовым» знакам (так называет он эти княжеские знаки), встречает ряд возражений, но может все же послужить исходной точкой при изучении этого вопроса.

На рис. *1—14* сведены знаки, определенные Орешниковым и Лихачевым. Для большего удобства пользования сводной таблицей знаки распределены по генеалогической схеме. Так как нам известны знаки далеко не всех князей из потомства Владимира, то при составлении этой схемы имелось в виду создание такого рода таблицы, в которую могли бы вписываться, по мере накопления материала, новые данные. Основной принцип эволюции знаков собственности — от простого к сложному (частично выдержанный и в знаках Рюриковичей) позволяет предполагать, что подобное пополнение нашей таблицы возможно. Так, например, нами добавлены знаки Владимира Святославича (парадный вариант на рис. *2*), Мстислава Владимировича (рис. *4*) и Андрея Юрьевича Боголюбского (рис. *13*).

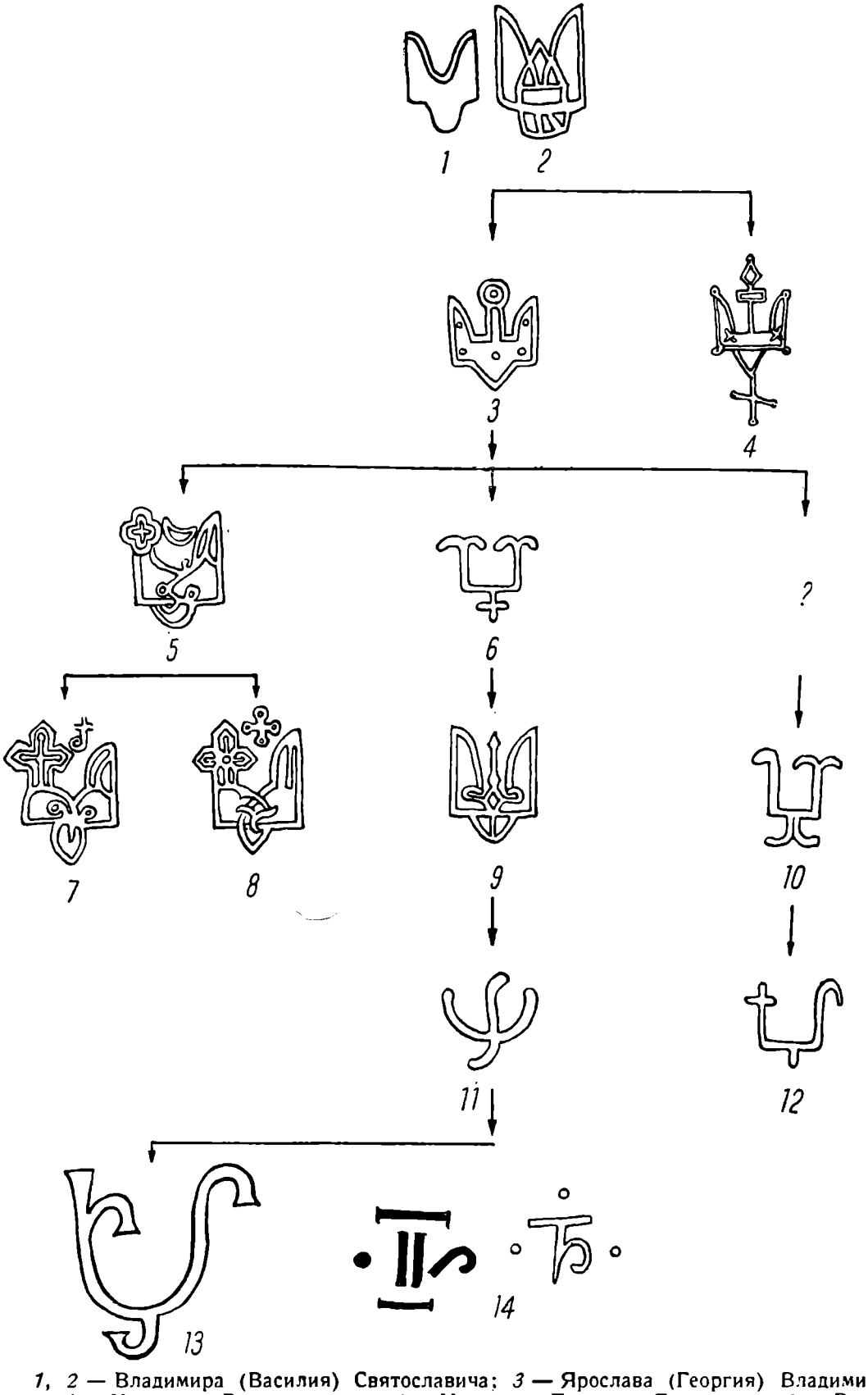
Сомнительным местом схемы А. В. Орешникова является первый знак, знак Владимира Святославича. Большинство исследователей, в том числе и те, которым была уже известна гипотеза А. В. Орешникова, считают принадлежащим этому князю тот знак, который А. В. Орешников приписывает Владимиру Мономаху. [1] Возможно, что оппоненты А. В. Орешникова здесь отчасти правы, так как в ряде случаев монеты Владимира («владимирово серебро») находят с вещами XI столетия: напр., в радимичском кургане XI в. близ с. Вотня на Днепре, в Липлявском могильнике XI—XII вв. с западной монетой, современной Владимиру Святославичу, и т. д. (Отметим, что в обоих случаях монета уже успела превратиться в подвеску к ожерелью). В пользу этого взгляда говорит и нахождение монет в кладах не позднее середины XI в., да и палеографический анализ букв указывает скорее на раннюю дату. С указанными выше оговорками мы все же оставляем знак Владимира в той его форме, какую указал А. В. Орешников, так как в пользу этого варианта свидетельствуют некоторые новые данные, которые мы изложим ниже.

Второй знак таблицы (рис. *3*) бесспорен. Это — знак Ярослава (Георгия) Владимировича, появившийся на монетах еще в новгородский период его княжения. Отличие его от двузубца заключается в срединном стержне, заканчивающемся наверху круглым расширением.

Затем идут знаки следующего поколения, знаменитых Ярославичей: Изяслава (рис. *5*) и Всеволода (рис. *6*). Знак Святослава Ярославича нам неизвестен, так как тот знак, который А. В. Орешников приписывал ему, оказался знаком Андрея Боголюбского. Знак Изяслава отличается от знака отца появлением креста на левом зубце двузубца и заменой центрального

[1] А. А. Ильин. Топография кладов древне-русских монет X—XI вв. Лгр., 1924. — Н. П. Бауэр Проблемы, 1935, № 9—10, стр. 242 (автореферат работы: Die russischen Funde abendländischer Münzen des XI und XII Jahrhunderts. Zeitschr. f. Numismatik, 1929—1930).

Сводная таблица знаков Рюриковичей (генеалогическая схема)

1, 2 — Владимира (Василия) Святославича; *3* — Ярослава (Георгия) Владимировича; *4* — Мстислава Владимировича; *5* — Изяслава (Дмитрия) Ярославича; *6* — Всеволода (Андрея) Ярославича; *7* — Ярополка (Петра) Изяславича; *8* — Святополка (Михаила) Изяславича; *9* — Владимира (Василия) Всеволодовича (Мономаха); *10*— Олега (Михаила) Святославича; *11* — Юрия Владимировича Долгорукого; *12* — Всеволода (Кирилла) Ольговича; *13* — Андрея Юрьевича Боголюбского; *14* — Всеволода (Дмитрия) Юрьевича.

стержня полумесяцем. Знак Всеволода (Андрея) отличается разветвлением не только левого, но и правого зубца и добавлением креста внизу.

Из внуков Ярослава Мудрого знаки на монетах имели двое Изяславичей — Ярополк (Петр) (рис. *7*) и Святополк (Михаил) (рис. *8*), а также сын Всеволода — Владимир Мономах (рис. *9*).

Известен знак на печати, приписываемый Олегу (Михаилу), сыну Святослава Ярославича (рис. *10*). Знаки Изяславичей очень близки к знаку их отца. Отличаются только верхние дополнительные части. Знак, приписываемый Мономаху, близок к знаку Ярослава Мудрого, но центральный стержень у него тоньше и без расширения на конце. Знак Олега представляет дальнейшее развитие знака его отца.

В следующем поколении князей середины XII в., у правнуков Ярослава, мы наблюдаем как бы отмирание обычая ставить знаки на печатях: известны лишь два знака — Юрия Владимировича Долгорукого (повторяющий схему отцовского знака) (рис. *11*) и Всеволода (Кирилла) Ольговича (рис. *12*), внука Святослава Ярославича. Возможно, что отмирание обычая здесь только кажущееся, что княжеские знаки продолжали бытовать, но уже не на монетах, а на вещах, не содержащих данных об имени владельца знака. Самым поздним знаком этой системы нужно считать знак, открытый Н. Н. Ворониным на каменных постройках городов Владимира и Боголюбова, который можно уверенно отнести к Андрею Боголюбскому (рис. *13*).

Такова та система княжеских знаков, которая господствовала в XI—XII вв. в приднепровских княжествах. Хронологически большинство этих знаков укладывается в XI в., а географически (по местам княжения князей) относится к следующим пунктам: Киев, Чернигов, Вышгород, Переяславль Русский, Тмутаракань.

Происхождение начертаний этих знаков до сих пор не выяснено, несмотря на большое количество предложенных решений. Прототипом этого знака считали изображение птицы, трезубца, даже подсвечника. Падкий на всевозможную символику Болсуновский предлагал рассматривать этот знак как монограмму, содержащую слово ΒΑΣΙΛΕΥΣ.[1] Кроме парадоксальности, этот взгляд не содержит в себе ничего.

Если подбирать формальные аналогии, то количество прототипов можно еще увеличить. Так, напр., очень близок по начертаниям к знаку киевских князей знак на монетах Спартакидов и весьма интересны боспорские царские знаки II—III вв. н. э. (знак Савромата II и др.). Возможно, что в последнем случае аналогия не только формальная. Внешне они даже не очень близки к приднепровским знакам X—XI вв., но по своему значению, по происхождению и по употреблению боспорские знаки во многом напоминают днепровские знаки. Эти знаки, исследованные В. Шкорпилом, М. Ростовцевым и И. И. Мещаниновым, находятся на каменных плитах среди греческого текста, на монетах, на дорогих предметах царского и конского убора (поясные бляшки, пряжки, удила). Некоторые знаки повторяются несколько раз. И. И. Мещанинов пишет: «Сличая разновидности таких царских знаков *при устойчивости их общей схемы*, можно согласиться и с мнением Шкорпила о том, что *в основе своей знак принадлежал всей династии*, царствовавшей на Боспоре в течение нескольких столетий. Это же подтверждает и устойчивость знаков на монетах» (курсив наш. — *Б. Р.*).[2]

Приведенная выше фраза почти целиком может быть отнесена и к системе княжеских знаков Киевской Руси. Таким образом перед нами два параллельные (по смыслу) явления, разделенные семью столетиями. Генетической связи, за отсутствием промежуточных элементов, наметить нельзя, а семантическая налицо. И там и здесь эти знаки являются принадлежностью

[1] К. Болсуновский. Родовой знак рюриковичей, великих князей киевских (геральдическое исследование). Киев. 1908.

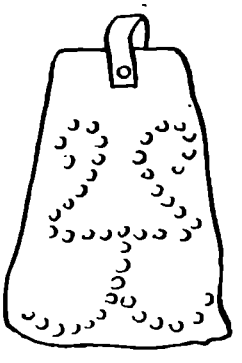
[2] И. И. Мещанинов. Ук. соч., Лгр., 1933, стр. 11.

правящего рода, династии, и там и здесь они видоизменяются, сохраняя общую схему, и там и здесь они сосуществуют с фонемным письмом на правах сохранившегося пережитка более ранних форм письменности (сохранившегося так же, как сохранялись в аристократических фамилиях родовые связи тогда, когда родовой строй был уже давно забыт).

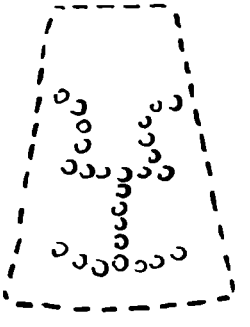
Знак Савромата II был вырезан на камне рядом с именем Савромата, написанным греческими буквами. Знак Владимира на монете сопровождался надписью кириллицей (т. е. измененными греческими буквами), поясняющей принадлежность знака: Владимир на столе. [1]

Среди древностей VI—VII вв. можно указать две находки предметов со знаками, в обоих случаях оказавшихся близкими к позднейшей системе знаков Рюриковичей.

В известном кладе на Мощинском Городце (верхняя Ока), содержащем предметы VI—VII вв. с выемчатой эмалью, имеется среди прочих вещей большая подвеска из тонкой медной пластинки в форме трапеции. [2] Подвеска имеет отверстие и кольцо для подвешивания. Почти во всю площадь пластинки легким наколом выбита тамга в виде двузубца с раздвоенным отростком внизу (рис. *15*). Подобный рисунок встречается и среди знаков XI—XII вв. Вторая находка относится к Приднепровью. При раскопках А. А. Бобринского близ Смелы (правобережье Днепра на юг от Киева) было вскрыто погребение (?), содержащее между прочим такую же подвеску со знаком. [3] Знак также имеет форму двузубца с отрогом внизу, но этот отрог усложнен дугой (рис. *16*). Дата подвески — VI—VII вв.

15 — подвеска из Мощинского клада (верхняя Ока).

16 — подвеска из раскопок близ Смелы (правобережье Днепра).

Можно допустить, что знаки на подвесках являлись тамгами славянских (антских) вождей, так как характер остальных вещей свидетельствует о богатстве их владельцев. Выводить систему княжеских знаков X—XII вв. из этих тамг очень соблазнительно, но пока неосновательно.

Одним из важнейших вопросов в изучении княжеских знаков является вопрос о сфере их применения, о том круге явлений и предметов, с которыми

---

[1] К сожалению, эти две группы знаков объединены еще одним признаком — неясностью происхождения их начертаний. Приведенные выше попытки расшифровать знаки киевских князей оказались крайне неудачными, а новых данных для решения вопроса пока не появилось. Автор работы о «загадочных знаках» также обошел вопрос о происхождении начертания боспорской системы, хотя именно она имеет некоторые шансы на расшифровку. Знак на плите времен Тиберия Евпатора и знак на плите Евпатерия обнаруживают в своей нижней части сходство со стилизованным изображением двух коней, идущих в разные стороны. Такое же подобие коня видим и в нижней части знака Савромата II (там конь обращен головой влево). Верхние части этих знаков напоминают человека с поднятыми вверх руками (знак Савромата) или головы рогатых животных (два первых знака). Может быть при дальнейшей разработке этой гипотезы и удастся указать прототип для этих знаков, схематизированное изображение какой-нибудь ритуальной сцены с непременным участием коней, сцены, напоминающей известные «дакосарматские элементы в русском народном творчестве».

[2] А. С. Предметы с выемчатой эмалью. Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ., т. V, вып. 1, 1903, стр. 179, рис. 259.

[3] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы, т. III, 1901.

были связаны эти княжеские тамги. Боспорские цари ставили свои знаки на монетах, на плитах с изображениями крылатых Побед, на поясных бляшках из золота, на удилах. Одним словом, это был, с одной стороны, знак царского достоинства, своего рода герб, а с другой — знак собственности, которым метилось имущество царя (тамги).

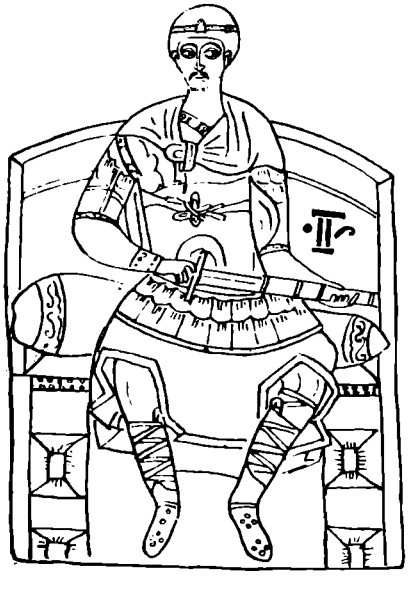
В отношении киевских княжеских знаков, изучавшихся нумизматами, интерес которых не шел дальше выяснения торгово-посольских дел князя, надо сказать, что сфера применения их (знаков) изучена совершенно недостаточно. Внимание было обращено на следующие категории предметов: монеты, перстни, печати и вислые печати. Случайно упоминались предметы, не принадлежащие к этому узкому кругу, но этот материал рассматривался как побочный и надлежащим образом не изучался.

17 — монета Владимира с княжеским знаком.

Собрав значительное количество нового материала о княжеских знаках XI—XII вв., попробуем рассмотреть его, расположив по нисходящей линии, т. е. от знаков на государственных монетах и печатях, скреплявших государственные документы, до знаков на глиняных горшках и на стадах, принадлежавших князю.

Знаки приднепровских князей сопровождают все типы русских монет X—XI вв. Древнейшей монтной единицей в Киевской Руси были многочисленные арабские диргемы, часть которых в конце X в. пошла, возможно, в качестве материала на чеканку первых русских монет (Владимира и Ярослава Мудрого). В это же время и несколько позднее начинается проникновение западно-европейских монет и в восточную Европу.

18 — икона Дмитрия Солунского, изображающая князя Всеволода Юрьевича; на княжеском троне — знак Всеволода.

В начале XI в. приток диргемов прекращается. На это время падает развитие русской чеканки, попытка создания своей монетной системы (монеты Изяслава Ярославича, 1054—1078 гг.; Святополка Изяславича, 1093—1112 гг.; Ярополка Изяславича, чеканившего монету в Вышгороде, и монеты Владимира Мономаха). Но собственная монета не привилась, западных монет было недостаточно, и уже к середине XII в. наблюдается отказ от чеканки монет и переход к денежным слиткам-гривнам. [1]

На древнерусских монетах князь изображается в различных позах, но преимущественно «на столе» (т. е. на княжеском троне); знак помещался или на оборотной стороне, или же рядом с изображением князя (рис. *17*).

Эта композиция полностью повторена на интереснейшем памятнике древнерусской живописи — иконе Дмитрия Солунского из г. Дмитрова, основанного Юрием Долгоруким и названного так в честь сына. В Дмитрие Солунском совершенно справедливо видят Всеволода-Дмитрия Юрьевича

[1] Первое летописное свидетельство о слитках серебра приходится (в строгом согласии с выводами нумизматов) на середину XII ст. Князь Владимир «... рече Мичаном: „Дайте ми серебро, что вы яз хочю; пакы ли я възму вы на щит". Они же не имеяхуть дати чего у них хотяше, они же емлюче серебро изу ушью и с шии, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру» (Ипатьевская летопись под 1150 г. ПСРЛ, т. II, 1908, стр. 417).

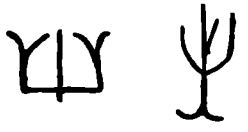
Большое Гнездо. Окончательно убеждает в этом расшифровка знака, нарисованного на иконе рядом с фигурой Дмитрия, на спинке «стола» (рис. *18*). [1]

Знак, возможно искаженный позднейшей перепиской наименее ответственных частей иконы, представляет все же необычайное сходство со знаком князя Всеволода.

Таким образом княжеский знак собственности находился в церкви и в представлении ее посетителя неизбежно связывал княжескую тамгу с авторитетом «святого» Дмитрия Солунского, покровителя князя.

Княжеские знаки обнаружены и на некоторых гривнах-слитках XII в. Один знак, немного напоминающий знак Всеволода Ярославича, имеется на гривне, найденной близ Чернигова (рис. *19*); [2] другой, на удлиненной серебряной гривне, слегка похож на знак Олега Святославича (рис. *20*). Разумеется, смысл помещения их на гривнах был совершенно иным, чем смысл знаков на чеканных монетах. Знак на монете чеканился мастером и должен был символизировать княжескую власть, санкционирующую выпуск монеты. Знаки же, нацарапанные на серебряных слитках, просто отмечали принадлежность данного слитка какому-либо лицу княжеской фамилии, совершенно так же, как знаки иных систем и имена, написанные на подобных слитках, указывали их владельцев некняжеского происхождения.

Знаки Рюриковичей на монетных слитках

19 *20*

19 — знак на денежной гривне (Чернигов); *20* — знак на денежной гривне.

Следующий раздел знаков — это знаки на вислых свинцовых печатях. Подобные печати, внимательно исследованные Н. П. Лихачевым, найдены в Киеве, Новгороде, Вышгороде и в ряде других старых городов. Одна из сторон таких печатей обычно занята знаком князя, другая — изображением святого (по всей вероятности христианского патрона князя). Ввиду того что изображение почти всегда сопровождалось надписью, мы имеем в них благодарнейший материал для раскрытия смысла родовых знаков, для распределения их по известным нам князьям. Опираясь именно на этот сфрагистический материал, А. В. Орешников смог построить свою схему. Работа Н. П. Лихачева в той части, которая посвящена анализу родовых знаков на печатях, к сожалению, до сих пор не опубликована.

Кроме свинцовых печатей в древней Руси, очевидно, существовали и восковые. Доказательством этому служат многочисленные перстни-печати с родовыми знаками, вырезанными на щитках (рис. *21—30*). Оттиск перстня на воске и давал восковую печать.

Серебряные перстни XI—XIII вв., находимые в Приднепровье, довольно однотипны: массивное кольцо и массивный щиток обычно шестиугольной формы. Реже встречаются щитки квадратные и круглые. Два последние типа обычно имеют четыре выступа по краям. А. В. Орешников обратил внимание только на один подобный перстень со сложным знаком, который он приписывает «одному из князей рода Святослава Черниговского XII в.» [3] Если мы примем во внимание, что перстень дает негативное изображение знака (позитив должен был отпечатываться на воске), и попробуем рассмотреть его в зеркало, то нам бросится в глаза сходство его со знаком на монетах Святополка Изяславича (рис. *21*).

Кроме этого перстня имеется еще четыре перстня с аналогичными знаками. Один из них с круглым щитком был найден в первой половине XIX в.

---

[1] Икона находится в Гос. Третьяковской галлерее в Москве. Знак на иконе был мне любезно указан В. И. Антоновой.

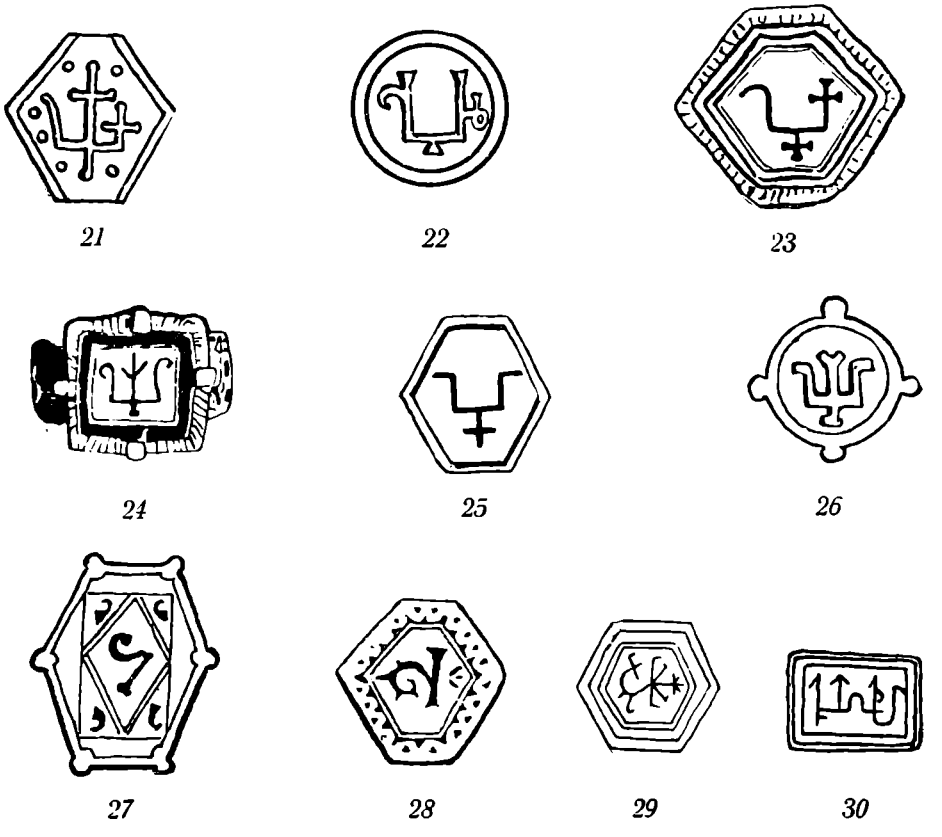
[2] А. В. Орешников. Опись серебряным монетным слиткам из собрания Российского исторического музея. Тр. Моск. нумизмат. общ., т. II, стр. 6.

[3] А. В. Орешников. Классификация..., стр. 100, рис. 20.

в Киеве в развалинах Феодоровской церкви (рис. *22*). Издан он был в атласе М. Погодина. [1] Схема знака — двузубец с отростком внизу, с отрогом у одной мачты и с петлей у другой. Сложная схема позволяет отнести этот знак к концу периода бытования знаков.

Далее следует указать перстень, найденный в составе клада 1906 г. в Михайловском монастыре в Киеве (рис. *23*). [2] Шестиугольный щиток имеет литой углубленный знак в виде двузубца с загнутой одной мачтой, с крестом на другой мачте и с крестом внизу.

Знаки Рюриковичей на перстнях-печатях

21 *22* *23*

24 *25* *26*

27 *28* *29* *30*

21 — перстень со знаком Святополка Ярославича (место находки неизвестно); *22* — перстень, найденный в Киеве (развалины Феодоровского монастыря); *23* — перстень из клада 1906 г. в Михайловском монастыре в Киеве; *24* — перстень из клада в урочище Святое озеро близ Чернигова; *25* — перстень из городища Княжая Гора; *26* — отпечаток с литейной формы для отливки перстня с княжеским знаком (Киев, великокняжеский дворец, раскопки В. В. Хвойко); *27* — перстень из клада 1903 г. в Михайловском монастыре в Киеве; *28* — перстень из Киева; *29*, *30* — перстни с неизвестными знаками.

Еще один перстень опубликован Д. Я Самоквасовым в составе Святоозерского клада близ Чернигова (рис. *24*). [3] Квадратный щиток с четырьмя выступами по краям в центре имеет гладкую поверхность, на которой виден знак в форме трезубца с обычным отростком внизу. Центральный зубец на конце делится на три отрога.

Четвертый перстень, дополняющий материал А. В. Орешникова, происходит из Княжой Горы и находится в коллекции Черниговского музея

---

[1] М. П. Погодин. Древняя русская история. т. III. Атлас. М., 1871, табл. 38.

[2] Коллекция Гос. Исторического музея.

[3] Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове. М., 1916, стр. 40, рис. 13. — Отчет Российского исторического музея за 1910 г., табл. II.

(рис. *25*). [1] Знак на нем весьма прост — двузубец с крестом внизу. Из раскопок В. В. Хвойко в Киеве в усадьбе Петровского происходит каменная литейная форма с шипами для скрепления половинок. Форма предназначена для отливки перстня с круглым щитком, центральную часть которого занимает княжеский знак Рюриковичей, очень близкий к знаку на перстне из Святоозерского клада (рис. *26* и *89*).[2] Отличия заключаются лишь в отсутствии здесь третьего ответвления у среднего зубца и в коленчатости нижнего отростка. Эта литейная форма ценна для нас не только тем, что дает еще один вариант княжеских знаков, но и тем, что указывает на место производства предметов со знаками Рюриковичей — княжеский замок древнего Киева (место раскопок В. В. Хвойко).

Кроме этой системы знаков, основой которой является знакомый нам по монетам двузубец, на перстнях есть ряд иных знаков, часть которых укладывается в какую-то другую систему, а часть представляет уникальные виды знаков (рис. *27—30*). [3]

89 — литейная форма для перстня-печати с изображением княжеского знака; найдена при раскопках В. В. Хвойко в Киеве на месте княжеского дворца (собрание Гос. Русского музея).

Вполне возможно, что остальные перстни-печати принадлежали не князьям, а киевским или черниговским боярам. Отметим, что знаки второй системы (одни из них А. В. Орешников связывает с Всеволодом Юрьевичем) [4] имеются и на вислых печатях и на перстне из богатого княжеского клада Михайловского монастыря (рис. *27*). В виду такого распространения в Киеве перстней-печатей, киевским книжникам была, вероятно, вполне понятна переводная библейская фраза: «. и запечаташа царь перстнем своим и перстнем вельмож своих». [5]

Перейдем к рассмотрению следующей категории предметов с княжескими знаками, предметов, являющихся посредствующим звеном между княжескими и дружинными. Это — медные подвески с ушками для подвешивания, обе стороны которых украшены княжескими знаками. Княжеский знак здесь обычно дополнен целым рядом орнаментальных деталей — завитками, листьями и даже птицами, увенчивающими центральный стержень. Но несмотря на богатую декорировку, основной рисунок знака выступает совершенно отчетливо. Две подвески были опубликованы ранее, [6] две публикуются вновь. На одной (происходит из Киева) (рис. *31,32*) знак обращен остриями вверх (как и на монетах); на двух подвесках с совершенно одинаковым рисунком [одна из Киева из коллекции Гезе (рис. *35, 36*) [7], а другая (рис. *33, 34*) из Белгорода] княжеский знак, близкий к знаку Ярослава, но осложненный крестом, обращен зубцами вниз. Сходство этих подвесок настолько велико, что заставляет предполагать одну литей-

---

[1] Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898, № 631, стр. 16.

[2] Коллекции Гос. Русского музея в Ленинграде, инв. № 11433. Ознакомлением с этим материалом я обязан любезности Г. Ф. Корзухиной.

[3] Н. П. Кондаков. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода, т. I, СПб., 1896, стр. 107, рис. 69—72.

[4] А. В. Орешников. Классификация..., стр. 108.

[5] Дьяченко. Словарь церковно-славянского языка (под словом «печать»).

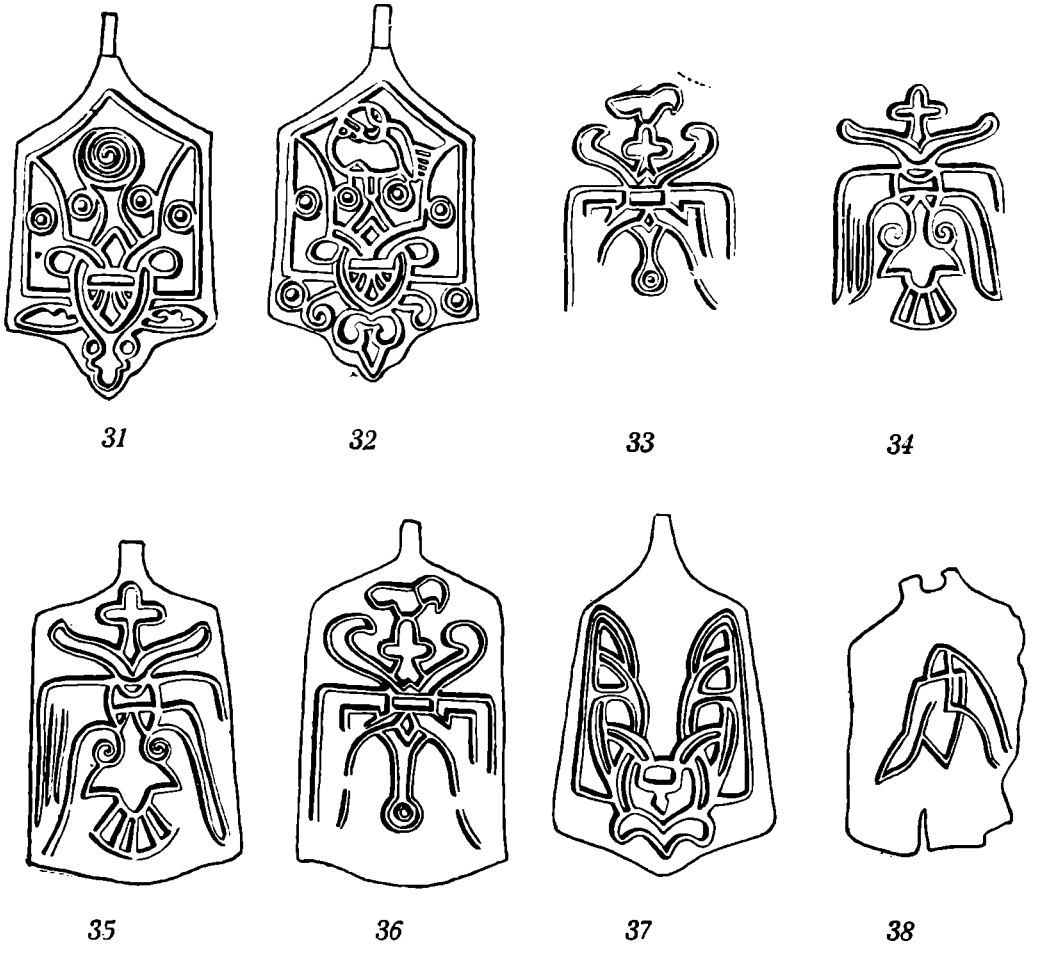
[6] А. В. Орешников. Классификация..., рис. 5 и 6.

[7] Коллекции Гос. Русского музея, инв. № 4769.

ную форму. Четвертая подвеска происходит из Рюрикова городища под Новгородом (рис. *37*). [1] Знак дан остриями вверх

Назначение этих медных привесок с княжескими знаками не было определено. Они не могли быть простыми подвесками, например, к ожерелью, так как слишком массивны и тяжелы для этого. Но несомненно, что они носились на шнуре. Об этом свидетельствуют наличие ушек и потертость всех привесок. Невольно вспоминаются татарские пайцзе, нагруд-

Подвески с княжескими знаками

31 *32* *33* *34*

35 *36* *37* *38*

31 — медная нагрудная подвеска с княжеским знаком из Киева; *32* — оборот подвески *31*; *33* — подвеска из Белгорода; *34* — оборот подвески *33*; *35* — подвеска из Киева; *36* — оборот подвески *35*; *37* — подвеска из Рюрикова городища близ Новгорода; *38* — костяная подвеска из с. Прудянки (верхн. Днепр).

ные знаки достоинства, которые носились чиновниками и доверенными лицами хана. [2] На пайцзе писалось имя хана; на наших подвесках изображался знак князя. И те и другие имели приспособления для шнура и носились на груди. Подвески с княжеским знаком найдены в крупнейших городах Киевской Руси, административно связанных с Киевом, с киевским великим князем: в Киеве, Новгороде (Рюриково городище) и Белгороде, любимом городе Владимира Святославича. Вполне возможно, что киевские князья давали эти знаки, своего рода верительные грамоты, своим посадникам, даньщикам, тиунам, вирникам.

---

[1] Там же, инв. № 6978.

[2] А. А. Спицын. Татарские байсы ИАК, вып. 29, 1909, стр. 130—141. — К. Иностранцев. К вопросу о басме. ЗВО, т. XVIII, 1908, стр. 172 сл.

Если это допущение окажется правильным, то особый смысл приобретает подобная подвеска со знаком из б. Бельского уезда Смоленской губ. (рис. *38*). [1] Подвеска сделана из кости, но носит на себе следы медной окиси. По форме она очень близка к киевской и белгородской подвескам, знак также обращен вниз. Знак вырезан на кости очень небрежно и без всяких орнаментальных деталей. Вообще эта костяная подвеска из далекого сельского кладбища относится к медным городским подвескам, так же, как грубые подражания диргемам, встречающиеся в деревенских курганах, относятся к подлинным арабским монетам.

Не является ли эта подвеска результатом какой-нибудь фальсификации, произведенной в далеком лесном углу Смоленского княжества еще в то время, когда право носить подвеску с княжеским знаком было сопряжено с известными выгодами?

Рассмотрение подвесок-пайцзе уже выводит нас за пределы тех узких вопросов, которые интересовали нумизматов и сфрагистов. От узко-княжеского быта мы переходим в область княжеско-дружинного военного быта и проследим княжеские знаки среди дружинных вещей.

39 *40*

39 — поясная бляшка со знаком князя Ярослава Мудрого (из Приладожья, д. Вахрушево); *40* — то же (из окрестностей Суздаля, Васильки).

Среди материалов из курганов южного Приладожья, исследованных Н. Е. Бранденбургом, имеется медная литая бляха от поясного набора, на которой С. В. Киселев обнаружил знак Рюриковичей (рис. *39*).[2] Бляшка представляет собой квадратную пластинку со штифтами для прикрепления к ремню. Лицевая сторона украшена знаком Рюриковичей в его парадном декоративном виде. Знак очень близок к знаку Ярослава Мудрого.

Курган, в котором была найдена эта любопытная бляшка, является наиболее крупным и наиболее интересным по содержанию. В кострище найдены следующие вещи: меч середины X в., [3] железная рукоять многохвостой плети, боевой топор, ключ, оковка шкатулки, ножницы и ряд женских вещей рабыни, похороненной вместе с дружинником. [4]

Поразительную аналогию этой бляшке представляют бляшки из уваровских раскопок под Суздалем (рис. *40*). [5] В курганной группе у с. Васильков в кургане № 137 на глубине 1.26 м найден кожаный пояс, украшенный бронзовыми бляхами, топорик, пуговица, нож, черепок. На 0.09 м ниже — жженые кости.

Среди непаспортизованных материалов из этой курганной группы имеются позолоченые фибулы, монеты X в. и другие вещи. Сличение бляшек со знаками из Вахрушева и из Васильков обнаруживает не только сходство, но и полное тождество их. Можно утверждать, что бляшки Приладожья и Суздаля изготовлены одним мастером в одной литейной форме. Это обстоятельство сближает дату обоих курганов и позволяет поставить вопрос о причинах нахождения сделанных в одном месте вещей на таком большом расстоянии друг от друга. Для вещей, изготовленных деревенскими ремесленниками, радиус удаления их от мастерской и друг от друга редко превышает 20—30 км. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем

---

[1] Коллекция Гос. Исторического музея. Раскопки К. А. Горбачева в с. Прудянки.

[2] Н. Е. Бранденбург Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, табл. VI, *4*.

[3] Там же, табл. XI, *4* и рис. 16 на стр. 58.

[4] Общий вид захоронения дан там же (табл. XIV).

[5] А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, стр. 143 и 214. — Собрание карт. планов и рисунков к Тр. I АС (М., 1871, табл. XXXII, *40*).

дело с продукцией ремесленников, обслуживавших княжескую дружину, перемещавшуюся по воле князя на большие расстояния.

Характер обряда погребения и весь курганный инвентарь не оставляют сомнений в том, что данные курганы принадлежат дружине.

Если мы обратим внимание на содержание княжеского знака на этих бляшках, то для нас станет понятным и нахождение их в Ростово-Суздальской земле, в Новгородской земле и в Приладожье.

Знак на бляшках принадлежит, по всей вероятности, князю Ярославу Мудрому, а по свидетельству Татищева первым местом княжения Ярослава был Ростов. Только после смерти старшего сына Владимира — Вышеслава, княжившего в Новгороде, Ярослав Владимирович получил Новгород, а на его место в Ростов был поставлен Борис. [1] Ростов и Суздаль в то время составляли одно нераздельное целое и князь Ростова владел, разумеется, и землями по Клязьме, так что наличие знака Ярослава в дружинном погребении у устья Нерли вполне закономерно.

Земли на юг от Ладожского озера составляли в X—XII вв. одну из основных волостей новгородских князей. Здесь, в пределах будущей Обонежской пятины, проживает княжеский «домажирич из Онега» (с. Домажиричи с курганной группой близ него имеется на р. Свири); отсюда князь в 1137 г. выделяет десятину своих даней новгородскому епископу, здесь существует особый обонежский ряд, и уже позднее, когда новгородские князья потеряли свою власть в Новгороде, они получали дань с приладожских погостов. В грамоте Святослава Ольговича 1137 г. упоминаются погосты на р. Паше (там же, где курганная группа близ Вахрушева) и в ближайшем соседстве с ней (устье Паши, Пахитка на Паше, Масиега и др.). [2] Место находки знака Ярослава на поясе дружинника совпадает с районом, в котором расположено большинство погостов, связанных с княжеским хозяйством. Наличие знаков Ярослава в Ростовской земле и в Новгородской вполне соответствует биографии самого князя Ярослава. Отметим кстати, что и по нумизматическим данным князь Ярослав употреблял свой знак еще в то время, когда он княжил в Новгороде и не стал еще великим князем киевским.

Княжеские знаки встречаются не только на одежде дружины, но также и на оружии.

Чрезвычайный интерес представляет находка знака Рюриковичей на Тамани, к сожалению не опубликованная до сих пор. В печати имеется лишь беглое упоминание о ней («Раскопками ГАИМК на Тамани обнаружено налучье с Ярославовой тамгой»). [3] Благодаря любезности А. П. Круглова, предоставившего в наше распоряжение фотографию этого предмета, мы можем включить тмутараканский знак в систему знаков Рюриковичей (рис. *41*). Костяная пластинка, являющаяся по предположению А. П. Круглова накладкой на среднюю часть лука, имеет тщательно награвированный знак. Знак этот нельзя связывать с самим Ярославом, так как, несмотря на большое количество общих черт, он имеет и некоторые отличия: нижний треугольный отросток осложнен крестом, а центральный стержень имеет форму копья с перекладиной под острием. Из всех русских князей, княживших в Тмутаракани, этот знак больше всего подходит по своей типологии к брату Ярослава Мудрого, «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред пълкы касожьскыми». О правильности этого предположения говорят

---

[1] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 2-я М. 1773, стр. 76.

[2] Устав кн. Святослава Ольговича 1137 г. см.: М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, изд. 4. Киев, 1889, стр. 239—240.

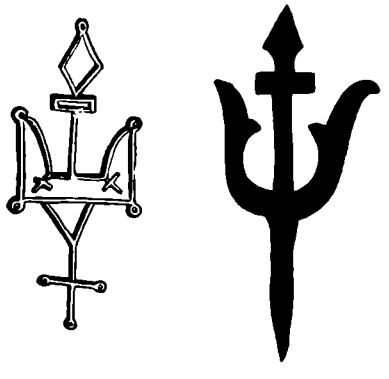
[3] В. В. Мавродин. По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани. Проблемы, 1935, № 9—10, стр. 224.

большая близость знака к знаку Ярослава и отличие от двузубых знаков тмутараканских князей второй половины XI в.

Мстислав Владимирович получил от отца Тмутараканский удел в 987 г., завоевал в 1022 г. касогов, а после этого с хазарами и касогами пошел на Киев и Чернигов; в последнем он остался до своей смерти в 1036 г. «Бе же Мьстислав дебел телъмь, чьрмьн лицьмь, великома очима, храбр на рати и милостив. И любляше дружину повелику, имения не щадяше, ни пития, ни ядения браняше». [1]

Невозможно решить, кому принадлежал лук, помеченный знаком Мстислава, — самому князю или кому-нибудь из его дружинников. Более поздние княжеские знаки из Тмутаракани связываются с именами Олега Святославича и сына племянника Мстислава Тмутараканского.

Любопытную аналогию знаку Мстислава Владимировича представляет железное навершие стяга, найденное на Северном Кавказе в Нальчикском округе (рис *42*). [2] Навершие полностью повторяет все элементы Мстиславова знака: два боковых зубца, средний зубец в виде ромбического копья с горизонтальной перекладиной под острием. Нижняя часть предмета, вбивавшаяся в древко стяга, представляет сужающийся железный стержень. Издатель этого предмета хотел видеть в нем крюк для стаскивания с седла, с чем согласиться нельзя, так как, во-первых, крючья для этого недостаточно загнуты, а во-вторых, способ скрепления с древком не рассчитан на растяжение. Среди болгарских и золотоордынских древностей имеются подобные железные навершия стягов, имеющие точно такой же способ скрепления, но отличные по форме. [3] Датировка нальчикского навершия не установлена. Предположительное отнесение его к XIII—XIV вв. ничем не обосновано. Не имея достаточно веских данных для датировки его XI в., отметим все же необычайное сходство этого навершия со знаком князя Мстислава, в войсках которого были народы Северного Кавказа.

41 *42*

41 — знак Мстислава Владимировича на накладке лука (Тмутаракань); *42* — навершие стяга (Северный Кавказ)

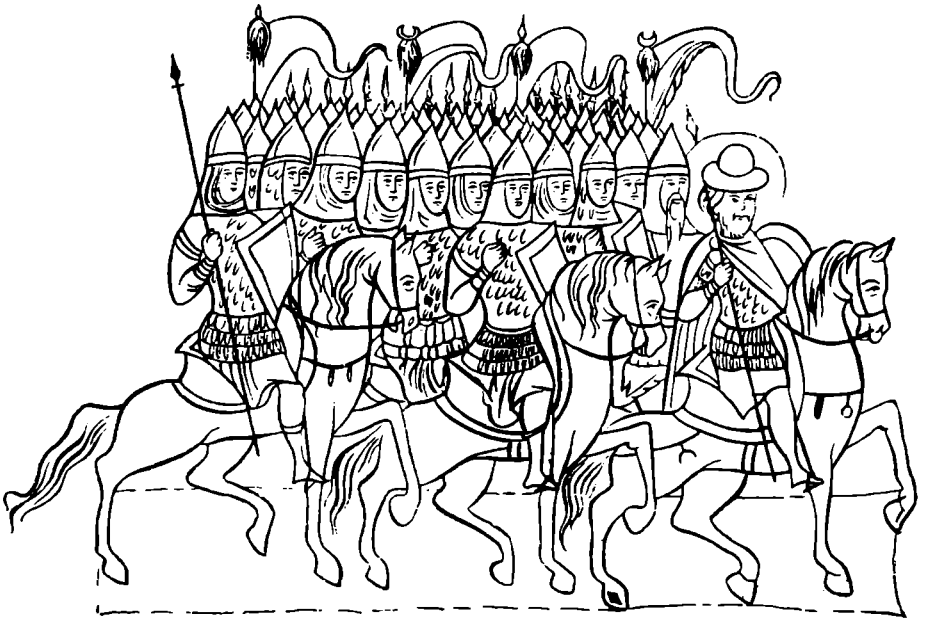
Военные знамена и стяги украшались подобными навершиями не только на Кавказе и в Поволжье: стяги русских князей имели свои отличительные знаки и княжеский стяг узнавали в бою издали. «Где узрим стяг твой, ту и мы с тобою». [4] Недаром позднее слово «стяг» было заменено словом «знамя», совпадающим по смыслу с названием знака собственности (вспомним «знаменья» Ольги). В военной практике XI—XII вв. известны случаи, когда поднятые на поле битвы стяги врага использовались для того, чтобы заманить рассеянные по полю вражеские дружины в западню. Одним из элементов боевого стяга несомненно являлось его навершие, подобное навершию стяга Мстислава Тмутараканского. Навершия стягов в виде двузубца встречены в рукописи «Сказания о Борисе и Глебе», созданного в XIV в., но восходящего к сригиналу XII в. Такие двузубцы изображены у войска князя Бориса, идущего на печенегов (рис. *43*). [5]

Большой интерес представляет миниатюра из болгарской рукописи летописи Манасии (список XIV в.), изображающая поход Святослава на

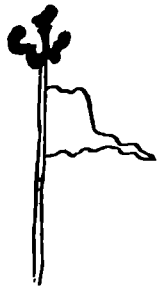
[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 190—191.
[2] ОАК за 1897 г., стр. 44, рис. 123.
[3] История Татарии в материалах и документах. М. 1933, стр 58, рис. 18.
[4] Ипатьевская летопись под 1146 г., ук. изд., стр. 323.
[5] Сказания о св. Борисе и Глебе, изд. Общ. любит. древн. письменн.

Доростол в 971 г. Русское войско едет под стягом с навершием в форме настоящего знака Рюриковичей: трезубец с раскинутыми в сторону крайними зубьями и с утолщенным на конце средним (рис. *44*). [1] По внешнему виду этот знак напоминает знак Ярослава Мудрого.

43 — миниатюра из лицевого сказания о Борисе и Глебе с изображением князя Бориса Владимировича и его дружины; стяги увенчаны двурогими знаками.

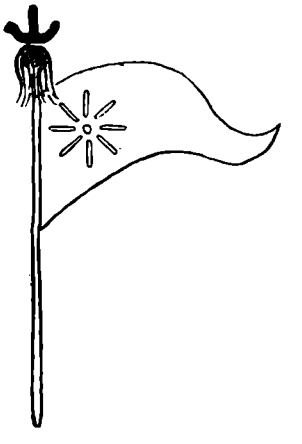
На иконе «Знаменье», изображающей неудачный поход Андрея Боголюбского на Новгород в 1169 г., оба войска — и новгородское и суздальское — четко различаются по навершиям стягов. Побеждающие новгородцы имеют стяги с навершием в виде креста, а суздальские стяги, повергаемые ниц бегущими воинами, украшены навершиями в виде трезубца, полностью повторяющими знак князя Юрия Долгорукого, отца предводителя суздальского войска — князя Андрея Юрьевича (рис. *45*). [2]

44 — стяг Святослава, осаждающего Доростол (по болгарской рукописи XIV в.).

Очевидно в распоряжении позднейших художников XIV—XV вв. были какие-то материалы о княжеских знаках, может быть даже рисунки их, но в представлении этих художников знак не всегда ассоциировался именно с тем князем, которому он принадлежал.

В позднейшей лицевой «Радзивиловской летописи» в описании событий XII в. изображены стяги половцев и русских, резко различающиеся по навершиям: у русских войск художник XV в. изобразил крест, а у половцев — полумесяц, напомина-

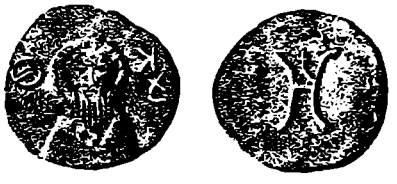
45 — стяг русских войск на иконе «Знаменье», изображающей битву новгородцев с суздальцами.

[1] В. В. Стасов. Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских..., 1902, табл. III.

[2] Указанием на знаки суздальского войска я обязан любезности сотрудницы Гос. Третьяковской галлереи В. И. Антоновой.

ющий указанные выше золотоордынские навершия.[1] В этом противопоставлении креста полумесяцу несомненно сказалась действительность XV в., когда крест был символом русского христианского населения, а полумесяц — символом степных кочевников-мусульман. Но как бы то ни было, данные этих миниатюр свидетельствуют, что навершие служило знаком отличия войск.

В виде дополнения к сказанному выше о княжеских знаках на оружии приведу два следующие факта: на каждой боевой гире из собрания Ханенко, происходящей из Киева, имеется знак в виде буквы «Н» с крестом над горизонтальной перекладиной (рис. *48*).[2] В 1935 г. при раскопках в Вышгороде под Киевом в слоях XII в. найдена свинцовая вислая печать с изображением какого-то святого (надпись не прочитана) на одной стороне и с совершенно таким же знаком на обороте (рис. *46—47*). Этот знак, имеющийся и на княжеской печати и на оружии, не укладывается в известную нам схему: он мог принадлежать более поздним князьям XII в.; но данный случай интересен для нас тем, что отмечает переход княжеских знаков из узкой сферы монет и печатей в сферу всего княжеского быта.

46 *47*

48

46, 47 — вислая печать из Вышгорода; *48* — гиря для кистеня со знаком, аналогичным знаку на печати из Вышгорода.

Рассмотрев княжеские знаки на монетах, печатях, перстнях, подвесках, оружии, поясах дружинников и воинских знаменах, проследим применение их еще в одной области княжеского хозяйства — в торговле.

Общеизвестны многочисленные свинцовые пломбы, называемые по месту первой находки дрогичинскими. Литература, вызванная этими находками, достаточно обширна и весьма неоднородна по своей научной ценности. На ряду с интересными и содержательными работами, вроде статей И. В. Лучицкого[3] и Н. П. Авенариуса,[4] встречаются писания с нелепыми до анекдотичности домыслами.[5]

Делались попытки датировать дрогичинские пломбы эпохой расцвета ганзейской торговли и считать их товарными пломбами, в виду того, что Дрогичин Надбужский был пограничным городом и здесь должна была существовать мытница, где товары перештемпелевывались.[6] Соглашаясь с этим определением значения пломб, попробуем более точно выяснить их

---

[1] Радзивиловская или Кенигсбергская летопись (фотомеханическое воспроизведение рукописи). СПб., 1902, листы: 176 об., 198, 232, 232 об., 233, 233 об., 234, 242 об.

[2] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. IV, *203*.

[3] По поводу дрогичинских древностей. Чтения в Обществе Нестора-летописца, кн. 6-я, Киев, 1892, стр. 73 сл.

[4] Дрогичин Надбужский и его древности. МАР, № 4, СПб., 1890, стр. 1—42.

[5] Одно такое писание принадлежит перу киевского собирателя древностей Леопардова (Сборник снимков с предметов древностей, находящихся в гор. Киеве в частных руках, вып. 1. Киев, 1896, стр. 10).

[6] И. В. Лучицкий. Ук. соч., стр. 78—80.

дату, исходя не столько из общеевропейских условий торговли, сколько из данных, содержащихся на самих пломбах. Эти пломбы по внешнему виду напоминают свинцовые вислые печати, но только они меньше печатей и небрежней выполнены. Обычно обе их стороны покрыты различными знаками, буквами, изображениями (рис. *49—63*). Подобные пломбы находят в Киеве, Новгороде, Пскове, Дрогичине, Рязани, т. е. как раз в торговых русских городах, являвшихся последними крупными пунктами на пути следования товаров на юг (Киев), на север (Псков и Новгород), на запад (Дрогичин) и на юго-восток (Рязань).

Пломбы нельзя считать западноевропейскими, так как многие из них имеют буквенные начертания кириллицей не позже XII—XIII вв. Некоторые дрогичинские экземпляры имеют схематическое изображение человеческого лица, хорошо известное по рязанским монетам. Преобладающими знаками на свинцовых пломбах являются знаки, имеющие в основе двузубец, т. е. основу знака Рюриковичей. По произведенным нами подсчетам материалов Гос. Исторического музея в Москве 25% всех знаков относится именно к этой системе, господствовавшей в Приднепровье в XI—XII вв.

Всего удалось выделить 18 типов знаков (рис. *49—63*), пополняющих таблицу знаков Рюриковичей. Некоторые знаки можно прямо отнести к определенным князьям (напр. Всеволоду Ярославичу, Олегу Святославичу, Всеволоду Ольговичу), некоторые же повторяют те нерасшифрованные знаки, которые встречены на перстнях-печатях из Киева. Все сказанное позволяет предполагать, что свинцовые пломбы относятся к XI—XII вв. и что значительная часть их помечена княжескими знаками приднепровских князей.

Если справедливо предположение, что данные пломбы привешивались к товарам, шедшим за рубеж, [1] то в этом случае перед нами открывается еще одна часть княжеского хозяйства, в которой применялись княжеские знаки.

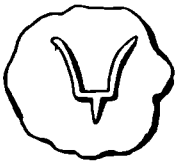
Остальные знаки, не связанные с князьями, могли принадлежать боярам и купцам. Судя по количеству свинцовых товарных пломб, княжеская доля во внешнеторговых оборотах была весьма значительной. Чаще других в дрогичинских пломбах встречены знаки Всеволода Ольговича, князя Черниговского и Киевского (рис. *52*). Между прочим и самый город Дрогичин впервые упоминается при Всеволоде. Под 1142 г. Ипатьевская летопись сообщает: «...Еха Святослав к Игориви и рече: Что ти даеть брат старейший (великий князь Всеволод)? и рече Игорь: Даеть ны по городу: Берестии и *Дорогычин*, Черторыеск и Кльчьск...» [2] (курсив наш. — *Б. Р.*). Эти окраинные северо-западные волости были для киевского князя средством, помогавшим ему отвлекать своих беспокойных братьев от более близких волостей. Берестье и Дрогичин вскоре были отданы Всеволодом Давыдовичам, чтобы разрушить их союз с братьями Всеволода.

Обилие пломб со знаками Всеволода в пограничном с Польшей Дрогичине объясняется также и теми связями с Польшей, которые были у этого князя в 40-е годы XII в. Дочь его Звенислава Всеволодовна в 1142 г. была отдана замуж за Болеслава Польского. Летописец, относившийся отрицательно к Всеволоду, с неудовольствием отмечает, что у великого князя «съвокупишася... безбожни ляхове...» [3] Эта западная ориентация князя Всеволода отразилась также и на торговле князя с Польшей через Дрогичин, которую мы прослеживаем по пломбам. Новые материалы позволят, может быть, расшифровать и остальные знаки на пломбах и тем самым дадут историкам статистический материал о торговых оборотах князей первой половины XII в.

---

[1] А. В. Орешников. Классификация..., стр. 109—110.
[2] Ипатьевская летопись под 1142 г., ук. изд., стр. 310.
[3] Ипатьевская летопись под 1143 г., ук. изд., стр. 313.

Знаки Рюриковичей на свинцовых товарных пломбах

49

50

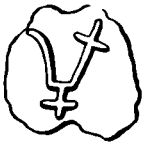
51

52

53

54

55

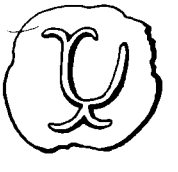
56

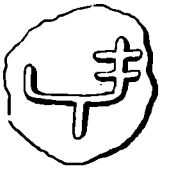
57

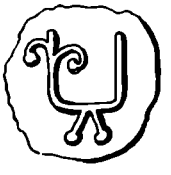
58

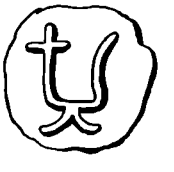
59

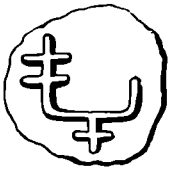
60

61

62

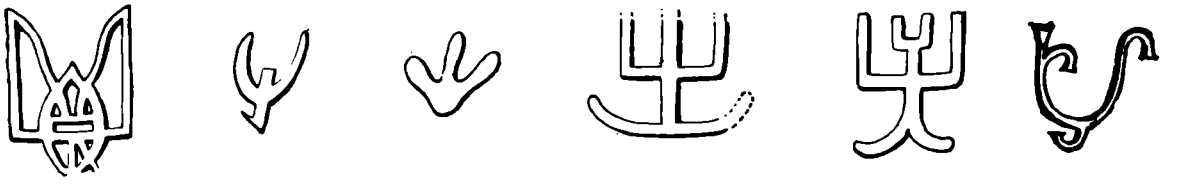

63

49 — основная схема знака Рюриковичей; *50* — знак, аналогичный знаку на перстне из Княжой Горы; *51* — знак князя Андрея Боголюбского; *52* — знак князя Всеволода Ольговича; *54* — знак, аналогичный знаку на перстне из Михайловского монастыря в Киеве; *57* — знак князя Всеволода Ярославича; *59* — знак князя Олега Святославича; *53*, *55*, *56*, *58*, *60*—*63* — знаки неизвестных князей.

Мы закончили беглый обзор княжеских знаков, связанных с дипломатической, военной и торговой деятельностью князей. Нам остается рассмотреть знаки, связанные с различными изделиями, производившимися на княжеском дворе или для княжеского двора. Среди них видное место занимают знаки на кирпичах русских зданий X—XII вв. Древнейшие здания Киева — Десятинная церковь и дворец Владимира близ нее — были построены из кирпичей, часть которых имеет на себе знак князя (рис. *64*). При раскопках В. В. Хвойко в усадьбе Петровского (там, где была открыта литейная форма для перстня с княжеским знаком) был найден еще один кирпич, другой был обнаружен в районе Десятинной церкви. [1] Сопоставление обоих обломков позволяет почти полностью восстановить знак на кирпичах. Он представляет собой парадную торжественную форму того двузубца, который А. В. Орешников предположительно относил к Владимиру Святославичу. Средний зубец, имеющийся на знаках сыновей Владимира, здесь отсутствует. Странно, что А. В. Орешников, которому оба знака на кирпичах были хорошо известны, не использовал их для бо́льшей убе-

Знаки Рюриковичей на кирпичах и камнях кладки

64 *65* *66* *67* *68* *69*

64 — знак на кирпиче Десятинной церкви в Киеве [знак Владимира Святославича (?), строителя этой церкви]; *65* — знак на кирпиче Спасо-Преображенского собора в Чернигове; *66* — знак на кирпиче Михайловской церкви XII в. в Остерском Городце (знак Юрия Долгорукого, строителя этой церкви); *67* — знак на кирпиче Борисоглебской церкви на Смядыне близ Смоленска; *68* — знаки на кирпичах из Киева; *69* — знак на камнях кладки Золотых Ворот 1164 г. в г. Владимире на Клязьме и на кивории в г. Боголюбове (знак Андрея Боголюбского, строителя этих зданий).

дительности своих аргументов в пользу принадлежности двузубца Владимиру Святославичу. Ведь Десятинная церковь была построена при Владимире. Этот двузубец по своему типу может быть поставлен первым в ряду княжеских знаков с последующими усложнениями. Благодаря этим кирпичам мы располагаем не только упрощенной формой знака Владимира, известной нам по печатям, но и декоративным двойником этого знака, близким к позднейшим знакам на монетах, подвесках и поясных бляшках. На кирпичах других городов имеются такие же княжеские знаки, но упрощенной формы.

Кирпичи черниговского Спасо-Преображенского собора начала XI в. имеют знак в виде двузубца с отрогом внизу (рис. *65*), [2] кирпичи Михайловской церкви XII в. в Остерском Городце, построенной Юрием Долгоруким, имеют в числе прочих грубый знак в виде трезубца (рис. *66*), совершенно аналогичный знаку на печатях Юрия Долгорукого. [3] Сложные знаки этой же системы имеются на кирпичах Борисоглебской церкви на Смядыни близ Смоленска (рис. *67*) [4] и на плоских кирпичах с Киевского Подола (рис. *68*), [5] где строительство церквей развернулось позднее, чем на горе — в близком соседстве с княжеским дворцом.

[1] К. Болсуновский. Ук. соч. (фотография на обложке).

[2] Материалы Черниговского областного музея.

[3] Н. Макаренко. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. Сб. статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 402, рис. 18.

[4] Материалы Гос. Исторического музея в Москве.

[5] [Н. И. Петров]. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. 4—5. Киев, 1915, табл. XI, *1*.

Большой интерес представляют княжеские знаки, обнаруженные Н. Н. Ворониным на каменных постройках городов Владимира и Боголюбова.

Знак имеет форму двузубца с отрогом на левом зубе и внизу; помещен он на камне устьем вниз, что иногда встречается и на печатях. Оба раза знак найден на камнях построек Андрея Боголюбского: во Владимире на белокаменной кладке Золотых Ворот (1164 г.), а в Боголюбове на пьедестале белокаменного кивория (начала 1160-х гг.) (рис. *69*).

Этот же знак, но в менее парадной форме, был известен А. В. Орешникову по вислым печатям с изображением Георгия. А. В. Орешников приписывал его Святославу Ярославичу Черниговскому. [1] Но здесь есть натяжка: христианское имя Святослава — Николай. А. В. Орешников видит выход в допущении описки писца синодика (из которого мы узнаем крестное имя Святослава), написавшего «Николай» вместо «Георгий». Нам кажется, что нет никакой необходимости прибегать к этой маловероятной гипотезе.

Если допустить, что знак, дважды повторенный на постройках Андрея Юрьевича, ему и принадлежит, то нам остается лишь уяснить причину совместного нахождения на печатях знака Андрея и изображения Георгия. Георгий был патроном его отца, Юрия Долгорукого. Юрий умер скоропостижно, «пив бо у осьменника Петрилы». Андрей, став князем, использовал штамп отцовской печати, оставив на печати изображение Георгия и заменив только то, что было заменить легче всего, — именно знак на обороте. Вырезать знак было проще, чем изображение апостола Андрея. Поэтому встречаются печати с именем Георгия и с разными знаками на обороте: со знаком Юрия и со знаком Андрея. Лишь позднее он заменил свой знак изображением своего патрона.

Наличие княжеского знака на камнях свидетельствует о построении Золотых Ворот и кивория русскими мастерами-«каменосечцами», находившимися, очевидно, в какой-то зависимости от князя Андрея.

Княжеские знаки встречены также и на ряде глиняных сосудов XI—XII вв. (рис. *70—77*). При составлении упомянутого выше каталога славянских гончарных клейм удалось найти среди разнообразных начертаний несколько клейм, очень близких по рисунку к разбираемым нами княжеским знакам.

При раскопках в Киеве на горе Детинце в 1930 г. обнаружена землянка с печью и большим количеством керамики, в числе которой был горшок с клеймом в виде трезубца (рис. *75*). [2] В. Козловская отмечает близость знака к знаку на монетах Святополка. С последним трудно согласиться, но принадлежность знака на дне сосуда к знакам Рюриковичей очень вероятна.

В Киевском музее хранится сосуд из Канева с начертанием клейма, очень близким к упрощенному княжескому знаку (рис. *77*) [3]. Из окрестностей Канева (Липлява на левом берегу Днепра против Канева) происходит днище сосуда с клеймом в виде двузубца с отрогами на зубьях и внизу (рис. *77*). [4] При раскопках В. В. Хвойко в Белгороде найдено четыре сосуда с совершенно тожественными клеймами, повторяющими ту же княжескую схему (рис. *72*). [5] В данном случае интересно отметить бо́льшую массовость продукции городских гончаров по сравнению с деревенскими: ни в одной деревенской курганной группе не удалось до сих пор найти нескольких тоже-

---

[1] А. В. Орешников. Классификация..., стр. 107.

[2] В. Козловська. Розкопи р. 1930 у Київі на горі Дитинці. Хроніка археології та мистецтва, ч. III, 1931, стр. 51.

[3] В. Козловська. Таврований посуд словъянськой доби. Науковий Збірнік за рік 1926, Київ, рис. 20 и 21.

[4] Коллекция Государственного Эрмитажа. Собрание Лисака.

[5] В. Козловська. Таврований посуд, рис. 16.

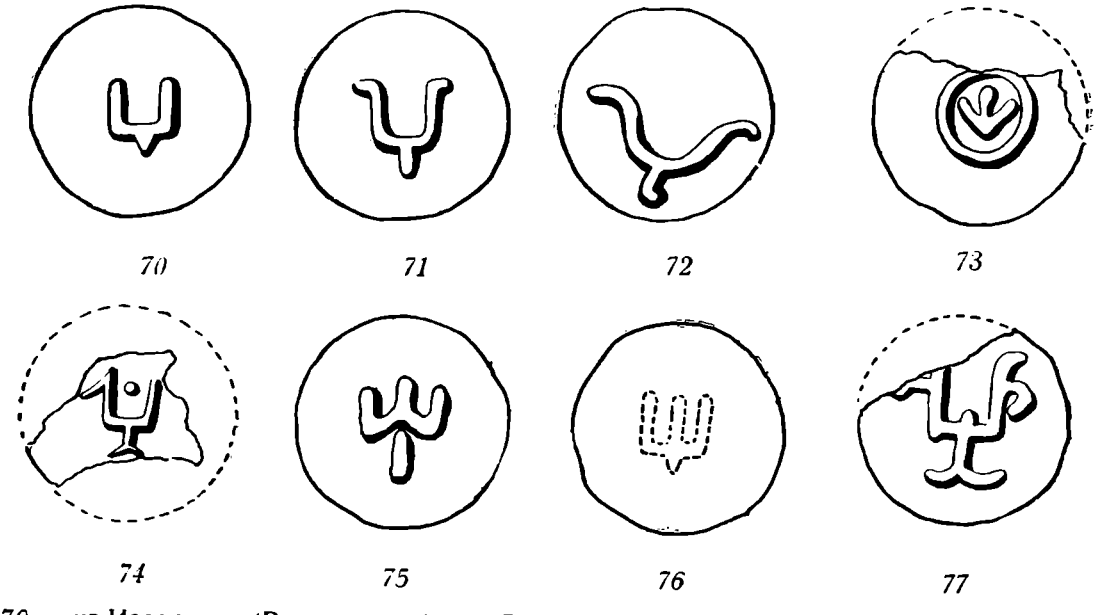
ственных клейм. Клеймо в виде княжеского знака найдено также на курганном кладбище древнего Изяславля (рис. *70*). [1]

На Десне у Остерского Городца было найдено днище сосуда, «на нем рельефно вытеснен знак, очень похожий на загадочный знак монет Владимира святого (нечто вроде трехсвечника с коротким треугольным острием вместо ручки)» [2] (рис. *76*).

В упоминавшихся уже выше раскопках в Вышгороде дважды встретились гончарные клейма — знаки Рюриковичей (рис. *73*, *74*). В одном случае знак напоминает знак Юрия Долгорукого, а в другом дает более сложный рисунок с применением точки (как на монетах и печатях) в качестве дополнительного элемента.

Наличие княжеских знаков на гончарных изделиях чрезвычайно интересно. Эти знаки не могут быть знаками собственности, так как они ставились не на готовой продукции, а на инструментах мастера — на самом гончарном круге, на котором формовались горшки, и уже при посредстве круга перехо-

Знаки Рюриковичей на гончарных сосудах

70 — из Изяславля (Рогнедин); *71* — из Родни; *72* — из Белгородки; *73*—из Вышгорода; *74* — из Вышгорода; *75* — из Киева; *76* — из Остерского Городца; *77* — из окрестностей Канева.

дили на изделие. Мы должны отметить, что княжеский знак определяет здесь взаимоотношения не князя и его собственной вещи, а князя и его собственного мастера, его гончара, который не имел своей тамги, а метил изготавливаемые им изделия княжеским знаком. Гончар здесь являлся частью всего княжеского хозяйства, являлся, по всей вероятности, холопом того князя, знаком которого он пользовался вместо своей личной тамги. Очевидно, то же самое надо предположить и в отношении кирпичей с княжескими знаками. Они изготовлялись, вероятно, княжескими холопами, метившими их княжеским знаком. Недаром кирпичи Десятинной церкви, построенной Владимиром, имеют знак Владимира, а кирпичи церкви в Остерском Городце, построенной Юрием Долгоруким, имеют и знак Юрия.

Интересно отметить, что в тех городах, где власть приднепровских князей была слабее, где у них не было прочно заведенного своего хозяйства,

[1] Працы катэдры Археолёгіі, т. I. Менск, 1928, стр. 65, 69, табл. XVI, *5*.

[2] Черниговский соединенный исторический музей. Каталог музея. Чернигов, 1915, стр. 17.

а строительство зданий производилось вольными артелями, «дружинами», там не было и княжеских знаков на кирпичах (Новгород, Псков, Полоцк). [1]

Для уточнения вопроса о гончарах — княжеских холопах в Киевской Руси — необходимо остановиться на географическом размещении находок посуды с княжеским знаком вместо клейма мастера.

Приведенные выше наблюдения основаны не на случайных, выхваченных из общей массы находках: выводы эти явились результатом предпринятой автором в 1932 г. работы по составлению каталога гончарных клейм, обнимающего не только многочисленную керамику деревенских курганов, но и керамику древнерусских городов. [2] Оказалось, что среди многих тысяч раскопанных деревенских курганов совершенно нет клейм, напоминающих княжеские знаки; зато они имеются в ряде древних городов.

Все без исключения места находок горшков и кирпичей с княжескими клеймами связаны с древними княжескими городами, с районом наибольшего распространения княжеских знаков вообще:

Киев — центр Приднепровской Руси, резиденция многих приднепровских князей, имевших там свои дворы.

Чернигов — крупный центр княжества, упоминаемый с начала X в.

Белгород — город, существующий с X в.; Владимир Святославич в 992 г. расширил его. «... Много людии сведе в нь; бе бо любя град сь». [3] Здесь же у Владимира был лагерь живого товара — рабынь.

Вышгород — старинный пригород Киева, город, принадлежавший лично Ольге.

Изяславль — подаренный в X в. Владимиром Рогнеде и сыну ее Изяславу.

Остерский Городец — основан, по всей вероятности, тем же Владимиром в 987 г., когда он ставил города по Остру для защиты от печенегов. [4]

Канев — в ближайших окрестностях этого города находился древний летописный город Родня, от которого осталось хорошо известное городище «Княжая Гора», да и сам Канев был крупным центром Поросья.

Корни всех перечисленных городов уходят в X в. Князья в то время являлись безраздельными хозяевами города и, очевидно, тогда же княжеские дворы включили в себя ремесленников, частью превратив их в рабов, принадлежавших князю.

В XI—XII вв. города разрослись, значительно развилось свободное ремесло, но на ряду с ним продолжали существовать на княжеских дворах и ремесленники-холопы. Керамический материал устанавливает это для гончаров XI—XII вв.

О существовании в XI в. на Руси рабов-оружейников, которых дружинники перепродавали друг другу, имеются письменные свидетельства — чудо св. Олафа. [5]

К этой же проблеме ремесленника-холопа подошел и А. С. Гущин в своей работе о художественном ремесле древней Руси. Анализируя ряд раскопанных мастерских, расположенных близ княжеского дворца, А. С. Гущин делает вполне правильный вывод: «мы можем полагать, что здесь мы имеем остатки больших, собственно княжеских мастерских, а зная о наличии и характере рабовладения в Киевской Руси, можем заключить, что и труд работавших в них был трудом подневольным, для раннего же периода, вероятнее всего — трудом рабским». [6]

Слабость аргументации А. С Гущина только в том, что он строит свои выводы исключительно на топографии мастерских, не привлекая других

---

[1] Наблюдение М. К. Каргера

[2] Б. А. Рыбаков. Ук. соч.

[3] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 155.

[4] Там же, стр. 154.

[5] Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу ИАН, Отд. общ. наук, 1934, № 8.

[6] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Лгр., 1936, стр. 25.

материалов. Таким материалом, и притом благодарным, являются княжеские знаки на инструментах ремесленников. Мы видели их уже на формах для формовки кирпичей и на гончарных кругах для изготовления горшков, но есть еще один древний предмет, который позволит пополнить список ремесленников-холопов на княжеском дворе и, кроме того, позволит даже определить, какому именно князю этот ремесленник принадлежал, а тем самым позволит решать вопрос о княжеских ремесленниках не отвлеченно, а в конкретной исторической обстановке.

Среди коллекций бывшего Румянцевского музея имелось четыре предмета, хранившихся под общим номером 1639 (рис. *78*, *82*, *83*). Ныне они находятся в Гос. Историческом музее. Каталог Румянцевского музея описывает их так: «№ 1639. Четыре массивных бронзовых бляшки: три круглые и одна в виде лилии с плоским рельефом». [1]

Эти «бляшки» являются массивными чечевицеобразными медными штампами (или, как говорят современные ювелиры, матрицами) для изготовления излюбленного древнерусского украшения — колтов и лилиевидных подвесок. Одна из матриц помечена на оборотной, нерабочей, стороне княжеским знаком. К величайшему сожалению, место находки этих матриц совершенно неизвестно и они попали в досадный раздел музейного имущества «неизвестного происхождения». Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению княжеского знака, нам придется заняться определением места и времени происхождения этих вещей.

Техника тиснения серебра и золота на подобных матрицах была широко известна скифским и античным мастерам: применялась она и в средневековом Херсонесе, откуда в XI в. после принятия христианства проникла в Приднепровье (до этого времени в ювелирной технике Киевской Руси господствовал чекан). Полученный с матрицы рельефный отпечаток на листе металла проходился по контурам дополнительно резцом, а углубления нередко заливались чернью.

Подобные матрицы известны из находок в Княжой Горе [2] и в Райковецком городище в слоях XI—XII вв. Более поздние матрицы XIII—XIV вв. известны в Болгарской земле. [3] Район распространения готовой продукции, изготовленной при помощи таких матриц, поможет нам определить и район возможного бытования интересующих нас «бляшек» Румянцевского музея. Золотые колты с цветной эмалью найдены преимущественно в Киеве и ближайших к нему городах: в Чернигове, Княжой Горе, Сахновке (на р. Роси). Единственная находка вне этого круга происходит из Владимира на Клязьме. Но золотые колты отливались в формах, а не штамповались на матрицах. Штамповались лишь серебряные колты; значительное количество их найдено также в Киеве и его окрестностях, но кроме того их очень много на территории Черниговского и Северского княжеств. [4] Серебряные колты встречаются всегда в окружении золотых и серебряных вещей княжеского или боярского обихода; в деревенских курганах колтов совершенно нет. Дата большинства колтов — XII в. и лишь некоторые экземпляры можно датировать XI в. (напр. из Чернигова). [5]

Наши матрицы для колтов хотя и представляют единый комплекс, но едва ли являются одновременно изготовленными. Остановимся на двух из

[1] Каталог коллекции Румянцевского музея, стр. 74, № 1639.

[2] Б. И. и В. И. Ханенко. Ук. соч., вып V, 1902, табл. XV, *269*.

[3] ОАК за 1898 г., стр. 70.

[4] Детальному исследованию древнерусских колтов нами посвящена особая работа, в которой выясняется происхождение техники тиснения, ее распространенность и датировка тисненых изделий. В различных кладах, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии, удалось установить вещи, сделанные одним мастером на одной матрице (напр. Мироновский фольварк и Терехово). А. С. Гущин в указанной выше работе (стр. 35) совершенно неправильно определил район распространения колтов.

[5] Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации древностей. Варшава, 1892.

них. Одна, с изображением фантастического зверя, окруженного ременным плетением, была в работе, очевидно, очень мало, так как поверхность ее гладкая (рис. *78*). Другая (со знаком на обороте) дает более примитивный рисунок зверя, плетеный орнамент отсутствует и вся поверхность матрицы покрыта мелкими радиальными трещинами от ударов сверху при тиснении серебра (тиснение нередко производилось через свинцовую подушку, которую

78

79

80

81

78 — матрица для изготовления колтов (из коллекций б. Румянцевского музея № 1639); *79* — серебряный колт из урочища Святое озеро близ Чернигова; тонкие серебряные щитки, оттиснутые на матрице (рис. *78*), потом пройдены резцом по выпуклым контурам; *80* — матрица для изготовления криновидных подвесок; *81* — матрица для изготовления колтов.

вгоняли в углубления матрицы ударами молотка) (рис. *81*). Очевидно матрица со знаком является более ранней и относится к XI в.

Изучая рисунки на колтах, сличая каждый известный в литературе колт с нашими матрицами, нам удалось в конце-концов найти пару колтов, представляющих по рисунку полное тождество с одной из матриц. Речь идет о кладе из урочища Святое озеро в нескольких км на СВ от Чернигова (рис. *79*). Клад, хранящийся сейчас в Историческом музее, опубликован Д. Я. Самоквасовым. [1] При помощи прекрасных фотографий, выполненных А. В. Хлебниковым как с колтов, так и с матрицы, удалось установить, что колты святоозерского клада сделаны на одной из матриц Румянцевского

[1] Д. Я. Самоквасов. Раскопки северянских курганов в Чернигове. М., 1916, стр. 34, рис. 3.

собрания, именно той, которую мы отметили как более позднюю, более новую с усложненным рисунком.

На серебряных щитках колтов точно переданы все углубления матрицы. Единство зрительного восприятия колтов и матрицы несколько нарушено тем, что, во-первых, колты сильно помяты, а, во-вторых, тем, что рисунок, оттиснутый при помощи матрицы, был затем подправлен резцом (резкие параллельные контуры).

В составе святоозерского клада наряду с другими вещами XII в. имеется перстень-печать с княжеским знаком, близким по форме к знаку Владимира Мономаха (см. выше).

Суммируем то, что можно сказать о наших матрицах: матрицы принадлежали ювелиру, обслуживавшему княжеский двор, территориально связанный, вероятно, с г. Черниговом. Матрица с княжеским знаком (немного более ранняя) имеет очень близкое сходство с колтами из Чернигова, другая же матрица использовалась при изготовлении колтов святоозерского клада близ Чернигова, зарытого, по всей вероятности, не ранее начала XII в.; третья матрица (для колтов) и четвертая (для кринов) (рис. *80*) не дали материала для датировки и локализации всего комплекса.

Раскроем теперь содержание знака.

Знак этот, нанесенный на гладкую оборотную сторону матрицы резцом флаштихелем (этим же резцом обычно подправлялся рисунок на самом колте), целиком совпадает со знаком на свинцовой вислой печати с изображением апостола Андрея. На лицевой стороне печати в ободке из бусин изображен Андрей с крестом в правой руке. Сбоку колончатая надпись **анъдри**. На обороте — знак в виде двузубца с крестом внизу и раздвоением каждого зубца (рис. *84*).

А. В. Орешников, опираясь на авторитет Н. П. Лихачева, пишет: «Печать по фактуре и стилю относится к XI в. и кроме великого князя киевского Всеволода Андрея (ум. 1093), отца Владимира Мономаха, к другому князю отнесена быть не может». [1] Таким образом матрица с княжеским знаком — это инструмент ювелира, златокузнеца, принадлежавшего князю Всеволоду Ярославичу (1030—1093) (рис. *85*).

Князь Всеволод Ярославич, любимый сын Ярослава Мудрого, прожил бурную жизнь, полную борьбы с кочевниками и с соседними князьями. Княжил он в Переяславле Русском, княжил в Чернигове, был и великим князем киевским. С Черниговым он был связан как со своей вотчиной, полученной после смерти его брата Святослава. Здесь умирает его дочь Янка, сюда он сажает княжить своего сына Владимира. По свидетельству его сына, Всеволод «изумеяше пять язык». Женат он был на дочери византийского императора Константина X Мономаха.

Вот этому-то князю и принадлежал златокузнец, изготавливавший серебряные колты и метивший свои инструменты знаком князя Всеволода. Возможно, что он работал на княжеском дворе в Чернигове (на это указывают черниговские находки колтов), но мог работать и в Киеве, где на Выдубичском холме был красный двор Всеволода Ярославича. [2] Эти красные дворы князей достаточно полно охарактеризованы летописью. Здесь заседают князья с дружиной, не решаясь вступить в восставший

---

[1] А. В. Орешников. Классификация..., стр. 105.

[2] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 292. Вероятно к этому же кругу явлений относится и одна литейная форма из Саркела (М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, 1935, рис. 4, *1*). Форма отлита из меди или бронзы и предназначалась для одновременной отливки четырех маленьких шариков (пуговиц) (рис. *86*). Редкий материал, выбранный мастером для изготовления формы, медь, говорит за то, что форма предназначалась для отливки оловянных предметов, так как только для этого металла применяются металлические формы. И действительно, по археологическим материалам XI—XII вв. мы видим, как часто бытовали оловянные пуговки на парчевых воротниках мужских одежд. На обороте литейной формы при

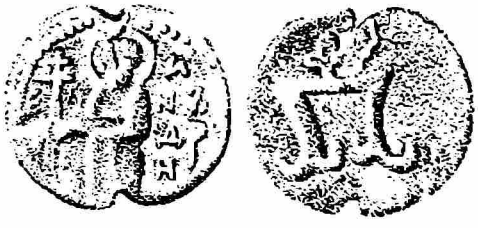
город, здесь они заводят свое хозяйство, рекомендуя детям: «В дому своем не ленитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока». [1] Эти красные дворы были средоточием княжеской челяди, арсеналом оружия, скла-

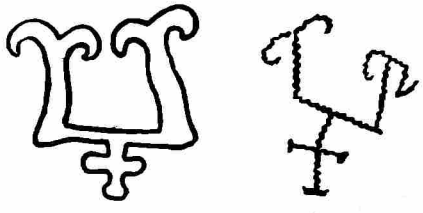
82

83

84

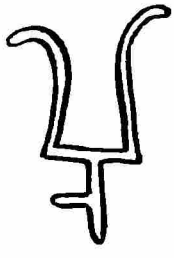
85

86

87

88

82—матрица для тиснения колтов (из коллекций б. Румянцевского музея № 1639): лицевая сторона; *83* — оборот матрицы *82*; резцом прорезан знак князя Всеволода Ярославича (знак перевернут); *84* — свинцовая печать князя Всеволода (Андрея Ярославича); на оборотной стороне знак князя Всеволода Ярославича, аналогичный знаку на матрице для колтов (рис. *83*); знак перевернут; *85* — прямое изображение знаков князя Всеволода Ярославича: слева — знак на княжеской печати, справа — знак на матрице, принадлежавшей княжескому златокузнецу; *86*, *87*, *88* — литейная форма из Саркела.

дом различных изделий, изготовляемых княжескими свободными ремесленниками из запасов, приносимых крестьянами :«...идоста [Давыдовичи]

отливке ее нанесен знак, являющийся одним из вариантов знаков Рюриковичей (рис. *88*). Больше всего он напоминает знаки черниговских Святославичей, у которых вообще эти знаки удержались дольше, чем у других княжеских родов. К XI в. Саркел имел уже многочисленное русское население, связанное, вероятно, как и Тмутаракань, с черниговскими князьями.

Находка здесь инструмента ювелира, помеченного в качестве тамги княжеским знаком, проливает некоторый свет на окняжение Саркела в XI—XII вв.

[1] Лаврентьевская летопись под 1096 г. ПСРЛ, I, 1926, стр. 246.

на Игорево селце идеже бяше устроил двор добре: бе же ту готовизни много в бретьяницах и в погребех вина и медове и что тяжкого товара всякого до железа и до меди не тягли бяхуть от множества всего того вывозити». [1] Добавим к этому, что «добрый двор» князя Игоря пострадал перед этим: были «заграблены» 3000 кобыл стадных и 1000 коней, а после того как Давыдовичи не смогли вывезти весь «тяжкий» товар, они сожгли 900 стогов сена.

Двор соседа князя Игоря, князя Святослава в Путивле, был не менее богат: Изяслав Мстиславич после успешной осады Путивля «двор Святославль раздели на 4 части. И скотьнице, бретьянице и товар, иже е немочно двигнуть и в погребех было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг и церковь святого вознесения всю облупиша: сосуды серебряныя и индитьбе и платы служебныя, а все шито золотом и каделниче две и кацьи и еуангелие ковано и книгы и колоколы и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша и челяди 7 сот». [2] На эти княжеские «красные» и «добрые» дворы обрушивалась ненависть народа.

В 1068 г. киевский народ, требовавший оружия у Изяслава для защиты от половцев, «двор же княжь разграбиша, бещисльное множество злата и сребра и кунами и скорою». [3] Доставалось от киевлян и красному двору на Берестове, который был разграблен тотчас же по получении вести о смерти Юрия Долгорукого. [4]

«Русская Правда» защищает весь состав княжеского двора; в числе подвергавшихся штрафу за убийство мы находим и боярина и ремесленника. Так же как княжеские знаки охватывали все отрасли княжеского хозяйства, так и статьи «Русской Правды», современные этим знакам, перечисляют нам по нисходящей линии весь состав оберегаемого ее нормами княжеского двора.

Цитирую по Карамзинскому списку: [5]

«Суд Ярославлих детей

По Ярославе же паки совокупившеся сынове его Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их· Коснячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а иное все якоже Ярослав судил.....

Аже о княже отроце или о конюсе или о поваре 40 гривен
А за тиун за огнищный и за конюший 80 гривен
А в сельском тиуне княже или в ратайном 12 гривен
А за рядович 5 гривен, такоже и за бояреск
А за ремествяника и за ремествеицу 12 гривен
А за смерд и холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен....»

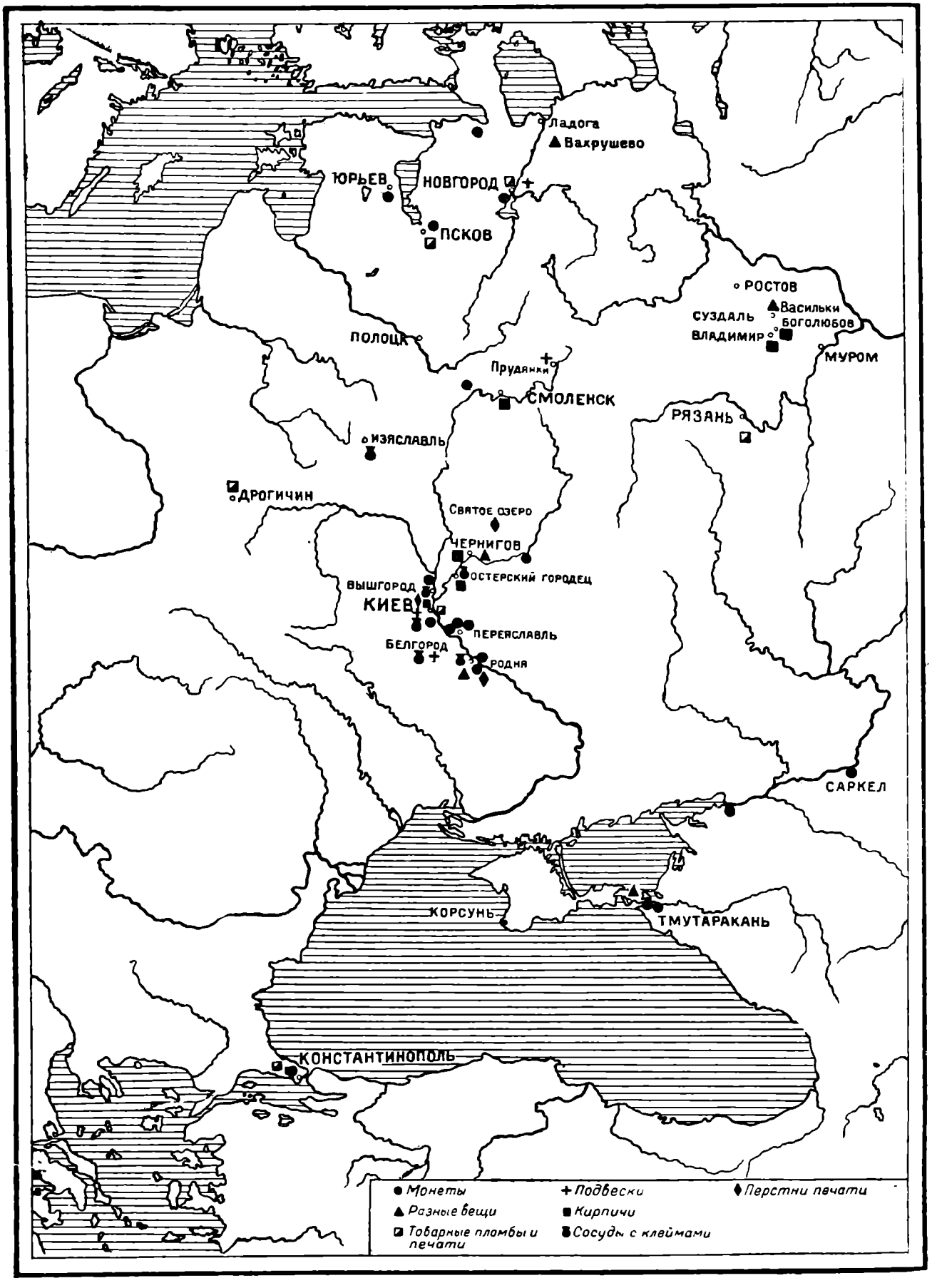
Добавим сюда из Академич.ского списка: [6]

«А за княжь конь, иже тои с пятном, 3 гривне. .»

Кроме того, существовал штраф за уничтожение «знамени» на борти, штраф за перетес знаменного дуба, за нарушение межи.

«Русская Правда» и княжеские знаки являются одновременными и взаимно дополняющими друг друга источниками сведений о княжеском хозяйстве «Русская Правда» охраняет княжего мужа и на этих княжьих мужах, на тиунах, «грабящих людей», по выражению летописи, [7] мы видим подвески с княжескими знаками. «Русская Правда» включает в состав двора ремесленника и ремесленницу, и мы видели уже знак Всеволода, одного из авторов «Русской Правды», на инструментарии его холопа-ювелира. «Пятна» на княжеских стадах, «знамения» на княжеских бортях — это все знаки княжеской собственности, начертания которых теперь нам известны.

[1] Ипатьевская летопись под 1146 г., ук. изд., стр. 333.
[2] Там же, стр. 334
[3] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 217.
[4] Ипатьевская летопись под 1158 г., ук. изд., стр. 489.
[5] Русская Правда, ук. изд., стр. 8—9.
[6] Там же, стр. 6.
[7] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. 274.

Ладога
Вахрушево
ЮРЬЕВ
НОВГОРОД
ПСКОВ
РОСТОВ
Васильки
СУЗДАЛЬ
Боголюбов
ВЛАДИМИР
МУРОМ
ПОЛОЦК
Прудянки
СМОЛЕНСК
РЯЗАНЬ
ИЗЯСЛАВЛЬ
ДРОГИЧИН
Святое озеро
ЧЕРНИГОВ
ОСТЕРСКИЙ ГОРОДЕЦ
ВЫШГОРОД
КИЕВ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
БЕЛГОРОД
РОДНЯ
САРКЕЛ
КОРСУНЬ
ТМУТАРАКАНЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Монеты
Подвески
Перстни печати
Разные вещи
Кирпичи
Товарные пломбы и печати
Сосуды с клеймами

Знаки княжеской собственности, первые сведения о которых дошли до нас от середины X в., дожили до середины XII в. За двести лет своего бытования в Киевской Руси княжеские знаки ставились на княжеских монетах, на печатях, скреплявших государственные документы, на перстнях, которыми запечатывали восковые печати. Княжеские знаки, отлитые из бронзы, носились на груди княжескими тиунами; княжеские знаки были на поясах дружинников, сопровождавших своего князя, на оружии, на боевых знаменах княжеских войск. Княжеские знаки ставились на слитках серебра, принадлежавших князю, на княжеских товарах, отправлявшихся за границу. Княжескими знаками метили свои орудия производства ремесленники-холопы, работавшие на княжеском дворе — гончары, кирпичники, златокузнецы. Княжескими знаками был помечен весь живой и мертвый инвентарь княжеского хозяйства — кони, бортные ухожаи, земля.

Подавляющее большинство предметов со знаками Рюриковичей было найдено в Приднепровье, Киеве, Чернигове, Белгороде, Родне, Вышгороде, в старинных княжеских городах Руси. За пределами этого узкого круга предметы со знаками встречены лишь эпизодически (за исключением Тмутаракани, связанной с Черниговом) (рис. *90*). Этим самым очерчивается область наиболее интенсивного окняжения в X—XI вв.

В настоящей работе мы поставили себе задачей опубликовать новый материал о княжеских знаках, вывести изучение их за пределы узко-нумизматических интересов и указать на возможность использования данного вида вещественных источников. Дальнейшая работа над знаками должна быть направлена на расшифровку нераскрытых пока знаков, для того чтобы за каждым начертанием можно было увидеть то историческое лицо, которое метило этим знаком все свое богатство, «всю жизнь свою».

B. A. RYBAKOV

RÉSUMÉ

Les marques de propriété, étudiées par les ethnographes, n'ont jusqu'à présent attiré que peu d'attention de la part des historiens et des archéologues. Chez les Slaves orientaux on connaît les groupes suivants de marques de propriété: 1) marques dites tamga appartenant à un clan entier, une famille ou une personne, sur divers objets à partir du VIIe siècle de notre ère; 2) marques pratiquées par incision sur un bâton nommé birka et servant aux comptes numériques; 3) systèmes de signes qui rappellent l'écriture; 4) marques d'artisans.

Les sources écrites font souvent mention de ces marques sans toutefois les décrire d'une manière précise. Parmi les trouvailles des lieux d'habitation slaves (gorodišče des XI—XIIe siècles), on rencontre souvent des fuseaux en schiste, marqués du tamga de leur propriétaire, tandis que les mêmes objets provenant des anciennes villes portent des lettres et des inscriptions entières. Les marques d'artisans ne sont connues que sur la vaisselle d'argile (XI—XIII siècles).

Les princes et les nobles avaient leurs marques propres dont ils se servaient pour mettre leur propriété à l'abri de tout attentat. Les marques de princes de Kiev, Černigov, Pereiaslavl, Tmoutarakan et autres lieux sur les monnaies, lingots, sceaux et autres objets sont très nombreuses et très variées; la marque principale est celle dite des Rurikovič: en forme de bident qui paraît avoir été le blason de cette famille princière. C'est cette marque qui prédomine sur les sceaux qui furent trouvés en masse à Droguičin, région limitrophe de Pologne (sceaux du prince Vsevolod vers le milieu du XIIe siècle). Il y a des marques de princes sur les objets fabriqués par les artisans employés aux cours des princes (vaisselle de terre cuite, briques, orfèvrerie).

Л. МУСХЕЛИШВИЛИ

РАСКОПКИ В ДМАНИСИ[1]

(Краткий очерк)

В древности г. Дманиси входил в пределы Самшвилдского эриставства, а затем в пределы так называемого Сабаратиано. В настоящее время городище пустует. Оно расположено на высоком скалистом мысе у слияния рр. Машавери и Пинезаури (Кара-су), приблизительно в 100 км к ЮЗ от Тбилиси, в Башкичетском районе Грузии. Только два незначительных селения невдалеке от городища сохранили нам его название с турецкой огласовкой: Большой Думанис на левом берегу р. Машавери, приблизительно в 5 км ниже городища, и Малый или Древний Думанис, расположенный по обоим берегам р. Пинезаури под самым городищем.

Грузинские письменные источники до IX в. о Дманиси не упоминают. Согласно «Летописи Картлии», арабский военачальник Буга, опустошивший Грузию в 853 г., поселил в Дманиси 3000 домов осетин, которых он вывел через Дарьяльское ущелье.[2] Какое-то, вероятно, малозначительное, поселение было тут и до этого, что можно заключить и из слов летописи; кроме того, среди монет, найденных при раскопках, есть несколько византийских VI и VII вв.

Затем, до конца X в. у нас нет сведений о Дманиси. Хотя арабы и превратили эту местность в свою цитадель на важном торговом и стратегическом пути из Тбилиси в Армению, но ее экономическая и политическая роль была, повидимому, незначительна. Впоследствии путь этот, надо полагать, должен был сыграть первостепенную роль в возвышении Дманиси. Он сохранился до сегодняшнего дня. Местные жители называют его «Верблюжьей дорогой». Караваны в Армению до последнего времени ходили именно этой дорогой. Она окончательно потеряла свое значение только после постройки Ленинаканской железной дороги. И теперь еще местные жители пользуются ею, так как она много короче шоссейного пути. Множество остатков каменных мостов на рр. Машавери, Пинезаури и др. указывают на ее былое значение. В некоторых местах она прекрасно сохранилась.[3] Выше Люксембурга она следовала по правому берегу Машавери, а затем Пинезаури, до Дманиси. Из Дманиси, через Локский перевал, она вела в Армению, именно в Ани.

В конце X и начале XI в. вся область, граничащая с Дманиси, была в руках армянских царей.[4] Нужно полагать, что именно в это время здесь усилился армянский элемент; вероятно, в это же время утвердилось за этой

---

[1] Раскопки производились в 1936 и 1937 гг. по заданию Юбилейного комитета Шота Руставели при СНК ГССР.

[2] M. Brosset. Histoire de la Géorgie, I, стр. 267.

[3] См. мою статью о раскопках в Дманиси на грузинском яз. в сборнике под ред. акад. И. А. Джавахишвили: შ. რუსთაველის ეპოქის მატერიალ. კულტურა, ტფ. 1938, рис. 1 и 3.

[4] ივ. ჯავახიშვილი, ქართვ. ერის ისტორია, თბ., 1913, стр. 420.

областью название «Сомхити», которое встречается в грузинских источниках с XII в.

В XI в. Дманиси играет уже крупную политическую роль и часто упоминается в источниках. Здесь резидируют арабские эмиры, которые активно участвуют в политической жизни Грузии. Так, напр., в 1073—1074 гг. Дманисский эмир принимает участие в войне арабского саранга против Георгия II. [1] Состоятельная часть городского населения в это время была, вероятно, главным образом арабского происхождения.

Постепенно Дманиси выходит в первые ряды грузинских и вообще кавказских городов в качестве значительного торгового центра. В этом отношении весьма интересен рассказ историка Давида Строителя о том, что в 1121 г. гандзийские, тбилисские и дманисские купцы отправили делегацию к сельджукскому султану с жалобой на притеснения со стороны Давида, что вызвало коалицию ближневосточного мусульманства против Грузии. Борьба эта кончилась, как известно, славной для Давида Дидгорской битвой, в которой принимали участие и сомхитские эмиры, в том числе, вероятно, и дманисский. [2] Историк Давида сумел замечательно ярко передать чисто экономический характер грузино-арабской борьбы. Ясно, что жаловавшиеся дманисские купцы не были грузинами.

В 1123 г. Давид взял Дманиси, [3] после чего город почти все время оставался в руках грузин. Его экономическое значение и в последующее время, до конца XIII в и, вероятно, позднее, также было велико, что видно из того, что атабек Садун Манкабердский, в то время влиятельнейшее лицо и богатейший феодал Грузии, в 1271—1272 г предложил царю Димитрию II уплатить за него крупную дань, которую требовали монголы, с тем условием, чтобы царь уступил ему Дманиси. Димитрию действительно пришлось «с сожалением», как говорит летописец, отдать ему Дманиси и окрестные земли. [4] Владение городом давало, очевидно, такой доход, что даже в обмен на «колоссальную сумму», которую, по словам летописца, затребовали монголы, уступать его было невыгодно. Спустя 25 лет Дманиси снова переходит в руки царя. [5]

Как видно, город с самого его покорения Давидом Строителем оставался непосредственно в руках грузинских царей. В конце же XIII и в начале XIV в. здесь утвердилась ветвь грузинского царского рода, ведшая свое начало от Георгия Лаши. Вахтанг III Димитриевич был похоронен именно в Дманиси, а не в Мцхете, где в то время находилась усыпальница грузинских царей, причем из двух его сыновей «Димитрию достался Дманиси, а Георгию — Самшвилде». [6]

Для истории населения города интересно сообщение летописца о том, что около 1265 г. Давид V поселил в Тбилиси, Дманиси и Жинвани князей, бежавших от хана Берке: [7] и без того пестрое население Дманиси пополнилось, таким образом, еще и монголами.

Относительно судьбы города в продолжение XIV и почти всего XV в. мы не располагаем никакими сведениями. Можно, однако, сказать с уверенностью, что на ряду с другими городами Грузии Дманиси подвергся сильному опустошению в конце XIV в. (1386/87 г.), когда Тимур прошел с огнем и мечом через все Сабаратиано и вторгся в Картлию. [8] В 1486 г. Дманиси снова испытал разгром от полчищ Якуб-хана. [9]

[1] Brosset, ук. соч., стр. 345.
[2] Там же, стр. 365.
[3] Там же, стр. 368.
[4] Там же, стр. 589.
[5] Там же, стр. 613.
[6] Там же, стр. 639—640.
[7] Там же, стр. 569.
[8] Там же, стр. 652.
[9] Там же, II, 1, стр. 14.

В начале XVI в. мы застаем Дманиси уже в руках князей Бараташвили. По раздельному акту 1536 г. Дманиси был поделен пополам между братьями Иотамом и Орбелом Бараташвили. [1] Этот документ содержит весьма интересные данные для характеристики экономики, количества и состава населения города, к этому времени находившегося уже в состоянии упадка. Судя по акту, здесь живут, кроме епископа, почти исключительно крепостные князей Бараташвили в количестве 138 домов; большинство составляют татары, за ними идут армяне и грузины. Население занималось скотоводством (разводили лошадей и крупный рогатый скот), хлебопашеством и, возможно, виноградарством. Особенно важно, что еще в XVI в. здесь сеяли лен и выделывали льняное масло. Ремесленное производство почти отсутствовало (упоминается один единственный сапожник). Таким образом ясно, что Дманиси в это время представлял собою уже не город, а средней величины селение. Однако это селение еще имело свою таможню. Нечего и говорить, что это учреждение составляло одну из важнейших статей дохода и в эпоху расцвета местной городской жизни.

В 1578 г. Дманиси, по сообщению царевича Вахушта, был взят турками, которые его укрепили. [2] В 1583 г. грузины взяли его обратно. [3] Согласно Вахушту, Дманиси именно до этого времени существовал в качестве города и крепости, «а затем опустел». [4] Судя по писцовой книге 1721 г., Дманиси к этому времени представлял собою уже городище, где, кроме князей Орбелиани, потомков Орбела Бараташвили, и дманисского епископа, жившего там ex officio, было только два двора: один дворянский и один крестьянский. Селения Большое Дманиси и Древнее Дманиси, которое, вероятно, тогда уже называлось и Малым, судя по той же писцовой книге, представляли собою более крупные поселения: в первом было 14 хозяйств, а во втором 7. [5]

В первой половине XVIII в. Дманиси и, в особенности, Дманисское ущелье неоднократно испытывали опустошительные набеги лезгин, турок и персов. [6] В это время Дманиси был резиденциею и главной крепостью князей Орбелиани. Вахушт (1742) сообщает, что они укрепили дманисскую крепость. [7] Однако дни Дманиси были уже сочтены. Вот что пишет историк XVIII в., Папуна Орбелиани, под 1757 г.: «В короникон 445 (=1757 г.) опустели Сабараташвили, Сомхити, владения Орбелиани. Часть [населения] выселилась в Кахетию, некоторые пошли в Верхнюю Картлию и в [земли] эриставств. Нигде не осталось строения в том крае, [только] немного людей сидело в крепости Квеши, а в Самшвилде [остались] Карабудахисшвили. Лезгины непрестанно громили и опустошали Грузию». [8] Около этого же времени была упразднена дманисская епископская кафедра.

Выселившиеся сюда в конце XVIII в. крестьяне из Джавахетии, которые и составляют население нынешнего Малого Дманиси, нашли эти места совершенно одичавшими. Только в Большом Дманиси частично сохранилось старое население, вся же остальная местность вокруг древнего города заселена вновь за последние 100—150 лет.

В 1853 г. городище посетили И. А Бартоломей и Дм. Орбелиани,

---

[1] სჭ. ცენტრარქივის გამოც. «საისტორიო ძიებანი», т. 1, стр. 179—181.

[2] Brosset, ук. соч., II, 1, стр. 36.

[3] Там же, стр. 39.

[4] Description géographique de la Géorgie par Wakhoucht, publiée par M. Brosset, стр. 153.

[5] ე. თაყაიშვილის გამოც. «მასალანი საქართველოს სტატისტიკური აღწერილობისა მეთვრამეტე საუკუნეში», თბ., 1907, стр. 72—73, 132, 134—136, 176, 182—183.

[6] M. Brosset, ук. соч., II, стр. 56, 76, 96, 98, 108, 126.

[7] Description géographique de la Géorgie par Wakhoucht, publiée par M. Brosset, стр. 153.

[8] M. Brosset, ук. соч., II, 2, стр. 200.

которые кратко его описали и сняли некоторые надписи, разобранные затем Б. Броссе. [1] В 1894 г. в Дманиси работал Е. С. Такайшвили, который, по рассказам местных жителей, раскопал в пригороде несколько могил. [2]

Город делится на две отграниченные друг от друга части. Собственно город, площадью в 13 га, помещается на самом мысу; к Ю же от него, по обоим берегам р. Пинезаури, расположен пригород, занимающий площадь приблизительно в 12 га. В самом городе, кроме того, особыми стенами выделен вышгород.

С северной и северо-западной сторон город окаймляется глубоким ущельем р. Машавери. Высота берега достигает здесь в среднем 90 м; берег почти отвесно падает вниз и потому не нуждался в укреплении: с этой стороны крепостной стены нет. С В и ЮВ протекает р. Пинезаури. Здесь берег также высок (в среднем он достигает 80 м) и очень скалист, хотя и не так отвесен, как берег р. Машавери. Поэтому с этой стороны город защищен стеной до самой оконечности мыса, и отсюда он также мог считаться неприступным. Таким образом доступ в город возможен только с Ю.

Поверхность мыса имеет довольно сильный наклон с ЮЗ на СВ, так что разность в уровне между крайней юго-западной точкой, где помещается вышгород, и крайней северо-восточной точкой, т. е. оконечностью мыса, достигает 45 м. При этом, начиная от оконечности мыса, почти по всей его длине поверхность повышается постепенно, так что у подножия вышгорода разность в уровне составляет только 15—20 м, между тем как в крайнем юго-западном углу города, на сравнительно небольшой площади, почва сразу повышается на 20—25 м. Вышгород расположен именно на этой скале. [3] Стратегически — это самый удобный пункт на всем мысе: он господствует над городом, который простирается перед ним и виден отсюда как на ладони; в то же время отсюда открывается широкий вид на ущелье р. Пинезаури, откуда только и мог неприятель подойти к городу.

Вышгород со всех четырех сторон огражден стенами и имеет вход только со стороны города. Отсюда, от вышгорода, идет стена, которая ограждает город с Ю, далее она следует по краю ущелья р. Пинезаури до самой оконечности мыса. Здесь же находятся и городские ворота. [4]

К городским воротам ведет древняя дорога, которая в виде улицы продолжается в самом городе.

Древняя улица была обнаружена только у городских ворот. Ворота обращены на З (рис. 1). При раскопке южной стены, на глубине 1.36 м под поверхностью почвы, показался неправильной формы каменный подпятник высотой 0.35 м; под ним обнаружен культурный слой толщиной 0.47 м, а под этим последним тесаная каменная плита, лежащая в виде ступени на настиле из больших, плоских, грубо обработанных камней. Камни эти настланы непосредственно на скале. Аналогичную картину, и на тех же глубинах, дал раскоп северной стены. Обе стены снабжены так называемыми четвертями для дверей, однако только на нижней стене выступ доходит до нижней плиты, на северной же стене он достигает лишь глубины подпятника.

Настил из грубо обработанных камней занимает всю длину ворот, пролет которых составляет 4.30 м. У основания каждой стены на этом на-

---

[1] Mélanges Asiatiques, tirés du Bull. Hist.-Phil. de l'Acad. des Sciences de St.-Pétersb., II, стр. 327 сл.

[2] При этом была обнаружена, между прочим, и глиняная посуда. В виду того, что Е. С. Такайшвили работал по поручению Русского археологического общества, вещи были им пересланы в музей этого общества в Петербурге.

[3] См. мою вышеупомянутую статью на грузинском яз. (табл. к стр. 336).

[4] В связи с условиями рельефа местности ворота обращены не на Ю, а на З.

стиле, как уже было отмечено, положена крупная тесаная плита в виде ступени. Назначение этих плит неясно. Возможно, что они представляют собою остатки порога древнейших ворот. Пролет между ними равен 1.50 м, что, конечно, слишком узко для арбы; таким образом ступени эти должны были мешать движению. Первоначальный вид древних ворот здесь, повидимому, нарушен, но не подлежит сомнению то, что настил, вместе с лежащими на нем плитами в виде ступеней, представляет собою остаток древнейших ворот, между тем как подпятники, лежавшие на много выше, на культурном слое толщиною около 0.50 м, составляют принадлежность позднейших ворот. Таким образом мы имеем здесь остатки сооружений двух периодов; из них первый относится ко времени не позднее XII в., если не к более

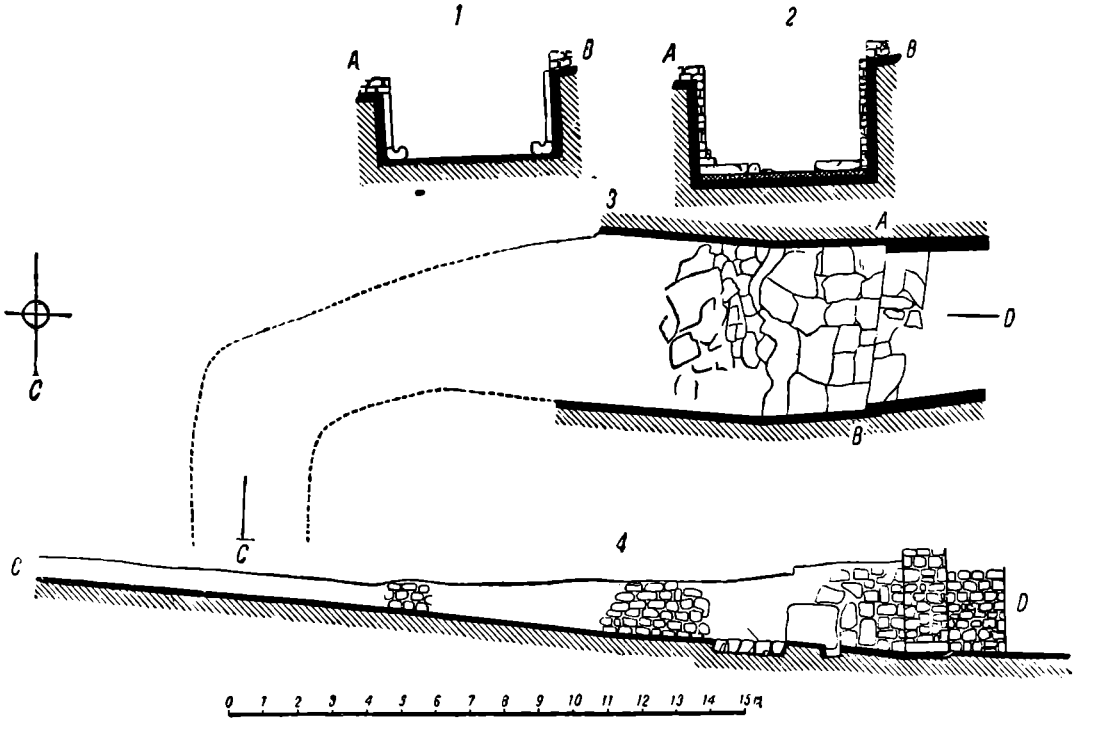

Рис. 1. План и разрез городских ворот.
1 — разрез по *AB*, первый раскоп; *2* — разрез по *AB*, конечный вид раскопа; *3*—план; *4* — разрез по *CD*.

раннему, о чем свидетельствует монета царицы Тамары чекана 1200 г., найденная при раскопе южной стены на глубине 2.00 м в культурном слое под каменным подпятником.

Настил из плоских камней выходит за пределы городской стены и прослеживается приблизительно на протяжении 1.00 м, а внутри города — на протяжении около 3.00 м. Далее начинается уличная мостовая, выложенная рваными камнями (рис. 2). Улица эта начиналась, очевидно, еще за городом; установить ее первоначальный вид не удалось, так как сохранившаяся здесь на протяжении около 5.00 м мостовая сильно попорчена, камни либо выбиты, либо расшатаны. Внутри же города она сохранилась очень хорошо; немного попорчена она только в части, непосредственно примыкающей к настилу, где несколько рядов камней уже в древности было выбито. Это дало возможность в точности выяснить кладку мостовой.

Улица от ворот идет вверх с достаточно сильным подъемом. Мостовая, уложенная непосредственно на скале, упиралась в настил, который не давал камням возможности выпасть вперед. Крупные рваные камни оббиты с расчетом вклинить их друг в друга. Пазы между камнями запол-

нены гравием. Камни так плотно вбиты в мостовую, что сдвинуть их с места совершенно невозможно. Этим простым приемом достигнута такая прочность, которая позволила мостовой сохраниться до наших дней почти в неизменном виде. Вместе с тем, вследствие большой величины камней, поверхность улицы очень неровна.

По сторонам улица окаймлена низкими каменными стенами, выложенными на растворе. Ширина улицы близ ворот достигает 4.70 м. Выше она постепенно суживается. На протяжении 12—13 м она идет в направлении на В, а затем сворачивает на С, вероятно, к главному городскому храму и вышгороду. Ее удалось проследить еще на протяжении 7 м, причем она сузилась здесь до 2.50 м. Временно приостановленные раскопки не дали возможности проследить ее дальше.

Кладка городской стены, кроме нескольких контрфорсов, очень небрежна. В качестве материала использован местный базальт. Камни — средней

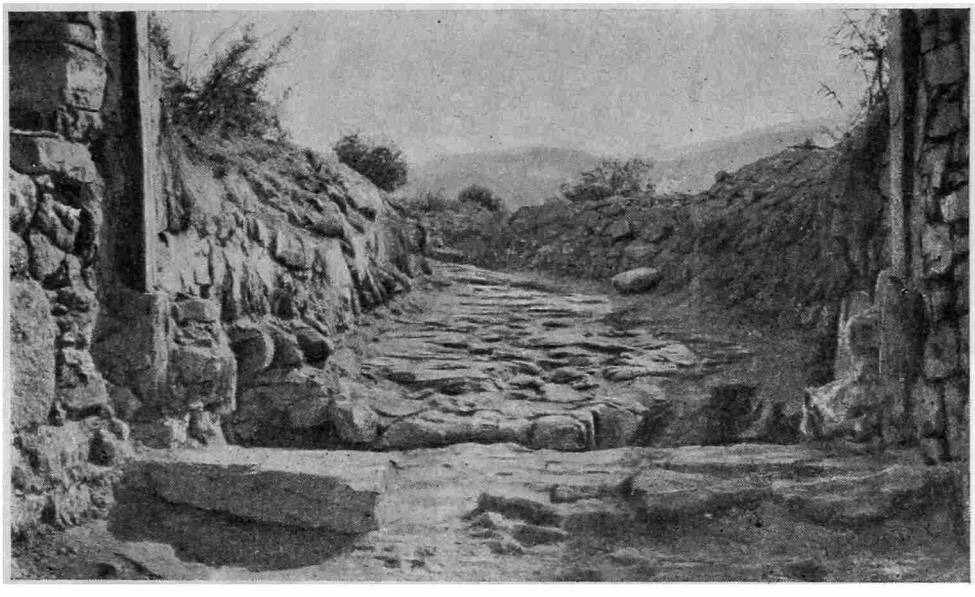

Рис. 2. Городские ворота после раскопки. Вид с запада.

величины и почти совершенно не обработаны. Раствор довольно плохого качества. Кладка только местами идет правильными горизонтальными рядами (в контрфорсах), но все же можно ясно различить облицовку и бут. Толщина стены в среднем достигает 1.20 м. Стена не имеет фундамента, она возведена непосредственно на скале. Судя по некоторым контрфорсам (рис. 3), отличающимся более правильной кладкой и крепким раствором, можно думать, что большая часть городской стены сооружена позднее.

Зато очень хорошо сохранился потайной ход, прислоненный к скале и косо спускающийся к р. Машавери к СВ от главного городского храма; этим ходом пользовались для снабжения города водой во время осады. Верхний конец хода сейчас разрушен, нижний же (бо́льший) прекрасно сохранился (рис. 4) за исключением лестницы, ступени которой очень попорчены. Стены хода, выложенные крупными камнями на растворе, поддерживают «стрельчатый» свод, выведенный клинчато-уложенными плоскими камнями. Во внешней стене имеется ряд отверстий для света. Ширина хода равняется прибл. 2.00 м; он настолько высок, что взрослый человек может в нем совершенно свободно выпрямиться. Снаружи этот ход трудно заметить — он замаскирован растительностью; к воде он выходит в узком, глухом месте, где его вряд ли мог приметить неприятельский глаз. Воду таскали, вероятно, на ослах и мулах.

Стены вышгорода отличаются от городских стен лишь наличием фундамента из рваных камней высотой 0.50 м. Местами встречается и позднейшая кирпичная кладка. Подступы к вышгороду были укреплены и снаружи, с южной стороны. Здесь его опоясывают две искусственные террасы, из которых нижняя, как выяснили раскопки, содержит большие гробницы с камен-

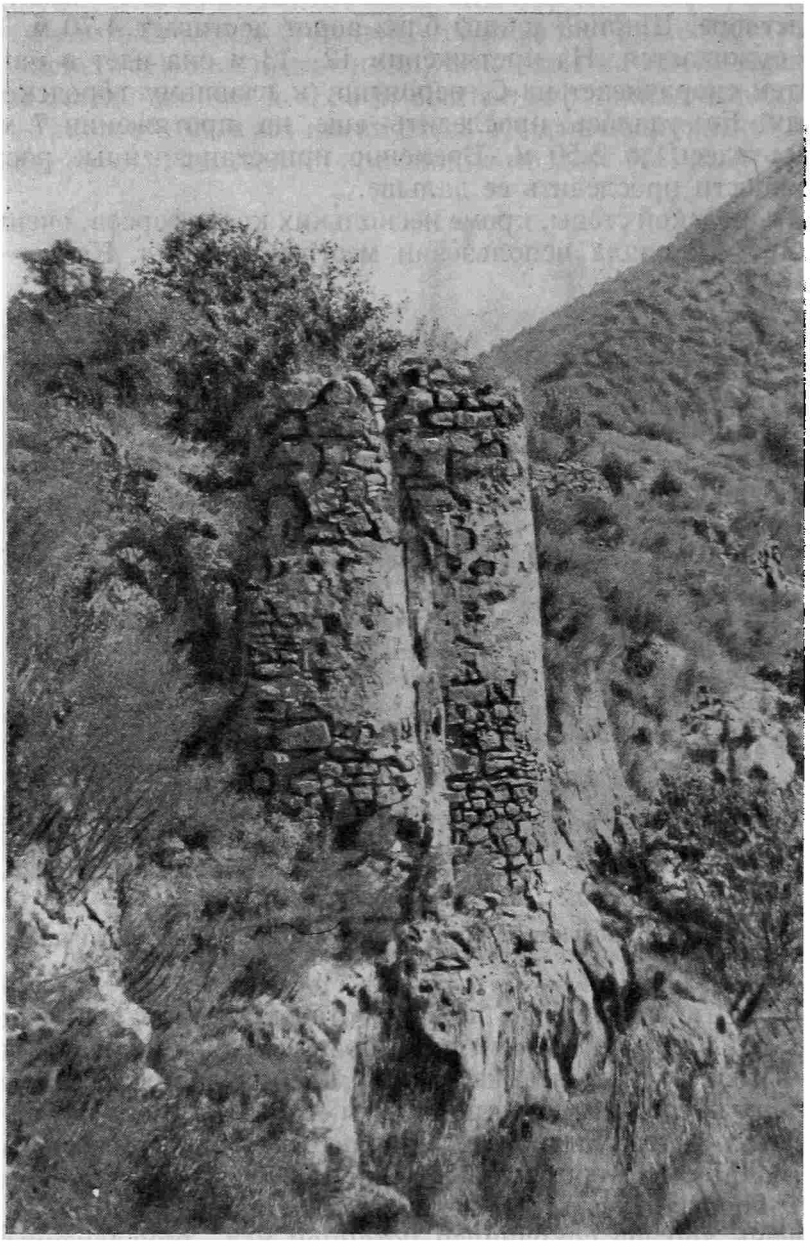

Рис. 3. Контрфорс городской стены.

ными ящиками,[1] а верхняя, несомненно, хранит остатки древней стены — здесь местами видны как следы кладки, так и целые контрфорсы.

Вход в вышгород, как уже было отмечено, имеется только из города. Вход этот непосредственно примыкает к главному городскому храму. Внутри крепостных стен вышгорода расположен обширный двор, на западной стороне которого, у края ущелья р. Машавери, имеется несколько развалин, очевидно, жилых помещений, часть которых построена из кирпича; к Ю

[1] Могилы, вероятно, мусульманские, так как это место примыкает непосредственно к мусульманскому могильнику пригорода. Могилы никакого инвентаря не содержат.

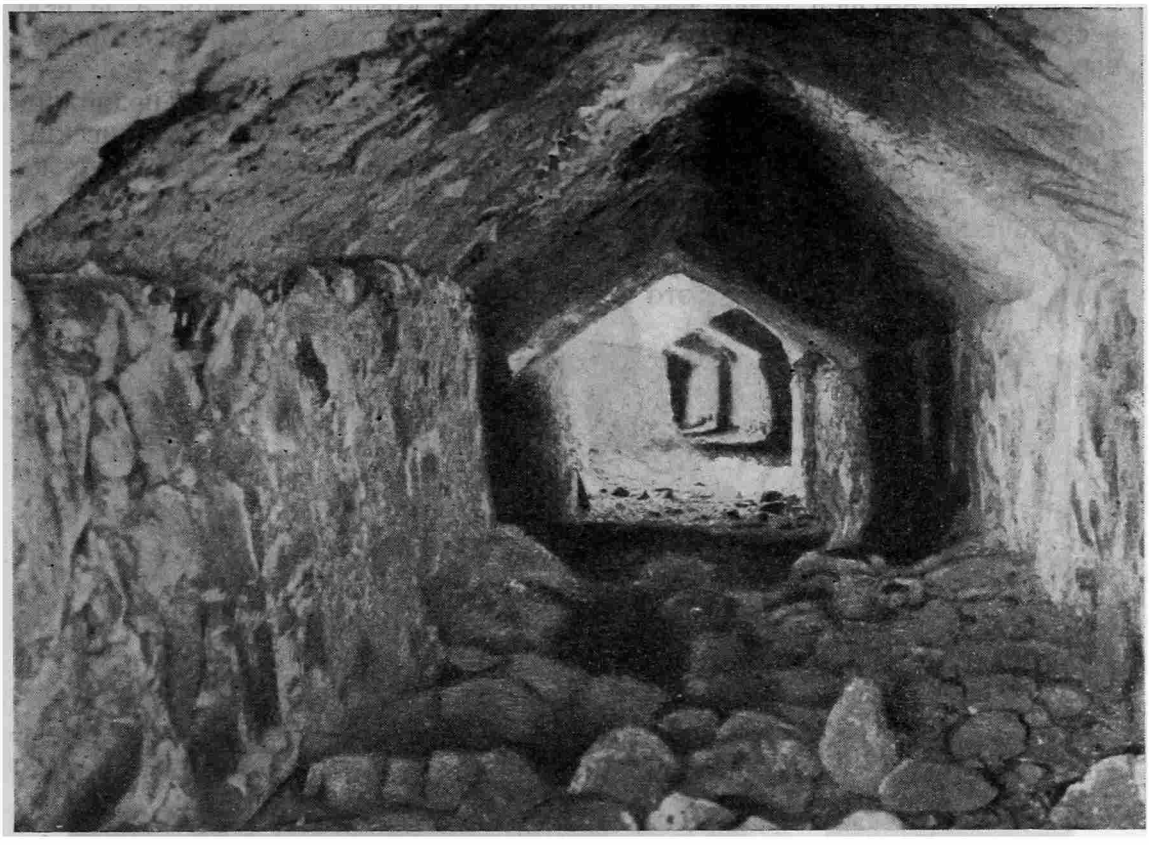

Рис. 4. Потайной ход. Внутренний вид.

Рис. 5. Вышгород. Вид на крепостную баню.

от двора, на высшей точке мыса, помещается крепостная баня, а за нею несколько построек, являющихся, вероятно, остатками казарм и сторожевых башен (рис. 5).

Дманисские культовые здания почти все сосредоточены у подножия вышгорода: это главный городской храм, так называемый «Дманисский Сион», его колокольня и церковь Марии, построенная в 1702 г. Тут же находится фамильный могильник князей Орбелиани XVIII в.

Сион в первоначальном виде представлял собою большую «трехцерковную базилику», как его определяет проф. Г Н. Чубинашвили, датируя Сион VII в. [1] Однако здание это неоднократно подвергалось основательной

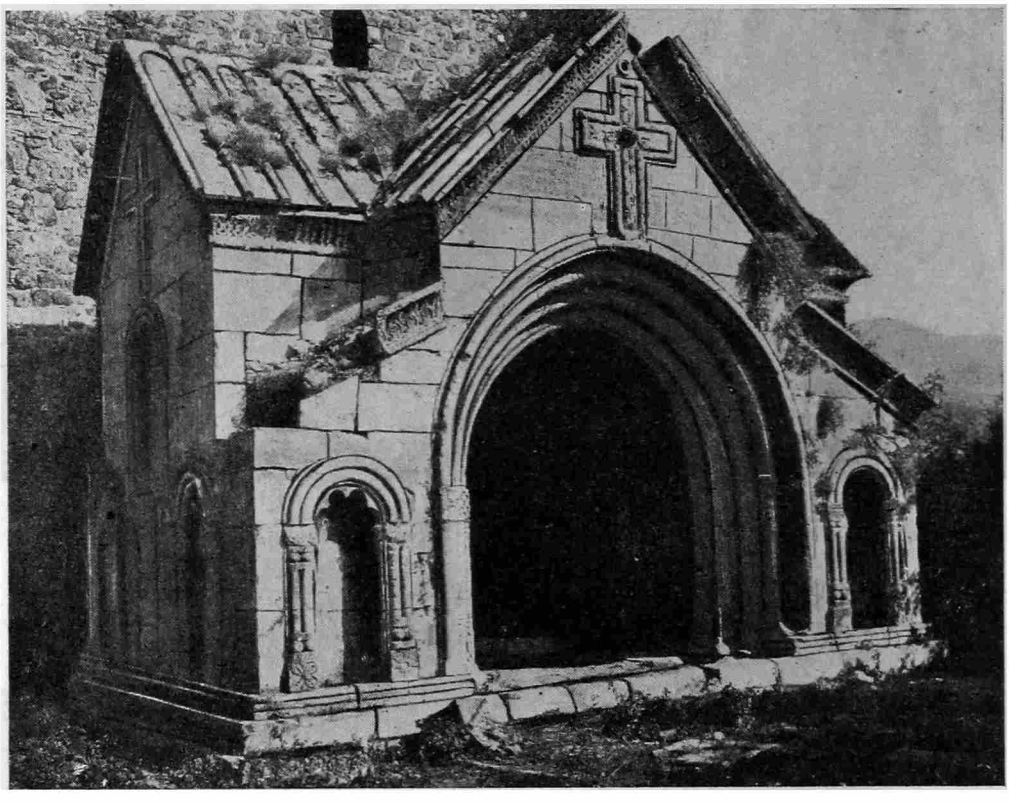

Рис. 6. Западный портик Сиона. Вид с северо-запада.

переделке. С С и с З оно имеет портики. Особенно интересен западный портик, пристроенный к главному зданию в XIII в. Это самая красивая постройка в Дманиси (рис. 6). Основная толща стены ее состоит из мелких и среднего размера рваных камней на растворе, причем стены снаружи, а колонны, пилястры и арки как снаружи, так и внутри облицованы хорошо тесаными плитами из мягкого туфа бледнозеленоватого цвета. Карниз высечен из такого же камня, крыша покрыта лещадными плитами. Внутри здания стены не имели облицовки, они были оштукатурены, причем на восточной стене сохранились следы фресковой росписи. Пол настлан плоскими могильными плитами XVIII в. Снаружи здание похоже на бескупольную, совершенно самостоятельную церковь (особенно усиливает это впечатление крестообразное перекрытие). Вход его в виде высокой и широкой, открытой, слегка стрельчатой арки без дверей для церкви необычен. Внутри здание перекрыто сферическим сводом, опирающимся на два пиля-

[1] გ. ჩუბინაშვილი, ქართული ხელოვნების ისტორია, т. I, тф. 1936, стр. 192.

Рис. 7.

1 фрагмент люстрованного изразца: *2* — обломок караса; *3* — *7* и *9* — поливные обломки; *8*, *10* *12* — обломки люстровой посуды.

стра и пару колонн, что совершенно не соответствует наружному оформлению здания. Несмотря на это противоречие в композиционной структуре, западную пристройку Сиона с полным правом можно отнести к периоду расцвета грузинской архитектуры. На это указывает не только прекрасная техника отески камней, но и вся декоративная разработка фасадов здания: парные наружные ниши с фестонами на всех трех сторонах и тонко продуманные пропорции восьмигранных колонн и, наконец, богатая резьба, украшающая стены, карниз, капители и базы колонн, обрамления окон и пр. Разнообразное плетение, стилизованные растительные узоры и барельефы чередуются на всех трех фасадах здания. Мотивам этой резьбы нетрудно найти аналогии на многих памятниках грузинской архитектуры XI—XIV вв. Резцом владела опытная рука мастера. Рельеф глубоко и смело вырезан в очень мягком камне, легко подверженном выветриванию.

Портик имеет грузинские надписи, датирующие эту постройку царствованием Георгия Лаши (1214—1222).

Следует отметить, что в алтарную преграду Сиона вделан камень с арабской надписью, а в стену северного фасада портика позднейшими любителями вставлен армянский крестный камень (хачкар), принесенный сюда, очевидно, с христианского могильника в пригороде. Много камней с персидско-арабскими надписями вделано в стены, в двери и окна колокольни и церкви Марии. [1]

Внутри городских стен стоят развалины еще двух маленьких однонефных церквей позднейшей постройки; одна из них, именно верхняя церковь, стоящая ближе к городским воротам, построена, очевидно, на месте более древней часовни, ибо около нее находится кладбище с древними намогильными камнями. Нижняя церковь, судя по одному камню с армянской надписью, которая, к сожалению, не читается, и по камню с армянскими крестами, является армянской.

За исключением построек в вышгороде, почти все гражданские здания и жилые дома в Дманиси строились из местного камня — базальта. Только раз при раскопках была встречена стоящая обособленно кирпичная стена; кирпич употреблялся также для выкладки каминов, а иногда и ниш; кроме того, имеется единственная стена, вроде контрфорса, смешанной кладки. Кирпич — плоский, квадратный, маленького размера (23 × 23 см). В качестве строительного материала использовалось, конечно, и дерево, следы которого большей частью исчезли.

Здания эти, в большинстве, построены довольно небрежно: тесаный камень не употреблялся, что объясняется, между прочим, и твердостью местной породы; правильные горизонтальные ряды укладки большей частью не выдержаны; однако все же всегда можно отличить облицовку стен от бесформенного бута, заполняющего ее толщу. К тому же, как это выяснили раскопки, стены изнутри помещений зачастую оштукатуривались, а в более богатых домах они облицовывались поливными кирпичами и изразцами. Было найдено несколько обломков плоского облицовочного кирпича с зеленой поливой; однако гораздо чаще попадались кирпичи маленького и среднего размеров, имеющие форму трапеции, поверхность которых обычно покрыта зеленой непрозрачной поливой, а по бокам имеются выемки, очевидно, для лучшего закрепления кирпича в стене.

Изразцы имелись двух родов: при раскопках найдено два фрагмента фаянсовых люстровых изразцов, из которых один имел форму восьмиконечной звезды и поверх глазури был покрыт темнобронзовым люстром с фигурным изображением (рис. 7, *1*; насколько можно судить по обломку, изображен стилизованный орел); другой обломок представляет рукав

[1] Издать все эти и другие персидско-арабские надписи из Дманиси согласился доц. Г. В. Церетели. Он же сообщил мне, что большинство этих камней представляет собою фрагменты намогильных памятников и относится к XIII и XIV вв.

креста, люстр с него почти совершенно сошел. Оба куска были найдены вместе, в здании, раскопанном к В от Сиона, на глубине 1.60 м от поверхности земли, на уровне пола комнаты. К сожалению, кроме этих кусков, там ничего не оказалось; нужно полагать, что и эти куски попали туда случайно. Как известно, облицовка стен звездчатыми изразцами в сочетании с крестообразными была одно время очень распространена в Персии. Дманисские фрагменты по технике, форме и орнаменту родственны хорошо известным рейским и вераминским изразцам, которые датируются XIII в.

Второго рода изразец представлен пока только одним обломком: это кусок рельефной майоличной плитки бирюзового цвета, которая, судя по персидским образцам, датируется XIV в.

В верхней части города глубина культурного слоя достигает 2.50—3.00 м. В нижней части и по краям мыса толщина этого слоя уменьшается, так что на оконечности мыса нынешняя поверхность почвы большей частью только на 0.40—0.50 м выше древней. Здесь здания основаны на скале и насыпная почва тонким слоем покрывает развалины. В нижней части города мощеная улица не обнаружена, однако ее древний уровень ясно определяется по уровням порогов входов в здания. В верхней части города это выяснить не удалось, так как первоначальная картина здесь нарушена: всюду, где по первому впечатлению можно было предполагать существование улицы, на ничтожной глубине от поверхности почвы оказывались поперечные стены, которые так бессистемно пересекают друг друга, что получить какую-либо ясную картину совершенно невозможно. К тому же стены большей частью не имели ни дверей, ни окон; поэтому мы были лишены возможности определить уровень почвы древнего города Разобраться в этих бессистемно пересекающихся стенах и беспорядочно расположенных комнатах или, быть может, подвальных помещениях, иногда о трех, о пяти и более углах, крайне трудно. Часто попадались вделанные в пол глиняные печи для выпечки хлеба, так называемые «тоне», хорошо известные и по анийским раскопкам Н. Я. Марра, винные кувшины и покрытые известковой обмазкой глубокие ямы, служившие для хранения зерна. Изредка встречались простые камни и маленькие невзрачные ниши.

Археологические наслоения почвы в верхней части города всюду дают приблизительно одну и ту же картину: внутри раскопанной комнаты, а иногда и вне ее, под слоем земли и мелкого камня толщиной немного более 1.50 м лежит тонкий слой известкового раствора толщиной до 0.10 м, за которым следует первый культурный слой толщиной 0.30 м, затем опять тонкий слой известкового раствора, а иногда дерева, а под ним второй культурный слой толщиной 0.40—0.45 м, лежащий непосредственно на желтоватом, очень твердом, грунте. В этом грунте основаны стены зданий. Таким образом в вышележащих слоях отражена вся история этих построек. Слои датированы найденными в них монетами: в верхнем слое встречаются монеты XIII—XIV вв., в нижнем — монеты X—XII вв. Хронологического перерыва в этих наслоениях нет: они дают нам картину непрерывного развития города от X до XIV в. включительно.

Перейдем теперь к описанию некоторых дманисских зданий.

В двух местах раскопками были обнаружены маленькие каменные амбары без окон и дверей, имеющие только по два круглых отверстия в сводчатом перекрытии. Раскопки установили, что эти здания являлись подземными сооружениями. Одно из них оказалось на глубине 0.60 м от поверхности земли; внутренние его размеры: 2.80 × 1.20 м, высота 1.90 м.

Здание с дверью в верхней части города было обнаружено только к С от Сиона, приблизительно на расстоянии 12 м от него. Здесь на поверхности почвы виден был маленький остаток каменной стены, высотою всего в несколько десятков сантиметров, а вокруг него, на довольно большой пло-

щади, ямы, указывавшие на существование какого-то большого здания со сложным планом. Раскопки действительно обнаружили нижний этаж этого здания или, лучше сказать, его подвальное помещение, которое было покрыто землей на высоту 4.00 м. Под вышеупомянутым остатком стены второго этажа оказалась чисто выложенная стена толщиною в 0.70 м, имеющая дверной проем. Дверь, перекрытая стрельчатой аркой, низкая (1.76 м) и узкая (0.95 м), выходит к главному храму, однако разница в уровнях между основанием стены Сиона и порогом этой двери настолько велика (прибл. 2.50 м), что остается непонятным, для чего ее поместили так низко и каким образом спускались из Сиона в это здание. Можно было бы предположить, что нижняя часть его древнее храма, однако инвентарь, найденный в самых нижних слоях раскопанного здания, не дал никаких оснований для такого предположения: это все тот же инвентарь XI—XIII вв., который обычно встречался и в других местах города. К тому же нижняя стена ни по материалу, ни по кладке не отличается от верхней. Высота остатка стены второго этажа по линии двери равна 1.70 м, высота стены нижнего этажа равна 3.05 м, а высота фундамента — 1.10 м. Фундамент основан в грунтовой почве.

Все стены этого здания более или менее похожи друг на друга, отличаясь лишь разной толщиной. Между этими, большей частью, прочно и чисто выложенными стенами проложены позднейшие перегородки, сложенные очень небрежно из почти совершенно необработанного камня без раствора; эти перегородки начинаются обыкновенно на 1.00 м, иногда только на 0.50 м выше первоначального пола здания, так что сравнительно просторные и высокие помещения древнего здания оказались позднее разбитыми на мелкие, бессистемно расположенные клетушки. Иногда древняя насыпная почва залита известковым раствором и таким образом устроен пол для нового помещения.

Но и древнее здание не имеет хорошо продуманного плана, так что восстановить его первоначальный вид затруднительно, тем более, что вследствие позднейших переделок и застроек часть древних стен разрушена или совершенно снесена. Древнее здание расположено на склоне, поэтому южная часть его стоит ниже северной; уровень комнат часто также различен. Окна отсутствуют, имеется несколько дверей, из которых в целости сохранилась только вышеописанная. Иногда невозможно установить, каким образом сообщались между собой смежные комнаты, ибо их отделяет друг от друга глухая стена. Некоторые комнаты имеют очень неправильные формы. Северо-восточная и юго-восточная части здания не сохранились. Нужно полагать, что нами раскопан подвал большого жилого дома, который когда-то стоял к С от Сиона. Судя по ориентировке главного входа в подвал, фасад этого здания был обращен к Сиону. Что в этом подвале, во всяком случае первоначально, никто не жил, указывает, мне кажется, и одна деталь стрельчатого дверного проема: четверти его расположены с наружной стороны, т. е. дверь открывалась наружу, что для жилого помещения нехарактерно. На то, что это именно подвальное помещение хозяйственного назначения, указывают хорошо устроенные здесь два довольно крупных винных погреба, один с девятью, а другой с пятнадцатью кувшинами. Интересно, что на одном кувшине оказались клейма (печати) с грузинскими надписями.

Целых вещей, кроме винных кувшинов, здесь найдено не было. Находки состояли, преимущественно, из обломков керамики, которые хорошо датируют это здание. Предметы, найденные в нижних слоях, нельзя отнести ко времени ранее XI в. Наконец, в большом винном погребе, на уровне вкопанных в грунт кувшинов, была найдена монета Тамары 1200 г.

Наилучшее представление о характере дманисской гражданской архитектуры может дать крепостная баня (рис. 5, 8 и 9).

Баня ориентирована с ЮВ на СЗ. В настоящее время она состоит из трех комнат, причем наружная дверь имеется только в первой, с ЮВ, боль-

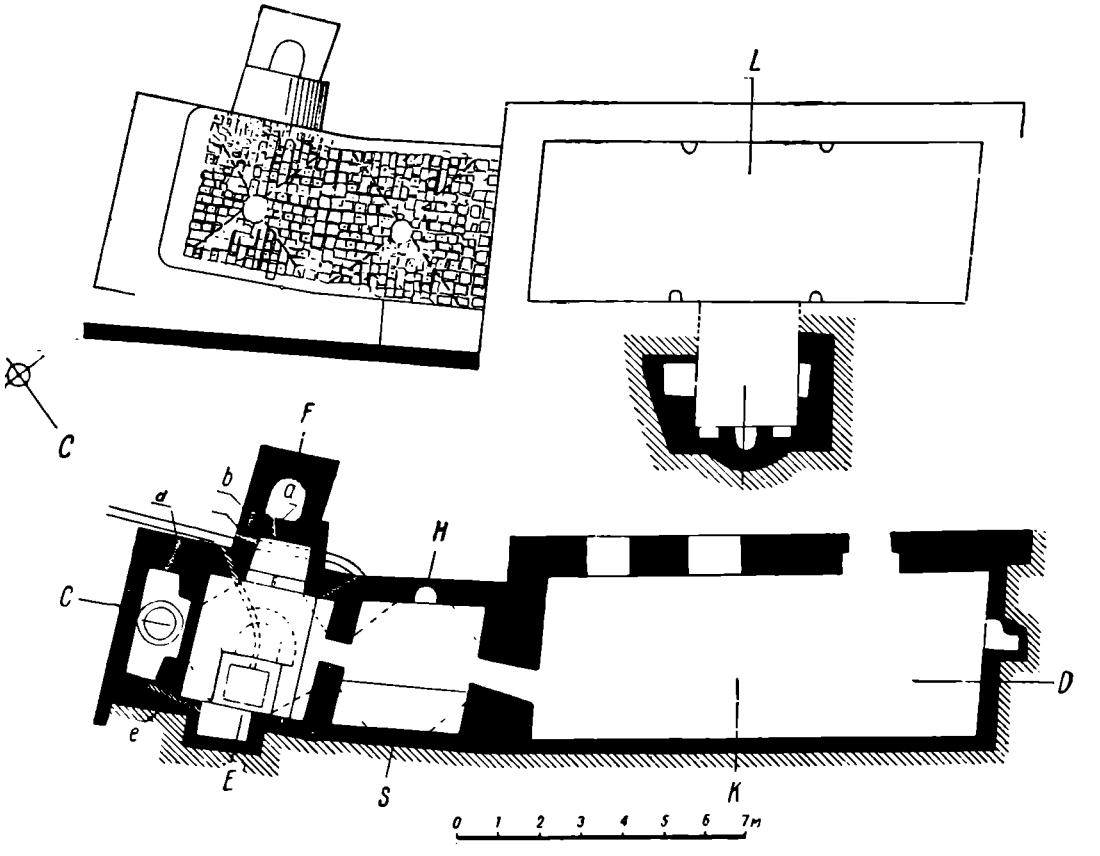

Рис. 8. Крепостная баня. Вверху — план крыши; внизу — план надземного яруса.

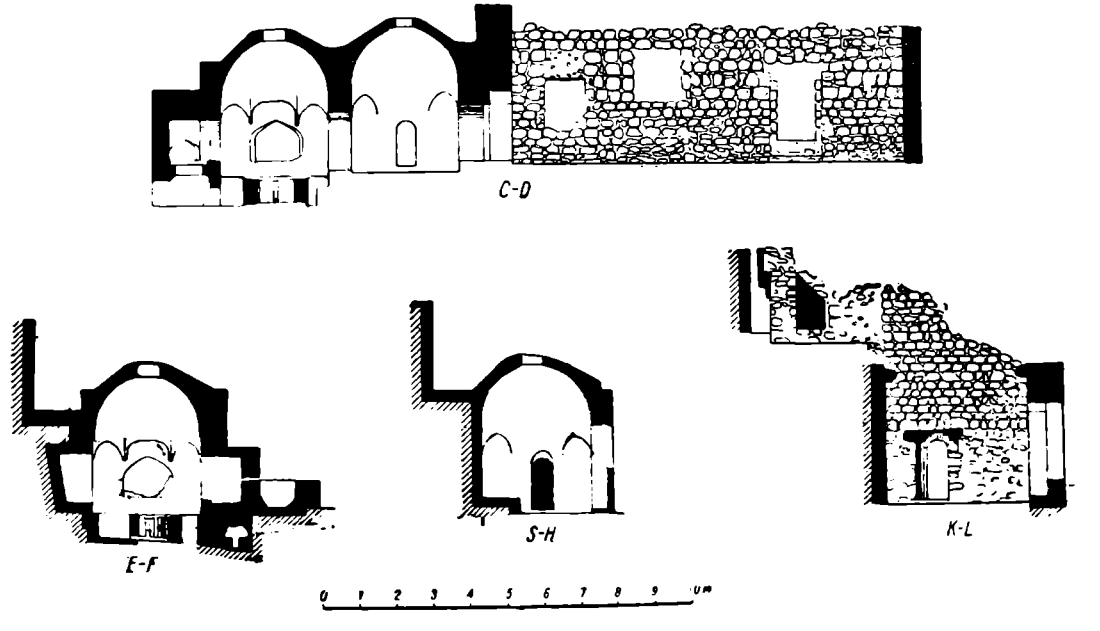

Рис. 9. Разрезы крепостной бани: *C—D*, *E—F*, *G—H*, *K—L*.

шой комнате, которая, несомненно, представляла собою жилое помещение. По характеру каменной кладки оно не отличается от обычных для Дма-

ниси зданий. В облицовке стен здесь все же более или менее соблюдены горизонтальные ряды; с ЮЗ и с ЮВ баня примыкает прямо к скале, так что соответствующие стены этой комнаты не имеют внешней облицовки. Внутри стены большой комнаты были покрыты штукатуркой, остатки которой кое-где сохранились. Пол в настоящее время земляной. При входе направо, между дверью и первым с ЮВ окном, поперек комнаты обнаружены остатки каменной перегородки, сложенной насухо, безусловно позднейшей стройки. Первоначально здесь было только одно помещение, с одной дверью и с одним только окном в северо-восточной стене. В юго-восточной стене устроен камин, который почти совершенно обрушился. Совершенно провалился также и потолок. В стенах, сохранившихся во всю высоту, наверху положены камни в виде консолей (сохранилось только четыре камня), на которые опиралось междуэтажное перекрытие. Есть и другие признаки того, что эта комната имела второй этаж: кое-где сохранились остатки стен этого этажа, а над юго-западной стеной была обнаружена маленькая комната с камином, которая имеет только три стены и во всю ширину открыта в сторону большой нижней комнаты, представляя собой часть второго этажа. Эта маленькая комната вся сидит в земле; стены ее выложены камнем (только местами использован кирпич) и внутри покрыты штукатуркой; пол залит известковым раствором. В юго-западной стене устроен камин из плоских квадратных кирпичей и камня, а по бокам от него маленькие прямоугольные ниши. Одна ниша, большего размера, на той же высоте, находится в юго-восточной стене, а напротив нее, в северо-западной стене — еще более высокая и глубокая, также прямоугольная ниша; ею пользовались, вероятно, для сидения, ибо нижний ее край расположен очень низко от пола. Эта комната вся была покрыта на высоту 3 м землей. При очистке здесь было найдено несколько фрагментов ангобированной посуды, один камень с неполной арабской надписью и фрагмент камня с грузинской надписью.

Большая комната носит на себе следы многих переделок. В настоящее время она имеет два окна в северо-восточной стене, расположенные асимметрично и на разной высоте, причем, окно, расположенное ниже, несомненно, было пробито в этой стене позднее: кладка вокруг него отличается от кладки остальных частей этой стены. На двери также заметны следы позднейшей переделки; деревянная же перемычка второго окна новейшего происхождения.

При очистке помещения от земли на глубине 2.50 м во всю длину комнаты был обнаружен черный слой толщиной 8—12 см (очевидно, след пожарища), в котором было найдено несколько фрагментов закопченной посуды из простой глины; между прочим, фрагмент одного горшка, в котором вместе с золой лежали обуглившиеся листы печатного евангелия. Под этим слоем, на уровне пола, вдоль юго-западной стены, ближе к западному углу, было обнаружено большое количество хорошо сохранившихся кувшинов и горшков из красной глины, а в южном углу была найдена монета Русуданы 1227 г. Таким образом у нас есть основание заключить, что эта комната в XIII в. уже существовала. Действительно, кладкою своих стен она не отличается от обычных гражданских построек в Дманиси, которые хорошо датируются найденными в них монетами XII—XIII вв. Однако ею и позже, вероятно до XVIII в., пользовались в качестве жилья, пока, наконец, она не была разрушена пожаром. Длительностью обитания в этом помещении можно объяснить незначительность древних находок. Комната эта имела, повидимому, плоское перекрытие и высокие прямоугольные двери и окна.

Первоначально это помещение ничего общего с баней не имело. Баня является позднейшей пристройкой к этой комнате, которая, возможно, представляет собою часть дворцового здания, стоявшего на этом месте

в вышгороде. [1] Общей стены с баней это помещение также не имеет. Юго-восточная стена первой (юго-восточной) комнаты бани приставлена вплотную к северо-западной стене большой комнаты.

Дверь также не является общей: баня имеет свой, хорошо покрытый штукатуркой, арочный дверной проем, а в соответствующем месте стены большой комнаты пробит проход прямоугольной формы (имевший, повидимому, деревянную перемычку), боковые стенки которого выложены, как и баня, из камня и кирпича, между тем как всюду в этой комнате применена только каменная кладка. [2] При этом, соответственно низкому входу в баню, в стене большой комнаты пробит также низкий проход, так что в него можно пройти только согнувшись, между тем как вход в северо-восточной стене высок; следовательно, пробитие низкого прохода в северо-западной стене стояло именно в связи с пристройкой бани. Все это бесспорно доказывает не только то, что большая комната и баня являются постройками разного времени, но и то, что именно баня пристроена к большой комнате, а не наоборот.

Кроме того баня сильно отличается от большой комнаты и в архитектурном отношении. Стены ее выложены из камня и кирпича. Кирпич плоский, квадратный, небольшого размера (23 × 23 см). Стены бани внутри хорошо оштукатурены; она не имеет окон. Обе комнаты перекрыты плоскими куполами, опирающимися на стрельчатые тромпы. В центре купола оставлено обложенное кирпичом круглое световое отверстие. Каждый купол перекрыт на четыре ската плоской черепицей, прямоугольной, с продольными бортами (длина каждой черепицы 0.318 м, ширина верхней части 0.255 м, ширина нижней 0.225 м, толщина 0.022 м). Черепица лежит на известковом растворе, причем черепицы, лежащие лицевой стороной вверх, чередовались с уложенными лицевой стороной вниз, так что ничком лежавшая черепица своими бортами захватывала сверху соседние две черепицы, а для того чтобы они не сползали вниз, правильно лежащие черепицы обращены верхней, более широкой, частью вверх, а опрокинутые черепицы, наоборот, обращены «головой» вниз. Черепицы закреплены на толстом слое известкового раствора. Как и вообще древнегрузинские черепицы, они отличаются хорошей выделкой. На лицевой стороне многих экземпляров имеется посредине рельеф, похожий на трилистник. Этот рельеф для правильно уложенных черепиц играет роль орнамента, для лежащих же ничком он был нужен как шпунт, ибо этим рельефом черепица была погружена в раствор и он мешал ей отскочить вверх. Все же снять эти верхние черепицы было легко. Поэтому они и не сохранились и только отпечатки на растворе указывают на их былое присутствие. Как видно, эти черепицы были позднее использованы где-то в другом месте. В Дманиси мы больше нигде не встречали черепицы с таким рельефом. Только в средней пригородной бане был найден один такой фрагмент, попавший сюда, несомненно, из крепостной бани.

Пазухи между двумя куполами и края крыши покрыты хорошо обожженными квадратными глиняными плитками (разм. 0.285 × 0.285 м, толщ. 0.036 м) на известковом растворе. Плитки эти образуют неглубокий жолоб с двойным скатом — на СВ и на ЮЗ. С ЮЗ баня, как уже было отмечено, примыкает к скале. Для того чтобы отвести дождевую воду, здесь устроен широкий каменный водосток со скатом на СЗ: отсюда вода падала прямо

---

[1] Остатков более крупного здания в вышгороде не видно. Между тем, здесь должен быть дворец резидента, который, естественно, мог построить свою баню рядом со своим жилым помещением. Правда, в восточном углу этой комнаты была обнаружена вделанная в пол глиняная печь (тоне), что несколько странно для дворца.

[2] Исключение представляет маленькая комната с камином во втором этаже, быть может тоже позднейшего происхождения, или, по крайней мере, подвергшаяся переделке.

в р. Машавери, так как последняя комната бани стоит почти непосредственно у края ущелья.

Узкая и низкая дверь, ведущая из большой комнаты в баню, перекрыта стрельчатой аркой. В первой комнате, очевидно, раздевались и отдыхали: кроме длинных каменных нар, пристроенных к юго-западной стене, и выложенного кирпичом камина (?) [1] против них, здесь нет никаких других приспособлений. При очистке помещения ничего не было обнаружено, кроме незначительного количества простых керамических обломков. Пол был залит известковым раствором, однако он не сохранился: только остатки по стенам указывают на его уровень. Каменные нары, также покрытые известковым раствором, приходились, как видно, немногим выше пола.

Из этой первой комнаты такая же узкая дверь ведет в последнюю комнату с ванной. Здесь пол также не сохранился. Против входа в северо-западной стене имеется глубокая ниша, внутри ее — два маленьких ответвления по сторонам, на СВ и на ЮЗ. Нижняя половина ниши спереди, т. е. со стороны комнаты, была заложена тонкой стенкой, как это видно по сохранившимся остаткам ее. Дно ее имеет круглое отверстие для котла, а под ним находится выложенная кирпичом круглая топка, выходящая дверцей наружу, на СЗ, почти у самого края ущелья, и имеющая в сторону комнаты открытый выход, в который можно проползти. В боковых отделениях ниши в стенах проложены два трубопровода: один (рис. 8, *d*), в северо-восточном отделении, доставлял снаружи холодную воду в котельную, другой (*e*), в противоположной стене, выходит в нишу под ванной; по нему подавалась горячая вода из котельной в ванну. Ванна расположена в нише юго-западной стены и представляет собою выложенный кирпичом и покрытый известковым раствором четырехугольный бассейн. Размеры ее: длина 0.95 м, ширина 0.80 м, глубина у стены комнаты 0.65 м, а с противоположной стороны 0.70 м. Таким образом один человек с трудом может уместиться в ней с поджатыми ногами. Дно ванны имеет некоторый наклон к центру комнаты. В передней стенке внизу оставлено круглое отверстие, по которому вода проходила в канализационную трубу. Тут же была обнаружена затычка для этого отверстия, сделанная из обожженной глины.

Против ванны, в северо-восточной стене, также устроена ниша. В ней нет бассейна; спереди она имела борт (часть его сохранилась) с отверстием для пропуска воды, которая отсюда падала прямо на пол комнаты. Вода поступала в эту нишу снаружи по двум трубопроводам, из которых один (рис. 8, *a*), в северо-восточной стене, позднее был замазан штукатуркой, а другой (*c*) проложен в северо-западной стене ниши. История этих труб любопытна: всего в северо-восточной стене ванной комнаты проложено четыре трубопровода: из них трубопровод *d*, как было отмечено, ведет в помещение для котла, трубопровод *c* ведет в северо-восточную нишу с СЗ, *a* вел туда же с СВ, но затем он был упразднен и, наконец, *b* вделан в северо-восточную стену к СЗ от *a*, с наклоном внутрь комнаты и с направлением как будто бы в сторону котельной; он перерезал линию трубопровода *c* на немного более низком уровне, но в настоящее время он уже в самом начале заложен камнями, так что выяснить, куда он выходил, не удалось. Если посмотреть на план, то станет ясно, что для сохранившихся в неприкосновенности трубопроводов *c* и *d* водохранилище должно было находиться во внешнем углу между северо-восточной стеной котельной и северо-западной стеной северо-восточной ниши, а для заложенных трубопроводов *a* и *b* позади северо-восточной ниши. Здесь, действительно, сохранилось каксе-то низкое четырехугольное сооружение с бесформенной ямой посредине; возможно, что здесь когда-то стоял резервуар. Что в вышеозначен-

[1] Однако дымохода не видно, поэтому назначение этой маленькой круглой ниши остается не вполне ясным.

ном углу было какое-то аналогичное сооружение, на это указывает остаток сводчатой кладки над трубами.

Стены обеих комнат бани внутри оштукатурены три раза: первый слой штукатурки — самый толстый и хорошего состава; второй, более тонкий слой, лучше по составу; он так же тверд, как и первый слой, но светлее его; на этом втором слое сделаны насечки, для того чтобы прочнее держался третий слой штукатурки, который толще второго, но по качеству уступает первым двум, легко крошится и отскакивает от стены. Трубопровод *a* в северо-восточной нише был замазан при вторичной обмазке ванной комнаты; вместо него тогда же должен был быть пробит трубопровод *c*. Повидимому, это было связано с порчей трубопровода *b*, ибо *a* хорошо сохранился до сих пор. Ремонтировать трубопровод *b* было трудно, так как в котельную он проходил сквозь две толстые стены. Поэтому предпочли пробить два новых трубопровода *c* и *a* и перенести водохранилище в угол между помещением для котла и северо-восточной нишей.

Вышеприведенное описание позволяет, мне кажется, заключить, что баня снабжалась водой не посредством проведенного откуда-либо водопровода, а что воду доставляли снизу, вероятно на арбах, и здесь наливали в резервуары. Правда, местные жители уверяют, что вода была проведена из караклисских источников близ Башкичета, но существование такого водопровода, следов которого нами нигде не было обнаружено, маловероятно, тем более что при значительном расстоянии бани от этих источников потребовались бы большие акведуки и прочие сооружения. [1]

В центре ванной комнаты в полу была вделана глиняная канализационная труба, которая под полом отводила воду наружу. Пол, как это видно по остаткам его у стен, был устроен с наклоном к центру: здесь собиралась грязная вода, которая по проведенным под северо-восточной стеной глиняным трубам выходила наружу по направлению к С, а затем посредством сточной канавы отводилась вдоль северо-восточной стены на СЗ к крутому берегу ущелья Машавери, куда она и спадала. Канализация осуществлялась посредством жолоба, выложенного продольными половинками глиняных труб — внутри комнаты, целых глиняных труб — под северо-восточной стеной и канавки вдоль этой последней — снаружи. Дно канавки покрыто известковой заливкой, стенки ее сложены из кирпичей и также покрыты известковым раствором; сверху она перекрыта плоскими камнями неправильной формы. Канавка основана в насыпной земле, на которой был сначала устроен грубый настил из щебня, залитого известковым раствором. Однако и здесь мы имеем дело с позднейшим сооружением. Первоначально канализационная система имела другой выход: вода отводилась по направлению к восточному углу комнаты, где была обнаружена глубокая, внутри заложенная камнями, дыра. Трубы были проведены под северо-восточной стеной комнаты в направлении на В и выходили наружу к ЮВ от северо-восточной ниши, на расстоянии приблизительно 0.70—0.75 м от нее на линии внутренней поперечной стены бани, где раскопками были обнаружены водосточная канава и глиняная труба под стеной. Канава, которая была очищена вплоть до юго-восточной стены северо-восточной ниши, сооружена аналогично вышеописанной, но не имеет перекрытия. Она также ведет в направлении на СЗ, проходит под северо-восточной нишей и в настоящее

[1] Несколько водопроводов было обнаружено в пригороде. Они питали водой пригородные бани. Это довольно простые сооружения из глиняных труб, вставленных друг в друга и скрепленных известковым раствором. По ним вода в бани поступала самотеком из лежащих выше, на расстоянии нескольких сот метров, родников. Трубопроводы в крепостной бане тоже состоят из глиняных труб, но измерить их не удалось, так как они лежат глубоко в стене, а края их обломаны. По составу глины, технике и общему виду они не отличаются от труб пригородных водопроводов, где они имеют различные размеры: дл. 48, 41, 35 см, диаметр узкого отверстия 7.8, 4.3, 4.0 см.

время посредством маленького глиняного жолоба сливается с вышеописанной канавой.

Фундамент всех трех комнат бани, сложенный из рваных камней на известковом растворе, неглубоко сидит в земле, так как здание основано на скале. Древняя водосточная канава тоже основана на поверхности почвы; только ее нижняя часть сооружена, как было отмечено, на насыпной земле. Поэтому первоначальная картина здесь была нарушена: как видно, древняя канализационная система также была повреждена, и тогда провели новый жолоб по направлению к С, с новыми трубами под северо-восточной стеной: тогда же была, вероятно, отремонтирована нижняя часть канавы.

Способ отопления крепостной бани выяснили раскопки нижней пригородной бани, где пол оказался пробитым только в некоторых местах. Почва под полом была здесь покрыта илом, который долго сохраняет тепло; затем в шахматном порядке были поставлены крупные камни округлой формы, перекрытые сверху плоскими камнями, залитыми известковым раствором. Огонь из топки, имевшей двойное назначение, — подогревать воду и отапливать ванные помещения — проходил по сквозной шахте под пол в скважины между камнями, согревал его и отводился через проложенные в стенах вытяжные трубы, которые, однако, в пригородной бане найти не удалось. То же самое было и в крепостной бане, где таким способом отапливалась только ванная комната, комната же с нарами имела, повидимому, отдельный камин. Печка в ванной комнате, как уже было отмечено, имеет выход и внутрь комнаты, под пол. Хотя пол и не сохранился, уровень его легко определить по остаткам известковой заливки на стенах: он был настлан немного ниже уровня верхней поверхности ванны. В центре комнаты, вокруг канализационной трубы, вделанной в пол, полукругом возведена низкая стенка на известковой заливке, служившая, вероятно, опорой для плоских камней, на которых был настлан пол. Быть может, круглых камней тут и вовсе не было, так как вследствие очень маленьких размеров комнаты расстояние от округлой стенки до стен комнаты так незначительно, что плоские камни другими своими концами могли бы быть укреплены прямо в стенах комнаты. Однако при очистке помещения не было найдено не только ни одного круглого камня, но также и плоских камней пола. Зато в южном углу комнаты под полом было обнаружено вытяжное отверстие, выложенное глиняными трубами: оно идет вверх вертикально и выходит на крышу над юго-западной стеной комнаты.

Устройство котельной становится понятным по аналогии с константинопольскими банями, где мы встречаем и сходную с вышеописанной систему отопления, с той разницей, что константинопольские бани много благоустроеннее дманисских. [1] Глубокая ниша котельной с ее отделениями вся наполнялась холодной водой, до высоты передней стенки ниши. Огонь из топки непосредственно действовал только на котел, погруженный в воду и глубоко сидевший в круглом открытом снизу гнезде на дне ниши, над топкой. Котел имел, очевидно, высокие стенки, выступавшие над этим гнездом, но остававшиеся под поверхностью воды. Кроме того, в верхней части котла в нескольких местах были пробиты небольшие отверстия. [2]

Нагретая в котле вода поднималась вверх, а свежие холодные струи из верхних слоев поступали в котел через эти верхние боковые отверстия. [3] Это остроумное приспособление, создававшее постоянную циркуляцию воды в нагревательной ванне, давало возможность с большой экономией огня быстро и равномерно нагревать воду, не перегревая ее. Таким образом

[1] N. Glück. Probleme des Wölbungsbaues. Die Bäder Konstantinopels. Wien, 1921, стр. 16—18.

[2] В константинопольских банях возводятся отдельные маленькие стенки по обеим сторонам котла. Следов таких стенок в дманисских банях не обнаружено.

[3] N. Glück, ук. соч., стр. 14, рис. 7.

становится понятным и расстояние, на котором помещены водопроводные трубы от котельного отверстия, и высота, на которой они проложены в стенах.

В нише северо-восточной стены, которая тоже имела спереди стенку, вероятно, набиралась холодная вода, которая непосредственно в ванну не поступала.

Ни в первой, ни во второй комнате крепостной бани не было обнаружено ничего, что позволило бы это здание датировать: никаких вещей при очистке этих комнат вообще найдено не было, за исключением очень небольшого количества обломков керамики из простой красной глины.

Относительно большой комнаты, можно, судя по монете Русуданы, утверждать, что по крайней мере в XIII в. она уже существовала. Баня пристроена к этой комнате позднее. Но когда? Инвентарь, найденный при раскопке нижней части сточной канавы и фундамента бани и состоявший из ангобированных, поливных, украшенных в технике граффити, фаянсовых и кое-каких других незначительных обломков, не отличается от инвентаря, который всюду имеется в Дманиси и который датируется XII—XIV вв. Поэтому нужно полагать, что баня построена не на много позже большой комнаты.

Среди других дманисских гражданских построек крепостная баня одна из лучших. Это объясняется, с одной стороны, тем, что она должна была обслуживать резидента, сидевшего в крепости, т. е. высшее административное лицо в городе, но, с другой стороны, она безусловно представляет собою памятник лучшей поры города.

Нижняя пригородная баня, не особенно отличающаяся от крепостной, датируется найденными в ней монетами XIII в. Поэтому мне кажется, что и постройку крепостной бани нельзя отнести к более позднему периоду.

В пригороде, по правому берегу р. Пинезаури, стоят развалины трех больших бань, обслуживавших горожан, а на левом берегу видны остатки мельниц и больших городских гумен. Здесь же находятся обширные городские кладбища, занимающие площадь, немногим меньшую, чем сам город.

Ближе к городу расположен мусульманский могильник. По размерам он значительно больше христианского. Характерными для этого могильника надгробиями являются маленького размера (0.23 × 0.21 м) плоские камни со срезанным в виде равнобедренного треугольника верхом и с рельефной надписью на одной стороне. Такой камень ставился у изголовья могилы, с надписью, обращенной всегда на В. Характерны также большие длинные (1.25—1.85 м) камни с широкими продольными гранями и с пятигранной «головой», на двух, а иногда и на всех пяти гранях которой вырезана рельефом арабская надпись. Встречаются также большие каменные склепы и имеющие каменную ограду фамильные могильники.

Интересны мусульманские мавзолеи. Судя по остаткам, всего тут было 7 или 8 таких памятников. Один из них, на северо-восточной окраине кладбища, сложен из необработанного камня на известковом растворе. В плане он квадратный (4.95 × 4.95 м). Наружные углы его скошены, толщина стен 0.90 м. Мавзолей перекрыт непропорционально высоким куполом (высота его 3.15 м, при общей высоте здания 5.96 м). Купол сложен из мелких плоских камней и покоится на стрельчатых тромпах. Здание имеет одну дверь (с В) и два окна (с С и с Ю). Над входом снаружи имеется гнездо для каменной плиты, вероятно с надписью; плита не сохранилась.

Другой надмогильный памятник (рис. 10), на склоне горы к ЮЗ от первого, весь сложен из плоского квадратного кирпича (23 × 23 × 5 см), на низком цоколе из грубо отесанных, но тщательно сложенных каменных плит, и производит впечатление более богатой постройки. В плане он тоже квадрат-

ный (3.85 × 3.85 м) и перекрыт высоким куполом на полукруглых трompах; однако пропорции его гораздо более гармоничны — он более вытянут вверх, причем на купол приходится только около трети всей высоты здания (высота всего здания 6.25 м, высота купола 2.55 м). Углы не скошены. Толщина стен 0.80 м. Внутри стены оштукатурены.

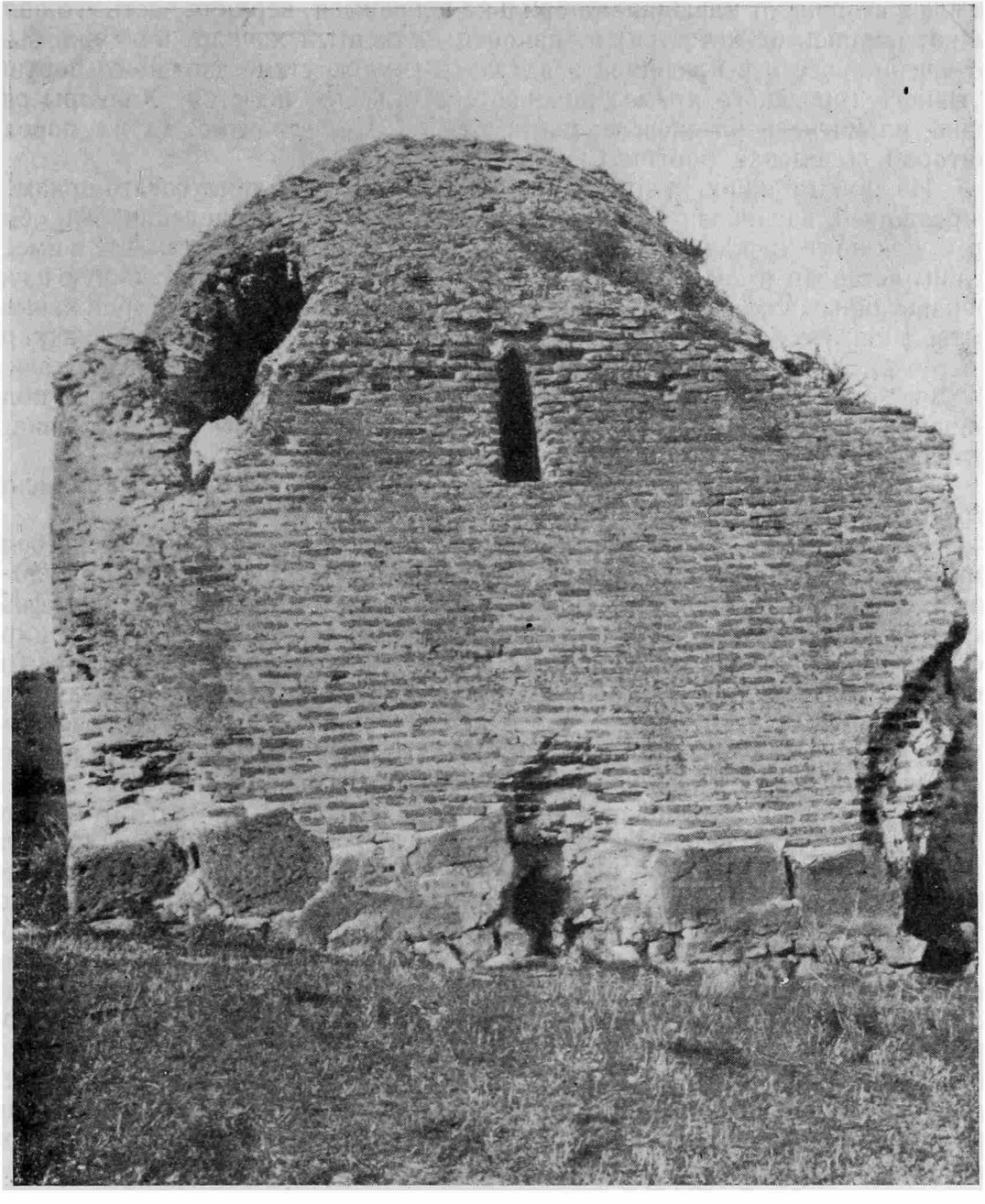

Рис. 10. Мусульманский мавзолей с запада.

Вход и здесь имеется только с восточной стороны. Он сильно обрушился. Окон четыре, по одному с каждой стороны; они маленькие, узкие, перекрыты стрельчатыми арочками. Перед входом как будто бы имелась широкая каменная лестница.

Христианский могильник отстоит на 120—130 м к Ю от мусульманского. В нижней части его перерезает шоссейная дорога. К В от шоссе стоит ма-

ленькая часовня, бóльшая же часть могильника осталась к З и СЗ от дороги на крутом склоне горы.

Интереснее всего здесь армянские крестные камни, так называемые «хачкары», которых, судя по остаткам, было по крайней мере пять. В настоящее время осталось только четыре крестных камня, из которых два продолжают стоять на своем месте, один, богато украшенный резьбой, лежит на земле в стороне от кладбища (он сильно поврежден, верхняя часть его обломана, надпись не читается) и, наконец, четвертый хачкар, как уже было отмечено, унесен с кладбища и вделан в южную стену западного портика главного городского храма; надпись его тоже не читается. Хачкары сделаны из мягкого бледнозеленоватого туфа. Это, вероятно, та же порода, которой облицован портик Сиона.

Из двух стоящих in situ хачкаров один (рис. 11), тоже богато орнаментированный, датирован 1288 г. (737 г. армянского летосчисления). Он обращен, как и все хачкары, лицевой стороной на З, стоит на постаменте и вместе с ним вставлен в специально возведенную узкую стенку, сложенную из необработанных камней и кирпича (разм. 0.21 × 0.21 × 0.45). Второй хачкар, вставленный в нишу из того же материала, что и стенка первого хачкара, сооружен, судя по надписи, [1] тем же лицом, которое воздвигло хачкар 1288 г.; этот хачкар, таким образом, можно датировать также второй половиной XIII в.; резьба его значительно скромнее первого. Остальные хачкары относятся приблизительно к тому же времени.

В орнаменте их налицо все признаки декоративного стиля армянских крестных камней XII—XIII вв. [2]

Интересны также некоторые древние надмогильные камни, очень больших размеров, длиною иногда до 2.00 м, шириной и высотой свыше 0.50 м, сверху округлые или с продольными гранями, украшенные рельефным крестом, спиралями и жгутом; некоторые имеют форму ступенчатой пирамиды или нечто вроде базилики на высоком цоколе. Эти камни, судя по хорошей отеске, богатству орнамента, а также по величине их, следует отнести к периоду расцвета городской жизни в Дманиси, т. е. датировать их, как и армянские хачкары, XII—XIII вв. [3] Кроме того, встречаются плоские камни с контурным изображением человеческой фигуры. [4]

Большинство камней, однако, не имеет орнамента, но зато отличается своеобразной формой: это узкие и длинные гробоподобные камни с продольными гранями, разной величины. Часть из них относится к XVII—XVIII вв. На одном таком камне есть грузинская надпись, вероятно XVIII в., некоторые имеют армянские надписи. Одна могила, покрытая таким камнем без надписи, была нами раскопана. Она оказалась наполненной землей, щебнем и отвалившимися плитами боковых стен. На глубине 0.40 м лежало два скелета в вытянутом положении на спине, головами на З: левый скелет принадлежал, очевидно, молодой женщине, правый — маленькому ребенку. Руки первого скелета лежали на животе, несколько выше тазовых костей; среди рассыпавшихся фаланг пальцев лежали два медных перстня, один из них с конической головкой, и два фрагмента медной серьги (?). Череп оказался совершенно распавшимся. Ниже этих скелетов, до глубины 1.20 м, оказалось много беспорядочно лежавших костей других скелетов и рассыпанных между ними железных гвоздей, вероятно, от гроба. Та же картина повторилась и при очистке четырех других могил. Очевидно, могильником

---

[1] Издать все дманисские армянские надписи согласился Л. Т. Меликсет-Беков.

[2] И. А. Орбели. Колокол с анийскими орнаментальными мотивами. ЗВО, т. XX, стр. 23—39.

[3] Некоторые из этих камней воспроизведены в моей статье о Дманиси на грузинском языке (ук. изд., рис. 79 и 80).

[4] Ср. такой же надмогильный камень на одном из могильников в Ани (Н. Я. Марр. Ани. 1934, стр. 102, рис. 233).

пользовались до позднейшего времени и свежие могилы часто устраивались на занятых более древними могилами местах. Действительно, на откосе к З от шоссе из земли торчат камни древних могил в два или даже в три яруса.

Была раскопана также одна, судя по надмогильному камню, более древняя могила, оказавшаяся совершенно лишенной инвентаря.

Рис. 11. Армянский крестный камень 1288 г.

Все раскопанные нами могилы были обложены по бокам мелкими каменными плитами, но настила не имели; сверху они были перекрыты большими надмогильными камнями.

Плоские надмогильные камни принадлежат, как видно, более позднему периоду. Один такой камень с армянской надписью датирован 1750 г. (1199 г. армянского летосчисления).

Таким образом грузины и армяне хоронили своих покойников на одном и том же кладбище. Правда, древних надмогильных памятников с грузинскими надписями не обнаружено, но это и не удивительно: известно, что древнегрузинские надмогильные надписи являются вообще редкостью. До XVI—XVII вв. грузинское население редко снабжало свои могилы надписями. Армяне же, наоборот, и в древности любили посвящать своим покойникам пространные эпитафии.

То обстоятельство, что грузины и армяне имели одно общее кладбище, следует, быть может, объяснить тем, что армянское население Дманиси было в большинстве халкедонитского толка, т. е. так называемого «православного» вероисповедания.

Почти везде, где велись раскопки, как на территории самого города, так и в пригороде, уже на глубине нескольких десятков сантиметров начинали во множестве появляться мелкие, в большинстве случаев более или менее поврежденные, вещи из меди, железа, глины, стекла, кости, рога и др. В результате двух археологических кампаний составилась довольно богатая и интересная коллекция, являющаяся в настоящее время предметом специального изучения. [1]

Из крупных находок следует отметить прекрасно отесанный маслобойный камень, диам. 1.25 м, найденный в верхней части города, на глубине 1.20 м. Таких камней в Дманиси было, очевидно, много: еще три камня сохранились на территории города, на поверхности земли, а три других унесены в окрестные села — это указывает на распространение здесь в древности культуры льна и выработку льняного масла.

Нумизматические находки дают четкую картину истории развития города. По большей части это медные монеты, из которых пока очищено и изучено 228 экземпляров.

Самые древние монеты византийские: VI, VII и IX вв. по одному экземпляру, три экземпляра X в., один X—XI в. и, наконец, семь монет XI в. Из монет XII в. одна грузинского чекана (Димитрия I), а две иноземные (Ильдигизидов); три монеты Абубекра датируются XII—XIII вв.

Значительно больше найдено монет XIII в.: грузинских 122 экземпляра (19 экз. Тамары и Давида, 67 экз. Русуданы, 33 экз. Давида IV, 3 экз. Давида V), а иностранных, главным образом монгольских, 35 экземпляров.

С XIV в. количество монет внезапно уменьшается: их всего три, причем все монгольские; от XV в. есть только одна монета (Георгия VII), XVI и XVII вв. совершенно не представлены, а от XVIII в. оказалось три монеты (одна монета грузинского Бакара и две персидские).

Интереснее всего, что в Дманиси в XIII в. имелся свой чеканный двор. Здесь чеканилась монета от имени Давида IV. Таких бесспорно дманисских монет, которые до сих пор считались тбилисскими, в Дманиси найдено пока только 18 экземпляров. [2]

Таким образом нумизматические данные полностью согласуются с тем, что нам известно об истории развития города по письменным источникам. Количество монет начинает увеличиваться с X в. и, повидимому, с этого именно времени здесь развивается городская жизнь в специфическом зна-

---

[1] Материал обрабатывается монографически. Нумизматическую коллекцию готовит к изданию Т. Н. Ломаури, коллекция предметов украшения обрабатывается старшим научным сотрудником Музея Ш. Руставели С. В. Барнавели, керамику издает автор настоящей статьи. В виду этого в дальнейшем ограничусь кратким описанием нескольких образцов дманисского инвентаря.

[2] Приношу искреннюю благодарность Т. Н. Ломаури, которая сообщила мне вышеприведенные данные.

чении этого слова, хотя само поселение гораздо древнее X в. XI—XIII вв. являются периодом богатства и расцвета города. В XIV в. начинается уже упадок.

Из медных и бронзовых вещей отметим несколько наиболее характерных. Они большей частью хорошо датируются XI—XIII вв. благодаря монетам и керамике, найденной вместе с ними в одном и том же слое.[1] Таковы, например:

1) Массивный литой бронзовый предмет неизвестного назначения, имеющий форму маленького блюдца, диам. 6.3 см, найденный в верхней части города на глубине 1.70 м. На внутренней поверхности его, вокруг центральной шишки и кольца из рельефных петелек, плоским рельефом изображен ряд бегущих зверей: можно различить горных коз и барсов, преследующих их. На совершенно гладкой внешней поверхности предмета выгравирована пространная арабская (?) надпись и также один ряд животных (видны какие-то четвероногие и как будто бы хвост рыбы). К сожалению дно так повреждено патиной, что надпись разобрать невозможно. Предмет напоминает известные месопотамские зеркала XII в., однако, этому сопоставлению противоречит надпись на наружной поверхности. Подобными знаками в средние века снабжались на Востоке компасы. Возможно, что и данный предмет имел астрономическое или астрологическое назначение.

Рис. 12. Бронзовое навершие, головка барса.

2) Медная, плоская и круглая подвеска, разм. 7.2 × 6.5 см, найденная в верхней части города на глубине 2.60 м. Внизу она имеет круглый вырез, что заставляет думать, что предмет этот не был просто украшением, а являлся почетным знаком, носившимся на груди. На лицевой стороне подвеска украшена плоским штампованным рельефом с изображением, как будто бы, двух кентавров в геральдической позе и какой-то фигуры между ними. Изображения и вся площадь вокруг них покрыты углубленными точками в кружках. Обратная сторона совершенно гладкая.

3) Бронзовый литой предмет (рис. 12) в виде головы тигра или барса, полый внутри. Рот и глаза прорезаны, шея украшена прорезными треугольниками. Между ушами тоже ромбовидная прорезь. Высота 6 см, ширина у основания 4 см. Головка эта была найдена на глубине всего 0.70 м, однако она производит впечатление древнего предмета. Возможно, что это действительно часть курильницы, как предполагает И. А. Орбели.[2]

Изделия из стекла представляют тоже довольно большой интерес. Целых предметов очень мало, есть только одна серьга из простого черного стекла с припаянными концами и два сильно иризованных флакончика, напоминающих рейские стекла. Но и обломки тонкостенных сосудов из чистого прозрачного стекла иногда с гравированным орнаментом, некоторые же, окрашенные в массе глубоким синим или фиолетовым тоном, разнообразных форм дают представление о высокой технике изготовления стекла. Особенно любопытны формы некоторых ушков и обломки лампад с миниатюрными ушками.

[1] Глубина залегания того или иного предмета, конечно, не всегда решает вопрос о его древности. Вследствие большой интенсивности городской жизни в продолжение нескольких веков и множества позднейших перестроек, последовательность слоев часто нарушена. Решающее значение имеет комплекс находок; однако и он зачастую не дает ясной картины.

[2] И. А. Орбели. Бронзовая курильница XII в. в виде барса. Сб. «Памятники эпохи Руставели», изд. АН СССР, Лгр., 1938, стр. 297.

Гораздо интереснее и разнообразнее керамика. Приведем краткое описание некоторых типичных образцов ее, которое даст понятие о богатстве дманисской керамики.

Кувшин из красной глины (рис. 13), выс. 0.32 м; края горлышка и, вероятно, конической формы головка, украшавшая ручку, обломаны. Наружная поверхность сосуда покрыта красным ангобом. Вокруг шейки сосуд украшен рельефными горизонтальными полосками и прочерченными между ними по ангобу зигзагами. Ниже — опять-таки прочерченный по ангобу — елочный орнамент в виде вертикально поставленных веточек и, наконец, вдавленные вертикальные бороздки под ними. Так как тесто сосуда светлее ангоба, то прочерченный орнамент по своему тону ясно выделяется на фоне остальной поверхности сосуда. Кувшин найден рядом с хорезмской монетой XIII в. при раскопке жилого дома в нижней части города.

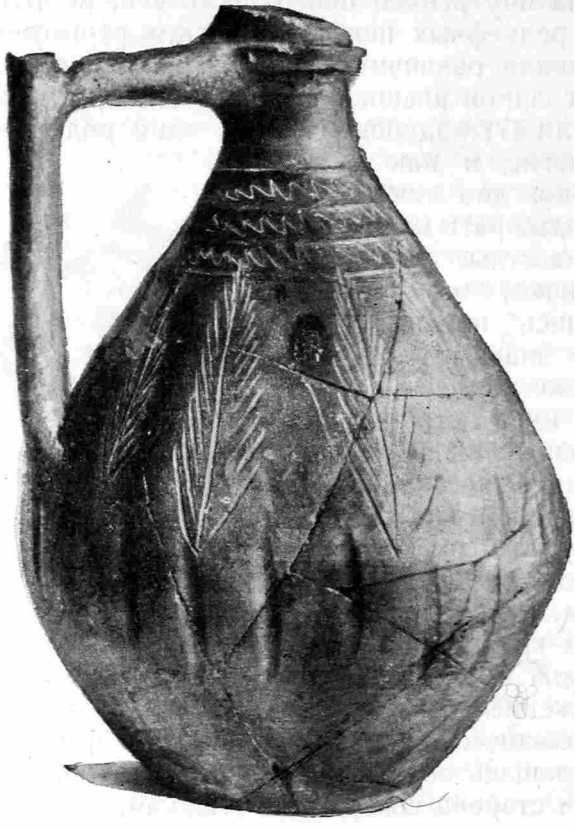

Рис. 13. Кувшин из красной глины.

Обломок из красной глины (рис. 7,*2*), разм. 6.3 × 5.8 см.[1] Внешняя поверхность покрыта красным ангобом. По ангобу оттиснут рельеф, изображающий ряд обращенных вправо коз, с треугольниками и точками между ними. Это, несомненно, обломок так называемого караса, винного сосуда, хорошо известного по анийским раскопкам Н. Я. Марра.[2] Так как Н. Я. Марру удалось найти в Ани и цилиндрик, посредством которого оттискивался подобный орнамент по поясу сосуда, можно считать бесспорным, что мы имеем тут дело с местной традицией. Интересно отметить, что орнамент дманисского фрагмента обнаруживает поразительное сходство с орнаментом суммерийских цилиндрических печатей, датированных III тысячелетием до н. э.[3]

Обломок тарелки из красной глины (?) (рис. 7, *9*), разм. 9 × 7 см, покрытый с внутренней стороны окрашенной в синий цвет прозрачной поливой поверх белой обмазки с прочерченным по ней петельчатым орнаментом. Обратная сторона без поливы.

Обломок края миски из красной глины (рис. 7, *7*), разм. 18 × 8 см, покрытый с внутренней стороны окрашенной в синий цвет прозрачной поливой поверх белой обмазки с прочерченным орнаментом в виде двоек в клетках.

Два обломка края миски из красной глины (рис. 7, *6*), разм. 11 × 8 см, покрытые с внутренней стороны неокрашенной прозрачной поливой поверх белой обмазки с прочерченным рисунком четвероногого с ошейником; от

[1] Размеры беру везде наибольшие.

[2] Н. Я. Марр. Ани, стр. 86—87, табл. XIV, рис. 192 и 192а.

[3] См. напр.: Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire, Bruxelles, Sept.-Oct. 1936, стр. 110, рис. 10 и 11.

изображения животного сохранились только голова и часть передней ноги; вправо от морды животного два эксцентричные, неправильной формы кружочка. Под глазурью расплывчатые зеленые и желтые пятна, окрашивающие животное: большой кружок окрашен в зеленый цвет, а малый имеет в середине расплывшуюся фиолетовую точку, две такие же стекшие точки находятся пониже кружков. Вдоль внутренней поверхности венчика также идет фиолетовая полоса. Обратная сторона без поливы.

Обломок из красной глины (рис. 7, *5*), разм. 8.5 × 5.5 см, покрытый с внутренней стороны неокрашенной прозрачной поливой поверх белой обмазки с прочерченным рисунком, изображающим, вероятно, пеликана, от которого сохранилась только голова, окрашенная по ангобу в желтый цвет с фиолетовым глазом. Остаток какого-то орнамента (перед птицей) окрашен в зеленый цвет. Обратная сторона без поливы.

Чаша на круглой ножке (рис. 7, *3*), сохранившаяся в двух кусках и восстанавливающаяся почти полностью. Высота ее 4.9 см при диам. 10.5 см. Глина красная, внутренняя поверхность покрыта неокрашенной прозрачной поливой поверх белой обмазки, которая покрывает также всю верхнюю половину наружной поверхности. Рисунок, прочерченный по ангобу, изображает хищную птицу (сокола) в обрамлении из стилизованных стебельков. Краски наложены под глазурью: корпус, голова и нижняя часть ног птицы желтые, верхняя часть ног и концы крыльев зеленые. Стебельки также зеленые. По венчику идет внизу желтая полоса, а выше нее — зеленая. На обратной стороне, вокруг края сосуда, по ангобу железистой краской нанесены коричневые вертикальные полосы. [1]

Донышко чаши из красной глины (рис. 7, *4*), разм. 11 × 9 см, покрытое неокрашенной прозрачной поливой поверх белой обмазки, с прочерченным изображением человеческого лица в темнофиолетовом круге, от которого идет зеленое плетение, ответвляющееся крестообразно в стороны. Зрачки глаз у лица и круглые пятна по внешнему краю плетения — темнофиолетовые; видны также следы и желтых пятен. Краски все наложены под глазурью.

Описанная поливная керамика хорошо известна на всем Ближнем Востоке, в частности на Кавказе и в Крыму. [2] Оставляя в стороне чрезвычайно интересный вопрос об орнаменте и изображениях, следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что в данном случае совершенно точно могут быть установлены как место, так и время происхождения этой керамики. В виду того что в Дманиси найдено несколько фрагментов, представляющих собой обломки полуфабрикатов, ангобированных и с уже прочерченным рисунком, но не подвергшихся глазуровке, не может быть никакого сомнения в том, что посуда эта выделывалась на месте. О местном производстве свидетельствуют также три обломка с грузинскими надписями, из которых одна палеографически хорошо датируется X—XI вв. Дата не может вызывать сомнений, потому что обломки эти сплошь и рядом были находимы вместе с монетами XI, XII и XIII вв.

На рис. 7 даны образцы дманисской фаянсовой посуды, украшенной люстром; образцы *8*, *10* и *11* покрыты с одной стороны окрашенной в синий цвет прозрачной, а с другой стороны непрозрачной молочнобелой поливой, поверх которой наложен люстр; *12* покрыт с обеих сторон непрозрачной молочнобелой поливой. Люстр медный, различных оттенков — от темнобронзового до светлооливкового. Это керамика персидского образца. Датируется она XII и XIII вв. Но любопытно, что некоторые дманисские экземпляры, судя по выделке и рисунку, являются не персидскими ориги-

---

[1] Ср.: III Международный конгресс по иранскому искусству. Доклады. Изд. АН СССР М.—Л., 1939, табл. XCVI (справа наверху и внизу).

[2] Ср.: А. Н. Кубе. Глиняные черепки из Ласпи. СГАИМК, т. I, стр. 247—248.

налами, а довольно грубым подражанием, [1] так что можно предполагать что и фаянс, по крайней мере частично, являлся изделием местной промышленности.

Было бы преждевременным делать окончательные выводы, однако вышеизложенное мы можем резюмировать следующим образом.

1) Дманиси был средневековым грузинским провинциальным городом, типичным не только для Грузии, но и для всей горной части Закавказья. Его расположение на мысу, между двух рек, система его укреплений, выделение вышгорода и пригорода, потайной ход для снабжения города водой во время осады и пр. — все это повторяется и во многих других древнегрузинских и армянских городах. Так устроены, например, Самшвилде, Ани и др. Больше того, Дманиси во многих отношениях типичен вообще для ближневосточных городов с их узкими, кривыми улицами, бессистемно выстроенными домами, со смешанным населением, живущим скученно на маленькой площади. Это город мусульманско-христианский, и, судя по величине мусульманского могильника, преобладающая часть населения была мусульманской. [2]

2) Период расцвета города относится к так называемому классическому периоду грузинской истории, т. е. падает на XI—XIII вв. Особенно благоденствует он в XIII в., когда у него имеется даже собственный монетный двор. Но уже в XV в. Дманиси представляет собою, повидимому, незначительное поселение. Можно предполагать, что решительный удар был нанесен городу в конце XIV в., при нашествии Тимура. Однако действительную причину упадка нужно искать не в этом.

3) Для экономического возвышения города известное значение имело, конечно, и собственное его производство.

Область, непосредственно примыкающая к городу с В, является районом интенсивной сельскохозяйственной культуры, главным образом виноградарства. Из «Географического описания Грузии» царевича Вахушта мы знаем, что так было и в XVIII в. Несомненно, культура эта была здесь очень древней, что подтверждается целым рядом вещественных памятников, а также и некоторыми письменными источниками. Можно даже полагать, что эта отрасль сельского хозяйства в древности имела особенно большое распространение и значение. На это, как будто бы, указывает множество винных погребов, раскопанных нами в Дманиси.

Другой вид интенсивного хозяйства, ныне совершенно забытый, неизвестный в этом районе уже Вахушту, в древности же, повидимому, очень распространенный — это культура льна, на что указывают маслобойные камни, причем лен давал, конечно, не только масло, но и полотняные ткани; последние составляли, по всей вероятности, на ряду с вином важный предмет экспорта.

Интересно также, что Вахушт в своей «Географии» указывает на Абулбуг, отстоящий на расстоянии всего нескольких километров от Дманиси, как на место, где добывались железо, медь и лазуревый камень.

Из ремесел отметим керамическое производство; возможно, что здесь существовало и производство стекла. [3]

Но решающее значение для возвышения города должно было иметь его расположение на торговом пути, связывавшем Грузию с Арменией, а через

---

[1] Ср., напр., рисунок на днище чаши из Дманиси, изданной А. В. Банк (Керамика из Дманиси и Херсонеса. Сб. «Памятники эпохи Руставели», Лгр., 1938, табл. 14).

[2] Странно, однако, что в Дманиси не обнаружено мечети.

[3] Приблизительно в 5 км выше Дманиси, в ущелье р. Пинезаури, есть стекольный завод, ныне пустующий. Тут, согласно местному преданию, был древний стекольный завод, который в середине прошлого столетия обновил барон Кученбах. Камень возили из Шахназара. Завод Кученбаха производил и глиняную посуду, ибо поблизости есть залежи хорошей гончарной глины.

нее со всем Ближним Востоком. Из Тбилиси в Армению шел путь и через Бамбакское ущелье, однако немного более длинный путь через Дманиси был гораздо удобнее для сношений. Дманиси представлял собою важнейшую транзитную станцию на этой торговой дороге, и именно с ней теснейшим образом была связана судьба города.

L. MOUSKÉLIŠVILI

FOUILLES À DMANISI

RÉSUMÉ

L'ancienne ville de Dmanisi, faisant partie de la principauté de Samšvilde, est située sur un promontoire aux effluves des rivières Mašaveri et Pinezaouri (Cara-Sou), dans la région Baškišet en Géorgie, à 100 km au sud-ouest de Tbilisi. Au IXe siècle les «Annales de Cartlie» mentionnent pour la première fois le nom de Dmanisi. Durant le XIe siècle Dmanisi joue un rôle considérable et son nom revient souvent dans les sources historiques.

A la fin du XIIIe siècle et au début du XIVe, une branche de la maison royale de Géorgie fondée par George Laša s'affermit dans cette ville. Durant les XIV—XVe siècles la ville de Dmanisi fut plusieurs fois ravagée. Au début du XVIe siècle Dmanisi tombe au pouvoir des princes Baratašvili. Pendant la première moitié du XVIIIe siècle la ville est exposée à de terribles invasions de Lesghiens, de Turcs et de Persans.

La ville est strictement divisée en deux parties — la ville même, de 13 hectares d'aire, et le faubourg, de 12 hectares. L'accès de la ville est du côté sud. Excepté quelques contreforts, la maçonnerie des murailles de la ville est très négligée. Les édifices voués au culte — l'église principale de la ville «Le Sion de Dmanisi» et bien d'autres — sont situés au pied de la citadelle. Les bâtiments civils ainsi que les demeures privées sont construits en pierre du pays (basalte).

Pendant les fouilles on a découvert en deux endroits de petits hangars de pierre sans fenêtres et portes, n'ayant que deux ouvertures rondes percées dans la voûte. Un bâtiment à porte a été découvert seulement au nord du Sion, et les objets qui y ont été trouvés peuvent être rapportés au XIe siècle au plus tôt. C'est là aussi, qu'au niveau des cruches enfoncées dans la terre, on trouva une pièce de monnaie de Tamara de l'an 1200. La meilleure représentation de l'architecture civile de Dmanisi nous est donnée parles bains de la forteresse. On y a trouvé des fragments de céramique à couverte, des poteries en faïence du XII—XIVe siècles.

Au faubourg, non loin de la ville, se trouve la nécropole musulmane. Les mausolées musulmans sont extrêmement intéressants. A en juger par les débris, il devait y avoir 7 ou 8 monuments de ce genre. Le cimetière chrétien se trouve à 120—130 m au sud du cimetière musulman. Les croix de pierre arméniennes qu'on y trouve sont aussi d'un grand intérêt; à en juger par leurs débris il en devait avoir au moins cinq toutes datées du XII—XIIIe siècles. L'existence d'un cimetière commun aux Géorgiens et aux Arméniens s'explique probablement par le fait que la majorité de la population arménienne de Dmanisi appartenait au culte chalcédonéen, c'est à dire au culte «orthodoxe».

Parmi les trouvailles il faut citer une pierre taillée à presser l'huile. Il est évident qu'à Dmanisi il devait y avoir beaucoup de ces pierres, servant à produire l'huile de lin.

En fait de trouvailles numismatiques, les plus anciennes sont les monnaies byzantines des VI, VII, IX et XIe siècles.

Parmi les monnaies du XIIe siècle se trouve une pièce frappée en Géorgie, les autres sont de provenance étrangère. Au XIIIe siècl. la quantité de pièces grandit énormément, on trouve 122 monnaies géorgiennes et 35 étrangères. Au XIVe siècle leur quantité diminue subitement allant jusqu'à 3 pièces de monnaie mongoles; les XV—XVIIe siècles ne sont même pas représentés. La monnaie du XVIIIe siècle n'est representée que par trois exemplaires.

Parmi les objets en cuivre et en bronze appartenant aux XI—XIIe siècles doit etre nommé un objet en bronze coulé, peut-être un appareil astronomique ou astrologique et une pendeloque en cuivre.

Des fragments de vases en verre pur et transparent donnent une idée de la haute technique atteinte dans la production du verre. Des trouvailles de céramique ne laissent point de doute que ces objets ont été exécutés sur place.

Dmanisi, ville géorgienne provinciale du Moyen Age, est typique non seulement pour la Géorgie, mais aussi pour toute la partie montagnarde transcaucasienne: son site entre deux rivières, son système de fortifications, etc., se répète dans beaucoup d'autres villes anciennes de la Géorgie et de l'Arménie. Dmanisi avec ses rues étroites et ses maisons construites sans aucun système se rapproche surtout du type des villes du Levant. L'époque de l'épanouissement de Dmanisi coïncide avec la période classique de la Géorgie des XI—XIIIe siècles. On peut supposer qu'un coup décisif fut porté à la ville vers la fin du XIVe siècle au temps de l'invasion de Timour, après quoi, au XVe siècle, Dmanisi ne devint qu'un bourg minime.

La région à l'est de la ville est essentiellement vouée à l'agriculture (viticulture, culture linière). En fait de métiers, c'est la céramique et peut-être aussi la verroterie qui y étaient les plus développées.

Le site de la ville sur la route commerciale reliant la Géorgie à l'Arménie et de là au Levant devait avoir une portée decisive pour l'essor de la ville de Dmanisi.

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

В. СМИРНОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О СТОЯНКЕ НА Р КУЗНЕЧИХЕ

В июне 1938 г. на территории Пригородного хозяйства № 1 г. Архангельска (Молочная ферма) при рытье большого котлована-колодезя, метрах в 50 от рукава Сев. Двины р. Кузнечихи, на глубине 3 м от поверхности, рабочие обнаружили следы обитания здесь древнего человека. Были найдены каменные орудия, осколки кремня, поделки из кости, обломки глиняной посуды, большое количество костей животных, птиц и рыб. Довольно хорошо сохранились дерево и другие растительные остатки.

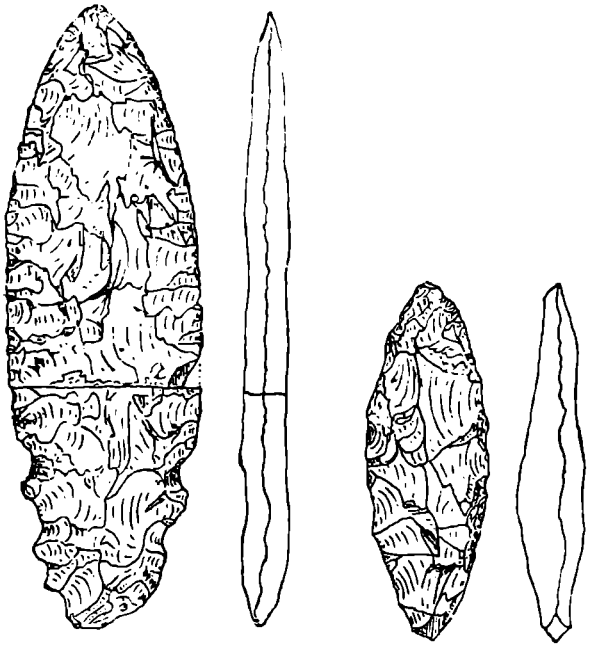

Рис. 1. Кремневые наконечники копий ($^1/_2$ нат. вел.).

Каменных орудий найдено немного: тонкий листовидный наконечник копья длиною 14.5 см, другой наконечник более грубой работы (рис. 1), изящный наконечник стрелы, скребок, кремневый осколок со следами ретуши и обломок шлифованного орудия, может быть, долота.

Довольно хорошо сохранились поделки из кости: 1) узкое долото с рукоятью; 2) обломок маленького орудия, заточенного с двух сторон, возможно долотца; 3) зашлифованное колющее орудие со следами заточки ножом; 4) часть рога оленя, отпиленная с обоих концов, может быть, служившего проколкой; 5) рукоять какого-то орудия из рога оленя с ясными следами строгания ножом. Попадались кости со следами надпилов и зарубок. Мозговые кости крупных животных, как правило, разбиты — человек извлекал костный мозг.

Керамические обломки принадлежат по крайней мере 15 толстостенным сосудам. Горшки лепились из глины с примесью толченых раковин. С внешней стороны они украшены гребенчатым орнаментом — сплошь или редкими поясами, чаще в виде вдавлений коротким гребенчатым штампом (рис. 2). На одном обломке с внутренней стороны тем же гребенчатым штампом выполнено стилизованное изображение лебедя, весьма напоминающее подобные геометризованные изображения лебедей на скальных рисунках Онежского озера и Белого моря (рис. 3 и 4).

Это сходство в манере схематизации, вероятно, культовых изображений лебедя дает право сближать онежско-беломорскую культуру петроглифов с культурой этой стоянки в дельте Сев. Двины.

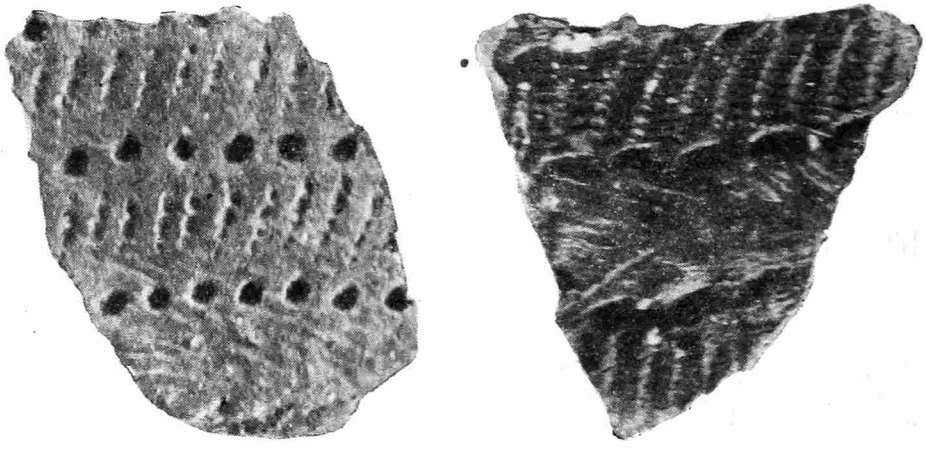

Рис. 2. Керамика стоянки на р. Кузнечихе в г. Архангельске ($^1/_2$ нат. вел.).

Особенно интересна в этих случайных раскопках находка небольшой доски, украшенной геометрическим орнаментом, выполненным красной краской (рис. 5).

Доска сделана из ели, имеет 0.27 м длины при наибольшей ширине 0.105 м. В середине доска имеет толщину 2 см и по краям 1 см. С одной стороны дощечка гладко острогана, другая сторона немного выпуклая, бока рубленые. Орнаментом покрыта гладкая сторона. В центре вписан ромб, разделенный на 9 ромбиков. Каждый из них украшен поперечными линиями (14 — 15 шт.) или точками (10 шт.). Со стороны узкого конца доски к ромбу примыкают еще два ромбика, один с поперечными линиями, другой с точками. Этот конец доски и правая ее сторона обломаны, так же как конец широкой части, сломанный при извлечении доски из грунта. Недостающая часть так и осталась, вероятно, в южной стенке колодца. Остальное пространство между ромбом и краями доски заполнено геометрическим орнаментом такого же характера.

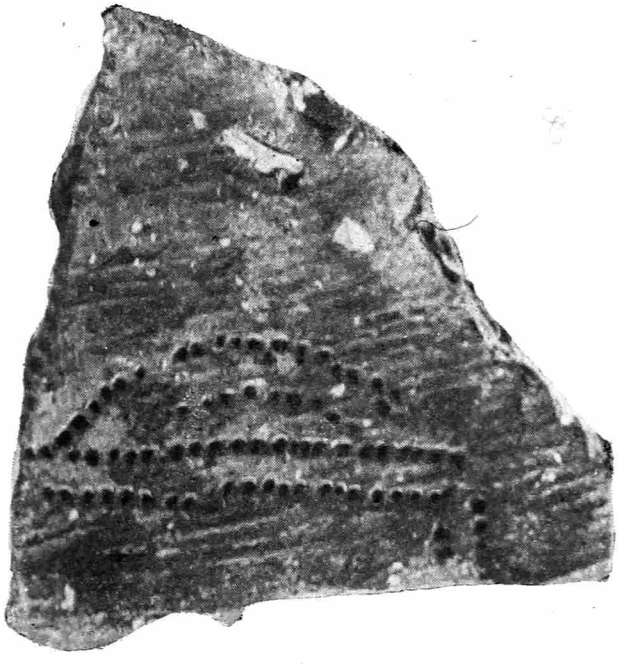

Рис. 3. Обратная сторона черепка с изображением лебедя (немн. ум.).

Назначение предмета неясно (конец весла, валек?). Находка эта имеет, несомненно, исключительное значение, так как вещей с подобными орнаментальными мотивами, выполненными на дереве красками, от эпохи неолита не известно.

Мощность культурного слоя, образованного аллювиально-озерными отложениями, насыщенными костями, остатками растений и культурными

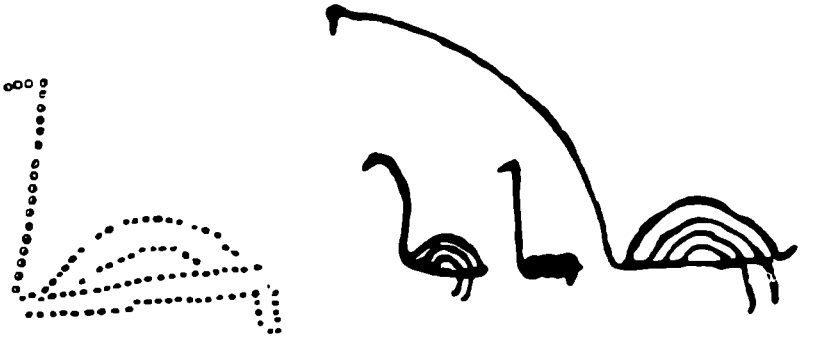

Рис. 4. С левой стороны воспроизведено ($^1/_2$ нат. вел.) изображение того же лебедя, что и на рис. 3. Справа наскальные изображения лебедей (из книги В. И. Равдоникаса «Наскальные изображения Онежского озер », М.—Л., 1936).

остатками, достигает 1 м. Весенние паводки, вероятно, заставлявшие человека на время покидать насиженное место, каждый год отлагали илистые осадки. Впоследствии, после того как человек навсегда покинул эту стоянку, тем же путем в течение тысячелетий наросло еще 3 м.

Для выяснения и уточнения хронологии стоянки, а также для выяснения тех изменений климата, которые произошли за время от возникновения стоянки и до настоящего момента, очень важно исследовать растительные остатки и сделать пыльцевой анализ разных слоев всей толщи отложений. Возможно, что в слоях, лежащих на горизонте стоянки, окажется пыльца сравнительно теплолюбивых растений (дуб, орешник, вяз), которые не растут здесь в настоящее время. В таком случае стоянка может быть приурочена к суббореальному периоду. Предварительное изучение всего комплекса этой стоянки заставляет отнести ее именно к этому времени потепления климата.

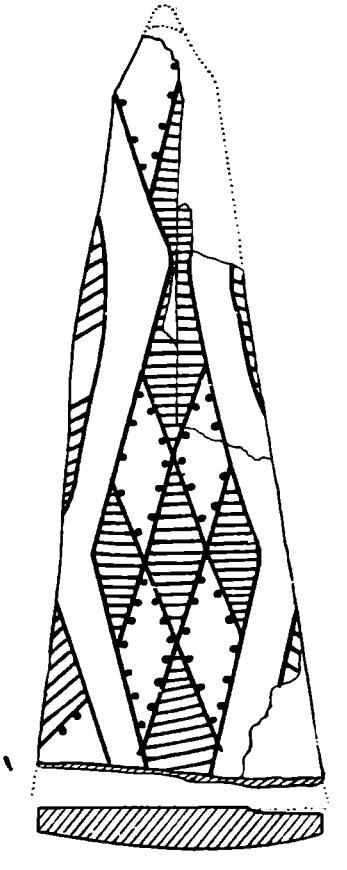

Рис. 5. Доска, покрытая геометрическим узором красной краской ($^1/_3$ нат. вел.).

Интерес этой стоянки увеличивается благодаря наличию обильных остатков животного и растительного мира того времени. На севере мы можем указать только одну стоянку, где хорошо сохранились кость и поделки из дерева, именно стоянку на оз. Лача, исследованную М. А. Фосс в 1936 г. На Кузнечихе условия, способствовавшие сохранности этих остатков, были, повидимому, еще более благоприятными. Сохранилось множество костей крупных позвоночных животных, в том числе оленя, бобра, тюленя и др., кости птиц — утки, гуся и некоторых других, еще не определенных, затем очень много костей рыб, позвонков, чешуи. Все это свидетельствует о развитой охоте и рыболовстве древних обитателей стоянки. Почва сохранила даже травянистую растительность, коконы насекомых, нежную оболочку речных моллюсков, шкурку лягушки и т. д.

Собранный костный материал направлен для определения в Зоологический институт Академии Наук СССР, растительные остатки любезно

согласилась определить Северная база Академии Наук СССР (И. М. Толмачев). В целях получения образцов для построения пыльцового спектра Северный геологический трест закладывает рядом 5-метровую скважину. После того как будет тщательно определен и обработан собранный материал, картина климата прошлого, а также животного и растительного мира будет достаточно ясной.

Колодцем (с площадью поверхности в 7.5 × 7.5 м) вскрыта лишь незначительная часть этой исключительно интересной стоянки. Здесь поэтому необходимы более широкие и правильно поставленные раскопки, которые, несомненно, вскроют большой важности исторический памятник эпохи неолита.

Я. И. ГУММЕЛЬ

СЫРЦОВЫЕ ГРОБНИЦЫ АЗЕРБАЙДЖАНА И ИХ ДАТИРОВКА

Огромный интерес для археолога и историка Азербайджана представляют так называемые сырцовые гробницы, встреченные пока лишь в районе Ганджа-чая. Довольно большой по своим размерам могильник с названными гробницами расположен на полупути из Кировабада (б. Гянджа) в г. Ханлар (б. Еленендорф), в 200 м к В от шоссе, на участке, именуемом местным населением «армянской церковной землей» (рис. 1). Впервые в 1903 г исследовал этот могильник Г. О. Розендорф, [1] вскрывший 16 гробниц; после него работал В. А. Скиндер, [2] раскопавший в 1905 г. 6 гробниц. Глубокая вспашка трактором местности расположения могильника, производившаяся в течение последних лет, привела к почти полной нивелировке всей поверхности, вследствие чего могильник в большей своей части, к сожалению, потерян для науки.

Раскопки, предпринятые мною на этом могильнике летом 1937 и 1938 гг. по заданию Азербайджанского филиала Академии Наук СССР и Краеведческого музея Ханларского района, значительно дополнили результаты раскопок прежних лет и дали кроме того возможность абсолютно датировать своеобразную и исключительно интересную культуру сырцовых гробниц. [3] Мною раскопано всего 19 гробниц: № 40—42 на участке A, № 43—47 на участке B, № 85—89 возле канавы к C от участка A и № 90—96 на участке D к ЮВ от него (см. рис. 1).

Гробницы весьма искусно сооружены в грунтовых ямах или же просто на поверхности земли из необожженных сырцовых кирпичей и крыты ими же. Кирпичи, содержащие значительное количество соломы, применялись при этом двоякого рода: цельные, размером около 45 × 45 × 12 см, и половинчатые, размером 45 × 23 × 12 см. Мною и моими предшественниками по работе констатировано свыше 18 различных типов конструкции гробниц, что свидетельствует о высоком строительном искусстве населения, сооружавшего эти гробницы. К сожалению, само поселение, которому принадлежал могильник, уже сравнено с землею и не может быть изучено в архитектурном отношении. Над гробницами, расположенными обычно группами, возвышается небольшая курганообразная насыпь. Иногда же гробницы «впущены» в насыпь более древних курганов эпохи бронзы. Любопытно отметить устройство раскопанной мною гробницы № 41 в самой могиле кургана № 39 с типичным инвентарем эпохи бронзы, что проливает некоторый свет на вопрос об относительной датировке курганов эпохи бронзы района Ганджа-чая.

Направление сырцовых гробниц по преимуществу с В на З, однако встречается и другая ориентировка; так, напр., раскопанная мною гробница

[1] ОАК за 1903 г., стр. 86—108 (отчет Г. О. Розендорфа).

[2] Опыт археологической разведки. Пятигорск, 1906.

[3] Подробный отчет о раскопках мною передан Азербайджанскому филиалу Академии Наук СССР для опубликования.

№ 40 имела ориентировку СЗ—ЮВ (135°), № 45 — СВ—ЮЗ (30°) и т. д. Костяки лежат обычно на спине в вытянутом положении, реже (в гробницах №№ 40—42) они скорчены на правом или левом боку с подтянутыми ногами. Голова обычно лежит в восточной части гробницы, а руки скрещены в большинстве случаев в области живота.

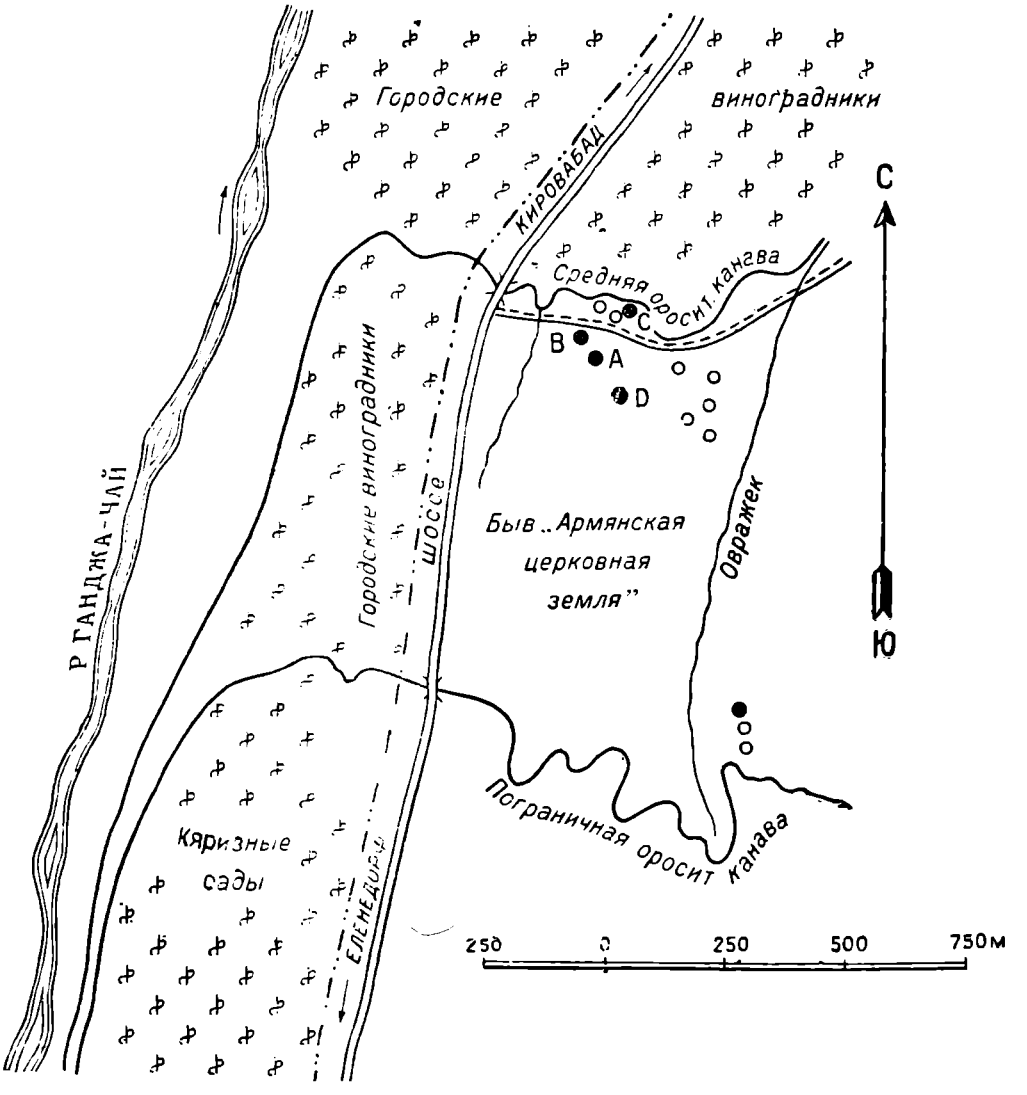

Рис. 1. Ситуационный план могильника с сырцовыми гробницами на Ю от Кировабада.

Перед правой или же левой ступней почти у каждого покойника стоит сосуд из красной глины, горлышко которого обычно плотно закрыто маленькой красноглиняной чашкой с характерным вдавлением в нижней части. В могилах со скорченными костяками вместо целых сосудов найдены лишь отдельные небольшие обломки от них. Керамические изделия ручной выделки, без применения гончарного круга: они как будто грубо подражают формам классических образцов. Прочий, довольно скромный, погребальный инвентарь всех вскрытых до сего времени гробниц (числом 41) характеризуют следующие находки: 1 железный меч, 1 односторонний железный кинжал с костяной ручкой и прочие сильно заржавленные железные изделия неизвестного назначения, 2 бронзовых колокольчика (один из них с железным язычком), 5 бронзовых иголок, 23 бронзовых браслета и кольца, 6 бронзовых височных колец (серьги), 1 бронзовая «лопаточка», стеклянные, сердоликовые, пастовые и янтарные бусы и 3 парфянских монеты.

В могиле № 11 кургана № 4 Розендорфом в свое время была найдена под челюстью костяка медная (?) римская монета. К сожалению, ни в упомянутом отчете Розендорфа, ни в статье А. А. Спицына, [1] ни в работе Т. Пассек и Б. Латынина, [2] ни в труде Е. А. Пахомова [3] нет более точных данных об этой монете, которая не значится также и в инвентаре наших музеев, так что вопрос о более или менее точной датировке сырцовых гробниц оставался до сего времени открытым. Морган, [4] знавший подобные гробницы в Малой Азии, относил их к числу эламитских и приурочивал их ко времени последних эламитских царей. Е. А. Пахомов [5] на основании бедности гробниц бронзовым инвентарем, а также отсутствия бронзового орудия и наличия железа и стекла, чем они напоминают могильники восточной Грузии

Рис. 2. Гробница № 46.

римского времени, а главным образом на основании находки Розендорфом упомянутой выше римской монеты, склонен отнести интересующие нас памятники к началу нашей эры.

Мнение Е. А. Пахомова полностью подтверждается моими раскопками. Наиболее важным из того, что они дали, являются 2 монеты, извлеченные, как и Розендорфом, из-под челюсти костяков в гробницах №№ 46 и 47. Обе монеты были покрыты толстым слоем зеленой патины. Тщательная очистка и изучение их показали, что монеты сделаны из низкопробного серебра с большим содержанием меди. Монета, найденная Розендорфом, была, по всей вероятности, также серебряная.

Определение названных монет было любезно выполнено Е. А. Пахомовым и оно дало следующие результаты:

[1] Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29, стр. 6—17.

[2] Очерк доистории северного Азербайджана. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, № 3, 1926, стр. 131.

[3] Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Тр. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, вып. 3, 1926, стр. 41—42, монета № 46.

[4] J. de Morgan. Recherches archéologiques. Fouilles à Suse, I. стр. 114.

[5] Статуэтка из Молла-Исаклинского сельбища и ее датировка. Изв. Азербайджанского филиала Акад. Наук СССР, 1936, вып. II, стр. 24.

1) В гробнице № 46 — серебряная аршакидская драхма Фраата III (70—57 гг. до н. э.), диам. 18—21 мм; толщ. 1—2 мм. Лицевая сторона: бюст царя в тиаре с гребнем из ряда изогнутых линий и с рогообразным орнаментом сбоку; из-под тиары свисают ленты диадемы; на шее гривна; виден

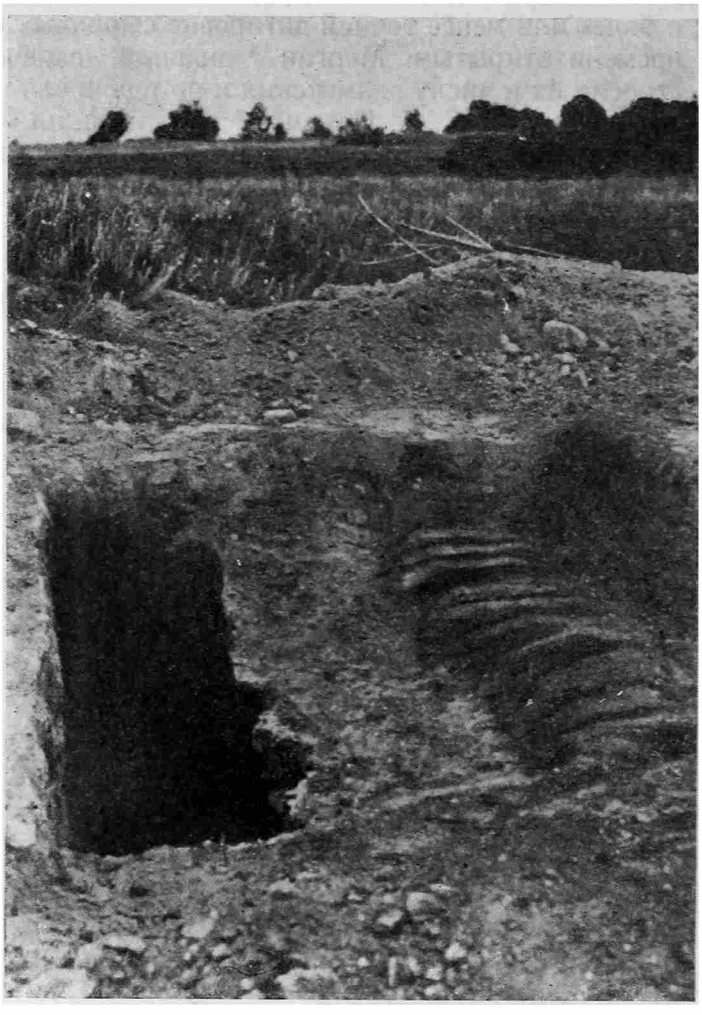

Рис. 3. Гробницы №№ 46 и 47.

ворот платья; ободок точечный. Оборотная сторона: сидящий Аршак с луком в руке, монограммы нет. По четырем сторонам надпись:

ΒΑΣΙΛΕΩΣ	ΜΕΓ-ΑΛΟΥ	ΑΡΣΑΚΟΥ	ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ [1] ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ

2) В гробнице № 47 — серебряная аршакидская драхма Орода I (57 — 38/37 гг. до н. э.), диам. 18—20 мм; толщ. 1.0—1.75 мм. Лицевая сторона: бюст царя в диадеме и с гривной на шее, влево; виден воротник платья; за головою — лежащий полумесяц; ободок обрезан. Оборотная сторона: сидящий Аршак, с луком в руке, вправо; перед ногами монограмма ; по четырем сторонам надпись:

ΒΑΣΙΛΕ[ΩΣ] ΒΑΣΙΛΕΩ[Ν]	[ΑΡ-ΣΑΚΟΥ]	[ΕΥΕΡΓΕΤ[ΟΥ] ΔΙΚΑΙΟΥ	ΕΠΙΦΑΝΟΥ[Σ] [2] ΦΙΛΕ[ΛΛΗΝΟΣ]

[1] Ср.: W. Wroth. Catalogue of Greek Coins. British Museum, Parthia, London, 1903, табл. XI, *10*.

[2] Там же, табл. XVI, *1*.

Эта счастливая находка дала, наконец, возможность окончательно датировать культуру сырцовых гробниц последним столетием до нашей эры.

Не выясненным остается пока вопрос о том, является ли носителем данной культуры местное коренное население, или же мы имеем дело с какой-нибудь иноземной, например греко-римской колонией. Сравнение результатов моих раскопок и раскопок греческих и римских могильников I в. до н. э. и I в. н. э. в Ольвии и Херсонесе могло бы, вероятно, пролить свет и на этот вопрос.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

НАХОДКА АНТИЧНОГО БРОНЗОВОГО ШТАМПА В ТИРИТАКЕ

Во время раскопок в Тиритаке в 1937 г., производившихся Боспорской экспедицией ИИМК, на участке V—VI был найден бронзовый предмет

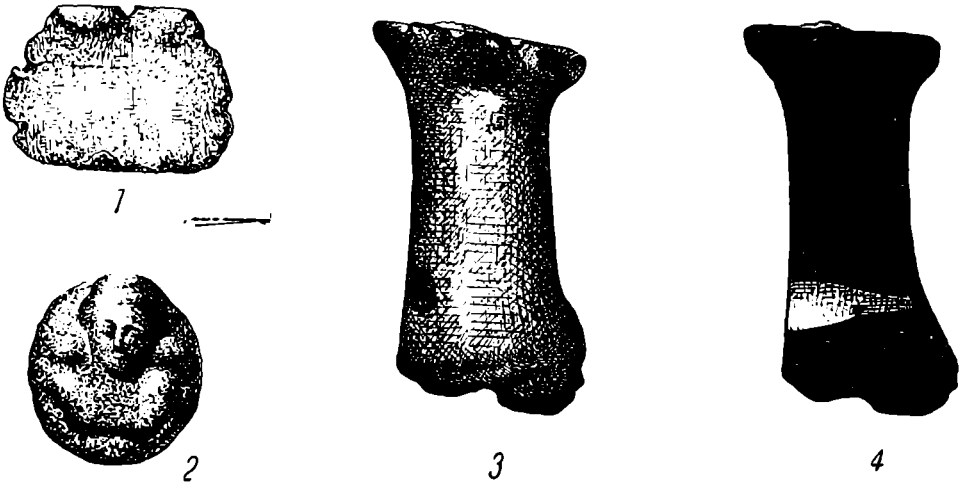

Рис. 1 Античный бронзовый штамп, найденный в Тиритаке (нат. вел.).
1 — вид сверху; *2* — вид снизу; *3* — вид сбоку; *4* — продольный разрез.

в виде небольшого стержня, покрытого толстым слоем окислов. Находка эта была передана в реставрационную мастерскую ИИМК, где подверглась химической очистке, в результате которой выяснилось, что бронзовый предмет представляет собою штамп, служивший для чеканки золотых бляшек с рельефным изображением женского бюста.

Находка штампа имеет, несомненно, важное значение, т. к. она является неоспоримым доказательством наличия на Боспоре местного производства чеканных украшений из драгоценных металлов, а вместе с тем позволяет выяснить и один из технических приемов этого производства.

Штамп — бронзовый, имеет форму цилиндрического стержня (дл. 4.2 см), расширяющегося книзу (рис. 1). На нижнем конце штампа находится рельефное изображение. Верхний конец штампа сильно расплющен от ударов молота. Края верхней расплющенной части выступают наружу и имеют неправильные очертания. Очевидно, в целях предохранения от обламывания выступающих и растрескавшихся краев расплющенного верхнего конца, последний был подвергнут боковой проковке, отчего верхний конец штампа получил с двух сторон параллельные друг другу прямые

края. На расстоянии 0.6 см от нижнего края в стержне штампа сбоку имеется углубление дл. 1.6 см, служившее для укрепления рукоятки. Как указывалось, на нижнем конце штампа находится выпуклое изображение женского бюста. Вследствие того, что штамп подвергся еще в древности значительному износу, а кроме того пострадал от коррозии, детали изображения на штампе не вполне отчетливы.

На штампе представлено погрудное женское изображение впрямь. Голова выполнена в высоком рельефе с небольшим наклоном вправо и украшена диадемой. Детали лица, в силу вышеуказанных причин, неразборчивы. Весьма обобщенно представлена верхняя часть туловища; шея моделирована очень слабо, более отчетливы контуры плеч; груди показаны легким повышением рельефа. Часть фона над плечами по обе стороны головы не совсем гладкая; создается впечатление, что в этих местах были какие-то дополнительные рельефные изображения, характер которых при настоящем состоянии штампа выяснить невозможно. Штамп применялся, повидимому, следующим образом: бляшка из листового золота, предназначавшаяся для штамповки, накладывалась на кусок мягкого металла, вероятнее всего свинца; затем, приложив к пластинке штамп, ударяли по его верхнему концу молотком, вследствие чего штамп вместе с золотой бляшкой вдавливался в свинец; при этом в бляшке с одной стороны получался вдавленный обратный оттиск, а одновременно на противоположной ее лицевой стороне получалось прямое выпуклое изображение, соответствующее рельефу штампа, но с несколько более смягченными очертаниями и менее четко выраженными деталями.

Применение при штамповке золотых бляшек матрицы, т. е. формы с углубленным (обратным) воспроизведением того же изображения, что и на штампе, представляется в данном случае исключенным, так как округленные, сглаженные края нижнего конца штампа могли образоваться только в результате «вбивания» штампа при чеканке бляшек в свинцовую «подушку». Способ этот древний, он применялся, как указывает Blümner, и античными торевтами. [1] В качестве основания для штамповки в древности, правда, употреблялся не только свинец, но и другие материалы — кожа и различные массы, получавшиеся из смеси смолы, воска и жира. [2] Однако, учитывая высокий рельеф тиритакского штампа, следует признать, что достаточно четкий оттиск изображения мог получиться в бляшках только при условии применения очень плотной и вязкой «подушки», на которой велась штамповка. Поэтому свинец в этой роли представляется наиболее подходящим материалом.

H. Blümner. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, IV. Лейпциг, 1887, стр. 239. Другой технический прием выделки античных художественных рельефных золотых пластинок и блях состоял в применении деревянных форм (Н. Веселовский. К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве. ИАК, вып. 47, стр. 96 сл.). При этом первоначально вырезывались в дереве те рельефные изображения, которые нужно было воспроизвести в металле. Готовую деревянную форму затем обивали золотом. Плотно облегая рельеф деревянной основы, золотая пластина получала соответствующее рельефное изображение, причем деревянная основа обычно не удалялась в целях предохранения рельефа золотой пластинки от деформации. Принимая во внимание наличие совершенно одинаковых штампованных бляшек, Н. Веселовский с полным основанием высказал сомнение, что все они выделывались по вышеуказанному способу. По мнению Н. Веселовского (ук. соч., стр. 99), одна и та же деревянная форма могла служить для чеканки серии одинаковых бляшек, и только тогда, когда форма сбивалась и становилась непригодной, ее оставляли в бляшке (с тыльной стороны) в качестве заполняющего материала. Правильно предполагая изготовление одним штампом серии однородных бляшек, Н. Веселовский, однако, совершенно исключал возможность применения металлических штампов. Находка тиритакского бронзового штампа доказывает ошибочность такого заключения.

[2] M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, 2, s. v. Bronzetechnik, стр. 177.

Тиритакский штамп был подвергнут химическому анализу в целях выяснения состава металла, из которого штамп сделан. Анализ [1] показал, что металл представляет собою сплав следующего состава (в %):

Меди (Cu)	87.65
Олова (Sn)	2.73
Свинца (Pb)	9.45
Никеля (Ni)	нет
Кобальта (Co)	нет
Железа (Fe)	0 067
Серебра (Ag)	нет
Цинка (Zn)	н т
Серы (S)	0.01
	99.907

(Разница суммы определявшихся элементов до 100% объясняется окисленностью части меди).

Таким образом по своему составу металл относится к разряду бронз с небольшим количеством олова, но с довольно значительной примесью свинца. Возможно, что для штампов античными мастерами приготовлялась специальная бронза, которая медленнее изнашивалась в процессе тех операций, для которых штампы предназначались. Интересно отметить, что в современной технической практике установлены наиболее высокие качества именно такой бронзы (в смысле сопротивляемости изнашиванию металла), которая содержит пониженное количество олова, но зато включает в себя довольно большой процент свинца. [2]

Кого изображает женский бюст, представленный на штампе? Ответ на этот вопрос помогают дать находки в могилах греческих поселений северного Причерноморья. Мы имеем в виду находки золотых медальонов или нашивных бляшек с рельефным изображением женского бюста, часто сопровождаемого изображением одного или двух эротов. Последнее обстоятельство позволяет видеть на такого рода штампованных бляшках изображение Афродиты. [3] Полагаем, что и на тиритакском штампе изображена та же богиня. Как уже отмечалось, на штампе над плечами богини сохранились следы каких-то сильно стершихся добавочных изображений. Не есть ли это остатки изображений эротов? [4]

Стилистически наиболее близкими к рельефу тиритакского штампа являются золотые штампованные бляшки, найденные в 1908 г. Н. Веселовским в одном из погребений Недвиговки. В этом погребении найдено было несколько десятков золотых украшений в виде бляшек, часть которых имеет рельефное изображение женского бюста. [5] Бляшки эти пред-

[1] Произведен научным сотрудником ИИМК А. А. Лаптевым.

[2] М. Евангулов. Сплавы. Лгр., 1924, стр. 305. Сопоставление химических анализов античных бронз см. у Blümner'a (ук. соч., стр. 188—189), о примеси свинца в античной бронзе см. там же (стр. 191).

[3] Опубликованные золотые бляшки с изображением Афродиты перечислены в статье М. И. Ростовцева «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре» (ИАК, вып. 49, стр. 28, прим. 1).

[4] В известном херсонесском подстенном склепе № 1012 в одной из урн был найден, на ряду с другими предметами украшения, серебряный щиток от перстня с рельефным изображением головы Афродиты очень тонкой художественной работы IV в. до н. э. По обе стороны головы Афродиты на щитке изображены два миниатюрных крылатых эрота, расположившихся на плечах богини и вдевающих серьги в ее уши. Местоположение эротов на херсонесском щитке вполне совпадает с теми остатками стершихся рельефных деталей, которые заметны на тиритакском штампе. Весьма вероятно, что и на штампе с обеих сторон головы Афродиты были изображены маленькие эроты. (Ср. также серебряный медальон, изд. в ИАК, вып. 40, стр. 88, рис. 30).

[5] ОАК за 1908 г., стр. 124. — Н. Веселовский. Танаис Младший. Гермес, 1909, стр. 250—251. Характеристика всего комплекса находок этого погребения дается в подготовленной к изданию работе. Т. Н. Книпович «Танаис последних веков до н. э. и первых веков н. э.».

назначались для различных целей: некоторым из них была придана форма круглых медальонов, ограниченных выпуклым ободком и снабженных ушком для подвешивания; другие служили для нашивания и в соответствии с этим края их снабжены сквозными дырочками. Одна из бляшек оказалась припаянной к щитку перстня. На нескольких бляшках, отчеканенных одним и тем же штампом, женский бюст изображен с маленьким эротом слева. [1] Стало быть, и здесь дано изображение Афродиты. При сопоставлении недвиговских бляшек с тиритакским штампом бросается в глаза разительное сходство изображений; особенно это относится к бляшке, напаянной на перстень: высокий рельеф головы, наличие на голове идентичной по форме диадемы и другие детали чрезвычайно сближают тиритакский штамп с недвиговской находкой золотых бляшек. Правда, на женском бюсте недвиговских бляшек отчетливо видны складки одежды, которых нет на тиритакском штампе, но это объясняется сильной стертостью последнего.

Во всяком случае ясно, что недвиговские бляшки и тиритакский штамп весьма близки по времени.

К сожалению, условия находки штампа в Тиритаке затрудняют точную датировку. Слой, в котором найден штамп, относится к классическому времени, но обнаружившиеся в слое ямы, заполненные культурными остатками эллинистического и римского времени (до I в. н. э. включительно), весьма осложняют датировку предмета по сопутствовавшим вещественным находкам. Недвиговское погребение с набором золотых украшений по всей совокупности датировочных данных позволяет Т. Н. Книпович отнести его ко II в. до н. э. Полагаем, что приблизительно тому же времени, т. е., вероятнее всего, III—II вв. до н. э., принадлежит и тиритакский штамп.

В чем состоит главное научное значение находки штампа? Известно, что некоторые исследователи считали маловероятным существование фабрикации художественных изделий из драгоценных металлов в греческих поселениях северного Причерноморья. [2] Правда, серия шедевров античной торевтики, найденных в северном Причерноморье и отображающих, в частности, глубокое знание жизни скифов, заставляет даже крайне осторожных исследователей допускать существование «понтийско-греческих» торевтов, работавших в непосредственной близости к варварскому миру и обслуживавших его запросы. [3] Но наиболее скептически настроенные исследователи, отрицательно оценивая значение северного Причерноморья в развитии художественной обработки драгоценных металлов, в подтверждение своего мнения указывали, что «раскопки, производившиеся до сих пор и ознакомившие нас с художественной жизнью греческих колоний Понта в эллинистическую эпоху довольно хорошо, не дают для такого предположения [т. е. о существовании в них производства художественных металлических изделий, — *В. Г.*] никаких оснований». [4]

Понятно, что находка в 1937 г. штампа-пунсона в Тиритаке для подобных утверждений уже более не оставляет места. Тиритакская находка не только прочно устанавливает факт существования производства на Боспоре чеканных художественных изделий из драгоценных металлов, но и свидетельствует о распространенности этой отрасли художественного ремесла (торевтики), поскольку она существовала даже в таком сравнительно небольшом боспорском городке, каким являлась Тиритака.

---

[1] Комплекс вещей из недвиговского погребения находится в Гос. Эрмитаже.

[2] Б. В. Фармаковский. Золотые обивки налучий (горитов) из курганов Чертомлыцкого и Ильинецкого. Сборник в честь А. А. Бобринского, СПб., 1914, стр. 115.

[3] Pauly-Wissowa, RE, s. v. Toreutik (статья G. Lippold'a), стлб. 1763—1764.

[4] Б. В. Фармаковский, ук. соч., стр. 115.

Т. Н. КНИПОВИЧ

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ВЕРХНЕГО ГОРОДА В ОЛЬВИИ в 1938 г.

Во время Ольвийской экспедиции 1938 г. среди других работ производилось расследование некрополя на территории северо-восточной части «верхнего города». Расследования эти представляют продолжение тех работ, результатам которых посвящена печатаемая в настоящем выпуске статья (стр. 93—107); раскапывался участок, непосредственно примыкающий с В и Ю к расследованной в 1937 г. территории.

Всего в 1938 г. было обнаружено восемь погребений. Как и в 1937 г., они распадаются на две группы: бо́льшая часть их (семь) принадлежит тому некрополю, который находился на данном участке до возникновения на нем городских кварталов; одно является погребением позднейшего могильника, вновь возникшего здесь в то время, когда этот участок уже перестал входить в пределы населенного города. Из обнаруженных погребений лишь очень немногие сохранились в неповрежденном виде—большинство потревожено, а иногда и вовсе разрушено строительными сооружениями. Тем не менее, расследованные погребения дали возможность сделать некоторые, не лишенные значения, наблюдения.

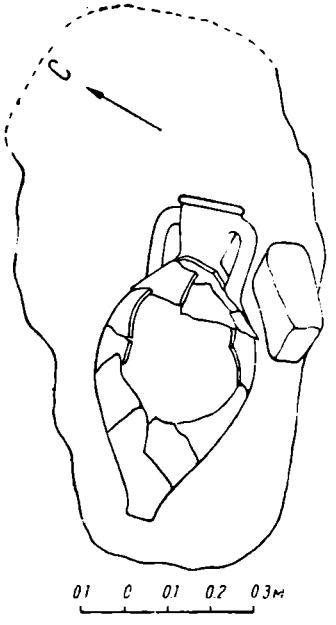

Рис. 1. Погребение № 15.

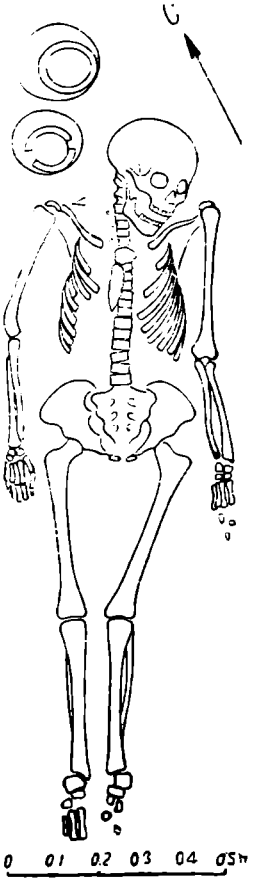

Рис. 2. Погребение № 12.

Безусловный интерес представляют вновь встретившиеся погребения детей в амфорах (всего четыре), подтверждающие факт распространенности этого способа захоронения в Ольвии архаического периода. Некоторые из них дают возможность установить новые детали погребального обряда. В двух случаях (погребения №№ 15 и 17а) удалось проследить совершенно одинаковый порядок положения умершего ребенка в амфору; в средней части амфоры выламывался большой кусок ее стенки, соответствующий величине тела ребенка; этим куском тщательно покрывался трупик ребенка и поверх насыпалась земля. Амфоры (рис. 1) принадлежали тому же типу

и, очевидно, тому же времени, что и амфоры погребений №№ 3 и 10 1937 г.

Одно из детских погребений в амфорах, сильно потревоженное с одной стороны постройкой, с другой — ямой обнаруженного рядом позднейшего погребения, интересно по находящейся рядом обмазанной глиной площадке, на которой оказался слой золы с несколькими маленькими сосудиками; сосудики все носят следы действия огня. Площадка была, повидимому, огорожена глиняным барьером (сохранилась небольшая его часть, также носящая следы действия огня). Естественнее всего видеть в этой площадке место погребальной тризны. Точную датировку погребения до реставрации амфоры дать трудно; возможно, что оно позднее других погребений ранней группы.

Остальные погребения той же группы сохранились очень плохо; одно из них, судя по положению оставшихся in situ берцовых костей одной ноги, а также по форме могильной ямы, представляло погребение скорченника. Могильная яма была здесь вся выстлана растительной подстилкой.

Вполне хорошо сохранилось единственное погребение второй группы (№ 12, рис. 2). По типу и характеру инвентаря оно аналогично погребению № 9 1937 г. и принадлежит, очевидно, тому же времени. При костяке, лежащем головой на СВ, найдены: у правого плеча бронзовая фибула, у головы два горшка, у шеи несколько разбросанных стеклянных бус.

Работы по расследованию некрополя на территории северо-восточной части «верхнего города» продолжатся и в следующие годы.

А. Н. ЗОГРАФ

ОБ АФИНСКОЙ ДЕКАДРАХМЕ ГОС. ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В «Сборнике статей по археологии СССР», выпущенном Гос. Историческим музеем (М., 1938), напечатана статья Ю. С. Крушкол «Афинская декадрахма Государственного Исторического музея». Поскольку в статье имеется ряд неправильных утверждений, могущих ввести в заблуждение читателя, считаю своим долгом дать необходимые поправки и замечания. На стр. 179 говорится, что «до весны прошлого [1937] года их [подлинных декадрахм] известно было 8 экземпляров». На основании какого источника автор делает это утверждение, неясно, так как данная в конце приведенной строки ссылка 3-я не раскрывается в примечании. Между тем это утверждение не совсем верно. В книге C. T. Seltman'a, [1] представляющей наиболее полный свод афинских монет VI и начала V вв., зарегистрировано девять экземпляров афинских декадрахм. Эти девять экземпляров мы воспроизводим здесь. [2] Читатель сможет убедиться, что на всех подлинных экземплярах декадрахм волосы Афины трактуются в виде толстой косы, петлей спускающейся на шею и связанной узлом, скрытым под назатыльником шлема. Утверждение, что на лондонском и парижском экземплярах из-под шлема видны «отдельно выбивающиеся волосы», совершенно не соответствует истине, ибо и тут и там (табл. I, *2* и *4*), хотя петля, образованная косой, не вышла полностью, соответствующие ей изгибы крайних прядей отчетливо видны. Относительно экземпляра Британского музея мы имели возможность проверить это по слепку.

На табл. II мы воспроизводим три экземпляра декадрахм, которые Своронос считал поддельными и поэтому поместил их на одной из последних таблиц, посвященной подделкам афинских монет. [3] Эти экземпляры находятся в Милане (вес. 48.50 г, табл. II, *11*), в Марселе (47.90 г, табл. II, *12*) и в Оснабрюке (вес не указан, табл. II, *13*). Уже одни эти непомерно высокие цифры веса, независимо от отношения к авторитету Свороноса, заставляют считать эти экземпляры подделками. На всех трех экземплярах действительно имеются, как и на декадрахме Исторического музея, подстриженные волосы, выглядывающие из-под шлема (см. ниже акт экспертизы Эрмитажа). Обращает внимание несогласующаяся с искусством V в. форма головы со срезанным теменем, неестественно стиснутые и расположенные

---

[1] C. T. Seltman. Athens, its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924, стр. 211.

[2] Экземпляры монет (табл. I и II): *2* (Лондон) — по имеющемуся в ИИМК слепку; *1* (Брюссель), *3* (Берлин), *4* (Париж), *5* (собр. Русопулоса) и *6* (собр. Пирпонт Морган) — по J. Svoronos (Les monnaies d'Athènes. München, 1923, табл. 8, *8*, *13—15*, *17*); *8* (собр. Зельтмана) — по C. T. Seltman (Greek Coins. London, 1933, табл. XIII, *2*); *7* — по W. Froehner (Monnaies grecques de la collection Photiades. Paris, 1890, табл. IV, *532*); *9* (собр. Джемсон) — по книге C. T. Seltman'a, указанной в примеч. 1; по этой же книге указывается и местонахождение экземпляров.

[3] J. Svoronos, ук. соч., табл. 114, *5*, *6*, *7*.

1—7 Подлинные афинские декадрахмы в различных собраниях.

8, 9 — подлинные афинские декадрахмы собраний Зельтмана и Джемсона; 10 — декадрахма Исторического музея; 11—13 — поддельные афинские декадрахмы.

по сходящимся линиям листья на шлеме. На оборотных сторонах всех этих поддельных экземпляров, помимо вытянутых пропорций тела совы и изогнутых крыльев, бросается в глаза присутствие полумесяца, которого, по словам автора, «не рискнул бы изобразить ни один фальсификатор». Предоставляем беспристрастному читателю судить о том, к какой из двух групп, к первым девяти или к последним трем ближе подходит декадрахма Исторического музея, изображенная на табл. II, *10*.[1]

Макрофотоснимок рис. 2 на табл. 2[2] (стр. 186) не опровергает, а подтверждает высказанное экспертизой Эрмитажа сомнение. Если автор статьи настаивает на обратном, то это свидетельствует лишь о том, что он не понял этого пункта в заключении экспертизы, так как не имеет ясного представления о процессе чеканки в V в. Кончик левого крыла совы непосредственно упирается в валик, дугообразно обходящий край монеты, и сливается с ним. Между тем штемпель оборотной стороны в V в., как известно,[3] имел форму пирамидки с квадратным основанием и, углубляясь в тело монетного слитка, мог оставлять по краям припухлости лишь прямолинейного строения. Это ясно видно на оборотных сторонах всех изображенных у нас подлинных монет, так же как и то, что нигде концы крыльев совы с этими припухлостями не соприкасаются.

Сопоставление макрофотоснимков рис. 2 на табл. 2 и рис. 2 на табл. 3 незакономерно. Трудно судить по одному небольшому участку монеты, но я почти не сомневаюсь, что на тетрадрахме рис. 2 табл. 3 уступчатое строение контура ног совы вызвано весьма частым на античных монетах и естественным при ручной чеканке явлением так наз. двойного удара. На рис. 2 табл. 2 такого двойного удара нет, а есть несколько борозд, идущих вдоль внутреннего контура крыла, не параллельных, а расходящихся пучком, что и свидетельствует о нанесении их от руки. Иначе как работой резца я не могу себе объяснить и бороздки на самом крыле и на обрамляющем край монеты валике, заметные на макроснимке.

Утверждение, что уступчатые контуры «делались нарочно для облегчения снятия штампа с готовой монеты» (стр. 185), должен сказать, мне совсем непонятно. Оно совершенно не увязывается с теми представлениями, которые можно себе составить на основе известной мне научной литературы по античной монетной технике.

Относительно приведенных в статье рентгенограмм, при всем моем уважении к физическим методам исследования археологических памятников, я, однако, воздержусь от высказываний по существу по следующим причинам. Во-первых, потому, что необходимо, очевидно, видеть рентгенограммы в подлинниках, так как при воспроизведении их в клише, повидимому, утратилось то резкое различие между рентгенограммой 4 и тремя другими, о котором говорится в статье. Во-вторых, успех и убедительность такого исследования обусловливается возможно более полным учетом установленных в настоящее время археологической наукой подробностей античной монетной техники, а также всех видов современной фальсификации монет и постановкой экспертам-рентгенологам вытекающих из этого учета вопросов.

Такие вопросы, судя по приведенной части заключения, заданы не были, да и нет уверенности, что они могли быть правильно поставлены авто-

---

[1] Изображение воспроизводит в натуральную величину фотоснимок, сделанный Историческим музеем в слегка увеличенном масштабе.

[2] Арабская нумерация таблиц в статье Ю. С. Крушкол.

[3] Изображения подобного штемпеля тетрадрахм см.: I. Σβορῶνος, Σφραγὶς Ἀθηναικοῦ τετραδράχμου. Corolla Numism., Oxford, 1906, стр. 285. — G. Dattari, A Hoard of Athenian Tetradrachms. Journ. Internat. d'Archéol. numismat., Athènes, VIII, 1905, табл. II, *1—3*. — Alb. Neuburger, Die Technik des Altertums, Lpz., 1920, стр. 45, рис. 50.

ром статьи. По крайней мере обнаруживаемое им недостаточное знакомство с античной монетной техникой и его чрезвычайно решительно и безоговорочно заявленная попытка свести все разнообразие современных способов подделки монет к одному лишь литью с последующей обработкой резцом, оснований для такой уверенности не дают.

Наконец, еще одно неверное утверждение, нуждающееся в поправке, состоит в том, что консультация Эрмитажа якобы не дала определенного результата. Позволю себе с разрешения дирекции Эрмитажа воспроизвести соответствующий акт целиком, дабы читатели убедились, что для кратковременной экспертизы (монета находилась на исследовании не более двух-трех часов) ответ Эрмитажа достаточно определенен и решителен.

АКТ № 326.

Ленинград, 16 апреля 1937 года.

Мы, нижеподписавшиеся, вр. и. о. зав. Отделом нумизматики Зограф А. Н. и действит член Гос. Эрмитажа Ильин А. А., составили настоящий акт в том, что нами по просьбе научного сотрудника Гос. Исторического музея в Москве Ю. С. Крушкол произведена экспертиза привезенной ею декадрахмы г. Афин. После тщательного осмотра монеты и сравнения ее с репродукциями изданных в атласе Свороноса экземпляров подлинных афинских декадрахм, а также с экземплярами, изданными в книге C. T Seltman'a «Athens, its History and Coinage», мы пришли к следующим выводам. Утверждать, что монета литая, нет решительных оснований. Тем не менее на обеих сторонах монеты можно заметить явные следы обработки ее поверхности граббштихелем; особенно отчетливо эти следы видны вдоль края крыльев совы. Помимо ряда отличий от других экземпляров декадрахм в форме головы, уха, губ (улыбка), считаем необходимым остановиться на следующих несообразностях, вызывающих недоумение. В противовес всем другим декадрахмам и тетрадрахмам того же времени, на которых волосы, выходящие из-под назатыльника шлема, спускаются значительно ниже обреза шеи и образуют петлю или узел, на данном экземпляре декадрахмы пряди волос, спускающиеся из-под шлема, подрезаны по прямой линии, чуть пониже обреза шеи, создавая впечатление, что они подстрижены. Совершенно непонятна линия, идущая вдоль внешнего контура султана на шлеме. На оборотной стороне неприятны вытянутые пропорции тела совы — особенно это касается ее ног — и рафинированно изогнутые крылья. Специально следует отметить, что кончик левого крыла совы пересекает рамку вдавленного квадрата оборотной стороны. Поскольку штемпель, которым бита оборотная сторона, имел квадратное сечение, и фигура совы должна была быть вписана в его квадратное поле, подобное взаимоотношение между кончиком крыла и рамкой quadrati incusi могло получиться лишь в результате обработки крыльев совы граббштихелем, на что указывалось выше.

Все вышеизложенное вынуждает безусловно признать декадрахму сомнительной.

Настоящий акт составлен в 2 экземплярах, из коих один хранится в делопроизводстве по учету и хранению Гос. Эрмитажа, другой вручен Ю. С. Крушкол для передачи в Гос. Исторический музей.

Вр. и. о. зав. Отделом нумизматики *А. Зограф.*

Действительный член Гос. Эрмитажа *А. Ильин.*

После вызванного статьей Ю. С. Крушкол углубленного исследования вопроса могу с бо́льшей уверенностью признать декадрахму Исторического музея поддельной.

М. А. НАЛИВКИНА

НОВАЯ НАХОДКА РЕЛЬЕФА В ХЕРСОНЕСЕ

В начале 1939 г. в Херсонесе во время земляных работ была найдена мраморная плита с рельефным изображением возлежащего Геракла (рис. 1),[1] дополняющая издаваемую в настоящем томе серию рельефов из того же района. Размеры плиты: 0.215×0.24×0.11 м; высота рельефа 0.02—0.01 м. Нижний и правый края сохранили раму (0.06 и 0.025 м). Верхние углы сбиты, очевидно, в результате вторичного использования плиты в более позднее время: плита найдена была заложенной в кладку стены позднесредневекового здания. Лицевая рельефная часть, особенно лицо Геракла и правая рука, держащая сосуд (?), также повреждены. Обратная сторона не обработана. Всю лицевую часть плиты занимает изображенная в плоском рельефе фигура Геракла, опирающегося левым локтем на скалу. Бородатая голова Геракла изображена en face, туловище повернуто в три четверти, нога — в профиль. Следы львиной шкуры с трудом различимы на нижней раме. В правой вытянутой руке палица — непременный атрибут Геракла; в левой — сосуд, форму которого точно определить затруднительно, так как рельеф в этом месте поврежден. Правая нога согнута в колене, левая также слегка согнута и подложена под правую. Над правой рукой Геракла изображен какой-то предмет, по форме напоминающий горит (?).[2] Формы тела Геракла при всей относительной их реалистичности отличаются диспропорцией; почти юношеские, они не совсем гармонируют с большой бородатой головой зрелого героя.

Сравнивая этот рельеф с опубликованными нами выше, следует отметить отличие свободных и мягких форм тела Геракла на херсонесском рельефе от стройных, но вместе с тем статичных и засушенных форм юного тела Геракла на Майнакском рельефе.[3] Одесский рельеф,[4] отличающийся еще более свободной трактовкой тела, в этом отношении ближе к вновь найденному херсонесскому рельефу. Общность их выражается также и в одинаковой плоскости рельефа, несмотря на различие в материале.

Среди многочисленных опубликованных изображений Геракла можно найти не мало изображений, близких по сюжету новому херсонесскому рельефу. Таково изображение возлежащего Геракла, воспроизведенного у С. Рейнака.[5] Сходную позу имеет статуэтка Геракла, хранящаяся в музее Брусы.[6] Близкой аналогией является и статуэтка из известняка,

[1] Хранится в Херсонесском музее. Подробное описание рельефа см. в заметке С. Ф. Стржелецкого в «Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях ИИМК» (вып. II, стр. 36—37).

[2] Форму горита на сакском рельефе см выше, стр. 109, рис. 1.

[3] См. выше, стр 112, рис. 3.

[4] См. выше, стр. 111, рис. 2.

[5] S. Reinach. Répertoire des statuaires grecques et romaines. Paris, 1897, т. I, стр. 469.

[6] BCH, 1909, стр. 258, рис. 5. — S. Reinach, ук. соч., т. IV, стр. 133. — E. Loewy, RM, XII, 1897, стр. 56, 61, рис. 2; стр. 146, рис. 2. — J. N. Svoronos. Das Athener Nationalmuseum, Textband I, стр. 464, Tafelband I, табл. XXVIII.

найденная в Транстевере.[1] Наиболее ранние из этих памятников восходят ко II в. до н. э., т. е. к эпохе позднего эллинизма. Большая же часть как статуэток, так и рельефов с изображением возлежащего Геракла датируется римской императорской эпохой. [2] Найденный в Болгарии посвятительный рельеф лишь в деталях отличается от привлеченных памятников; фигура возлежащего Геракла близка херсонесскому Гераклу. Приведенный материал позволяет отнести херсонесский рельеф скорее всего к рубежу I в. до н. э. — I в. н. э.

Рис. 1. Мраморный рельеф, найденный в 1939 г. в Херсонесе.

Таким образом новая находка мраморного рельефа в Херсонесе по своему содержанию и техническому выполнению дополняет серию памятников с изображением отдыхающего Геракла, найденных на территории Херсонеса и в близких к нему северо-западных районах, подтверждая наличие культа Геракла в Херсонесе. [3] Особенности технического выполнения плоского рельефа в мраморе характеризуют своеобразную переработку античных форм в туземной среде; это тесно сближает новый рельеф с другими аналогичными памятниками северо-западной окраины Херсонеса. Эти местные черты придают большую ценность вновь найденному рельефу.

---

[1] Notizie degli scavi di Antichita, 1889, стр. 243, рисунок на стр. 245 b.

[2] См. Archäologischer Anzeiger, 1911, стр. 367, рис. 11. — E. L o e w y, ук. соч.

[3] Ср. мраморный рельеф с изображением отдыхающего Геракла (Херсон. музей, инв. 1925 г.—4751), а также торс Геракла, борющегося со львом (инв. 1925 г.—4569). См.: Г. Д. Б е л о в. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг., стр. 57.

Н. ВОРОНИН

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ЭПИГРАФИКИ XII в.

В статье Якова Протопопова в № 28 «Владимирских губернских ведомостей» за 1840 г., в которой впервые дано описание церкви Покрова на Нерли, построенной в 1165 г. близ Боголюбова, содержалось указание на любопытный памятник эпиграфики: «У северной стороны алтаря лежит небрежно какой-то старинный надгробный памятник, высеченный в виде креста из белого камня; на нем приметны еще слова, но их разобрать нельзя»... [1] В. Доброхотов в 1852 г. более подробно описал этот памятник: «Около с. в. угла Покровской церкви небрежно положен снятый с своего кирпичного фундамента древний четвероконечный крест, высеченный из белого камня. Длина его ныне $2^1/_4$ арш., ширина 1 арш. 21 в., а толщина более полуаршина. Он был длиннее и шире, но народ, полагая в нем целебное свойство — утолять зубную боль, издавна и безжалостно обивает края его, и до того исказил углубления ныне таинственных письмен его, *вырезанных на одной стороне во всю длину и в ширину креста*, что только при закате солнца можно разобрать и то не более двух или трех славянских букв, тогда как лет за 20, сколько помнится, большая часть букв по очищении засоренных углублений могла быть прочитана. Рассказывают, что этот памятник давних времен построен в одни с в. к. Андреем годы, а *из записи видно, что он перенесен сюда в начале настоящего* (XIX, — *Н. В.*) *столетия с берега Нерли и находился саженях в 50 от Покровской церкви*. Говорят также, что назад тому лет 12 на таком же пространстве от церкви, на пути к ней, ведущем от Боголюбова монастыря, лежал белый же квадратный камень, имевший в диаметре аршин, или более, а в середине камня было вытесано углубление вроде чаши. Не был ли он подставкою креста?» [2] В 1875 г. крест описывает (может быть со слов Доброхотова) и Н. Островзоров, указывая то же место креста — у северо-восточного угла церкви. [3] Сведения В. Доброхотова повторяет в 1895 г. М. Сперанский. [4] Затем памятник совершенно исчезает из литературы и никаких упоминаний о нем мы не находим. Не приводит сведений о нем ни И. А. Шляпкин, [5] ни А. А. Спицын. [6] Крест, очевидно, был куда-то перенесен.

---

[1] Я. П[ротопопов]. О ц. Покрова на Нерли близ Боголюбова монастыря, стр. 111. В другой статье тот же автор указывает, что первоначально крест находился в 50 саж. от ц. Покрова на самом берегу р. Нерли. (Остатки древностей в Боголюбовом монастыре. Владимирские губернские ведомости, 1843, № 34.)

[2] В. Доброхотов. Древний Боголюбов город. М., 1852, стр. 80.

[3] Н. Островзоров. Историческое описание Боголюбова монастыря. Владимир, 1875, стр. 42.

[4] Придорожные кресты в Чехии и Моравии и византийское влияние на Западе. Археол. изв. и зам., 1895, № 12, стр. 405, прим. 51.

[5] Древние русские кресты. ЗОРСА, т. VII, вып. 2, СПб., 1907.

[6] Заметка о каменных крестах. ЗОРСА, т. V, вып. 1.

Наши поиски креста у ц. Покрова во время археологических разведок 1934—1935 гг не увенчались успехом. Не оказалось его и на кладбище сельской церкви Йоакима и Анны и в самом Боголюбовом монастыре.

Случайно, при работе над материалами фотоархива ИИМК, среди фотографий П. П. Покрышкина мною был обнаружен снимок с «древнего

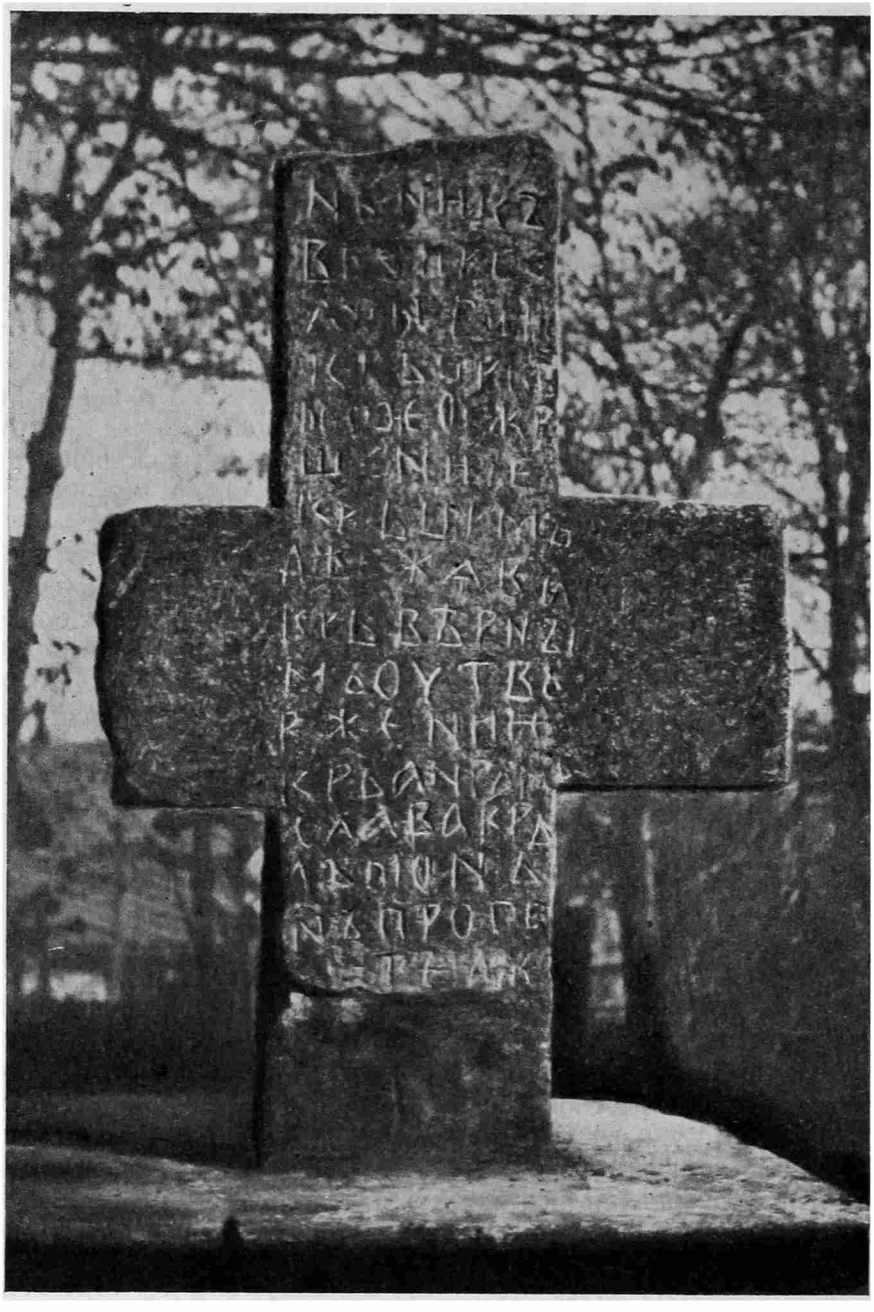

Рис. 1. Нерльский крест (Фот П. П. Покрышкина.)

креста у ц. Иоакима и Анны в Боголюбове» (рис. 1).[1] П. П. Покрышкин был командирован в Боголюбово 25 апреля 1911 г. для осмотра сельской церкви в связи с возобновлением там живописи.[2] Как оказалось при новых поисках памятника, он был перенесен на открытое сельское кладбище, находящееся

[1] Фотоархив ИИМК. № 12677

[2] Архив ИИМК. Фонд Археологической комиссии, дело № 50, 1911.

на задворках села к северу от шоссе, где и обнаружен нами; там он был сфотографирован и П. П. Покрышкиным.

Размеры креста (1.29 × 0.85 × 0.32 м) вполне соответствуют указанным В. Доброхотовым для древнего креста у Покрова на Нерли. Материал — белый камень. Надпись, согласно описанию Доброхотова, занимает стержень креста «во всю длину и ширину». По своей форме крест принадлежит к числу архаических (первый тип классификации Шляпкина).[1] Надпись была, видимо, не столько стерта, сколько загрязнена и потому не поддавалась чтению. Таким образом не вызывает сомнений, что это — нерльский крест, описанный В. Доброхотовым. Надпись состоит из 17 строчек (вышина букв 5—6 см) и содержит известный текст «похвалы кресту».[2] Приводим ее с сохранением особенностей графики (рис. 2).[3]

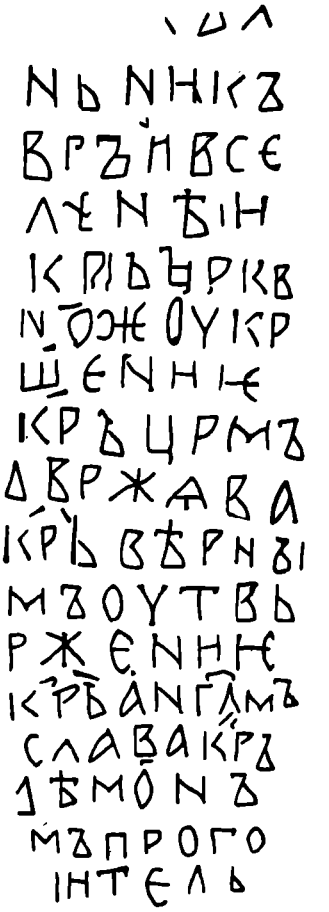

Рис. 2. Нерльский крест. Прорись.

Отметим сначала общие признаки архаичности графики надписи. Таковыми являются строчность надписи, начертания Ь и Ѣ с треугольным кузовом, равнобедренное Л, равное П, начертание С, О, Ѳ, Б; характерно употребление ОУ и твердого знака (Ъ) вместо О, архаическое Ы с ером, уставная форма К. Признаками, определяющими принадлежность памятника ко времени до XIII в., точнее — к XII в., являются следующие: начертание буквы Н, приближающееся к латинскому начертанию (характерно, что перекладина не доходит до конца правой мачты); буква Ф своей перекладиной лежит в строке; Ж симметрично, написано в три приема — манера, наблюдаемая в XI в.; Ц имеет прямой хвост (как бы продолжение правой мачты); в пользу датировки креста XII в. говорят также формы И и Р; наконец, о том же свидетельствует своеобразное У в виде вилки, находящее некоторое подобие лишь в памятнике 1157 г.— надписи на кресте Ефросинии Полоцкой.[4] Впрочем возможно, что это своеобразное начертание находит объяснение в технике письма на камне; этим же, видимо, объясняется отход от мачты крюков в букве К.

Однако, если сопоставить письмо боголюбовского креста с четкой артистической графикой надписи 1234 г на святославовом кресте в Юрьеве Польском,[5] то сравнение — не в пользу первого: надпись боголюбовского креста небрежнее, графика менее устойчива.

В этом смысле надпись ближе по стилю к другому эпиграфическому памятнику, недавно открытому директором Суздальского музея А. Д. Вар-

---

[1] И. А. Шляпкин, ук. соч., табл. X, *1*.

[2] Служба воздвижению креста. Минея праздничная, М., 1895, стр. 28.

[3] Пробелка букв мелом, сделанная на снимке П. П. Покрышкина не везде верна. Ср. рис. 1 и 2.

[4] Приношу благодарность И. А. Бычкову, Н. Ф. Лаврову, В. В. Майкову, Н. С. Чаеву за их помощь в проверке моих наблюдений над графикой памятника.

[5] И. А. Шляпкин. Каменный крест 1224 г. князя Святослава Всеволодовича в г. Юрьеве Польском. ЗОРСА, т. V, вып. 2, стр. 47, рис. 15. — К. К. Романов. Святославов крест в г. Юрьеве Польском. Сб. археол. статей в честь А. А. Бобринского, СПб., 1911. — М. И. Марков. Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913, стр. 35—37.

гановым (рис. 3 и 4).[1] Это прямоугольная белокаменная плита (0.99×0.32× × 0.09 м), вставленная вертикально (правым концом вниз) в южный угловой пилястр восточного фасада суздальского Рождественского собора; по своему местоположению она принадлежит кладке 1222—1225 гг., когда собор перестраивался кн. Георгием Всеволодовичем.[2] Следовательно, плита с надписью — не позднее 1222 г. От резной надписи сохранились

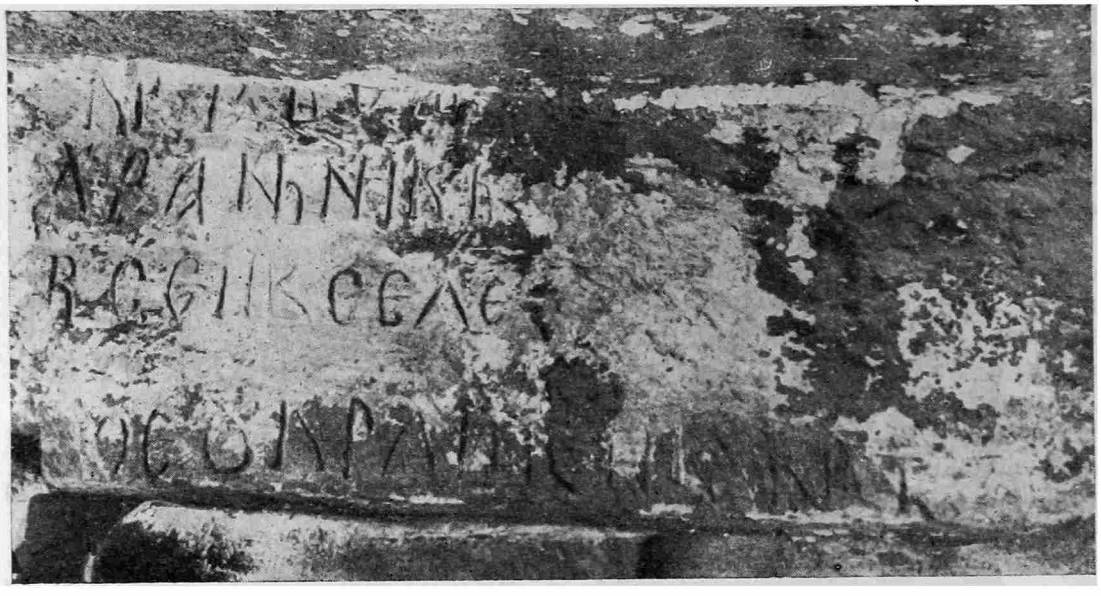

Рис. 3. Суздальский собор. Надпись юго-восточного пилястра.

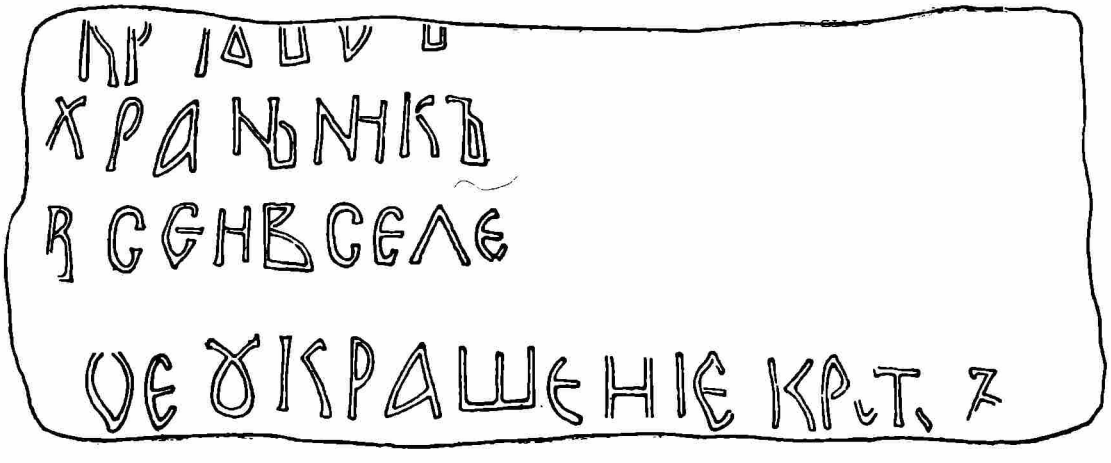

Рис. 4. То же, прорись.

обрывки трех строк и нижние концы букв четвертой верхней; она содержала тот же текст, что и боголюбовский крест (т. е. «похвалу кресту»). Суздальская надпись дает и совпадающую с боголюбовским крестом странную форму слова «храньник» вм. «хранитель» («крест храньник всей вселенной»).[3] При стремлении резчика к строчности (вышина букв 4.5 — 5.5 см),

[1] Приношу благодарность А. Д. Варганову за разрешение опубликовать памятник.
[2] Лаврентьевская летопись под 6730 г. — А. Д. Варганов. К истории владимиро-суздальского зодчества. Сов. музей, 1938, № 2.
[3] В «Материалах для словаря древне-русского языка» И. И. Срезневского этой формы не находим.

надпись неровна. Буква Ѵ нормальна, в отношении букв Н и И можно повторить сказанное о них выше. К сожалению, обломок слишком незначителен. Любопытно, что надпись была сделана в форме креста: верхние три строки короткие и ровно ограничены по вертикали справа; четвертая — длинная — выступала справа и слева на расстояние, равное вышине первых трех строк. Учитывая весь текст «похвалы кресту», можно быть уверенным, что надпись была расположена крестообразно, образуя фигуру четырехконечного креста. По положению надписи на плите ясно, что это не был отдельно стоящий каменный крест; кроме того, сама плита тонка и приспособлена именно для облицовки; следовательно, эта надпись была сделана непосредственно на стене какого-то здания. Наиболее вероятно, что этот камень происходит от того же суздальского собора, причем, судя по его палеографии, он позднее боголюбовского креста и относится скорее всего ко времени ремонта и украшения собора Всеволодом (1194).

Бесспорная принадлежность боголюбовского креста XII веку и его топографическая связь с берегом Нерли (около ц. Покрова) позволяет, вслед за легендой, связать этот памятник с временем князя Андрея Боголюбского.

И. Малышевский [1] сделал попытку связать этот крест с определенными событиями и более точной датой. Он указывает на известную из «Степенной книги» [2] и «Жития Андрея Боголюбского» [3] легенду, что в 1164 г. последний одновременно с победой греческого императора Мануила над сарацинами одержал победу над болгарами, в связи с чем был установлен праздник креста 1 августа. С этим автор и связывает наш крест. Нужно отметить, что надпись тогда не читалась, содержание ее («похвала кресту»), известное теперь, говорит действительно в пользу гипотезы И. Малышевского.

За последние десятилетия собрано и систематизировано большое количество памятников, аналогичных нерльскому кресту, и сделаны попытки их объяснения. Следуя установленной типологии, мы должны отнести нерльский крест к группе отдельно стоящих монументальных крестов, известных в XII—XIII вв. Это так наз. «памятные кресты». Распространенность памятников этого рода отразилась в образе былинного «леванидова креста: на Днепре или «Почай реке». Из таких крестов сохранились стерженский (1133) и лопастицкий (XII в.) кресты, [4] связанные с водными путями в верховьях Волги, затем намогильный Зимненский крест под Владимиром-Волынским на могиле одного из воинов Даниила Галицкого — Клима Христинича (1213), [5] по письменным источникам известны: «Игнач крест» на «Серегерьском пути», [6] далее, два креста, связанные с северными речными путями: один был поставлен князем ростовским Глебом в 1278 г. на месте отведенного им русла р. Сухоны, в местности, названной «Княже-Глебовой простью», описанной в летописи Паисия Ярославова, [7] другой крест был поставлен на «Крестовом наволоке» в среднем течении р. Онеги при устье р. Шелекши. [8] Известен, наконец, памятный крест, поставленный в 1186 г кн. Михаилом Всеволодовичем Черниговским около Никитского монастыря в Переяславле Залесском. [9]

---

[1] О придорожных крестах. Тр. Киевск. дух. акад., 1865, т. III, стр. 367—369, 381.
[2] ПСРЛ, XXI, стр. 234—235.
[3] В Доброхотов, ук. соч., стр. 71.
[4] А А Спицын, ук. соч., стр. 206—208.
[5] И А Шляпкин, ук. соч., стр. 55—56.
[6] ПСРЛ, X, стр. 112.
[7] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, прим. 160.
[8] Упоминается в 1604 г , указан И. А Шляпкиным, который считает крест деревянным (ук. соч., стр. 59).
[9] И. А. Шляпкин, ук. соч., стр. 62.

Н. И. Репников указал большой каменный крест на берегу Волхова при порогах, который предание связывало с именем Антония Римлянина.[1]

Работа В. Колосова, посвященная двум древнейшим крестам — стерженскому и лопастицкому,—[2] с исчерпывающей ясностью установила как их назначение, так и исторические условия, в которых они возникли.

Образование и рост со второй половины XI в. Суздальского княжества поставили под угрозу новгородскую самостоятельность: древние новгородские пути на Волгу оказались в руках суздальских князей. В обстановке нарастающих противоречий Новгорода с Суздальским княжеством и приближающихся военных столкновений проблема независимости от Суздаля водных путей на Волгу — к хлебному низу — имела огромное значение для Новгорода. Мстинско-Тверецкий путь не решал этой задачи — он был близок к границам Суздальщины. В 1133 г., т. е. непосредственно перед войной с Юрием Долгоруким (1135), сын ладожского посадника Иванко Павлович производит углубление Волги, пытаясь связать ее с Новгородом через рр. Полу и Ловать. На сторожевом городке, предназначенном охранять этот новый путь Новгорода, и был им поставлен крест. Того же порядка и второй крест— Лопастицкий, поставленный на берегу пролива между озерами Видбиным и Лопастицким; пролив этот являлся частью второго, парного Стерженскому, пути на Верхнее Поволжье. Немного позже возникший «Серегерьский путь» также был отмечен памятным крестом— «Игнач крест». Таким образом кресты выступают в значении путевых знаков на водных артериях важнейшего стратегического и хозяйственного значения.

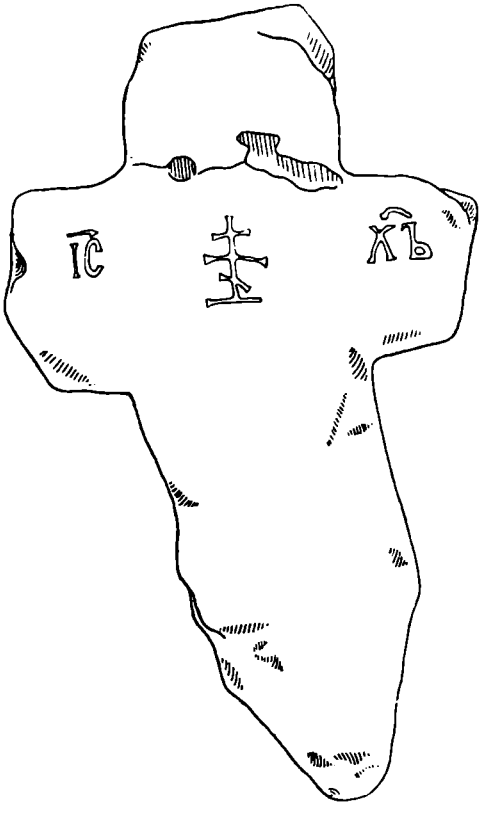

Рис. 5. Крест у с. Погост на р. Болве.

После работ В. Колосова, А. А. Спицына (и до работы И. А. Шляпкина) о каменных крестах появился еще новый памятник этого рода, найденный Н. И. Булычевым при раскопках 1903 г. [3] Это каменный крест около церкви с. Погост в верховьях притока Десны р. Болвы (рис. 5). Материал креста точно не известен, автор называет его просто каменным; [4] выполнен он крайне грубо; размеры креста следующие: выс. 1.19 м, шир. 1.15 м, толщ. 0.13—0.16 м. В центре — изображение восьмиконечного креста, [5] на концах перекрестия монограммы ІС—ХЛ. Издатель отмечает, что по местному сказанию, крест «будто бы был воздвигнут на могиле одного князя,

[1] Фотография имеется в фототеке ИИМК.

[2] В. Колосов. Стерженский и Лопастицкий кресты в связи с древними водными путями в верхнем Поволжье. Тверь, 1890. — Ср.: Тр. VIII АС, т. IV, прот., стр. 113 (краткое изложение).

[3] Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, стр. 9—10.

[4] Скорее всего крест был высечен из известняка, выходы которого имеются в верховьях Болвы.

[5] Восьмиконечный крест есть на антиминсе 1149 г. (Ф. М. Морозов. Антиминс 1149 г. ЗОРСА, т. XI). Форма с треугольными расширениями концов известна из графики XII в. на камнях зданий XII в. в Боголюбове, Переяславле и Суздале.

племянника (?) в. к. Андрея Боголюбского, убитого во время военного похода на берегу р. Болвы, близ той местности, где ныне с. Погост». Река Болва, проходящая Брянским лесным массивом, [1] довольно многоводная еще и теперь, является частью одного из водных путей с Волги на Днепр: Окой в Жиздру, волоком на Болву и Десной в Днепр.[2] Таким образом этот крест, подобно упомянутым выше древним путевым крестам, связывается с водной магистралью, в данном случае шедшей от Владимиро-Суздальской земли. Легенда, относящая памятник ко времени кн. Андрея Боголюбского (вспомним поход на Киев 1169 г.), повидимому, не лишена оснований.

Кресты на Сухонском «канале» ростовского князя Глеба и памятник «крестного наволока» на средней Онеге — и в XII в. и позже — имели, несомненно, то же значение, будучи связаны с новгородской или ростовской деятельностью на севере. Издаваемый нами нерльский крест — памятник с надписью XII в. — принадлежит к той же группе крестов на водных путях, [3] что и верхневолжские новгородские кресты; более того, он возник, вероятно, в той же обстановке борьбы за гегемонию в феодальной Руси Владимиро-Суздальского княжества. Освоение речного пути по волжской и клязьменской Нерли с его веткой через оз. Неро и Которосль, начатое Юрием Долгоруким, укрепившим в устье волжской Нерли город Коснятин,[4] имело задачей изолировать старобоярские аристократические города Ростов и Суздаль и поставить под княжеское наблюдение важнейшую военно-торговую артерию края.[5] Андрей Боголюбский завершает эту политическую операцию постройкой Боголюбовского замка на Клязьме и Покровского монастыря, являющегося его форпостом при устье клязьменской Нерли.

Вопрос о местонахождении креста на берегу р. Нерли удостоверяется показаниями В. Доброхотова. Однако вряд ли крест стоял между монастырем и церковью Покрова: древнейшие кресты на речных путях стоят обычно или при устье рек, [6] на протоках между озерами и соединительных каналах, [7] или в опасных местах пути. [8] Вероятнее предполагать, что крест стоял именно при устье Нерли у Клязьмы, где рекой был намыт опасный перекат, причем поставлен он был, может быть, еще до окончания постройки замка и Покровской церкви. В этом была своего рода демонстрация: место княжеского замка было указано «чудом» иконы богородицы; закрытый для Суздаля выход в Клязьму осенял монументальный крест. Несмотря на плохую сохранность, можно все же утверждать, что по сравнению с новгородскими и особенно булычевским крестом нерльский крест вытесан идеально; с ним конкурирует в этом смысле лишь крест Клима Христинича, вероятно работы галицкого мастера. Нерльский крест можно отнести к работе каменосечцев, работавших у князя Андрея в Боголюбове. Его четкая геометричность делает его почти произведением искусства.

Как бы в назидание скептическим и вольнодумным в отношении христианства старым боярам типа Василия Суздальского [9] на этом замечательно сделанном памятнике высечена пространная «похвала кресту».

---

[1] Россия, под ред. П. П Семенова, изд. Девриена, т. I, стр. 329.

[2] См. статью И Е. Забелина в «Живописной России» (изд. Вольфа, т. VI, ч. 1, стр. 2), а также. Н. П Загоскин. Русские водные пути. Казань. 1909, стр. 110.

[3] М Сперанский считал его «придорожным» (ук. соч., стр. 405).

[4] Упоминается впервые в 1148 г. в Ипатьевской летописи.

[5] Это затрагивало и новгородские интересы, поскольку Коснятин на Волге находился в непосредственной близости к новгородской границе. Неудивительно, что город Долгорукого пострадал в первую очередь при походе 1148 г., организованном против Юрия князем Изяславом. Устье волжской Нерли И. Е. Забелин называл «воротами от новгородской земли прямо к Ростову» (Живописная Россия, изд. Вольфа, т. IV, ч. 1, стр. 2, прим.).

[6] Стерженский (1133), «Крестовый наволок» (до 1604).

[7] Лопастицкий (XII в.), сухонский (1278).

[8] Крест у волховских порогов.

[9] Киево-Печерский патерик. Чудо о поковании раки Феодосия.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Г. И. ПЕТРОВ

ЗАВЕРШЕНИЕ ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ ПИТЕКАНТРОПА

(Автореферат доклада в Секторе палеолита и неолита ИИМК АН СССР 10 января 1939 г.)

Костные остатки питекантропа с момента их находок и до наших дней не раз являлись объектом самых обостренных научных споров и научной полемики. Очень хорошо заметил по этому поводу Г Вейнерт: «Ни одна находка ископаемых костей не оспаривалась так горячо, как „Pithecanthropus erectus", который так долго не получал должного признания. Эта находка настолько опередила свое время, что ученым, правильно понимавшим ее значение, не сразу удалось отстоять свое мнение... Причина ожесточенности этого спора и, надо признаться, не совсем приличного поведения, скрывалась, однако, не в самой кости: черепная крышка, несмотря на фрагментарность, представляла достаточно ясную картину и не могла разжечь подобных разногласий. Утверждение, что эта находка и есть долгожданное недостающее звено, переходная форма от „обезьяны к человеку", особенно воспламенило умы. Всякая, даже особенно резкая, критика считалась поэтому вполне законной и заходила так далеко, что явно стремилась унизить и находку и исследователя. Но, с другой стороны, уже самые эти разногласия специалистов служили достаточным показателем ценности этого ископаемого и значения его в качестве переходной формы». [1]

Обостренная борьба мнений по вопросу о питекантропе являлась особенно конкретным примером борьбы между материализмом и идеализмом в антропогенезе. Находка остатков питекантропа явилась истинным триумфом материалистической науки. Известно, что знаменитый немецкий биолог-материалист Геккель за много лет до открытия остатков питекантропа не только предсказал это открытие, но даже указал точно географический район, в котором нужно искать эти ископаемые остатки, и дал совершенно точное описание физических признаков питекантропа. [1]

«Обезьяно-люди или питекантропы, — писал Геккель, — жили, вероятно, в конце третичного времени. Они произошли от человекоподобных обезьян или антропоидов путем полного приобретения прямой походки и соответственного сильного диференцирования обеих пар конечностей. „Передние конечности" антропоидов стали

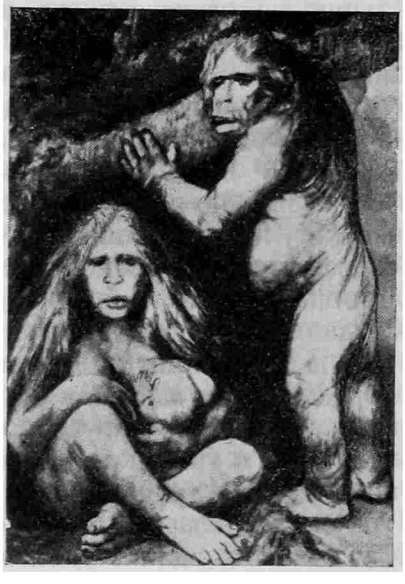

Рис. 1. *Pithecanthropus alalus*. Реконструкция физического облика питекантропа, выполненная художником Габриэлем Максом в соответствии со взглядами Геккеля, до находки подлинных остатков питекантропа (из Геккеля).

[1] Г. Вейнерт. Происхождение человечества. Биомедгиз, 1935, стр. 193.

[1] E. Haeckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte. Цит. по 6-му изд. Берлин, 1875.

у них человеческими руками, „задние“ — наоборот, стали служить лишь для ходьбы» и т. д.

Знаменитый французский археолог Габриэль де-Мортилье также дал во многих отношениях замечательную характеристи-

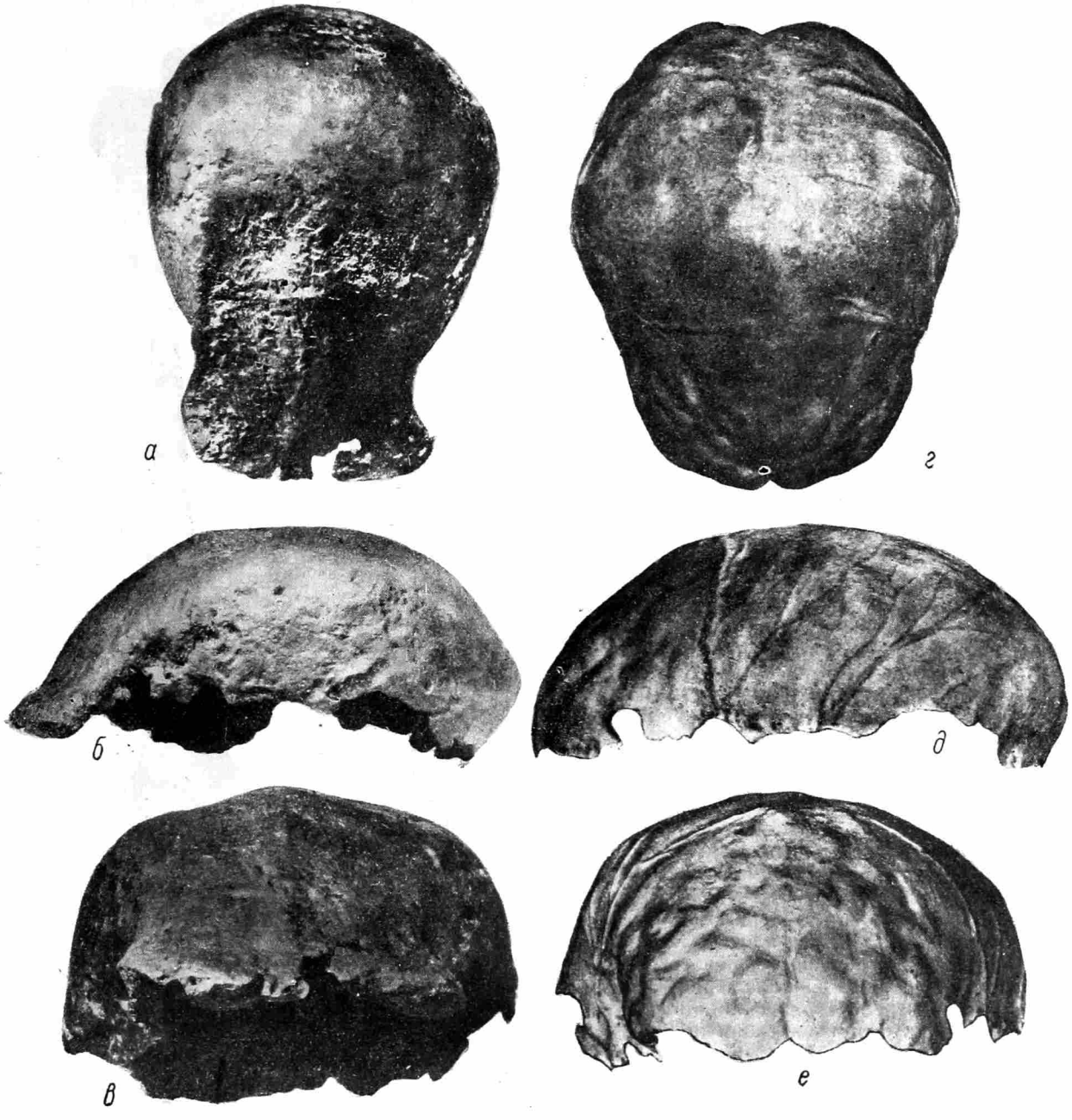

Рис. 2. Питекантроп Дюбуа (по материалам Дюбуа).

а — черепная крышка питекантропа, вид сверху; *б* — то же, профиль; *в* — то же, фас; *г*, *д*, *е* — слепок внутренней полости черепа питекантропа, дающий представление об общей конфигурации мозга питекантропа и о некоторых деталях строения мозга (расположение некоторых кровеносных сосудов, расположение важнейших извилин, сравнительная величина полушарий головного мозга и т. д).

ку особенностей питекантропа за 20 лет до того, как стали известны подлинные остатки. [1]

Интересные соображения о природе существ, занимающих промежуточное положение между обезьянами и человеком, высказывались и другими крупными исследователями того времени, стремившимися к материалистическому освещению проблем антропогенеза.

В литературе уже отмечался тот факт, что Дюбуа, автор находки остатков питекантропа, отправился на острова Суматру и Яву в поисках питекантропа в зна-

[1] G. de Mortillet. Le précurseur de l'homme. Association française pour l'avancement des sciences. Congrès de Lyon, 1873 (и другие работы).

чительной мере под влиянием Геккеля и других ученых материалистов.[1]

В 1891—1892 гг. Дюбуа открыл остатки питекантропа.

В 1894 г. вышла в свет его монография о питекантропе.[2] В 1895 г. Дюбуа демонстрировал остатки питекантропа на III Интернациональном зоологическом конгрессе в Лейдене. Именно на этом конгрессе особенно резко обнаружился раскол мнений по вопросу о питекантропе и особенно ясно выявилась группа ученых, во главе с Рудольфом Вирховым, абсолютно отвергавшая взгляд на питекантропа как на звено человеческой эволюции. С той поры дискуссии о питекантропе, по существу говоря, не прекращались до самого последнего времени.

Мы не имеем возможности излагать здесь сколько-нибудь подробно всю историю дискуссии (в литературе она излагалась неоднократно) Отметим лишь, что в главнейших чертах возражения, которые делались против питекантропа, можно свести к двум основным тенденциям. Первая из них заключала полное отрицание значения питекантропа для понимания эволюции человека; характерные признаки питекантропа объяснялись патологическими причинами, посмертной деформацией и т. д. — такова линия возражений, начало которой положил Р. Вирхов, а закончил Минаков. Вторая тенденция заключалась в стремлении превратить питекантропа в боковой отпрыск родословного древа человека, тем самым исключив его из ряда прямых предков человека. Эта тенденция была представлена гораздо более значительным числом авторов, чем первая. В то же самое время эта тенденция являлась и особенно опасной, так как здесь фактическое отрицание значения питекантропа было весьма утонченно замаскировано.

Особого внимания заслуживает так называемая «гиббоновая гипотеза», т. е. попытка толковать питекантропа как крупную человекоподобную обезьяну, родственную гиббонам, а не как прямого предка человека. Как отмечалось в специальной литературе, первоосновой этого взгляда было неудачное сопоставление черепа гиббона с черепной крышкой питекантропа, без учета огромных различий в размерах между обоими объектами. Гиббоновая гипотеза возникла со времени первых дискуссий о питекантропе и до самого недавнего времени пользовалась поддержкой со стороны ряда крупных исследователей, особенно в Германии, где ее поддерживали: Krause, Waldeyer, Ranke, R. Martin, Bumüller, Birkner, в известной мере Mollison и другие авторы. Вне Германии гиббоновую гипотезу наиболее отчетливо поддерживали Ramström, Sergi и M. Boule.

Несколько лет тому назад гиббоновая гипотеза была уже, по сути дела, опровергнута блестящим исследованием Г. Вейнерта о лобных пазухах на черепе питекантропа.[1] Однако за самые последние годы

Рис. 3. Бедренная кость питекантропа. Рядом для сопоставления приведена бедренная кость современного человека, совершенно сходная с костью питекантропа (из Дренана).

гиббоновая гипотеза вновь привлекла к себе внимание, в связи с неожиданной эволюцией взглядов самого Дюбуа.

В течение более чем 40 лет с момента открытия остатков питекантропа, Дюбуа твердо и настойчиво характеризовал питекантропа как переходное звено между обезьяной и человеком, а отнюдь не как гиббоноподобную высшую обезьяну. В работе 1894 г. (см. выше), анализируя признаки

[1] Г. Вейнерт, ук. соч. — G. Ell. Smith. The circumstances that led to the discovery of Pithecanthropus. The search for man's ancestor. Лондон, 1931.

[2] E. Dubois. Pithecanthropus erectus, eine menschliche Übergangsform aus Java. Батавия, 1894.

[1] H. Weinert. Die Ausbildung der Stirnhöhlen als stammesgeschichtliches Merkmal. Zeitschr. f. Morphol. u. Anthropol., 1925.

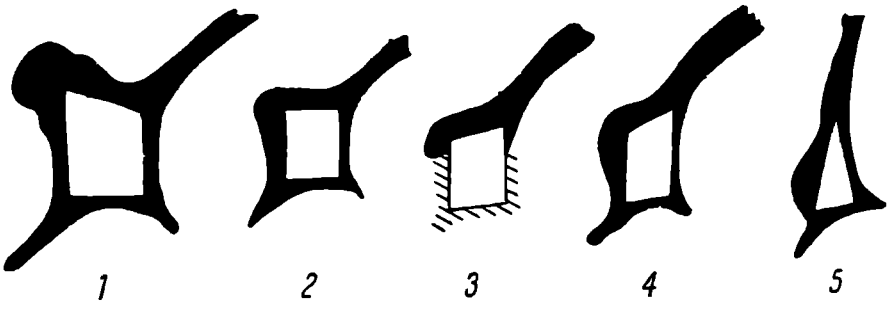

Рис. 4. Схематическое изображение формы лобных пазух у антропоидов, питекантропа и человека (из Вейнерта).

1—горилла; *2*—шимпанзе; *3*—питекантроп; *4*—неандерталец; *5*—современный человек (по Вейнерту).

черепной крышки и бедренной кости питекантропа, Дюбуа писал:

«Мы должны, следовательно, притти к заключению, что бедро питекантропа выполняло ту же механическую работу, что и бедро человека. Устройство обоих суставов и механическая ось бедра настолько схожи с теми же признаками у человека, что закон о тесном соотношении между формой кости заставляет нас считать это ископаемое существо имеющим, подобно человеку, прямое положение тела и такую же походку на двух ногах... Из этого с очевидностью вытекает, что это существо свободно пользовалось верхними конечностями, сделавшимися ненужными для передвижения и далеко уже ушедшими по пути своего совершенствования, который привел, наконец, к рукам человека как орудиям, что это ископаемое существо, конечно, не могло быть обезьяной... Как в отношении черепа, так и бедра, питекантроп отличается от человека гораздо меньше, чем от высших человекоподобных обезьян... Хотя эта плейстоценовая форма и далеко ушла вперед на пути своего развития, все же она не достигла еще вполне человеческого типа. Питекантроп — переходная форма между человеком и человекоподобными обезьянами, которая должна была существовать согласно законам эволюции. Питекантроп — предок человека».

Эти взгляды Дюбуа поддерживал и в последующих работах. Еще в 1932 г. Дюбуа писал в Московский музей антропологии в связи с открытием выставки по антропогенезу: «в настоящее время больше чем когда-либо прежде я рассматриваю питекантропа как действительное звено между обезьяной и человеком».

В период времени с 1932 по 1934 г. был сделан ряд новых открытий по питекантропу. Среди массы костей ископаемых животных, вывезенных Дюбуа с о. Явы и оставшихся неизученными, при разборке были обнаружены фрагменты 5 новых бедренных костей питекантропа. В публикациях о вновь найденных материалах Дюбуа стал явственно отходить от своих прежних взглядов и все более склоняться к гиббоновой гипотезе.

Этот процесс отхода от старых взглядов завершился в 1937 г опубликованием резкой полемической статьи под заглавием: «Pithecanthropus was not a man but a gigantic genus allied to the gibbons, etc».[1]

Дюбуа стал утверждать, что череп питекантропа будто бы сближается с черепом гиббона: 1) по своей общей форме; 2) по положению центра тяжести головы; 3) по отсутствию париетального вертекса (теменного вздутия); 4) по наличию широкой вдавленности для прикрепления двубрюшной мышцы (M. digastricus) на нижней челюсти; 5) по относительному объему мозга (сопоставленному с общим весом тела).

Основное внимание Дюбуа было направлено, однако, на бедренную кость. В ряде работ он стремился доказать, что внутренняя структура бедренных костей питекантропа совершенно иная, чем у человека. Направление осей остеонов в толще кости, соответствующее в известной мере характеру прикрепления и развития отдельных частей четырехглавой мышцы (M. vastus), на бедренных костях питекантропа будто бы такое, какое не встречается у человека, и свидетельствует о том, что питекантроп был очень хорошо приспособлен не только к хождению по земле, но и к древесному образу жизни. В этом Дюбуа усматривал одно из существеннейших доказательств в пользу гиббоноидности питекантропа.

Именно в силу полной несостоятельности гиббоновой гипотезы неожиданный и странный поворот Дюбуа не мог не вызвать самого пристального, критического внимания со стороны других исследователей.

Наиболее четкую и развернутую критику новых взглядов Дюбуа сразу же дал известный английский анатом Le Gros Clark. Он с полной убедительностью доказал несостоятельность и бездоказательность всех будто бы гиббоновых признаков, отмеченных Дюбуа на черепе питекантропа. Кроме того, он очень убедительно показал, что бедренные кости пите-

[1] Помещена в работе под общим заглавием «On the fossil human skulls recently discovered in Java and Pithecanthropus erectus». Man, январь, 1937, № 1.

кантропа практически не отличаются от человеческих. В высшей степени интересно то обстоятельство, что в формулировке своих принципиальных взглядов Ле-Грос Кларк, критикуя ошибочные позиции Дюбуа, весьма близко подошел к установкам трудовой теории очеловечения обезьяны, гениально сформулированной Энгельсом. Ле-Грос Кларк пишет: «во многих группах приматов конечности получают законченную структуру и пропорции задолго раньше других частей тела, как мозг, череп и зубы. Несколько фрагментарных остатков костей конечностей синантропа указывают, что этот ископаемый гоминид обладал конечностями, вполне подобными таковым у homo sapiens, несмотря на примитивный характер мозга и черепа. Древние эоценовые лемуры (представленные нотарктом) имели структуру конечностей, прекрасно сравнимую с таковой современных лемуров, хотя череп и зубы были замечательно генерализованы»... [1] и т. д. Это категорическое признание ведущей роли конечностей в процессе очеловечения одним из крупнейших анатомов современности лишний раз подчеркивает непреложную правильность трудовой теории антропогенеза. Напомним здесь, что в свое время, изучая бедренную кость питекантропа, аналогичные суждения высказывал Schwalbe.

Ле-Грос Кларк не был одинок в критике Дюбуа. Drennan [2] в Африке, Синельников [1] в СССР и другие авторы выступили с конкретными исследованиями, показавшими полное сходство бедренных костей питекантропа с человеческими.

Эта обоснованная и безупречно аргументированная критика не осталась без последствий. Дюбуа нашел мужество пересмотреть под действием критики свои «новые» взгляды. Проверив более тщательно свои наблюдения, Дюбуа признал эти «новые» взгляды ошибочными. Уже в конце 1937 г. Дюбуа выступил с докладом в Амстердамской Академии Наук, [2] в котором четко признал свои выводы о структуре костной массы бедра ошибочными. Дюбуа произвел сравнение бедренных костей питекантропа с бедренными костями современного человека, добытыми из старого гол-

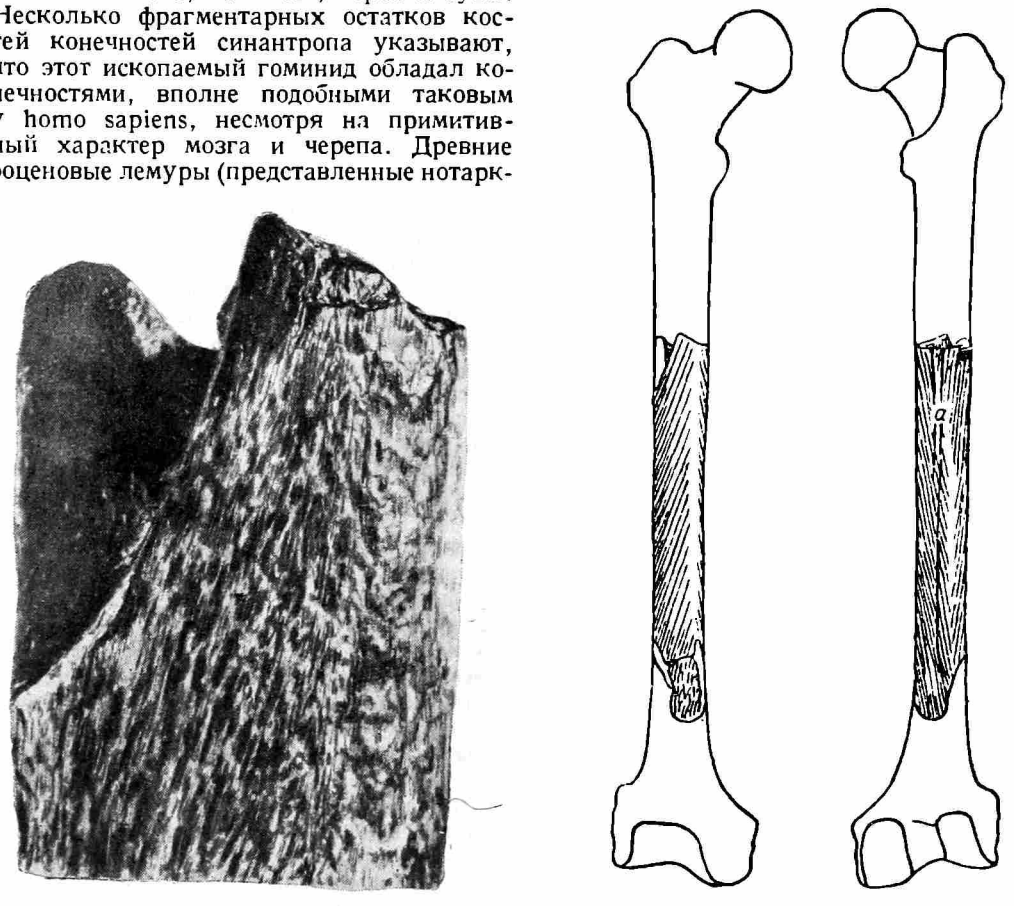

Рис. 5. Расположение остеонов в бедренной кости питекантропа.

а — увеличенная фотография подлинника; *б* — схематический чертеж Дюбуа (из Дюбуа, 1935).

[1] Le Gros Clark. The status of Pithecanthropus. Man, апрель, 1937, № 73.

[2] Drennan Report on a Hottentot femur resembling that of Pithecanthrope. Amer. Journ. of Phys. Anthropol., 1936, XXI, стр. 205,

[1] Н. А. Синельников. О пространственном расположении остеонов в диафизе бедра человека и других приматов. Антропол. журн., 1927, № 3.

[2] E. Dubois. The osteone arrangement of the thighbone compacta of man identical with that first found of Pithecanthropus. PAWA, 1937, т. 40, № 10.

ландского кладбища и сходными по условиям сохранности костного вещества. Сравнение подтвердило идентичность костной

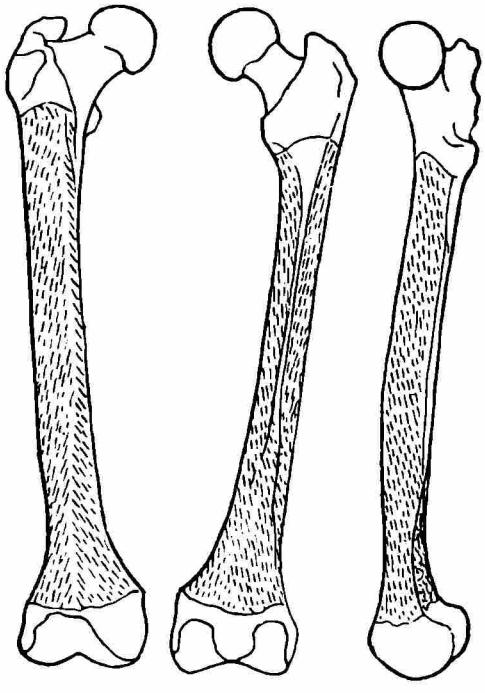

Рис. 6. Расположение остеонов в бедренной кости человека (по Синельникову).

структуры у питекантропа и у современного человека.

Совершенно очевидно, что этот отход Дюбуа от гиббоновой гипотезы и возвращение на старые позиции является ярким свидетельством несостоятельности гиббоновой теории.

Признание Дюбуа своих ошибок есть факт настолько яркий и убедительный сам по себе, что его можно было бы считать завершением дискуссии о природе питекантропа и признать неопровержимым промежуточное положение питекантропа в родословном древе человека между обезьянами и человеком.

Три последних года доставили, однако, еще новые материалы о питекантропе, представляющие исключительную научную ценность и разрешающие окончательно все спорные вопросы о положении питекантропа среди приматов.

В 1936 г. Кенигсвальд открыл на о. Яве нижнеплейстоценовых отложениях череп ребенка (так называемый моджокертский череп).

В июне 1937 г. тот же исследователь в среднеплейстоценовых отложениях о. Явы открыл фрагмент нижней челюсти, сохранивший in situ 4 зуба.

В августе 1937 г. был открыт II череп питекантропа и 3 зуба верхней челюсти.

Наконец, в 1938 г. Кенигсвальд и Вейденрейх описали III череп питекантропа, открытый на о. Яве.

Новые находки замечательным образом подтвердили типовой характер признаков, установленных для питекантропа по материалам Дюбуа.[1]

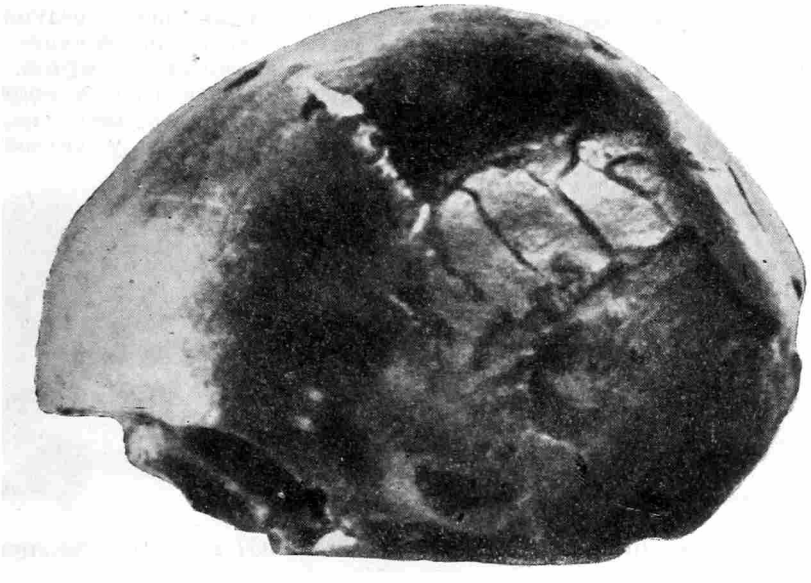

Рис. 7. Череп ребенка-питекантропа, найденный близ Моджокерто (из Кенигсвальда).

[1] По вопросу о новых находках остатков питекантропа имеется значительная литература. Приводим важнейшие из работ: G. H. K. v. Koenigswald. Erste Mitteilung über einen fossilen Hominiden aus dem Altpleistocän Ostjavas. PAWA, 1936, т. 39, № 8. — Idem. Ein Unterkieferfragment des Pithecanthropus aus Frinilschichten Mitteljavas. PAWA, 1937, т. 40, № 6. — Homo modjokertensis. Nature, 1937, т. 139, № 3511. — E. Dubois. The mandible recently described and attributed to the Pithecanthropus, etc. PAWA, 1938, т. 41, № 2. — G. H. K. v. Koenigswald.

Моджокертский череп принадлежит ребенку 2—4 лет, размеры черепа очень малы по сравнению с современными черепами соответствующего возраста. Сильно развиты надбровные дуги. Ряд признаков в строении височной кости особенно наглядно подчеркивает примитивность черепа и т. д.

Рис. 8. Вновь найденный фрагмент нижней челюсти питекантропа (из Кенигсвальда).

Нижняя челюсть по массивности тела и по общему типу строения обнаруживает сходство с гейдельбергской челюстью. Зубы в общих чертах сходны с зубами синантропа, однако третий моляр у питекантропа не начал редуцироваться. По сравнению с синантропом это является более примитивной чертой. Характер сочленения челюсти с черепом был у питекантропа, однако, такой же, как у людей, а не такой, как у антропоидов.

Рис. 9. Второй череп питекантропа, найденный в 1937 г. (из публикации Инст. Карнеджи).

а—вид сверху; *б*—профиль.

Niervos pithecanthropus-vondsten. Naturkundig Tijdschrift voor Nederlandich-Indie. Батавия, сентябрь, 1938, стр. 205—207. — Idem. Ein neuer Pithecanthropus-Schädel. PAWA, 1938, т. 41, № 2. — E. Dubois. On the fossil human skull recently described and attributed to Pithecanthropus erectus. PAWA, 1938, т. 41, № 4. — Koenigswald and Weidenreich. Discovery of an additional Pithecanthropus skull. Nature, 1938, т. 142, № 3598. — Pithecanthropus erectus — «the ape-man of Java». Carnegie Inst. of Wash. News Service Bull., 1938, т. IV, № 27.

Находка II и III черепов питекантропа подтвердила такие черты питекантропа, как малый объем мозга (вместимость II черепа, женского, оценивается цифрами от 750 до 850 см³), малая высота черепа, резко выраженный убегающий лоб, наличие резкого сужения черепа в лобной части (позади надбровных дуг), характерную форму затылка и т. д.

По ряду признаков подтвердилось также сходство между питекантропом и синантропом, хотя у питекантропа и оказались более выраженными некоторые примитивные черты.

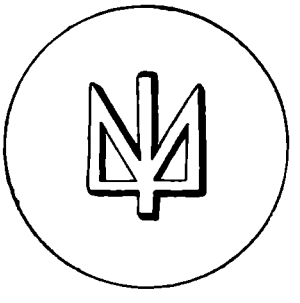
Новые находки остатков питекантропа окончательно утверждают наши представления о его типовых чертах. По совокупности своих признаков питекантроп должен быть объединен в одну эволюционную стадию с синантропом, являясь, быть может, внутри этой стадии формой несколько более ранней, чем синантроп. В то же самое время вся стадия питекантропа-синантропа в целом должна быть отнесена уже к человеческому этапу эволюции.[1]

Таким образом питекантроп должен быть признан наиболее примитивным и наиболее ранним представителем рода homo. Этот вывод, само собою разумеется, отнюдь не умаляет, а наоборот, повышает значение тех переходных черт между обезьяной и человеком, которые сохранил физический тип питекантропа.

---

[1] Примечание во время корректуры. Статья была уже набрана, когда в иностранной печати появились сообщения о новых замечательных открытиях остатков питекантропа (IV череп, лицевые кости). Описанию этих новых находок будет посвящена специальная статья. —*Г. П.*

К статье Б. А. Рыбакова.

Гончарное клеймо в виде княжеского знака. Киев.